ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ

Санкт-Петербург
2010

International conference
St.Petersburg
December 2010
Institute for the History of Material Culture
Russian Academy of Science
Ancient cultures of Eurasia

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ANCIENT CULTURES OF EURASIA

Proceedings of the International conference
dedicated to the 100th anniversary of the birth of A. N. Bernshtam

ST. PETERSBURG

2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ

Материалы международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2010

Издание подготовлено и публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 10-01-14044г «Кочевые культуры Евразии» (Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения известного российского археолога А. Н. Бернштама)

Редакционная коллегия:
В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева

Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. — СПб: «Инфо-ол», 2010. — 326 с.

Сборник «Древние культуры Евразии» выходит в свет по случаю столетия со дня рождения выдающегося отечественного археолога, этнографа и востоковеда А. Н. Бернштама, научные интересы которого простирались от исследования археологических памятников степного населения Центральной Азии бронзового века до изучения проблем этногенеза гуннов (хунну) в период железного века и тюркоязычных народов Центральной Азии в эпоху средневековья. Сборник состоит из четырех частей. В первой из них представлены статьи о жизненном и творческом пути ученого, который, сделав ряд выдающихся полевых открытий, вывел отечественную археологию и востоковедение на новый качественный уровень. Во второй части рассмотрены археологические памятники бронзового века на обширных евразийских пространствах от Анатолии и Северного Кавказа до Центральной Азии, долины Инда и Южной Сибири. Публикуемые в этих работах научные материалы по-новому освещают культурные процессы, протекавшие в районах, заселенных древнеземледельческими племенами, которые оказывали существенное воздействие на области, занимаемые пастушеским населением, то есть именно на те регионы, археологией которых так активно занимался А. Н. Бернштам. В третьей части показана, с учетом новейших археологических открытий, мозаичная картина развития культур древних кочевников (скифов, сарматов, саков, усуней, тагарцев и хунну), создателей первых степных племенных объединений и империй, а также рассмотрены их связи с сопредельными территориями (гальштаттским миром на западе, северокавказским и иранским на юге, китайским на востоке). В четвертой части, посвященной эпохе средневековья, анализируются сложные процессы культурного взаимодействия ираноязычных и тюркоязычных народов в степной зоне Евразии и в земледельческих оазисах Центральной Азии. В сборнике представлены также работы, посвященные изучению древнего искусства и истории археологического изучения Центральной Азии.

Книга, созданная усилиями отечественных и зарубежных ученых, рассчитана на археологов и историков, специалистов в области древнего прошлого евразийских степей, Кавказа, Центральной Азии, Среднего и Ближнего Востока.

This volume is published in commemoration of the hundredth anniversary of the birth of the eminent archaeologist, ethnographer, and orientalist A. N. Bernshtam, whose scholarly interests covered a broad range of topics, including the Bronze Age steppe cultures of Central Asia, the ethnical history of Huns in the Iron Age, and the history of the Medieval Turkic-speaking peoples of Central Asia. The volume consists of four parts. The first one is devoted to the life's journey and career of the scholar, who made a number of outstanding field discoveries and raised the domestic archaeology and oriental studies to a new qualitative level. The papers comprising the second part of the collection deal with the Bronze Age sites of vast Eurasian expanses from Anatolia and North Caucasus to Central Asia, Indus valley, and South Siberia. The materials presented in these papers shed a new light on the cultural processes that took place in the regions settled by ancient farmers, who exerted a substantial influence on the areas occupied by pastoralists, whose archaeology and history were so actively studied by A. N. Bernshtam. The third part rests on the newest archaeological discoveries to show the mosaic picture of cultural developments among ancient nomads (Scythians, Sarmatians, Saks, Tagarians, and Xiongnu), the creators of the first steppe tribe unions and empires. Their contacts with the adjacent areas (Hallstatt world to the west, North Caucasian and Iranian cultures to the south, China to the east) are considered here as well. The fourth part is devoted to the Medieval Period and the complex processes of cultural interaction between the Iranian-speaking and Turkic-speaking peoples in both the steppe zone of Eurasia and the farming oases of Central Asia. In addition, the volume includes some works about ancient art and the history of archaeological explorations in Central Asia.

The book represents the result of joint efforts of Russian and foreign scholars, and is intended for archaeologists, historians, and all those who are engaged into the study of the ancient past of the Eurasian steppes, Caucasus, Central Asia, the Middle and Near East.

ISBN 978-5-904538-09-5

© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ А. Н. БЕРНШТАМА В АРХЕОЛОГИИ

В. А. Алёкшин (Санкт-Петербург, Россия). Александр Натанович Бернштам. Биографический очерк ... 9

Г. В. Длужневская (Санкт-Петербург, Россия). Научное наследие Александра Натановича Бернштама в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН ... 22

Е. Е. Кузьмина (Москва, Россия). А. Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии ... 27

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЕВРАЗИИ

В. А. Алёкшин (Санкт-Петербург, Россия). Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки ... 34

С. В. Баратов (Самарканд, Узбекистан). К проблеме автохтонных культур эпохи бронзы Средней Азии ... 44

В. И. Артемьев (Ташкент, Узбекистан). Градостроительная реконструкция городища Гонур-депе — столицы Маргианской цивилизации ... 53

А. М. Урманова (Ташкент, Узбекистан). Архитектурный анализ сооружений городища Гонур-депе в Туркменистане ... 60

В. И. Мамонтов (Волгоград, Россия). Глиняные модели «транспортных средств» катакомбной культуры из Волго-Донских степей ... 68

М. Ю. Федосов (Волгоград, Россия). Погребения с керамикой, украшенной елочной орнаментацией, в контексте древностей донецкой катакомбной культуры Нижнего Подонья ... 71

А. В. Поляков (Санкт-Петербург, Россия). Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь ... 75

М. Е. Килуновская (Санкт-Петербург, Россия). Изображение хеттского бога Рунда на серебряном ритоне из Метрополитен музея ... 80

Л. А. Соколова (Санкт-Петербург, Россия). Окунево и Хараппа — свидетельства контакта ... 87

А. М. Бианки (Санкт-Петербург, Россия). Группа дольменов как тип памятника ... 95

Н. А. Боковенко (Санкт-Петербург, Россия). Начало тагарской культуры ... 99

Э. Кайзер (Берлин, Германия). Изотопный анализ и вопрос о подвижности племен Евразийских степей ... 104

Н. И. Шишлина (Москва, Россия). Изотопный «архив» кочевников Евразийских степей бронзового века: результаты исследования и интерпретация ... 104

А. Гасс (Берлин, Германия). Проблематика геоархеологических исследований памятников раннего железного века юго-восточного Семиречья (Казахстан) ... 112

АРХЕОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

А. С. Балахванцев (Москва, Россия). К вопросу о времени и обстоятельствах появления ахеменидских импортов на Южном Урале ... 116

Н. Бандривский (Львов, Украина). Костяные навершия псалиев из Среднего Приднестровья: особенности стиля и проблема интерпретации ... 123

Г. И. Богомолов (Ташкент, Узбекистан). К дискуссии о начальных процессах урбанизации Чача ... 127

М. А. Бубнова (Душанбе, Таджикистан). Кто освоил пастбища Восточного Памира в I тыс. до н. э.? ... 135

Э. Б. Вадецкая (Санкт-Петербург, Россия). Взгляды А. Н. Бернштама на дискуссионные памятники «хуннского» времени Среднего Енисея ... 142

В. В. Гусаков (Киев, Украина). Политическая модель взаимодействия сако-массагетов с державой Ахеменидов: формирование, основные принципы, эффективность ... 150

Ю. И. Елихина (Санкт-Петербург, Россия). Бактрийские ткани из коллекции Государственного Эрмитажа ... 153

М. Т. Кашуба, Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина (Санкт-Петербург, Россия). Немировское городище: сто лет археологических исследований ... 156

С. В. Красниенко (Санкт-Петербург, Россия). Гунно-сарматское время на севере Минусинской котловины (археологические данные) ... 167

Дж. Э. Лернер (Нью Йорк, США). Эфталиты и другие в свете их печатей в Бактрии и Великой Гандхаре 171
К. М. Линдаф, К. С. Рубинсон (Питсбург, Нью Иорк, США). Обмен технологиями металлургии, изделиями и людьми в конце I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. 172
С. С. Миняев (Санкт-Петербург, Россия). К интерпретации некоторых находок из Ноин-Улы 182
Н. Н. Николаев (Санкт-Петербург, Россия). Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) 186
В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия). Гуннское воинство Аттилы: конница или пехота? 192
М. Я. Ольбрыхт (Ржешов, Польша). Развитие центральноазиатской, ахеменидской и парфянской кавалерии 196
В. С. Патрушев (Йошкар-Ола, Россия). Уральские народы и ираноязычный мир кочевников Евразийских степей (культурные связи по произведениям искусства) 201
А. Подушкин (Чимкент, Казахстан). Сарматы в Южном Казахстане 207
Ю. Б. Полидович (Донецк, Украина). Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий 217
М. Н. Пшеницина (Санкт-Петербург, Россия). Тагарский могильник Улуг-Кюзюр I на Среднем Енисее 225
Т. В. Рябкова (Санкт-Петербург, Россия). Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) 237
Вл. А. Семенов (Санкт-Петербург, Россия). Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.) 241
О. С. Советова (Кемерово, Россия). Тема «священного брака» в наскальном искусстве 246
Л. Т. Яблонский (Москва, Россия). Переход к зороастрийскому погребальному обряду у скотоводов Хорезма 252

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЕВРАЗИИ

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург, Россия). Распространение ислама в «аджам» 259
А. С. Гюнери (Измир, Турция). Проект «Археологические источники по изучению тюркской культуры в Центральной Евразии»: работы в Монгольском Алтае в 2009–2010 гг. 264
Р. Г. Жамсаранова (Чита, Россия). Об этнониме «чжурчжэнь» 270
С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург, Россия). Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате 276
П. Б. Лурье (Санкт-Петербург, Россия). Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья 279
А. А. Мусакаева (Ташкент, Узбекистан). Византийская монета императора Аркадия с городища Канка 285
Н. Н. Серегин (Барнаул, Россия). Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая: источники, проблемы, методы 288
Е. А. Смагулов (Алма-Ата, Казахстан). Городище Каратобе как часть сауранского археологического комплекса 294
В. С. Соловьев (Елец, Россия). Взаимодействие культур земледельцев и кочевников в раннесредневековом Тохаристане 298
А. И. Торгоев (Санкт-Петербург, Россия), В. А. Кольченко (Бишкек, Киргизия). К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища 301
М. Л. Швецов (Донецк, Украина). Тюркский мир восточноевропейской степи 311

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Гречишина (Харьков, Украина). Археологические исследования Алексея Ивановича Тереножкина в Киргизии и Казахстане (1929–1936 гг.) 322
Список сокращений 325

CONTENTS

A. N. BERNSTAM'S ACADEMIC LEGACY IN ARCHAEOLOGY

V. A. Alekshin (St. Petersburg, Russia). Alexander Natanovich Bernshtam: a biographical essay 9

G. V. Dluzhnevskaya (St. Petersburg, Russia). Academic legacy of Alexander Natanovich Bernshtam in the Archive of IHMC RAS 22

E. E. Kuzmina (Moscow, Russia). A. N. Bernshtam and his place in the history of Kazakhstan and Kyrgyzstan 27

ARCHAEOLOGY OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGE OF EURASIA

V. A. Alekshin (St. Petersburg, Russia). Metal cosmetic rods with a spatula-like head from Altyn-depe 34

S. V. Baratov (Samarkand, Uzbekistan). To the problem of autochthonous Bronze Age cultures in Central Asia 44

V. I. Artemiev (Tashkent, Uzbekistan). Architectural reconstruction of Gonur-depe — the capital of Margiana civilization 53

A. M. Urmanova (Tashkent, Uzbekistan). Archtectural analysis of buildings from the Gonur-depe settlement in Turkmenistan 60

V. I. Mamontov (Volgograd, Russia). Clay models of «vehicles» of the Catacomb culture from the Volga-Don steppes 68

M. Yu. Fedosov (Volgograd, Russia). Burials containing the pottery decorated with herringbone patterns in the context of the Donetz Catacomb culture of the Lower Don region 71

A. V. Polyakov (St. Petersburg, Russia). Commemorative construction of the Okunevo culture on Lake Itkol' 75

M. E. Kilunovskaya (St. Petersburg, Russia). Image of Hittite god Runda on a silver rhyton from the Metropolitan Museum 80

L. A. Sokolova (St. Petersburg, Russia). Evidence of contacts between the Okunevo and Harappan cultures 87

A. M. Bianki (St. Petersburg, Russia). Group of dolmens as a site type 95

N. A. Bokovenko (St. Petersburg, Russia). Beginning of the Tagar culture 99

E. Kaiser (Berlin, Germany). Isotopic analysis and the question of mobility of the Eurasian steppe tribes 104

N. I. Shishlina (Moscow, Russia). Isotopic archive of the Eurasian steppe nomads of the Bronze Age: results and interpretation 104

A. Gass (Berlin, Germany). Problems associated with the geoarchaeological study of the Early Iron Age sites in the south-eastern part of Semirechie 112

ARCHAEOLOGY OF THE IRON AGE OF EURASIA

A .C. Balakhvantsev (Moscow, Russia). On the time and circumstances of the appearance of the Achaemenid imports in Southern Ural 116

N. Bandrivsky (L'vov, Ukraine). Bone heads of psalia from the Middle Dniester area: stylistic peculiarities and the problem of interpretation 123

G. I. Bogomolov (Tashkent, Uzbekistan). To the discussion of the initial stages of urbanization of Chach .. 127

M. A. Bubnova (Dushanbe, Tajikistan). Who mastered the pastures of Eastern Pamir in the 1st millennium BC? 135

E. B. Vadetskaya (St. Petersburg, Russia). A. N. Bernshtam's views on the controversial «Xiongnu» period sites in the Middle Yenisei 142

V. V. Gusakov (Kiev, Ukraine). Political model of the interaction between the Saks-Massagets and the Achaemenid state: formation, main principles, effectiveness 150

Yu. I. Elikhina (St. Petersburg, Russia). Bactrian fabrics from the collection of the State Hermitage 153

M. T. Kashuba, G. I. Smirnova, M. Yu. Vakhtina (St. Petersburg, Russia). Nemirovskoe settlement: hundred years of research 156

S. V. Krasnienko (St. Petersburg, Russia). Hun-Sarmatian time in the north of the Minusinsk depression (archaeological data) 167

J. A. Lerner (New York, USA). Hephthalites and others through their seals in Bactria and Greater Gandhara 171
K. M. Linduff, K. S. Rubinson (Pittsburg, New York, USA). Exchange of metallurgical technology, objects and people in Eurasia in the late 1st millennium BCE–early 1st millennium CE 172
S. S. Minyaev (St. Petersburg, Russia). To the interpretation of some finds from Noyon uul 182
N. N. Nikolaev (St. Petersburg, Russia). Xiongnu cemetery in the Orgoiton creek valley (a preliminary report) 186
V. P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia). Attila's hun host: calvary or infantry? 192
M. J. Olbrycht (Rzeszów, Poland). Central Asian, Achaemenid and Parthian cavalry developments 196
V. S. Patrushev (Yoshkar-Ola, Russia). Uralian peoples and the Iranian-speaking nomads of the Eurasian steppes (cultural contacts as reflected in art objects) 201
A. Podushkin (Chimkent, Kazakhstan). Sarmatians in Southern Kazakhstan 207
Yu. B. Polidovich (Donetsk, Ukraine). Finds from the barrow of Arzhan 2 in Tuva and the «animal style» of the Northern Black Sea region: searching for parallels 217
M. N. Pshenitsyna (St. Petersburg, Russia). Tagar cemetery of Ulug-Kyuzyur on the Middle Yenisei 225
T. V. Ryabkova (St. Petersburg, Russia). Pamirskaya 1, barrow 10 (to the question of the cultural and chronological affinities of the assemblage) 237
Vl. A. Semenov (St. Petersburg, Russia). Kosh-Pei barrows in the Tuvinian «Valley of the Kings» (VI–V cc. BC) 241
O. S. Sovetova (Kemerovo, Russia). Subject of «sacral marriage» in rock art 246
L. T. Yablonsky (Moscow, Russia). Transition to the Zoroastrian funeral rite among the stock-breeders of Khorezm 252

ARCHAEOLOGY OF MEDIEVAL EURASIA

D. Abdulloev (St. Petersburg, Russia). Spreading of Islam in «ajam» 259
A. S. Guneri (Izmir, Turkey). The "Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)" project: Works in Mongolian Altai, 2009–2010 264
R. G. Zhamsaranova (Chita, Russia). On the ethnonym «Jurchen» 270
S. G. Klyashtornyi (St. Petersburg, Russia). Ordubalyk: the burth of urban culture in the Uighur Khaganate 276
P. B. Lurie (St. Petersburg, Russia). Karluks and Yaglakars in the Sogdian numismatics of Semirechie 279
A. A. Musakaeva (Tashkent, Uzbekistan). Byzantine coin of the Emperor Arcadius from the Kanka settlement 285
N. N. Seregin (Barnaul, Russia). Reconstruction of the social organization of the Early Medieval Turks of the Sayan-Altai region: sources, problems, methods 288
E. A. Smagulov (Alma-Ata, Kazakhstan). Karatobe settlement as a part of the Sauran archaeological complex 294
V. S. Soloviev (Eletz, Russia). Interaction between farming and nomadic cultures in the Early Medieval Tokharistan 298
A. I. Torgoev (St. Petersburg, Russia), V. A. Kol'chenko (Bishkek, Kyrgyzstan). On the stratigraphy and dating of the lower layers of the Krasnorechenskoe settlement 301
M. L. Shvetsov (Donetsk, Ukraine). Turkic world of the East European steppe 311

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS IN CENTRAL ASIA

M. Grechishina (Kharkov, Ukraine). Alexei Ivanovich Terenozhkin's archaeological works in Kyrgyzstan and Kazakhstan (1929–1936) 322
List of abbreviations 325

НАСЛЕДИЕ А. Н. БЕРНШТАМА В АРХЕОЛОГИИ

В. А. Алёкшин (Санкт-Петербург, Россия)

Александр Натанович Бернштам. Биографический очерк

Времена не выбирают.
В них живут и умирают.
А. Кушнер

Александр Натанович Бернштам, крупнейший исследователь древностей Средней Азии, родился 1 октября (19 сентября по старому стилю) 1910 г. в городе Керчь (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 20, 65, 68), который входил тогда в состав Таврической губернии Российской империи (с 1921 г.— Автономная Крымская ССР в составе РСФСР, с 1945 г. — Крымская область в составе СССР, ныне Автономная Республика Крым в составе Украины).

Его отец, Натан Бернштам (по другим данным Нута Беренштам), происходил из семьи землепашцев еврейской колонии Львово в Херсонской губернии, однако никогда не занимался обработкой земли. Закончив экстерном гимназический курс, он служил конторщиком на одном из заводов Керчи (Там же, л. 20, 53, 68).

К 1905 г. Н. Бернштам стал членом Российской социал-демократической рабочей партии и по своим политическим взглядам примыкал к большевикам. За участие в революционных событиях 1905 г. он был арестован и выслан в Вятку (ныне г. Киров). После амнистии, объявленной правительством в 1906 г., Н. Бернштам вернулся в родные места с правом проживания в степной части Крыма. В 1914 г. он был мобилизован в Императорскую армию, а после октябрьского переворота 1917 г. занимал должность председателя ревкома в Джанкое (Крым). Впоследствии Н. Бернштам поступил на службу в Красную армию и стал членом РКП (б) На военной службе он занимал должность агента по оперативным сводкам. Н. Бернштам умер между 3 декабря 1919 г. и 1 марта 1920 г. в госпитале после тяжелого ранения, полученного им на Перекопе, когда Красная Армия безуспешно пыталась овладеть Крымом (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 10; 1934–1937 гг., д. 793, л. 18, 20, 53; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., л. 72).

Мать А. Н. Бернштама, Шейндель Бернштам, дочь кустаря-ювелира, с 1917 г. (по другим данным с 1916 г.) работала счетоводом на консервной фабрике в Керчи (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 10; 1934–1937 гг., д. 793, л. 18, 20, 53, 68; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., л. 4).

В 1923 г. семья переехала в Севастополь, где через год Саша Бернштам поступил в девятилетнюю школу № 8, носящую имя А. В. Луначарского. Это учебное заведение он успешно окончил 17 июня 1927 г. (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 20, 69).

Трудовая деятельность Александра Бернштама началась 9 марта 1925 г. в стенах Севастопольского музея краеведения, в котором пятнадцатилетний юноша, еще учившийся в школе, стал по вечерам работать практикантом по этнографии и археологии. Вероятно, в том же году он был включен в состав археологической экспедиции, которую возглавлял известный исследователь Крыма Н. И. Репников (Заднепровский, Подольский 1981: 162; Некролог 1957: 289). Этот первый выезд в поле, как много лет спустя рассказывал А. Н. Бернштам своему ученику С. Г. Кляшторному (ныне заведующему Сектором тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН), пробудила в юноше глубокий интерес к археологии. В 1926 г. молодой сотрудник музея участвует в экспедиции по изучению пещерных городов Крыма, а в 1927 г. едет на юбилейную Керченскую археологическую конференцию (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 56).

Однако изначально А. Н. Бернштам занимался организацией музейного дела и этнографией крымских татар (Заднепровский 1960: 5; Массон 2002: 279; Толстов 1957: 178), жилищам которых

посвящена одна из его первых публикаций (Бернштам 1931). Забегая вперед, следует отметить, что исследования в области этнографии Крыма А. Н. Бернштам проводил и после окончания ЛГУ в июле–сентябре 1931 г., также в сентябре 1932 г. Последняя поездка была предпринята по поручению Этнографического отдела Русского музея, в котором А. Н. Бернштам начал работать по совместительству с марта 1932 г. (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 15, 23).

Работа в Севастопольском музее краеведения увлекла А. Н. Бернштама. С 1926 г. по осень 1927 г. он является сезонным экскурсоводом при экскурсионной базе Народного Комиссариата просвещения СССР, а в ноябре 1927 г. его назначают на должность заведующего этно-экономического отдела музея. В этом же году он включен в Совет музея. В 1928 г. А. Н. Бернштам стал научным сотрудником при музейном объединении, в котором ведущую роль играл Севастопольский музей краеведения, а затем — заместителем председателя бюро туризма при райкоме ВЛКСМ (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 10; 1934–1937 гг., д. 793, л. 18, 18 об., 20, 21, 56; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7).

Летом 1928 г. А. Н. Бернштам успешно сдал экзамены в Московский Государственный университет на этнографическое отделение Этнологического института, но, в связи с отсутствием свободных мест, уехал в Ленинград и в октябре поступил в ЛГУ на этнографическое отделение географического факультета. Новоиспеченный студент, зачисленный в университет 14 ноября, выбрал своей будущей специальностью музееведение и этнографию (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 2, 17; 1934–1937 гг., д. 793, л. 21, 65, 82, 90; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7). Впоследствии, в связи с реорганизацией гуманитарного образования в ЛГУ, А. Н. Бернштам стал слушателем Историко-лингвистического института при ЛГУ (среднеазиатский цикл, музейный уклон; РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 18, 21; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7).

За годы обучения в университете А. Н. Бернштам занимался также различной общественной работой, что, с точки зрения властей, являлось необходимым условием дальнейшего карьерного роста молодого специалиста. Он являлся и секретарем научного кружка, и членом студенческой секции Центрального бюро краеведов Ленинградской группы, и членом Президиума организационного комитета Методического краеведческого отдела, и членом Президиума Ленинградского областного бюро краеведения, и членом Президиума Центрального бюро краеведения. В марте 1929 г. по поручению студенческой секции он ездил в Саратов для проведения конференции. В марте 1931 г. А. Н. Бернштам избран действительным членом общества краеведов-марксистов при Комакадемии и членом общества по изучению Крыма (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 21, 22; Толстов 1957: 178). От активной работы в области краеведения он отошел только в 1933 г в связи с тяжелой болезнью ног, из-за которой был полностью освобожден от военной службы (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г., д. 21, л. 1; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7). Ноги А. Н. Бернштам повредил еще в молодые годы, в результате падения в скальную расщелину во время проведения одной из экскурсий в Крыму (Заднепровский, Подольский 1981: 165).

Впоследствии, будучи уже аспирантом ГАИМК, А. Н. Бернштам продолжал заниматься общественной работой. Например, в феврале 1932 г. его командируют в Москву, в Институт Маркса, Энгельса, Ленина как одного из авторов хрестоматии «Маркс, Энгельс, Ленин о доклассовом обществе» для обсуждения вопросов, связанных с публикацией материалов и рукописей, находящихся в Институте (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 28).

В феврале 1930 г. А. Н. Бернштам, студент-выдвиженец II курса, член профсоюза с 1927 г., член ВЛКСМ с 1929 г., по рекомендации профкома географического факультета ЛГУ, заключил контракт с ГАИМК (Там же, л. 1; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7). В соответствии с контрактом он был обязан окончить не позже декабря 1931 г. обучение в университете по специальности «этнография» и выполнять все задания, предусмотренные утвержденным Правлением ГАИМК индивидуальным планом дополнительных работ по выбранной контрактантом специальности (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 3, 17).

Рис. 1. А. Н. Бернштам: 1 — аспирант ГАИМК, 1931 г. (ФА, I-849); 2 — председатель месткома ГАИМК, 1935 г. (ФА, II-20184); 3 — старший научный сотрудник ГАИМК, кандидат исторических наук, 1940 г. (ФА, II-44613); 4 — доктор исторических наук А. Н. Бернштам на экспедиционной базе в г. Джелалабад (Южная Киргизия), 1950 г. (фотография из архива С. Г. Кляшторного)

С апреля 1930 г. А. Н. Бернштам является сотрудником II разряда ГАИМК (архаический сектор, группа кочевого скотоводства), совмещая научную работу с обучением в Историко-лингвистическом институте. Именно в это время у студента Бернштама зарождается интерес к далекому прошлому Средней Азии. В начале апреля 1930 г. он подает заявление в разряд этнографии ГАИМК с просьбой командировать его в Туркменистан сроком на 2,5 месяца с целью осмысления опыта колхозного строительства на землях от Ашхабада до Кызыл-Арвата. Кроме того, молодой исследователь намеревался заниматься обследованием жилищ туркменов, а также изучением их обычаев и языка. Командировка, предусматривавшая работу в кочевьях, степных и горных селениях, началась 25 мая 1930 г. (Там же, л. 4, 5). Эта поездка имела большое значение для А. Н. Бернштама, которого уже тогда увлекала проблема этногенеза тюркских народов Средней Азии.

В 1930 г. молодой ученый принял участие в проходившей тогда в стенах ГАИМК чистке сотрудников Академии. После ее завершения он стал членом месткома ГАИМК, а в ноябре — его председателем. Эту общественную должность А. Н. Бернштам занимал в 1930–1931 и 1935–1936 гг. (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г., д. 21, л. 1; оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 21, 22, 24; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7, 11).

В июне 1931 г. он окончил Историко-лингвистический институт при ЛГУ (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 10; 1934–1937 гг., д. 793, л. 18, 54, 89) и в августе 1931 г. поступил в аспирантуру ГАИМК (рис. 1, *1*), в которой специализировался, как было принято говорить в 1930-е гг., в области истории доклассовых обществ. Ему были назначены два руководителя: ученый секретарь ГАИМК С. Н. Быковский, вскоре ставший заместителем председателя Академии по научной части, и профессор С. Е. Малов, известный лингвист-тюрколог. Первоначальный вариант названия диссертационной темы А. Н. Бернштама был сформулирован следующим образом «Разложение архаической формации и возникновение классов по Средней Азии» (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г., д. 21, л. 1; ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 18, 22, 25; Алёкшин 2007: 24, 26, прим. 22).

За годы обучения в аспирантуре А. Н. Бернштам приобрел высокое научное реноме. В документах отмечено, что «все его работы стоят на значительном теоретическом уровне, при хорошем знании конкретного материала, преимущественно этнографического, хотя в то же время А. Н. Бернштам пользуется также в своей работе археологическими и письменными (в частности эпиграфическими) источниками» (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 18). Последнее стало возможным потому, что аспирант получил хорошую лингвистическую подготовку под руководством таких известных исследователей как С. Е. Малов и А. Н. Самойлович и детально изучил древнетюркскую руническую письменность (Заднепровский 1960: 5)

Летом и осенью 1933 г. молодой исследователь совершает еще одну поездку в Среднюю Азию (Семиречье, гг. Фрунзе и Ташкент) для проведения археолого-этнографических исследований, включающих фотографирование и топографическую съемку древних памятников (РА, ф. 2, оп. 3, 1930–1933 гг., д. 56, л. 33).

После окончания аспирантуры в мае 1934 г. А. Н. Бернштама сразу же зачисляют на должность старшего научного сотрудника Института феодального общества ГАИМК. Вскоре он становится ответственным секретарем кафедры истории феодализма на Востоке (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 3, 16), а 15 февраля 1936 г. Народный Комиссариат просвещения СССР утверждает его членом Ученого Совета ГАИМК (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г., д. 21, л. 1). В 1932–1935 гг. А. Н. Бернштам совмещал работу в ГАИМК со службой в Государственном Эрмитаже на должности старшего научного сотрудника, а в 1930–1931 гг. — с работой в Музее этнографии на должности научного сотрудника (РА, ф. 2, оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 3, 99; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 4 об.).

В апреле 1935 г. А. Н. Бернштам (рис. 1, *2*) защитил кандидатскую диссертацию «Социально-экономический строй орхонско-енисейских тюрок VI–VIII вв. н. э.». В этом исследовании соискатель, используя данные археологических и эпиграфических источников, анализировал особенности развития социальной структуры кочевых обществ Южной Сибири и Алтая, которое, в

конечном счете, завершилось сложением тюркского каганата. Президиум ГАИМК признал молодого ученого достойным присуждения кандидатской степени. Оппонентом соискателя от ГАИМК выступал А. Ю. Якубовский, лингвистическую часть диссертации оценивал известный тюрколог, академик А. Н. Самойлович (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 66; оп. 3, 1934–1937 гг., д. 793, л. 1; Алёкшин 2007: 34, прим. 40; Заднепровский, Подольский 1981: 163). В том же году А. Н. Бернштам поступил в докторантуру Института востоковедения АН СССР по теме «История тюркских племен и народов (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 9; Заднепровский 1960 С. 5, 6).

Однако вскоре для ученого, как и для всей страны, наступают трудные времена. В 1930-х гг. в СССР начинаются массовые политические репрессии, направленные вначале против крестьянства, а затем и против других социальных групп населения. Борьба с реальными и мнимыми врагами советской власти приобретает ожесточенный характер.

Эта горькая чаша не обошла стороной и научное сообщество страны. Жаркие и острые дискуссии по самым актуальным для того времени проблемам, таким как азиатский способ производства и наличие рабовладельческой формации в странах Востока, нередко трагически заканчивались для их участников.

Среди жертв массового террора оказался и недавний руководитель аспиранта А. Н. Бернштама — С. Н. Быковский (Козлов 2004). Его расстреляли в 1937 г. Трагическая судьба учителя поставила ученика в трудное положение. Уже защищенная им кандидатская диссертация (РА, ф. 35, оп. 5, д. 10) была подвергнута дополнительной проверке комиссией во главе с В. И. Равдоникасом. Автор по настоянию комиссии внес в текст работы значительные исправления. За потерю классовой бдительности и в связи с делом С. Н. Быковского комсомольская организация ГАИМК вынесла А. Н. Бернштаму строгий выговор с предупреждением, а Народный Комиссариат РСФСР по Просвещению не спешил с утверждением его «… в ученой степени кандидата исторических наук» (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 45, 47, 61; Алёкшин 2007: 34, прим. 40).

В создавшейся ситуации А. Н. Бернштаму пришлось действовать в соответствии с принятыми тогда правилами борьбы за выживание. В публичных заявлениях и в анкетах он был вынужден говорить и писать о том, что всегда по мере своих сил и возможностей боролся за генеральную линию ВКП(б); по поручению комитета ВЛКСМ ЛГУ выступил с докладом, направленном против троцкистов; будучи секретарем Общества краеведов-марксистов, добивался исключения из него членов, принятых туда по инициативе вредителей, а также выступал против врагов народа на научных заседаниях Академии и на комсомольских собраниях ГАИМК (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7, 8).

Ученый был вынужден признать, что в его работах под давлением вредителя С. Н. Быковского проявлялся социологизм и схематизм. А. Н. Бернштам не отрицал и того, что лично не выступил против своего учителя, считая его линию правильной, и не способствовал тем самым его разоблачению. Вместе с тем исследователь подчеркивал, что сам он никогда не скрывал своих ошибок и подвергал критике свои промахи в процессе практической работы (Там же, л. 8).

Возможно, в связи с делом С. Н. Быковского А. Н. Бернштама освободили 3 ноября 1937 г. от должности старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР (в июле 1937 г. ГАИМК была преобразована в академический институт: Алёкшин 2007: 29). Формальным основанием для такого решения, видимо, послужил его поступление в докторантуру Института востоковедения АН СССР, где он стал ученым секретарем Сектора истории (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г., д. 21, л. 1; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7, 9).

Учитывая то обстоятельство, что А. Н. Бернштам признал свои ошибки в деле С. Н. Быковского, Дзержинский райком ВЛКСМ в марте 1938 г. снял с него выговор, а в апреле этого же года ученого приняли кандидатом в члены партии. В начале ноября он вновь становится старшим научным сотрудником ИИМК. 28 июня 1939 г. заседание Ученого Совета ЛГУ утверждает А. Н. Бернштама в ученой степени кандидата исторических наук. Его кандидатская диссертация была опубликована спустя 11 лет после защиты (Бернштам 1946). В 1940 г. исследователь становится доцентом

исторического факультета ЛГУ (РА, ф. 2, оп. 1, 1963 г, д. 21, л. 1; ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 7, 9, 12, 15, 21 об.). В этом же году его приняли в ВКП(б). В феврале 1941 г. А. Н. Бернштам введен в Ученый совет ИИМК (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 23).

Все эти серьезнейшие испытания совпали по времени с началом активных археологических изысканий А. Н. Бернштама в Киргизии и Казахстане. Импульс к ним был получен от созданной в 1935 г. при ГАИМК Среднеазиатской комиссии, которая должна была координировать действия Академии и соответствующих органов национальных республик с целью раскопок археологических памятников в этом обширном регионе (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 81, 81 об.). Среднеазиатская комиссия организовала 20–23 марта 1936 г. XVI пленум ГАИМК, посвященный проблемам истории Средней Азии. На нем выступил с докладом и А. Н. Бернштам (Алёкшин 2007: 27).

За четыре полевых сезона (1936, 1938–1940 гг.) исследователь, возглавляя Семиреченскую экспедицию, провел, при поддержке Комитета наук Киргизской ССР, разведки в Киргизии по верхнему течению р. Талас и по р. Чу (рис. 2). В результате этих маршрутов ему удалось обнаружить руины нескольких средневековых городов, среди которых, прежде всего, следует назвать такие городища как Красная Речка и Ак-Бешим, площадь которых превышает 30 га. Основные раскопки были сосредоточены на первом памятнике, который А. Н. Бернштам отождествлял со средневековым городом Сарыг, тогда как работы на втором (его ученый отождествлял с городом Баласагуном) носили ограниченный характер. Исследование городища Красная Речка дало материалы, свидетельствующие о том, что город был основан согдийскими колонистами. Таким образом, впервые появилась возможность обсуждения проблемы согдийского культурного влияния на Семиречье с привлечением археологических источников (Горбунова 1995: 7). На памятнике были также обнаружены находки времени тюркского каганата, карлукского и караханидского периодов (Бернштам 1940б: 47, 48; Маханбаева 2006: 212).

Кроме того А. Н. Бернштам начал раскопки знаменитого Кенкольского могильника с катакомбным обрядом погребения, датирующегося первыми веками н. э. (Бернштам 1940а; Гурина, Крижевская 1939: 33). Продолжение этих работ привело к сенсационным находкам. Кроме богатого сопроводительного инвентаря в некоторых захоронениях сохранились одежды усопших: кожаные штаны и сапоги, шелковые рубаха и халат. Шелк китайского производства был изготовлен в эпоху империи Хань. А. Н. Бернштам полагал, что Кенкольский могильник оставлен гуннами (Бернштам 1940б: 45, 46). Однако вопрос об этнической принадлежности людей, погребенных в Кенкольском могильнике (I–V вв. н. э.), до сих пор остается открытым (Алёкшин 2007: 41; Маханбаева 2006: 212).

В эти же годы ученый руководил и Казахстанской экспедицией, изучавшей руины средневекового города Тараз на юге Казахстана. Полевые работы, которым оказал содействии Казахский филиал АН СССР, позволили выявить стратиграфия культурных напластований памятника от V до XIX в. В результате раскопок были исследованы остатки жилых построек X–XII вв. с богатым бытовым инвентарем, включая местную и привозную керамику из Самарканда и Ирана, а также восточные ворота, южная стена, водопровод и бани с фресковой росписью. Кроме того экспедиция исследовала древние курганы (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 392; Гурина, Крижевская 1939: 31) и городище Луговое (рис. 3).

В 1939 г. А. Н. Бернштам начал изучение могильника Берккара на юге Казахстана. Исследователь раскопал здесь свыше 30 курганов, относящихся к так называемому сако-усуньскому периоду. Погребальные комплексы могильника характеризуют культуру ранних кочевников на юге Казахстана во второй половине I тыс. до н. э. Экспедиция провела также полевые обследования в Алма-атинской области, в ходе которых обнаружила руины средневекового города Кыялыка (Бернштам 1940б: 43, 44; Археологические экспедиции … 1962: 107, 108).

Оценивая предвоенные экспедиционные работы ГАИМК/ИИМК, следует признать, что полевые маршруты А. Н. Бернштама, изучавшего раннесредневековые городища и курганные могильники железного века на территории Киргизии и Казахстана, имели первостепенное значение

Рис. 2. А. Н. Бернштам у башни Бурана (X–XI вв.)
возле г. Токмак (Северная Киргизия), 1938 г. (ФА, I-28372)

для археологии Средней Азии. А. Н. Бернштам (рис. 1, *3*) во многих случаях был ученым-первопроходцем. Его экспедиции, как правило, работали в тех местах, куда еще не ступала нога археолога. Одним из первых он приступил, например, и к изучению средневековых буддийских памятников в Средней Азии на территории Киргизии, сделав вывод о мощном влиянии на Семиречье буддийской культуры Синьцзяна, Китая и Северной Индии (Ставиский 1995: 177, 178, 182).

Однако основные научные интересы ученого были сосредоточены в области археологии гуннов, поскольку А. Н. Бернштам полагал, что истоки этногенеза тюркских народов восходят к гуннскому периоду. По его мнению, гунны сыграли важную роль в истории древней Средней Азии. Особое внимание исследователь уделял социальным проблемам гуннского общества и характеру их взаимоотношений с земледельцами, населявшими территории нынешних Ферганской долины и Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае (Горбунова 1995: 6, 8; Заднепровский 1960: 6; Заднепровский, Подольский 1981: 163).

Рис. 3. А. Н. Бернштам с группой рабочих во время раскопок
средневекового городища Луговое (Южный Казахстан), 1936 г. (ФА, II-43498)

Итоги предвоенных археологических исследований А. Н. Бернштама представлены в двух публикациях. Одна из них (Бернштам 1941а) посвящена изучению древних памятников материальной культуры Семиречья, причем в этой работе впервые предоставлены сведения об эпохе бронзы и сако-усуньском периоде. Анализируя согдийскую колонизацию Семиречья, А. Н. Бернштам приходит к выводу о том, что она сыграла решающую роль в развитии оседлой культуры этого региона. Во второй публикации (Бернштам 1941б) опубликованы материалы, обнаруженные при исследовании средневекового города Тараз (Заднепровский 1960: 6).

Начало Великой Отечественной войны застало ученого в Киргизии, куда он был командирован для проведения археологических работ на строительстве Большого Чуйского канала (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 23; Археологические экспедиции … 1962: 126). Решением руководства ИИМК от 16 июля 1941 г. он был откомандирован в распоряжение Казахского филиала АН СССР без сохранения содержания в ИИМК, с проживанием в г. Фрунзе, где ученый вначале работал старшим научным сотрудником Киргизского Государственного института истории, языка и литературы а с 13 января 1942 г. стал заместителем председателя Комитета наук при СНК Киргизской ССР. В этой должности он пребывал до 1 июля 1943 г., то есть до организации Киргизского филиала АН СССР, в создании которого ученый принимал активное участие. (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 20, 21 об., 23, 25, 26; Алёкшин 2007: 45). Мать А. Н. Бернштама осталась в блокированном германскими войсками Ленинграде, где она скончалась в 1942 г. (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 72).

Находясь в Киргизии, А. Н, Бернштам завершил докторскую диссертацию «История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания», которую он защитил 24 августа 1942 г. в Ташкенте на заседании Ученого совета Института истории АН СССР. Основная идея этого квалификационного исследования заключалась в том, что сложение киргизского этноса является результатом многовекового взаимодействия и скрещивания местного ираноязычного и пришло-

го тюркоязычного, по происхождению алтайского и центральноазиатского, населения (Заднепровский, Подольский 1981: 166). Диссертация была утверждена в Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР 14 августа 1943 г. (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 28). Однако исследователь был далек от мысли о том, что ему удалось окончательно решить вопрос об этногенезе киргизского народа. Эта проблема была актуальной для ученого до самых последних дней его жизни.

С 1 июля 1943 г. д. и. н. А. Н. Бернштам становится заведующим отделом истории Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН ССР, а с сентября 1943 г., несмотря на свое местопребывание во Фрунзе, зачислен в Ташкентскую группу ИИМК АН СССР и становится совместителем в Институте востоковедения АН СССР (Там же, л. 29, 30, 36).

Весной 1945 г. военные действия в Европе двигались к завершению, и в СССР начался период реэвакуации. В связи с этим А. Н. Бернштам, восстановленный 15 февраля в ИИМК в должности старшего научного сотрудника, в марте возвращается в Ленинград, оставаясь при этом научным консультантом сектора истории Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР (Там же, л. 71). В конце марта ученый выехал в Киргизию для проведения археологических работ, которые продлились до октября 1945 г. (Там же, л. 43, 49).

Правительство Киргизской ССР по достоинству оценило вклад, который ученый сделал в развитие археологии и истории в Республике. Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР 2 октября 1945 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель наук Киргизской ССР» (Там же, л. 35). Заслуги А. Н. Бернштама были отмечены и на союзном уровне. 28 февраля 1946 г. Верховный Совет СССР по случаю двадцатипятилетия Киргизской ССР наградил его Орденом Трудового Красного Знамени (Там же, л. 71 об.).

В декабре 1945 г. А. Н. Бернштам возвращается к преподаванию в ЛГУ (Там же, л. 58), а 17 мая 1947 г. утвержден в звании профессора по кафедре археологии исторического факультета университета (Там же, л. 66). Исследователь не только читал лекции студентам — курсы «История тюркских племен и народов» и «Археология Средней Азии» (Горбунова 1995: 11), но и подготовил таких специалистов по археологии Средней Азии как Н. Г. Горбунова и С. С. Сорокин (ГЭ), Ю. А. Заднепровский (ИИМК РАН) (Там же, л. 103), Г. Г. Бабанская и Б. А. Гамбург (Российский этнографический музей). Учеником А. Н. Бернштама является также С. Г. Кляшторный (Институт восточных рукописей РАН).

Полевой сезон 1945 г. являлся для А. Н. Бернштама продолжением раскопок, которые он начал еще в 1944 г. В этот предпоследний военный год ученый организовал работы Тяньшано-Алайской экспедиции, которые продолжались в 1945, 1946 и 1949 гг. За это время на юге Киргизии были изучены погребения эпохи бронзы в долине реки Арпа (андроновская культура), катакомбные погребения в Бурмачапе, курганы сако-усуньского и тюркского времени на Иссык-Куле. Экспедиция обследовала Восточный Памир и провела раскопки на городище Узген (Археологические экспедиции … 1962: 130).

Еще одним коллективом, во главе которого стоял А. М. Бернштам, являлась Памиро-Алайская экспедиция. В результате ее работ (1947, 1948 гг.) в Узбекистане и Таджикистане были исследованы курганы железного века (Там же: 162, 163).

В 1947–1949 гг. ученый возглавлял Южноказахстанскую экспедицию, которая обследовала памятники Отрарского оазиса, низовий р. Чу и среднего течения р. Сырдарьи (Там же: 161).

В 1950–1952 гг. в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии под руководством А. Н. Бернштама (рис. 1, *4*) проводила работы Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиции. Ее сотрудники раскапывали в основном курганы эпохи железа, а также изучали наскальные изображения в местности Саймалы-Таш и поселения земледельцев в Фергане, датирующиеся I тыс. до н. э. и эпохой средневековья (Там же: 179).

Таким образом, один из лидеров среднеазиатской археологии второй половины 1940–первой половины 1950-х гг., А. Н. Бернштам, исследовал преимущественно погребальные памят-

ники кочевников эпохи железного века и раннего средневековья на территории Средней Азии, исключая Туркмению (Алёкшин 2007: 48). По мнению А. И. Тереножкина, сакскую культуру в Средней Азии открыл именно А. И. Бернштам (Горбунова 1995: 9).

Неоценим вклад ученого в развитие гуманитарной науки Киргизии и Казахстана, в том числе и в сфере подготовки квалифицированных кадров (археологи, историки и музейные работники). Он, в частности, был руководителем аспиранта И. Кожембердиева (впоследствии руководитель Сектора археологии Института истории АН Киргизской ССР) (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 101). Учениками А. Н. Бернштама в Киргизии были также Ю. Д. Баруздин, Д. Ф. Винник и А. К. Кибиров, а в Казахстане — Е. И. Агеева и К. А. Акишев (Маханбаева 2006: 216).

Свою точку зрения на развитие культуры Средней Азии до арабского завоевания исследователь изложил в двух обобщающих статьях. В первой из них (Бернштам 1947) он подчеркнул, что изучение древнего прошлого народов этого обширного региона фактически началось лишь в 1930-е гг., благодаря масштабной деятельности археологов ИИМК и специалистов из союзных республик. Полученный в результате этих многолетних раскопок фактический материал, включая итоги полевых работ автора в Киргизии и Казахстане, позволил ему создать подробную периодизацию среднеазиатских древностей I тысячелетия до н. э. I тысячелетия н. э., которую он и публикует в упомянутой статье (Бернштам 1947: 91, 92).

Во второй статье (Бернштам 1949) дан обзор изучения древностей Средней Азии, начиная с XVIII в. Автор вновь подчеркнул, что настоящий прорыв в среднеазиатской археологии произошел в 1930-е гг., когда приступили к исследованию широкими площадями древних стоянок, поселений и городищ в Хорезме, Семиречье, Согде, Чаче и Бактрии. В результате этих интенсивных работ были существенно расширены хронологические рамки среднеазиатских древностей: от эпохи палеолита до тимуридского периода и создана основная канва археологической карты Средней Азии. А это, в свою очередь, позволило выявить культурную самобытность многих среднеазиатских регионов и проследить их культурные связи с соседними странами.

В 1951 г. в результате последней по времени структурной перестройки ИИМК в ЛОИИМК был создан Сектор археологии Средней Азии и Кавказа, в состав которого был включен и А. Н. Бернштам (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 108; Алёкшин 2007: 49, прим. 51).

В начале 1950-х гг. были изданы некоторые результаты работ многолетних раскопок ученого. Прежде всего, следует назвать публикацию работ Семиреченской экспедиции (Бернштам 1950). В этой книге, написанной А. Н. Бернштамом в соавторстве с другими сотрудникам экспедиции, изложена его концепция об усуньском и тюркском периодах истории Семиречья, и таким образом, суммированы результаты работ исследователя в Киргизии в предвоенное время (Алёкшин 2007: 49; Заднепровский 1960: 7).

Затем увидела свет обобщающая монография, посвященная археологическим памятникам Тянь-Шаня и Памира (Бернштам 1952), в которой представлена разработанная автором периодизация археологических памятников железного века Киргизии и Таджикистана (Заднепровский 1960: 7).

Во время подготовки этой публикации к печати на ученого обрушился шквал критики, вызванной изданием еще одной книги А. Н. Бернштама (1951), в которой он, рассмотрев характер взаимоотношений кочевых и оседлых обществ, пришел к выводу о том, что в истории кочевники, в том числе и гунны, играли не только деструктивную роль, но и способствовали развитию хозяйства и культуры оседлого населения, в частности, тюрки-кочевники оставили заметный след в средневековой истории Средней Азии. Эта книга стала первой в советской исторической науке монографией, в которой обобщены археологические и письменные источники о гуннах, начиная со времени их появления на границах с Китаем (Горбунова 1995: 6; Заднепровский 1960: 7).

Кампания по осуждению взглядов А. Н. Бернштама на проблемы гуннской археологии явилась следствием драматических событий в отечественных гуманитарных науках, начавшихся в 1950 г., после выхода в свет работы главы государства И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языко-

знания». В ней резкой критике подверглось так называемое новое учение о языке, создателем которого был многолетний председатель ГАИМК, академик Н. Я. Марр, умерший в 1934 г. Этот шаг И. В. Сталина лежал в русле проводимой им с 1946 г. внутренней политики, одна из целей которой заключалась в том, чтобы не допустить отхода от жестких принципов управления государством, изменения или по меньшей мере ослабления которых ожидало раскрепостившееся за годы войны население страны. Для достижения этой цели вождь считал необходимым запугать, прежде всего, интеллигенцию и творческих работников, в том числе и ученых. В связи с этим подверглись травле многие археологи и историки, которые якобы не желали отказываться от приверженности ложной теории, созданной Н. Я. Марром, и не хотели признавать своих ошибок. Особо опасными были признаны действия А. Н. Бернштама, обвиненного в попытке выискать положительные аспекты учения Н. Я. Марра, чтобы впоследствии применить их в археологии (Алёкшин 2007: 49, 50; Обсуждение трудов И. В. Сталина … 1951: 203–207).

Некоторые ученые весьма, сведущие в толковании цитат И. В. Сталина, сочли монографию А. Н. Бернштама «Очерки истории гуннов» открытой пропагандой марризма. С их точки зрения, он неправильно понял марксистский тезис о варварских племенах, опрокинувших Римскую империю. Они были земледельцами и поэтому являлись прогрессивными племенами. Гунны же, будучи варварами вели кочевнический образ жизни и нанесли европейской культуре большой вред своими набегами. Концепция А. Н. Бернштама, утверждали его оппоненты, ведет к идеализации кочевников, общества которых никак нельзя считать прогрессивными. Под напором критиков А. Н. Бернштаму пришлось кардинально переработать свою книгу «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (1952), хотя уже был готов ее сигнальный экземпляр (РА, ф. 312, оп. 1, д. 353, л. 7, 8). Ученый был вынужден признавать «свои ошибки», называя их, в соответствии с терминами научной полемики того времени не случайными, а идейно-теоретическими, в основе которых лежат «… идеалистические установки, отдающие дань социологическому схематизму». Исследователь заверял коллег, что от ошибок он освобождается не декларативно, а на деле, исправляя свою новую монографию (Там же, д. 347, л. 17; Алёкшин 2007: 52, 53). За приверженность марризму А. Н. Бернштам был отстранен от преподавания в ЛГУ (Горбунова 1995: 11) и получил выговор по партийной линии, снятый Дзержинским райкомом г. Ленинграда 18 февраля 1955 г. (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 138). Ему было также запрещено возглавлять экспедиции, иметь учеников, причем один из его последних аспирантов, Ю. А. Заднепровский, был передан другому исследователю — К. В. Тревер (Массон 2002: 281).

И все же кампания по борьбе с теорией Н. Я. Марра и ее последователями существенно отличалась от репрессий, обрушившихся на отечественные гуманитарные науки в 1930-х гг. Хотя попавшие под огонь жесткой критики археологи, а также их близкие переживали нелегкие времена, хотя никто в те дни не мог поручиться за их будущее, все же ни один из них, не только не был репрессирован, но даже не лишился работы. В сущности, дело ограничилось суровыми разносами, которые были организованы по месту работы критикуемых или в партийных инстанциях низшего и среднего уровня. Объяснить это можно только тем, что из Кремля не последовало сигнала о расправе. Это обстоятельство видимо предопределило ход дискуссий, организаторы которых на этот раз не произносили кровожадных речей. Исследователи, обвиненные в приверженности идеям Н. Я. Марра, вели себя достойно. Частично признавая свои ошибки, они полемизировали со своими оппонентами, но при этом не оговаривали себя и не каялись во всех смертных грехах. Репрессии 1930-х гг. показали, что такая форма защиты никак не влияла на участь обвиняемого, а наоборот служила основанием для вынесения ему самого сурового приговора.

После этих событий А. Н. Бернштам (рис. 4) руководил лишь археологическими отрядами. В 1953 г. он возглавил Узгенский отряд Киргизской экспедиции (РА, ф. 35, оп. 5, 1938–1956 гг., д. 22, л. 131).

Рис. 4. А. Н. Бернштам в группе участников Нарвской экспедиции ЛОИИМК возле деревни Ольгин Крест (Ленинградская область), 1952 г. (ФА, I-34755)

Рис. 5. А. Н. Бернштам и В. А. Рамодин (ЛОИВАН), г. Фрунзе (ныне г. Бишкек), ноябрь 1956 г. (фотография из архива С. Г. Кляшторного)

Свой последний полевой сезон исследователь провел летом и в начале осени 1956 г, будучи начальником Восточно-Памирского отряда Таджикской экспедиции (Там же, л. 142), а затем в ноябре выступил с докладом «Сложение тюркоязычного населения в Средней Азии и происхождение киргизского народа» на сессии во Фрунзе (рис. 5), посвященной этногенезу киргизского народа (Горбунова 1995: 8; Заднепровский, Подольский 1981: 165). По возвращении в Ленинград А. Н. Бернштам скончался 10 декабря на 47 году жизни.

К сожалению, как это нередко бывает в науке, никому в секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК не удалось после смерти этого талантливого ученого продолжить его исследования кочевнических памятников Средней Азии, которые он столь активно проводил во второй половине 1930–первой половине 1950-х гг.

Итоги археологических работ А. Н. Бернштама впечатляют. Велик его вклад в изучение культуры сакских и усуньских племен Средней Азии. Он также проследил этапы тюркизации древнего населения Казахстана и Киргизии и сумел по достоинству оценить такое культурное явление как согдийская колонизация Семиречья, которая способствовала развитию в этом регионе оседло-земледельческих обществ. А. Н. Бернштам внес свою лепту и в изучение памятников средневекового искусства и архитектуры (Заднепровский, Подольский 1981: 166, 167).

Научная деятельность Александра Натановича Бернштама завершилась 54 года назад. С этой более чем полувековой дистанции отчетливо виден масштаб личности яркого неординарного исследователя, первооткрывателя многих археологических памятников Средней Азии, специалиста, который вывел отечественную археологию и востоковедение на новый качественный уровень.

Алёкшин 2007 — *Алёкшин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛО ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 10–92.

Археологические экспедиции… 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962.

Бернштам 1931 — *Бернштам А. Н.* Жилище Крымского предгорья. Опыт социологического анализа // ИГАИМК. 1931. Т. 9. Вып. 67. С. 146.

Бернштам 1940а — *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940.

Бернштам 1940б — *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 43–48.

Бернштам 1941а — *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Бернштам 1941б — *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941.

Бернштам 1946 — Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточнотюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.

Бернштам 1947 — *Бернштам А. Н.* Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет // ВДИ. 1947. № 3. С. 83–94.

Бернштам 1949 — *Бернштам А. Н.* Советская археология Средней Азии // КСИИМК. 1949. Вып. 28. С. 517.

Бернштам 1950 — *Бернштам А. Н.* Введение; ч. I, гл. I, III; ч. II, введение, гл. II; заключение // Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. М.; Л., 1950 (МИА. № 14).

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

Горбунова 1995 — *Горбунова Н. Г.* А. Н. Бернштам — исследователь древних культур Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 512.

Гурина, Крижевская 1939 — *Гурина Н. Н., Крижевская Л. Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР // КСИИМК. 1939. Вып. 1. С. 11–37.

Заднепровский 1960 — *Заднепровский Ю. А.* Александр Натанович Бернштам // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 58.

Заднепровский, Подольский 1981 — *Заднепровский Ю. А., Подольский А. Г.* Александр Натанович Бернштам. К 70-летию со дня рождения // НАА. 1981. № 2. С. 161–168.

Козлов 2004 — *Козлов С. Я.* Потерянная этнография // Независимая газета. 2004. 17 октября. № 234.

Массон 2002 — *Массон В. М.* Александр Натанович Бернштам из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (к 90-летию со дня рождения) // АВ. 2002. № 9. С. 279–281.

Маханбаева 2006 — *Маханбаева Н.* Н. А. Н. Бернштам как исследователь археологических памятников Жетысу // Известия НАН Республики Казахстан. СОН. Алма-Ата, 2006. № 1. С. 208–217.

Некролог 1957 — Александр Натанович Бернштам // СА. 1957. № 1. С. 289–290.

Обсуждение трудов И. В. Сталина… 1951— Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 203–209.

Ставиский 1995 — *Ставиский Б. Я.* А. Н. Бернштам и изучение буддийских памятников Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 176–183.

Толстов 1957 — *Толстов С. П.* Александр Натанович Бернштам // СЭ. 1957. № 1. С. 178–180.

Г. В. Длужневская (Санкт-Петербург, Россия)

Научное наследие Александра Натановича Бернштама в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН[1]

Долгие годы научная деятельность Александра Натановича Бернштама (1910–1956) была связана с Государственной Академией истории материальной культуры — Институтом истории материальной культуры АН СССР и изучением истории и культуры Средней Азии. За четверть века научной работы А. Н. Бернштам, как никто другой, обследовал территорию всех среднеазиатских республик СССР, и не только в археологическом отношении. Фиксация археологических и историко-культурных памятников непременно сопровождалась снимками этнографических сюжетов и материалов в музеях, что значительно повышает ценность фотоколлекций, связанных с именем ученого. «Кабинетная» деятельность А. Н. Бернштама отражена в материалах его работ. Имеется серия портретов Александра Натановича, начиная с 1931 г. Один из первых кадров показывает его, тогда Председателя местного комитета ГАИМК, во время похорон Председателя Академии Н. Я. Марра в декабре 1934 г.

Собрание складывалось на протяжении четверти века и включает 6580 единиц хранения (2660 негативов и 3920 позитивов). Материалы передавались как самим автором исследований, так и поступили в рукописный архив ЛОИА АН СССР (с 2004 г. — Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН) после смерти А. Н. Бернштама. В начале 1990-х гг. они были переданы в фотоархив (ныне — Фотоотдел Научного архива) и практически все разобраны. Правда, А. Н. Бернштам настолько тщательно подбирал фотоматериалы для передачи в архив, что пополнение его собрания оказалось небольшим — не более 300 снимков.

Публикуемый обзор включает 3 раздела: I. Полевые исследования; II. Материалы к работам; III. Персоналия. В нем приводятся и номера коллекций, и количество единиц хранения, и номера альбомов и негативов, то есть полная информация по материалам А. Н. Бернштама.

I. Полевые исследования

Командировка в Узбекистан, Туркмению и Крымскую АССР. 1930 г. Коллекция 27. Альбомы О.278 и О.279. Негативов – 170, отпечатков – 175. Съемка А. Н. Бернштама.

[1] Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Узбекистан: виды г. Самарканда, мавзолеев Шах-и Зинда; кишлак Богу-Майдан — виды фасадов и интерьеров дома узбека-земледельца, вид двора и глинобитной площадки для борьбы.

Туркмения: аул Кеши — хозяйственные постройки; аул Багир — сцены суда выездной «тройки» (свидетели, допрос муллы, дающая показания женщина); ремесленники на площади и здесь же — караван верблюдов и авто, направляющееся в Ашхабад; молочный пункт колхозного куста (общий вид, производство продуктов, работники пункта); дом середняка (общие виды дома, стен, надворных построек; вид ткацкого станка в доме) и дом бедняка (общий вид, «айван» около дома; печь, остов кибитки); интерьер дома перса; аул Верхний Багир — колхоз Захмет: представители Советской власти (председатель, его заместитель, казначей, секретарь колхозного куста); колхозники (арычник, главный мастер); сельскохозяйственные работы (работа кетменем, разборка и посадка овощей, сбор урожая, пахота); собрание колхозников; аул Аргман — ковровое производство; аул Нухур — типы нухурцев, игра на дутаре, местные деятели, пограничники; занятия ткачеством и приготовление шелковой нити; кузнечное производство; виды водяной мельницы; съемка во время родового праздника Ювар — взаимопомощи при уборке хлеба; виды священного камня «с отпечатком копыта лошади Али» и священной чинары; виды дома зажиточного дехканина, глинобитных построек, печи; ниши, кельи, колонны, ворота, потолок и капители мечети; общий вид Нухура и виды пещерного жилища; кочевки Ян-Чешлан — общий вид и интерьер кибитки; загон для овец и коз, доение коз; типы туркмен-нухурцев.

Крымская АССР: Ай-Тодор — общий вид; общие виды разных типов домов (деревянных, каменных), деталей построек; съемка свадебного пиршества в поселке Черкес-Кермен (танцы, оркестр, мужская и женская половины в доме); виды дома с «сыновьими» постройками, «дробленого» дома; Биюк-Узенбани — общие виды разных типов домов и их деталей; Бахчисарай — экспозиция музея: отделы «производства» и «искусство», «степные татары».

Поездка в Среднюю Азию (в Казахскую и Киргизскую ССР). 1933 г. (Археологические экспедиции… 1962: 83, № 227). Коллекция 897. Альбом О.1394. С. 60–63. Отпечатков — 4.

Целью поездки было обследование долины р. Чу, во время которой сделаны 4 снимка каменных изваяний древнетюркского времени.

Казахстанская экспедиция. 1936, 1938–1940 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 107–108, № 293).

1936 г. Коллекция 769. Альбомы — О.1255–О.1264, О.1464–О.1466, негативы I 32652, II 43496–43503, 48270–48281. Негативов — 640, отпечатков — 619. Снимки В. А. Лаврова, А. Н. Бернштама и фотолаборатории ГАИМК/ИИМК.

Среди материалов — фиксация археологических памятников в долинах рек Талас, Или, правого берега р. Чу; виды раскопок городищ Тараз, Головачевка, Кош-Тюбе, в Алма-Ате; планы, разрезы мест раскопок, снимки находок (керамика и др. изделия). Чертежи, планы и рисунки орнаментов и изразцов мазаров Айша-биби и Бабаджи-хатун.

1938 г. Коллекция 1085. Альбомы — О.1513–О.1514, негативы III 16928–16929. Негативов — 119, отпечатков — 152. Снимки экспедиции и фотолаборатории ИИМК.

Коллекция 1113. Альбомы — О.1507–О.1511, негативы I 75401–75404. Негативов — 4, отпечатков — 370. Снимки А. Ф. Ионова и экспедиции.

В этих коллекциях материалы раскопок городища древнего Тараза: процесс раскопок, виды раскопа с водопроводной трубой; чертежи объектов; снимки находок, керамики из Тараза и Таласской долины; раскопки курганов Берккаринского могильника: полевая работа.

1939 г. Коллекция 1086. Негативы I 28445–28447, II 43746–43751. Негативов, изготовленных фотолабораторией ИИМК в 1941 г. — 9. Они представляют снимки находок из Берккаринского могильника.

1940 г. Коллекция 1205. Негативы I 89668–89675. Негативов — 8. Снимки экспедиции.

Коллекция 1235. Альбом — О.1552. Негативов и отпечатков — по 9. Снимки фотолаборатории ИИМК 1941 и 1949 г.

В коллекциях — полевая работа: вид средневекового городища Касмычи и раскопки могильника Карагалинка в Киргизской ССР; съемка планов городищ Койлык и Талгар, других городищ, турткулей и курганных групп в Илийской долине.

Киргизская экспедиция. 1938–1940 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 120, № 321).

1938 г. Коллекция 1107. Альбомы — О.1503–О.1504. Негативов — 205, отпечатков — 160. Снимки Ф. И. Бальдермана.

Представлена полевая работа на археологических памятниках Верхнего Таласа и в долине р. Чу.

1939 г. Коллекция 1084. Альбом — О.700. Негативы I 28125–28195, 29322–29326, II 43601–43624. Негативов — 100, отпечатков — 71. Снимки Ф. И. Бальдермана.

В коллекции — полевая работа на городище Красная Речка в Чуйской долине и снимки находок из этого памятника, а также виды парного захоронения в Кенкольском могильнике близ Манас-супа в Киргизской ССР, привезенного в Гос. Эрмитаж.

Коллекция 1212. Альбом — О.1437. С. 31. Негатив — 1, отпечаток — 1. Снимок обломка венчика хума с согдийской надписью из Сарыга в Киргизской ССР. Коллекция 1037. Альбом — О.686. С. 28–31. 4 увеличенных отпечатка, изготовленных лабораторией ИИМК для выставки на Пленуме АН СССР в 1940 г.: виды вала городища у с. Новороссийского, остатков согдийского замка; снимки находок из городища Красная Речка (район Токмака) и Кенкольского могильника.

1940 г. Коллекция 1091. Альбом — О.1502. Негативы I 33291–33359, II 50158–50204. Негативов — 117, отпечатков — 9. Снимки И. В. Щербакова, экспедиции и лаборатории ИИМК.

В коллекции — материалы раскопок городища Ак-Бешим (древний г. Баласагун) и Красная Речка (древний г. Сарыг): планы и разрезы раскопов, детали росписи альсекко и снимки находок из этих памятников, городища Касмычи (керамика, бронза, поделки из глины) и буддийских часовни, храма и монастыря в Ак-Бешиме. Материалы разведок 1939–1940 гг. по р. Карагалинке Алма-Атинской области Казахской ССР (планы групп курганов и случайные находки) и 1940 г. по маршруту Фрунзе–Мерки и Северному Притяньшанью (планы городищ, курганов, поселений, турткулей).

Коллекция 1105. Альбом — О.1502. Негативы I 33172–33181. Негативов — 27, отпечатков — 17. Снимки находок с городищ Ак-Бешим (фрагменты статуи Будды из часовни, сырцовых поделок и керамики) и Красная Речка (фрагменты росписи альсекко, резной панели жилого дома и оссуария), сделанные в 1941 г. в лаборатории ИИМК.

Чуйская (Киргизская) экспедиция. 1941 г. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 126, № 342).

Коллекция 1272. Альбом — О.1502. Негативов — 6, отпечатков — 6. Снимки лаборатории ИИМК, 1947 г.

Результаты разведки в зоне строительства Большого Чуйского канала: сводные таблицы культовых предметов и орнамента на обломках керамики.

Тяньшаньская (Тяньшано-Алайская) экспедиция. 1944–1946, 1949 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 130, № 355).

1944 г. Коллекция 1338. Полевая работа: обследование центрального Тянь-Шаня и Узгенского оазиса в Южной Киргизии; раскопки курганов эпохи бронзы в Арпе, катакомбных погребений в Бурмачапе.

1945 г. Коллекция 1339. Негативов — 16, отпечатков — 16.

Полевая работа: обследование долины р. Алабулака на Тянь-Шане и Узгенского района; раскопки на городище Узген; чертежи и зарисовки форм сосудов; снимки монет.

Коллекция 3276. Негативов — 147. Материалы раскопок Узгенских мавзолеев.

1946 г. Коллекция 1244. Альбом — О.1566. Негативов — 40, отпечатков — 40. Снимки выполнены лабораторией ИИМК в 1946 г. и 1947 г. В коллекции — материалы обследований в Се-

миречье и на Тянь-Шане: чертежи и рисунки тепе, могильников, городищ, находок, а также снимки экспонатов музеев во Фрунзе и Намангане.

1949 г. Коллекция 1446. Альбомы — О.1755, О.2045–О.2046: катушки К 87–96, 127 и 128. Негативов — 36, 12 катушек; отпечатков — 269. Снимки экспедиции и лаборатории ИИМК.

В коллекции — материалы исследований в Киргизской ССР. Полевая работа и виды местности Джаркимбай-Булак, Ала-Мышик, Ширдакбек; раскопки в Тяньшане и на оз. Иссык-Куль: снимки находок — глиняные сосуды и бронзовый нож с орнаментированной ручкой; планы и разрезы погребений и таблицы находок.

Южноказахстанская экспедиция. 1947–1949 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 161, № 417).

1947 г. Коллекция 1340. Альбом О.1552. Негативов и отпечатков — по 46. Снимки лаборатории ИИМК 1948–1949 гг.

Маршрутная карта археологического обследования бассейна среднего течения р. Сыр-Дарьи Казахской ССР; планы городищ, могильников, находки.

1949 г. Коллекция 1446. Отпечатков — 95.

Материалы полевых исследований экспедиции.

Южноказахстанская экспедиция. 1951 г. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам).

Коллекция 1694. Альбом О.2171. Негативов и отпечатков — по 3. Снимки лаборатории ИИМК 1952 г.

Раскопки городищ Куюк-Мордан, Нуйрюк-тепе и Бурджарского могильника: планы городищ и погребальных сооружений.

Наманганская (Ферганская) экспедиция. 1948 г. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам).

Коллекция 1362. Альбомы О.1671 и О.3455. Негативов — 8, катушек – К 75–78 — 4; отпечатков — 91.

В коллекции — материалы раскопок в Кассане, Асхыкете и Мончак-тепе (полевая работа), общий план Ахсыкета, другие чертежи и зарисовки форм сосудов.

Памиро-Алайская экспедиция. 1947–1948 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 162–163, № 419).

1947 г. Коллекция 1305. Альбомы О.1671 и О.2038–О.2041. Негативов — 57 нег. I размера, катушек – 34; отпечатков — 427. Снимки экспедиции и лаборатории ИИМК 1947–1948 гг.

Раскопки и исследования на Памире в Таджикской и Киргизской ССР: полевая работа, ландшафты, крепости, могильники, погребения, наскальные рисунки; снимки керамики; планы, карты; этнографические сюжеты.

1948 г. Коллекция 1361. Альбомы О.1671 и О.2042–О.2044. Негативов — 39, катушек – 12; отпечатков — 231.

Раскопки и исследования в Таджикской и Киргизской ССР: полевая работа; схематический план расположения Памирских курганов, планы погребений и инвентарь; снимки находок, в частности из кургана № 10 в могильнике Тамды Горно-Бадахшанской АО ТаджССР: конское снаряжение, бляхи, пряжки, костяные наконечники стрел; картограмма происхождения сакских могильников Памира.

Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция. 1950–1952 гг. (начальник экспедиции А. Н. Бернштам; Там же: 179, № 466).

1950 г. Коллекция 1481. Альбомы О.1773–О.1774, О.2037. Негативов — 230, катушек – 191; отпечатков — 517. Снимки экспедиции и лаборатории ИИМК.

Материалы раскопок и исследований в Фергане: полевая работа, ландшафты, съемка и зарисовки наскальных изображений, чертежи, снимки находок.

1951 г. Коллекция 1693 и 1786. Альбом О.2171. Негативов — 59, отпечатков — 263. Снимки экспедиции и лаборатории ИИМК.

Материалы раскопок на Памире и в Фергане: полевая работа, чертежи, снимки находок, в том числе — план погребения древнетюркского времени в Кассане (Северная Фергана) и снимок глиняной головки барана.

1952 г. Коллекция 1718 и 1787. Альбом О.2171. Негативов — 46, отпечатков — 46.

Раскопки в Эйлатане и Кюль-тепе Андижанской области УзбССР, Шарте Ошской области Киргизской ССР и Акбеите на Памире: планы городища Эйлатан, чертежи; находки из этих памятников.

Восточно-Памирский отряд Таджикской археологической экспедиции. 1956 г. (начальник А. Н. Бернштам).

Коллекция 1919. Альбом О.2108. Негативов — 90, отпечатков — 90. Снимки экспедиции и лаборатории ИИМК 1956 г.

В коллекции — раскопки и обследования на Памире и Алае: полевая работа; планы и чертежи; снимки находок.

II. Материалы к работам

1). Коллекция 615/155–157, 267–269. Альбом О.617. С. 37–39. Негативов и отпечатков — по 3. Снимки лаборатории ИИМК 1938 г. — китайский рисунок, изображающий гуннских всадников, — к работе «Очерк истории гуннов» (Л., 1951); стела Кюль-Тегина из Кошо-Цайдама на р. Орхон в Монголии для работы «Социально-экономический строй турок VII в.» и камней с руническими надписями с р. Енисей к работе «Кыргызы VII–IX вв.».

2). Коллекция 843/1–6. Альбомы О.74. С. 35–36 и О.260. С. 70–73. Негативов и отпечатков по 6. Снимки лаборатории ИИМК 1937 г., выполненные по заказу А. Н. Бернштама для Этнографического музея: глинобитные стены городища в Средней Азии.

3). Коллекция 897. Альбом О.1394. С. 50–65. Негативов и отпечатков — по 15. Снимки лаборатории ИИМК 1938 г. к I тому «Истории СССР»: репродукции с позитивов Монгольской коллекции Эрмитажа.

4). Коллекция 1085/221–253. Альбом О.1514. С. 51–57. Негативов — 33, отпечатков — 7. Материалы к работе «Таласская долина» — представлены результаты раскопок 1938–1940 гг. в Киргизской и Казахской ССР: таблицы находок.

5). Коллекция 1087. Негатив — 1. Снимок лаборатории ИИМК 1940 г. с карты среднеазиатского мира арабского фотографа, выполненный по заказу А. Н. Бернштама.

6). Коллекция 1234/1–52. Негативов — 52. Снимки лаборатории ИИМК 1941 г. из дел Императорской Археологической комиссии: рисунки с древностей из Средней Азии, случайно найденных и собранных Н. Н. Пантусовым.

7). Коллекция 1273/2–5, 11–13. Альбом О.1599. С. 24–27, 33–35. Негативов и отпечатков — по 7. Материалы к работам по искусству Средней Азии (изделия и фрагменты изделий с зооморфным орнаментом); «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня» (1949): таблицы классификации культур Семиречья и карта расселения народов Средней Азии в эпоху саков и усуньский период.

8). Коллекция 1352/1–234. Альбомы О.1666 и О.3446. Негативов — 88, отпечатков — 234. Материалы к изданию Трудов Семиреченской экспедиции (Т. 2 — «Чуйская долина»). Среди них таблицы и оригинальные снимки находок, в том числе караханидского блюда и поливной керамики, фрагменты росписи и фресок буддийского храма VIII–IX вв.

9). Коллекция 1503/1–8 и 1566/1–7. Альбом О.1599. С. 49–64. Негативов — 15, отпечатков — 16. Иллюстрации к работе «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая», в том числе археологической карты, таблицы памятников.

10). Коллекция 2241/1–7. Негативов — 7. Снимки лаборатории МАЭ 1950 г. к работе «Находки у озера Борового в Казахстане». Снимки случайно найденных в 1928 г. при каменоломных работах золотых украшений.

11). Коллекция 2243/1–66. Альбом О.2502. Негативов и отпечаткеов — по 66. Снимки лаборатории ЛОИА в 1964 г. Материалы к работе, вероятно готовившейся к печати, «Таласская доли-

на»: таблицы рисунков изделий и сосудов, виды местностей. Здесь же 63 отпечатка по этнографии Киргизии и Казахстана.

III. Персоналия

Ряд портретов А. Н. Бернштама, в том числе портрет 1931 г., помещенный в стенгазете «Перелом» (альбом О.292, негатив I 849). Снимок 1935 г. А. Н. Бернштама — научного сотрудника ГАИМК (альбом О.929/31, негатив II 20184) и 1936 г. — в группе рабочих на раскопках крепости у ст. Луговой Казахской ССР (негатив II 43498). Два снимка у башни Бурана близ Токмака во время Киргизской экспедиции 1938 г., сделанные Ф. Бальдерманом (I 28372–28373). В 1940 г. — А. Н. Бернштам — уже старший научный сотрудник ИИМК (негативы II 44612–44613). К 1949 г. относится групповой снимок А. Н. Бернштама вместе с П. И. Борисковским и С. И. Капошиной (негатив I 65759). Три последних портрета в собрании фотоархива: 1950 г. (негатив Л 1911), 1955 г. (негатив II 86994) и 1956 г. (альбом О.1638. С. 46).

Чрезмерная, казалось бы, насыщенность фактическими данными, обычно несвойственная обзорным работам, оправдана глубоким уважением автора к памяти Александра Натановича Бернштама, вызванным его учениками, много и добро рассказывавшими о своем учителе.

В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН существует фонд А. Н. Бернштама — фонд 56, включающий 581 дело 1930–1952 гг. Научно-техническая обработка его продолжается. Более подробно о нем можно будет сказать после завершения обработки.

Археологические экспедиции… 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962.

Е. Е. Кузьмина (Москва, Россия)

А. Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии

Александр Натанович Бернштам родился в 1910 г. и прожил короткую (умер в 1956 г.), но очень интенсивную жизнь, и успел оставить яркий след в истории археологии степей Евразии.

Сегодня осталось всего несколько человек, которые его помнят лично, но ссылки на его пионерские работы и сегодня обязательны в любой книге, посвященной Киргизии или Казахстану, а также Памиру.

Я познакомилась с Александром Натановичем летом 1951 г., когда мой учитель — замечательный иранист и исследователь Средней Азии — Михаил Михайлович Дьяконов, представил меня коллективу сотрудников сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения ИИМК АН СССР.

А. Н. Бернштам сразу же поразил необыкновенной активностью, ярким темпераментом и остроумием.

Он начал свою деятельность еще со студенческой скамьи и его первая публикация (Бернштам 1929) посвящена крайне актуальной в те годы теме — перестройке краеведческих музеев. Много позже, когда в России наступила новая историческая эпоха, мы вместе с В. П. Алексеевым и молодыми сотрудниками Института культурологии тоже увлеченно занимались перестройкой музеев России (Кузьмина 1990а: 186–189; 1990б: 5–6; 1991: 3–6; Кузьмина, Кузьмин 1991: 66–71).

Закончив Ленинградский университет и придя в ГАИМК, А. Н. Бернштам — молодой коммунист — активно включился в борьбу за марксистскую переоценку археологии. Тогда этой работой были заняты многие ученые Москвы (С. П. Толстов, С. В. Киселев, Б. А. Рыбаков) и, особенно, Ленинграда: В. И. Равдоникас и др. (Равдоникас 1939) Главными идеологами являлись имевшие малое отношения к науке печально знаменитые С. Н. Быковский (1931; 1933) и Е. Ю. Кричев-

ский. Совместно с последним А. Н. Бернштам опубликовал теоретическую статью «К вопросу о закономерности в развитии архаической формации (к разработке теоретического наследства Маркса, Энгельса, Ленина)» (Бернштам, Кричевский 1932).

В 1930-е гг. идейным главой нового направления стал крупнейший кавказовед Н. Я. Марр (1933), предложивший новое учение о языке.

Я не историк археологии и не мое дело пытаться дать объективную оценку идейной борьбе 1930-х гг. в археологии. Справедливо осуждена после доклада И. В. Сталина теория Н. Я. Марра. Была несправедливой расправа над учеными классической археологической школы и — прежде всего — истинным теоретиком археологии В. А. Городцовым, еще в 1923 г. заложившим основы подлинного научного исследования в археологии: классификационного метода (Городцов 1923). Но в активе тогдашней нарождавшейся советской археологической науки 1930-х гг. навсегда останутся два великих достижения: первое — интерес к истории производств, поселений и реконструкции социального строя древних обществ (пропагандистом этого нового советского подхода на западе стал великий английский ученый Гордон Чайлд) и второе — интерес к древнейшему бесписьменному периоду истории народов окраин России, прежде всего, степей Евразии.

И тут А. Н. Бернштаму безусловно принадлежит пальма первенства: уже в 1933 г. он вместе с выдающейся русской исследовательницей Средней Азии, этнографом А. С. Морозовой осуществил поездку в Среднюю Азию (Бернштам, Морозова 1934). В 1935 г. А. Н. Бернштам защищает кандидатскую диссертацию «Социально-экономический строй древнетюркского общества VI–VIII вв.». Уже в 1937 г. изданы результаты исследования, ставшего классическим, гуннского ноинулинского могильника (Бернштам 1937). Полевые исследования были расширены в Семиречье в Казахстане и Киргизии в 1938–1939 гг. (Бернштам 1940а; 1940б).

Очень плодотворным в творчестве А. Н. Бернштама был 1940 г. Наряду с отчетами о разведках и раскопках кенкольского могильника (Бернштам 1940в) опубликованы исследования Каргалинской диадемы (Бернштам 1940г), тюргешских монет (Бернштам 1940д), бани Тараза (Бернштам 1940е), топографии Чуйской долины (Бернштам 1940ж). В этих работах А. Н. Бернштам предстает уже как разносторонний ученый — исследователь разновременных памятников обширной территории Евразии, что было характерно для А. Н. Бернштама до конца его жизни.

Особую страницу в биографии А. Н. Бернштама составляет его деятельность во время Великой Отечественной войны.

23 апреля 1941 г. было принято решение СНК Киргизской ССР о строительстве грандиозного Большого Чуйского канала, сооружение которого позволяло освоить огромные земли. Во главе комплексной экспедиции по выявлению и спасению археологических памятников на БЧК встал А. Н. Бернштам.

Трасса канала была разделена на 10 участков. Работы начались 5 апреля 1941 г. Среди участников были ученики А. Н. Бернштама — 7 археологов ЛГУ, трое из них: Р. С. Свердлов, Ю. Л. Клименко и талантливый П. Л. Михельс (успевший обработать отчеты своих товарищей), к сожалению, погибли во время войны. Е. И. Агеева в дальнейшем стала одним из ведущих археологов Казахстана, а С. С. Сорокин, вернувшийся больным из немецкого плена, потом успешно работал в Отделе Востока в Эрмитаже.

Работы на БЧК принесли большие разновременные материалы, позволившие выделить группу бронзовых изделий, что впервые дало возможность утверждать, что в Киргизии уже в эпоху бронзы (XV–IX в. до н. э.) существовала высокоразвитая культура. И сегодня эти замечательные топоры, ножи, серпы, долота, кельты служат украшением музея истории Киргизии и объектом изучения молодых ученых.

Во время войны А. Н. Бернштам продолжает активно работать: в 1941 г. выходит «Археологический очерк Северной Киргизии» (Бернштам 1941), в 1942 г. — популярная брошюра «Историческое прошлое Киргизского народа» (Бернштам 1942), на следующий год — «Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам БЧК» (Бернштам 1943), а в победном

1945 г. — «Великое наследие Киргизского народа» (Бернштам 1945). Эти работы были очень важны для формирования этнического самосознания киргизов.

В 1947 г. А. Н. Бернштаму была присуждена докторская степень за работу «История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания» (Бернштам 1947). В 1946 г. выходит важная статья «Некоторые итоги археологических работ в Семиречье» (Бернштам 1946), а в 1949 г. А. Н. Бернштам подводит важнейшие итоги своих исследований в статье «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня» (Бернштам 1949). Научное издание трудов Семиреченской экспедиции «Чуйская долина» увидело свет лишь в 1950 г. (Бернштам 1950).

Другая важнейшая работа А. Н. Бернштама «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (Бернштам 1952а) опубликована в 1952 г.

В послевоенных исследованиях по-прежнему принимал участие С. С. Сорокин и прибавилась большая группа новых учеников: Ю. А. Заднепровский, С. Г. Кляшторный, Ю. Д. Баруздин, впоследствии ведущие археологи Киргизии: П. Н. Кожемяко, А. А. Кибиров и другие, а также мои близкие друзья Н. Г. Горбунова и Б. И. Гамбург, которые сделали так много для изучения древней Ферганы, работая сначала в Ферганском музее, а затем в Ленинграде.

В работах на Тянь-Шане главным для исследования бронзового века было открытие самого высокогорного андроновского могильника Средней Азии — Арпа и большого числа сако-усуньских памятников раннежелезного века. Важным успехом экспедиции было обследование Памира, вызывавшего большой интерес кабинетных ученых, особенно В. Гейгера и Э. Херцфельда, искавших там древнейших индо-ариев.

Особенностью книги, вышедшей в свет в 1952 г. является аргументированный отказ А. Н. Бернштама от идей Н. Я. Марра (Бернштам 1952: 15–16). Пересмотр генезиса иранских и тюркских языков, как имеющих разное время и разное место формирования, в свете современных этногенетических концепций представляется вполне обоснованным (Бурлак, Старостин 2005).

В 1950-х гг. круг тем, которые волнуют А. Н. Бернштама, по-прежнему невероятно широк: наскальные изображения Саймалы-таша (Бернштам, 1952б), новый тип тюргешских монет (Бернштам 1951а), уйгурские надписи из Эрши (Бернштам 1952в), «Древнетюркские рунические надписи» (Бернштам 1956), история памятников средневековой архитектуры и научно-популярная работа «В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня» (Бернштам 1954).

Но главный его труд — «Очерк истории гуннов» (Бернштам 1951б). Невзирая на безусловную дискуссионность книги, ее редактором согласился стать мой учитель М. М. Дьяконов (по словам моего мужа С. Б. Певзнера, Михаил Михайлович сказал ему: «Я подписал себе большие неприятности»). И действительно, последовали критические отзывы А. П. Борисова (1952), Л. Р. Кызласова и Н. Я. Мерперта (1952), А. Х. Рафикова (1952) и З. В. Удальцовой (1952).

Несмотря на старания моего учителя — тогдашнего директора Ленинградского отделения ИИМК АН СССР — М. М. Дьяконова поддержать А. Н. Бернштама (Кузьмина 2002: 8), он был сломлен. Но в 1957 г. последовал его уже посмертный ответ критикам: «Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности» (Бернштам 1957).

Я не специалист ни по истории гуннов, ни по истории тюрок. Я крайне скептически отношусь к наделавшей столько шума теории пассионарности Л. Н. Гумилева (критику см., например: (Шнирельман, Панарин 2000); современную точку зрения на историю тюрок см. Кляшторный, Султанов 2009). Быть арбитром ни в каком споре я, естественно, не могу. Почему же в таком случае я пытаюсь хоть в какой-то мере оценить место А. Н. Бернштама в нашей науке?

Я полагаю, что это право мне дает 60-летний труд на ниве археологии Средней Азии. Я никогда не была в экспедиции с А. Н. Бернштамом, никогда не была его ученицей. Но, хорошо зная его работы, я в состоянии оценить прежде всего огромный территориальный размах его разведок, в результате которых открыты памятники от эпохи бронзы до средневековья включительно; могу оценить его глубокие знания литературы, позволившие ему совершенно точно установить культурную принадлежность и археологическую датировку разновременных комплексов. Наконец, — и это

представляется мне необычайно важным — он на протяжении всей своей жизни пытался ставить самые сложные — и до сих пор не разрешенные — вопросы этногенеза изучавшихся им народов.

Начатое А. Н. Бернштамом изучение андроновских памятников в Средней Азии нашло своих многочисленных последователей, и сейчас на карте Ферганы и Киргизии отмечены уже десятки новых могильников. В их исследовании принимали участие ученики А. Н. Бернштама — Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова (Гамбург, Горбунова 1956; 1957; Горбунова 1979) в Фергане и Ю. А. Заднепровский (Заднепровский 1966) — автор обобщающей статьи. К андроновской тематике обратились и археологи Киргизии П. Н. Кожемяко (Кожемяко 1960), А. Абетеков (Абетеков 1963), Н. Г. Галочкина и И. К. Кожомбердиев (Галочкина 1977; Галочкина, Кожомбердиев 1995; Кожомбердиев 1977; Кожомбердиев, Галочкина 1972).

Особое внимание было уделено изучению металлических изделий и кладов, подобных открытым А. Н. Бернштамом на БЧК. Металлические изделия изучаются как типологически (Кузьмина 1966; Аванесова 1991), так и технологически (Дегтярева 1985а; 1985б; Рындина и др. 1980).

Все эти исследования не только расширили научную базу, но и подтвердили выводы об андроновской культуре А. Н. Бернштама. В особую область выделено начатое А. Н. Бернштамом изучение петроглифов. Но эта область вне сферы моей компетенции и я не могу судить о ней профессионально.

Что касается сферы моих собственных интересов, то я оказалась, не будучи его ученицей, одной из самых преданных его последовательниц. В самом начале своей работы я занималась классификацией металлических орудий — и тут в поле моего зрения оказались случайные находки на БЧК, которые правильно были интерпретированы А. Н. Бернштамом. Следуя по его стопам, мне удалось выделить группу кладов Семиречья (Кузьмина 1961; 1965; 1966; 1968; 1980). Затем я занялась изучением памятников андроновской культуры. В связи с этим для меня оказалось невероятно важным открытие могильника Арпа, правильно отнесенного к этой культуре А. Н. Бернштамом, который оценил особое экологическое положение этого могильника, что позволяет сегодня ставить проблемы смен экологических ритмов (Кузьмина 2009).

В поле зрения А. Н. Бернштама попали открытые им памятники Джа Ильма и Каргала, которые он отнес к карасукской культуре. Я атрибутировала их иначе, сочтя алексеевскими (Кузьмина 2008). Но мои казахстанские коллеги спорят со мной, придерживаясь концепции А. Х. Маргулана и А. Н. Бернштама (Сборник «Поздний бронзовый век Центрального Казахстана» Караганда, в печати).

Наконец — главная проблема, над которой я работала всю жизнь, — происхождение индоиранцев (Кузьмина 1988; 2008; Kuzmina 2007), в которой одним из основных аргументов индоиранской принадлежности андроновцев является их генетическая связь с ираноязычными саками. Но ведь А. Н. Бернштам без колебания признавал саков иранцами.

Моя последняя книга посвящена «Предыстории Великого Шелкового пути» (2009), в которой анализируется распространение в Синьцзяне в эпоху поздней бронзы кладов и случайных находок абсолютно аналогичных тем, которые открыты экспедицией Бернштама на БЧК, в том числе — сукулукского клада.

Таким образом, мне представляется совершенно несомненной выдающаяся роль А. Н. Бернштама в изучении древней Средней Азии, прежде всего — Киргизии и Казахстана.

Абетеков 1963 — *Абетеков А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 93–95.

Аванесова 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

Бернштам 1929 — *Бернштам А. Н.* Принципы построения археологического отдела в краеведческом музее // Труды студенческого кружка краеведения при Географическом факультете ЛГУ: Методический сборник. Л., 1929. С. 56–61.

Бернштам 1937 — *Бернштам А. Н.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4. С. 947–968.

Бернштам 1940а — *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Казахстане и Киргизии. 1936–1938 гг. // Наука и жизнь. 1940. № 3. С. 40–43.

Бернштам 1940б — *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 42–48.

Бернштам 1940в — *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940. С. 23–31.

Бернштам 1940г — *Бернштам А. Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23–31.

Бернштам 1940д — *Бернштам А. Н.* Тюргешские монеты // ТОВЭ. 1940. Т. 2. С. 105–111.

Бернштам 1940е — *Бернштам А. Н.* Баня древнего Тараза и её датировка // ТОВЭ. 1940. Т. 2. С. 177–183.

Бернштам 1940ж — *Бернштам А. Н.* К исторической топографии Чуйской долины (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии) // ВДИ. 1940. № 2. С. 191–198.

Бернштам 1941 — *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии /Материалы и иссл. по истории Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1941.

Бернштам 1942 — *Бернштам А. Н.* Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942.

Бернштам 1943 — *Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.

Бернштам 1945 — *Бернштам А. Н.* Великое наследие киргизского народа // Известия Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе. 1945. Вып. 1. С. 71–82.

Бернштам 1946 — *Бернштам А. Н.* Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 110–118.

Бернштам 1947 — *Бернштам А. Н.* История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания (Тез. докт. дис.) // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 176–178.

Бернштам 1948 — *Бернштам А. Н.* Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши // СЭ. 1948. № 4. С. 155–161.

Бернштам 1949 — *Бернштам А. Н.* — Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. № 11. С. 337–384.

Бернштам 1950 — *Бернштам А. Н.* Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции. М.; Л., 1950. С. 84–149 (МИА. № 14).

Бернштам 1951а — *Бернштам А. Н.* Новый тип тюргешских монет // Тюркологический сборник. М.; Л. 1951. Т. 1. С. 68–72.

Бернштам 1951б — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л. 1951.

Бернштам 1952а — *Бернштам А. Н.*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л. 1952 (МИА. № 26).

Бернштам 1952б — *Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952. № 2. С. 50–68.

Бернштам 1952в — *Бернштам А. Н.* Уйгурская надпись из Эрши (Фергана) // ЭВ. 1952. Вып. 6. С. 101–105.

Бернштам 1954 — *Бернштам А. Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 261–304.

Бернштам 1956 — *Бернштам А. Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы // Эпиграфика Востока. 1956. Вып. 11. С. 54–58.

Бернштам 1957 — *Бернштам А. Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. 1957. Вып. 26. С. 18–21.

Бернштам, Кричевский 1932 — *Бернштам А. Н., Кричевский Е. Ю.* К вопросу о закономерности в развитии архаической формации (к разработке теоретического наследства Маркса, Энгельса, Ленина). Л., 1932 (ИГАИМК. Т. 13, Вып. 3).

Бернштам, Морозова 1934 — *Бернштам А. Н., Морозова А. С.* Отчет о командировке в Среднюю Азию // ПИДО. М., 1934. № 6. С. 100–101.

Борисов 1952 — *Борисов А. П.* Об изданиях Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова по древней истории и археологии. [Рец. на]: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // ВИ. 1952. № 11. С. 134–138.

Бурлак, Старостин 2005 — *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.

Быковский 1931 — *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931.

Быковский 1933 — *Быковский С. Н.* Карл Маркс и археология // ПИДО. 1933. № 3–4. С. 6–10.

Винник, Кузьмина 1980 — *Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. 1980. Вып. 167. С. 48–53.

Галочкина 1977 — *Галочкина Н. Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977. С. 30–38.

Галочкина, Кожомбердиев 1995 — *Галочкина Н. Г., Кожомбердиев И. К.* Погребения эпохи бронзы могильников Кулан-сай и Кызыл-сай в Таласской долине // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 24–30.

Гамбург, Горбунова 1956 — *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 85–93.

Гамбург, Горбунова 1957 — *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3. С. 130–135.

Горбунова 1979 — *Горбунова Н. Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА. 1979. № 3. С. 16–34.

Городцов 1923 — *Городцов В. А.* Археологическая классификация // *Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. М.; Пг., 1923. С. 5–18.

Грязнов 1968 — *Грязнов М. П.* Бронзовый век // История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968. С. 55–67.

Грязнов 1970 — *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 37–43.

Дегтярева 1985а — *Дегтярева А. Д.* Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. … канд ист. наук. М., 1985.

Дегтярева 1985б — *Дегтярева А. Д.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья // Вестник МГУ. Серия историческая. 1985. Вып. 3. С. 90–96.

Заднепровский 1966 — *Заднепровский Ю. А.* Памятники андроновской культуры // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 213–232.

Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб., 2009.

Кожемяко 1960 — *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Киргизской ССР. 1960. Т. 2, вып. 3. С. 81–107.

Кожомбердиев 1977 — *Кожомбердиев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе; Фрунзе, 1977. С. 9–24.

Кожомбердиев, Галочкина 1972 — *Кожомбердиев И., Галочкина Н. Г.* Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1. С. 39–41.

Кожомбердиев, Кузьмина 1980 — *Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–151

Кузьмина 1961 — *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы // Известия АН Киргизской ССР. СОН. Т. 3, вып. 3. С. 103–110.

Кузьмина 1964 — *Кузьмина Е. Е.* Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1964.

Кузьмина 1965 — *Кузьмина Е. Е.* Хронология группы кладов Семиречья // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 106–110.

Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 (САИ. Вып. В4-9).

Кузьмина 1968 — *Кузьмина Е. Е.* Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 13–15.

Кузьмина 1970а — *Кузьмина Е. Е.* Бернштам А. Н. // БСЭ. 1970. Т. 3. С. 756.

Кузьмина 1970б — *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 44–48.

Кузьмина 1986а — *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Кузьмина 1986б — *Кузьмина Е. Е.* Рецензия на: История Киргизской ССР. Фрунзе.1984. Т. 1. // ИБ МАИКЦА. 1986. Вып. 11. С. 113–118.

Кузьмина 1990а — *Кузьмина Е. Е.* Аркаим не должен быть разрушен! // СФИНКС. Вестник музейной комиссии. М.. 1990. Вып. 1. С. 186–189.

Кузьмина 1990б — *Кузьмина Е. Е.* Введение редактора // СФИНКС. Вестник музейной комиссии. М., 1990. Вып. 1. С. 5–6.

Кузьмина 1991 — *Кузьмина Е. Е.* Предисловие редактора // Музеи мира. М., 1991. С. 3–6.

Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кузьмина 1997 — *Кузьмина Е. Е.* Бронзовый век: Хрестоматия по археологии Кыргызстана. Бишкек, 1997. С. 12–15.

Кузьмина 1999 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого Шелкового пути // ВДИ. 1999. № 1. С. 163–176.

Кузьмина 2002 — *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.

Кузьмина 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М., 2008.

Кузьмина 2009 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого Шелкового пути. М., 2009.

Кузьмина, Кузьмин 1991 — *Кузьмина Е. Е., Кузьмин А. С.* О динамике функций историко-культурного музея (Музей как средство межкультурной трансляции и внутрикультурной рефлексии) // Музеи мира. М., 1991. С. 66–71.

Кызласов, Мерперт 1952 — *Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я.* [Рец. на]: А. Н. Бернштам Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // ВДИ. 1952. № 1. С. 101–109.

Марр 1933 — *Марр Н. Я.* В тупике ли история материальной культуры? Л., 1933 (ИГАИМК. Вып. 67).

Равдоникас 1939 — *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л., 1939. Ч. 1.

Рафиков 1952 — *Рафиков А. Х.* [Рец. на]: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // ВИ. 1952. № 5. С. 126–131.

Рындина и др. 1980 — *Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д.* Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада // СА. 1980. № 4. С. 154–172.

Удальцова 1952 — *Удальцова З. В.* Против идеализации гуннских завоеваний // Большевик. М., 1952, № 11. С. 68–72.

Шнирельман, Панарин 2000 — *Шнирельман В., Панарин С.* Лев Николаевич Гумилев: Основатель этнологии? // Вестник Евразии. М., 2000. №. 3 (10). С. 5–37.

Kuzmina 2007 — *Kuzmina E. E.* The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston, 2007.

Kuzmina 2008 — *Kuzmina E. E.* The Prehistory of the Silk Road. Philadelphia, 2008..

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЕВРАЗИИ

Алёкшин В. А. (Санкт-Петербург, Россия)

Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки

Датировка строительных горизонтов Алтын-депе, крупнейшего поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркменистана, имеет принципиальное значение для изучения древнеземледельческой цивилизации юга Центральной Азии и выявления ее контактов с сопредельными регионами Среднего Востока в IV–III тыс. до н. э.

Однако попытки установления абсолютной хронологии культурных напластований рассматриваемого памятника сталкиваются с тремя препятствиями. Во-первых, обнаруженная во время исследования городища глиняная посуда (основной археологический источник при изучении древних поселений), в большинстве случаев настолько самобытна, что ее сравнение с керамикой, найденной при исследовании синхронных археологических памятников Среднего Востока, затруднительно. Во-вторых, импорты из древнеземледельческих центров Юго-Западной Азии почти не представлены в культурных отложениях городища Алтын-депе. В-третьих, радиоуглеродные даты, полученные при исследовании Алтын-депе, настолько противоречат друг другу (Кирчо, Попов 2005), что их нельзя использовать для обоснования шкалы абсолютной хронологии данного поселения.

Поэтому главную роль в определении возраста строительных горизонтов рассматриваемого памятника играют артефакты, найденные в закрытых комплексах (наборы погребального инвентаря, а также вещи, обнаруженные на полах жилых помещений), которые имеют аналогии в материалах поселений и могильников Среднего Востока, надежно датированных с помощью радиоуглеродных дат. Однако далеко не каждая, отвечающая этим требованиям категория предметов, полученных во время раскопок Алтын-депе, может быть надежным хронологическим индикатором.

Рассмотрим в связи с этим металлические стержни с каплевидным утолщением на одном конце и навершием в виде лопаточки на другом (Алёкшин, Кирчо 2005: 37; Кирчо 1980: 160, 161, рис. 1, *2*; 2001: 64, 77, рис. 6, *1*; 2005: 348, 405, рис. 3, *1*; 2005б: табл. 59, *9*; Массон 1977: 169; 1981: 12, табл. XXVII, *9*). Данные изделия (рис. 1, *1–18*), имеющие длину от 13,5 см до 19,5 см, являются частью женского косметического набора. Их использовали для нанесения краски на лицо (Кирчо 2005а: 405).

Именно такой стержень длиной 17 см (рис. 1, *6*) был обнаружен в коллективном захоронении (круглая погребальная камера, горизонт Алтын 10), выявленном на раскопе 1, возле скелета № 296 (женщина 18–19 лет). В этом напластовании, также как и в более раннем горизонте Алтын 11 и в более позднем горизонте Алтын 9 найдены фрагменты расписной посуды (Кирчо 2000: 190; 2004: 149; Массон 1981: 12, 13, 16; 1982: 47, 48; Массон, Кирчо 1999: 64; 2008: 19, 22, 38, 43, 48), орнаментация которой типична для слоя 1А поселения Кара-депе, расположенного в западном ареале анауской культуры (Массон 1960: 355–364; 1982: 42). Такая керамика относится, в соответствии с периодизацией древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана, к периоду *развитое* Намазга III (*поздний энеолит*; Массон 1982: 36).

Рассматриваемые стержни находят в основном во время раскопок древнеземледельческих памятников Южного Туркменистана. Самые ранние их образцы обнаружены в культурных отложениях поселений эпохи позднего энеолита (*ранний* и *развитой* этапы периода Намазга III). Они зафиксированы преимущественно в погребениях, выявленных на таких памятниках как Кара-депе: слой Кара IБ (№ 6 и № 17; рис. 1, *1*, *2*), слой Кара IА (№ 45) и Геоксюр 1: горизонт 1 (толос А, № 3; толос Д, № 31 и скелет, номер которого не указан; рис. 1, *3–5*; Кузьмина 1966: 77, 99, 149, табл. XVI,

16–18; Массон 1960: 347, 370, 382, 409, 411, 414, 434, табл. XV, *9–11*, 458; 1982: 74, табл. VIII, *1–3*; Сарианиди 1960: 286; 1965: 16, 17, рис 11, *5, 17, 18*). Иногда эти изделия находили в заполнении строительных горизонтов (Массон 1960: 327, 370) или при сборе подъемного материала с поверхности памятника (Сарианиди 1960: 269). По мнению Л. Б. Кирчо, период раннего Намазга III в подгорной полосе Копетдага следует датировать концом IV тыс. до н. э. (Кирчо 2007: 203).

Традиция изготовления косметических стержней с навершием в виде лопаточки продолжается также в эпоху раннего (период Намазга IV) и среднего (период Намазга V) бронзового века Южного Туркменистана. На Алтын-депе они встречены в погребениях № 736 (раннее Намазга IV, Алтын 8; рис. 1, *7*), № 884 (среднее Намазга V, Алтын 2; рис. 1, *8*) и № 695 (позднее Намазга V, позднее Алтын 0; Алёкшин, Кирчо 2005: 60, 63, 73; Кирчо 1980: 168; 2001: 64, 77, 78, рис. 6, *8;* 7, *16, 21*; 2005а: 350, 386, 388, рис. 4, *5*; 19, *8*; 21, *12*; 2005б: табл. 107А, *2*; 116, *5*; 138, *6*), а также в культурных отложениях городища, которые относятся к эпохе позднего энеолита и среднего бронзового века (Кирчо 2001: 64). Таким образом, на Алтын-депе этот тип находок существует вплоть до рубежа III/II тыс. до н. э.

Два аналогичных изделия были выявлены во время сбора подъемного материала с поверхности поселения Хапуз-депе (рис. 1, *9, 10*), причем в той части памятника, где кроющий слой содержал расписную керамику времени Намазга IV (Сарианиди 1964: 60, 61, рис. 15, *9, 10*). К сожалению, отсутствует информации о размерах данных стержней, так как на рисунке, где они изображены, нет масштаба.

Еще один такой же косметический стержень был найден в Тахтабазарском могильнике (рис. 1, *11*; долина среднего течения р. Мургаб), который относится к периоду позднего Намазга V, судя по найденной здесь медной лопаточке (Удеумурадов 1994: 71, рис. 2, *5*), аналогии которой представлены в поздних захоронениях Алтын-депе (позднее Алтын 0/Алтын 0): погребения № 252 и № 924а (Алёкшин, Кирчо 2005: 34, 76; Кирчо 2005б: табл. 56, *4*; 146А, *4*).

Большая серия аналогичных косметических стержней (несколько десятков экземпляров) зафиксирована в юго-восточном Туркменистане во время раскопок могильника Гонур-депе, погребения которого относятся к последней четверти III тыс. до н. э.–началу II тыс. до н. э. (Зайцева и др. 2008: 168, 170, 171). Часть этих стержней имеет навершие в виде лопаточки (рис. 1, *12*; Сарианиди 2001: 59, 99–104, 160, табл. 25, *5*; Sarianidi 2007: 90, 91, 202–289, fig. 110, погребение 1320).

Находки подобных косметических стержней известны и за пределами ареала анауской культуры. Несколько стержней с навершием в виде лопаточки были обнаружены на севере Центральной Азии в могильнике Заманбаба в низовьях Зеравшана (Узбекистан). К сожалению, большинство из них имеет плохую сохранность, но в одном случае (погребение № 33; рис. 1, *13*), несомненно, представлен стержень рассматриваемого типа (Гулямов и др. 1966: 125, 159, 160, табл. XVI, *10*).

Датировка могильника Заманбаба до сих пор является предметом оживленной дискуссии среди специалистов. Первым археологом, который попытался определить абсолютную дату могильника Заманбаба, был В. М. Массон. Именно он установил, что расписной сосуд, нижняя часть которого обнаружена в погребении № 27 (Там же: 125), относится ко времени позднего Намазга IV (Массон 1957: 48). Исходя из имевшихся тогда у него представлений об абсолютной хронологии бронзового века Южного Туркменистана и Северного Ирана, В. М. Массон отнес рассматриваемый памятник к концу III–первой трети II тыс. до н. э. (Массон 1957: 48; 1966: 208). В обобщающей монографии 2006 г. исследователь придерживается этой же точки зрения (Массон 2006: 82), хотя в некоторых своих публикациях он допускал и более раннюю дату: вторая половина III–начало II тыс. до н. э. (Массон 1959: 113) или конец III–начало II тыс. до н. э. (Массон 1964: 185).

Находки из могильник Заманбаба были детально рассмотрены Е. Е. Кузьминой. Справедливо указав на ряд аналогий материалам могильника (фрагменты двух сосудов, изготовленных на гончарном круге, крестовидные каменные бусы, медные зеркала, кремневые наконечники стрел, глиняная женская статуэтка) в памятниках бронзового века Южного Туркменистана (периоды На-

мазга IV и Намазга V) и Северного Ирана (Шах-тепе II–III, Гиссар IIIB–IIIC), она пришла к выводу о том, что данный памятник относится к концу III, а скорее к первым векам II тыс. до н. э. (Кузьмина 1958: 33). Однако выводы опубликованных в конце 1950-х–середине 1960-х гг. работ В. М. Массона и Е. Е. Кузьминой были основаны лишь на результатах анализа предварительных сообщений о работах на могильнике Заманбаба.

Полная публикация этого памятника увидела свет в 1966 г. (Гулямов и др. 1966). Авторы раскопок могильника, изучив его материалы, пришли к выводу о том, что в керамической коллекции памятника представлена не только посуда времени Намазга IV и Намазга V, но и раннего Намазга VI. Однако основные аналогии материалам могильника Заманбаба на юге Туркменистана, по мнению авторов, относятся ко времени Намазга V. Исходя из этого, они, следуя уже устаревшей к тому времени хронологической схеме развития анауской культуры, в соответствии с которой период Намазга V относится к первой половиной II тыс. до н. э. (Массон 1956: 326), датировали могильник Заманбаба именно этим временем (Гулямов и др. 1966: 163–166).

Рецензируя итоговое издание материалов рассматриваемого памятника Е. Е. Кузьмина расширила список ранее приведенных ею аналогий, синхронизирующих могильник Заманбаба с кругом древнеземледельческих памятников Южного Туркменистана, подчеркнув, что наиболее близкие параллели находкам, обнаруженным на этом расположенном в низовьях Зеравшана кладбище, соответствуют концу периода Намазга IV и началу периода Намазга V на юге Туркменистана. Исследовательница фактически согласилась с мнением В. М. Массона, высказанном им в монографии, опубликованной в 1964 г. (Массон 1964: 185), о том, что могильник Заманбаба следует датировать концом III–рубежом II тыс. до н. э. (Кузьмина 1968: 304–306). Этот вывод она повторила и в одной из своих последних работ (Кузьмина 2008: 46). Такой же даты придерживаются и некоторые другие археологи (Виноградов и др. 1986: 72), хотя существует и более широкая датировка рассматриваемого памятника: конец III–первая половина II тыс. до н. э. (Мандельштам 1972: 8).

Впоследствии были сделаны две попытки омоложения абсолютной даты могильника Заманбаба. Одна из них была предпринята А. А. Аскаровым, который, усматривая сходство некоторых керамических форм рассматриваемого памятника с посудой поздних этапов культуры Сапалли, предложил датировать могильник Заманбаба второй четвертью II тыс. до н. э. (Аскаров 1981). Еще более радикальную позицию занял В. И. Сарианиди. По его мнению, отдельные артефакты, найденные в захоронениях рассматриваемого кладбища (каменные крестовидные бусы, косметические стержни с навершием в виде лопаточки, керамические изделия в виде «кормушек»), имеют аналогии в могильниках Северного Афганистана, расположенных на окраинах поселений, которые относятся к рубежу II–I тыс. до н. э. Следовательно, могильник Заманбаба должен относиться именно к этому времени (Сарианиди 1979).

Обе эти датировки не были приняты большинством исследователей, хотя сторонниками омоложения датировки могильника Заманбаба были также И. Н. Хлопин, считавший, что рассматриваемый памятник следует относить к середине II тыс. до н. э. (Хлопин 1983: 70), и Л. Т. Пьянкова, датировавшая могильник последней четвертью II тыс. до н. э. (Пьянкова 1989: 61)

Недавно Ю. Г. Кутимов предпринял детальное исследование могильника Заманбаба, рассмотрев и вопрос об его абсолютной хронологии. Выводы Ю. Г. Кутимова, базирующиеся на основе обстоятельного анализа всех артефактов (исключая глиняную статуэтку), найденных при раскопках этого кладбища, позволили установить, что керамический комплекс памятника Заманбаба, а также некоторые детали погребального обряда данного могильника (ориентировка умерших, подсыпка из охры и мела, расположение погребального инвентаря в могиле) тяготеют к похоронным традициям ямной культуры, в то время как упоминавшийся выше фрагмент импортного расписного сосуда действительно относится ко времени позднего Намазга IV. Исходя из этого, исследователь датировал данный могильник серединой III тыс. до н. э., что не противоречит радиоуглеродным калиброванным датам поздней ямной культуры и второй половины эпохи Намазга IV (Кутимов 2005).

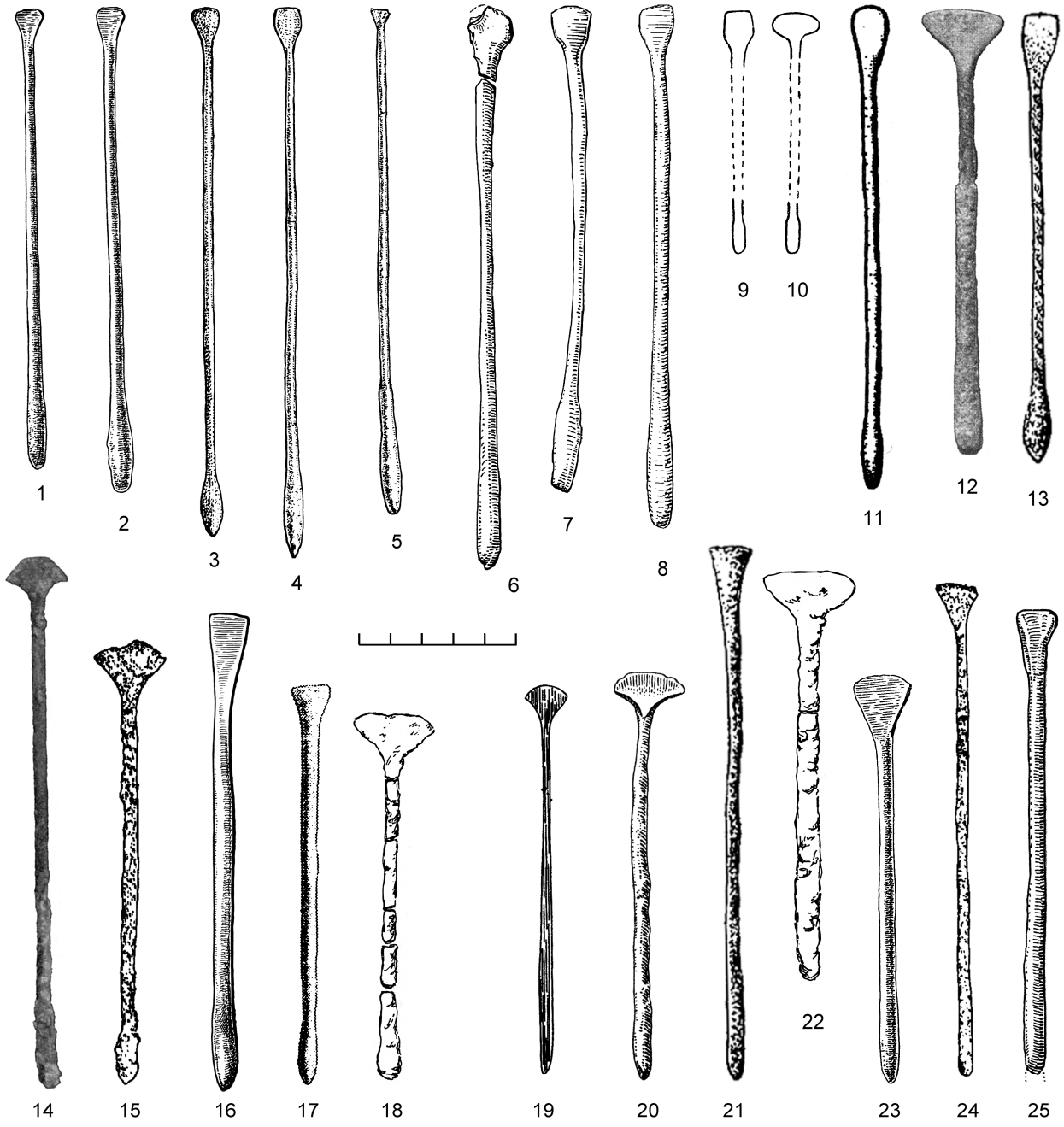

Рис. 1. Металлические косметические стержни Центральной Азии и Среднего Востока с навершием в форме лопаточки. 1–18 — стержни эпохи энеолита и бронзы с каплевидным утолщением на конце: 1, 2 — Кара-депе, слой Кара 1Б (по Кузьмина 1966); 3–5 — Геоксюр 1, горизонт 1 (по Сарианиди 1960); 6–8 — Алтын-депе (по Кирчо 2005б), горизонты Алтын 10, Алтын 8 и Алтын 2; 9, 10 — Хапуз-депе (по Сарианиди 1964; без масштаба); 11 — Тахтабазарский могильник (по Удеумурадов 1994); 12 — Гонур-депе, могильник (по Sarianidi 2007); 13 — могильник Заманбаба (по Гулямов и др. 1966); 14 — Тепе Яхья, горизонт IVC (по Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973); 15 — Шортугай (по Francfort et al. 1989); 16 и 17 — Дашлы 3 (по Сарианиди 1984 и 1976); 18 — Шах-тепе, слой IIа (по Arne 1945). 19–25 — стержни бронзового века без каплевидного утолщения на конце: 19 — Мундигак, горизонт IV 1 (по Casal 1961); 20 — Пархай II (по Хлопин 2002); 21 — могильник Заманбаба (по Гулямову и др. 1966); 22 — Шах-тепе, слой IIа (по Arne 1945); 23 — Алтын-депе (по Кузьмина 1966); 24 — Шортугай (по Francfort et al. 1989); 25 — Ранний Тулхарский могильник (по Мандельштам 1968)

Еще один стержень был обнаружен в Юго-Западном Иране на поселении Тепе Яхья в слое IVC (рис. 1, *14*; Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: fig. 124, *внизу*). Первоначально К. К. Ламберг-Карловски отнес этот период ко второй половине IV тыс. до н. э. (Lamberg-Karlovsky 1970: 5, 81; 1972: 89, 93; Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971: 15; Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: 30), но впоследствии отказался от столь ранней даты и синхронизировал рассматриваемый слой с первым столетием III тыс. до н. э. (Ламберг-Карловски 1990: 10).

При раскопках поселения Шортугай (Северо-Восточный Афганистан) было найдено два косметических стержня рассматриваемого типа (Francfort et al. 1989: 149, pl. 76, *7*, *8*; XXXIX, *1b*, *1c*). К сожалению, опубликованные сведения о стратиграфической позиции этих предметов грешат неточностями или опечатками. С одной стороны, указано, что такие артефакты, известные также на хараппских поселениях долины Инда, появляются в Шортугае лишь в слое 4 раскопа А, на завершающей стадии периода I, который относится к хараппскому времени (Ubid: 149). С другой стороны, оказывается, что они были связаны со слоями 0 и 2 позднего хараппского периода II (Ubid: 153, tabl. 52), тогда как в действительности к этому периоду относятся слои 3 и 4 (Ubid: pl. 19). Тем не менее, можно считать, что металлические изделия с навершием в виде лопаточки (рис. 1, *15*) были характерны для хараппской эпохи Шортугая, которая началась около 2200 г. до н. э. и длилась до конца III тыс. до н. э. (Francfort 1983: 518; Francfort et al. 1989: 241, 242).

Аналогичные косметические стержни были найдены и во время раскопок поселения Дашлы 3 (Северный Афганистан). Один из них (рис. 1, *17*) обнаружен в захоронении № 6 могильника, расположенного на руинах монументального круглого здания (Сарианиди 1976: 55, 81, рис. 51, *1*). Местонахождение другого экземпляра (Сарианиди 1976: 79, рис. 49, *78*), к сожалению, не указано. Третий стержень (рис. 1, *16*) был зафиксирован при раскопках большого прямоугольного сооружения Дашлы 3, которое В. И. Сарианиди интерпретировал как дворец (Сарианиди 1984: 5, 26, рис. 18, *14*). Найденный здесь стержень относится к позднему (второму или третьему) периоду существования этой постройки (Там же: 22).).

В. И. Сарианиди датировал и поселение Дашлы 3, и кладбище, перекрывающее круглое здание, одно из грандиозных сооружений этого памятника, второй половиной II тыс. до н. э., исходя из собственной схемы развития культуры бронзового века на севере Афганистана. Дополнительным аргументом в пользу своей концепции он посчитал радиоуглеродную дату, которую удалось получить при исследовании грунтового могильника, расположенного к востоку от Дашлы 3: 1490 г. до н. э. (Сарианиди 1976: 44, 83, 84).

Дальнейшее совершенствование метода ^{14}C привело к пониманию того, что единственный образец не может служить основанием для надежного датирования археологического памятника. С другой стороны, могильник Гонура (дельта р. Мургаб на юге Туркменистана) (Сарианиди 2001: 54, 155, табл. 20, *2*, *6*; Sarianidi 2007: 82, 83) в соответствии с новейшей радиоуглеродной хронологией датируется последней четвертью III–началом II тыс. до н. э. (Зайцева и др. 2008: 170). Таким образом, начало гонурского периода на юге Туркменистана следует удревнить до последней четверти III тыс. до н. э., синхронизировав его частично с периодом Намазга V в подгорной полосе Копетдага (Сарианиди 2001; 2008; Sarianidi 2007). Поскольку ранее В. И. Сарианиди относил Гонур и Дашлы 3 к периоду Намазга VI, датируя оба памятника третьей четвертью II тыс. до н. э. (Сарианиди 1990: 62, 74), то удревнение Гонура автоматически ведет и к удревнению Дашлы 3, по меньшей мере, до рубежа III и II тыс. до н. э. Следовательно, рассматриваемые косметические стержни Дашлы 3, видимо, относятся именно к этому времени.

Еще один стержень рассматриваемого типа был обнаружен при раскопках поселения Шахтепе (рис. 1, *18*; Северо-Восточный Иран) в поздней части (а) слоя II, шурф E (Arne 1945: 57, 298, fig. 646c, 301, 364). Этот слой, вероятно, синхронен с периодом Намазга V на юге Туркменистана (Массон 1956: 318, 323).

Таким образом, большинство косметических стержней с навершием в виде лопаточки и каплевидным утолщением на конце обнаружено на древнеземледельческих памятниках Южного

Туркменистана в слоях, относящихся к концу IV тыс. до н. э.– рубежу III/II тыс. до н. э. За пределами ареала анауской культуры единичные находки этих изделий, известные к северо-востоку от подгорной полосы Копетдага (низовья Зеравшана, могильник Заманбаба), к юго-западу (Шахтепе) и юго-востоку от нее (Тепе Яхья IVC, Шортугай, Дашлы 3), появляются позже, чем в Южном Туркменистане и датируются началом III–рубежом III/II тыс. до н. э.

Следует, однако, подчеркнуть, что на юге Центральной Азии и на Среднем Востоке имеются косметические стержни, несколько отличающиеся от вышеописанных. У этих экземпляров стержень слегка расширяется от навершия к концу, образуя притупленную нижнюю часть изделия, лишенную ярко выраженного утолщения (рис. 1, 19–25).

Одна такая находка была зафиксирована при раскопках Мундигака (рис. 1, *19*; Южный Афганистан), в горизонте 1 слоя IV (Casal 1961: 106, 249; fig. 140, *20*). В этом же горизонте были открыты фрагменты расписной керамики с изображениями пятнистых барсов (Ubid: fig. 63, *159–162*), которых часто изображали на южнотуркменской керамике времени позднего Намазга III (поселение Кара-депе; Массон 1981: 111). В более позднем горизонте 2 слоя IV представлен сосуд с полихромной росписью, на которой изображены кресты в картушах (Casal 1961: fig. 91). По заключению В. М. Массона, эта орнаментация аналогична росписи крупных сосудов периода Намазга IV на поселениях Алтын-депе и Намазга-депе (Массон 1981: 93). Поскольку культурный импульс, исходивший из подгорной полосы Копетдага, мог проникнуть в столь отдаленный регион как юг Афганистана лишь по прошествии весьма длительного времени, то ранние (1 и 2) горизонты Мундигака IV следует синхронизировать с началом раннего бронзового века Южного Туркменистана.

Изделие такой же формы было найдено в погребении № 13 могильника Заманбаба (рис. 1, *21*; Гулямов и др. 1966: 123, 159, 160, табл. XVI, *14*), которое датируется серединой III тыс. до н. э. (Кутимов 2005).

Аналогичный предмет был обнаружен в погребальной камере № 45, в могильнике Пархай II (рис. 1, *20*), у ног умершего мужчины. И. Н. Хлопин считал это изделие, имеющее длину 12,7 см, ковровым ножом (Хлопин 2002: 63, 294, табл. 94, *2*), однако не привел ни одного аргумента в пользу такого предположения. Камера № 45 относится по периодизации И. Н. Хлопина ко второму этапу развитой бронзы (период ЮЗТ-II; Там же: 62). Этот период соответствует, вероятно, среднему бронзовому веку подгорной полосы Копетдага (периоды среднее и позднее Намазга V).

Такое же изделие выявлено при исследования поселения Шах-тепе на северо-востоке Ирана (рис. 1, *22*). Оно было положено в могилу 4, относящуюся к поздней части (a) слоя II, шурф F (Arne 1945: 67, 298, fig. 646b, 301, 364). Это культурное отложение, как было сказано выше, синхронно периоду Намазга V на юге Туркменистана (Массон 1956: 318, 323).

Еще один такой стержень (Кузьмина 1966: 77, 99. 149, табл. XVI, 19; Кирчо 2001: 64, 78, рис. 7, *3*) был поднят при осмотре поверхности поселения Алтын-депе (рис. 1, *23*) и, видимо, датируется временем среднего бронзового века.

Изделие этого типа было также зафиксировано на поселении Шортугай (раскоп B; рис. 1, *24*) в слое 1 (постхараппский период IV), который, вероятно, датируется первой четвертью II тыс. до н. э. (Francfort 1983: 518; Francfort et al. 1989: 153, 241, 242, tabl. 52, pl. 76, *9*; XXXIX, *1a*).

Два аналогичных стержня найдены в Южном Таджикистане при раскопках Раннего Тулхарского могильника бишкентской культуры (Мандельштам 1968: 149, табл. VIII, *3, 4*). Они были обнаружены в погребениях № 6 (захоронение мужчины и женщины; рис. 1, *25*) и № 29 (погребение женщины; Мандельштам 1968: 11, 25). В обоих случаях умершие были похоронены в так называемых ямах со спуском (Там же: 55), которые автор раскопок датировал в целом XIII–IX вв. до н. э. на основания находок в них ножей «срубного» типа, бритв, зеркал с металлической рукоятью и некоторых керамических форм (Мандельштам 1968: 91, 92; 1972: 10–13). В пределах этого хронологического горизонта А. М. Мандельштам выделял пласт более ранних захоронений в ямах со спуском (XIII–XII вв. до н. э.), в число которых он включил и погребение № 29 с косметическим

стержнем (Мандельштам 1968: 92). Автор раскопок относит обе тулхарские находки к категории булавок, поскольку у них нет столь характерного для косметических стержней утолщения в нижней части изделия (Там же: 83). Примерно так же датировал погребения бишкентской культуры и А. А. Аскаров, который синхронизировал их с молалинским этапом (1350–1000 гг. до н. э.) культуры Сапалли (Аскаров 1977: 5, 105, 115).

Впоследствии исследователи предлагали и другие даты для Раннего Тулхарского могильника, как более ранние, так и более поздние. Например, А.-П. Франкфор нашел в IV слое поселения Шортугай (Северный Афганистан) погребение бишкентской культуры, а также пять сосудов, которые, по его мнению, относились к этой же культуре. Поскольку вышеупомянутый слой, в соответствии с некалиброванными радиоуглеродными датами, может быть синхронизирован со второй четвертью II тыс. до н. э., А.-П. Франкфор отнес бишкентскую культуру именно к этому времени (Francfort 1981: 194, 201). Этот вывод в свое время поддержал и автор данной статьи (Алёкшин 1986: 100; 1989: 154; Alekshin 1988: 259).

Развивая идеи А.-П. Франкфора, немецкие исследователи К. Каниут и М. Тойфер выдвинули гипотезу о том, что отдельные сосуды (плоские чаши, тип 1), найденные в северной группе захоронений этого некрополя, имеют аналогии в керамическом материале культуры Сапалли, который относится к 1750–1650 гг. до н. э. С другой стороны кубки с вертикальными стенками Раннего Тулхарского могильника близки кубкам, выявленным в периоде Шортугай III, а, возможно, и в конце более раннего периода Шортугай IV. Таким образом, германские археологи датируют северную группу захоронений рассматриваемого могильника второй половиной XVIII–началом XVI в. до н. э. (Kaniuth, Teufer 2001: 111). Погребения южной группы Раннего Тулхарского могильника, в которых найдена керамика, сходная с глиняной посудой самых поздних этапов культуры Сапалли, К. Каниут и М. Тойфер относят к началу XVI–середине XV в. до н. э. (Ubid). Могилы западной группы рассматриваемого кладбища, в которых отсутствует керамический материал, сходный с соответствующими находками сапаллинской культуры или Шортугая немецкие исследователи относят ко второй половине XV–середине XIV в. до н. э. (Ubid: 112, abb. 14).

Однако многие отечественные исследователи не согласились со столь древними датами Раннего Тулхарского могильника. Например, Н. М. Виноградова датировала ямы со спуском рассматриваемого могильника XV–XIII вв. до н. э. (Виноградова 2004: 99–101), а Л. Т. Пьянкова — второй половиной XII–первой половиной XI в. до н. э. (Пьянкова 1989: 100).

Недавно погребальные комплексы Раннего Тулхарского могильника были подробно рассмотрены Ю. Г. Кутимовым (2008: 165–178). Исследователь установил, что в погребальном обряде этого кладбища (захоронения в ямах со спуском, которые представлены как в северной, так и в южной части некрополя) представлен большой набор элементов, характерных для степных культур эпохи поздней бронзы, в частности для саргаринско-алексеевского этапа андроновской культурной общности, которая в настоящее время датируется XIV–XIII вв. до н. э. (Кутимов 2008: 175). Следовательно, к этому времени и нужно относить захоронения в ямах со спуском Раннего Тулхарского могильника.

Данную группу косметических стержней, кроме находки в поверхностном слое Алтындепе, составляют экземпляры, обнаруженные вне ареала анауской культуры. Они известны на памятниках, расположенных к юго-востоку (Мундигак IV 1, Шортугай IV), северо-востоку (могильники Заманбаба и Ранний Тулхарский) и западу (Пархай II, Шах-тепе IIа) от подгорной полосы Копетдага, причем эти изделия датируются, начиная со второй четверти III тыс. до н. э. вплоть до третьей четверти II тыс. до н. э.

Исходя из временного и пространственного распределения обеих групп косметических стержней, можно заключить, что первая из них (стержни с каплевидным утолщением на конце) возникла в конце IV тыс. до н. э. в Южном Туркменистане. Находки этих изделий вне подгорной полосы Копетдага свидетельствуют о том, что древние земледельцы юга Центральной Азии на рубеже III и IV тыс. до н. э. установили торговые и культурные контакты с населением областей,

расположенных как к юго-востоку, так и к северо-востоку от Южного Туркменистана. Вторая группа (стержни без явно выраженного каплевидного утолщения) появилась, вероятно, в начале III тыс. до н. э. в странах Среднего Востока, как результат своеобразного копирования центральноазиатских оригиналов или подражания им. Отдельные экземпляры этой группы стержней, обнаруженные на юго-востоке (Алтын-депе) и юго-западе (Пархай II) Туркменистана, а также в низовьях Зеравшана (Заманбаба), подчеркивают двусторонний характер торгово-обменных связей между сопредельными регионами Среднего Востока и юга Центральной Азии. Еще одним свидетельством этого взаимодействия являются два уже упоминавшихся стержня из Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 149, табл. VIII: *3*, *4*), навершия-лопаточки которых повторяют форму навершия стержня, найденного при раскопках «дворца» в Дашлы 3 (Сарианиди 1984: 26, рис. 18, *14*). Следует подчеркнуть, что в могильнике Заманбаба представлены стержни обеих групп. Этот факт, видимо, свидетельствует о том, что низовья Зеравшана располагались в зоне культурного влияния не только земледельческих оазисов подгорной полосы Копетдага.

Вывод о центральноазиатском происхождении косметических стержней первой группы позволяет скорректировать точку зрения В. И. Сарианиди, в соответствии с которой предполагалось, что этот вид украшений возник в общем центре для Восточного Ирана и Южной Туркмении (Сарианиди 1976: 85, 86).

Стержни обеих групп, существующие в широком хронологическом диапазоне (конец IV тыс. до н. э.–рубеж III/II тыс. до н. э; вторая четверть III тыс. до н. э.–третья четверть II тыс. до н. э.), не могут рассматриваться в качестве хронологического репера для датировки того или иного археологического комплекса, в том числе и для датирования культурных отложений Алтын-депе эпохи позднего энеолита и бронзового века.

В эпоху бронзы на юге Центральной Азии и в странах Среднего Востока представлена еще одна группа металлических изделий, которые также имеют навершие в виде лопаточки. Однако в отличие от предметов, принадлежащих к двум первым группам, артефакты, составляющие третью группу, имеют заостренный конец, что свидетельствует об их иной функциональной принадлежности. Эти вещи, служившие булавками, не рассматриваются в настоящей работе.

Алёкшин 1986 — *Алёкшин В. А.* Проблемы происхождения археологических культур неолита-бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // ИБ МАИКЦА. 1986. Вып. 11. С. 96–103.

Алёкшин 1989 — *Алёкшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.

Алёкшин, Кирчо 2005 — *Алёкшин В. А., Кирчо. Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе. Текст // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 1. С. 11–146.

Аскаров 1977 — *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскаров 1981 — *Аскаров А. А.* К передатировке культуры Заманбаба // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 99–110.

Виноградов и др. 1986 — *Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М., 1986 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 15).

Виноградова 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

Гулямов и др. 1966 — *Гулямов Я. Х., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.

Зайцева и др. 2008 — *Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМАЭ. М., 2008. Т. 2. С. 166–179.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе // СА. 1980. № 1. С. 158–174.

Кирчо 2000 — *Кирчо Л. Б.* Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Сборник материалов. СПб., 2000. С. 177–194.

Кирчо 2001 — *Кирчо Л. Б.* Металлические изделия Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 60–84.

Кирчо 2004 — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2004. С. 142–160.

Кирчо 2005а — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 347–421.

Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Таблицы иллюстраций // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 1. С. 147–313.

Кирчо 2007 — *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. СПб., 2007. № 2. С. 193–208.

Кирчо, Попов 2005 — *Кирчо Л. Б., Попов С. Г.* К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э. // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 528–539.

Кузьмина 1958 — *Кузьмина Е. Е.* Могильник Заман-Баба // СЭ 1958. № 2. С. 24–33.

Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 (САИ. Вып. В4-9).

Кузьмина 1968 — *Кузьмина Е. Е.* Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. 1968. № 2. С. 302–309.

Кузьмина 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М; СПб., 2008.

Кутимов 2005 — *Кутимов Ю. Г.* Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии // АВ. 2005. № 12. С. 188–208.

Кутимов 2008 — *Кутимов Ю. Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. СПб., 2008. № 3. С. 159–180.

Ламберг-Карловски 1990 — *Ламберг-Карловски К. К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. 1990. № 1. С. 3–21.

Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА. № 145).

Мандельштам 1972 — *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис.… д-ра ист. наук. М.; Л., 1972.

Массон 1956 — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 291–373.

Массон 1957 — *Массон В. М.* Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // СА. 1957. № 4. С. 44–54.

Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).

Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 319–463.

Массон 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.

Массон 1966 — *Массон В. М.* Культура Заман-баба // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 208–213.

Массон 1977 — *Массон В. М.* Алтын-депе в эпоху энеолита // СА. 1977. № 3. С. 164–188.

Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981.

Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982. С. 9–92 (Археология СССР).

Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.

Массон, Кирчо 1999 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // Российская археология. 1999. № 2. С. 61–76.

Массон, Кирчо 2008 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение энеолитических комплексов Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008. С. 13–71.

Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. По материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка». Душанбе, 1989.

Сарианиди 1960 — *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 225–318.

Сарианиди 1964 — *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.

Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (САИ. Б 3-8, ч. IV).

Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древня Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976. С. 21–86.

Сарианиди 1979 — *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.

Сарианиди 1984 — *Сарианиди В. И.* Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древня Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции. М., 1984. Вып. 3. С. 5–32.

Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарианиди 2001 — *Сарианиди В. И.*. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сарианиди 2008 — *Сарианиди В. И.* Тайна и правда великой культуры. Aşgabat; Hannover. 2008.

Удеумурадов 1994 — *Удеумурадов Б. Н.* Древние земледельцы Южной Маргианы // АВ. 1994. № 3. С. 69–74.

Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.

Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

Alekshin 1988 — *Alekshin V. A.* Problème de l'origine des cultures archéologiques du néolithique et de l'Age du Bronze en Asie centrale (d'après les rites funéraires) // L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'age du fer. Actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19–26 novembre 1985. Paris, 1988. P. 255–259 (MMAFAC. T. 1).

Arne 1945 — *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm, 1945.

Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).

Francfort 1981 — *Francfort H.-P.* The late periods of Shortughaï and the problem of the Bishkent culture (middle and late Bronze Age in Bactria) // South Asian Archaeology 1979. Berlin, 1981. P. 191–202.

Francfort 1983 — *Francfort H.-P.* Excavations at Shortughaï in northeast Afghanistan // American Journal of Archaeology. 1983. Vol. 87. P. 518–519.

Francfort et al. 1989 — *Francfort H.-P. avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J., Kermorvant A., Willcox G.* Fouilles de Shortughaï. Recherches sur l' Asie Centrale protohistorique. 1989 (MMAFAC. T. 2).

Kaniuth, Teufer 2001— *Kaniuth K., Teufer M.* Zur Sequenz des Gräberfelders von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // AMIT. Bd. 33. 2001. S. 89–113.

Lamberg-Karlovsky 1970 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969. Progress report 1. Cambridge, Mass., 1970.

Lamberg-Karlovsky 1972 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Tepe Yahya 1971. Mesopotamia and the Indo-Iranian borderlands // Iran. 1972. Vol. 10. P. 89–100.

Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971 — *Lamberg-Karlovsky C. C., Kohl Ph. L.* The early bronze age of Iran as seen from Tepe Yahya // Expedition. 1971. Vol. 13, no. 3–4. P. 14–21.

Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973 — *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i-Sokhta and Tepe Yahya: tracks on the earliest history of the Iranian plateau // East & West. 1973. Vol. 23, no. 1–2. P. 21–57.

Sarianidi 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

С. В. Баратов (Ташкент, Узбекистан)

К проблеме автохтонных культур эпохи бронзы Средней Азии

Средняя Азия, богатая минеральными ресурсами (медь, олово, серебро, золото и полудрагоценные камни), в которых нуждались древние цивилизации Передней Азии и Индии, с эпохи энеолита привлекала внимание предприимчивых торговых людей, основавших поселения-фактории на ее территории (Намазга-депе, Алтын-депе, Геоксюр, Саразм). Получаемое сырье, как свидетельствуют археологические материалы, перерабатывали в этих факториях и транспортировали в районы метрополий Элама, Месопотамии, Малой Азии и Индии. В середине–конце IV тыс. до н. э. на довольно обширной территории юга Средней Азии, юга Афганистана, юго-востока Ирана складывается своеобразное культурно-этническое образование, представленное группами крупных поселений со схожей материальной культурой. Анализ исследованных археологических комплексов позволяет интерпретировать их как феномен органично существовавших систем поселений, вероятно, имевших общие политические и хозяйственные интересы. Как показывают археологические исследования, все эти поселения представляли собой союз родственных в культурном отношении автохтонных групп. Х. Ниссен, посвятивший ряд работ исследованию торговых отношений Месопотамии с другими историко-культурными регионами пришел к заключению о том, что при существовавших на ее территории формах политического устройства торговые отношения могли иметь лишь форму равных партнерских отношений. Об этом говорят и переводы текстов, правда более поздних глиняных табличек (Nissen 1995). Археологические свидетельства таких партнерских отношений с автохтонным кельтеминарским населением Средней Азии эпохи неолита могут быть подтверждены работами А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова (Виноградов, Мамедов 1975), которыми в центральных Кызылкумах было найдено большое количество бирюзовых полуфабрикатов — кусков бирюзы с просверленными отверстиями, по их мнению, приготовленных для обмена с оседло-земледельческими центрами.

Фактории-поселения со временем разрослись в урбанизированные хорошо организованные культурные центры (Гонур, Тоголок, Дашлы 3, Сапаллитепа, Джаркутан), транслировавшие интеллектуальные и технологические достижения своих культур на скотоводческие племена, обитавшие на северных пространствах Евразии. В конце III–начале II тыс. до н. э., когда поначалу небольшие оседло-земледельческие поселения вырастают в крупные, сложно организованные протогородские центры, в зонах их распространения появляются представители так называемой андроновской культурно-исторической общности. На раннем этапе это были племена-носители петровской культуры: в Ташкентском оазисе — Чимбайлыкский клад (Баратов 2009: 57, 58); в долине Зеравшана — погребения Сиабча (Археология древнего Самарканда 2007: 60, 61), Джам (Аванесова и др. 2005: 12–33), Зарджа-Халифа (Bobomulloev 1997: 121–184). В первой половине II тыс. до н. э. появляются носители алакульской культуры: некрополи Чакка и Муминабад в долине Зеравшана (Аскаров 1970), а в конце эпохи поздней бронзы (XVI–XIV вв. до н. э.) — представители федоровской культуры: бассейн Сырдарьи (Смагулов, Баратов 2004: 73–78), долина Зеравшана (Бобомуллоев 1998: 56–210), Северная Бактрия и саргары-алексеевской культуры: бассейн Сырдарьи (Баратов 2009: 57, 58). Исследователи культур андроновской общности утверждают, что хозяйство этих племен имело скотоводческую направленность. Основной территорией расселения андроновцев являлись Центральный Казахстан, Южная Сибирь, Урал и Поволжье, где и располагались их основные, хорошо изученные, поселения и некрополи. Долговременные андроновские поселения на территории Средней Азии практически неизвестны. Исследованные поселения: Тугайное в Зеравшанской долине (Avanesova 1996; Аванесова 2002: 16–18), Якке-Парсан 2 в Хорезме (Итина 1977: 173–210), Кайраккумы в Ферганской долине (Литвинский и др. 1962) не имеют мощных культурных отложений, последовательно сменяющихся строительных периодов и горизонтов и не

позволяют говорить об оседлом образе жизни андроновцев. По нашему мнению, присутствие их на пространствах Средней Азии было сезонным — таким, каким было, например, присутствие здесь скотоводов-кочевников в более поздние периоды истории, а потому андроновские племена не могут относиться к автохтонному населению Средней Азии.

Хронология автохтонных культур эпохи бронзы Средней Азии имеет значительную лакуну. Верхние границы существования предшествующих им гисарской и кельтеминарской культур исследователи относят к началу II тыс. до н. э., высказывая мнение о присваивающей направленности их хозяйства (Коробкова 1996: 98–110). В результате последних исследований, проведенных на неолитических памятниках в Центральных Кызылкумах и Согде, открыты поселения кельтеминарской культуры, в материалах которых представлены элементы производящего скотоводческого хозяйства. Новые датировки, полученные методом исследования изотопа ^{14}C, не позволяют относить верхнюю границу существования кельтеминарской культуры позднее рубежа IV–III тыс. до н. э.

Логическое развитие кельтеминарской культуры в Хорезме в начале III тыс. до н. э., на наш взгляд, может быть проиллюстрировано материалами суярганской культуры, керамические комплексы которой сохраняют элементы кельтеминарской культурной традиции, а кремневая индустрия (ножи и наконечники стрел) имеют энеолитический облик. Суярганская культура поначалу была датирована М. А. Итиной концом III тыс. до н. э., но впоследствии была отнесена к «камышлинской» культуре, датируемой XIII–IX вв. до н. э. (рис. 1; Итина 1977: 40–44).

Кельтеминарскую культуру в Согде и Бактрии, по нашему мнению, сменяют комплексы заманбабинской и бишкентской культур. В низовьях Зеравшана керамический комплекс заманбабинской культуры продолжает традиции «кельтеминарцев» и содержит расписную привозную керамику и украшения, характерные для периода Намазга IV (рис. 2). Исследованные комплексы дали основания первооткрывателям этой культуры датировать ее началом III–первой половиной II тыс. до н. э. (Гулямов и др. 1966: 118–186; Аскаров 1981: 99–110). Б. А. Латынин синхронизировал культуру Заманбаба с ямной, катакомбной, афанасьевской и окуневской культурами (Латынин 1958: 49–53). В. М. Массон синхронизировал ее с поздними этапами Намазга IV, Гиссар III и началом Намазга V (2500–2200 гг. до н. э.; Массон 1959: табл. 39, *2*). Е. Е. Кузьмина синхронизировала культуру Заманбаба с комплексами Гиссар III B–C, Намазга IV и V, Шахтепе II и III и степными культурами: ямной, катакомбной, полтавкинской и афанасьевской (3000–2200 гг. до н. э.; Кузьмина 1958: 24–33).

Сегодня археологические комплексы, близкие заманбабинской культуре, известны в Бактрии: некрополь Круг, где они найдены вместе с предметами комплекса Намазга V (Lombardo, Vinogradova 2007: 135) и на территории Фарухабадского оазиса в Северном Афганистане, где был обнаружен аналогичный заманбабинскому подъемный материал, отнсенный В. И. Сарианиди к XII–X вв. до н. э. (Сарианиди 1979: 23–28).

Вещевые комплексы заманбабинской культуры хронологически, типологически и морфологически близки предметам из погребений бишкентской культуры, исследованной в Северной Бактрии. Она представлена могильниками Ранний Тулхар, Тигровая балка, Ой-Куль, Джар-Куль, Вахш I и Маконимор. А. М. Мандельштам, исследовавший материалы Раннего Тулхарского могильника, в погребальных комплексах которого оказалось много аналогичных месопотамским и иранским артефактам предметов, педантично и скрупулезно привел все доступные в то время аналогии, выявившие хронологические параллели от середины III тыс. до VIII в. до н. э. Произведенные химические анализы найденных в могильнике бронзовых изделий продемонстрировали, что все они имеют большой процент намеренной лигатуры меди оловом. К сожалению, в этот период развития археологической науки господствовала концепция о последовательно развивавшейся металлургии бронзы от легирования свинцом (в эпоху ранней бронзы) к оловянистым (в поздний ее период) сплавам. Поэтому, подытоживая всю сумму аналогий и хронологических параллелей, ссылаясь на мнение И. В. Богдановой-Березовской, А. М. Мандельштам склонил чашу весов в пользу поздней даты Раннего Тулхарского некрополя — XIV–VIII вв. до н. э. (Мандельштам 1968).

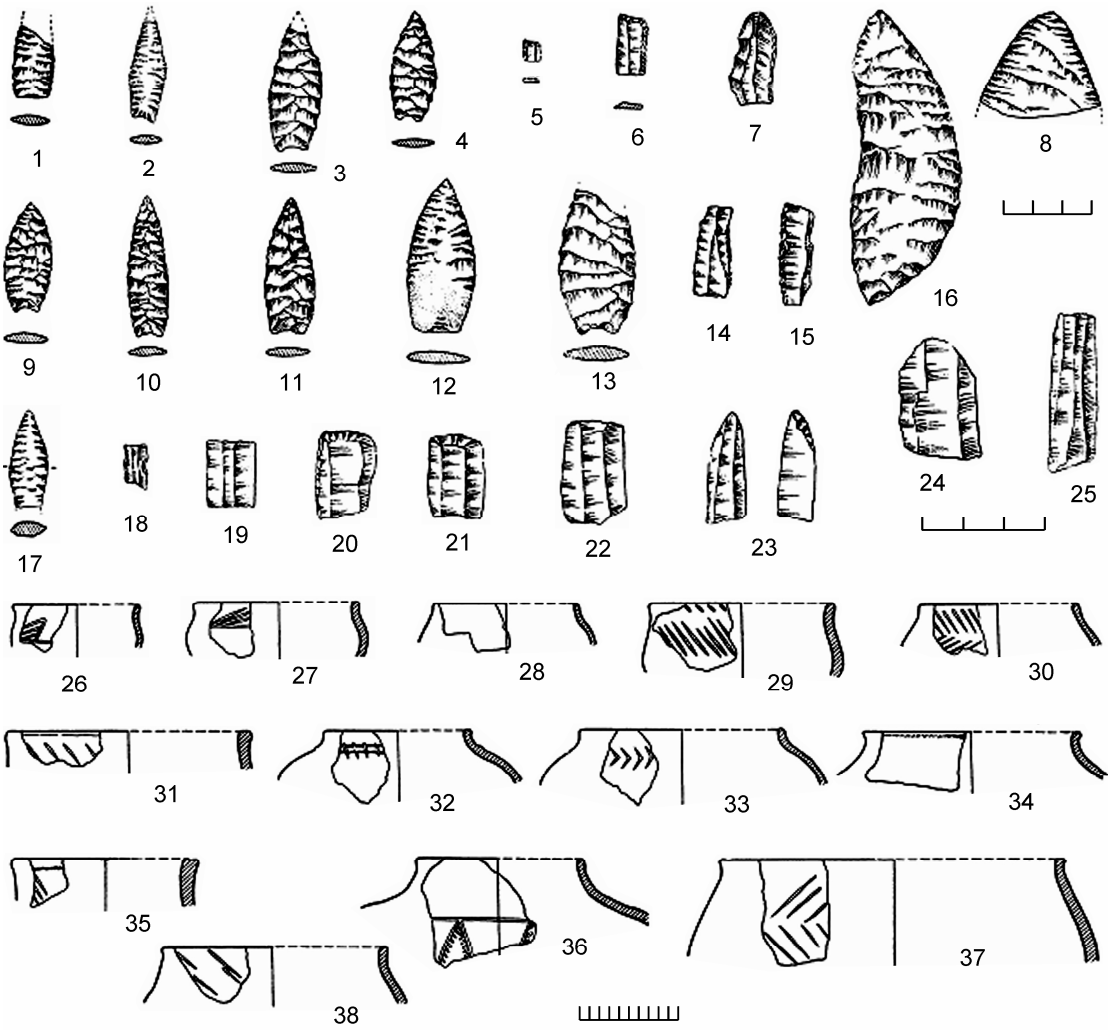

Рис. 1. Комплекс суярганской культуры (по Итина 1977)

Некрополи Тигровая Балка, Ой-Куль, Джар-Куль, Вахш I, Маконимор, исследованные Л. Т. Пьянковой, содержали аналогичные Раннему Тулхарскому могильнику комплексы. Они были датированы VIII–VII вв. до н. э. (Пьянкова 1989). Между тем могильник Тигровая Балка имеет серию калибрированных дат ^{14}C: по Ф. Колу CRD 1? В.С. – курган 7 — 1740–1570 BC; GIN-2524 кург. 8 (3920 ± 100) — 1800 BC; GIN-2525 кург. 8 (4510 ± 340) — 3000 BC; GIN-2526 кург. 8 (4020 ± 80) — рубеж III и II тыс. до н. э. (Kohl 1984).

А. П. Франкфор, исследовавший в 1970-х гг. на севере Афганистана поселение Шортугай, получил стратифицированные данные, содержащие, среди прочих, бишкентский археологический комплекс. Изученные слои имеют серию калибрированных дат ^{14}C. Керамика бишкентского типа на Шортугае найдена на уровнях 2–4 II периода. Даты слоев (2060–2180 BC; 2610–2970 BC; 2900–3340 BC; 2180–2540 BC — Francfort 1989: tabl. 81).

Учитывая выше приведенные обстоятельства, представляется более вероятным в целом отнести бишкентский комплекс раннего типа ко второй половине III тыс. до н. э.

Нами была предпринята попытка заново систематизировать и датировать погребальные комплексы Раннего Тулхарского могильника. В результате проделанной работы 73 погребения могильника были разделены на три группы, отнесенные к трем хронологическим периодам:

Погребения периода 1 составляют самую значительную группу захоронений. Комплекс представлен артефактами, аналогичными могильнику Заманбаба. На площади некрополя погребения этого комплекса занимают компактное центральное положение и могут быть датированы второй половиной III тыс. до н. э. (рис. 3).

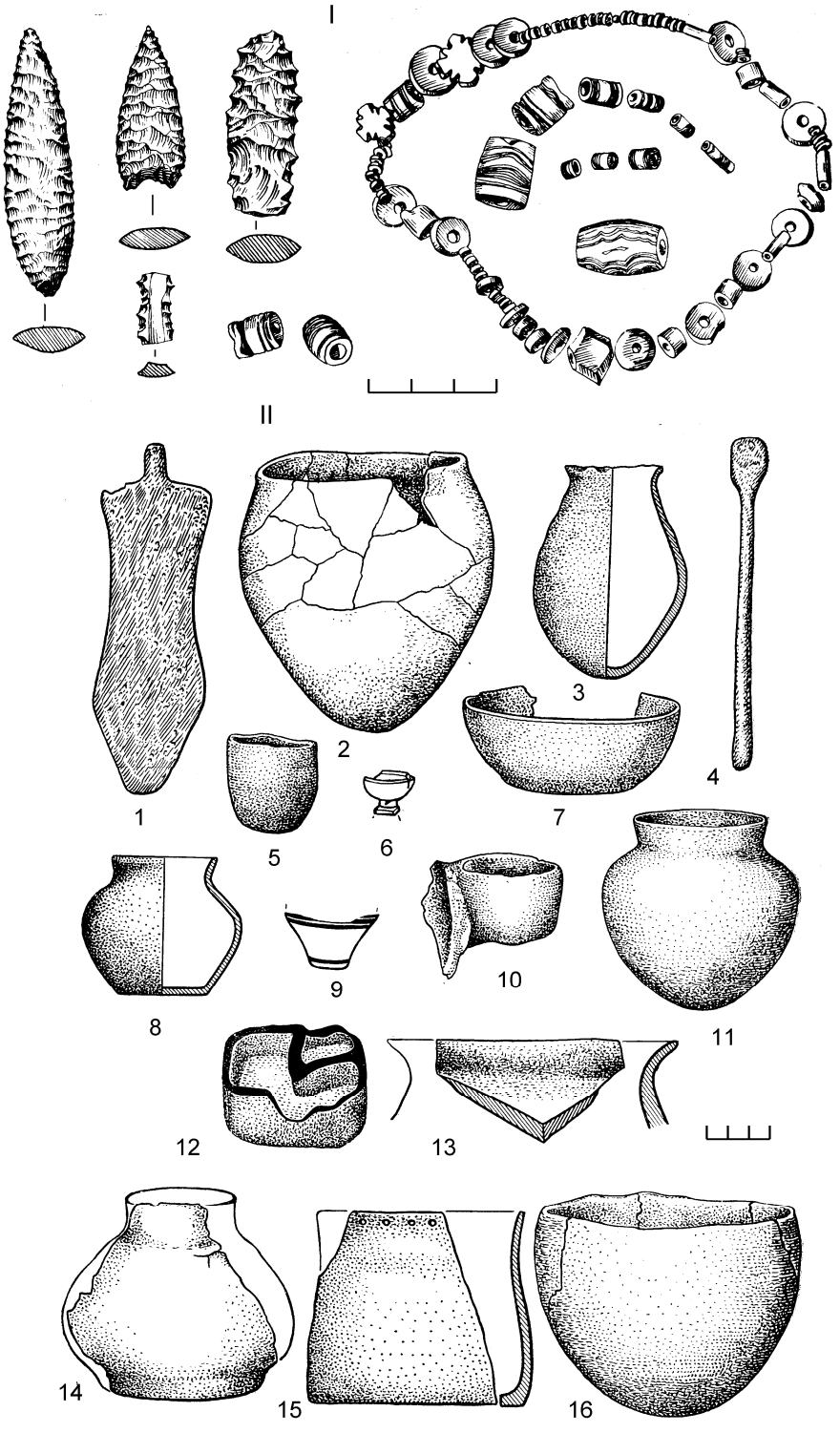

Рис. 2. Комплекс заманбабинской культуры (по Аскаров 1981)

Погребения периода 2 составляют небольшую группу бедных погребений. Материалы погребений этой группы аналогичны комплексам Гиссара IIB–IIIA. Комплекс их артефактов может быть датирован рубежом III и II тыс. до н. э. (рис. 4).

Погребения периода 3 составляют группу захоронений, которая содержит материалы молалинского этапа сапаллинской культуры и федоровской культуры. Эти могилы, с учетом калиброванных ^{14}C дат молалинского этапа, могут быть датированы 1500–1400 гг. до н. э. (рис. 5; Baratov 2001: 161–179).

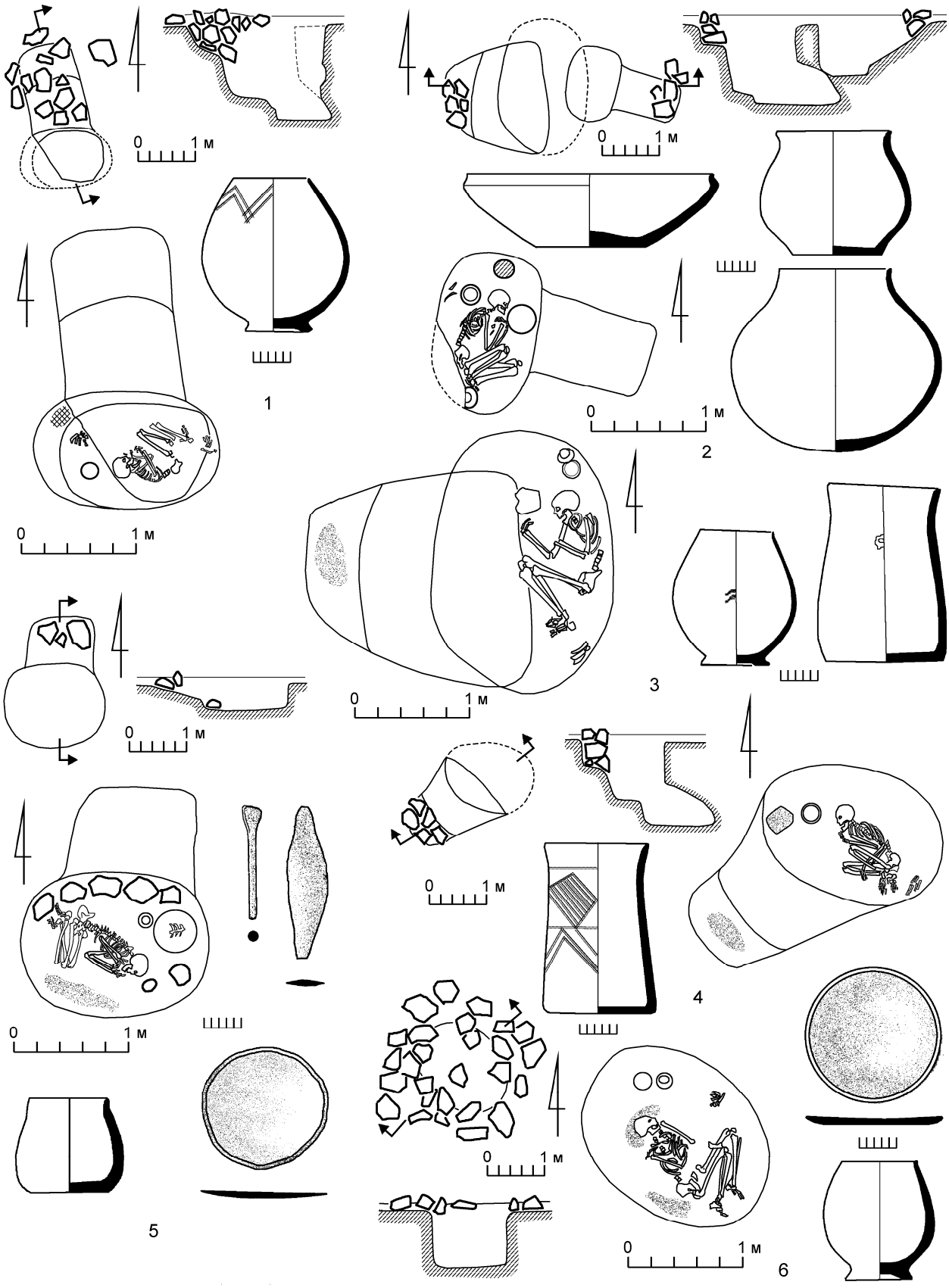

Рис. 3. Ранний Тулхарский могильник, погребения периода 1

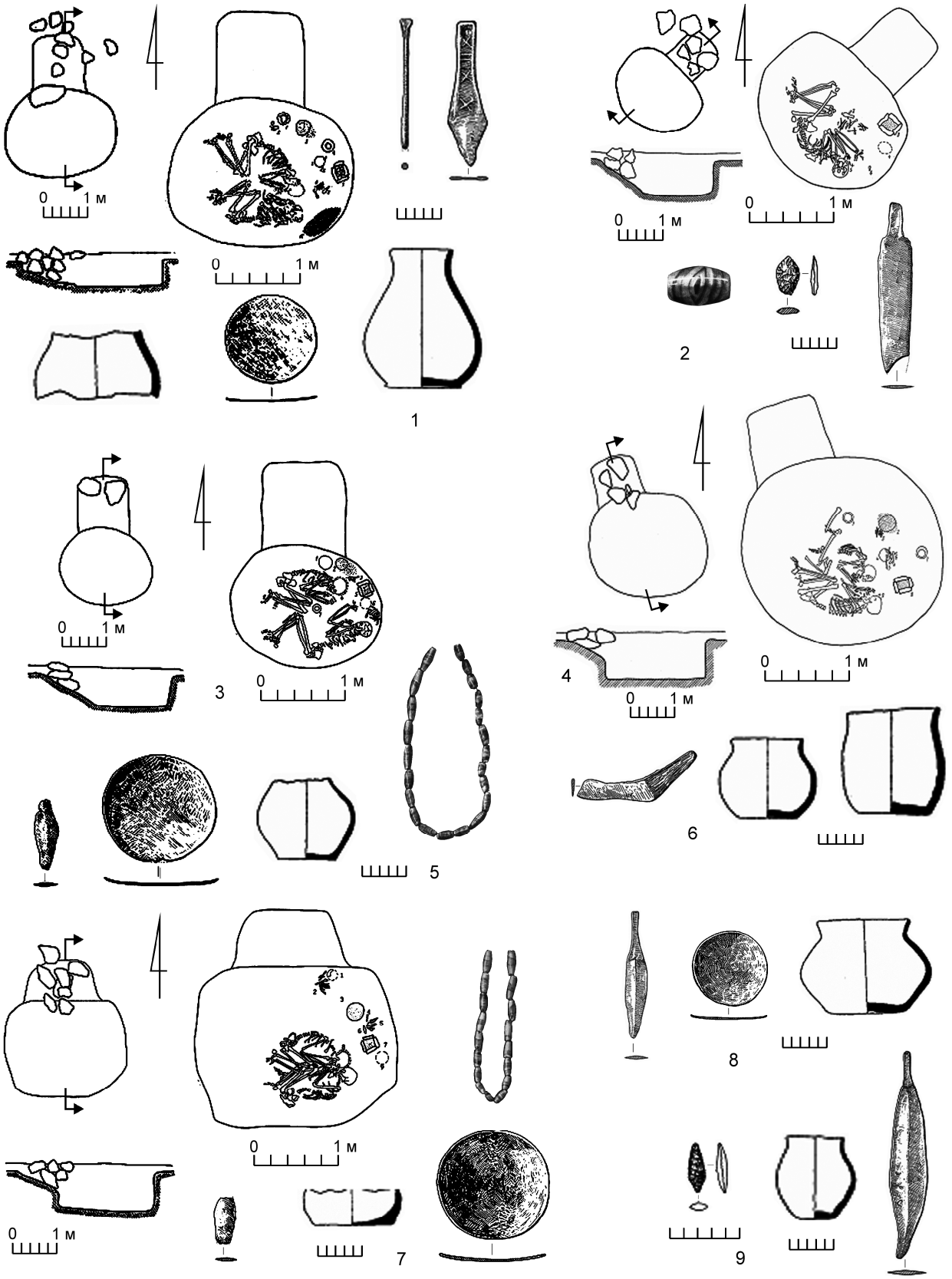

Рис. 4. Ранний Тулхарский могильник, погребения периода 2

Предлагаемая нами вероятная синхронизация археологических комплексов Раннего Тулхарского могильника с археологическими памятниками эпохи поздней бронзы Средней Азии представлена на таблице 1.

Таблица 1

Синхронизация археологических комплексов Раннего Тулхарского могильника (РТМ) с археологическими памятниками эпохи поздней бронзы Средней Азии

	Южная Туркмения	Южный Узбекистан		Таджикистан	Зеравшан			Фергана		
1200										
1300								Чуст	Дальверзин	Ош
1400	Яз I		Кучук 1							
1500	Тахирбай 3		Джаркутан IIIб	Кангуртут Тандырйул РТМ 3					Кашкарчи, Чек, Япаги, Вуадиль, Дахана, Арпа, Арсиф	
1600	?		Джаркутан IIIа			Чакка, Муминабад				
1700										
1800			Джаркутан II							
1900		Сапалли	Джаркутан I			Зардча-Халифа, Агалык			Шагим	
2000	Гонур 1 Тоголок		Дашлы 3	РТМ 2			Сиабча, Тугай			
2100				РТМ 1	Заманбаба	Саразм IV			Гиря из Соха	

Таким образом, мы полагаем, что на территории Средней Азии, по меньшей мере, со второй половины III и во II тыс. до н. э. существовали суярганская, заманбабинская и бишкентская культуры, оставленные автохтонным населением Средней Азии. Культура Заманбаба на раннем этапе своего развития была распространена в долине Зеравшана и в Бактрии. Заманбабинские и бишкентские комплексы свидетельствуют о тесных контактах с оседло-земледельческим населением, представлявшим урбанизированные культуры, и позволяют предполагать значительную хозяйственную и культурную интеграцию автохтонного населения Средней Азии с населением земледельческих оазисов.

Очевидно, что культурные компоненты заманбабинской и бишкентской культур приняли активное участие в сложении и развитии культур типа Намазга VI в Бактрии, Маргиане и Согде, которые, с начала II тыс. до н. э. занимают доминирующее положение в регионе. Вероятно, именно эти культурные компоненты, в значительной степени обусловили своеобразие Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), отличавшего его от урбанизированных центров Элама, которые, по-видимому, являлись исходными при появлении БМАК в Средней Азии.

Аванесова 2002 — *Аванесова Н. А.* Межкультурные взаимодействия степного населения Евразии и урбанизированных земледельцев Средней Азии // Цивилизации Центральной Азии. Земледельцы и скотоводы: традиции и современность. ТД Междунар. конф. Самарканд, 25–28 сентября 2002 года. Самарканд, 2002. С. 16–18.

Аванесова и др. 2005 — *Аванесова Н. А., Шайдуллаев Ш. Б., Еркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд; Бишкек. 2005. С. 12–33.

Археология древнего Самарканда 2007 — Археология древнего Самарканда. Самарканд, 2007.

Аскаров 1970 — *Аскаров А. А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 64–66.

Аскаров 1981 — *Аскаров А. А.* К передатировке культуры Заманбаба // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 99–110.

Баратов 2009 — *Баратов С. Р.* Ташкентский оазис в эпоху поздней бронзы. Археология Ташкентского оазиса. Ташкент, 2009. С. 57–58.

Бобомуллоев 1998 — *Бобомуллоев С. Б.* Верховья Зарафшана во II тысячелетии до н. э. Душанбе, 1998.

Виноградов, Мамедов 1975 — *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Гулямов, Исламов, Аскаров 1966 — *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

Итина 1977 — *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II–I тыс. до н. э.). М., 1977 (ТХАЭЭ. Т. 10).

Коробкова 1996 — *Коробкова Г. Ф.* Кельтеминарская культурная общность // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 98–110.

Кузьмина 1958 — *Кузьмина Е. Е.* Могильник Заманбаба // СЭ. 1958. № 2. С. 24–33.

Латынин 1958 — *Латынин Б. А.* О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // СА. 1958. № 3. С. 49–53.

Литвинский и др. 1962 — *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов: (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962 (Труды АН Таджикской ССР. Т. 33).

Мандельштам 1966 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. М., 1966 (МИА. № 145).

Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).

Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджкистана. Душанбе, 1989.

Сарианиди 1979 — *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.

Смагулов, Баратов 2004 — *Смагулов Е. А., Баратов С. Р.* Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай) // Отан Тарихы. № 3–4. Алматы, 2004. С. 73–88.

Avanesova 1996 — Avanesova N. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'Age du bronze: relations et influences mutuelles // B. Lyonnet avec la collaboration de A. Isakov. Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). 1996 (MMAFAC. T. 7). P. 117–131.

Baratov 2001 — *Baratov S.* Fergana und das Syr-Dar´ya-Gebiet im spätem 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr. // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23 bis 26. November 1999. Bonn, 2001. S. 161–179.

Bobomulloev 1997 — *Bobomulloev S.* Ein bronzezeitliches Grab aus Zardča Chalifa bei Pendžikent (Zeravšan Tal) // AMIT. 1997. Bd 29. S. 121–134.

Francfort 1989 — *Francfort H.-P.* Foilles de Shortugaï. Recherches sur l´Asie Centrale protohistorique. 1989 (MMAFAC. T. 2).

Kohl 1984 — *Kohl Ph.* Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris. 1984 (Éditions Recherché sur les Civilizations. No. 14).

Lombardo, Vinogradova 2007 — *Lombardo G., Vinogradova N. M.* Will the Monuments of the Middle Bronze Age be Discovered on the Territory of Southern Tajikistan? // XIX International Conference on South Asian Archaeology. Abstracts Volume. Ravenna, July 2–6 2007. P. 135.

Nissen 1995 — *Nissen H. J.* Kulturelle und Politische Vernetzungen in Vorderen Orient des 4. und 3. Vorchristlichen Jahrtausend. Beiträge zur Kulturgeschichte Vorderasiens. Mainz, 1995.

От редакции

Настоящий комментарий редакции к статье С. Р. Баратова публикуется в связи с тем, что, к сожалению, автор не ответил на посланные ему в начале сентября 2010 г. и приводимые ниже замечания и, соответственно, в статью не внесены необходимые, по-мнению редакции, изменения.

«Направляем Вам текст Вашего доклада, предварительно технически и литературно отредактированный для публикации. При подготовке к изданию у редакционной коллегии сборника возникли по Вашему тексту несколько вопросов.

1. Термин «фактории-поселения» в применении к крупным многослойным раннеземледельческим центрам IV–III тыс. до н. э. (Геоксюр 1 — около 10 га, Алтын-депе — около 25 га уже в начале III тыс. до н.

э., Намазга-депе — около 30 га и не упомянутых прямо, но обозначенных как фактории в Юго-Восточном Иране — Шахри-Сохте — более 60 га и в Южном Афганистане — Мундигак — около 1 км в поперечнике), а некоторые из них возникли еще в V тыс. до н. э. и которые в разной степени были вовлечены в орбиту влияний и, вероятно, прямых или опосредованных торговых или обменных контактов с Месопотамией, Эламом и Индией, представляется крайне неудачным.

2. Нельзя считать автохтонными культурами эпохи бронзы Средней Азии только культуры, сменившие гисарскую и кельтеминарскую неолитические культуры на территории современных Узбекистана и Таджикистана, полностью игнорируя южно-туркменистанский энеолит и эпоху бронзы.

3. Что Вы подразумеваете под украшениями времени Намазга IV? Если бусы, то они почти неизвестны в материалах периода ранней бронзы Южного Туркменистана, кроме самых простых форм и вряд ли могут служить хронологическим индикатором именно времени ранней бронзы (Намазга IV). Если же Вы имеете в виду набор бус и металлических косметических изделий (зеркала, косметические стержни — т. н. лопаточки) в Заманбаба, то такие медные изделия в Туркменистане появляются в позднем Намазга II–Намазга III, то есть не позднее последней трети IV тыс. до н. э. В то же время набор форм и разнообразие бус Заманбаба прямые аналогии имеют в материалах Алтын-депе и Пархая II времени Намазга V.

3. К сожалению, приведенные Вами ссылки о датировках Заманбаба предшествующими исследователями не точны. Насколько я могу судить, вы заимствовали этот текст у Аскарова (1981). Цитирую источники, на которые вы ссылаетесь, по проверенным de visu работам:

Исследованные комплексы дали основания первооткрывателям культуры Заманбаба «ориентировочно датировать эту культуру первой половиной II тыс. до н. э.» (Гулямов и др. 1966: 166). Позднее А. Аскаров синхронизировал культуру Заманбаба с моллалинским этапом культуры Сапалли (Аскаров 1981: 99–110); Б. А. Латынин синхронизировал культуру Заманбаба с ямной, катакомбной и афанасьевской культурами (Латынин 1958: 50). В. М. Массон синхронизировал ее с поздними этапами Намазга IV, Гиссар IIIB и началом Намазга VI, на тот момент относимых им ко второй половине III–началу II тыс. до н. э. (Массон 1959: 113) (датировка 2500–2200 гг. до н. э. — это современная дата не самого позднего НМЗ IV–раннего НМЗ V). Е. Е. Кузьмина синхронизировала культуру Заманбаба с комплексами Гиссар IIIB–C, Намазга V, Шахтепе II и степными культурами: ямной, катакомбной, полтавкинской и афанасьевской, и на тот момент датировала культуру Заманбаба «конец III, а скорее первыми веками II тыс. до н. э.» (Кузьмина 1958: 32). 3000–2200 гг. до н. э. это опять же современные даты, причем неправильные. Даты по 14C для, например, Гиссар IIIB (CRD-1): 2640–2390 и 2420–2290, для Гиссар IIIC — 2150–1885 (Dyson, Howard 1989: 143).

4. Фраза «К сожалению, в этот период развития археологической науки господствовала концепция о последовательно развивавшейся металлургии бронзы от легирования свинцом (в эпоху ранней бронзы) к оловянистым (в поздний ее период) сплавам» вызывает удивление, хотя бы потому, что на всем Ближнем Востоке мышьяковые и свинцовые (последние — для ювелирных изделий) присадки предшествуют присадкам олова (см. Авилова Л. И. Металл Ближнего Востока. М., 2008). На территории Средней Азии самые ранние предметы из оловянистой бронзы представлены на Алтын-депе в слоях позднего Намазга V. Упоминание у Е. Н. Черныха (Chernych 1992) о том, что олово появляется в качестве легирующего компонента в период Намазга IV, основано на данных поселения Ак-депе, исследованного А. А. Марущенко в 1930–1950-е гг., находки с которого не имеют точной стратиграфической привязки. Представляется, что эту оценочную фразу нужно просто убрать — смысл Ваших рассуждений от этого не изменится.

5. В книге Ф. Кола (1984) нет дат Тигровой Балки, полученных ГИН, они опубликованы Л. Т. Пьянковой (1989: 101).

6. Ваша дата для ранней группы Раннего Тулхара в тексте статьи — вторая половина III тыс. до н. э. не совпадает с датой в таблице 1 — 2100-е гг. до н. э.

7. И, наконец, Гиссар IIB датируется по 14C концом IV–началом III тыс. до н. э., а Гиссар IIIA — соответственно, серединой III тыс. до н. э. (см. выше о датировках Гиссара).

Просим внести изменения в текст и как можно скорее выслать его окончательный вариант.

С уважением,

редактор Л. Б. Кирчо».

Кроме того, в присланных автором для публикации материалах отсутствовал рис. 5.

В. И. Артемьев (Ташкент, Узбекистан)

Градостроительная реконструкция городища Гонур-депе — столицы Маргианской цивилизации

Проблема изучения больших археологических комплексов по аэрокосмическим материалам всегда была актуальной. На севере Мургабской дельты, практически в барханах пустыни Каракумы за последние десятилетия открыты выдающиеся памятники эпохи бронзы и раннего железного века, среди которых огромный комплекс Гонур-депе, занимающий не менее 25 га. Результаты долговременного изучения представлены в ряде публикаций В. И. Сарианиди (1990; 1999; 2002; 2005). Задачей исследования автора настоящей статьи было производство в 2007 г. инструментальных наблюдений и фиксация всех параметров сооружений, а также выполнение архитектурных и инженерно-конструктивных описаний северного холма комплекса, получившего наименование *Северный Гонур*,[2] раскопки которого были практически завершены (рис. 1). Итоги этой работы опубликованы (Артемьев, Урманова 2010). Подробный архитектурный анализ сооружений Северного Гонура освещен в настоящем сборнике в статье А. М. Урмановой.

Цель настоящего сообщения заключается в том, чтобы обобщить изученный материал и проанализировать закономерность появления этой цивилизации с точки зрения архитектора. В настоящее время в арсенале исследователей имеется большой набор разномасштабных и разновысотных съемок, как отдельных городищ, так и целых регионов, что является действенным дополнением к другим графическим и археологическим материалам. Окончательной поверкой полученных данных стало совмещение в одном масштабе обмерного чертежа с аэрофотосъемкой, которая была предварительно преобразована в масштабный ортогональный план с помощью компьютерной обработки (Артемьев, Урманова 2010: рис. 1).

Географическая ситуация региона в конце III–начале II тыс. до н. э., схема функционального зонирования территории, признаки «*столичности*» Гонура — столицы Маргуш-Маргианы, численность и структура его населения, структура городского хозяйства, обслуживание дворца и храмов, ареал одновременных поселений, транспортные связи с соседними государствами, водные артерии, орошение и ирригация, предполагаемая трасса русла Протоамударьи — вот неполный перечень тех проблем, которые автор пытается представить в кратком сообщении.

Следует отметить наличие большого количества поселений, одновременных Гонуру, как уже открытых и хорошо известных в научной литературе, так и еще неизученных, объединенных общим названием Мургабский оазис (Сарианиди 1990). Еще предстоит объединить в будущую градостроительную систему пока несвязанные между собой отдельные археологические объекты (рис. 2). Градостроительная картина комплекса Гонур наиболее изучена и предполагает не только единовременность замысла древнего владыки этого региона, но и строительство всех элементов сложного ансамбля этого *религиозно-династического центра* по единому, заранее созданному проекту, что говорит об общей высокой культуре данной популяции, несмотря на отсутствие среди находок письменных документов. Фортификация этого ансамбля была развитой и трехступенчатой. Дворцовые и храмовые сооружения были обнесены подквадратной крепостной стеной (примерно 115 х 120 м) с башнями, которая, в свою очередь была обнесена так называемым *каре* (примерно 250 х 250 м) с прямоугольными башнями. Дополнительно с севера и юга все эти сооружения ограждены овалами неправильной формы, также представлявшими фортификационные укрепления Гонур-депе (Сарианиди 2005: рис. На с. 31).

[2] Все наименования типологических частей комплекса принадлежат его первооткрывателю, археологу В. И. Сарианиди и обозначены нами курсивом.

Рис. 1. Общий вид Гонур-депе в 2005 г.

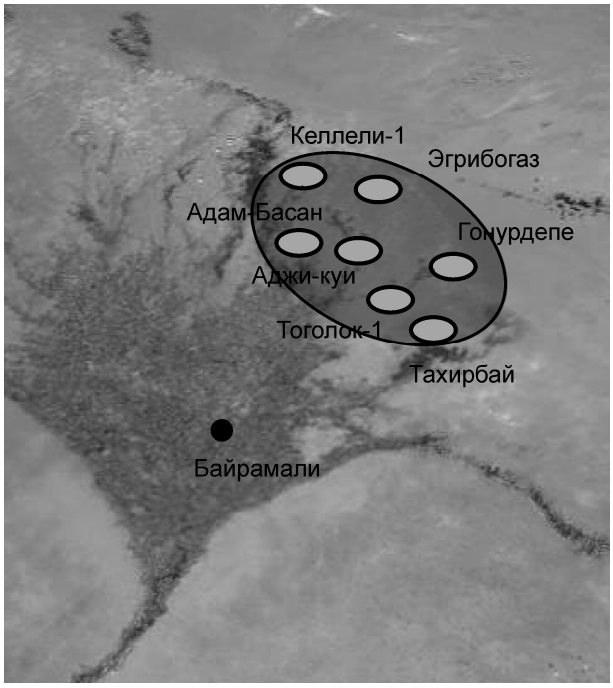

Рис. 2. Древняя дельта Мургаба на космической съемке

При анализе обмерного чертежа появились косвенные аргументы в пользу существования некоей счетной и знаковой письменности. Как был изображен древний проект? Возможно, это чертеж — горельеф на глиняной плите или объемный макет из глины, который, например, был обнаружен в Мари (Мамедов 2003: 92). Наверняка в руках древних строителей было множество таких табличек или макетов. Масштабные строительные работы, не говоря уже о правильном геометрическом построении всех планов сооружений, их ориентации по странам света, были бы невозможны без расчетов. Передача размеров и направлений стен с масштабного макета, высоты перекрытия, прочей атрибутики пояснений, — информация, без которой невозможно строительство грандиозных сооружений. Следовательно, существовала, хотя бы элементарная «счетная письменность», столь необходимая для предварительной разметки на местности, отсчета размеров, контроля над строительством. Однако она, к сожалению, не обнаружена при раскопках. Возмож-

но, о наличии такой счетной письменности свидетельствует находка так называемых токинов (глиняных шаровидных фрагментов со схематическими знаками на них) у северных ворот Дворца Гонура (Сарианиди 2002: 286–287).

На этом этапе исследований можно утверждать, что Кремль и Дворец являются частью крупного *протогородского* образования, бывшего, по-видимому, столицей данного региона, если не всей Маргианы. Для города с такой обширной площадью и разнообразными функциями — полное отсутствие жилых кварталов в раскопках закономерно и вполне объяснимо тысячелетиями природных и антропоморфных разрушительных воздействий, приведших, по-видимому, к полному уничтожению немонументальных сооружений Гонура. Вспомним, что прошло более 4 тысяч лет со времени его возведения, и вполне понятно, что до нас не дожили самые непрочные сооружения — а это, в первую очередь, жилые. Обратившись к новейшей истории, отметим, что нормативный срок износа глинобитных жилых построек в Центральной Азии рассчитывается не более, чем на 50–100 лет. Недолговечными оказались и жилые постройки Гонура. Отметим также, что и месопотамские комплексы представлены только монументальными «*царскими*» сооружениями. Ординарные постройки и там не сохранились. Хотя Северный Гонур был храмовым городом, в котором никто не жил постоянно, кроме царской семьи (о чем неоднократно писал В. И. Сарианиди), но кто-то должен был постоянно поддерживать жизнедеятельность Кремля, приходя в крепость извне. Следовательно, неизбежно существовали одновременные поселения в округе пешеходной доступности.

Автор предполагает, что Гонур обязательно должен был иметь первоначальную жилую застройку в округе Кремля, в которой проживали не менее 5–15 тыс. жителей, что необходимо для функционирования персонала, властно-административного и религиозного аппарата Кремля, который должны были обслуживать охранные, храмовые, ремесленные и крестьянские подразделения, поставлявшие в Кремль продовольствие, воду, дрова и прочие предметы нормальной жизнедеятельности в замкнутом пространстве. Только для бесперебойного снабжения дровами многочисленных ритуальных печей и алтарей храмов Кремля и его округи людские ресурсы Гонура могут составить до нескольких тысяч человек. Открытые к настоящему времени «Теменос» и некрополь Гонура, относящиеся к тому же *первому* строительному периоду, расположены к югу и западу от Кремля и предполагают отсутствие на их территории одновременного жилья. Следовательно, жилые кварталы могли располагаться только к северу и востоку. Но на востоке обширная территория уже занята современными пашнями, что исключает возможность поиска здесь древних сооружений. Остается небольшой участок к северу, где возможны поиски следов поселений, синхронных Гонуру.

Градостроительный анализ региона поселения, географические и исторические особенности расселения и освоения территории древними гонурцами говорят о тесной связи местоположения и выбора строительной площадки с водой, вернее, с неким руслом древней реки, на которой и процветала цивилизация Гонура, а возможно, и всего бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК;[3] рис. 3). Анализ водно-хозяйственного расхода на Гонуре показывает, что мощности стока Мургаба было бы недостаточно для обеспечения жизнедеятельности всех поселений Гонурского оазиса. Ксеротермический период второй половины III тыс. до н. э., упоминаемый многими историками Востока, противоречит предположению о том, что Мургаб мог снабжать водой многочисленное население Маргианы. Возникает реальная гипотеза о возможном стоке некой *Протоамударьи* через Мургабский оазис в Каспийское море в рассматриваемый период (рис. 4).

Такой сток действительно имел место в доисторическое время. Указанная трасса водного стока датируется примерно 10–30 млн. л. Невероятное на первый взгляд, предположение о существовании Протоамударьи имеет ряд косвенных подтверждений. Перечислим их.

[3] Данный термин ввел в научный оборот В. И. Сарианиди.

Рис. 3. Схема Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) на космической съемке

Рис. 4. Схема дельтового ландшафта Протоамударьи на космической съемке

Единственная водно-транспортная связь Бактрии и Маргианы по предполагаемой трассе Протоамударьи обеспечивает реальное существование общей культуры, зафиксированной последними исследованиями (см. рис. 3).

Отсутствие одновременных Гонуру крупных поселений эпохи бронзы в Хорезме, из-за возможного отсутствия стока Амударьи в Арал в это время (Вайнберг 1999: 114).

Схема-карта на основе космической съемки в обработке программой Google графически показывает тальвег *Протоамударьи* более темными пятнами, а простой расчет самых низких точек по этой трассе (*тальвега*) показывает и современную реальность подобного стока, т. е. наличие постоянного понижения отметок поверхности от начала *протостока* (высота 155 бм) до впадения в Каспий (-23 бм). При этом превышение уровня левого берега Амударьи в районе Чарджоу составляет не более 5 м над уровнем ее современного стока, т. е., чтобы сегодня направить амударьинскую воду по указанному тальвегу, достаточно прокопать канал 5-метровой глубины (рис. 5).

Карта расселения народов во II тыс. до н. э. (по Массон 1981: 130, рис. 34) показывает, что северная граница расселения в точности совпадает с трассой Протоамударьи, лежащей на 39 параллели. На схеме древней земледельческой зоны Афроазии III–I тыс. до н. э. (по Бунин 1985: 67, рис. 45) показана полоса освоения, ограниченная 39° и 20° с. ш., но на 39 параллели и лежит трасса Протоамударьи (рис. 6).

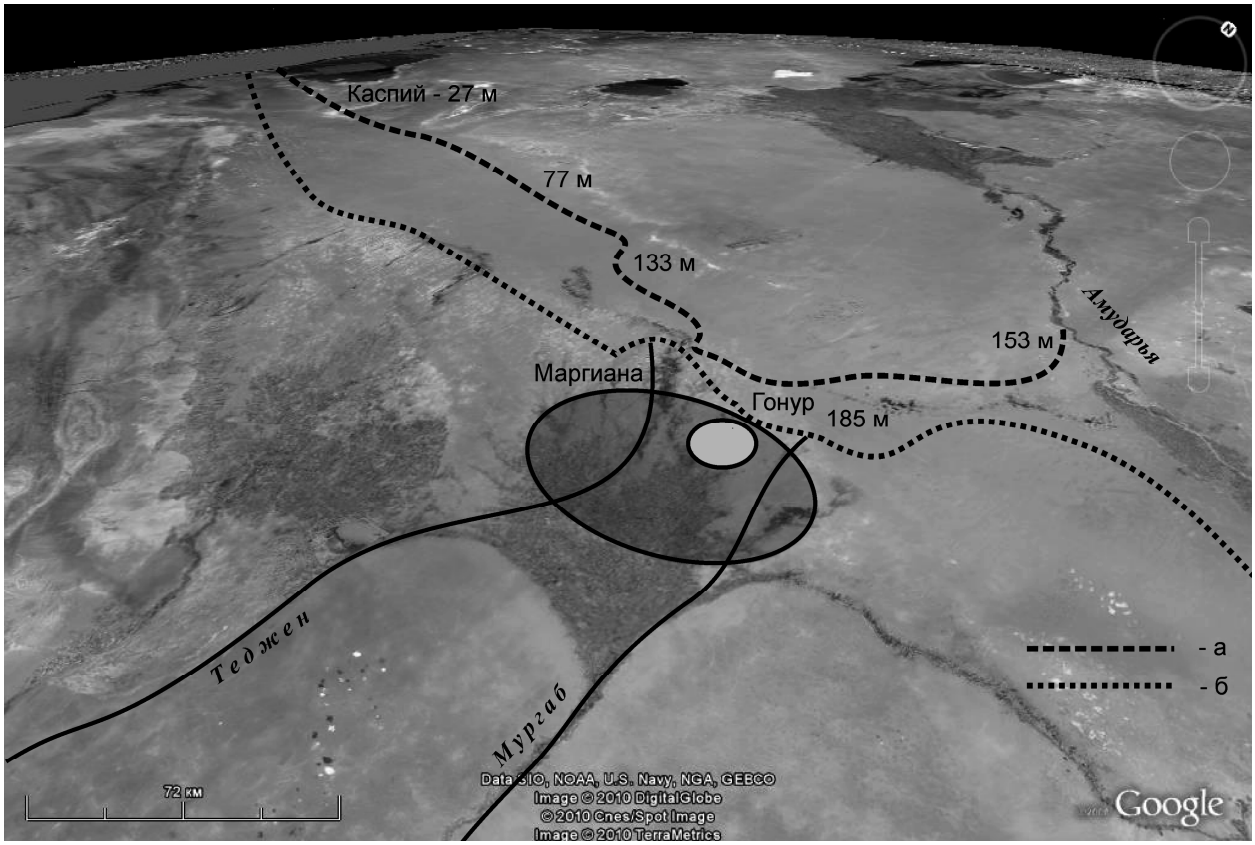

Рис. 5. Схема образования стока Протоамударьи.
Условные обозначения: *а* — современный тальвег в Каспий, *б* — тальвег в конце II тыс. до н. э.

Мургабская гюрза-эндемик с уникальной окраской, локализированная в среднем течении Мургаба, имеет эхо-локацию в пойме Амударьи ниже Чарджоу (Чикин 1991: рис. 3) и такое переселение гюрзы возможно только водным путем (рис. 7).

Гипотетическая карта Центральной Азии, составленная по словесному описанию античных авторов, так называемая карта *Страбона* (рис. 8), демонстрирует существование вышеописанной трассы Протоамударьи (Рапен 2008: 101; Bregel 2003: fig. 26).

Однако, известно, что в античное время постоянного стока Амударьи в Каспий не существовало, не считая редких и малозначимых переливов по сухому руслу Узбоя, связанных с половодьем Дарьялыка (Сарыкамышского русла Амударьи) в отдельные годы. Следовательно, древние

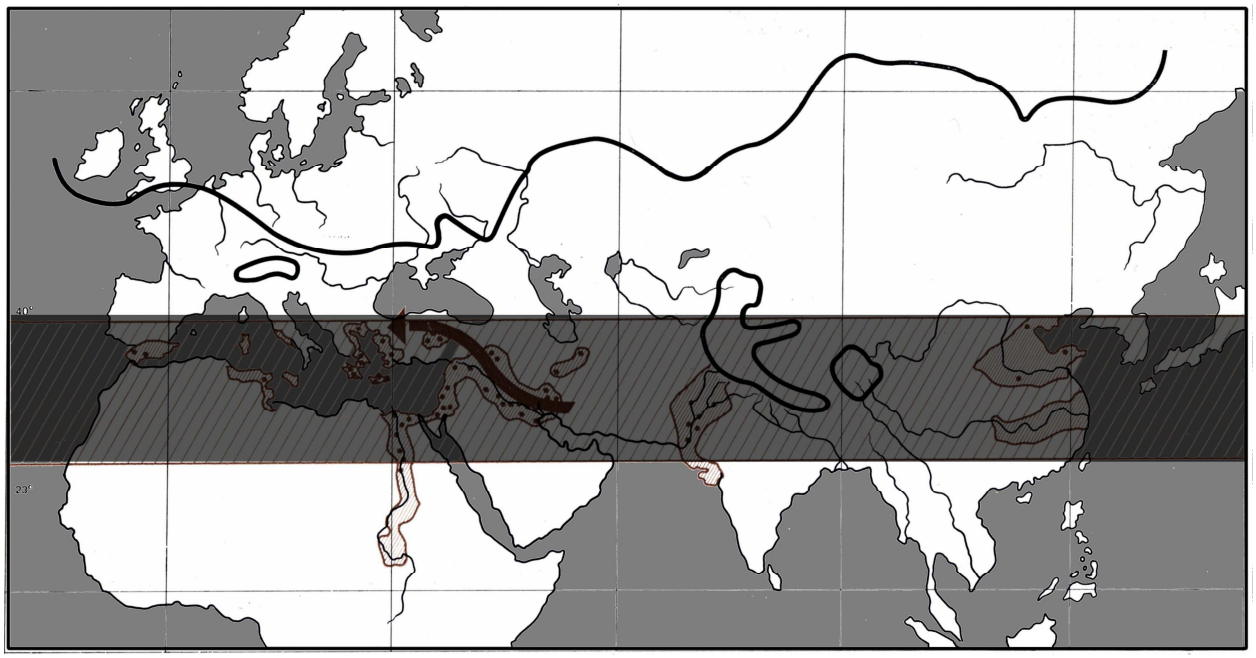

Рис. 6. Схема древнеземледельческой зоны во II тыс. до н. э. (по Бунин 1990)

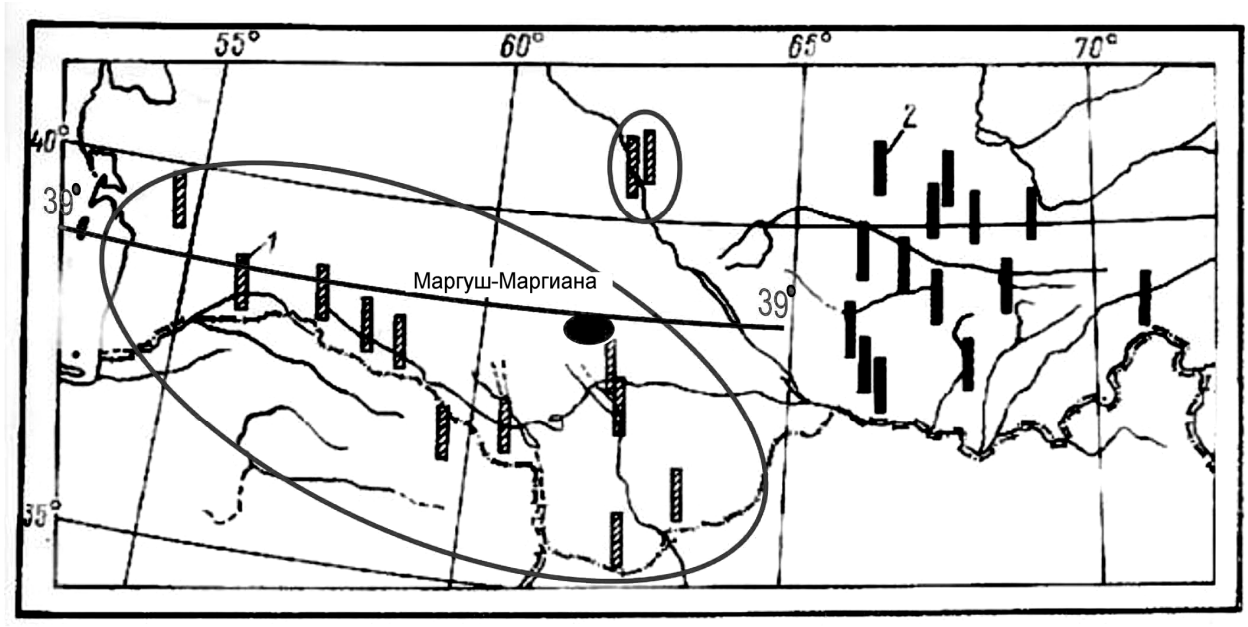

Рис. 7. Схема распространения типов среднеазиатской гюрзы (по Чикин 1991)

авторы пользовались некоей легендой о водном пути из Индии на Ближний Восток, навеянной и возможным существованием такого русла в период с 2300 по 1800 гг. до н. э. Исторической краткостью этого стока (не более 500–600 л.) и объясняется отсутствие явных и видимых следов такового в настоящее время.

Все эти косвенные факторы существования гонурской Протоамударьи могут быть подтверждены или опровергнуты только будущим гидрогеологическим изучением грунтов по предложенной трассе, что и явится предметом дальнейших исследований будущих поколений ученых.

Таким образом, данная публикация призвана обозначить набор проблем, связанных с непростым исследованием древнего градостроительства Маргианы. Версия о мощном и непосредственном влиянии ближневосточных культур на появление в этом регионе новой цивилизации под-

тверждается множеством архитектурных и градостроительных аналогий, но в этой проблеме прослеживается и другой не менее важный фактор, состоящий в том, что указанная культура в своем генезисе тесно связана и с местными традициями как земледельческой, так и степной ойкумены.

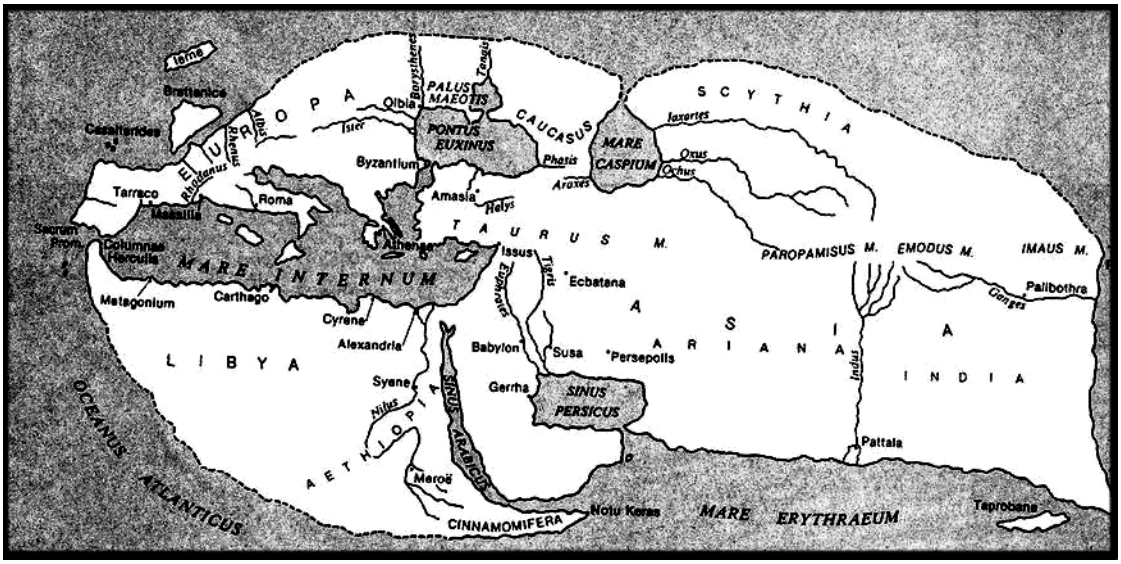

Рис. 8. Схематическая карта со слов античных авторов (карта Страбона; по Bregel 2003)

Артемьев, Урманова 2010 — *Артемьев В. И., Урманова А. М.* Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 172–203 (ТМАЭ. Т. 3).

Бунин 1985 — *Бунин А. Н.* История градостроительства. М., 1985.

Вайнберг 1999 — *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.–VIII в. н. э. М., 1999.

Мамедов 2003 — *Мамедов М. А.* Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.

Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981.

Рапен 2008 — *Рапен К.* Торговый путь из Индии к Понту: между картографическим миражом и археологической реальностью // Материалы Междунар. конф. «Дорога Страбона» как часть Великого шелкового пути. Баку, 2008.

Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990

Сарианиди 1999 — *Сарианиди В. И.* Библиографический указатель. Ашхабад, 1999.

Сарианиди 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарианиди 2005 — *Сарианиди В. И.* Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Чикин 1991 — *Чикин Ю. А.* Географическая изменчивость неметрических признаков окраски среднеазиатской гюрзы vipera turanica // Систематика. Филогения. Л., 1991.

Bregel 2003 — *Bregel Yu.* An Historical Atlas of Central Asia. 2003.

А. М. Урманова (Ташкент, Узбекистан)

Архитектурный анализ сооружений городища Гонур-депе в Туркменистане

На севере Мургабской дельты в пределах Гонурского оазиса, в пустыне Каракум за последние десятилетия открыты выдающиеся памятники эпохи бронзы и раннего железного века. Самый грандиозный из них, — городище Гонур-депе (*62°05' с. ш. и 38°13' в. д.*), который был открыт в 1970-е гг. и всесторонне исследован археологической экспедицией под руководством В. И. Сарианиди (1990; 1999; 2002; 2005). Гонур существовал от 600 до 800 лет (радиоуглеродные даты укладываются в интервале 2300–1700 гг. до н. э.). Автор статьи в составе научно-исследовательского отряда 2007 г. выполнял инструментальные наблюдения, фиксировал параметры сооружений северного холма памятника (Северный Гонур) и описывал архитектурные и инженерно-конструктивные элементы. Основная часть данного материала опубликована (Артемьев, Урманова 2010). Раскопки комплекса и его центральной части — *Кремля* к этому времени были завершены и частично законсервированы (все наименования сооружений комплекса принадлежат его первооткрывателю В. И. Сарианиди и обозначены курсивом; нумерация помещений на плане Дворца принята по первоначальному, опубликованному плану).[4] На чертежах зафиксирован только первоначальный период обживания городища, т. е. только те сооружения, которые стоят на материке (рис. 1). Множество построек поздних периодов, хорошо видимых на аэрофотосъемке, не внесено в итоговый план комплекса.

Сооружения комплекса возведены на такыре (без фундаментов), который представляет собой слежавшиеся многовековые пласты глины, превратившиеся по прочности в массу, подобную бетону. В строительстве имеется даже специальный термин для обозначения этого природного явления — «каменный лесс». Все конструкции выполнены из высококачественного сырцового кирпича (43 х 26,5 х 13,5 см). Средние размеры постели кирпича 43 х 26,5 см в соотношении весьма близки к известной с древности пропорции «золотого сечения» — приближенно 8/5. Средние размеры кирпича вычислены благодаря многочисленным замерам образцов, взятых из различных сооружений. Пропорции основных парадных помещений также близки к «золотому сечению» — ~ 8/5. Это указывает на высокую профессиональную культуру древних строителей. Вот несколько примеров для сравнения: пом. 194 — Аудиенц-зал 1 (12,88 х 8,55 м) — приблизительно 8/5; пом. 188 — Аудиенц-зал 2 (16,54 х 9,44 м) — приблизительно 9/5; пом. 196 — Тронный зал (17,88 х 10,79 м) — приблизительно 8/5; пом. 185 — парадный зал с ритуальной печью посредине и «слепыми окнами» (12,41 х 6,83 м) — приблизительно 9/5; пом. 93 — ритуальный зал со «слепыми окнами» (13,16 х 6,97 м) — приблизительно 9/5 и т. д. Если высота этих помещений также укладывалась древними в пропорцию к ширине, то легко подсчитать, что высоты парадных залов варьировали от 5,5 до 6,6 м. Размеры кирпича в разных частях комплекса отличаются друг от друга весьма незначительно, что подтверждает тезис В. И. Сарианиди об одновременности всех сооружений. Это обусловлено, в том числе, и оптимальным соотношением веса кирпича и экономичности его изготовления. При изготовление кирпича крупноразмерного формата в пределах от 38 до 52 см по длинной стороне, вес блока в готовом виде достигал 35–45 кг, т. е. это предел размеров и веса для возможной переноски и подъема на леса ручную (см. Убэн, Гийо 2002: 15–21). Археологически установлены два этапа строительства памятника: первый — основной, когда были возведены практически все сооружения, и второй, связанный с ремонтом, после, сильного пожара (Сарианиди 2005: 58), когда были пристроены дополнительные кирпичные футляры по всему периметру

[4] Здесь и далее все наименования сооружений комплекса принадлежат его первооткрывателю В. И. Сарианиди и обозначены *курсивом*. Нумерация помещений на плане Дворца принята по первоначальному, опубликованному плану.

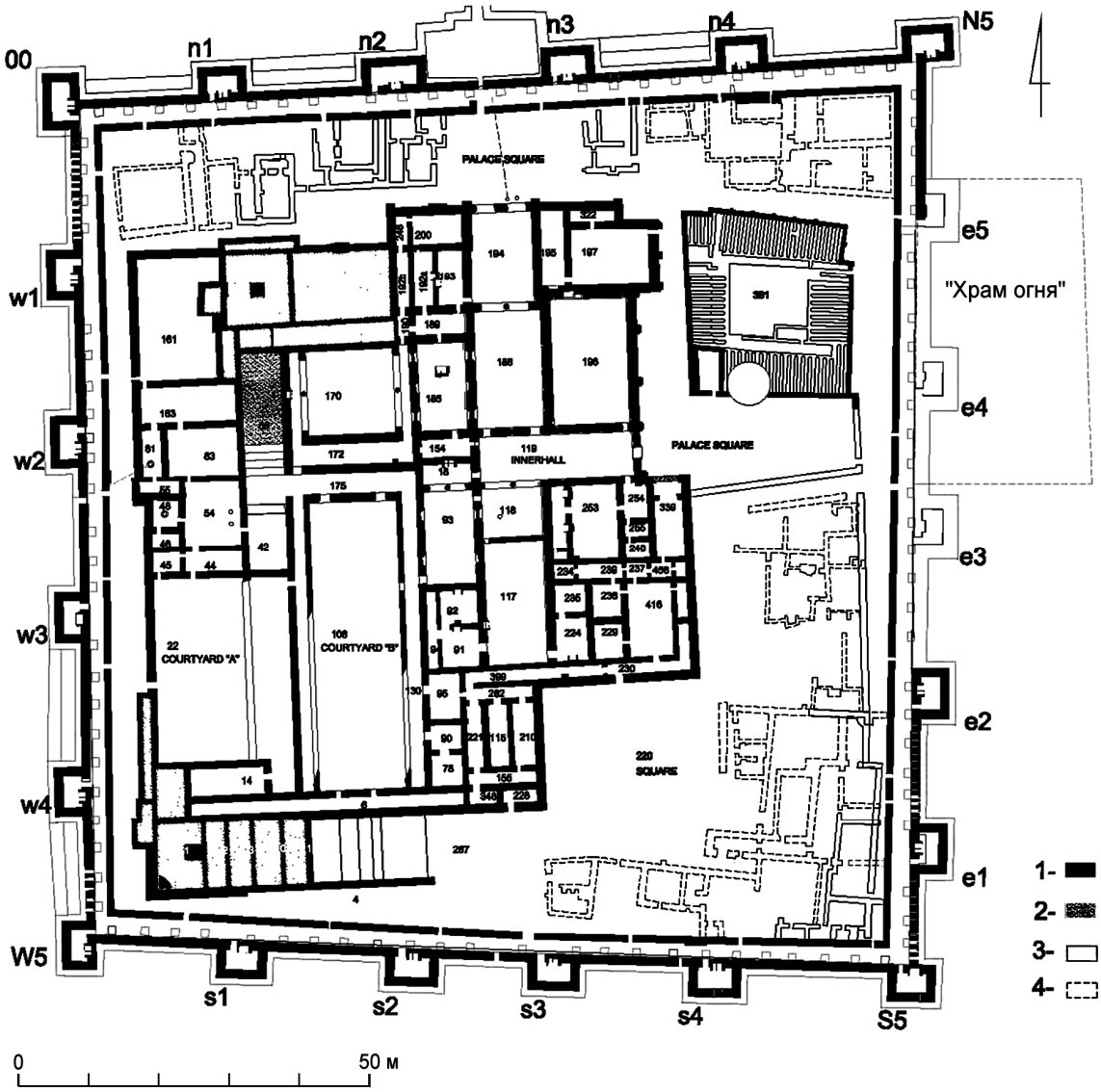

Рис. 1. Гонур-депе, Кремль и Дворец, сводный чертеж по обмерам 2007 г., стены 1-го периода (нумерация и наименование помещений по Сарианиди 2005). Условные обозначения: 1 — первоначальные стены; 2 — цоколь помещений 2-го уровня («Песчаные комнаты»); 3 — футляр ремонтных прикладок; 4 — раскопки, не вошедшие в обмерные работы 2007 г.

стен и башен Кремля, а также возведены контрфорсы, укрепляющие обводную галерею. Сооружения сохранились на высоту от 0,60 до 2,10 м от такыра, что составляет не более 20–25 % их первоначального объема. За отметку относительного нуля принят уровень порога северного входа в Аудиенц-зал (пом. 194).

Кремль и его элементы. Пятеричная система построения плана. Кремль — сложное, трапециевидное в плане (120 м в стороне квадрата) оборонительное сооружение, с куртинами и прямоугольными башнями, количество которых достигает 21. Имеется четыре узких (70 см шириной) входа в каждой стороне. Высота стен по расчету не превышала 8–9 м. Стены имеют еще два внешних обвода, один, также трапециевидный со стороной около 250 м и второй, овальный, выявленный лишь частично (рис. 1). Как отмечает В. И. Сарианиди, башни Кремля, несли не столько оборонительную, сколько, по-видимому, культовую функцию, т. к. в каждой башенной камере размещены так называемые двухкамерные ритуальные печи. Внутри Кремля располагались Дворец, храмовый комплекс, «песчаные комнаты», «комплекс келий», и примыкающие к стенам Кремля, вероятно жилые и административные кварталы.

Обобщая изученный материал, автор предлагает гипотетическую функционально-пространственную схему всего комплекса Северный Гонур, позволяющую графически представить изначальную идею древнего зодчего. Многое из первоначального замысла в дальнейшем было изменено, как это часто бывает в истории строительства (Артемьев, Урманова 2010: рис. 6). Все четыре выхода из Кремля имели связь с храмами, каждый из которых был предназначен для отправления определенных сложных ритуалов. Вся территория Кремля также подразделена на функциональные зоны, помеченные условными обозначениями на представленной схеме.

Отметим особо значимое строение Гонура — *Храм огня*. Приведем цитату, которая кажется автору ключевой для архитектурного исследования: «Храм огня, трижды подвергавшийся перестройке, все это время (от возникновения до упадка Гонура) оставался незыблемым оплотом религиозного культа маргушцев, ортодоксальным хранителем древних обрядов и ритуалов» (Сарианиди 2005: 102, прим. 1). Предположим, что древний зодчий при размещении царского ансамбля руководствовался, прежде всего, взаимным расположением Дворца и Храма огня. Эта связь и определила направление главной планировочной оси будущего комплекса Кремля по линии «восток–запад» (ориентация на точку весеннего равноденствия возможно связана с культом начала нового года в древности). Перпендикулярно к указанной оси, около Храма огня, была возведена крепостная стена с *пятью* одинаковыми башнями. Восточная стена Кремля ориентирована строго по линии север–юг с отклонением всего 0,5°. Главный вход в Кремль по указанной оси — возле священных алтарей Храма огня. Возможно *пять* башен и *пять* куртин — основа отсчета, некий градостроительный модуль, которым была выполнена разбивка.

Нами предложена гипотетическая схема разбивки контура стен и башен Кремля (Артемьев, Урманова 2010: рис. 7а). Отложив указанным модулем размеры всех четырех сторон проектного квадрата, зодчий получил полную композицию будущего замкнутого пространства Кремля, состоящую таким образом из 5 х 4 = 20 башен. Указанное построение объясняет и странную, казалось бы, ориентацию угловых башен, две из которых на восточной стене расположены *меридионально*, а две фланкирующие башни западной стены «смотрят» на север и юг. Но в периметре обвода стен насчитывается 21 башня, т. е. в нашем гипотетическом построении одна башня оказалась «неучтенной». Это северо-западная угловая башня, обозначенная на схеме цифрами 00, которая замыкает композицию обвода Кремля. Также прослеживается закономерность расположения входов в башни, тяготеющих к башне 00.

Такое же построение характерно и для большого алтаря в Тоголок-21 (Артемьев, Урманова 2010: рис. 7б). В. И. Сарианиди отмечает, что для его устройства строители вырыли вертикальную шахту глубиной в три и шириной в семь метров, крестообразно встроили две кирпичные стенки, образовавшие четыре сегмента, в каждый из которых были помещено по пять хумов высотой более метра (Сарианиди 2002: 175). Таким образом, при сооружении этого алтаря использовали пятеричный счет: четыре сектора в алтаре по *пять* хумов. Следовательно, здесь представлена та же основа композиции, что и в Кремле Гонура (четыре стены по *пять* башен). Двадцать первый хум, по описанию В. И. Сарианиди, был ритуально разбит и погребен в алтарном пространстве Тоголок-21. Примечательно, что и в обводе Кремля Гонура есть особая двадцать первая башня. Это, можно считать совпадением, но в большой алтарь Тоголок-21 свободно могли быть помещены еще несколько хумов, причем все хумы имели разные размеры и поставлены хаотично. Единственное, что объединяет их композицию, это их количество в сегменте — пять. Культ чисел известен у многих народов. Возможно, что в данном случае цифра пять — магическое число. Это подтверждает тезис В. И. Сарианиди о существовании счетной системы в Маргиане. Еще об одном примере использования числа 5 свидетельствует находка в Гонуре квадратной костяной игральной доски, расчерченной в виде таблицы 5 х 5 (Сарианиди 2002: 153). Завершает рассматриваемую гипотезу реконструкция фортификации Кремля, основанная на сохранившихся деталях (Артемьев, Урманова 2010: рис. 8).

Дворец — царский ритуально-храмовый комплекс. Во Дворце различаются: парадная часть, представленная крупными помещениями (до 160 м^2) и Тронным залом; ритуальная часть с многочисленными храмовыми помещениями; административная, жилая и хозяйственная части. Судя по описанию В. И. Сарианиди, северный фасад и вход во Дворец являлись главными. Им отводилась особая роль в царских церемониях. С точки зрения архитектурно-планировочной композиции не менее значимым и парадным был восточный фасад, единственный украшенный сложными ступенчатыми пилястрами. Этот фасад также был, вероятно, и неким «фоном» культовых церемоний, так как он обращен на площадь, которая связывает Дворец и Храм огня. Уже упоминалось, что возможная планировочная ось Кремля — это направление восток–запад. Та же ось, по первоначальному замыслу древнего зодчего, стала осью симметрии в основе построения Дворца и осью входа Внутреннего холла (пом. 119). Существуют детали, указывающие на то, что первоначально был задуман строгий симметричный план всей композиции. На схеме показан условный первоначальный замысел плана Дворца (Артемьев, Урманова 2010: рис. 10а). Затем, как это часто бывает в архитектурной практике, еще в процессе строительства или при поздней перестройке юго-восточного угла Дворца, «*симметричный*» план был утрачен. На схеме видны возможные изменения, которые происходили во время строительства Дворца. Элементы, при отражении северной части комплекса совпадающие с существующими, обведены окружностями. Также прослеживается следующая планировочная особенность южных «Песчаных комнат»: их композиция в основе аналогична планировке северных «Песчаных комнат», которые при зеркальном отражении, трансформируются на схеме в южные, совпадая во многих деталях при их наложении друг на друга, как видно на схеме (Артемьев, Урманова 2010: рис. 10б).

На этой же схеме показаны косвенные признаки существования ранних симметрично-зеркальных помещений. Во-первых, сохранился фрагмент продолжения восточной стены Дворца, который выглядит сегодня, как выступ в пом. 254. Во-вторых, сохранился шов примыкания новой стены Дворца к ступенчатой пилястре у Внутреннего холла (в пом. 339), который можно увидеть на плане (Артемьев, Урманова 2010: рис. 11). Возможно, в завершающей стадии строительства, южная часть Дворца претерпела значительные отступления от первоначального замысла. Были добавлены большие внутренние дворы, а главное полностью перестроен юго-восточный угол Дворца. По каким-то причинам южная часть восточного фасада была разобрана и к пилястре восточного входа пристроено помещение № 339 — **«храм с коленчатыми проемами»** («Царская молельня», по В. И. Сарианиди). По-видимому, этот храм играл важную роль в ритуалах, которые совершались в Кремле. Это подтверждается и месторасположением храма *непосредственно у входа* во Внутренний холл (пом. 119; Сарианиди 2005: 61). В храме была устроена особая ниша с подиумом, украшенная по бокам двумя раскрепованными углами, оштукатуренная, предположительно, алебастром. В стене ниши, выходящей на площадь перед Внутренним холлом были расположены особые «коленчатые» проемы на метровой высоте от пола. Проемы устроены так, что заглянуть сквозь них в храм было невозможно. Можно предположить, что через эти проемы окуривали благовониями входящих во Дворец (Артемьев, Урманова 2010: рис. 11).

Архитектурные элементы Дворца подробно описал В. И. Сарианиди (2005: 61, 62). Они имеют ритуально-культовое назначение. В системе многочисленных помещений, в расположении печей и ниш, хаотичном на первый взгляд, видна определенная закономерность. **Ступенчатые ниши** (*«Слепые окна»)* расположены только в продольных стенах Дворца, т. е. ориентированы на восток или запад. Во Дворце насчитывается 12 **ритуальных печей** (в башнях Кремля расчищена еще 21 печь). Они также планировочно взаимосвязаны, поскольку почти все расположены на продольных осях — линиях «север–юг» и встроены в стены помещений. Кроме архитектурных элементов, имеющих конструктивное значение: ступенчатые ниши, пороги, углубления, в которые были установлены несохранившиеся колонны, на всей территории Кремля и во Дворце не найдено следов архитектурных деталей интерьеров или декора. Ни в одной нише не обнаружено никаких культовых предметов, нет следов копоти, которая всегда образуется при длительном горении све-

тильников. Единственное, что определяет их ритуальную функцию — это обмазка белым раствором, предположительно, алебастром.

Перекрытия. В планировке Дворца и прилегающих помещениях *первого* периода можно заметить закономерности в чередовании закрытых, полуоткрытых и открытых пространств. Их последовательность, взаимосвязь позволяет восстановить *возможное* утраченное перекрытие комплекса, состоящее из чередования сводов и плоских крыш (Артемьев, Урманова 2010: рис. 14).

Колонны. Деревянные изделия как конструктивный материал использовали только в больших парадных залах для стоечно-балочной системы перекрытий. По археологическим данным колонны были деревянными: найдены следы сгоревшего дерева в углублениях на месте их основания. Сгоревшая балка или колонна, обнаруженная в Тронном зале Дворца, является фактическим подтверждением существования деревянных конструкций. Заполнение проемов дверными блоками нигде не зафиксировано. Лишь в одном случае археологи отметили след углубления в пороге от предполагаемой оси двери.

Полами служила поверхность такыра, грунтового основания на которой возведены все конструкции Северного Гонура. Но во многих особых помещениях, таких, как парадные залы, храмы, другие ритуальные помещения, полы покрыты белой, вероятно, алебастровой обмазкой, — «знак особой чистоты этих помещений» (В. И Сарианиди).

Своды и арки. В пределах Кремля не найдено ни одного сохранившегося свода или купола, так как сохранность стен по высоте гораздо ниже возможного уровня пяты предполагаемых распорных перекрытий. Арки узких проемов (до 70 см), образованные двумя кирпичами, поставленными под углом в распор, представлены двумя типами. Единичные примеры арок трапециевидного профиля отмечены всего в двух местах: один из входов в обводную галерею Кремля на куртине n34 и арочный вход в восточном обводе у башни e5. Наиболее близкий к реальности вариант применявшегося свода — безраспорный, образованный напуском рядов кирпича (консольная кладка; см. также: Артемьев, Урманова 2010: рис. 8). Именно так могли быть перекрыты все узкие помещения, обводные галереи и камеры башен Кремля. Пример распорного свода из погребения № 1300 *некрополя Гонура* (Сарианиди 2001: 31) пролетом 1,55 м не может быть использован для перекрытия более крупных помещений Дворца, хотя также не исключено применение подобного свода в узких помещениях шириной не более 2 м. Широкие проемы, имеющиеся в парадных залах (ширина более 3 м) перекрывали скорее всего, деревянными перемычками, хотя не исключен вариант частичного напуска рядов кладки в виде ложной арки.

«Песчаные комнаты» — северная и южная «храмы-башни». Культуры, развивавшиеся на ирригационном земледелии, вне зависимости от их географического расположения и времени существования испытывали необходимость в систематических астрономических наблюдениях. Известно, что в Месопотамии небо вместе с небесными светилами считалось принадлежностью царя (Сарианиди 2005: 69). Наблюдения гелиакического восхода (восход тех или иных небесных светил в лучах утренней зари, незадолго до восхода солнца) позволяли жрецам предсказывать разлив реки. Такими культово-астральными наблюдательными пунктами и были, возможно, комплексы северных и южных «Песчаных комнат», расположенные в системе помещений Дворца (Артемьев, Урманова 2010: рис. 15, 16). Эти комплексы имеют схожие элементы планировки, что позволяет предположить их одинаковое функциональное назначение. Различаются они тем, что северный комплекс был расположен в системе помещений Дворца, в северо-восточном углу Кремля и имел главный вход из внутренних покоев. Он включал следующие помещения: 88 — главная лестница, 159, 160, 171, 181 и прилегающее помещение 180 с мощным кирпичным столбом («тумбой») посредине. Все стены комплекса и столб сохранились на высоту 1,30–1,40 м. На парадную лестницу южного комплекса, расположенного вне стен дворца в юго-западном углу Кремля, можно было попасть из южного городского входа Кремля. Комплекс включал пом. 1, 2, 3, 7, 10, 11, 12. В пом. 1 также есть кирпичный столб — «*тумба*». Стены этого комплекса помещений сохранились на высоту от 0,5 до 2,0 м (Артемьев, Урманова 2010: рис. 18). По археологическим данным

при вскрытии этих помещений было отмечено, что все они были заполнены плотным речным песком и не имели входных проемов. Следовательно, это сохранившаяся часть цоколя какого-то высокого сооружения. В данном случае, использована конструктивная особенность песка, который, если он заключен в замкнутое пространство, становится несжимаемым. Это позволяет возводить на его поверхности довольно высокие и тяжелые сооружения. В то же время песок гигроскопичен, легко поглощает ливневые потоки без существенной деформации всей конструкции. Известны случаи, когда такая конструкция может служить платформой для более высокого сооружения, план которого размещается прямо на песке и не совпадает с контуром цоколя. Например, в Топрак-кала дворец-храм был возведен на высокой (14 м) платформе из песка и глиняных блоков, заключенных в панцирь из толстой сырцовой кладки. В здание вела широкая лестница, защищенная башней (рис. 2). Стены верхних построек здания покоятся на песке, используемом как фундамент и, одновременно, как дренаж с целью отвода воды из открытых помещений и крыш (Топрак-кала 1984).

Исходя из предполагаемой астрономической и культовой функции, постройки «Песчаные комнаты» должно быть выше окружающих сооружений. Определить высоту уровней верха платформы и башни можно с достаточной степенью достоверности по размерам нескольких оставшихся ступеней (пом. 88) и длине помещений, предназначенных для лестниц. Сохранившаяся часть цоколя подтверждает гипотезу о высоком сооружении. Широкая южная террасная лестница № 1 (пом. 3, 10, 11 — общий габарит 11,13 х 21,62 м, 15 ступеней) поднимается к главному фасаду *храма-башни*, также возможно имеющему одно–двухколонный портик (пом. 1, 2, 7) на первый уровень,. В данном случае высота цоколя 4,5–5,0 м. Такое же узкое пом. 12, как и в северном комплексе, пристроено вдоль пом. 1 и 7 храма и также являлось основанием лестницы № 2 на втором уровне. По расчету лестница № 2 состояла из 35 ступеней, и высота второго уровня равнялась 10,0–11,0 м. (Артемьев, Урманова 2010: рис. 16). Все построения графической реконструкции базируются на принятом нами модуле — величине размеров сырцового кирпича. В новоассирийском дворце (VIII в. до н. э.) в Дур Шаррукин (дворец Саргона II, резиденция L) также существовала узкая лестница, ведшая на второй уровень. Она имела 10 ступеней, обмазанных алебастром и была возведена над засыпанными строительным мусором узкими (около 1,7 м) помещениями (87 и 88.). В пом. 121 резиденции L есть мощное утолщение стены (Heinrich 1984: 101, 154–156, 162), сходное с кирпичным столбом-«тумбой» из пом. 180 северного комплекса «Песчаных комнат» Гонура. По-видимому, в обоих случаях, это опора для сооружения второго уровня (Артемьев, Урманова 2010: рис. 17). Композиционное построение планов «песчаных комнат» в некоторой степени подходит под определение **бит хилани**: храм компактной закрытой снаружи конструкции, содержащей два длинных помещения, главные оси которых параллельны фасаду. Узкая лестница на второй уровень расположена вне контура плана помещений (Frankfort 1952: 120; Литвинский, Пичикян 2000: 248–252, 257; Корниенко 2006: 16, 177). Но поскольку комплексы «Песчаных комнат» значительно старше храмов Северной Сирии, называемых «бит хилани», то можно предположить, что планировочная композиция «Песчаных комнат» могла предвосхитить такие постройки, как «бит хилани».

Таким образом, *вариант гипотетической модели* северных и южных «Песчаных комнат» — это двухуровневый *храм-башня*, с одно–двухколонным портиком. На первый уровень вела парадная церемониальная лестница № 1, на второй уровень — избранные (царь, жрец), поднимались по боковой лестнице. Для обслуживания храма-башни предназначалась узкая лестница № 2 вне контура Дворца, по которой поднимались сразу на второй уровень. Но возможно комплексы «Песчаных комнат» не содержали помещений, представляя собой некую двухуровневую пирамидальную башню. Контур сохранившихся стен представлен цокольной частью высокой платформы первого уровня, заполненной песком. Стены второго уровня, возможно, возводились на песчаном основании, не повторяя контура первого. Контур стен второго уровня также был заполнен песком. На платформу вела широкая главная лестница № 1 и далее по узким лестницам № 2 («пеналам» на плане)

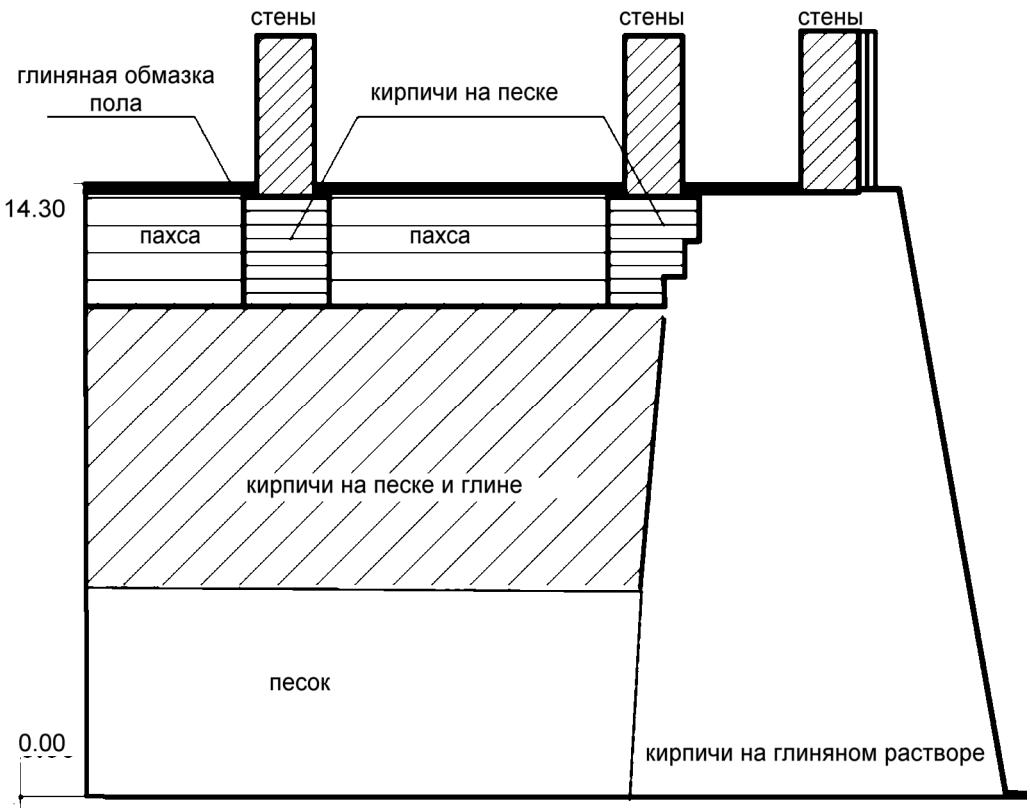

Рис. 2. Конструкция платформы Топрак-кала (по Топрак-кала 1984)

можно было подняться на ритуальную башню, как это изображено на разрезе (Артемьев, Урманова 2010: рис. 14в). Представленные варианты реконструкции выражают только возможные направление и принцип построения этих важных компонентов для понимания всего архитектурно-функционального образа Северного Гонура, предполагая продолжение исследований на их основе.

Комплекс «келий». Назначение уникального по своей архитектуре комплекса также остается пока неясным (Артемьев, Урманова 2010: рис. 18). Предположение В. И. Сарианиди (2005: 72) о некой реминисценции — возведении макета храма предков, встречающегося и сегодня у некоторых африканских племен, вполне правдоподобно и с архитектурной точки зрения. Трудно предположить какое-либо утилитарное назначение для помещений, в которые невозможно войти. Удивительное постоянство проявляли древние строители, сооружая «бесполезные», с нашей точки зрения, трудоемкие комплексы, неоднократно повторяя этот тип постройки в храмовых частях Гонура. Такой же тип сооружения встретился и в Ираке на поселении Ярым-тепе. Исследователи описывают их как зернохранилища (Мунчаев и др. 1974: 542). На особый, ритуальный характер этого загадочного строения указывает не только его расположение внутри сакральной части Кремля, но и тот факт, что такой же комплекс «келий» был сооружен внутри Храма огня-3 (Сарианиди 2005: 104).

Проблема консервации сооружений Гонура имеет первостепенное значение, так как открытые глиняные конструкции подвержены быстрому разрушению вследствие природных и антропоморфных воздействий. Следует отметить возможность глиняных сооружений к самоконсервации, что надолго обеспечивало их сохранность. Это явление, когда глиняная поверхность под воздействием влаги и дальнейшего высыхания покрывается цементирующей коркой, которая упрочивается при повторении циклов увлажнения и высыхания, хорошо известно реставраторам. Условием является дозированное количество влаги и отсутствие механических воздействий на образовавшуюся глиняную корку. И то и другое обеспечивалось в практически безлюдном регио-

не и аридном климате на протяжении тысячелетий. Особенно хорошо сохраняются глиняные сооружения непосредственно в грунте, где влага равномерно пропитывает все части как внутри, так и снаружи скрытых сооружений. Процесс археологических открытий — это процесс неизбежного уничтожения памятника, которое можно остановить только немедленной научной консервацией глиняных сооружений.

Самым действенным и распространенным способом консервации глины является дополнение древних останцев тем же материалом, что в настоящее время и проводится на Гонуре. Но здесь появляется новая проблема замены подлинника новоделом. Напомним, что любое искажение подлинника при реставрации противоречит принципам Афинской хартии ЮНЕСКО (1967 г.). Метод *анастилоза* (резкого отличия «старого» от «нового») давно получил международное признание и на Гонуре, памятнике мирового значения, этот принцип должен быть основополагающим при его реставрации и консервации. В настоящее время на городище ведутся консервационные работы, при которых используется *мелкоформатный* кирпич, равный одной восьмой объема древнего кирпича. Это решение полностью соответствует принципу отличия новых частей памятника от его подлинника. Работы по исследованию и консервации продолжатся здесь не один год. Тем более важно иметь долгосрочную программу консервативных работ на памятнике в виде научно обоснованного проекта реставрации, включающего в себя и все необходимые охранные мероприятия.

Будущие решения по охране связаны с комплексом задач по **градостроительной охране** древних ценностей Гонура, создания на территории городища научно охраняемых зон для музеефикации, консервации руин уникальных сооружений и организации туристической инфраструктуры на его территории (Артемьев, Урманова 2010: рис. 19).

Артемьев, Урманова 2010 — *Артемьев В. И., Урманова А. М.* Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 172–203 (ТМАЭ. Т. 3).

Корниенко 2006 — *Корниенко Т. В.* Первоначальные храмы Месопотамии. СПб., 2006.

Литвинский, Пичикян 2000 — *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

Мунчаев и др. 1974 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Бадер Н. О., Башилов В. А., Большаков О. Г., Гуляев В. И., Куза А. В., Нариманов И. Г.* Исследования Иракской экспедиции // АО 1973 года. 1974. С. 542.

Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990

Сарианиди 1999 — *Сарианиди В. И.* Библиографический указатель. Ашхабад, 1999.

Сарианиди 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарианиди 2005 — *Сарианиди В. И.* Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Топрак-кала 1984 — Топрак-кала. Дворец. М., 1984 (ТХАЭЭ. Т. 14).

Убэн, Гийо 2002 — *Убэн Ю., Гийо Ю.* Глинобитное строительство. Всеобъемлющее руководство. ЮНЕСКО. Самарканд, 2002.

Frankfort 1952 — *Frankfort A.* The Origin of the bît hilani. 1952 (Iraq. Vol. 14).

Heinrich 1984 — *Heinrich E.* Die Paläste im alten Mesopotamien. Berlin, 1984.

В. И. Мамонтов (Волгоград, Россия)

Глиняные модели «транспортных средств» катакомбной культуры из Волго-Донских степей

На территории Карпатского региона во время раскопок древних поселений или погребений были найдены модели повозок, изготовленные из глины. Их бытование связывают с населением, обитавших в этих местах, в период позднего энеолита — эпоху ранней бронзы (Бороффка 2008: 30). Следует отметить, что некоторые модели конструктивно близки друг другу и, видимо, внешне вполне соответствовали реальным изделиям, которыми пользовалось местное население в своей хозяйственной деятельности при перевозке грузов на быках.

Эти глиняные модели представляют собой небольшую тележку с высокими бортами, наклонно поднимающиеся кверху от основания платформы. Ко дну некоторых моделей прилеплены четыре невращающихся колеса (Венгрия, Сигетсентмартон — рис. 1, *1*; Будакалас — рис. 1, *2*). На другой модели (Венгрия, Балатонберени — рис. 1, *3*), имеющей вид прямоугольного «короба», по углам дна имеются выступы со сквозными отверстиями. Через них продевались деревянные оси, на которых крепились деревянные или глиняные колеса.

Наличие ручек на одной из узких сторон повозок, позволило Н. Бороффке (2008: 32) указать на возможное функциональное назначение таких изделий. Он полагает, что они могли использоваться как чаши для ритуальных напитков.

Частые находки моделей колесниц, свидетельствуют не только о широком изготовлении таких изделий в Карпатском регионе и на примыкающих к нему землях, но прежде всего о развитии колесного транспорта у местного населения. Поэтому находка подобной модели далеко на востоке от места их наиболее широкого распространения является уникальной. Речь идет о статусном захоронении, относящемся к катакомбной культуре, в кургане 10 Березовского курганного могильника. Он находился недалеко от правого берега р. Бузулук — восточного притока р. Дон (Волгоградская обл. Новоаннинский р-н).

В подбое, перекрытом толстыми, вертикально стоящими плахами со следами огня, было обнаружено погребение молодой женщины, на правой руке которой покоилось тело младенца. Дно могилы посыпано толстым слоем мела и красной охры, на поверхности которой отмечены пятна темного органического тлена. В камере собраны 118 бараньих альчиков, орнаментированная курильница на четырех ножках, сведенных в единый четырехлистник основания. В ее конусовидной чаше имелось небольшое дополнительное отделение для угольков. Обнаружен фрагмент боковой части тулова крупного сосуда — жаровни с древесными угольками. Черепок орнаментирован рядами округлых углублений и невысоким налепным валиком, украшенным тем же штампом.

У входа в подбой был поставлен небольшой глиняный тонкостенный сосуд (рис 1, *4*), который и автор раскопок в своем отчете, и авторы публикаций материалов этого погребения, назвали «жертвенником» (Кияшко, Мамонтов 1982: 218: Березуцкая 2003: 34, рис. 46, *10*; Энеолит и культуры бронзового века… 2007: 34, рис. 61, № 24).

Это подовальная в плане чаша светло-розового цвета на четырех прямоугольных ножках. По широкой площадке венчика, край которого несколько выступает внутрь, нанесены нажимы штампом «личинка». По узким сторонам сосуда венчик заканчивается небольшими заглаженными выступами. На дне чаши, также по узким сторонам, сформованы четыре коротких прямоугольных выступа.

Считаем, что этот сосуд является уникальным произведением мастера-гончара, аналогий которому в Нижнем Поволжье и на Дону, нет.

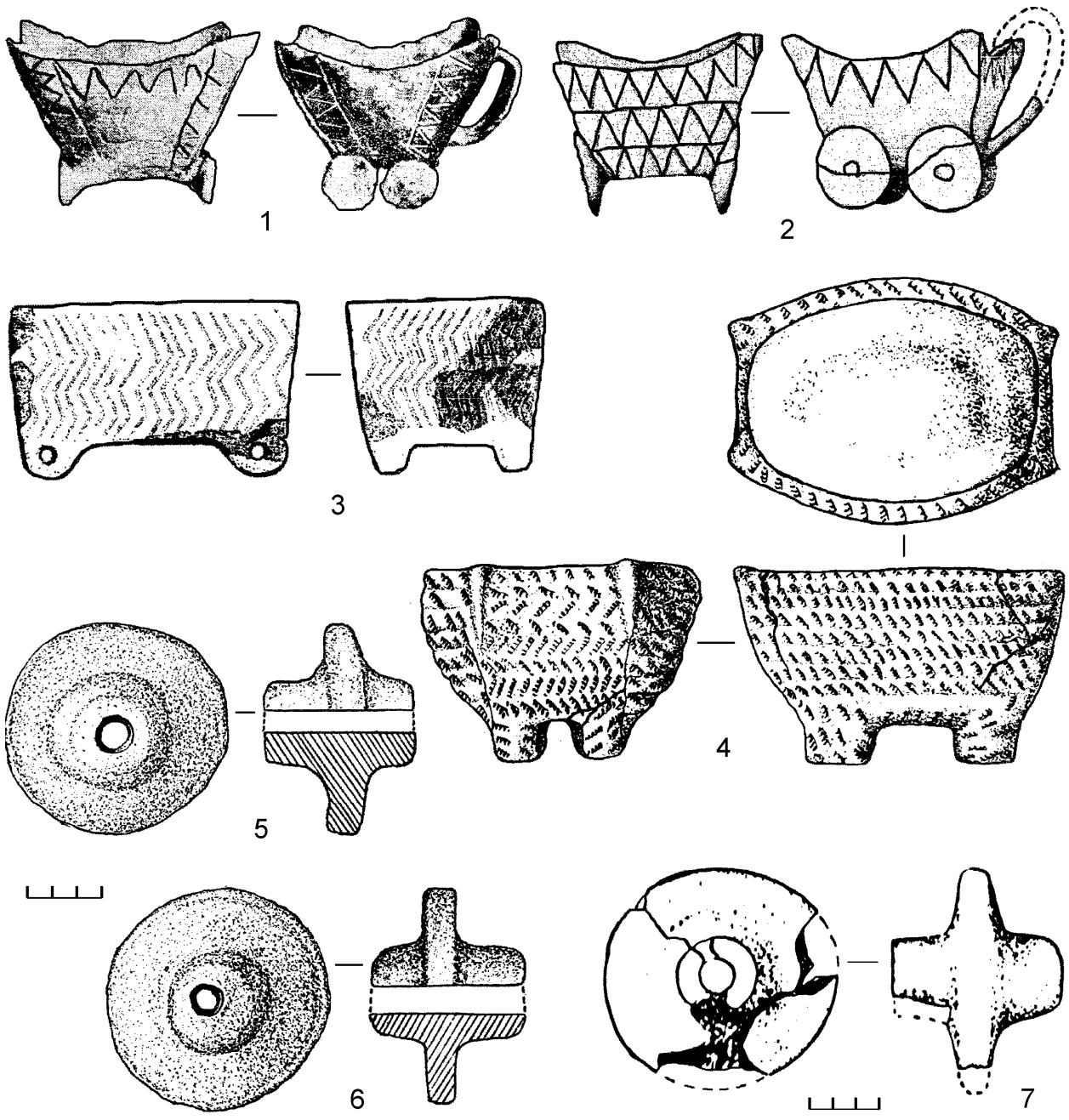

Рис. 1. Глиняные модели повозок.
Венгрия: 1 — Сигетсентмартон; 2 — Будакалас; 3 — Балатонберени.
Волгоградская обл.: 4 — курганный могильник Березовский, кург. 10, погр. 1.
Глиняные модели колес. Волгоградская обл., курганные могильники:
5, 6 — могильник Писаревка, кург. 10, погр. 2; 7 — могильник Виновка, кург. 1, погр. 4

Конечно, эту чашу могли использовать в ритуальных действиях и, может быть, именно поэтому она была поставлена в данное погребение. Но нам кажется, что у этого изделия, как и у других подобных моделей, было и другое функциональное назначение.

Известно, что любое общество, воспитывая свое подрастающее поколение, готовит детей к будущей деятельности. Важным элементом такого воспитания, конечно, является игрушка, которая тематически была связана с образом жизни, с производственной деятельностью коллектива, где воспитывался ребенок.

Наверняка, у детей эпохи энеолита, ранней и средней бронзы существовали предметы, которые они использовали в играх, когда старались подражать поведению старших. Это были небольшие, «детские», орудия труда и оружия, копирующие до мелких деталей настоящие «взрослые» изделия, применяемые в повседневной жизни. Игрушки делали из подручного материала: дерева, глины, прутьев, кожи и т. д. Причем мастер, взрослый, старался придать им наибольшее сходство с подлинными предметами.

Внутренняя и внешняя боковые поверхности модели повозки из погребения Березовского могильника было тщательно заглажены. После чего, мастер сформировал из еще сырой глины треугольные в сечении горизонтальные валики. Они покрыты штампом «личинка». Ко дну широкого основания настоящей повозки крепились толстые слеги, идущие наклонно вверх. Потом они плотно переплетались гибкими прутьями ивы. Вся конструкция подлинной телеги большой емкости хорошо имитируется на глиняной модели из Березовской.

Наличие подобных телег у древнего населения, т. е. существование колесного транспорта, подтверждают не только глиняные модели тележек, но и находки во время раскопок погребений фрагментов деревянных конструкций от этих изделий. Так, в кургане, раскопанном у г. Кривой Рог (Украина) в двух позднеямных погребениях были обнаружены деревянные детали четырехколесных повозок. Авторы публикации (Мельник, Сердюкова 1988: 118–119) считают, что повозка была прямоугольная, «с бортами, на которые опирался каркас арочного перекрытия». Остатки четырехколесной повозки обнаружили в катакомбном погребении в Первом Лолинском курганном могильнике (Синицын, Эрдниев 1966: 13, 32, 33, табл. 1, *1*, *2*).

Естественно предположить, что находки в погребениях моделей глиняных колес — это сохранившиеся детали от игрушечной тележки или колесницы. Возможно она была вырезана из деревянного чурбака или собрана из брусков, прутьев, кусков плотной кожи и т. д. К ним-то и крепились каким-то образом эти небольшие глиняные колесики.

Такие глиняные изделия, в частности, обнаружены в Волгоградской области. Например, в курганном могильнике Писаревка, расположенном на реке Иловля (левый приток Дона), колесики положили к левой ноге ребенка (кургана 10, погребение 2; Отчет 2004: 76, рис. 89, *1–4*). Оба предмета с хорошо замытой, перед обжигом, поверхностью, с тонкими плоскостями колес и крупными боченковидными ступицами (рис. 1, *5*, *6*). Диаметр колес составлял 9 см и 8,6 см соответственно.

В курганном могильнике Виновка (северная часть Волгограда, правый берег Волгоградского водохранилища) на дне погребения 4 из кургана 1 найдено глиняное колесико диаметром 10 см (Отчет 1980: 51, рис. 88, *5*). Оно имело крупную, далеко выступающую, ступицу. Поверхность колесика, имеющая светло-коричневый цвет, хорошо заглажена (рис. 1, *7*).

Находки фрагментов колесниц в погребениях позволили восстановить их внешний вид. Судя по фрагментам двухколесной повозки из погребения, относящегося к катакомбной культуре, у с. Марьевка (Украина), можно предположить, что это было одноосное транспортное средство с высокими бортами. На неподвижную ось надевали вращающиеся колеса с выступающими крупными втулками. Колеса были изготовлены из цельного куска дерева и плотно удерживались на оси вбитыми в отверстия клиньями (Чередниченко, Пустовалов 1991: 209–210).

Модели повозок встречены в основном в детских погребениях, то есть они предназначались для игры. Очевидно использование игрушек, похожих на настоящие изделия, свидетельствует о связи трудового воспитания с накоплением навыков, которые затем подросток применит в жизни.

Березуцкая 2003 — *Березуцкая Т. Ю.* Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж, 2003.

Бороффка 2008 — *Бороффка Н.* Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 30–46.

Кияшко, Мамонтов 1982 — *Кияшко А. В., Мамонтов В. И.* Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника // СА. 1982. № 4. С. 216–219.

Мамонтов 1980 — *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Фонды Волгоградского областного краеведческого музея.

Мамонтов 2004 — *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в 2004 г. // Фонды Волгоградского областного краеведческого музея.

Мельник, Сердюкова 1988 — *Мельник А. А., Сердюкова И. А.* Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988.

Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966 (Труды Калмыцкого института языка, литературы и истории. Вып. 2).

Чередниченко, Пустовалов 1991 — *Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж.* Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 4. С. 206–216.

Энеолит и культуры бронзового века… 2007 — Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. Волгоград, 2007.

М. Ю. Федосов (Волгоград, Россия)

Погребения с керамикой, украшенной елочной орнаментацией, в контексте древностей донецкой катакомбной культуры Нижнего Подонья

Погребения с керамикой, украшенной елочной орнаментацией, составляют существенный пласт археологических источников по проблематике катакомбной культуры Донецко-Доно-Волжского региона. Первым обратил внимание на специфику этой посуды В. А. Городцов. Он полагал, что рассматриваемая керамическая традиция является архаической, восходящей к неолиту (Городцов 1905: 56). В историографии погребения с указанной посудой автоматически включались исследователями в состав археологической культуры какой-либо конкретной территории: полтавкинской (Качалова 2000), донецкой (Братченко 1976; Смирнов 1996), среднедонской (Синюк 1983; 1996; Синюк, Матвеев 2007; Березуцкая 2003), или были отнесены к волго-донской (или нижневолжской) катакомбной культуре (Малов, Филиппченко 1995; Кияшко 2002). В. И. Мельник связал все комплексы с керамикой, украшенной елочной орнаментацией, с донецкой катакомбной культурой (Мельник 1985: 13; 1989: 132). В последнее время, в связи с накоплением новых источников, переосмыслением полтавкинской проблематики и уточнением критериев выделения волго-донской культуры (Сухорукова 2008), на первый план выходит синкретическая позиция. Большую роль в ее оформлении сыграла концепция А. В. Кияшко о существовании в эпоху средней бронзы на востоке катакомбного мира четырех основных обрядовых традиций — доно-донецкой, доно-волжской, волго-уральской, волго-манычской (Кияшко 2002). Еще А. М. Смирнов указал на качественное отличие комплексов с аналогичной керамикой Донетчины от местных среднедонских (Смирнов 1996). Подобная картина фиксируется на Среднем Дону и большей части Волго-Донского междуречья (Федосов 2008). Также было показано, что качественные различия волго-донской культуры и периферийных восточных памятников донецкой катакомбной культуры проявляются не только в погребальном обряде, но и в керамических комплексах (Федосов, Сухорукова 2009). Для периферийных восточных памятников донецкой катакомбной культуры был предложен термин «памятники павловско-усть-курдюмского типа». Хронологические рамки этой группы на Донетчине и Среднем Дону несколько уже рамок донецкой катакомбной культуры в целом и соответствуют финалу раннедонецкого — позднедонецкому горизонту, или финалу успенского — привольненскому этапу развития кавказской металлургии. При этом количественно преобладают комплексы, относимые к позднедонецкому горизонту.

Если появление елочно-гребенчатой орнаментации на глиняной посуде довольно четко связывается с наследием полтавкинской керамической традиции и датируется раннедонецким временем (Кияшко 2002: 132; 2007: 25), то вопрос о направлении этого воздействия, точнее, о его «маршрутах», еще в полной мере не раскрыт. С решением этого вопроса тесно связана проблема включения нижнедонских памятников с керамикой, украшенной елочно-гребенчатой орнаментацией, в павловско-усть-курдюмский тип и их относительная хронология в рамках донецких древностей.

В монографии А. М. Смирнова (1996) для Донетчины приведены данные о 80 павловско-усть-курдюмских комплексах (44,4 %, с повышением удельного веса к востоку) против 100 классических позднедонецких, в выборке автора на Среднем Дону и в прилегающих районах Поволжья их зафиксировано соответственно 70 (78,65 %) против 19, что свидетельствует скорее о сосуществовании в рамках донецкой культуры разных, пусть и очень близких, этнокультурных групп. Применительно к Нижнему Подонью показатели следующие: 65 комплексов (60,18 %) из выборки в 108 погребений донецкого облика содержали керамику, украшенную елочно-гребенчатым орнаментом. Если разделить нижнедонские материалы на право- и левобережные, то показатель составит 58 % и 68 % соответственно, но из-за небольшой левобережной выборки (22 комплекса от Багаевской до Цимлянска) необходимо иметь в виду возможную статистическую погрешность. Картографирование памятников в целом подтверждает факт, на который обратил внимание А. В. Кияшко (1999: 142), а именно: сосредоточение нижнедонских погребений с посудой, украшенной елочным орнаментом, на сравнительно небольшой территории от Аксайского до Цимлянского районов, причем тяготеют они именно к главной водной артерии региона. К этому наблюдению стоит добавить куда большую плотность памятников на Нижнем Дону в сравнении со Средним, где на значительно большей территории известно 300–350 донецких (павловско-усть-курдюмских) комплексов.

При типологическом анализе керамического инвентаря использовалась схема, апробированная в недавней статье (Федосов, Сухорукова 2009: 87). В основу выделения отделов керамики была положена профилировка плечиков сосуда: А — ребристая (уступчатая) профилировка; Б — сосуды с выраженным округлым плечиком; В — слабопрофилированные сосуды; Г — бесшейные сосуды. В основу выделения групп сосудов лег профиль горла: I — прямое; II — раструбное; III — сосуды закрытого типа. Наконец, типы посуды выделены на основе пропорций тулова: 1 — сосуды приземистой формы, с отношением диаметра дна к высоте сосуда $\geq 0{,}5$; 2 — сосуды вытянутых пропорций, как правило с конусовидным туловом и соотношением диаметра дна к высоте сосуда $\leq 0{,}5$; 3 — миски, с соотношением диаметра устья к высоте сосуда 0,35–0,65, а также наличия/отсутствия поддона (+/–). Учтены сосуды целых форм, а также фрагменты и жаровни, позволяющие реконструировать форму сосуда. Ни к одному из типов нельзя отнести амфорку (Кастырский VIII 3/10) и курильницу (Кастырский VIII 4/4). Таким образом, основная выборка керамики составила 85 единиц из 114. Елочно-гребенчатая орнаментация отмечена на 68 единицах керамики (59,65 %), что несколько превышает, но в целом соответствует показателю правобережных памятников павловско-усть-курдюмского типа (Федосов, Сухорукова 2009: 88). Подобную тенденцию демонстрирует и соотношение выделенных типов сосудов (рис. 1). Отметим также, что в комплексах с елочно-гребенчатой керамикой Нижнего Дона классические донецкие кубки отсутствуют.

Следующий важный показатель — это расположение елочного орнамента на тулове сосуда (рис. 2). Эта особенность наиболее ярко иллюстрирует различия в декоре волго-донской и павловско-усть-курдюмской керамики, вслед за общей долей сосудов с елочно-гребенчатой орнаментацией. Что касается нижнедонских комплексов, то при наибольшем сходстве с правобережными среднедонскими памятниками картина здесь куда более размытая, количество вариаций значительно больше. Наиболее распространенные варианты композиций те же (по всему тулову; по всему тулову, кроме горла), однако их доли меньше аналогичных показателей среднедонской группы. Разница в 3–5 % как раз компенсируется за счет разнообразия, и это при том, что для анализа посуды павловско-усть-курдюмского типа привлекалось свыше 400 сосудов.

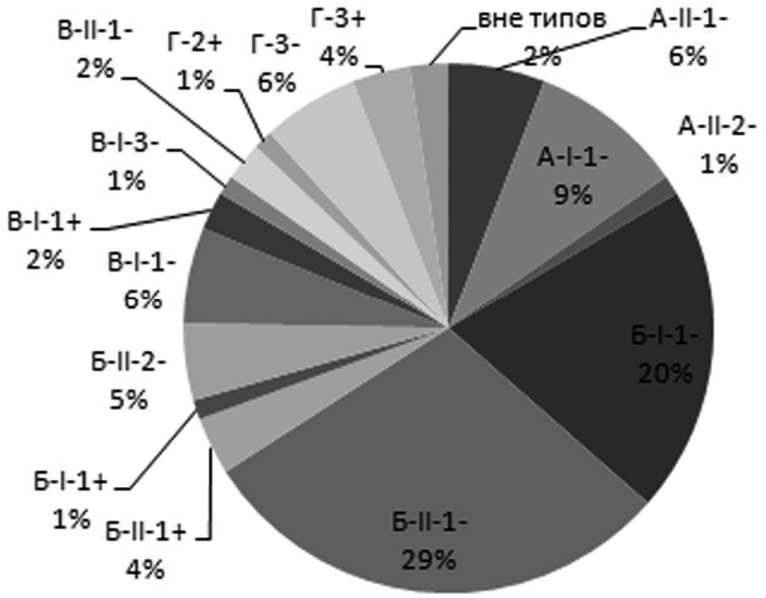

Рис. 1. Соотношение типов сосудов с «елочной» орнаментацией
из погребений донецкой катакомбной культуры Нижнего Подонья

Рис. 2. Расположение «елочного» орнамента на сосудах
из погребений донецкой катакомбной культуры Нижнего Подонья

При рассмотрении сочетаний композиционных элементов сделаны следующие наблюдения. Во-первых, оттиски тесьмы на керамике из погребений встречаются довольно редко (14,9 %, что несколько меньше показателя павловско-усть-курдюмской керамики как Правобережья так и Волго-Донского междуречья). Другие варианты оттисков шнура встречаются еще реже (7,9 %), так что ни о каком «катакомбном барокко» здесь не может быть и речи (за исключением, пожалуй, сосуда из Золотых Горок II 1/49 — Парусимов 2002: 39, рис. 11, *2*). Во-вторых, относительно часто представлены ряды вдавлений лопаточкой в отступающей технике (на Среднем Дону такой сосуд

один — Таганка 2/5; Федосов, Сухорукова 2009: 91, рис. 6, *3*), вертикально-зональная схема расположения орнамента (на Среднем Дону таких сосудов 3 — Горбатый Мост 42/1, Липовский I 8/6, Евстратовский I 1/7), ногтевые вдавления как самостоятельные композиционные элементы. Все это признаки весьма архаичны и являются инородными для донецкой культуры. Однако, спиралевидные оттиски на елочно-гребенчатой керамике Нижнего Дона не являются столь редким явлением, как на Среднем Дону и в волго-донской культуре. В-третьих, единично использование «личиночного» штампа. В четвертых, на Нижнем Дону практически отсутствует сочетание круговых (горизонтальных) и елочных мотивов в зубчатом исполнении. В-пятых, мы имеем всего одну курильницу (Кастырский VIII 4/4), типологически не выходящую за рамки павловско-усть-курдюмских образцов. В-шестых, на двух сосудах отмечена пережиточная «шагающая» гребенка в стиле позднего этапа полтавкинской культуры (Упраздно-Кагальницкий III 7/7, Кастырский V 13/4).

В заключение дадим краткую характеристику погребальных сооружений. На Нижнем Дону господствует катакомбная конструкция. Большинство погребений тяготеют к восточному и северо-восточному секторам кургана, в противовес преобладанию юго-восточного сектора на Среднем Дону и Донетчине, что, по мнению С. Н. Братченко, видимо, является ранним признаком (Братченко 1976: 16-19). Доля Т-конструкций превышает показатель Донетчины и Правобережья Среднего Дона в пределах статистической погрешности (8,3 %). Среди Н-катакомб разнообразие довольно большое, однако необходимо отметить большое количество ранних вариантов, с сильно вогнутыми в шахту ступеньками, без планиграфического наложения шахты и подбоя.

Итак, группа погребений Нижнего Подонья с керамикой, украшенной елочно-гребенчатой орнаментацией, представляет собой яркое и во многом самостоятельное явление в рамках донецкой катакомбной культуры. Эта группа памятников, по-видимому, хронологически неоднородна. Как и на Среднем Дону в ней присутствуют погребения раннего и позднего этапов донецкой культуры. Однако, судя по целому ряду архаичных признаков (помимо уже упомянутых, сюда можно отнести петли из оттисков одинарного шнура — Берданосовка 5/8; Беспалый 2002: 185, рис. 20, *8*; и более широкое распространение посмертной декапитации/ритуального разрушения скелета и т. д.), большинство комплексов этой группы относится к раннедонецкому горизонту. Следовательно, эта группа имеет некоторый хронологический приоритет над подобными памятниками Среднего Дона и Донетчины. Таким образом, появляется дополнительный аргумент в пользу теории о появлении елочной керамики на Среднем Дону одновременно с проникновением туда носителей классической донецкой керамической традиции, будучи уже адаптированной и переработанной в рамках этой культуры. Вопрос о том, следует ли рассматривать нижнедонскую группу памятников донецкой катакомбной культуры с елочно-гребенчатой орнаментацией в рамках павловско-усть-курдюмского типа, на мой взгляд, необходимо решать в зависимости от того, трактуем ли мы этот тип как закрытый и единый во времени и пространстве набор признаков, либо как отражение процессов взаимопроникновения двух традиций — доно-азовской и волго-уральской при доминировании доно-азовской традиции. Первый путь в конечном итоге приведет к дроблению донецкой катакомбной культуры, включая памятники Среднего Дона и прилегающих районов Поволжья, на ряд локальных вариантов, как на раннем, так и на позднем этапах ее развития. Второй позволяет объединить значительную часть памятников восточной периферии культуры в рамках одного явления. Оба пути не исключают друг друга и оправданы для решения конкретных проблем, которых еще немало стоит перед исследователями древностей эпохи средней бронзы Донецко-Доно-Волжского региона.

Беспалый 2002 — *Беспалый Е. И.* Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-1991 гг. // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. С. 111–188.

Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2001 — *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.

Городцов 1905 — *Городцов В. А.* Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 226–340.

Парусимов 2002 — *Парусимов И. Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Ростов-на-Дону, 2002.

Кияшко 1999 — *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко 2002 — *Кияшко А. В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Малов, Филипченко 1995 — *Малов Н. В., Филипченко В. В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ. СПб., 1995. № 4. С. 52–62.

Мельник 1985 — *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985.

Синюк 1983 — *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.

Синюк 1996 — *Синюк А. Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Смирнов 1996 — *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Сухорукова 2008 — *Сухорукова Е. П.* Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2008.

Федосов 2008 — *Федосов М. Ю.* О новой культурной группе памятников эпохи средней бронзы Доно-Донецких степей // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 11 (67). С. 287–300.

Федосов, Сухорукова 2009 — *Федосов М. Ю., Сухорукова Е. П.* Сравнительный анализ керамического комплекса волго-донской культуры и памятников восточной периферии донецкой катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2009. Вып. 13. С. 85–94.

А. В. Поляков (Санкт-Петербург, Россия)

Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь[5]

В течение нескольких последних лет на северном берегу оз. Итколь (Республики Хакасия, Ширинский р-н) проводятся научные исследования памятника Итколь II. Это небольшой могильник, «ядро» которого составляет группа курганов афанасьевской и окуневской культур. На сегодняшний день на площади памятника исследовано семь отдельных объектов, среди них курган № 26, датирующийся окуневским временем. При его изучении была выявлена уникальная поминальная площадка, непосредственно связанная с курганом.

Курган № 26 представлял собой подквадратную ограду размерами 6,5 х 6 м, построенную из вертикально вкопанных плит песчаника. В ее пределах было обнаружено шесть захоронений в каменных ящиках. Центральное погребение выделялось своими размерами, а также тем, что каменный ящик был установлен в яму с заплечиками. Его перекрытие находилось ниже уровня погребенной почвы примерно на 0,5 м. Остальные пять могил располагались вдоль западной и северной стенок ограды.

К сожалению, лишь могила 2, в которой находились кости четырех новорожденных и ребенка 1,5–2 л., оказалась нетронутой, однако и в ней не было сопроводительного инвентаря. Поэтому, число обнаруженных в кургане артефактов не велико (сосуд, бусы, небольшое лезвие ножа, 14 половинок челюстей соболя). Наибольший интерес представляли многочисленные фрагменты стел и рисунки на плитах (всего 12 изображений), а также два художественных изделия из кости и камня. Однако данная работа посвящена исследованию примыкающего к кургану № 26 поминального сооружения.

[5] Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Формирование окуневского культурного феномена».

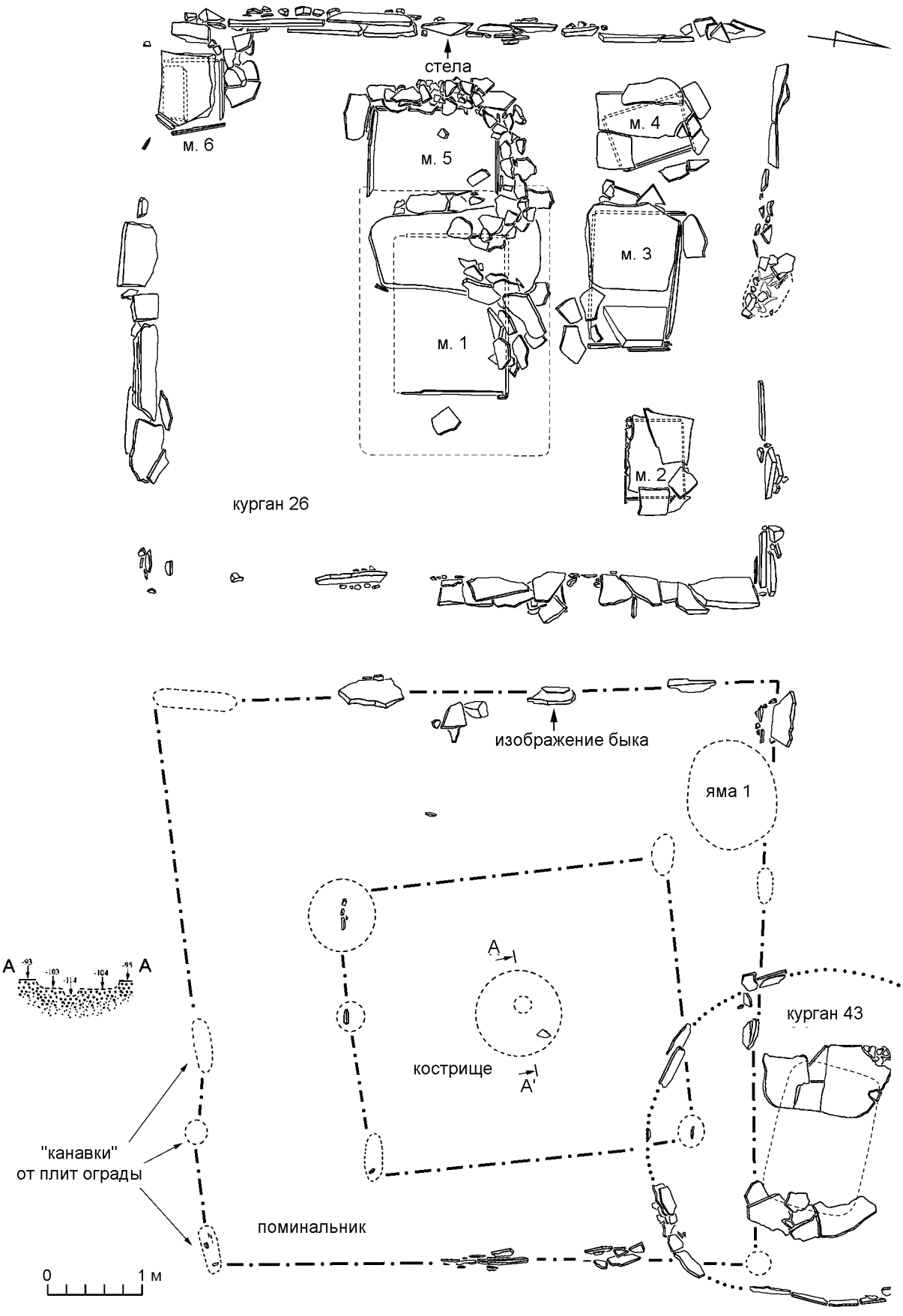

Рис. 1. Могильник Итколь II, план-схема кургана 26 и связанной с ним поминальной площадки

К востоку от основной ограды, практически вплотную к ней на расстоянии примерно 1 метра, располагалась площадка, огороженная по периметру вкопанными через равные промежутки отдельными плитами песчаника (рис. 1). Западная линия ограды поминальника почти параллельна восточной стенке основной ограды. Можно отметить, что при строительстве в обоих случаях использовались одинаковые плиты песчаника, которые вкапывались так, чтобы их верхний край выступал над уровнем древней дневной поверхности на 0,3–0,4 м. Размеры поминальной площадки (6 х 5–6 м), очень близки размерам ограды. К сожалению, ограда поминальника сохранилась не полностью. На месте находились в основном плиты ее западной части. Удалось выявить отдельные плиты в северной и восточной стенках ограды поминальника. Южная стенка сохранилась только в виде «канавок» в материке и «корня» угловой плиты (юго-восточный угол).

В самом центре огороженного пространства находилось небольшое углубление в материке (диаметр — 0,9 м, глубина — 0,1 м). В его центре прослежено небольшая более глубокая ямка. И углубление, и ямка были заполнены пережженным грунтом с включением некоторого количества золы, а также мелко колотых и обожженных костей животных (овца, корова). Предположительно этот контекст можно реконструировать, как очаг или кострище. Вокруг него по направлениям к четырем углам сооружения прослежены дополнительные ямки в некоторых случаях с остатками плит расклинки. Можно предположить, что это следы конструкции каркасного типа (например, навес над костром), угловые столбы которой были заглублены в грунт.

Несколько слов необходимо сказать о форме и развороте поминальника. Можно обратить внимание, что его западная стенка не совсем параллельна основной ограде. Видимо, ограда поминальника развернута на несколько градусов относительно осевой линии основной ограды. Особенно хорошо это заметно по «ямкам» навеса. Возможно, этот разворот объясняет получившуюся трапециевидную форму ограды (восточная стенка короче западной на 1 м). Северо-восточный угол ограды поминальника частично перекрывает курган № 43 (афанасьевская культура). Последовательность их сооружения устанавливается однозначно. Плиты ограды окуневского поминальника были вкопаны в насыпь уже существующего на тот момент афанасьевского кургана и не достигали уровня материка. Если бы поминальник имел строго прямоугольную форму, то этот северо-восточный угол оказался бы на перекрытии афанасьевского погребения. Вероятно, это выяснилось уже в процессе сооружения и строителям пришлось несколько сместить угол ограды, что и обусловило ее трапециевидную форму.

В северо-западном углу ограды поминальника, а также между двумя оградами на уровне погребенной почвы были обнаружены 8 фрагментов одного сосуда, а также бронзовое шило (рис. 2). Сосуд можно отнести к окуневской культуре. Это довольно крупное баночное изделие, на котором орнамент нанесен группами наколов зубчатым штампом в виде прямоугольников, расположенных в шахматном порядке. Вполне вероятно отнесение к окуневской культуре и бронзового шила. Типологически близкие образцы известны из раскопок могильников Черновая VIII, Верхний Аскиз, Пистах (Максименков 1980: табл. XVIII, *6–8*; Хаврин 1997: табл. V, *8*; Подольский 1997: рис. 5, *4*). Химический анализ, проведенный С. В. Хавриным (ГЭ), выявил наличие лигатуры в виде присадки 4–6 % олова, что характерно для памятников окуневской культуры черновского хронологического горизонта (Хаврин 2006: 242–243).

Однако нельзя полностью исключать того, что эти материалы непосредственно не связаны с поминальным сооружением. На окраине могильника расположено поселение Итколь III, где представлены преимущественно материалы афанасьевской и окуневской культур. Фрагменты окуневской керамики были встречены при снятии насыпей всех исследованных курганов могильника. Они явно не связаны с самими сооружениями, а происходят из поселения Итколь III.

В северо-западном углу поминальника обнаружена также хозяйственная яма глубиной 0,6 м. В ее заполнении находились многочисленные колотые кости домашних животных (корова и овца). В результате радиоуглеродного анализа в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (образец Ле-8730) была получена дата (2010 ± 80), которая после калибровки в программе OxCal 5.0.2

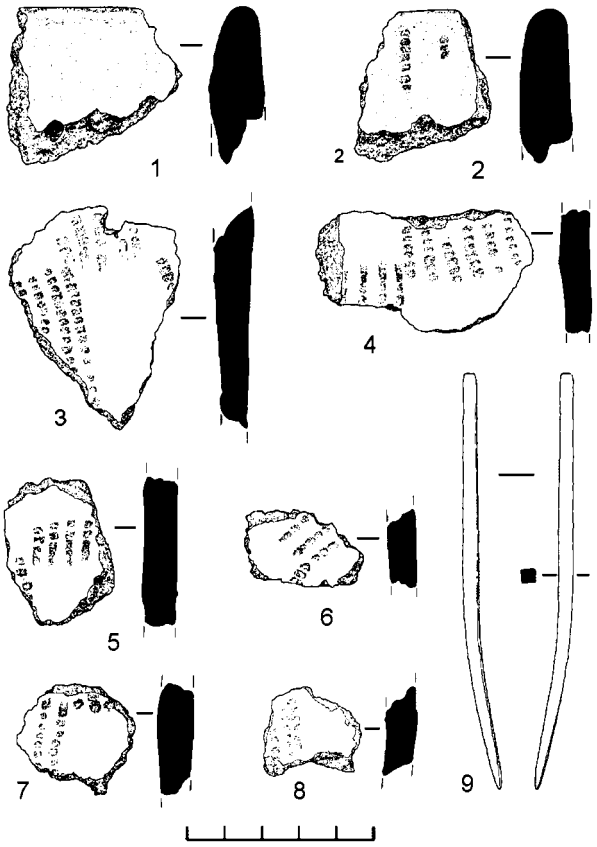

Рис. 2. Могильник Итколь II, курган 26, археологические материалы,
обнаруженные на площади поминальной площадки: 1–8 — керамика; 9 — бронза

дала хронологический отрезок от 347 г. до н. э. до 210 г. н. э. То есть, сооружение этой хозяйственной ямы датируется тесинским этапом тагарской культуры, и не имеет прямого отношения к поминальной конструкции. Косвенно это подтверждается тем, что границы ямы выходят за рамки ограды, нарушая ее целостность.

Таким образом, предположительно поминальное сооружение выглядело следующим образом. Условно огороженная вертикально вкопанными плитами площадка располагалась практически вплотную к основной ограде с восточной стороны. В центре поминальника в специально выкопанном углублении разводили костер. Над ним, вероятно, было поставлено каркасное сооружение — навес. В кострище и вокруг него были обнаружены мелко колотые и обожженные кости овцы и коровы.

Данный поминальник был отнесен к окуневскому времени и связан с курганом № 26 на основании двух наблюдений. Во-первых, очевидна их явная планиграфическая и технологическая взаимосвязь. Ограды размещены почти параллельно и вплотную друг к другу. Размеры их очень близки, а стенки выполнены из аналогичных плит, обработанных одинаковой техникой. Во-вторых, и это является важнейшим доказательством их синхронности, на одной из плит западной стенки ограды поминальника обнаружено гравированное изображение тучного быка головой вправо, выполненное в окуневской манере (рис. 3). Плита была переиспользована: изображение повернуто на 90 градусов (головой вниз) и частично уходило ниже уровня материка. Фрагмент аналогичного изображения находился на плите, которая была найдена среди остатков перекрытия над могилой 1 кургана № 26. В обоих случаях плиты использовались как строительный материал без учета имеющихся на них изображений.

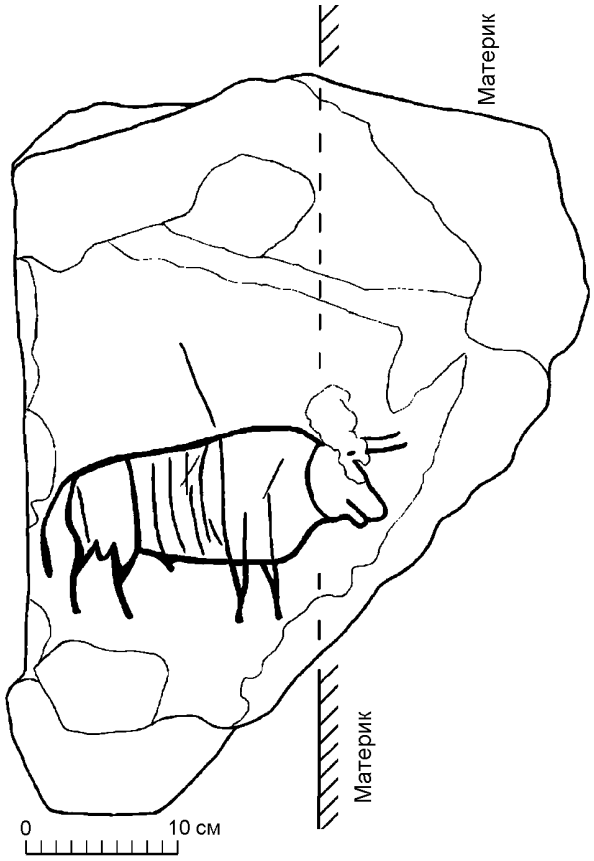

Рис. 3. Могильник Итколь II, курган 26,
изображение быка на одной из плит поминального сооружения (прорисовка Ю. Н. Есина)

Анализируя весь комплекс в целом можно сделать еще одно интересное наблюдение. В центре западной стенки ограды кургана была установлена стела из брусчатого камня. Она практически не возвышалась над уровнем ограды, но заметно выделялась по своему материалу и толщине, явно отличаясь от стенок ограды выполненных из плитняка. Стела была вкопана глубже, чем плиты ограды и с обеих сторон расклинена небольшими камнями, тогда как плиты ограды расклинивались только с внешней стороны. На плоскости стелы, обращенной внутрь ограды, находилось два изображения: простая окуневская «личина», а под ней — тучный бык головой вправо (аналогичный тому, что был найден на плите поминальника). Главное отличие этих изображений заключается в том, что в данном редком случае стела не была использована в качестве строительного материала. Изображения были явно нанесены при возведении кургана и имеют с ним непосредственную связь. Можно отметить, что эти изображения находятся на единой оси, связывающей поминальник и курган. При совершении обрядовых действий у костра в центре поминальника изображения были хорошо видны и, возможно, были связаны с этими действиями.

Отыскивая аналогии описанному поминальному сооружению, следует обратить внимание на окуневский могильник База Минторга («Минусинск» по своду Э. Б. Вадецкой), раскопанный Н. В. Леонтьевым на окраине города Минусинск в 1978 г. (Вадецкая 1986: 39; Наглер, Пацингер 2006: 106–107, рис. 8). Памятник представляет собой группу из 5 могил, вокруг которых не удалось проследить ограду. К северо-востоку от этих погребений была обнаружена ограда размерами 7,6 х 4,9 м, внутри которой не было выявлено ни одной могилы. Авторы публикации полагают, что эта ограда долгое время использовалась как культовая площадка. Можно проследить определенные аналогии между двумя памятниками. В первую очередь это существование специально огороженной территории, на площади которой не производилось погребений, но имеются следы

культовых действий. В одном случае она расположена к востоку от самих погребений, в другом — к северо-востоку. Однако, правильнее будет ориентироваться по оси центрального погребения. В обоих случаях культовая площадка располагалась строго «в ногах» по отношению к погребению в центральной могиле, то есть в восточном секторе. Налицо существование прямой взаимосвязи между погребением и площадкой. Именно на этом основании можно полагать, что культовые действия были связаны с погребальным ритуалом, и обе эти ограды можно относить к категории поминальных сооружений. Следует обратить внимание еще на одну деталь: в обоих случаях обнаружены изображения быков. Не исключено, что они играли важную роль в проводимых ритуалах. Не случайно на площади могильника База Минторга обнаружено несколько ям с черепами и костями передних ног животных, среди которых преобладают быки.

Возможно, аналогичная площадка существовала еще на одном памятнике — Туим-Кольцо, расположенном всего в 6 км к западу-юго-западу от могильника Итколь II. Согласно тексту отчета к востоку-северо-востоку от ограды за ее пределами, «в ногах» по отношению к центральному погребению, находилось 6 вертикальных стел, которые иногда интерпретируются, как «вход» (Кызласов 1989: рис. 7). Однако нельзя исключать, что эти стелы обрамляли прямоугольную поминальную площадку, которая может оказаться аналогичной сооружению могильника Итколь II.

Имеющаяся к настоящему времени информация о поминальных площадках достаточно скудна. Еще рано переходить к реконструкции проводимых на них обрядов. Однако большое значение имеет сам факт выявления, подобных сооружений. Теперь ученые, непосредственно проводящие полевые исследования курганов окуневской культуры, имеют представление о том, где подобные поминальные сооружения могут располагаться и как они выглядят. Остается надеяться, что в ближайшее время число исследованных культовых площадок увеличится и со временем их количество позволит перейти к качественно новому этапу изучения погребальной обрядности окуневской культуры.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Кызласов 1989 — *Кызласов И. Л.* Воплощения Вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. М., 1989. Вып. 21. С. 193–212.

Максименков 1980 — *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3–34.

Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник-2. СПб., 2006. С. 104–119.

Подольский 1997 — *Подольский М. Л.* Два окуневских памятника на ручье Узунжул // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 113–122.

Хаврин 1997 — *Хаврин С. В.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 65–79.

Хаврин 2006 — *Хаврин С. В.* Металлические изделия окуневской культуры // Окуневский сборник-2. СПб., 2006. С. 242–244.

М. Е. Килуновская (Санкт-Петербург, Россия)

Изображение хеттского бога Рунда на серебряном ритоне из Метрополитен музея

Настоящим шедевром искусства является серебряный ритон в виде оленя, хранящийся в Метрополитен музее (Нью-Йорк) и опубликованный Э. Акургалом (Akurgal 2001: 158–163). Уникальное изделие выполнено хеттскими торевтами. Сосуды в виде животных широко использовались в различных ритуалах, включая обряды пития божеств. Обычно эти сосуды делали из глины в форме барса, льва, быка и других животных, в том числе и оленя. В ряде хеттских текстов барс,

лев, олень, бык, козел и другие животные назывались животными богов, то есть либо соотносились с каким-либо божествами, либо символизировали их (Ардзинба 1982: 34), что нашло отражение в хеттских иконографических памятниках, где боги изображаются стоящими на животных. Практика изготовления и употребления в ритуалах сосудов в виде животных, вероятно, была перенята у хаттского населения Малой Азии (Akurgal 1961: 24–26). Как указывает Э. Форер, кульминационным моментом всех хеттских ритуальных праздников является сцена, во время которой наполняли вином или пивом birbu — сосуд из золота или серебра, выполненный либо в форме животного, либо в форме части животного (головы и шеи быка, коровы, овцы, лошади, льва и т. п.), затем разламывали хлеб и **пили** божество. Сосуд в форме животного не только символизировал божество, но и являлся образом самого бога (Alp 1967). Соответственно вино и другие напитки служили «заменой» крови божественного животного, а хлеб заменял его мясо. Таким образом, из ритуального сосуда в виде животного не совершали жертвоприношение или возлияние божеству, а именно пили кровь божества, поэтому и употребляется словосочетание «пить бога» (а не поить бога) (Ардзинба 1982: 62–65; ср. авестийское божество Сома, которое является божественным напитком). Хеттский царь, царица, жрецы, выпивая вино или пиво из символического сосуда в форме животного, приобретали божественные силы (Forrer 1940: 127). Это действие можно сопоставить с причастием.

Рассмотрим вышеупомянутый серебряный ритон в виде оленя (рис. 1). Олень был животным бога Рунды, который известен как «Бог на олене». Он являлся покровителем дикой природы, охоты и полей. Высота ритона составляет 18 см. Фигура животного выполнена очень реалистично и с большим мастерством. Она изображает переднюю часть туловища оленя. Показана его приостренная морда с проработанной мускулатурой, ноздрями и каплевидными глазами. На голове моделированы поднятые вверх листовые уши и рога, два отростка которых направлен вперед, а третий с тройной развилкой на конце — вверх. Олень смотрит вперед. Голова посажена на высоко поднятую шею. Показаны две передние ноги животного с приостренными копытами, непропорционально короткие по сравнению с туловищем и головой. Ноги подогнуты под брюхо. На шее имеется выпуклый ободок с шахматным орнаментом — ошейник или гривна, которая подчеркивает необычность этого животного, его божественную природу.

Передняя часть туловища оленя заканчивается ободом с тщательно выполненной многофигурной композицией, показывающей сцену жертвоприношения (рис. 2). Все изображения сделаны в невысоком рельефе, а детали — гравировкой. Здесь изображено в виде пальметты большое дерево, у подножия которого лежит олень. У оленя подогнутые под брюхо ноги и голова повернута назад. Тело животного покрыто точечным орнаментом — так передана пятнистая шкура. На дереве висит колчан со стрелами, лук и руно (или шкура животного) с орнаментом. Далее показаны два вертикальных копья, направленные листовидными остриями вниз. Спиной к ним сидит на троне антропоморфная фигура в длинном одеянии в виде туники. На ее ногах надеты туфли с сильно загнутыми закрученными спиралью концами, на голове — высокая конусовидная шапка с рогом впереди. За большое ухо зачесаны длинные волосы существа, подчеркнуты его большие миндалевидные глаза и длинный нос. Такие черты лица мы видим и у других персонажей этой сцены. В правой руке, поднятой к лицу, сидящая фигура держит чашу (или пиалу), а в левой поднятой руке — сокола. Перед фигурой на троне стоит алтарь, который напоминает жаровню для благовоний (курильницу), какие можно видеть на иранских и ассирийских изображениях (Akurgal 2001: 163).

Спиной к человеку на троне показана мужская фигура, стоящая на олене. Фигура идущего оленя выполнена очень натуралистично, четыре ноги с проработанными копытами переданы в движении. На туловище гравировкой подчеркнута мускулатура. На высоко поднятую шею посажена голова с приостренной мордой, смотрящей вперед. Олень имеет острые поднятые уши и рога с четырьмя отростками. Нужно отметить, что манера изображения оленей, как на ободке, так и на самом ритоне совпадает во всех деталях, только у лежащего животного показана пятнистая шкура.

Рис. 1. Серебряный ритон из Метрополитен музея (Metropolitan Museum of Art, New York)

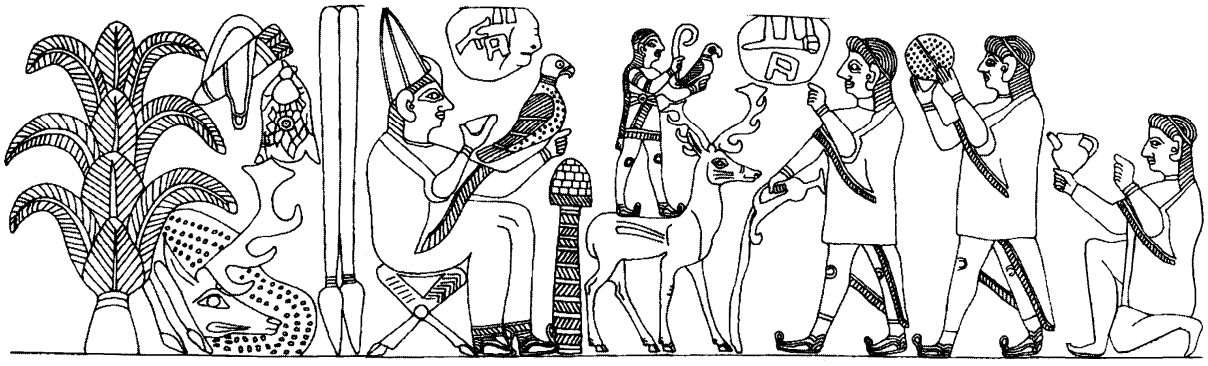

Рис. 2. Многофигурная композиция на ритоне из Метрополитен музея

Стоящая на олене мужская фигура одета в короткую подпоясанную орнаментированным поясом тунику, борта которой украшены орнаментом. На голове показана круглая шапочка и длинные ниспадающие до самых ног волосы. Руки подняты вверх: в правой мужчина держит посох (калмус или литуус), повернутый загнутым концом вверх, а в правой — сокола.

Перед ним изображено трое мужчин в коротких не подпоясанных туниках, с волосами до плеч, подвязанными лентами или обручами. Двое, у которых туфли с загнутыми концами, идут, третий, босой, стоит на одном колене. Мужчина справа льет перед оленем жидкость из сосуда с

длинным носиком, который он держит в правой руке. Его левая рука со сжатым кулаком поднята вверх на уровень подбородка. Это молитвенный жест почитания или почтения у хеттов. В такой позе изображались и божества, и цари, и участники ритуала (Ubid: 158). В музее прикладного искусства в Бостоне хранится серебряный хеттский сосуд в виде сжатого кулака. На ободке сосуда имеется рельеф, на котором изображено подношение хлеба и вина Богу Громовержцу. Второй мужчина на ритоне из Метрополитен музея держит в обоих руках круглый предмет. Нам кажется, что правы О. Мускарелла и К. Биттель, которые считают, что он держит ритуальный хлеб, а не тамбурин, как полагает Э. Акургал (Ubid: 160). Тамбурины обычно изображаются гладкими с ободком (как на сосуде в виде кулака), а на ритоне в центре круга представлен точечный орнамент, который наносится на хлеб. Коленопреклоненная фигура держит в поднятой правой руке кубок, а левая, сжатая в кулак находится перед подбородком.

Ближайшей аналогией изображениям на ритоне является композиция на серебряном кубке из большого Триалетского кургана (Куфтин 1941). Это цилиндрический кубок на высокой ножке, изготовленный из цельной серебряной пластины, украшен двумя фризами сложной композиции, выполненной низким рельефом. На нижнем фризе изображены следующие друг за другом в один ряд девять оленей, самцов и самок. Иконография оленей аналогична фигурам на хеттском ритоне. Триалетские изображения выполнены достаточно натуралистично, с приостренными мордами, ветвистыми рогами, орнаментированной шеей и крупом. На верхнем фризе представлена процессия из 23 одинаковых мужских фигур, следующих друг за другом, с кубками в руках. У них волчьи хвосты, а также необычные лица с чрезмерно увеличенными носами. В центре композиции изображена такая же фигура, которая сидит на троне и в руках держит кубок. Хвоста у нее нет. Перед ней находится высокий алтарь на трех ножках и две лежащие фигуры хищников. За спиной этой фигуры изображено ветвистое дерево. У всех мужчин показаны короткие куртки с орнаментированными полами, узкие брюки и башмаки с высоко загнутыми концами, что находит полные соответствия в хеттском искусстве. Исследователи связывают эту композицию с культом плодородия, видя в сидящей фигуре божество плодородия (Там же: 92; Амиранашвили 1950: 32).

Теперь обратимся к интерпретации персонажей и самого сюжета, представленного в композиции на ритоне из Метрополитен музея. Оба персонажи, сидящий на троне и стоящий на олене, безусловно, имеют божественную сущность. Они имеют свои божественные атрибуты (одеяние и головные уборы), причем персонаж, стоящий на олене, атрибутируется как «Бог на олене» или Рунда. Его атрибутами являются изогнутый посох (калмус или литуус), который он держит изогнутым концом вверх; сокол, иногда заяц, лук со стрелами. Он также часто стоит на своем животном — олене. Второй персонаж — это, по-видимому, то же самое божество — Рунда. Он изображен в ином качестве — сидящим на троне и принимающим подношения, пьющим из пиалы священный напиток богов. Поэтому у него другой головной убор и другая одежда. В пользу того, что здесь изображено то же самое божество говорит тот факт, что оно держит в руке сокола, как и бог на олене. Его олень лежит под деревом, а колчан со стрелами и лук, так же как и знак божества — руно, висят на дереве.

Руно (Kursa) — овечья (или козья) шкура являлось символом, связанным с плодовитостью, плодородием. В образе руна почитались многочисленные божества защиты. Бог на олене известен в текстах как «Покровительствующий дух» или «Провидение» (Герни 1987: 124). Следовательно, руно также могло быть его контаминацией. Руно было обязательным компонентом всех ритуальных обрядов, которые совершал царь с царицей. Культ руна, как и культ зооморфных сосудов, восходит к хаттской традиции (Popko 1976: 310).

Безусловным признаком божества является посох, который держит в руках бог на олене. Посох (по хетт. Kalmus) — это длинная палка с крюком, которая нужна пастуху для ловли овец за ногу. Изображения посохов появляются в Месопотамии в IV тыс. до н. э. Этот образ часто встречается в мифологических текстах в качестве символа власти, присущей божественным персонажам. Интереснейшее исследование, посвященное этому символу в различных мифологических и

изобразительных традициях, было проведено А. М. Смирновым (2004). Исследователь приходит к выводу о том, что посох выполняет роль религиозной инсигнии и обладает сакральной силой, которую использует его обладатель. Он связан с женским началом, так как божество получает его обычно из рук богини (например, шумерский бог Энки получает трон, посох и скипетр, диадему от богини Инанны). Возможно, хетты заимствовали этот символ из Месопотамии, куда тот, в свою очередь, попал из Египта, где посох хека (heqa) был символом бога Осириса.

Изображение посохов (калмусов или литуусов) распространяется у хеттов в период Нового царства в XIV–XIII вв. до н. э. в атрибутике как богов, так и царей. Однако, в руках божеств он показывается всегда изогнутым концом вверх и лежащим на плече (Alp 1947: 172). Такой же жезл встречается и в иконографии вавилонского бога Амуру, также бога степных пространств. Животное — атрибут Амуру — газель, животное степей и гор. Амуру идентифицируется с богом сутеев Сумуканов, который заботится о стадах, оплодотворяет овец, ослиц и газелей. Посох Амуру — атрибут плодородия, полученный от богини Нинхурсаг (Смирнов 2004: 87). Такими же полномочиями наделен и Рунда, атрибутом которого является олень — животное предгорий.

Другие изображенные на ритоне персонажи, противостоящие божествам, очевидно, были участниками ритуала. Один из них льет жидкость (вино или воду) перед оленем, на котором стоит божество. Другой, кравчий, приносит толстый хлеб. А третий, стоящий на колене, который в царских ритуалах носил имя «сын дворца», приносит воду для ритуального омовения. В текстах описывается, что он обычно садится на корточки (Ардзинба 1982: 113).

Можно предположить, что на ритоне из Метрополитен музея представлен обряд антахшум, который совершался во время празднования Нового года. На 33–34 дни антахшума происходил праздник горы Пискурунува. На этой горе, где видимо, стоял храм, совершалось жертвоприношение перед оленями. «Царь сходит с колесницы и садится на место восхождения. Вокруг него танцор кружится один раз, и затем он (танцор?) проходит перед оленями. Кравчий же держит золотой сосуд и совершает жертвоприношение перед оленями» (Там же: 15–16). Олень был священным животным хеттов и возможно существовал праздник оленя. Предположительно, оленей даже специально приручали и содержали при храмах. Храм на горе Пискурунува, по-видимому, являлся храмом божества Солнца, и культ оленя, который являлся воплощением Рунды — божества природы, связан с культом богини Солнца города Арины. Это подтверждается тем, что в одном из текстов говориться об оленях в городе Арине (Там же: 16). Интересно, что на ритоне солнце изображено в верхней части рельефа. Одним из важных элементов этого ритуала на горе Пискурунува является руно, а также обряд «пития бога» царем. В данном ритуале во время восхождения на гору, а в другом тексте на крышу храма (Там же: 65) царь, приближаясь к небу и космосу, сливается с ним и становится богом. Именно божество мы и видим на ритоне.

Изображение бога Рунда присутствует и на других памятниках хеттского искусства. На небольшой стеатитовой плакетке высотой 6,4 см из Еникей (Чорум), хранящейся в Музее Анатолийской цивилизации (Анкара), представлено рельефное изображение бога, стоящего на олене. Фигура стоящего оленя сделана натуралистично и по стилю аналогична оленям на ритоне. Божество одето в короткую подпоясанную тунику, его голова увенчана высокой конусовидной шапкой, на ногах надета обувь с загнутыми концами, на левом плече фигуры располагается калмус и лук, в правой поднятой вверх руке божество держит сокола. Следует отметить, что такая же верхняя одежда характерна для изображения стоящего бога на ритоне, а аналогичная шапка изображена на голове сидящего бога на ритоне. Рассматриваемая плакетка датируется XIV–XIII вв. до н. э.

Бог, стоящий на олене, был изображен на скальном рельефе на реке Карасу, неподалеку от ее впадения в Евфрат, к югу от деревни Сунурук. К сожалению, в 1976 г. рельеф был уничтожен. Он являлся частью водного святилища и был обращен на реку Карасу. К рельефу ведет дорога от строения, которое было возведено из больших блоков и, по-видимому, было храмом. Здесь имеется несколько ниш и чашевидных углублений на отдельных платформах. 30 чашевидных углублений правильной формы, глубина которых варьирует от 20 до 26 см, а диаметр — от 16 до 18 см,

по-видимому, служили для возлияний, сбора крови жертвенных животных и других ритуалов, связанных с культом Бога на олене.

Поверхность скалы с рельефом отполирована. Ее размеры составляют 1,98х1,6 м. Сам рельеф выполнен в слегка углубленной раме. На нем изображена мужская фигура, стоящая на олене. Олень идет налево, голова с удлиненной мордой поднята, левый глаз и челюсть четко оконтурены. Тонкие длинные уши и широкие рога воспроизведены в фас. Тщательно проработаны мышцы животного на ногах и теле, а также тонкие копыта. Как указывают Х. Хелленкемпер и Й. Вагнер, опубликовавшие рельеф на р. Карасу (Hellenkemper, Wagner 1977), на нем изображен марал — особый подвид европейского красного оленя, который встречается в Малой Азии. По своей иконографии он аналогичен фигурам оленей на рассмотренных выше памятниках. Мы видим четкие стилистические признаки изображения оленей в позднехеттское время.

Художественные образы оленей были распространены и в древнем хеттском царстве в конце III тысячелетия до н. э. Об этом говорят литые бронзовые скульптурные фигуры на штандартах из Аладжа-Хеюк (Akurgal 2001: 19–25). Однако, эти изображения имеют совсем иную иконографию: чрезмерно большие схематичные рога с серповидными отростками, прямые ноги (животные стоят, а не идут), гладкое тело без мышц, круглые глаза и самое главное тупая, расширяющаяся книзу морда.

На спине оленя, представленного на скальном рельефе у реки Карасу, стоит мужчина с копьем и луком. Он одет в короткую тунику с бахромой, аналогичную той, которая изображена на ритоне. Ноги мужчины обуты в ботинки с загнутыми носами. Его торс и плечи развернуты анфас. В правой руке мужчина держит копье, которое концом касается головы оленя между ветками рогов. Левая рука согнута и держит лук, прижатый к плечу. Короткая клиновидная борода закрывает шею человека. Волосы до плеч переданы кругом, как будто они собраны в пучок. Тщательно проработаны детали лица с длинным тонким прямым носом и маленьким круглым глазом. Высокий, похожий на шлем головной убор слегка закруглен в верхней части. Над божеством показан солнечный диск с крыльями. Мужскую фигуру на олене можно идентифицировать как изображение бога Рунды. Как указывают Х. Хелленкемпер и Й. Вагнер, отсутствие рогов на головном уборе и присутствие крылатого диска над мужчиной могут обозначать, что перед нами царская особа, однако крылатые диски изображались и над богами, и над царями. Стиль прически, короткая клиновидная борода, ярко выраженные мышцы ног, кайма одеяния позволяют отнести рельеф из Карасу к «традиционному стилю» позднего хеттского периода (1050–850 гг. до н. э.; Hellenkemper,Wagner 1977: 170).

Еще одно изображение бога на олене имеется на базальтовом ортостате из Хаси Бебекли в Сакче-Гези (Ubid: 172–173, pl. XXXII, *b*). Его размеры составляют 1,9 х 0,65 х 0,39 м. Часть ортостата утеряна: нет основания базы и верхнего правого угла. Представленная здесь сцена напоминает рельеф на р. Карасу. Под крылатым диском находится мужская фигура в длиной с широкой каймой вдоль полы тунике, подпоясанной широким поясом, ноги мужчины обуты в загнутые на конце туфли. Его волосы уложены в прическу, широкая волнистая борода спадает на грудь. Голова покрыта коническим головным убором, украшенным тремя рогами на каждой стороне. На поясе мужчины висит меч с крестообразной гардой. Правой рукой человек держит на плече лук, а левой удерживает за ноги зайца, голова которого отбита. Мужчина стоит на олене, от которого сохранились только линия спины, короткий хвост и кончики рогов.

Вероятно образ Рунды восходит к древнейшим слоям хеттской мифологии — протохеттским (хаттским), о чем можно судить и по наскальным рисункам из Тиршина, где изображены два оленя, и между рогов одного из них выгравирована фигурка человека.

Так как язык хатти родственен северо-кавказским (абхазо-адыгским) языкам, то можно расширить круг аналогий и включить в них некоторые памятники кобанской культуры, например бронзовую пряжку из Кобанского могильника с изображением человека на голове оленя, а также навершия в виде оленей с большими ветвистыми рогами (Даманский 1984: табл. XXVII, *185*).

С хеттским Богом на олене можно соотнести осетинского Афсати — владыку благородных диких животных — оленей, туров, коз и др. (Калоев 1991: 136). В грузинской мифологии Апсати, а в мифологии карачаевцев и балкарцев Апсаты. Известный этнограф Г. Ф. Чурсин обратил вни-

мание на общий для многих народов Кавказа образ бога охоты и покровителя диких животных, который пасет их («скот Афсати») как домашних с помощью волшебной свирели, лечит их и часть выделяет охотниками (Чурсин 1929: 17). У осетин Афсати «подает» охотнику либо оленей, либо горных козлов и требует жертвы в виде сырных лепешек (Миллер 1882: 244–245) или правой лодыжки каждой добычи, даруемой охотником первому встречному (Сказания о нартах 1961: 280–281), причем молиться ему можно во сне. Он одноглаз, наподобие циклопа Полифема, и обитает на вершине самой высокой горы в стране (в Осетии — Адайхох) и собирает свои «стада» громовым криком. Генеалогически имя Афсати связано с арийским Pasupati, бывшем также покровителем диких животных (Гуриев 1991: 18–19).

В мифологии многих индоевропейских народов олень занимает особое место. Он был воплощением Солнечного божества и одновременно его атрибутом. Солнечная природа этого божества неразрывно связана с природными циклами. Кроме того это было умирающее и воскресающее божество, как Осирис, Адонис, Думузи, а также Телепину у хеттов, что соответствует большим оленьим рогам, которые весной наполняются кровью и вырастают, а осенью отпадают. Эти верования нашли отражение в искусстве хеттов, скифов, кельтов и других древних и современных народов Евразии (Килуновская 1987).

Амиранашвили 1950 — *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М., 1950.

Ардзинба 1982 — *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Герни 1987 — *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987.

Гуриев 1991 — *Гуриев Т. А.* Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991. С. 18–19.

Даманский 1984 — *Даманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.

Калоев 1991 — *Калоев Б. А.* Афсати // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 136.

Килуновская 1987 — *Килуновская М. Е.* Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. М., 1987. С. 103–112.

Куфтин 1941 — *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Миллер 1882 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1882. Ч. 2.

Сказания о нартах 1961 — Сказания о нартах. Осетинский эпос. Орджоникидзе, 1961.

Смирнов 2004 — *Смирнов А. М.* Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретация // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 65–92.

Чурсин 1929 — *Чурсин Г. Ф.* Культ охоты у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Л., 1929. Вып. 5. С. 5–29.

Akurgal 1961 — *Akurgal E.* Die Kunst der Hethiter. München, 1961.

Akurgal 2001 — *Akurgal E.* The Hattian and Hittite Civilizations. Izmir, Turkey, 2001.

Alp 1947 — *Alp S.* La designation du Lituus en Hittite // Journal of Cuneiform Studies. New Haven, 1947. Vol. 1, no. 2. P. 115–145.

Alp 1967 — *Alp S.* Die Libationsgefässe “Schnabelkanne” und “armförmiges Gerät” und ihre hethitischen Bezeichungen // Türk Tarih Kurumu, Belleten. 1967. T. 31, no. 124. P. 12–57.

Forrer 1940 — *Forrer E.* Das Abendmahl im Hatti-Reiche // Actes du XX-e Congres International des Orientalistes. Bruxelles. 1938. Louvain, 1940. S. 127.

Hellenkemper, Wagner 1977 — *Hellenkemper H., Wagner J.* The God on the Stag. A Late Hittite Rock-Relief on the River Karasu // Anatolian Studies. 1977. Vol. 27. P.169–175.

Popko 1976 — *Popko M.* Anatolische Schutzgottheiten in Gestalt von Vlisen // Acta Antigua. 22 (1974). 1976. S. 309–311.

Л. А. Соколова (Санкт-Петербург, Россия)

Окунево и Хараппа — свидетельства контакта

Обширные пространства Евразии в древности представляли собой единый организм, в котором происходили цивилизационные процессы, связанные с расцветом, стагнацией и упадком древних обществ. Сейчас становится понятно, что движущей силой этих процессов были резкие изменения климата, когда экологические зоны могли смещаться на сотни километров, угрожая древним социумам полным вымиранием, и заставляя их мигрировать в поисках более комфортных условий для жизни. Археология порой выявляет эти процессы, фиксируя факты переноса культурных традиций на большие расстояния.

В 1987 г. К. Йетмар опубликовал фотографии и прорисовки петроглифов, найденных на скалах Каракорума в верховьях Инда (Jettmar 1987). Поразительным открытием оказалось то, что часть рисунков относилась к окуневской изобразительной традиции III тыс. до н. э., происходящей из Минусинской котловины в среднем течении р. Енисей. К счастью, окуневская иконография настолько специфична, что проблем с интерпретацией у специалистов обычно не возникает. Несмотря на то, что расстояние между верховьями Инда и Енисеем превышает 2500 км, этот факт приходится признать доказательством столь длинной миграции в столь раннее время. Впрочем, в исторический период волны с Востока достигали и Западной Европы.

На скалах Каракорума вдоль древнего пути по берегу р. Инд немецко-пакистанская экспедиция зафиксировала не только обычные для окуневской иконографии личины, расчлененные косым крестом (рис. 1, *6–8*), но и полнофигурное изображение иного типа (Jettmar 1987: pl. 4, *44*). Оно представляет божество, сидящее со скрещенными ногами и широко разведенными руками (рис. 1, *9*). Лицо, оформленное как прямоугольник внутри трапециевидной головы, делится диагоналями на 4 сектора с точкой у внутреннего угла. От головы отходят 11 радиальных линий. Руки, ноги и треугольник под лицом (борода?) выполнены сплошной забивкой, туловище разделено несколькими линиями. Неподалеку от сидящего персонажа находятся еще три личины, с таким же диагональным членением лица. Одна личина имеет два глаза, небольшие рожки и выступ надо лбом (рис. 1, *8*), другая, также двуглазая, — один рог (рис. 1, *6*), третья — три небольших луча, причем середина личины также отмечена 4 точками, как у сидящего персонажа (рис. 1, *7*). Несмотря на некоторые различия эти изображения, несомненно, выполнены в одной традиции и, по всей видимости, одновременны.

Между Каракорумом и долиной Енисея выстраивается целая цепочка памятников III тыс. до н. э., где были обнаружены аналогичные петроглифы — это урочище Мугур-Саргол, в Туве (рис. 1, *2–3* — по Дэвлет 1980) и могильники у р. Каракол (рис. 1, *4–5* — по Кубарев 2009). Все эти изображения объединяются специфическими признаками, характерными для окуневской традиции — рогатые тиары на головах, поперечные или диагональные полосы на личинах, часто изображается третий глаз и «биома» (любое изображение с растительными признаками). Появление в данных местах изображений окуневского типа связано, как справедливо полагают авторы, с продвижением какой-то части окуневского населения на юг. В то же время, надо отметить, что вступая в контакты с культурой местного населения, окуневский комплекс трансформируется и дополняется новыми деталями, что позволило выделить местные культуры окуневского типа (чаахольская в Туве и каракольская на Алтае).

Каракорумские петроглифы также свидетельствуют о развитии исходного образа в инокультурной среде, где окуневское божество наделяется деталями, характерными для местных божеств. Таким образом, появляется возможность выделить в местном пантеоне персонажи, имеющие признаки окуневского происхождения.

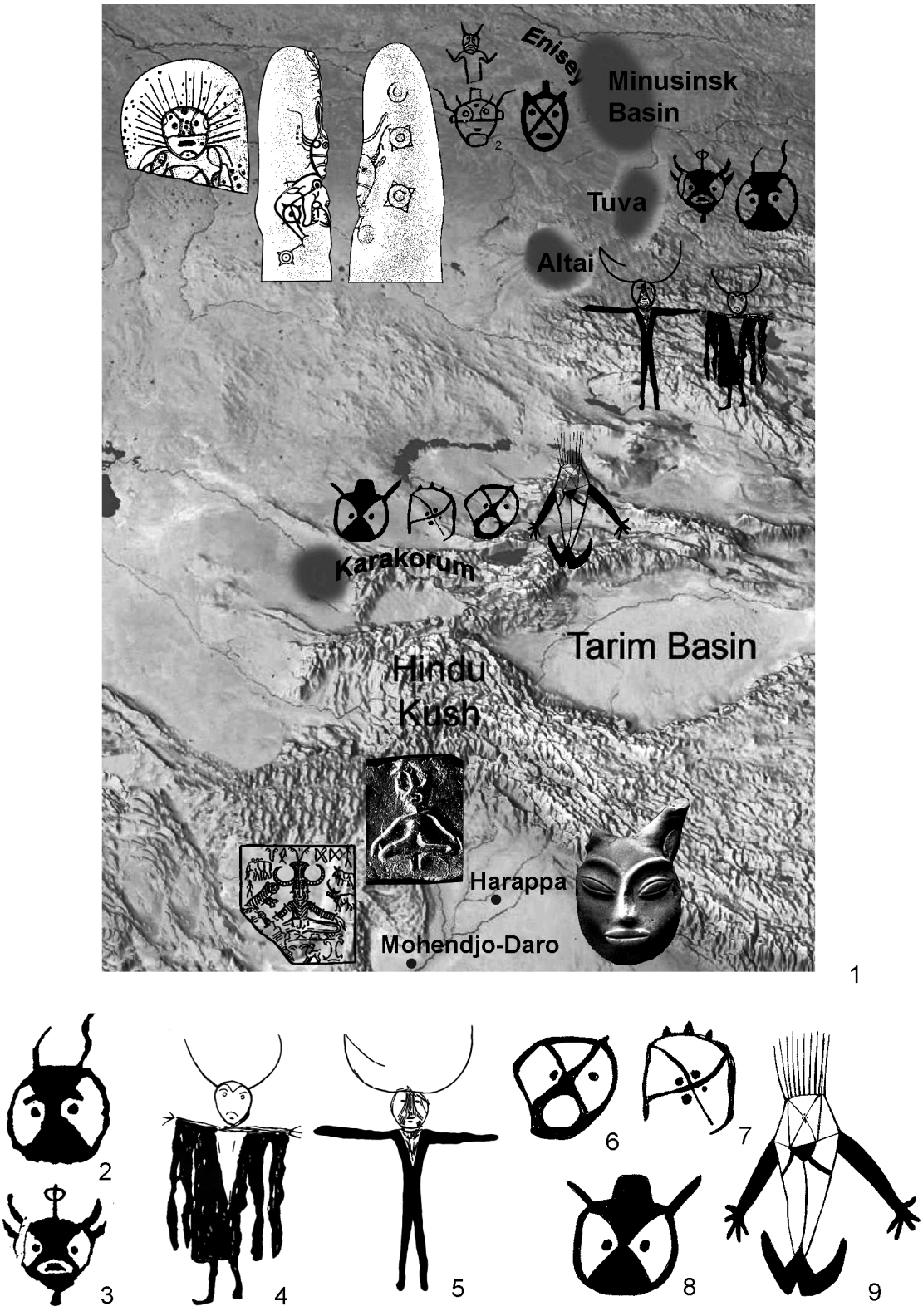

Рис. 1. 1 — распространение зооантропоморфных изображений в III тыс. до н. э.;
2, 3 — Мугур-Саргол (по Дэвлет 1980); 4, 5 — могильник Каракол, Алтай (по Кубарев 2009);
6–9 — хр. Каракорум, Пакистан (по Jettmar 1987).

В этой связи сразу вспоминается «бог-буйвол» с печати из Мохенджо-Даро, сидящий на троне в йогической позе с разведенными в стороны руками. Т. е. поза та же, что и у каракорумского персонажа. Он обладает целой суммой внешних признаков окуневского божества — рогатая тиара с биомой посередине (рис. 2, *3*). Лицо божества имеет сложную профилировку, которая вызывает разные толкования — и как три лика Прото-Шивы, и как звериные уши. Существует еще несколько печатей с аналогичными изображениями, однако, они еще более схематичны. В отличие от окуневского божества — матриарха — это мужское божество в итифаллическом состоянии.

В огромной коллекции хараппских печатей имеются интересные экземпляры, не привлекшие к себе особого внимания, но достойные рассмотрения с точки зрения окуневской мифологемы. На рис. 2, *1–2* представлена печать из Хараппы с сюжетом, который позднее становится обычным практически для всех евразийских народов — борьба героя с двумя хищниками. Однако, вместо героя здесь изображена обнаженная женская фигура с четко обозначенной грудью. Ее круглая голова имеет солярную корону, выполненную в виде коротких насечек. Непосредственно под глазами почти посередине лица нанесена отчетливая черта. Над головой показан крупный солярный знак. Под женской фигурой изображен слон, возможно, аватара божества. Изображение слона — яркий пример влияния местной идеологии.

По тому, как изображены персонажи, видно, что сюжет повествует о том, что божество охраняет солнце от пожирающих его хищников. По всей видимости, перед нами сюжет, типологически относящийся к осирическим мифам, связанным с сезонными изменениями солнечной активности, воспринимаемых в древности как борьба светлых и темных сил.

На обратной стороне этой же печати изображена сцена жертвоприношения. Перед сидящей в йогической позе богиней забивают жертвенного быка. Надо отметить мастерство и экспрессию исполнения этой сцены. Но удивительнее всего — трансформация образа богини, теперь вместо солярной короны, на ее голове — маска животного с рогами. Эти сюжеты с одной печати явно взаимосвязаны и позволяют объединить исходные мифологемы в одну сюжетную канву. Женское божество, по всей видимости, объединяет три жизненные сферы — зооморфную, космическую и антропоморфную. Судя по первой сцене, основной функцией этого божества является охрана космического порядка от действий темных сил. В благодарность божеству подносится жертвенное животное.

Похожий сюжет присутствует и на стеатитовой печати из Мохенджо-Даро (рис. 2, *4*). Богиня в рогатой тиаре и с ростком между рогов стоит в ветвях священного дерева пипал, перед которым находится коленопреклоненный адорант в такой же рогатой тиаре. Стоящий за адорантом винторогий козел также выступает в качестве жертвенного животного. Внизу печати изображена процессия из семи фигур в высоких головных уборах. Данная печать с большим количеством персонажей демонстрирует популярность культа «рогатой богини». В то же время, присутствие другого персонажа в таком же головном уборе в роли адоранта, свидетельствует о том, что культ меняется в пользу божества мужского пола.

Довольно сложно выявлять сходство между изображениями, когда речь идет, с одной стороны, о 2–3-метровых каменных изваяниях, а с другой — об изображениях на печатях размером в несколько сантиметров. Поэтому опорой для анализа служат отдельные знаки и их сочетания на одном изображении.

Окуневские стелы не имеют ясного сюжета и судить об исходной мифологеме можно только по взаимовстречаемости деталей изображений. В развитый период окуневские стелы постоянно связаны с солярными знаками, которые порой в изобилии покрывают всю поверхность изваяний. На стеле из Ширы наиболее отчетливо показана связь богини-матриарха с космосом в виде солярного знака и со зверем, атакующим этот символ (рис. 3, *9, 9а*). Солярный знак располагается на лбу (в виде так называемого третьего глаза), на животе и на боковых сторонах статуи. Кроме того на лбу зверя нанесен косой крест, который, в свою очередь, является заместителем солярного знака — таким образом выявляется космическая природа самого зверя.

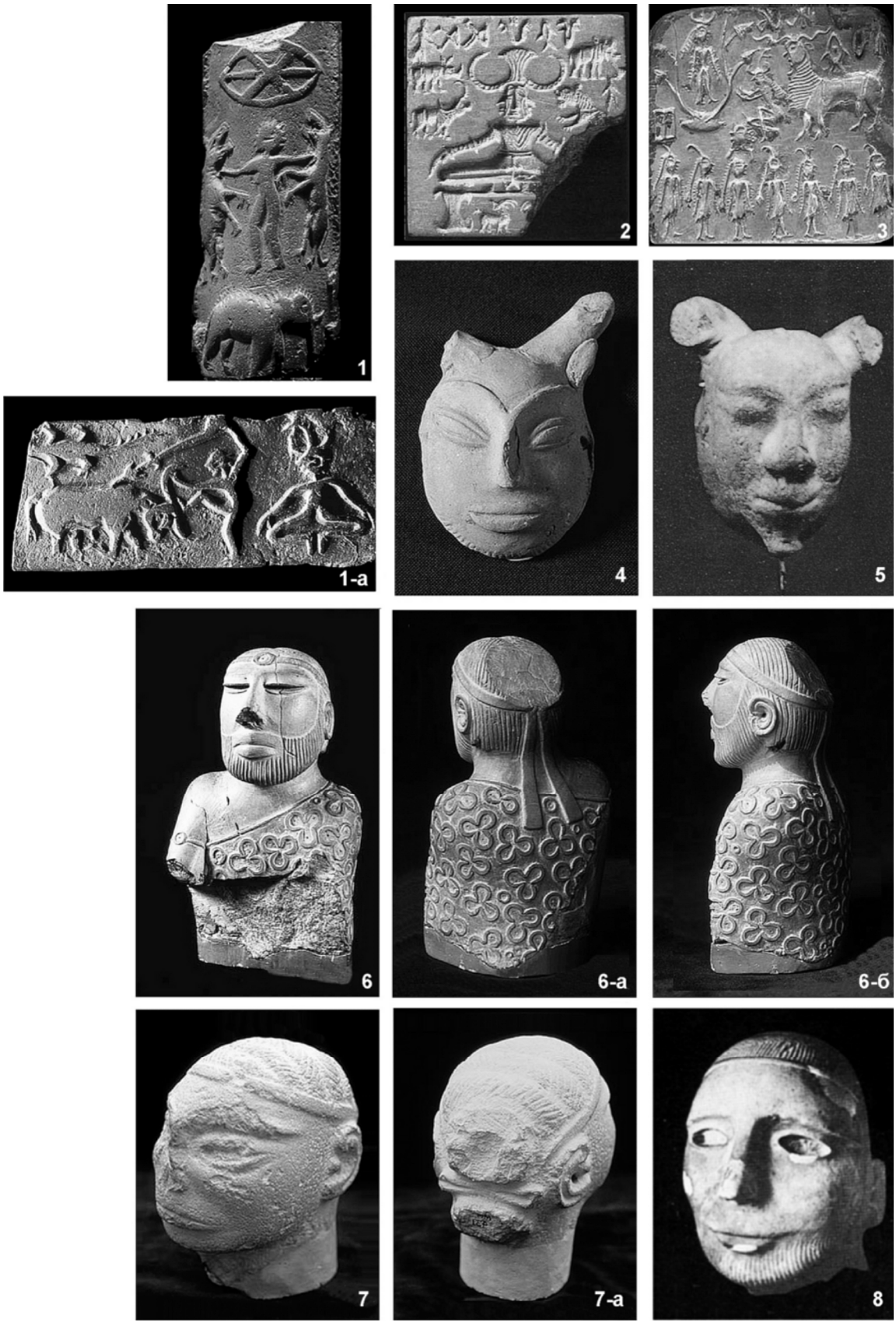

Рис. 2. Престижно-культовые предметы Древней Индии (фотографии опубликованы на сайте harappa.com)

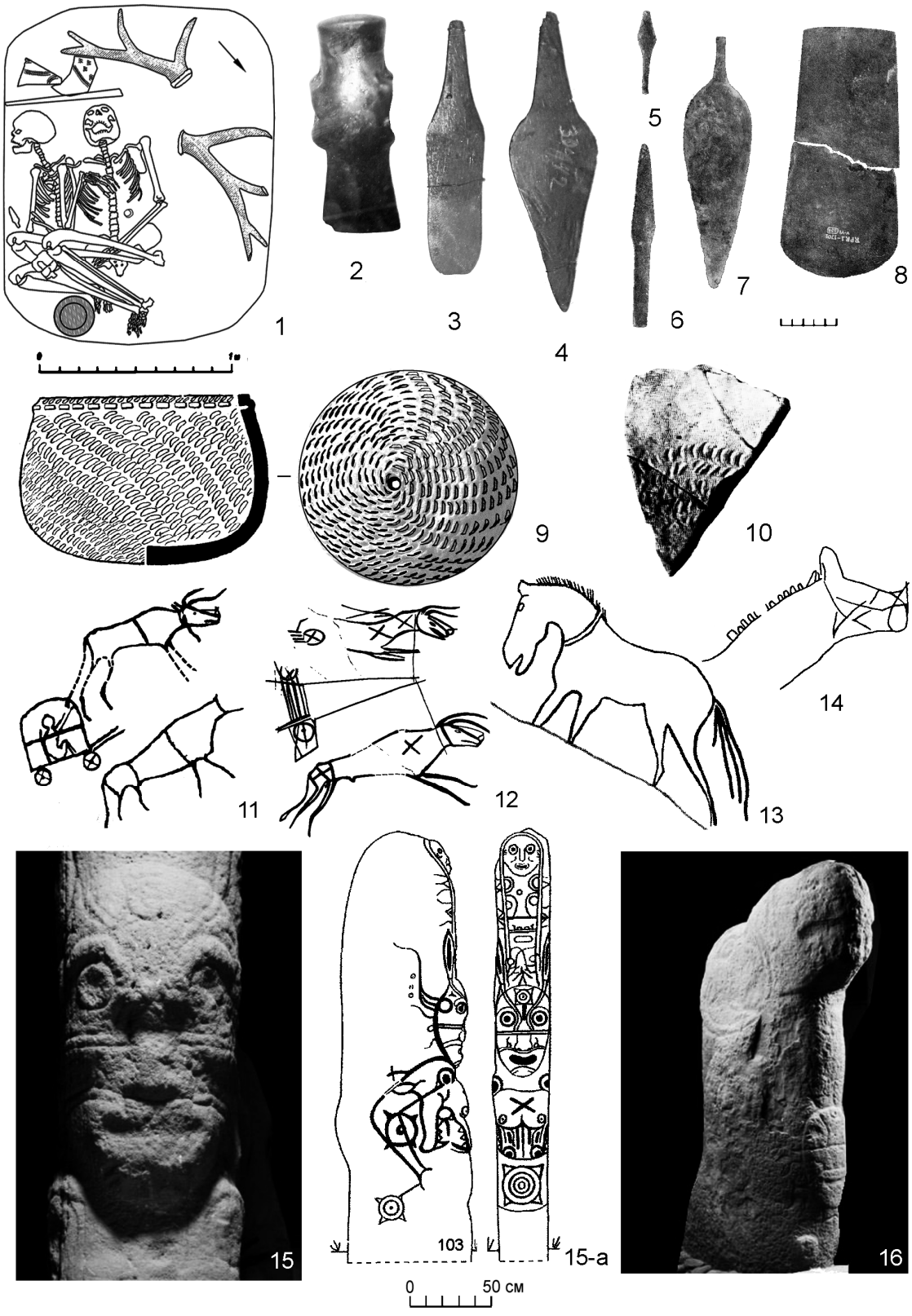

Рис. 3. 1–4 — курган Тас-Хаза (Хакасия): 1 — могила 2, погр. «д» (по Липский, Вадецкая 2006); 2 и 4 — топор и нож из могилы 4; 3 — нож из могилы 1; 5–8 — бронзовые орудия (поселение Ропар, Индия, слои 1а и 1б); 9 — сосуд (могильник Уйбат-1, Хакасия, кург. 1, могила 1); 10 — фрагмент днища сосуда (№ 4054, поселение Майсар-1, Индия); 11–16 — изображения на каменных стелах и плитах (Хакассия): 11 — фрагмент Знаменской стелы; 12 — фрагмент плиты (могильник Черновая VIII, кург. 2, могила 2); 13, 14 — фрагменты плит (могильник Лебяжье); 15, 15а — стела из Ширы; 16 — стела из Биджи

На этой же стеле ярко проявился редкий художественный прием — фас-профильное изображение, когда изображение на узкой грани изваяния переносится на боковые грани по принципу распластанной шкуры. Стела увенчана реалистичным изображением человеческого лица, что несколько противоречит общей традиции. Обычно стелы такого типа имеют на вершине изображение барана, как символ очистительной жертвы (рис. 3, *10*), что также соответствует индской идеи жертвоприношения, как обязательного условия для проявления акта божественной воли.

Надо отметить, что так называемый третий глаз появляется на окуневских стелах изначально, задолго до того, как была сформирована иконография солярного знака. На одновременных индийских материалах этот знак не встречается, если не считать кружок на повязке «жреца» из Мохенджо-Даро.

Изображения божеств в рогатых тиарах появляются в харрапских центрах и в виде небольших керамических маскоидов. В маскоиде из Мохенджо-Даро привлекает внимание специфическое сочетание признаков — бычьи рога и уши, подчеркнуто монголоидные, вытянутые к вискам глаза, большой рот и короткая бородка, нанесенная короткими штрихами по нижней части изображения (рис. 2, *4*). Аналогичный рогатый хараппский маскоид более реалистичен в передаче монголоидных черт лица (из-за повреждений трудно судить были ли у него уши), бородка изображается узким клинышком (рис. 2, *5*).

Самое известное изображение «жреца» из Мохенджо-Даро, выполненное из стеатита, совершенно реалистично (рис. 2, *6, 6а, 6б*). У него подчеркнуто узкие длинные глаза с тяжелыми верхними веками, прямые волосы, расчесанные на прямой пробор, довольно окладистая борода. На лбу — лента-диадема с кружком посередине, напоминающим (или имитирующим) «третий глаз». Такая же повязка с кружком на правом предплечье. Интересная деталь находится сзади — над лентой, завязанной узлом, имеется круглая ровная площадка, на которую крепилась какая-то утраченная деталь (рис. 2, *6а*). Судя по характеру изображения, она не могла быть ни деталью прически, ни головным убором, как считают индийские коллеги, не исключено, что это была рогатая диадема.

В последнее время было найдено еще несколько голов «жрецов», по всей видимости принадлежавших полнофигурным скульптурам, обломки которых находили в ранних слоях хараппских центров. Удивительно, но эти головы также обладают сходными чертами лица — это прямые волосы, борода, длинные, раскосые глаза, лента на лбу (рис. 2, *7, 7а, 8*).

Э. Маккей, публикуя маскоид и фигуру «жреца» из Мохенджо-Даро, подчеркивал, что они совершенно не соответствуют местным традициям мелкой пластики, и считал их импортами. Собственно хараппская терракота характеризуется четко разработанным каноном: это женские статуэтки с пышными локонами и круглыми глазами, выполненными налепными валиками или ямками. На этом фоне маскоиды и «жрецы» привлекают внимание именно своей необычностью. «Эти статуэтки имеют явную монголоидную внешность и резко отличаются по типу лица от обычных образцов. Они были обнаружены в одном из самых нижних слоев города и свидетельствуют о том, что его население могло иметь примесь монголоидной крови, внесенную, возможно, пришельцами с северо-запада, быть может с иранского нагорья, где при раскопках Тепе Гиссар в Дамгане было обнаружено несколько очень ранних монголоидных черепов» (Маккей 1951: 133).

В этой связи надо напомнить, что антропология окуневцев представляет характерное сочетание монголоидных и европеоидных признаков. Среди этих признаков исследователи подчеркивают массивность лицевого скелета, брахикранию и, в то же время, довольно резкую профилировку лица (Громов 1997). Антропологический тип людей, изображенный на маскоидах и скульптурах жрецов, по всей видимости, также отражает европеоидно-монголоидную метисированность, так как наличие окладистых бород не может характеризовать чисто монголоидную популяцию.

В то же время Э. Маккей подчеркивает: «божество в облике человека с рогами не встречается ни в современной индийской мифологии, ни на протяжении всего исторического периода; по-видимому, можно с уверенностью сказать, что оно было принесено людьми культуры Хараппы и исчезло вместе с ними» (Маккей 1951: 70).

К группе импортов Э. Маккей отнес и специфическую керамику с розетками на дне, выполненными штампом по сырой глине, в то время как индийская керамика является расписной. Конечно, эта керамика изготовлена из местной глины и, скорее всего, местными гончарами. Но орнамент, нанесенный на днище, демонстрирует проникновение инокультурных традиций (рис. 3, *4*). В этой связи вспоминается гимн Ригведы, описывающий изготовление ритуальной керамики с орнаментом, выполненным бамбуковой палочкой (Елизаренкова 1990: 12).

Окуневская керамика отличается богатым набором накольчатых орнаментов, которые покрывали сосуды сплошь, включая дно, обрез венчика и внутреннюю часть венчика. Дно сосудов часто декорировалось в особой манере в виде солярных композиций и розеток. Ранняя керамика тяготела в округлодонным формам (рис. 3, *3*), поздняя — почти исключительно плоскодонная.

Из артефактов особо надо отметить медные и бронзовые ножи, представленные в хараппских и окуневских комплексах. Они не просто похожи, а представляют собой один тип. Это двулезвийные, листовидные ножи с выделенным насадом (рис. 3, *1, 2*). Правда, надо оговориться, что данный тип ранних ножей представлен в культурах раннего бронзового века и в Анатолии, и в Средней Азии, и в южнорусских степях. В чем причина такого единства в производстве ранних металлических форм, пока неясно. В окуневском комплексе эти ножи появляются в самых ранних курганах, в начале III тыс. до н. э.

По рисункам на стенках погребальных каменных ящиков и по дополнительным рисункам на стелах мы можем судить, что окуневцы владели колесным транспортом. Изображались два типа повозок: четырехколесные с крытым кузовом и сплошными колесами (рис. 3, *5*) и двухколесные колесницы, имеющие колеса со спицами (рис. 3, *6*). Погребальные повозки и колесницы были запряжены быками (волами), по всей видимости, особой поджарой породы — они часто показаны в стремительно галопе. В то же время есть изображения оседланных лошадей, но нет свидетельств о том, как их использовали (рис. 3, *7, 8*).

Самой яркой чертой окуневского комплекса является его креативность. Помимо стел окуневцы изготавливали целые серии изображений на кости, стеатите, поделочных камнях. Их погребальный обряд отличался сложностью и устойчивостью. Известно два случая, когда в могилах были найдены остатки рогатых головных уборов. В одном случае — обрезанная черепная крышка козла (Лазаретов 1997: 23), в другом — рога благородного оленя (рис. 3, *1*). Окуневцы первые стали сооружать курганные насыпи внутри каменных оград с угловыми камнями, выполненными в виде стел с изображениями богов.

С начала формирования окуневского изобразительного канона ничто не предвосхищало появления зооантропоморфных изображений — ранние каменные стелы, происходящие из курганов с ранней, пост-неолитической керамикой, представляют собой небольшие схематичные антропоморфные изображения столбообразной формы. К счастью, несколько специфических черт ранних изображений становятся основой и для более поздних, иначе преемственность между разными группами изображений было бы невозможно доказать. Это так называемый третий глаз и горизонтальная полоса, проходящая через середину личины. Такой же древний первичный признак — лучистая корона «солнцеголовых» стел, дополняется полосой и лобным значком.

Однако впоследствии первичный скромный образ божества дополняется фантастическими деталями, которые свидетельствуют о развитии и усложнении исходной мифологемы. Стелы становятся выше, достигая порой 4–5 м. Меняется материал, из которого их изготавливали: если для ранних изваяний чаще использовали гранит, то для классических — красный девонский песчаник. Песчаник гораздо легче обрабатывался, особенно когда изображение выводилось в контррельефе — этот прием становится особенно популярен при передаче лица и фигуры божества. Если на ранних стелах пол существа не обозначался, то классические стелы ярко демонстрируют признаки женской фигуры в период беременности — с этой спецификой и связан общий абрис стел (рис. 3, *9а*).

По всей видимости, именно идея божественного рождения = вселенского плодородия вызвала к жизни новые детали образа. Древний «третий глаз» преобразуется в «солярный знак», из которого

растет некий росток, «вытягивающий» всю стелу вверх. Средняя часть изваяния, оформленная как грудь и живот, неожиданно дополняется оскаленной пастью зверя, распластанной на боковых поверхностях стелы. По всей видимости, тело божества воспринималось как вместилище для жизни и смерти, что естественно для того времени, учитывая высокую смертность младенцев и их матерей.

Заключительный этап окуневской иконографии знаменуется утратой антропоморфности и вообще внешнего абриса. По какой-то причине особое значение стал иметь древнейший признак — поперечная полоса личины, которая стала многократно повторяться на одном изображении. По всей видимости эта черта стала знаком божества, а ее умножение могло символизировать многократную молитву или множественность воплощений божества.

Таким образом, окуневский иконографический образ прошел долгий путь становления, развития и упадка вместе со всем окуневским культурным комплексом. Иконография, несомненно, тесно связана с мифологемой, с вербальным текстом, и, по-существу, является его иллюстрацией. Не имея возможности прочитать этот текст, мы можем, анализируя изображения, с большей или меньшей степенью достоверности, представить его содержание.

Трактовке семантики окуневского божества посвящено множество работ. Авторы часто обращаются к Ригведе, как к древнейшему источнику соответствующих персонажей: Пуруша (Подольский 1985), Шива (Кызласов 1986: 233), а также дают собственную трактовку — «Трибог» (Леонтьев 1997: 224), или «священные гиперборейские девы» (Мачинский 1997: 279).

Анализ показывает, что перед нами культовый образ с признаками всеобщности, отражающими весь окружающий мир: биосферу, зоосферу, антропосферу и космос. То есть существо, исполняющее роль демиурга и всеобщего начала. Это, несомненно, вершина философии древних, поскольку в этом образе представлена идея единства и равенства всех жизненных сфер.

Основой окуневского искусства, по всей видимости, является сложная социальная иерархия, продуцирующая интенсивную духовную жизнь общества. Как и в других ранних теологических социумах — египетском, греческом, в культурах Месоамерики — развитие культовой сферы становится сверхзадачей, объединяющей и сплачивающей весь социум. В настоящее время известно более 700 произведений искусства, относимых к окуневской изобразительной традиции. Часть из них отличаются сложнейшей иконографией, индивидуальным мастерством исполнения, богатством отраженного внутреннего мира. При этом, условия жизни окуневцев являлись экстремальными по сравнению с другими ранними цивилизациями, и они не имели равных условий для своего развития. Хотя справедливости ради надо отметить, что окуневские жилищные и культовые комплексы по существу не исследованы.

Само существование окуневского креативного феномена, развитие его в течение длительного времени подводит нас к закономерному выводу. Потребность в такой большой и сложной работе могла возникнуть только в социуме со сложной общественной структурой. Верховная власть, по всей видимости, обладала сильным идеологическим влиянием на население и использовала это влияние, направляя общественный труд на оформление культовой сферы. Это, возможно, могла быть некоторая теократическая структура типа жреческой, жестко влиявшая на формирование погребального обряда и изобразительного канона.

Вопрос о хронологии в настоящее время не может считаться решенным. Для окуневского комплекса имеются около 30 дат, на которые можно опираться, однако они относятся к развитому и позднему периодам — 2486–1887 гг. до н. э.

Что касается хараппских дат, то вначале специалисты очень удревняли возраст хараппских городов, исходя лишь из общих соображений об аналогичности процесса развития цивилизации в Шумере и Индии. Дж. Маршалл относил хараппскую культуру к 3250–2750 гг. до н. э. Когда же были опубликованы печати из Месопотамии, оказалось, что большая часть их связана с правлением Саргона (2316–2261 гг. до н. э.) и Ларсы (2025–1763 гг. до н. э.). Это дало основание предполагать, что контакты между Месопотамией и Индией установились в XXIV–XVIII вв. до н. э. Таким образом, время расцвета индских центров — конец III–начало II тыс. до н. э.

Следовательно, оба культурных феномена развивались и затухали практически одновременно. В это же время начинается распад Среднего Царства в Египте (1785 г. до н. э.), за которым последовало вторжение гиксосов и II переходный период. Во время правлением сына Хаммурапи Самсу-илуна в Вавилоне (около 1750–1712 гг. до н. э.) начинается период вторжений касситов и отпадения южных провинций. С концом правления Самсу-илуна связан упадок школ письменности в Уре и Ларсе, а затем и школы в Ниппуре, после чего падает уровень знания шумерского языка. Наступил закат великих древних цивилизаций, к которым относятся и харапская, и окуневская культуры.

Дэвлет 1980 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Соргола. М., 1980.

Громов 1997 — *Громов А. В.* Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 294–345.

Елизаренкова 1990 — *Елизаренкова Т. Я.* История и культура Древней Индии. М., 1990.

Кызласов 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.

Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.

Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.

Леонтьев 1997 — *Леонтьев Н. В.* Стела с реки Аскиз // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 222–236.

Липский, Вадецкая 2006 — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник-2. СПб., 2006. С. 9–52.

Маккей 1951 — *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

Мачинский 1997 — *Мачинский Д. А.* Уникальный сакральный центр III–середины II тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 265–287.

Подольский 1985 — *Подольский М. Л.* О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.

Jettmar 1987 — *Jettmar K.* Between Gandhära and the Silk Roads: Rock-carvings along the Karakorum Highway. London, 1987.

Marshall 1931 — *Marshall J. H.* Mohenjo-daro and the Indus civilization. London, 1931. Vol. 3.

А. М. Бианки (Санкт-Петербург, Россия)

Группа дольменов как тип памятника

В полевой археологии принято, что первичная фиксация памятников сопровождается выделением *групп памятников*, которым даются *имена*, далее археологи переходят к анализу отдельных памятников или содержания их *комплексов*. Возможен и другой подход — изучение *групп памятников* в целом как специфического вида артефактов. Такой подход развивал М. П. Чернопицкий по отношению к степным курганам (Чернопицкий 1979; 1980). Вопросы планировки традмиционных русских поселений на материале деревянной архитектуры Русского Севере успешно продемонстрировал Ю. С. Ушаков (1980; 1994). Особенно интересно применить этот подход, когда все памятники принадлежат к одному типу и непосредственно открыты исследователю — как, например, северокавказские дольмены. Для них, являющихся памятниками архитектуры, а не только археологии, такой подход может дать еще и возможность получения материала для понимания дополнительных черт их *архитектуры*.

Данная статья написана на основании проводимой в течение пяти лет сплошной фиксации дольменов кавказского Причерноморья на границе Туапсинского и Лазаревского районов. Границы проведены от берега моря по правой стороне долин р. Дедеркой и среднего течения р. Пшенахо, по Главному Кавказскому хребту, правому берегу верхнего течения Псезуапсе у Хребта и пра-

вому берегу ручья Каткова Щель у побережья. Общая площадь обследуемой территории невелика: прямоугольник 32 х 22 км, площадью 700 км^2. В данной статье привожу примеры на основе обследования долин рр. Аше, Пшенахо, а также Псыбе.

Хотя на этой территории работали многие исследователи (Н. В. Анфимов, В. А. Дмитриев, М. М. Иващенко, Н. В. Кондряков, М. И. Кудин, Л. И. Лавров, А. Ф. Лещенко, Б. В. Лунин, А. А. Миллер, В. И. Марковин, К. И. Подозерский, А. Д. Резепкин, А. П. Рунич, М. К. Тешев, А. И. Шамотульский (Марковин 1997), у них были другие задачи, поэтому на «нашем» участке опубликованы только отдельные дольмены. Мы все делали как бы с чистого листа — с поиска, осмотра и фиксации памятников. Все упомянутые в каталоге памятники — как пишут в библиографиях — «осмотрены de visu», вычищены от зарослей, лежащих на них бревен, листьев (Бианки, Леонтьева 2010), расчистки в традиционном понимании этого термина археологами, не проводились. При поиске мы ориентировались на помощь местных крестьян, прежде всего мужчин, прекрасно знающих свою землю, для которых это места могил предков, пасек летом, охотничьих угодий зимой (В. И. Марковин, по-видимому, ориентировался на представителей городской интеллигенции). Помощь местных жителей, их включенность в работу можно рассматривать как принцип методики исследования.

Определение понятий, термины

В процессе работы мы старались определять группы памятников локально, чему способствовало и само их расположение: группой называли совокупность памятников, расположенную на одной форме рельефа, которые были бы видны друг от друга при отсутствии леса; отдельно расположенные памятники причисляли к группам, если они были не дальше километра по прямой. Расположенные далеко от групп памятники считались отдельными. При ближайшем восприятии дольменных групп этой территории (на данный момент их учтено около 50), легко заметить, что на самом деле мы имеем перед собой два связанных между собой уровня группировок дольменов и наше полевое понятие группы находится где-то посередине. Назовем их пока мини- и макрогруппы. Не только *дольменных полей*, но и просто больших групп на «нашей территории» нет. Самая большая группа в относительно недавнем прошлом — расположенная недалеко от аула Калеж группа Калежтам, в которой в 1950-х гг. насчитывалось 20 дольменов (ныне 7).

Мини-группы — это небольшие группы дольменов (по большей части 2–5), расположенные на одной площадке каждая (на склоне горы, у ее основания в долине, на вершине, на плоскости долины) и с ориентированными по одному принципу осями. Мини-группы дольменов часто располагаются рядом с друг другом, «парами», например мини-группы на ручье Шпикацкий поток в долине реки Пшенахо (2 + 2) или в верховье р. Псыбе (также 2 + 2). Не является мини-группой группа Капибгэ — 3 одиночных дольмена, практически не связанных подстилающим рельефом, причем один дольмен не может быть виден от двух других. Также не является частью мини-группы дольмен на мысу у слияния Наужи и Бегичея в группе Калежтам как по удаленности, так и по расположению на другой форме рельефа.

Макро-группа состоит из нескольких мини-групп. Расстояние между мини-группами одной макро-группы измеряется сотнями метров по прямой, они расположены на достаточно большой форме рельефа типа долины реки или ее части, одной небольшой вершины со склонами: макро-группа верховьев р. Пшенахо в целом — это то, что М. К. Тешев назвал «долиной Псынако» (7 мини-групп и 5 одиночных памятников), макро-группа котловины аула Калеж на р. Аше (5 мини-групп и 4 одиночных дольмена), макро-группа вокруг вершины у Волчьих Ворот (7 мини-групп и 1 одиночный дольмен). Расстояние между границами макро-групп на данной территории измеряется уже несколькими тысячами метров. Не являются макро-группой вся совокупность дольменов долин рек Аше и Пшенахо в целом — очевидны разрывы между их частями.

Дольмены — это архитектурные сооружения, учитывающие рельеф местности, группы их также архитектура — поэтому для их анализа естественно обращаться к архитектуровению, к соответствующей терминологии, исходя из максимы великого архитектора Н. Ладовского: «Про-

странство, а не камень — материал архитектуры». В литературе большую роль играет понятие ансамбля (в советские годы она была одной из навязчивых тем теоретической рефлексии). Не разбирая огромную посвященную этому вопросу литературу, приведу лишь определение из новой энциклопедии, удачно подводящее итог многодесятилетних дискуссий историков и теоретиков архитектуры (заметим, что большая часть энциклопедической статьи посвящена именно архитектуре и совершенно не касается использования этого термина в других науках вплоть до математики, где термин используется): «Ансамбль <…> — гармоническое единство художественных компонентов <…> различают градостроительный, ландшафтный <…> могут формироваться одновременно или складываться в течение длительного времени <…> рельеф местности и водная среда часто включаются <…> возникает благодаря единому пространственному, масштабному и ритмическому решению всех образующих его зданий <…> каждая из частей чаще всего представляет собой самостоятельное художественное целое» (БРЭ 2005: 19). Это определение ансамбля, на мой взгляд, целиком может быть использовано и для обозначения дольменных мини- и макро-групп. Соответственно я предлагаю 2 термина — дольменный ансамбль (ДА) и дольменный макро-ансамбль (ДМА).

Эти термины не являются чужеродными и для археологии. Так, например, вынесенное в название статьи С. А. Дзюбас и И. В. Стерховой выражение “объекты археологии *ансамбля* «Грибова Гора»” (Дзюбас, Стерхова 2009: 193; курсив мой — *А. Б.*) никак не поясняется в тексте и по-видимому фиксирует обозначение группы памятников одного места и времени.

Виды дольменных ансамблей

На основании собранного материала можно говорить лишь о первичной классификации ДА черноморского побережья Кавказа, основанием для которой может служить сочетание формы расположения дольменов в ансамбле, связи его с рельефом и с реконструируемыми обрядовыми (в широком смысле) категориями. Пока можно говорить о нескольких типах ансамблей (мини-групп):

1) *фронтальный* ДА*:* обычно это два и более дольменов, расположенных в одну линию и ориентированных каждый и все вместе навстречу зрителю — то, что в деревнях Русского Севера называют *порядок*. ДА возможен в два (второй непосредственно за первым) или три порядка. Варианты — дольмены стоят по прямой или по дуге, огибая склон и, таким образом, ориентировка осей оказывается веерной. Порядок дольменов обычно располагается в конце относительно горизонтальной площадки размерами примерно 30 х 50 м, а сами дольмены задними стенами упираются в склон или стоят непосредственно на его верхнем краю, обеспечивая максимальную зрительную выразительность. К этому типу принадлежит едва ли не большинство обнаруженных нами ансамблей;

2) *колонный* ДА: серия дольменов, стоящих один за другим по одной линии, ориентированные по этому общему направлению — например, два ДА в центре аула Калеж по краям ручья Гонокопс, где расположенные в линии дольмены спускаются параллельно друг другу и ручью к долине р. Аше. Необычайно интересным вариантом такого типа является ДА Хошепс II на гребне горы между аулом Псыбе и поселком Тенгинка Новомихайловского округа Туапсинского р-на, где к проходящей поперек хребта дороге справа и слева спускаются навстречу друг другу по одной общей линии 2 и 4 дольмена.

3) *центрический* ДА*:* дольмены расположены на одной площадке с разных сторон ее. Единственный пока такой ансамбль — Кубыши II («балаган Склярова») в верховьях р. Наужи Лазаревского р-на.

Таким образом, классификация ДА, по-видимому, может строится на трех основаниях — геометрической форме, взаиморасположении осей дольменов и числе порядков.

Виды дольменных макроансамблей могут быть определены по связи с типом формы подстилающего природного рельефа:

линейный (долинный) ДМА, когда группы дольменов расположены примерно на одной высоте над дном долины по обоим ее сторонам; наиболее явный пример — макроансамбль верховьев р. Пшенахо («долины Псынако» М. К. Тешева) Туапсинского р-на;

центростремительный (котловинный) ДМА, когда группы дольменов расположены вокруг центра долины (например, системы ДМ котловин аулов Калеж, Тхагапш, Псыбе);

центробежный (вершинный) ДМА, когда группы дольменов расположены веером вокруг, видимо, значимой в древности горной вершины. К этому виду можно отнести ДМА у Волчьих Ворот в междуречье Аше и Неожиданной, на юго-западных склонах горы Семиглавой на Главном Кавказском хребте междуречья Псезуапсе и Цусхвадже.

Некоторые выводы

Интерпретация выделенных типов памятников ведет к гипотезам о соответствующих дольменным макроансамблям социальных единствах (родовых или территориальных общинах), ансамблям и конкретным типам памятников — родовых, социальных, профессиональных, половозрастных или сакрально-профанных статусов погребаемых, к реконструкции на основе анализа планировки дольменных ареалов реалий древнего общества. Легче всего предположить (в случае понимания дольмена как оссуария для вторичных захоронений) соответствие, например, макроансамблей — большим общинам, микро-ансамблей — родам. Здесь необходим не только тщательный архитектурный анализ памятников и их групп, использование разработанной Ю. С. Ушаковым (1982) методики, но тщательные раскопки и поиск новых параметров для интерпретации.

Таким образом, для бронзового века Северо-Западного Кавказа можно предполагать наличие, помимо дольменов, еще двух типов археологических памятников — *дольменных ансамблей и дольменных макро-ансамблей*, которые обладают специфическими культурными — архитектурными, эстетическими и идеологическими — функциями. Таким образом, возможности интерпретации дольменов повышаются. Дополнения — позиция памятника в ансамбле, позиция ансамбля в макро-ансамбле, наличие, кроме погребальных, иных функций — освящения пространства, демонстрации границ, ориентировки в географическом пространстве и др. — вероятно, позволят перейти к диахронической и социальной интерпретации описываемых групп (что, по-видимому, невозможно по отношению к принципиально мультикультурным степным курганам бронзового века). На основании анализа пространственного положения, группировки и планировки внутри групп разного уровня мы получаем еще один источник для изучения этой категории археологических памятников. Два «новых» типа комплексных археологических памятников необычайно важны и для задач охраны памятников и экскурсионного показа, которые, вероятно, становятся главными источниками финансовых возможностей для научного исследования этой категории памятников.

Расположение на местности заставляет говорить о том, что древние строители дольменов безусловно рассчитывали воздействие на зрителя, расставляя свои сооружения на уступах гор так, что они создавали архитектурно-природные ансамбли, образовывали границы освящаемых пространств, а сами были видимы издали, казались больше и выразительнее — каждый дольмен в рамках ансамбля, каждый ансамбль в рамках макроансамбля. Быть может в будущем мы сможем понять логику расположения дольменов в группах и на местности. Но уже сейчас можно сказать, что даже если бы из работ почвоведов и палеоклиматологов (Александровский 1997; 2005) не было известно, что для эпохи строительства дольменов характерен более холодный и сухой климат с соответствующей ему травянистой растительностью по крайней мере в нижних поясах гор и, таким образом, с *открытыми ландшафтами, возможностью дальних видов,* мы вынуждены были бы предполагать то же самое на основе архитектурно-планировочного анализа расположения дольменов и дольменных ансамблей — иначе их расположение становится трудно объяснимым.

В ситуациях открытых пространств становится понятным наличие у данного типа архитектурных памятников, помимо непосредственных функций обрядового сохранения погребенных, еще двух и весьма существенных — создания архитектурно-планировочного выражения *границы своего сакрального пространства* и *манифестации принадлежности общине*. Эстетическая идеология древних строителей дольменов совпадала с сакральной составляющей. Предполагаемое М. Б. Рысиным (1997; 2004) расположение части дольменных ансамблей у верхней границы безлесной поверхности гор представляется по результатам обследования данной территории архитектурно оправданным.

На нашем материале также можно с уверенностью говорить, что дольмены разных типов по общепринятой классификации (плиточные, составные, корытообразные, монолитные), которая учитывает только строительную конструкцию собственно склепов и пока не может быть проверена анализом их комплексов, других архитектурных параметров и независимой датировкой, занимают *произвольное место* в ансамблях. Мы можем встретить корытообразный дольмен в любой позиции в ансамбле (если это поздний тип, то эти дольмены должны бы встраиваться в концы порядков), а дольмены-монолиты и вообще встречаются только в виде отдельных памятников и никогда в ансамблях. Таким образом, предложенная В. И. Марковиным хронология типов дольменов, вызывает сомнения и требует дополнительного анализа.

Александровский 1997 — *Александровский А. А.* Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Труды ГИМ. 1997. Вып. 93. С. 22–29.

Александровский 2005 — *Александровский А. А., Александровская Е. А.* Эволюция почв и географическая среда. М., 2005.

Бианки, Леонтьева 2010 — *Бианки А. М., Леонтьева О. А.* К методике первичного изучения дольменов // Аничковский вестник. СПб., 2010. № 83. С. 3–8.

БРЭ 2005 — Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2.

Дзюбас, Стерхова 2009 — *Дзюбас С. А., Стерхова И. В.* Археологические исследования на объектах археологии ансамбля «Грибова Гора» в Тайшетском районе Иркутской области // Известия лаборатории древних технологий Иркутского государственного университета. Иркутск, 2009. Вып. 7. С. 193–197.

Марковин 1997 — *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

Рысин 1997 — *Рысин М. Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 85–123

Рысин 2004 — *Рысин М. Б.* Дольмены Кавказа и ландшафт // XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 169–171.

Ушаков 1980 — *Ушаков Ю. С.* Архитектурное наследие — в строй современности (опыт народной архитектуры русского Севера). Л., 1980.

Ушаков 1982 — *Ушаков Ю. С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982.

Ушаков 1994 — *Ушаков Ю. С.* Народное деревянное зодчество (XV–XVIII вв.) // История русской архитектуры. 2-е изд. под ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной. Л., 1983. С. 158–170.

Чернопицкий 1979 — *Чернопицкий М. П.* Планировочные композиции курганных ансамблей ранних кочевников // ТД Всесоюзной археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 25–27.

Чернопицкий 1980 — *Чернопицкий М. П.* Курганная группа как архитектурный ансамбль // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы 1-й Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980. С. 176–186.

Н. А. Боковенко (Санкт-Петербург, Россия)

Начало тагарской культуры

Древние общества Центральной Азии в силу их своеобразного географического расположения занимают важное место в свите культур скифского типа I тыс. до н. э. в степях Евразии. Одной из таких своеобразных культур этого региона является тагарская культура, памятники которой расположены в степных котловинах бассейна Среднего Енисея.

Хронологический аспект

История раскопок этой культуры насчитывает уже два с половиной столетия, но как самостоятельное культурное образование, она была впервые выделена С. А. Теплоуховым и названа минусинской курганной культурой (Теплоухов 1929). Тогда он по изменениям могильных сооружений, погребального обряда и сопроводительных вещей выделил четыре этапа ее развития:

I этап — могильник у Подгорновского озера — VII в. до н. э.; II этап — могильник у Сарагашенского озера — VI в. до н. э.; III этап — курган у дер. Лепешка на Енисее — V в. до н. э.; IV этап — громадные курганы Енисея — II в. до н. э.–начало нашей эры.

В том же году С. В. Киселев предложил несколько иную периодизацию и для минусинской курганной культуры было введено новое название, которое оказалось наиболее удачным — тагарская культура (Киселев 1929: 257–267). В основу ее был положен комплекс взаимозависимых и взаимосвязанных характерных типов вещей. Тагарская культура разделена им на три стадии: первая датируется X–VII вв. до н. э., вторая — VII–IV вв. до н. э., третья — III в. до н. э.–рубеж нашей эры. М. А. Дэвлет частично систематизировала накопленный археологический материал по погребальным сооружениям тагарской культуры в соответствии с трехчленным делением С. В. Киселева (1951), но много памятников еще оставалось за рамками предложенной ею схемы (Дэвлет 1958). К аналогичной трехчастной периодизации склоняются и некоторые современные исследователи тагарской культуры (Кузьмин 1979; Субботин 2001).

С. А. Теплоухов и С. В. Киселев, хотя и провели большую работу по систематизации археологических материалов Минусинского края и связывали появление тагарской культуры с предшествующей карасукской, но ясной картины смены этапов их периодизации не давали и сомнение вызывали проблемы хронологии. Впоследствии не раз были высказаны критические замечания по этому поводу (Членова 1967: 4; Максименков 1975б: 48 и др.).

Иное видение на формирование и развитие тагарской культуры предложила в ряде своих работ Н. Л. Членова (1967; 1972). По ее мнению, сосуществовали нескольких культур и культурных групп в Минусинской котловине: лугавская культура датируется XIV—VII–VI вв. до н. э., карасукская — XII—VII–VI вв. до н. э., баиновская группа — VIII–VI вв. до н. э., подкунинско-кокоревская — VIII–VI вв. до н. э., смешанная карасук-тагарская — VII–VI вв. до н. э. и раннетагарская с карасук-тагарскими пережитками — VII–VI вв. до н. э. Таким образом, как полагает Н. Л. Членова, в карасукскую эпоху одновременно существовали две культуры, а в раннескифское время (VIII–VII вв. до н. э.) — еще четыре культурные группы (Членова 1972: 129). Ошибочность концепции Н. Л. Членовой рассмотрена в работах Г. А. Максименкова (1975а; 1975б).

На основе анализа значительного тагарского материала в 1950–1960-х гг. четырехчленная периодизация С. А. Теплоухова была доработана М. П. Грязновым (1968). На основе изменения конструкций погребальных сооружений, обряда захоронения, сопроводительного инвентаря тагарская культура, генетически восходящая к местной карасукской культуре эпохи бронзы, разделена им на четыре последовательных этапа: I — баиновский (VII в. до н. э.), II — подгорновский (VI–V вв. до н. э.), III — сарагашенский (IV–III вв. до н. э.), IV — тесинский (II–I вв. до н. э.). С накоплением нового материала, полученного благодаря интенсивным работам Красноярской и Средне-Енисейской экспедиций ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, эта периодизация уточняется, дробится (выделяются семь последовательных этапов, начальный из которых датируется VIII в. до н. э.; Грязнов1979). В основном используется четырехэтапная периодизация М. П. Грязнова и новые исследованные памятники соотносятся прежде всего с ней (Вадецкая 1986; Боковенко и др. 1992; Боковенко, Красниенко 1987; Боковенко, Смирнов 1998; Александров и др. 2001; Максименков 2003; Герман 2007). Принципиально важно то, что детальный анализ раннетагарских черт создает предпосылки для пересмотра хронологических рамок некоторых этапов и удревнения начала тагарской культуры как минимум до IX в. до н. э. Так например, радиоуглеродные даты из раннетагарских могильников Хыстаглар находятся в интервале XI–X вв. до н. э., а Тигир Тайджен-4 — в пределах X–второй половины IX в. до н. э. (Алексеев, Боковенко и др. 2005: 109–114).

Такая ранняя датировка памятников подтверждается и многочисленными радиоуглеродными датами по различным образцам (дерево, уголь, кость, органика), сделанными в различных лабораториях мира (Gärsdorf et al. 2004; Alekseev et al. 2001: 1085–1107; Боковенко и др. 2003: 19–22; Алексеев и др. 2005; Поляков, Святко 2009: 20–56). Таким образом, начало тагарской эпохи находится на рубеже X–IX—IX вв. до н. э. и никак не позже.

Культурный аспект

Традиционно считается, что тагарская культура сложилась на основе карасукской, о чем свидетельствует представительный археологический материал. На позднем этапе карасукской культуры эпохи поздней бронзы — каменноложском (или лугавском) складываются основные культурные компоненты (типы погребальных сооружений, обряд, некоторые формы посуды и бронзовых вещей), которые находят продолжение на баиновском этапе тагарской культуры скифской эпохи и дальше развиваются на остальных этапах (Грязнов 1968: 187–190; Максименков 1975б: 54; 2003; Вадецкая 1986: 97; Савинов 1995).

В последнее время появилась гипотеза, в соответствии с которой баиновский этап тагарской культуры необходимо отнести к эпохе поздней бронзы (Лазаретов 2005; 2006: 26; 2007). И. П. Лазаретов, проанализировав комплексы, отнесенные ранее к баиновскому этапу, пришел к выводу об их сходстве с предшествующей лугавской культурой (или каменноложскими памятниками карасукской культуры), а тагарская культура начинается позже: «основные категории предметов, наборы украшений и керамика, характеризующие тагарскую культуру, не имеют прототипов в местных памятниках предшествующего времени» (Лазаретов 2005: 88; 2007: 104).

С этой позицией трудно согласиться, поскольку она противоречит реальным материалам, а о многочисленных связях между памятниками конца эпохи бронзы и раннетагарскими писали многие достаточно подробно (Максименков 1975б: 54; 2003; Вадецкая 1986: 97; Завитухина 1983: 20; Советова, Миклашевич 1999; Боковенко 1998: 87 и др.). В разных местах Минусинской котловины были исследованы серии археологических памятников карасукской и начальных этапов тагарской культуры: район села Казановка (юго-западная часть Минусинской котловины), район Тепсея (центральная часть) и бассейна р. Чулым (северная часть), в результате чего получен представительный материал, свидетельствующий о преемственности в различных микрорайонах этих культур (близкие формы оград и положение погребенных, определенный набор сопроводительного инвентаря и устойчивое расположение погребенной пищи). Косвенные аргументы в пользу этой точки зрения дают и новые методы исследования костей. Для исследования места проживания и трассирования возможных миграций населения использованы современные изотопные методы (стронций $^{87}Sr/^{86}Sr$ и азота и углерода $^{15}N/^{13}C$), позволяющие по костным остаткам (людей и овец, коров, лошадей) определить место рождения (Лохов и др. 2005). Удалось показать, что, например, население раннетагарского времени Юго-Западной Хакасии, захороненное в могильниках Хыстаглар и Казановка, проживало здесь с конца эпохи бронзы, поскольку в карасукском могильнике Анчил чон (курганы 5, 7, 8) обнаружен аналогичный состав костей. Эти результаты являются еще одним аргументом в пользу традиционной точки зрения на последовательность развития культур в Минусинском крае, хотя культурные влияния из других регионов неизбежны.

Действительно, некоторые раннетагарские памятники (IVа этапа по И. П. Лазаретову), как правильно отметил И. П. Лазаретов (2006: 21 и сл.), ошибочно, без аргументации отнесены к тагарской культуре (некоторые комплексы Баинов улус, Ильинская гора и др.), но это не значит, что весь массив наиболее ранних тагарских (баиновских) памятников (IVб этап по И. П. Лазаретову), имеющие признаки всей тагарской эпохи (четырехугольная ограда с угловыми вертикальными стелами, захоронение на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад, реже, на северо-восток, наличие баночной посуды и т. д.) надо относить к эпохе бронзы. При наших археологических построениях все же необходимо учитывать диалектические закономерности, которые проявляются в материале.

Общеизвестно, что каждая археологическая периодизация должна отражать реальные закономерности и процессы общественного развития, в противном случае она будет носить формальный и искусственный характер, так и не став надежным историческим инструментом. Возможность деления какого-либо большого отрезка времени на части, эпохи, периоды и т. д. предполагает наличие в нем разделенных объективными процессами серий явлений, отраженных в известных памятниках (комплексах). Многообразие связей между памятниками характеризует внутреннее

единство данной эпохи или периода, причем связь между памятниками внутри эпохи или периода должна быть более сильной и тесной, чем между памятниками разных эпох или разных периодов (Алексеев и др. 2005: 16).

Значительно больше признаков имеют баиновские памятники с подгорновскими, чем баиновские с каменноложскими (лугавскими), что еще раз аргументировано подтвердил в своей диссертации П. В. Герман (2007: 1–25). Часто, раннетагарские памятники (баиновские и подгорновские) находятся на одном могильном поле или в близко расположенных курганных группах и их порой трудно отделить (Казановка, Верхний Аскиз II, Есино I–II , Бырканов V, Туран I, Черновая I, Новая Черная, Июсский, Чергатинский и др.). А такие компоненты культуры, как погребальный обряд, посуда и сопроводительные вещи (бронзовые и костяные), начиная с раннетагарского времени, развиваются на протяжении всей тагарской культуры.

В раннетагарских памятниках прослеживаются элементы, генетически связанные с западными районами и позволяющие усматривать казахстано-среднеазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине I тыс. до н. э., о чем в свое время писала Н. Л. Членова (1967: 216) и что сейчас подтверждается археологическим материалом (Подольский 1980). Реальный путь проникновения в Минусинскую котловину, как населения, так и товаров – вдоль р. Аскиз, верховья Томи на запад с выходом прямо в Восточный Казахстан, а не через Туву и Монголию, как это реконструирует И. П. Лазаретов (2006: 30), где ни карасукских, ни раннетагарских памятников нет.

Александров и др. 2001 — *Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л.* Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001.

Алексеев, Боковенко и др. 2005 — *Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Посснерт Г, Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В.* Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Боковенко 1998 — *Боковенко Н. А.* Наскальное искусство скифской эпохи // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998. С. 86–87.

Боковенко и др. 1992 — Боковенко Н. А., Мошкова М. Г., Могильников В. А. Основные проблемы в изучении памятников скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 151–160 (Археология СССР).

Боковенко и др. 2003 — *Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., ван Гил Б., Лебедева Л. М., Семенцов А. А.* К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 19–22.

Боковенко, Красниенко 1987 — *Боковенко Н. А., Красниенко С. В.* Могильник Медведка II на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1987. С. 23–45.

Боковенко, Смирнов 1998 — Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Белого Июса на Севере Хакасии. СПб., 1998.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея. Л., 1986.

Герман 2007 — *Герман П. В.* Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис.… канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

Грязнов 1968 — *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 187–196.

Грязнов 1979 — *Грязнов М. П.* Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 89–146.

Дэвлет 1958 — *Дэвлет М. А.* Погребальные сооружения тагарской культуры // Вестник МГУ. 1958. № 4. С. 59–69.

Завитухина 1983 — *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983.

Киселев 1929 — *Киселев С. В.* Тагарская культура // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1929. Т. 4. С. 257–267.

Киселев 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кузьмин 1979 — *Кузьмин Н. Ю.* Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 44–47.

Лазаретов 2005 — *Лазаретов И. П.* О месте памятников баиновского типа в периодизации Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 86–88.

Лазаретов 2006 — *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Автореф. дис.… канд. ист. наук. СПб., 2006.

Лазаретов 2007 — *Лазаретов И. П.* Памятники баиновского этапа и тагарская культура // АВ. СПб., 2007. № 14. С. 93–105.

Лохов и др. 2005 — *Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Капитонов Н. Н., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Скотт М., ван дер Плихт Й.* Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Археология Южный Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 91–93.

Максименков 1975а — *Максименков Г. А.* О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 159–167.

Максименков 1975б — *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археологии Сибири. Л., 1975. С. 48–58.

Максименков 2003 — *Максименков Г. А.* Материалы по ранней истории тагарской культуры СПб., 2003.

Подольский 1980 — *Подольский М. Л.* Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы конф. Кемерово, 1980. С. 126–134.

Поляков, Святко 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит–начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

Савинов 1995 — *Савинов Д. Г.* ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 57–66.

Советова, Миклашевич 1999 — *Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.

Субботин 2001 — *Субботин А. В.* Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников): Автореф. дис.… канд. ист. наук. СПб., 2001.

Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Членова 1972 — *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.

Alekseev et al. 2001 — *Alekseev A. Yu., Bokovenko N. A., Boltrik Yu., Chugunov K. A., Cook G., Dergachev V. A., Kovaliukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E. M, Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. A.* Chronology of the Scythian antiquities of Eurasia (based on new archaeological and ^{14}C data) // Radiocarbon. 2001. V. 43, no. 2: Proceeding of the 17th International Radiocarbon Conference. Israel. P. 1085–1109.

Gärsdorf et al. 2004 — Gärsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C Datings of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. NATO Science Series. IV Earth and Environmenal Science. V. 42. Dodrecht; Boston; London, 2004. P. 83–89.

Э. Кайзер (Берлин, Германия)

Изотопный анализ и вопрос о подвижности племен Евразийских степей

Евразийские степи представляют собой открытое пространство, где сравнительно рано развилась производящая скотоводческая экономика. До сих пор нет единого мнения о том, когда племена, населявшие Восточноевропейскую степь, перешли на специализированное скотоводство, позволявшее им использовать природные преимущества степных ландшафтов. С экономикой производящего типа тесно связан вопрос о подвижном характере скотоводства степи.

Многие археологи, используя различные параметры, предпринимали попытки определить степень подвижности скотоводства степных культур энеолита и бронзового века. Однако установить степень мобильности скотоводов только на основании археологических фактов довольно сложно, если вообще возможно. Современные естественнонаучные методы открывают новые возможности изучения этой проблематики. Основной из них — анализ изотопов стронция ($^{87}Sr/^{86}Sr$) и кислорода ($^{18}O/^{16}O$).

С 2008 г. в Берлинском Свободном Университете ведется проект, в рамках которого производятся анализы зубов и костей около 250 человеческих особей из курганных погребений Северного Причерноморья, Прикубанья, Северо-Западного Прикаспия и Поволжья, датируемых серединой IV–III тыс. до н. э. (по калиброванным датам). Дополнительно проводятся аналогичные анализы изотопов стронция и кислорода для антропологических материалов скифского времени, с целью получения данных о племенах, о которых известно, что они вели подвижный образ жизни и кочевое хозяйство. В докладе представлены предварительные результаты и дальнейшие перспективы проекта, который будет продолжаться до конца 2012 г.

Н. И. Шишлина (Москва, Россия)

Изотопный «архив» кочевников Евразийских степей бронзового века: результаты исследования и интерпретация[6]

Введение

В изучении основных компонентов жизнеобеспечения древнего человека огромная роль принадлежит масс-спектрометрическим исследованиям археологических образцов (Бучаченко 2007). Изотопы позволяют уточнить историческую хронологию (Cook et al. 2002), без которой трудно обсуждать судьбы многих народов бесписьменной истории; они активно используются в биоэкологических работах (Wang, Deng 2005). Изотопы являются носителями уникальной информации о системе питания — одного из основных компонентов технологического уровня хозяйственной системы древнего населения (Iacumin et al. 1998; Richards et al. 2003; Shishlina et al. 2009). Такие исследования позволяют глубже понять взаимосвязь окружающей среды и человека.

Основным источником по реконструкции истории первых скотоводческих культур являются древние погребальные памятники — курганы и захоронения. Особые аридные условия — почвы, глубокое залегание грунтовых вод — определили хорошую сохранность многочисленных органических остатков: костей погребенного человека и животных, древесины, растительных остатков, включающих растительные волокна и семена.

Для исследования нами отобраны образцы из Прикаспия, Поволжья и Северного Кавказа.

Органические материалы, в первую очередь, кость погребенного человека, в течение многих лет были объектами радиоуглеродного датирования (Александровский и др. 1997; Шишлина

[6] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 08-06-00069.

2007). Однако в Прикаспии, в том числе и в близких экологических зонах и временных отрезках, было выявлено влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст, полученный по коллагену костей погребенного человека. Это определило необходимость введения дополнительной поправки (Плихт и др. 2007; Lillie et al. 2009).

Исследование изотопного фракционирования показало, что значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в коллагене костей человека и животного отражают его систему питания (Lanting, van der Plicht 1998; Richards et al. 2003). Содержащиеся в наземных и водных образцах азот и углерод включаются в трофическую цепочку, увеличиваясь на каждом отрезке до 5 % для углерода и до 3–4 % — для азота (Iacumin et al. 1998). Это и позволяет, используя значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в коллагене костей погребенных людей и животных, предложить разные модели системы питания.

Таблица 1

Средние значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в коллагене костей современного человека с разной системой питания и в продуктах разного происхождения

Образцы	**$\delta^{13}C_{PDB}$, %**	**$\delta^{15}N_{air}$, %**
Человек (смешанная система питания)	от –22 до –15	от +7 до +14
Человек (в системе питания преобладают морепродукты)	от –15,1 до –13,8	от +17,1 до +18,8
Животные	от –23,1 до –20,1	от +3,5 до +9,7
Рыба (с поверхностных слоев)	от –22 до –12,9	от +9,4 до +12
Рыба (с глубинных слоев)	от –24,6 до –20,4	от +7,3 до +13,7
Наземные растения группы C_3 по фотосинтезу	–27 (от –32 до –22)	от –10 до +10
Наземные растения группы C_4 по фотосинтезу	–13 (от –16 до –9)	от –10 до +10

Изотопные данные указывают, из каких продуктов человек получал протеин в течение последних 10 лет жизни — из растительной или животной пищи, или из их комбинации; какие продукты преобладали — водного (речные или морепродукты) или наземного происхождения; какие растения, группы C_3 или C_4, использовались для приготовления еды (табл. 1). Среднее значение $\delta^{13}C$ в коллагене костей человека эпохи голоцена в Европе –20 % указывает, что человек преимущественно питался растениями группы C_3 и мясом (и молоком) травоядных животных. Значение $\delta^{13}C$ –12 % означает, что человек ел либо преимущественно морепродукты, либо — растения группы C_4 (например, кукурузу, просо). Среднее значение $\delta^{15}N$ для растений равняется +3 %, травоядных животных — +6 %, всеядных животных — +9–10 % (Richard et al. 2003).

Трудность в интерпретации масс-спектрометрических данных, полученных по коллагену костей погребенного человека и животного, заключается в том, что не всегда их можно однозначно трактовать только как результат изменения основных компонентов системы питания. Выяснилось, что значения азота и углерода могут колебаться в зависимости от климата и освоенных пищевых ресурсов. Они также могут быть определены и экологическими стрессовыми ситуациями, например, аридизацией климата, которая выражается в уменьшении уровня годовых осадков, в смене растительного покрова. Аридизация вызывает также изменение процессов сохранения воды, что приводит к выделению животными мочевины, обедненной $\delta^{15}N$. Поэтому значения $\delta^{15}N$ в аридных зонах могут быть намного выше, чем в других районах (Schwarcz et al. 1999).

Таким образом, традиционный археологический источник сохраняет важную биохимическую информацию.

Для выполнения поставленных задач были проведены масс-спектрометрические исследования (определены $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$) и сделана интерпретация полученных данных следующих образцов: коллагена костных останков погребенного человека эпохи энеолита–бронзы и коллагена костных останков животного эпохи энеолита–бронзы.

Результаты

В рамках исследовательского проекта в течение 7 лет проводилось масс-спектрометрическое исследование костных образцов погребенного человека и сопутствующих погребению костей животных в связи с необходимостью оценки достоверности радиоуглеродного возраста, полученного по коллагену костей погребенного человека, и введения поправки на $\delta^{13}C$. Дополнительные данные по значению $\delta^{15}N$ позволили начать изучение системы питания носителей нескольких археологических культур. Для проведения такой работы также измерялись значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ у травоядных животных, археологических растениях, костях рыб и раковинах. Большинство данных опубликовано (Шишлина 2007; Shishlina 2008; Shishlina et al. 2009).

В таблице 2 представлены хронологические рамки всех анализируемых культур, которые относятся к энеолиту, раннему и среднему бронзовому веку. Таким образом, исследуемый материал укладывается в интервал от конца V тыс. до н. э. до рубежа III–II тыс. до н. э.

Таблица 2

Хронологические рамки анализируемых культур

Культура	**Хронологический интервал**
энеолитическая	4300–3800 гг. до н. э.
майкопская	3500–3000 гг. до н. э.
ямная	3000–2500 гг. до н. э.
ранняя катакомбная	2700–2400 гг. до н. э.
восточноманычская катакомбная культура	2500–2200 гг. до н. э.
лолинская культура	2200–2000 гг. до н. э.

В качестве примера приводятся данные по восточноманычской катакомбной культуре (табл. 3; рис. 1).

Таблица 3

Масс-спектрометрические данные по образцам восточноманычской катакомбной культуры

Курган/погребение/образец	**$\delta^{13}C$, %**	**$\delta^{15}N$, %**
Бага-Бурул		
кург. 5, погр. 11, женщина 25–35 л.	–16,9	+15,8
кург. 5, погр. 21, мужчина < 45 л.	–17,8	+14,2
кург. 5, ритуальное место 4, лошадь	–20,6	+6,2
кург. 5, ритуальное место 4, корова	–16,6	+9,9
кург. 5, ритуальное место 15, овца	–19,3	+8,2
кург. 1, погр. 3, корова	–19,1	+9,2
кург. 1, погр. 3, овца	–19,3	+7,3
кург. 5, погр. 12, овца	–16,6	+10,7
кург. 5, погр. 8, овца	–17,4	+9,2
Островной		
кург. 3, погр. 10, мужчина 35 л.	–17,6	+12,7
кург. 3, погр. 39, женщина 20–30 л.	–17,3	+16,0
кург. 3, погр. 38, овца	–19,2	+6,6
кург. 3, погр. 9, овца	–17,7	+6,4
кург. 3, погр. 9, овца	–18,1	+7,6
кург. 6, погр. 8, овца	–19,5	+8,1
кург. 6, погр. 8, овца	–18,2	+7,5

Курган/погребение/образец	$\delta^{13}C$, %	$\delta^{15}N$, %
ВМЛБІ65		
кург. 43, погр. 1, овца	–19,9	+9,7
Зунда-Толга-1		
кург. 9, п 1, мужчина 50 л.	–16,9	+14,1
кург. 10, погр. 2, женщина 50–60 л.	–16,5	+16,3
кург. 10, погр. 3, мужчина 35 л.	–19,3	+14,1
кург. 8, погр. 1, овца	–16,7	+11,6
кург. 9, погр. 1, овца	–17,3	+9,7
кург. 10, погр. 3, овца	–18,8	+5,1
Зунда-Толга-5		
кург. 1, погр. 5, мужчина 50–60 л.	–18,6	+14,0
Чилгир		
кург. 1, погр. 4, женщина < 45 л.	–17,2	+15,7
кург. 1, погр. 4, овца	–15,5	+12,0
кург. 2, погр. 5, овца	–21,5	+9,2
кург. 3, ритуальное место В, корова	–16,1	+11,9
Темрта V		
кург. 1, погр. 4, женщина 25–35 л.	–17,7	+9,4
кург. 1, погр. 4, овца	–16,0	+10,1
Темрта III		
кург. 1, погр. 6, человек 25–30 л.	–15,4	+18,6
Песчаный V		
кург. 1, погр. 6, мужчина 30–35 л.	–16,0	+16,1
кург. 5, погр. 5, мужчина 50–60 л.	–17,5	+15,2
Ергени		
кург. 6, погр. 3, овца	–14,2	+12,7
кург. 6, погр. 2, овца	–15,5	+12,0
кург. 6, погр. 5, овца	–16,2	+13,1
кург. 6, погр. 10, овца	–15,9	+10,3
Манджикины 1		
кург. 10, погр. 2, женщина 45–40 л.	–16,7	+17,2
кург. 14, погр. 1, мужчина 30–35 л.	–16,5	+17,6
кург. 14, погр. 1, овца	–16,3	+10,3
кург. 14, ритуальное место 21, астрагал овцы	–24,1	+10,3
Чограй IX		
кург. 14, погр. 6, взрослый	–17,7	+14,5
кург. 8, погр. 2, adult	–17,9	+15,4
Рыкань-3		
копытное (бык)	–19,81	+5,29
копытное (бык)	–19,83	+6,77

Обсуждение результатов

Обобщенные данные показывают, что для 85 индивидуумов, останки которых были подвергнуты анализу, характерны, в целом, большие вариации масс-спектрометрических значений. Это и не удивительно, поскольку они занимали разные экологические ниши и проживали в разное время. Предположительно, эти люди (за исключением, возможно, мужчины из Нальчикского могильника) были пастухами, передвигающимися со своими стадами.

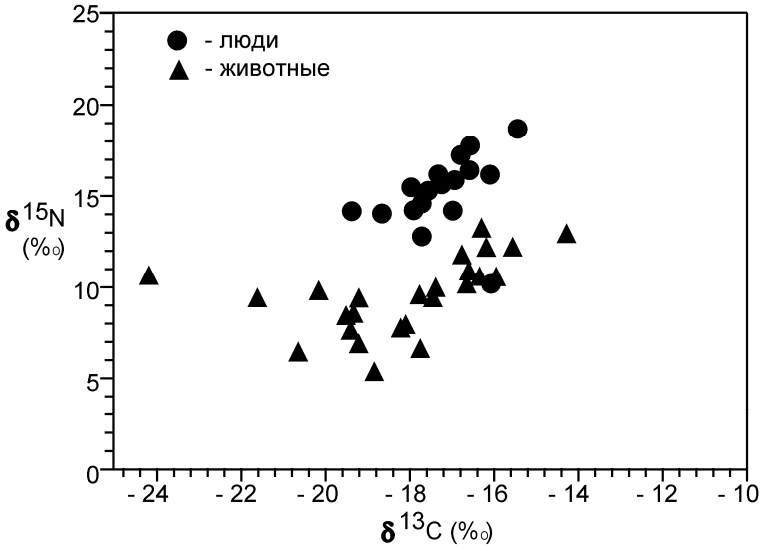

Рис. 1. График соотношения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$
по образцам восточноманычской катакомбной культуры

Однако развитие новой экономической модели происходило постепенно, и смена употребляемых в пищу продуктов произошла не сразу. Возможно, тяжелые условия степных экологических ниш и постоянная зависимость от продуктивности пастбищ и водных источников заставляла как степных, так и северокавказских жителей использовать все пищевые ресурсы освоенных территорий. Вариации по материалам одной культуры и по индивидуумам из разных могильников могут быть объяснены тем, что кочевали небольшие семейные группы по многочисленным маршрутам, проходящим в географических зонах с разными акцентами на доступные пищевые ресурсы. Зимние и летние пастбища могли располагаться как в степных, так в придолинных и даже предгорных и приморских районах Северного Кавказа, Подонья, Поволжья и Прикаспия.

Впрочем, следует помнить, что уровень мобильности пастушеских семей мог быть различен. Если ямное население, предположительно, кочевало по маршруту река–водораздел–река, то передвижения катакомбных пастухов могли простираться на сотни километров (Шишлина 2007). Вариации в масс-спектрометрических данных отмечены и для домашних животных.

Мы полагаем, что развитие новой экономической модели — подвижного пастушества, сопровождающееся изменением маршрутов перекочевок, во многом было вызвано колебаниями климатических условий, особенно сильно повлиявших на окружающую среду в период аридизации климата второй половины III тыс. до н. э.

Соотношение $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ демонстрирует одинаковый тренд для животных и людей.

Чем древнее эпоха, тем меньше величины $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$. Предположительно, общими причинами такого облегчения изотопного состава для животных и людей являются климатические характеристики (температура, осадки, долгота дня); потепление и оледенение; экосистема и стресс (извержение вулканов, наводнение; борьба за существование). Наиболее вероятными ключевыми причинами общего тренда являются изменение температуры и количества осадков: изменяется годовой уровень осадков, изменяются данные изотопного архива (табл. 4).

Средние значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ по индивидуумам и животным для анализируемых культур демонстрируют линейную зависимость масс-спектрометрических данных от климатических условий, освоенного географического ареала и предполагаемого типа хозяйствования. Такие изменения происходили на протяжении всего IV и III тыс. до н. э.

Это хорошо видно на примере животных. Величина $\delta^{13}C$ со временем сдвигается от –22,5 до –16 ‰. Близкие тенденции отмечены и для людей, которые имеют смешанную диету, поэтому закономерности для них более сложные. Наличие стресса из-за выживания и аридность привели к утяжелению изотопного состава азота.

Таблица 4

Соотношение средних масс-спектрометрических данных по человеку и животным культур эпохи энеолита–бронзового века и данных о среднегодовом уровне осадков

Культура/Человек/животное	**$\delta^{13}C$, %**	**$\delta^{15}N$, %**	**Годовой уровень осадков (по Демкин и др. 2002)**
Эпоха энеолита (4300–3800 гг. до н. э.)			
Человек	–21,04	+13,00	400–420 мм
Домашнее животное	–19,98	+7,27	
Степной Майкоп (3500–3000 гг. до н. э.)			
Человек	–18,18	+14,04	400–420 мм
Домашнее животное	–22,5	+5,45	
Ямная культура (3000–2500 гг. до н. э.)			
Человек	–17,3	+15,0	350–380 мм
Домашнее животное	–21,19	+9,5	
Ранняя катакомбная культура (2700–2400 гг. до н. э.)			
Человек	–17,17	+14,3	350–300 мм
Домашнее животное	–19,26	+8,94	
Восточноманычская катакомбная культура (2500–2200 гг. до н. э.)			
Человек	–17,2	+15,2	250–300 мм
Домашнее животное	–17,9	+9,4	
Лолинская культура (2200–2000 гг. до н. э.)			
Человек	–17,9	+13,8	300 мм
Домашнее животное	–16,9	+10,53	

Домашние животные. Масс-спектрометрические данные можно разделить на две группы, средние значения азота и углерода которых различаются. Для первой выявлены средние значения $\delta^{13}C$ от –23 % до –18 % и $\delta^{15}N$ от +4 % до +8 %, для второй средние значения составляют от –17 % до –14 % и от +11 до +13 % соответственно. Это позволяет нам реконструировать две модели питания животных.

Модель 1 соответствует выпасу животных на пастбищных угодьях с преобладанием растений группы C_3 (эпоха увлажнения энеолита, майкопской и ямной культур; предположительно, часть пастбищ в более увлажненных регионах характеризовалась также явным преобладанием растений группы C_3 и в эпоху катакомбных, и лолинской культур). *Модель 2* соответствует выпасу животных на пастбищных угодьях со смешанной растительностью групп C_3 и C_4 (предположительно, такие пастбища появились в эпоху аридизации климата и были освоены частью населения ямной, катакомбных и лолинской культур).

Масс-спектрометрические данные фиксируют и вероятную смену растительного покрова, вызванного аридизацией второй половины III тыс. до н. э., что подтверждается и многочисленными этноботаническими данными (Шишлина 2007). Они также указывают на использование разных по характеру растительности пастбищ. Сезонные передвижения становятся ключевой характеристикой новой экономической модели — подвижного пастушества (Шишлина 2007).

Человек. Данные, полученные по индивидуумам, система питания которых была смешанной и многокомпонентной, позволили обсудить три модели. Люди эпохи энеолита, в основном, питались растительной пищей и мясом травоядных животных (диких и домашних), в результате чего произошло понижение величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ (для растений C_3 $\delta^{13}C$ = –29÷26 % и $\delta^{15}N$ = 2÷6 %; C_4 $\delta^{13}C$ = –20–9 %.). *Модель 1*, средние значения $\delta^{13}C$ для которой колеблются от –21 % до –19 % и $\delta^{15}N$ от +9 % до +11 %, была характерна для некоторых представителей майкопской культуры (сезонный пастух из могильника Манджикины).

Наиболее распространенная *модель 2*, средние значения $\delta^{13}C$ которой варьируют от –21 % до –17 % и $\delta^{15}N$ от +11 до +15 %, скорее всего, сформировалась в степной среде подвижных пастушеских групп эпохи энеолита–бронзы. Она основана на употреблении в пищу мяса травоядных домашних животных, большого количества продуктов водного происхождения (рыбы, моллюсков, водорослей) и диких растений группы C_3. Носители хвалынской культуры эпохи энеолита, подвижные майкопские, ямные и катакомбные группы, включая и финальные лолинские, осваивали все пищевые ресурсы экологических ниш Поволжья, Подонья, Прикаспия и степных районов Северного Кавказа.

Однако среди анализируемых индивидуумов выделена небольшая группа, для которой характерна *модель 3*, средние значения которой $\delta^{13}C$ меняются от –17 % до –15 % и $\delta^{15}N$ — от +15 % до +18 %. Эта модель основана на употреблении морепродуктов.

Выделяются данные по пожилому мужчине из могильника Чилгир (Прикаспийская низменность) и трем женщинам 14–17 и 45–50 л. из могильников Средних и Южных Ергеней эпохи ямной культуры (Манджикины-2, Хар-Зуха и Му-Шарет-4). В системе питания этих индивидуумов, скорее всего, присутствовали морепродукты. Данные по времени совершения погребений (зима, лето, поздняя весна) позволяют предположить, что эти индивидуумы были сезонными пастухами, которые могли откочевывать со своими семьями в другие ландшафтные регионы с иными пищевыми ресурсами. Две молодые женщины 14–17 л., возможно, происходили из приморских районов и были выданы за мужчин из степных районов. Как переселенцы эти женщины прожили в новой для себя среде недолго, поэтому масс-спектрометрический состав в коллагене их костей отличается от изотопного состава других представителей этой культуры, основных местом проживания которых были степные районы Прикаспия, и система питания которых была иной, соответствующей *модели 2*.

Некоторые индивидуумы ранней катакомбной культуры (женщина *senilis* из Хар-Зухи, кург. 1, погр. 3Б) отличаются крайне высоким значением $\delta^{13}C$ (–15,42 %) и большим $\delta^{15}N$ (+18,10 %), что также указывает на употребление морепродуктов. Предположительно, эта женщина приехала в каспийские степи из другого региона (ее масс-спектрометрические данные отличаются от средних статистических данных по людям местной катакомбной культуры), возможно, из Причерноморья или Прикаспия. В течение последних 10 лет в ее рационе преобладали продукты морского происхождения. Однако, видимо вскоре, эта женщина умерла среди людей, живших в степи, которые питались по-другому.

Данные, полученные по кости ребенка 3–4 л. из Манджикин-2, кург. 42, погр. 4 ($\delta^{13}C$ –15,29 %, $\delta^{15}N$ +18,13 %), возможно, связаны с тем, что ребенка продолжали кормить грудью. Вариации изотопных данных, полученные по коллагену костей младенцев и взрослых из неолитического поселения Чатал-Хуюк, позволили высказать предположение, что ребенка могли отнимать от груди матери довольно поздно в связи с отсутствием подходящего детского питания, что нашло отражение в разнице масс-спектрометрических данных у взрослых и детей (Richard et al. 2003).

Предположительно, индивидуумы восточноманычской катакомбной культуры, захороненные в могильнике Темрта III, кург. 1, погр. 6 (? 25–30 л.), Манджикины 1, кург. 10, погр. 2 (женщина 45–50 л.) и кург. 14, погр. 1 (мужчина 30–35 л.), входили в семейные группы, которые регулярно откочевывали зимой в приморские районы Приазовья и восточного Причерноморья. У этих трех индивидуумов зафиксированы самые крайние значения азота и углерода, указывающие на включение в систему питания морепродуктов.

Первые результаты по идентификации стронция ($^{87}Sr/^{86}Sr$) в зубах (дентине) человека майкопской, ямной и восточноманычской катакомбной культур показали, что действительно, в степь приходили люди, которые родились и провели первые 10–12 лет своей жизни далеко от того места, где они были похоронены. Изучение значений стронция ($^{87}Sr/^{86}Sr$) в археологических костях является сегодня одним из показателей мобильности как человека, так и животных. Метод и подход исследования заключается в следующем. Разные горные породы характеризуются разным зна-

чением двух изотопов стронция — $^{87}Sr/^{86}Sr$. Поскольку горные породы попадают в почву, растения, произрастающие на этой почве, впитывают такое же значение стронция, как и горные породы. Травоядные животные едят растения, этих животных едят плотоядные животные и человек. При почти полном отсутствии фракционирования изотопов стронция в костях их значение точно указывает на местные компоненты питания. Таким образом, значения стронция в зубах человека формируются в первые годы его жизни и уже не меняются до его смерти (Bentley et al. 2004; Conlee et al. 2009; Giblin 2009), хотя перемещение человека на другие территории, характеризующиеся иными горными подстилающими почву породами, отражается на значениях изотопов стронция в других костях человека. Значения изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в археологических растениях (семена, плоды, фрагменты растительных волокон), зубах домашних животных, раковинах — являются индикаторами «местного» значения. Сравнение значения изотопов стронция в зубах погребенного человека и в «фоновых местных» археологических образцах должно определить, родился ли исследуемый человек в том месте, где он был похоронен, или является «пришлым», «чужеземцем». Важно, что пилотные результаты по значениям стронция совпали с данными по системе питания ($\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$). Индивидуумы, попавшие у нас в группу, в системе питания которой преобладали морепродукты, по значениям стронция в дентине их зубов также попали в группу «неместного» пришлого населения.

Заключение

Проведенный масс-спектрометрический анализ археологических образцов из погребений энеолита–бронзового века показал перспективность данного исследования. Освоение открытых степных пространств могло произойти только при благоприятных климатических условиях, которыми и воспользовались первые пастушеские группы энеолитической и майкопской культур. Распространение новой экономической модели изменило и принципы расселения популяций, и определило источники их пищевых ресурсов, а дальнейшее развитие новых форм подвижного скотоводства проявилось не только в положительном аспекте роста экономического потенциала, но и вызвало негативное антропогенное воздействие на растительный и почвенный покров осваиваемых экологических районов. Это предопределило еще большую мобильность пастушеских групп. Население последующей ямной культуры уже самостоятельно осваивало степные просторы, используя все ресурсы. Однако аридизация климата и резкое снижение уровня годовых осадков привели к смене растительного покрова, что тотчас же отразилось на изотопном составе растительности пастбищ, на коллагене костей домашних животных и, в конечном итоге, на коллагене костей человека. Различия в рационе питания домашних животных и системе питания человека, запечатленные в «изотопном архиве» коллагена археологических костей, позволяют оценить и уровень жизни человека эпохи энеолита–бронзы, и уровень его адаптации к природным условиям осваиваемых экологических зон.

Первые данные по $^{87}Sr/^{86}Sr$ в дентине погребенного человека и животных подтверждают, что уровень мобильности степного населения был достаточно высок.

Увеличение масс-спектрометрических данных по другим регионам позволят в будущем проверить и уточнить предложенные модели системы питания человека и рациона домашних животных эпохи энеолита–бронзового века.

Александровский и др. 1997 — *Александровский А. Л., Чичагова О. А., Пустовойтов К. Е., Шишлина Н. И.* Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ (культурные традиции). М., 1997. С. 9–21 (Труды ГИМ. Вып. 97).

Бучаченко 2007 — *Бучаченко А. Л.* Новая изотопия в химии и биохимии. М., 2007.

Демкин и др. 2002 — *Демкин В. А., Дергачева М. И., Борисова М. А., Шишлина Н. И.* Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV–III тыс. до н. э. // Почвоведение. 2002. № 6. С. 243–352.

Плихт и др. 2007 — *ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А.* Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 2. С. 39–47.

Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Труды ГИМ. 2007. Вып. 165. С. 346–363.

Bentley et al. 2004 — *Bentley R., Price T. D., Stephan E.* Determining the "local" $^{87}Sr/^{86}Sr$ range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe // JAS. 2004. No. 31. P. 365–375.

Conlee et al. 2009 — *Conlee Ch. A., Buzon M. R., Gutierrez A. N., Simonetti A., Creaser R. A.* Identifying foreigners versus locals in a burial population from Nasca, Peru: an investigation using isotope analysis // JAS. 2009. No. 36. P. 2755–2764.

Cook et al. 2002 — *Cook G. T., Bonsall C., Hedges R. E. M., McSweeney K., Boroneant V., Bartosciewitcz L., Pettitt P. B.* Problems of dating human bones from Iron Gates // Antiquity. 2002. No. 76. P. 77–85.

Giblin 2009 — *Giblin J. I.* Strontium isotope analysis of Neolithic and Copper Age populations on the Great Hungurian Plain // JAS. 2009. No. 36. P. 491–497.

Iacumin et al. 1998 — *Iacumin P., Bocherens H., Chaix L., Marioth A.* Stable Carbon and Nitrogen Isotopes as Dietary Indicators of Ancient Nubian Populations (Northern Sudan) // JAS. 1998. No. 25. P. 293–301.

Lanting, van der Plicht 1998 — *Lanting J. N., van der Plicht J.* Reservoir effects and apparent ^{14}C-ages // The Journal of Irish Archaeology. 1998. No. 9. P. 151–165.

Lillie et al. 2009 — *Lillie M., Budd Ch., Potekhina I., Hedges R.* The radiocarbon reservoir effect: new evidence from the cemeteries of the middle and lower Dnieper basin, Ukraine // JAS. 2009. No. 36. P. 256–264.

Richard et al. 2003 — *Richard M. P., Pearson J. A., Molleson T. I., Russel N., Martin L.* Stable Isotope Evidence of Diet at Neolothic Catalhoyuk, Turkey // JAS. 2003. No. 30. P. 67–76.

Schwarcz et al. 1999 — *Schwarcz H. P., Dupras T. L., Fairgrieve S. I.* ^{15}N Enrichment in the Sahara: In Search of a Global Relationship // JAS. 1999. No. 26. P. 629–636.

Shishlina 2008 — *Shishlina N.* Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian Steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads. 2008. BAR International Series 1876.

Shishlina et al. 2009 — Shishlina N. I., Zazovskaya E. P., van der Plicht J., Hedges R. E. M., Sevastyanov V. S., Chichagova O. A., Paleoecology, Subsistence and ^{14}C Chronology of the Eurasian Caspian Steppe Bronze Age // Radiocarbon. 2009. Vol. 51 (2). P. 481–500.

Wang, Deng 2005 — *Wang Y., Deng T.* A 25 m. y. isotopic record of paleodiet and environmental change from fossil mammals and paleosols from NE margin of the Tibetan Plateau // Earth and Planetary Sciences Letters. 2005. No. 236. P. 322–338.

А. Гасс (Берлин, Германия)

Проблематика геоархеологических исследований памятников раннего железного века юго-восточного Семиречья (Казахстан)

В рамках работы научно-исследовательского центра ТОПОЙ (TOPOI, Berlin, Germany, Exzellenzcluster 264), начиная с 2008 г., образовался междисциплинарный проект под названием «Археологические и геоархеологические исследования юго-восточного Семиречья (Казахстан)». Целью проекта являлось изучение памятников элиты раннего железного века юго-восточного Семиречья с использованием методов археологии и физической географии. Исследования проводились при участии Фонда Прусского Культурного Достояния (Берлин, Г. Парцингер, при участии М. Наврота и Р. Бороффки), Германского Археологического Института (Берлин, А. Наглер), Института Физической Географии Свободного Университета (Берлин, Б. Шютт, К. Зингер и М. Блеттерманн) и отдела исследований Раннего Железного Века Института Археологии им. А. Х. Маргулана Республики Казахстан (Алматы, З. Самашев, при участии Б. Нурмуханбетова).

Уникальное по своей концентрации погребальных памятников сакской элиты I тыс. до н. э. юго-восточное Семиречье насчитывает сотни памятников, из которых были изучены лишь единицы. Так как основная исследовательская деятельность, за некоторым исключением (Самашев, Гри-

горьев, Жумабекова 2005; Самашев и др. 2006), пришлась на 1960–1970-е гг. (Акишев, Кушаев 1963; Акишев 1978), можно утверждать, что на территории юго-восточного Семиречья практически отсутствуют памятники, изученные с применением новейших археологических достижений. Исходя из вышесказанного, одной из задач наших исследований была попытка исправить сложившуюся ситуацию.

Известные и малоизвестные, а также зафиксированные памятники эпохи раннего железа предполагалось измерить с помощью GPS, модель Garmin и при технической поддержке спектра программ GIS и аэро-космических снимков, топографически их обработать.

При сопоставлении результатов наших исследований и данных, полученных при проведении археологических раскопок в изучаемом регионе, можно создать базовую основу для разработки модели развития хозяйства, в частности сельского, где наблюдается параллельное развитие как скотоводства, так и земледелия с одной стороны, и развития социальных взаимоотношений, по результатам исследованных и исследуемых могильников, с другой.

С учетом материалов, которые будут получены партнерами из Института Физической Географии, относительно анализа лессовых отложений в предгорной зоне северного Тянь-Шаня и пыльцы в почвах появляется возможность создания геоархеологической модели юго-восточного Семиречья в эпоху раннего железа.

Общая характеристика

Начиная с осени 2008 г., в юго-восточном Семиречье (Казахстан) проводились полевые работы, носившие разведочный и картографический характер. Нами были заново осмотрены, измерены и задокументированы могильники раннего железного века, включающие курганы сакской элиты.

В качестве курганов элиты рассматривались конструкции, достигающие не менее 2 м высоты, диаметром от 30 до 40 м.

Картирование исследованных некрополей показало, что все они располагаются вдоль предгорий Заилийского Алатау, по берегам рек на второй или третьей надпойменной террасе, т. е. практически на ландшафтном стыке аллювиальных отложений и равнинной плоскости, на расстоянии от 0,5 до 3 км от предгорий и, тем самым, занимают плодороднейшие места данного региона. Кроме того, высокая концентрация могильников с большими курганами наблюдалась на плато Кеген и в высокогорных долинах Заилийского и Кунгей Алатау.

Как правило, в пределах одного водораздела находится только один могильник, который располагается на западном берегу. Хотя встречаются и исключения — один некрополь локализован по обоим берегам реки Турген. Таким образом, реки представляли собой естественную природно-ландшафтную границу между сакральными участками «царских могильников».

Могильники раннего железного века, содержащие курганы сакской элиты, были сооружены по одному образцу. Курганы этих могильников были выстроены в ряды — курганные цепи, количество которых варьируется от одной до семи. В одной курганной цепи находятся от трех до двадцати курганов, которые, в свою очередь, с небольшими отклонениями, ориентированы по линии север–юг.

По единому принципу были построены и сами курганные насыпи. Почти все они представляют собой земляные насыпи в виде усеченного конуса с крутыми склонами, тогда как южный склон является почти всегда наиболее пологим. Необходимо отметить, что существует и другая точка зрения, объясняющая возникновение внешней формы кургана «естественными» процессами (Руденко 1918: 4; Мозолевский, Полин 2005: 236–237). На поверхности курганов редко прослеживаются камни курганного панциря. Практически все курганы имеют следы ограблений.

Несмотря на определенные закономерности построения курганов и их расположения в системе могильника, на территории юго-восточного Семиречья встречаются и отклонения. На каждом третьем из исследованных нами могильников встречаются курганы подпрямоугольной формы с пирамидальной конструкцией их насыпи (31 %). Также каждый третий исследованный некро-

поль содержит курганы с ритуальными дорогами (30 %). Практически на каждом четвертом могильнике встречаются курганы с каменными кольцами (24 %).

В некоторых случаях на одном могильнике встречаются и ритуальные дороги, и курганы с пирамидальной конструкцией насыпи. Хотя такое распределение архитектурных особенностей некрополей не является закономерностью.

Как расположение курганов внутри могильника, так и их специфичная внешняя форма находят много параллелей с могильниками Северного Причерноморья и территорией Скифского Герроса (Мозолевский, Полин 2005; Polin 2007: 256–267), об истории которых имеются непосредственные письменные свидетельства античных авторов, таких как Геродот. По своей внешней форме «царские курганы» с одной стороны, соответствуют описанию скифских святилищ, в частности Ареса (Геродот, кн. 4, § 62: 276–277), с другой стороны, некрополи элиты / вождей представляют собой места коллективной памяти, которые для скифов, а в нашем случае и саков, играли одну из важнейших ролей их самоидентификации (Геродот, кн. 4, § 71: 279–280; кн. 4, § 127; 300–301). Таким образом, исследуемые нами могильники сакской элиты Семиречья являются не только «кладбищами вождей», но и сакральными местами культовой самоидентификации саков.

Выводы

Подводя итог можно отметить, что в ходе полевых исследований в юго-восточном Семиречье были выявлены места локализации памятников сакского периода эпохи раннего железного века (могильники, включающие большие курганы сакской элиты), которыми являются линии ландшафтного перехода от предгорий на равнину по берегам рек.

Курганы сакского периода образуют ряды-цепи, направление которых в основном соответствует оси север–юг. Могильники могут состоять как из одной, так и из нескольких таких цепей. Определенная закономерность наблюдается не только в выборе мест могильников и их внутренней структуре, но и в принципах возведения самих курганов.

Внешняя форма курганов сакской элиты находит свои параллели как в курганах Европейской Скифии, так и в «скифских» курганах Сибири. В целом она соответствует описаниям Геродота, посвященным территории Северного Причерноморья, хотя о внешней форме царских курганов греческий историк почти ничего не писал (Геродот, кн. 4, § 71: 279–280). Более подробное у него описаны скифские святилища, в частности святилище Ареса (Геродот, кн. 4, § 62: 276–277), а они как раз и соответствуют по форме курганам сакской элиты.

Дальнейшие параллели с другими исследованными археологическими объектами скифской культурно-исторической общности, к которой также принадлежат и носители сакской культуры, имеет скифское святилище, изученное на могильнике Байкара в Северном Казахстане (Parzinger et al. 2003), а также большой царский курган-святилище Барсучий Лог в Хакасии (Parzinger, Nagler, Gotlib 2007: 102–115). Тем самым, можно предположить, что, как минимум, «царские» курганы повторяли внешние формы святилища Ареса.

Тот факт, что в большинстве случаев в древних обществах представителей высшей знати хоронились в святилищах или храмах (Stadelmann 1985; Hesberg von, Panciera 1994; Brandenburg 1971; Heidenreich, Johannes 1971; Gersman 2008), наталкивает на мысль, что и представители скифской культурно-исторической общности могли придерживаться такой же традиции.

По сей день остается не выясненным, являлись ли большие курганы, в которых была погребена сакская элита, святилищами или же они просто повторяли внешнюю форму святилищ-храмов.

При наличие рвов вокруг курганов и ритуальных дорог, очерчивающих границу так называемого сакрального пространства, можно допустить, что курганы в частности, и могильники сакской элиты в целом, являлись не только простыми кладбищами, но и имели определенное сакральное значение.

В свете еще продолжающихся исследований, носители сакской культуры предстают перед нами в новом облике. Кочевники эпохи раннего железа являлись не только скотоводами и воина-

ми, но и были, как это видно на примере четкого планирования и создания монументальных сооружений, прекрасными организаторами, архитекторами и строителями с мощнейшей аналитически слаженной и отработанной системой логистики. Кочевники были знакомы и с техникой дорожного строительства, единственной в то время в среднеазиатском регионе (Самашев и др. 2009: 350–352).

Акишев 1978 — *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.

Геродот — Геродот. История / Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М., 2006.

Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Киев, 2005.

Руденко 1918 — *Руденко С. И.* Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. 1918. С. 1–12 (МАР. Вып. 37).

Самашев и др. 2009 — *Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Навpот М.* Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 350–352.

Brandenburg 1972 — *Brandenburg D.* Samarkand. Studien zur islamischen Baukunst in Uzbekistan (Zentralasien). Berlin, 1972.

Gersman 2008 — *Gersman G.* Saint-Denis und der Totenkult der Restauration. Von der Rückeroberung eines königlichen Erinnerungsortes // Dewes E., Duhem S. (Hrsg.). Kulturelles Gedächtnis und interkulturelle Rezeption im europäischen Kontext. Berlin, 2008. S. 139–158.

Heidenreich, Johannes 1971 — *Heidenreich R., Johannes H.* Das Grabmal Theodorichs zu Ravenna. Deutsches Archäologisches Institut. Wiesbaden, 1971.

Hesberg, Panciera1994 — *Hesberg von H., Panciera S.* Das Mausoleum des Augustus: der Bau und seine Inschriften. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen N. F. 108. München, 1994.

Parzinger 2006 — *Parzinger H.* Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.

Parzinger et al. 2003 — *Parzinger H., Zajbert V., Nagler A., Plešakov A.* Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum. Mainz am Rhein, 2003 (Archäologie in Eurasien. Bd 16).

Parzinger, Nagler, Gotlib 2007 — *Parzinger H., Nagler A., Gotlib A.* Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 102–115.

Polin 2007 — *Polin S. V.* Fürstenkurgane in der ukrainischen Steppenzone // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 256–267.

Samašev 2007 — *Samašev Z.* Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 162–170.

Stadelmann 1985 — *Stadelmann R.* Die ägyptischen Pyramiden: vom Ziegelbau zum Weltwunder. Darmstadt, 1985.

АРХЕОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

А. С. Балахванцев (Москва, Россия)

К вопросу о времени и обстоятельствах появления ахеменидских импортов на Южном Урале

С начала XX в. количество находок престижных ценностей (произведения торевтики, ювелирные изделия, алабастры) ахеменидского происхождения на Южном Урале непрерывно растет (см: Иессен 1952; Савельева, Смирнов 1972; Мошкова 1981; Золотые олени Евразии 2001; Балахванцев, Яблонский 2006; 2007; 2008; Яблонский, Мещеряков 2007; Сокровища сарматских вождей… 2008; Гуцалов, 2009). Если к тому же учесть, что на занятых саками территориях Средней Азии и Казахстана, которые непосредственно граничили с державой Ахеменидов, таких находок нет вовсе, то данное обстоятельство приобретает особый интерес и непременно нуждается в объяснении.

Еще А. А. Иессен предположил, что изделия южного, в том числе ахеменидского, происхождения проникли на Южный Урал «путями межплеменного обмена и первоначальной торговли» (Иессен 1952: 228). К. Ф. Смирнов также видел главную причину попадания вещей иранского происхождения на Южный Урал в экономических, торговых связях. Вместе с тем он признавал, что такие престижные ценности как золотая гривна или алебастровый сосуд с именем Артаксеркса скорее могли попасть к «ранним сарматам» в качестве трофеев либо даров (Савельева, Смирнов 1972: 120–122). Ю. М. Десятчиков писал о существовании торговых связей между Ахеменидами и «царскими» даями — обитателями долины реки Илек, но и он признавал трофейный характер ряда импортных вещей, например, сосуда Артаксеркса I (Десятчиков 1979: 94). М. А. Дандамаев видит в находках предметов ахеменидского искусства, сделанных вблизи Орска, доказательство торговых контактов южноуральских кочевников со среднеазиатскими сатрапиями Персидской державы (Дандамаев, Луконин 1980: 220). М. Г. Мошкова, не отрицая сам факт существования торговых связей между «савромато-сарматами» Южного Приуралья и Ахеменидским Ираном, справедливо заметила, что ритоны, гривны и печати не могли быть объектами торговых операций, и, вслед за К. Ф. Смирновым, объяснила их появление военно-политическими контактами вождей южноуральских кочевников (Мошкова 1981: 182–184).

Н. Е. Берлизов интерпретирует ахеменидские импорты как военные трофеи (Берлизов 1997: 103). И. М. Акбулатов, напротив, увидел в находках предметов ахеменидского и среднеазиатского производства свидетельство существования караванного пути, соединявшего Южное Приуралье с Персидской державой (Акбулатов 1999: 67). Р. Шмитт считает, что алабастр с именем Артаксеркса I был подарком Великого царя за определенные заслуги (Schmitt 2001: 199). С. Ю. Гуцалов рассматривает ахеменидские импорты как плату персидских сатрапов племенным вождям кочевников за участие в войнах на территории Ахеменидской державы (Гуцалов 2003: 183). Особую позицию среди сторонников «торговой» теории занимает А. С. Скрипкин, полагающий, что вещи ахеменидского и среднеазиатского происхождения могли и не завозиться купцами, а приобретались самими южноуральскими кочевниками во время перекочевок в приграничных районах Хорезма (Скрипкин 2003: 196). А. В. Безруков делает основной акцент в объяснении причин появления ближневосточных импортов в Приуралье на торговле, но также признает, что еще одним источником могли стать военные трофеи и дипломатические дары (Безруков 2005: 119–121). М. Ю. Трейстер предполагает, что золотые статусные украшения, парадная одежда и сосуды из драгоценных металлов могли попасть к сарматам в качестве даров за военную службу или трофеев (Трейстер 2010: 365, 368).

Что можно заметить по поводу высказанных выше мнений? Нам уже приходилось высказывать свое отрицательное отношение к «торговой» теории (Балахванцев, Яблонский 2008: 36–37). На наш взгляд, она является глубоко неверной, по крайней мере, по двум причинам. Первое: говорить о существовании торгового пути между двумя регионами можно только в том случае, если у нас есть доказательства движения товаров пусть не в двух, но хотя бы в одном направлении. Однако в отличие от хорошо документированного в археологическом отношении торгового пути, связывавшего во времена Геродота Северное Причерноморье с Южным Уралом (по данным Т. Б. Барцевой [Барцева 1981: 92] доля южно-уральского и северо-казахстанского сырья в цветной металлообработке лесостепной зоны Левобережной Украины в V в. до н. э. достигала 36 % [см. также: Членова 1983: 49–51, 60]), нам неизвестны факты экспорта на территорию Ахеменидского Ирана южноуральского золота или продуктов хозяйства местных кочевников. Более того, трудно даже теоретически предположить, какие «эквиваленты население Урала могло отдавать в обмен на доставлявшиеся ему предметы роскоши» (Иессен 1952: 230). В раннем средневековье таким эквивалентом была пушнина, однако район концентрации находок наиболее престижных ахеменидских ценностей (долина реки Урал между Уральском и Орском) никогда не был центром пушного промысла. Еще менее вероятно, что кому-либо пришло в голову вывозить с Южного Приуралья в Иран овец, лошадей, кожи или кумыс: во-первых, такие же или аналогичные им товары имелись и в самом Иране; во-вторых, длительный путь по степям и пустыням, неизбежные потери в процессе перевозки привели бы к столь резкому удорожанию уцелевшего импорта, что он стал бы поистине «золотым». Второе: могли ли золотые браслеты и гривны, сосуды из драгоценных металлов, алабастр с именем Артаксеркса вообще быть объектами торговых сделок? Рассмотрим эти категории вещей по отдельности.

Браслеты и гривны. В Ахеменидском Иране золотые браслеты и гривны были символом знатности самого высокого ранга (Займаль 1979: 24) Здесь следует упомянуть свидетельство Ксенофонта, на важность которого в плане уяснения положения персидской знати обратил внимание П. Кальмайер (Calmeyer 1980: 57–58). Согласно греческому историку, еще Кир Великий ввел обычай, по которому знать должна все время находиться при царском дворе и быть готовой к выполнению любого распоряжения своего повелителя (Xen. Cyr. VIII. 1. 6–8). Браслеты и гривны носили одни мужчины. Обнаружено лишь одно погребение на акрополе Суз, считающееся женским, в погребальный инвентарь которого входила гривна (Forgotten Empire… 2005: 175, fig. 270), но пол усопшего остается неясным (Razmjou 2005: 174). По словам Ксенофонта (Xen. Anab. I. 5. 8), среди приближенных претендента на персидский трон Кира Младшего лишь самые знатные обладали гривнами (στρεπτούς) и браслетами (ψέλια). Наиболее доверенный человек из числа приближенных Кира Артапат, наряду с гривной и браслетами, носил еще и золотой акинак (Xen. Anab. I. 8. 29). По свидетельству Курция Руфа, золотые гривны (aureos torques) носили и гвардейцы ахеменидских царей — так называемые бессмертные (Curt. III. 3. 13). Очевидно, что браслеты и гривны, которые спартанские илоты сняли с тел убитых врагов после битвы при Платеях, в основном принадлежали именно «бессмертным» (Hdt. VIII. 113, IX. 80).

Браслеты и гривны являлись также своеобразными «орденами», которыми высшая власть награждала лиц либо чем-то действительно отличившихся, либо «заслуживших» их вследствие своего официального положения. Так, Кир Младший наряду с золотой уздой, золотым акинаком и персидским платьем пожаловал зависимому от персов царю Киликии Сиеннесию золотую гривну и браслеты, что считалось у Ахеменидов наиболее почетным даром (Xen. Anab. I. 2. 27). По сообщению Плутарха, Артаксеркс II высоко оценил заслуги убийцы Кира Митридата и наградил его золотым акинаком, гривной и браслетами (Plu. Art. 15. 2). Клавдий Элиан свидетельствует, что среди подарков иноземным послам обязательно присутствовали гривны и браслеты (Ael. VH. I. 22). Это настолько вошло в обычай, что когда Ксеркс захотел украсить полюбившийся ему платан, то он повесил на дерево гривны и браслеты (Ael. VH. II. 14).

Изобразительные памятники не только подтверждают, но и во многом дополняют информацию нарративных источников (Климова 2001: 184–186). Так, гривны и браслеты являются атрибутами многих представителей знати и воинов (Calmeyer 1980: 58; об иерархии изображенных в Персеполе фигур см.: Calmeyer 1991), на рельефах восточной и северной стороны ападаны (Roaf 1983: pls. XIV, *a*, *b*; XLVI, *b* — гривны; XXIV — браслеты и гривны; Forgotten Empire… 2005: 65–67, 68, fig. 22), центрального здания (Roaf 1983: pls. XXXIX; XLVI, *a* — гривны), а также построенных при Артаксерксе III западной лестницы дворца Дария I (Roaf 1983: pl. XLVI, *d* — гривна) и дворца самого Артаксеркса (Roaf 1983: pl. XLVI, *c* — гривна) в Персеполе. Браслеты изображены на статуе Дария I, обнаруженной в Сузах (Forgotten Empire… 2005: 99, fig. 88), и на происходящих оттуда же фигурах «бессмертных» (Forgotten Empire… 2005: 87, fig. 51; 88, fig. 52; благодаря тому, что изображения выполнены из глазурованных полихромных кирпичей, нет никаких сомнений в том, что браслеты были золотыми). Гривны и браслеты являются частью облачения Птахотепа — «начальника сокровищницы» в Египте при Дарии I (Rehm 1992: 84, 85, fig. 31; Forgotten Empire… 2005: 133, fig. 50). Мозаика из Дома Фавна в Помпеях, воспроизводящая картину Филоксена из Эретрии (конец IV в. до н. э.) «Битва Александра с Дарием», показывает нам, что и персидский царь, и один из его соратников (судя по сообщениям античных авторов, в походе и битве царя окружали знать, «бессмертные» и так называемые «родственники»: Curt. III. 3. 13–15, 11. 9–10; IV. 15. 28; Arr. Anab. III. 11. 5) носили гривны (Andreae 1977: abb. 2; 17).

Посуда из драгоценных металлов. Золотая и серебряная посуда, наряду с гривнами и браслетами, была непременным атрибутом жизни персидской аристократии, ее безусловным статусным символом. Так, Афиней свидетельствует, что тому, кого Великий царь лишал почестей, приходилось есть с глиняной посуды (Ath. XI. 464a). Посуда из драгоценных металлов обязательно входила в состав даров, которыми Ахемениды жаловали прибывавших к ним послов (Lys. XIX. 25; Ael. VH. I. 22). Очень важно, что эта практика засвидетельствована уже для V в. до н. э., по крайней мере, для его конца: именно к этому времени относится свидетельство афинского оратора Лисия. Щедрый дар Артаксеркса II одному греку включал в себя двадцать золотых и сто больших серебряных фиал, а также серебряные кратеры (Ath. II. 48f). Наконец, драгоценные сосуды дарились и другим лицам, оказавшим царю какие-нибудь услуги (Xen. Cyr. I. 3. 7; VIII. 2. 3–4, 6, 8; 3. 3, 33; 4. 24, 27; 5. 29; Plu. Art. 5. 1; Ael. VH. I. 32).

Естественно, что единственным источником такого рода статусных символов мог быть только Великий царь. Лишь он имел право жаловать их своим подданным или отбирать назад. Но тогда исключение символов знатности и отличия из сферы купли-продажи становилось непременным условием функционирования подобной системы: в противном случае их смог бы приобрести любой желающий, обладающий достаточными средствами.

Алабастр с именем Артаксеркса. Что же касается алебастрового сосуда из Орска (о нем см.: Савельева, Смирнов 1972: 106–108), то, несмотря на полное молчание наших источников о предметах такого рода, с позиции элементарной логики трудно представить, чтобы принадлежащая царю посуда продавалась на одном из базаров Вавилона, Суз или Экбатан.

Все это вместе взятое позволяет нам по-прежнему считать, что «наиболее вероятной причиной появления ахеменидских импортов на юге Урала является установление тесных военно-политических контактов между местными кочевниками и Ахеменидами» (Балахванцев, Яблонский 2008: 37). Попробуем уточнить характер этих контактов.

Некоторые исследователи полагают, что номады Южного Урала могли служить в качестве военных колонистов и наемников в гарнизонах Ахеменидской державы, и подкрепляют это предположение найденными в Персеполе бронзовыми наконечниками стрел такого же типа, что и в Южном Приуралье (Савельева, Смирнов 1972: 122). М. Ю. Трейстер, поддержав идею о гарнизонной службе сарматов, в том числе и в Персеполе, привел еще два довода: во-первых, возможное иранское происхождение круговой керамики, обнаруженной в курганах Южного Приуралья; во-вторых, находку на дне погребальной камеры кургана № 1 (Филипповка I) предмета (Золотые оле-

ни Евразии 2001: 76. № 17), имеющего аналог в Персеполе и относящегося, по его определению, к элементам парадного ахеменидского оружия и костюма (Трейстер 2010: 366–368). Однако, гипотеза о том, что Ахемениды использовали кочевников Южного Урала для гарнизонной службы в Иране, не кажется нам убедительной. Во-первых, фактически она не имеет под собой никакого обоснования. В самом деле, многие исследователи с большим сомнением относятся к возможности использования бронзовых наконечников стрел в качестве этнических маркеров (см., например: Muscarella 2006: 154–158). К тому же сам К. Ф. Смирнов отмечал наличие таких же наконечников у кочевников Семиречья и Хорезма (Савельева, Смирнов 1972: 122, прим. 73–74). Что же касается наблюдений, сделанных М. Ю. Трейстером, то они еще раз доказывают лишь контакты обитателей Южного Урала с ахеменидскими землями, но, разумеется, не могут сами по себе пролить свет на характер этих контактов. Во-вторых, сама идея комплектовать гарнизоны крепостей из кочевников кажется нам весьма странной: Ахемениды всегда использовали номадов как превосходную конницу. В-третьих, против «гарнизонной» теории говорит и сам характер наших находок. Как верно заметил М. Ю. Трейстер, их высокая стоимость и высочайший уровень исполнения предполагают *значимость* (выделено нами — *А. Б.*) службы «сарматов» для ахеменидского двора (Трейстер 2010: 365). Но эта *значимость* никак не согласуется с обыденной гарнизонной службой.

Другая группа исследователей воспринимает найденные на Урале ахеменидские престижные ценности в качестве трофеев и пытается определить, в ходе каких военных конфликтов они попали в руки сарматов. Так, Ю. М. Десятчиков считал, что дружины уральских кочевников вторглись в Иран в 60-е гг. IV в. до н. э., в ходе великого восстания сатрапов (Десятчиков 1979: 94–95). Н. Е. Берлизов связал появление ахеменидских импортов на Южном Урале с участием «сарматов» сначала в междоусобице Артаксеркса II и Кира Младшего, а затем — в войне Александра Македонского и Дария III (Берлизов 1997: 103).

Однако, любые предположения о походах уральских кочевников на территорию Ирана должны непременно соотноситься с датой отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: ведь все контакты последних с номадами Южного Урала могли идти только через Хорезм. Разумеется, теоретически можно предполагать, что прямые или опосредованные контакты Ахеменидского Ирана и южноуральских кочевников осуществлялись не только через Хорезм (Трейстер 2010: 368), но в таком случае исследователь не вправе ограничиться лишь голой декларацией и обязан, как минимум, предложить альтернативное объяснение и ответить на вопросы: где, когда и как происходили эти контакты. Нам уже приходилось формулировать свою точку зрения на датировку приобретения Хорезмом независимости. Напомним, что наиболее поздние упоминания хорезмийцев в качестве ахеменидских подданных относятся ко второй половине V в. до н. э. (Балахванцев 2006: 366). С другой стороны, анализ отношений Хорезма с Бессом, надеявшимся на хорезмийскую помощь, и Александром Македонским, признавшим за правителем страны царский титул, свидетельствует в пользу того, что между отпадением Хорезма и событиями 329–328 гг. до н. э. прошло очень много времени. Все это позволило нам предположить, что Хорезм стал независимым уже в конце V в. до н. э. (Балахванцев 2006: 371–373). Разумеется, мы далеки от того, чтобы дать точную дату отпадения Хорезма, мы также не можем полностью исключить возможность обретения страной независимости в начале IV в. до н. э., хотя последнее десятилетие V в. до н. э., когда произошли восстания в Мидии и Египте, кажется наиболее подходящим периодом.

Таким образом, по нашему мнению, кочевники Южного Урала просто физически не могли воевать на территории Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии в 60-х гг. IV в. до н. э., как это предполагал Ю. М. Десятчиков (1979: 94). Мы должны признать, что спорить с гипотезой Ю. М. Десятчикова трудно, но не из-за весомости приводимых им аргументов, а из-за их полного отсутствия. Следует, тем не менее, заметить: утверждение автора о продвижении сираков, вышедших из среды «царских даев», до Восточной Анатолии предполагает, что в 60-х гг. IV в. до н. э. ахеменидское государство подверглось вторжению, сопоставимому по своим масштабам с нашествием турок-сельджуков во второй половине XI в. Очень странно, что греческие источники

(Исократ и др.), которые так тщательно фиксировали все признаки ослабления былого персидского могущества (восстания сатрапов), ничего подобного не заметили. Что же касается гипотезы Н. Е. Берлизова, то она не только не находит опоры в источниках, но и прямо им противоречит. В самом деле, в сравнении с другими эпизодами внутриполитической борьбы в Иране, попытка Кира Младшего в 401 г. до н. э. захватить трон освещена с почти исчерпывающей полнотой. Однако ни участник похода Кира Ксенофонт, ни более поздние авторы Диодор и Плутарх ни словом не упоминают о присутствии каких-либо «саков» или «скифов» в армии Артаксеркса II. К тому же, между началом мятежа весной 401 г. до н. э. и решающей битвой при Кунаксе 3 сентября 401 г. до н. э. у царя было слишком мало времени для того, чтобы просить и, главное, успеть получить помощь с берегов Урала.

Какое же событие в рамках иранской истории V в. до н. э. могло привести к появлению ахеменидских импортов на Южном Урале? Какая смертельная опасность вынудила Великого царя, располагавшего фактически неисчислимыми людскими ресурсами, прибегнуть к услугам наемников из числа живших за пределами его державы кочевников и так щедро вознаградить их? Представляется, что таким событием, не вступая в противоречие с фактами и логикой, можно признать только египетское восстание 460–454 гг. до н. э. Обратимся к фактам.

В июне 465 г. до н. э. был убит Ксеркс I (Walker 1997: 21) и на престол Ахеменидов взошел его сын Артаксеркс I (465–424 гг. до н. э.). Однако претензии на трон предъявил другой сын Ксеркса — Виштаспа, стоявший во главе сатрапии Бактрия. Виштаспа восстал и царю удалось подавить мятеж лишь ценой огромных усилий (Ctes. FGrH 688 F 14. 35; Plu. Them. 31. 2; Дандамаев 1985: 177; Briant 2002: 570). Именно в этот период, когда персидское государство было серьезно ослаблено (Diod. XI. 71. 3), вспыхнуло восстание в Египте (в литературе приводятся различные даты начала восстания; см.: Дандамаев 1985: 179 — 460 г. до н. э.; Ray 1988: 276 — 463–462 гг. до н. э.; Kuhrt 2008: 319 — 464/3 гг. до н. э.). Вставший во главе восстания ливиец Инар и, действовавший совместно с ним саисец Амиртей, сначала овладели Дельтой, а затем и всем Нижним Египтом (Th. I. 104. 1). На подавлении восстания выступил сатрап Египта Ахемен, сын Дария I. Однако Инару удалось наголову разбить персидскую армию в битве при Папремисе в 460 г. до н. э., а сам Ахемен был убит (Hdt. III. 12. 4; VII. 7). Окрыленные своими успехами, восставшие заключили союз с Афинами, которые в то время действовали против Кипра. В 459 г. до н. э. в Египет прибыла афинская эскадра в составе двухсот кораблей. Египтяне и афиняне захватили столицу сатрапии — Мемфис и приступили к осаде его цитадели — «Белых стен», где укрылись остатки персидских войск (Th. I. 104. 1–2; Diod. XI. 71. 3–6, 74).

Положение в Египте становилось для Артаксеркса критическим: находившиеся в «Белых стенах» персы не могли своими силами не только подавить восстание, но даже заставить восставших снять осаду. Расположенные в Верхнем Египте персидские гарнизоны не предпринимали против Инара никаких действий и были явно не прочь стать добычей победителя. В этой ситуации Артаксеркс принял идущее вразрез с ахеменидской практикой решение: он отправил в Спарту посольство с большой суммой денег, чтобы подтолкнуть Пелопонесский союз к вторжению в Аттику и вынудить афинян уйти из Египта (Th. I. 109. 2; Diod. XI. 74). Возникает вопрос: почему вместо формирования и отправки в Египет карательной армии, царь прибегнул к дипломатии? Представляется, что его действия были обусловлены последствиями восстания в Бактрии. Дело в том, что сатрапу Бактрии подчинялись еще и амюргийские саки (Hdt. VII. 64; IX. 113), которые обычно отождествляются с упоминаемыми в персидских надписях саками-хаумаварга, жившими в восточных районах Средней Азии (см.: Доватур и др. 1982: 392, 394). Бактрийцы и саки считались в числе лучших персидских воинов (Hdt. VIII. 113). Но Артаксеркс не решился вручить судьбу своей империи вчерашним мятежникам. И когда надежды на спартанское вмешательство рухнули (Th. I. 109. 3; Diod. XI. 74), а собственных ресурсов, несмотря на все предпринимаемые меры (Plu. Them. 31. 2–3), явно недоставало, царю пришлось прибегнуть к помощи уральских кочевников.

Жившие в долине р. Урал номады, в том числе — дахи (даи), попали в поле зрения Ахеменидов, благодаря своим ежегодным меридиональным перекочевкам: весну и лето кочевники проводили на пастбищах Южного Урала, а осень и зиму — в богатых кормами западных районах Присарыкамышской дельты Амударьи на границах Хорезма (Ягодин и др. 1978: 290; Вайнберг 1992: 116). Ксеркс в «Антидэвовской надписи» (Kent 1950. P. 151) даже упоминает дахов в числе подчиненных ему народов, но это явное искажение действительности. Получив подарки и обещание еще больших милостей, вожди кочевников, как мы предполагаем, согласились помочь царю. Их дружины приняли участие в карательном походе персидской армии под командованием Мегабиза (Багабухши) в Египет. В 456 г. до н. э. Мегабиз разбил Инара, заставил восставших вместе с афинянами бежать на остров Просопитиду в Дельте и после долгой осады в 454 г. до н. э. захватил его. Большинство воинов погибло, Инар был казнен, и лишь Амиртей сумел сохранить свою независимость от персов (Th. I. 109. 4, 110; Isoc. VIII. 86; Diod. XI. 77. 1–5).

Вожди уральских кочевников были щедро вознаграждены Артаксерксом за оказанную помощь. Кроме того, в руки воинов попала крупная военная добыча. На наш взгляд, предметы именно этого происхождения составляют основную часть ахеменидских импортов, найденных на Южном Урале. После отпадения Хорезма, если не раньше, поступление ахеменидских вещей должно было прекратиться, поскольку для второй половины V в. до н. э., после подавления восстания в Египте (454 г. до н. э.) и заключения Каллиева мира с афинянами и их союзниками (449 г. до н. э.), мы ничего не знаем о крупных военных предприятиях ахеменидских царей, которые бы требовали привлечения больших масс наемников. Такая ситуация с неизбежностью вела к потере Артаксерксом I и его сыном Дарием II интереса к поддержанию контактов с номадами Южного Урала. Новые поступления ахеменидских вещей в южноуральские степи можно отнести к периоду уже после падения Ахеменидов (330 г. до н. э.) и вторжения в Среднюю Азию войск Александра Македонского.

Акбулатов 1999 — *Акбулатов И. М.* Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа, 1999.

Балахванцев 2006 — *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. 2006. Т. 2 (27). С. 365–375.

Балахванцев, Яблонский 2006 — *Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т.* Серебряная чаша из Прохоровки // Российская археология. 2006. № 1. С. 98–106.

Балахванцев, Яблонский 2007 — *Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // Российская археология. 2007. № 1. С. 143–149.

Балахванцев, Яблонский 2008 — *Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т.* Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы междунар. научн. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 29–38.

Барцева 1981 — *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.

Безруков 2005 — *Безруков А. В.* К вопросу о характере взаимоотношений кочевников Южного Приуралья и Ахеменидского Ирана в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. Т. 15. С. 119–121.

Берлизов 1997 — *Берлизов Н. Е.* К интерпретации ахеменидского импорта в раннепрохоровских погребениях // STRATUM + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 101–105.

Вайнберг 1992 — *Вайнберг Б. И.* Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 116–122 (Археология СССР).

Гуцалов 2003 — *Гуцалов С. Ю.* Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н. э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1. С. 180–188.

Гуцалов 2009 — *Гуцалов С. Ю.* Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н. э. // ВДИ. 2009. № 2. С. 182–192.

Дандамаев 1985 — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дандамаев, Луконин 1980 — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Десятчиков 1979 — *Десятчиков О. М.* Дахи и держава Ахеменидов // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1979. С. 94–95.

Доватур и др. 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Иессен 1952 — *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. № 16. С. 206–231.

Зеймаль 1979 — *Зеймаль Е. В.* Введение // Амударьинский клад. Каталог. Л., 1979. С. 10–32.

Золотые олени Евразии 2001 — Золотые олени Евразии. Государственный Эрмитаж: Каталог. СПб., 2001.

Сокровища сарматских вождей… 2008 — Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008.

Климова 2000 — *Климова Л. О.* Иранская гривна в изображении в I тыс. до н. э. // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 2000. С. 184–191.

Мошкова 1981 — *Мошкова М. Г.* Комплекс находок с ритоном из Уральской области // СА. 1981. № 4. С. 171 –185.

Савельева, Смирнов 1972 — *Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3. С. 106–122.

Скрипкин 2003 — *Скрипкин А. С.* К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3. С. 194–203.

Трейстер 2010 — *Трейстер М. Ю.* Серебряный ритон и золотая гривна из Ново-Кумакского кургана № 1/1971 // Археология и палеоантропология Северной Евразии. М., 2010. С. 351–373.

Членова 1983 — *Членова Н. Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 47–66.

Яблонский, Мещеряков 2007 — *Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В.* Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. 2007. № 2. С. 55–62.

Ягодин и др. 1978 — *Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б., Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю.* Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Andreae 1977 — *Andreae B.* Das Alexandermosaik aus Pompeji. Recklinghausen, 1977.

Briant 2002 — *Briant P.* From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire. Winona Lake, Indiana, 2002.

Calmeyer 1980 — *Calmeyer P.* Textual Sources for the Interpretation of Achaemenian Palace Decorations // Iran. 1980. Vol. 18. P. 55–63.

Calmeyer 1991 — *Calmeyer P.* Zur Darstellung von Standesunterschieden in Persepolis // AMI. 1991. Bd 24. S. 35–53.

Forgotten Empire… 2005 — Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. London, 2005.

Kent 1950 — *Kent R. G.* Old Persian. Grammar, texts, lexicon. New Haven, 1950.

Kuhrt 2008 — *Kuhrt A.* The Persian Empire. London; New York, 2008.

Muscarella 2006 — *Muscarella O. W.* Bronze Socketed Arrowheads and Ethnic Attribution // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. New York, 2006. P. 154–159.

Ray 1988 — *Ray J. D.* Egypt 525–404 B.C. // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1988. Vol. 4. P. 254–286.

Razmjou 2005 — *Razmjou S.* Religion and Burial Customs // Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. London, 2005. P. 150–180.

Rehm 1992 — *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden. Münster, 1992.

Roaf 1983 — *Roaf M.* Sculptures and Sculptors at Persepolis // Iran. 1983. Vol. 21.

Schmitt 2001 — *Schmitt R.* Eine weitere Alabaster-Vase mit Artaxerxes-Inschrift // AMIT. 2001. Bd 33. S. 191–201.

Walker 1997 — *Walker C.* Achaemenid Chronology and the Babylonian Sources // Mesopotamia and Iran in the Persian period: Conquest and Imperialism 539–331 BC. London, 1997. P. 26–34.

Н. Бандривский (Львов, Украина)

Костяные навершия псалиев из Среднего Приднестровья: особенности стиля и проблема интерпретации

В последнее время в среднеднестровской (западноподольской) группе раннескифского времени обнаружено несколько новых предметов, которые исполнены в своеобразной художественной манере, называемой «звериным стилем».

Однако, с моей точки зрения, к так называемому звериному стилю нельзя относить изображения птиц, рыб и других существ, например, змей или зверей «скомпонованных» из частей тел других существ. И куда можно причислить растительные и геометрические орнаменты, которые часто представляют собой неразрывное целое с изображениями в «зверином стиле»? Предполагаю, что термин «звериный стиль» чисто механически перенесли с изображений, выполненных в другом материале (петроглифы, оленные камни), в которых действительно преобладает тема «зверя», в совершенно иную, автохтонную в своей основе, среду украинской степи и лесостепи. В этих регионах генезис образного восприятия и передачи окружающего мира в произведениях искусства имел иные глубоко укоренившиеся традиции. Поэтому, в данной работе, интерпретируя вещи с изображениями живых существ, я буду пользоваться термином «образотворческая традиция».

Накопленный на сегодняшний день материал по упомянутой выше среднеднестровской группе, включая предметы из предвоенных раскопок, дают возможность сделать первые предположения о том разнообразии вещей, которые являются здесь носителями образотворческих традиций. В данной статье рассмотрим лишь такие специфические предметы, как, например, выполненные в виде грифообразной головки с бараньими рогами костяные/роговые навершия псалиев раннего железного века западной части украинской лесостепи (Среднее Приднестровье).

Одной из наиболее презентабельных находок этого рода в Среднем Приднестровье является костяное (роговое?) навершие псалия из Нивры, характеризующееся изысканным вкусом и образной завершенностью (рис. 1, *1*). Размеры навершия — 3,3 х 2,9 см, его поверхность старательно зашлифована. Навершие оформлено в виде головки грифа с бараньими рогами. Мы полагаем, что на псалиях из Нивры и Залесья (см. ниже) изображен профиль головы черного грифа (Aegupius monachus), который является самой большой птицей не только азиатских, но и южно-европейских просторов. Эта птица, размах крыльев которой достигает 2,5 м, встречается не только на Балканах, но и в более северных широтах: в Словении, Румынии (Добруджа, Трансильвания и Южная Буковина), Молдавии (Бессарабия) и Украине (Северная Буковина), т. е. и на территории распространения памятников среднеднестровской группы. Перед рогами изображен большой загнутый книзу клюв. Последний с двух сторон украшен глубокими врезными линиями, концы которых возле надклювья раздваиваются в виде «ласточкина хвоста» (рис. 1, *1*). У птицы моделированы большие круглые глаза с точками-зрачками. Бараньи рога огибают глаза снизу, начиная от затылка. Концы поднятых вверх рогов оформлены в виде реалистично моделированных копытец (по-украински, ратиц). Лучше сохранившеся рог украшен густой сеточкой точек (?), имитирующей гофрированную поверхность настоящего бараньего рога. Поверхность другого рога очень стерта. Данный факт может свидетельствовать о том, что именно этой стороной псалий был прижат к морде коня (Бандрівський, Сохацький 1995; Бандрівський 1996а; 1996б). Нижняя часть навершия представляет собой овальную в плане втулку с круглым глухим отверстием внизу. На нижнем краю стенки втулки имеется маленькое сквозное отверстие, а напротив его (но с внутренней стороны втулки), глухое отверстие для закрепления в нем штифта с помощью которого навершие фиксировали на стержне псалия.

В предыдущих работах я относил рассматриваемое навершие к этапу 2 раннескифской культуры и датировал его примерно второй четвертью VII в. до н. э. (Бандрівський 1996б; 2010а).

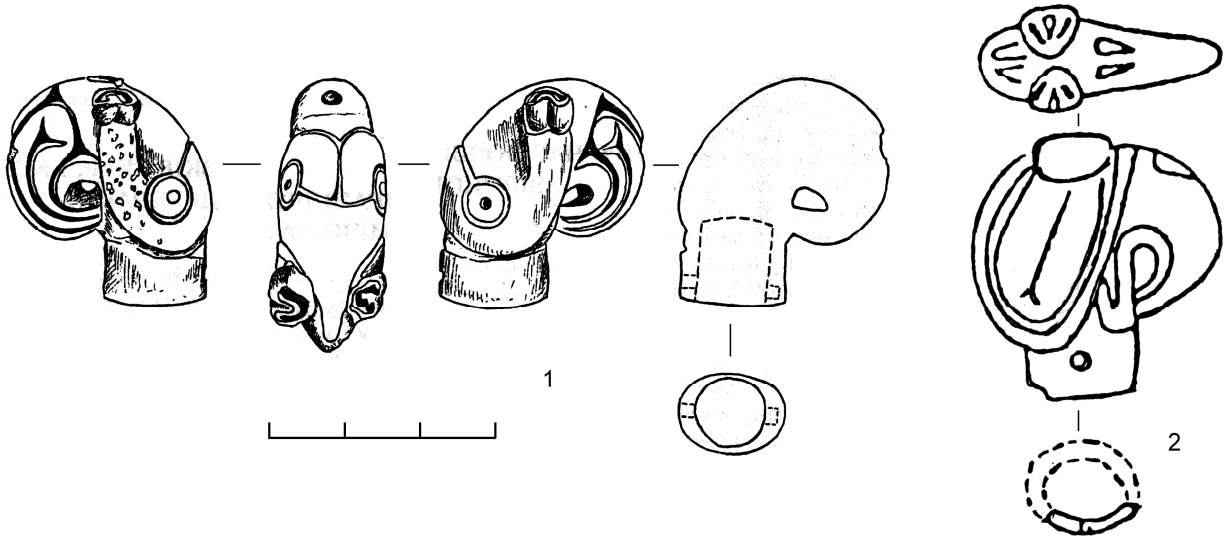

Рис. 1. Костяные навершия псалий из Борщивского р-на Тернопольской обл. Украины:
1 — навершие из Нивры; 2 — навершие из Залесья (по Могилов 2008)

Схожие навершия, которые происходят в основном из Предкавказья, имеют очень близкую схему изображения: доминирующий хищно поднятый клюв, глаз и дугообразно огибающий его снизу бараний рог, который верхним концом чуть выступает над уровнем клюва. На этом сходство между навершием из Нивры и предкавказскими находками почти исчерпывается.

Перехожу к рассмотрению тех иконографических элементов или, вернее, образных носителей, которые выделяют ниврский экземпляр из круга похожих на него изделий. Во-первых, ни на одном из опубликованных наверший, кроме ниврского, нет дополнительных линий, прочерченных в виде полудуг над глазами изображаемого существа и соединяющих их (рис. 1, *1*).

Во-вторых, ни одно из до сих пор известных изделий подобного рода не заканчивалось бараньими копытцами (ратицами). По моему мнению, А. Канторович ошибается, называя их «копытами» (2007: 243, 251, рис. 2, *13*). Копыто является символом коня, тогда как копытце (ратиця) на ниврском навершии подчеркивает наличие иной идеи, символизирующей именно барана. Изображения коней и протом этого животного принадлежит, скорее всего, к образотворческой традиции, которая была автохтонной для украинской лесостепи и которая по времени могла предшествовать появлению изображений грифообразной головки. Является ли наличие бараньих копытец (ратиц) на навершии из Нивры хронологическим или локальным признаком, покажут будущие исследования. Сегодня же, учитывая то, что на нижних торцах предкелермесских псалий имеются изображения копыт, хотя в отдельных случаях представлены и изображения копытец (ратиц), можно лишь предположить, что изображения последних на навершиях псалий, представляют собой свидетельство в пользу их ранней датировки. Во времена бытования наверший, найденных в погребении № 2 Репяхуватой Могилы (Ильинская, Тереножкин 1983: 248), в кургане 1-В Келермеса (Галанина 2006: 55, ил.72–73) а также в кургане 5 Новозаведенное, эту деталь, возможно, уже являвшуюся тогда явным анахронизмом, не воспроизводили.

Третьим признаком, который, отличает навершие из Нивры от схожих с ним экземпляров, характерных для украинской лесостепи и Передней Азии, является своеобразная манера моделировки гофрированной поверхности бараньего рога. Отмечу, что именно на переднеазиатских костяных распределителях ремней, сделанных в виде грифообразной головки (Норшун-Тепе), поверхность загнутых вверх бараньих рогов гофрирована чередой параллельных линий (Иванчик 2001: рис. 4, *8а–8б*).

Четвертым характерным признаком ниврской находки служит своеобразная манера передачи врезных линий, которые имитируют щель клюва грифа, и окончания которых имеет вид «лас-

точкина хвоста». Единственной аналогией такой стилистической манере, является пара костяных распределителей ремней из Келермеса: курганы 1-В, 2-В (Галанина 1997).

Пятый признак, отличающий ниврскую находку от похожих на нее изделий из других регионов — отверстие для штифта-фиксатора, которое сверлили не с профильной стороны втулки навершия, как почти у всех известных на сегодня экземплярах, а на задней, тыльной стороне поделки под затылком грифообразной головки (рис. 1, *1*).

Этот далеко не полный перечень характерных признаков навершия псалия из Нивры доказывает, что данная вещь не могла быть доставлена извне в Среднее Приднестровье, поскольку она отличается несколькими иконографическими элементами, которые не имеют прототипов ни в Предкавказье, ни в Передней Азии. В свою очередь это дает основания предполагать, что навершия псалиев украинской лесостепи и похожие на них предкавказские изделия могли иметь в качестве прототипа единый канонический образец, который на разных территориях имел различную моделировку.

Еще одно костяное навершие псалия происходит из с. Залесье Борщивского р-на Тернопольськой обл. Этот экземпляр, хранящийся в Национальном музее истории Украины, был найден во время раскопок О. Ганиной. Он недавно был опубликован (Могилов 2008: 29, 271, рис. 56, *23*). Навершие изображает стилизованную грифообразную головку с высоким сжатым с двух сторон клювом и двумя прямыми, как я предполагаю, бычьими рогами, которые наклонно поднимаются с затылочной части вверх, закрывая собой глаза птицы (рис. 1, *2*). Окончания обоих рогов, которые чуть выступают над ее головой, оканчиваются двумя копытцами (ратицами). Нижняя часть головы переходит в несколько поврежденную круглую втулку, в боковой стороне которой находится маленькое сквозное отверстие для фиксации в нем штифта. С его помощью навершие крепилось к верхней части деревянного псалия. Высота изделия из с. Залесье — 3,6 см, ширина — 3,4 см, толщина копытец (ратиц) — 1,5 см. По сравнению с ниврским экземпляром, навершие из Залесья менее реалистично (рис. 1, *2*).

Оба среднеднестровских изделия, обладающие более массивной головкой, отличаются от предкавказских находок, которые имеют приземистую, приплюснутую головку (Новозаведенное, курганы 5 и 14; Келермес, курган В; Галанина 1997). Кроме того, изображения рогов на навершиях из Нивры и Залесья более массивны, причем на обоих экземплярах рога оканчиваются моделированными вверху бараньими копытцами (ратицами), которые имеют в плане подтреугольную форму и направлены вершинами к центру головки птицы (рис. 1, *2*).

Навершия из Нивры и Залесья конструктивно сходны, однако на последнем изображении отсутствуют глаза, что могло быть продиктовано потребностями культа того времени. В связи с этим вспомним полное отсутствие изображений глаз на всех четырех прорезных зооморфных навершиях из кургана Коцюбинчики-2 (Бандрівський 2009а: 216–219, рис. 1–4; 2009б; Бандривский 2009: 33, рис. 3; 34, рис. 4). Впрочем, и на более ранних местных изделиях (зооморфные фибулы из Михалковского клада) глаза у зверей также не выделены, а на их месте, как и по всему телу, раскиданы большие и маленькие «солярные» медальоны, причем в большие медальоны вписаны по три утиные (?) головки. Возможно, отказ от изображения глаз был обусловлен верой в то, что их моделировка могла причинить вред мистической сути наверший (или других предметов), и они перестали бы защищать своего хозяина, т. е. утратили бы апотропеическую функцию. Вероятно, поэтому и сформировался образ грифообразной головки с охватывающими ее глаза бараньими рогами, которые служили своеобразным оберегом. Если это предположение верно, то не исключено сужение района поисков праобраза так называемого «грифо-барана». Кроме вера в мистическую силу изображаемых глаз, которые требовали дополнительной «защиты» (в данном случае в виде бараньих рогов), является чуждой для ирано-кочевнической среды, зато хорошо известна в культурах гальштаттского мира Центральной Европы.

На экземпляре из Залесья в верхней части надклювья птицы показаны две параллельно размещенных щели (рис. 1, *2*), которые имеются на клюве настоящего грифа и которые, отсутствуют

на ниврском навершии. Двумя черточками на залесьевском изделии имитирован чубчик на темени этой хищной птицы. Что же касается рогов, то они, по всей вероятности, не бараньи, а бычьи. Древний художник, не желая изображать глаза грифа, «закрыл» их изображением выпрямленного бычьего рога (рис. 1, *2*). Чтобы подчеркнуть, что речь идет о более прямом роге быка, художник прочертил вдоль его выпуклой поверхности дополнительную прямую линию. То, что здесь изображен именно рог быка, подтверждает и его чрезмерная толщина, которой нет у рогов других парнокопытных. В целом, все детали навершия указывает на местное изготовление экземпляра из Залесья, творец которого использовал в работе образотворческие традиции, сложившиеся в украинской лесостепи.

Время изготовления залесьевского и ниврского наверший вероятнее всего падает на вторую четверть VII в. до н. э. (Бандривський 2010б: 79, табл. 2), что в центральноевропейской схеме периодизации соответствует позднему гальштатту С2 (Trachsil 2004). Поскольку за пределами исследуемого региона нет аналогий рассматриваемому типу наверший псалиев, напрашивается предположение о том, что образ грифообразной головки с рогами возле/вместо глаз использовался лишь в лесостепной зоне Северного Причерноморья и непосредственно связан с религией и миропониманием местного оседлого населения, в частности, его элиты. Вопрос о причинах появления этого типа навершия или его коренной трансформации именно в северопонтийском регионе проясняется, если вспомнить, что наиболее ранние изображения грифообразных головок с рогами появляются не позднее второй четверти VII в. до н. э., что совпадает во времени с активизацией в Передней Азии выходцев из северопонтийского региона. Принимая во внимание сообщение Эсхила о грифах как о «птицеклювых собаках Зевса» в его сочинении «Прометей» (803) написанном в 444–443 гг. до н. э. (Эсхил 1971), а также объяснение Геродота, что «на скифском языке Зевс — это Папай», что значит «Отец» (Hrd. IV, 59; Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 121, прим. 382; 296), можно предположить, что в военных подразделениях, которые совершали набеги на Урарту, Ассирию и другие государства того времени, прослойка старших воинских чинов могла отождествлять себя именно с такими верными «птицеклювыми псами» верховного божества, от которого зависело их благополучие в походах. Здесь уместно напомнить, что этимология имени «Колаксай», который был внуком Зевса/Папая, означает «повелитель молодых собак». Несколькими столетиями позднее Валерий Флакк также писал о том, что «Колаксай — сын Юпитера» (Латышев 1949: Флакк Валерий. Аргонавтика VI. 621–656, 60–65).

Чрезвычайно эффектное, но до сегодняшнего дня так детально и не представленное в научной литературе бронзовое навершие (Лысая Гора в окрестностях Днепродзержинска) с изображением оголенной фигуры божества в окружении грифообразных птиц и 16 фигурок собак/волков, может быть использовано как одно из доказательств правомерности отождествления собак/волков и хищных птиц с культом бога Папая.

Эти «молодые собаки», как предполагает Ю. Колосовская (1982: 52), дали название всему племени сколотов. Таким образом, есть основания считать, что многочисленная серия костяных/роговых наверший на псалиях и распределителей ремней конской упряжи, на которых изображена грифообразная головка с рогами могла не только использоваться в боях и походах старшим офицерским составом, но, видимо, была и зримым признаком принадлежности данного воина к привилегированной прослойке всаднической аристократии. Последняя, пребывая под покровительством самого Папая и входя в его свиту, почти полстолетия оставалась одним из наиболее боеспособных военных подразделений во всем припонтийском регионе.

Бандривский 2009 — *Бандривский Н.* Коцюбинчики-2 — новый памятник эпохи скифской архаики в Среднем Приднестровье (предварительное сообщение) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы Междунар. научн. конф. СПб., 2009. № 9. С. 31–38.

Бандрівський 1996а — *Бандрівський М.* Зразки скіфського звіриного стилю з Західної України // Україна в минулому. Київ; Львів, 1996. Вип. 8. С. 64–77.

Бандрівський 1996б — *Бандрівський М.* Про час появи найраніших зразків скіфського звіриного стилю на заході України // Більське городище в контексті вивчення памяток раннього залізного віку Европи. Збірник наукових праць. Полтава, 1996. С. 345–352.

Бандрівський 2009а — *Бандрівський М. С.* Елементи церемоніальної колісниці VII ст. до нар. Хр. на Тернопільщині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2009. Вип. 13. С. 215–233.

Бандрівський 2009б — *Бандрівський М.* Святилище Ареса в Коцюбинчиках на Західному Поділлі в контексті егейських впливів на пантеон царства сколотів // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2009. Вип. 13. С. 113–126.

Бандрівський 2010а — *Бандрівський М. С.* Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу в VII–на початку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Изобразительное искусство в археологическом наследии: Археологический альманах. Донецк, 2010. № 21. С 146–148.

Бандрівський 2010б — *Бандрівський М.* Пам'ятки середньо дністровської (західноподільської) групи ранньозалізного віку в центральноєвропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2010. Вип. 14. С. 76–113.

Бандрівський, Сохацький 1995 — *Бандрівський М., Сохацький М.* Кістяне навершя ранньоскіфського псалія з Ніври на Західному Поділлі // Літопис Борщівщини. Борщів, 1995. Вип. 7. С. 3–6.

Галанина 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Галанина 2006 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа (Келермесские курганы). СПб., 2006.

Доватур, Каллистов, Шишова 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.

Иванчик 2001 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Канторович 2007 — *Канторович А.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой. М., 2007. С. 235–257.

Колосовская 1982 — *Колосовская Ю.* Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. 1982. № 4. С. 47–69.

Латышев 1949 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2. С. 839–924.

Могилов 2008 — *Могилов О.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Камянець-Подільський, 2008.

Эсхил 1971 — *Эсхил.* Трагедии. М., 1971.

Trachsel 2004 — *Trachsel M.* Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit. Bonn, 2004.

Богомолов Г. И. (Ташкент, Узбекистан)

К дискуссии о начальных процессах урбанизации Чача

Трудно оценить огромный вклад А. Н. Бернштама в изучение кочевых и оседло-земледельческих культур северных областей Центральной Азии, в том числе и бассейна Средней Сырдарьи. В изучении многих вопросов он был первопроходцем. Его работы в той или иной степени стали опорной базой практически всех современных исследователей в изучении этнических процессов на территории Киргизии, Казахстана и Узбекистана, а также материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения этих стран.

Вторая половина I тыс. до н. э.–первые века I тыс. н. э. являются одним из переломных периодов в истории Ташкентского оазиса. Именно в это время происходят важные этнические и эко-

номические процессы, которые с одной стороны, были отголосками более широких территориально-масштабных процессов, связанных с консолидацией кочевников, их перемещениями на восток и на юг и с возникновением государства Кангюй, а с другой стороны — способствовали появлению оседлого населения, и как следствие — формированию и развитию городской культуры оазиса. Ранее считалось, что урбанизация Чача была следствием согдийского культурного влияния, причем определенным импульсом этого процесса послужили походы Александра Македонского, в результате которых часть согдийцев нашла приют на севере, за Сырдарьей, хотя не исключено, что небольшие группы согдийцев могли появиться здесь и раньше, занимаясь ремесленной и торговой деятельностью. Поэтому нет достаточных оснований объяснять появление согдийской керамики переселением на Среднюю Сырдарью с юга больших масс населения. Скорее следует говорить о культурной интеграции, которая была подстегнута совместной борьбой с Александром Македонским и его наместниками, а затем заморожена продвижениями кочевников в III–II вв. до н. э. Считается, что правильная планировка ранних городских центров тоже обусловлена согдийским влиянием, так как впервые они появились на границе с Согдом, в отличие от поселений аморфной формы в глубине оазиса (Буряков, Кошеленко 1985: 298). Ярким примером такого города, сложившимся под воздействием эллинистическо-согдийских традиций, считалось городище Канка — крупнейший городской центр и столица региона на протяжении длительного времени.

Однако в последнее время все чаще проводится тезис о том, что истоки урбанизации региона следует искать на севере, в низовьях Сырдарьи, причем предполагается, что Канка оставалась единственным городским центром в III–II вв. до н. э., и античная согдийская культура не получила в Ташкентском оазисе своего дальнейшего развития. Более того, сюда с севера и востока проникают новые этнические группы (Буряков 2007: 6). Их появление было следствием общей аридизации климата в конце III–II вв. до н. э., что проявилось в сокращение водного баланса крупных рек и водоемов. А это в свою очередь вызвало обострение борьбы за пастбища в северных и восточных регионах Центральной Азии и привело к вторжениям в оазисы кочевников и миграции оседлого населения из низовий Сырдарьи. В Ташкентском оазисе активно оседает масса населения с культурой земледельческо-скотоводческого типа, получившей название каунчинской. Для нее характерны архитектурные традиции, присущие северным областям Центральной Азии, в том числе и элементы урбанизации (Буряков 2008: 74–75). Последнюю фразу следует понимать как осторожный намек на то, что каунчинцы пришли в Чач из низовий Сырдарьи.

Именно такую позицию отстаивает М. И. Филанович. По ее мнению, после того как ранняя волна кочевников, пришедшая в Ташкентский оазис, положила конец поселениям бургулюкцев, а затем покатилась дальше на юг, в Согд и до среднего течения Амударьи, в Чаче появились выходцы из оазисов нижнего течения Сырдарьи (чирикрабатская культура), которые стали подлинными строителями городов. Они принесли с собой навыки строительства из кирпича и пахсы. Примером этого являются такие памятники как Канка и Шаштепа (Филанович 2001: 13).

Однако следует отметить три обстоятельства. Во-первых, в расположенных к северу от Чача оазисах долинах Арыси, Отрара, Шымкента и Туркестана оседло-земледельческие поселения начинают складываться лишь с рубежа нашей эры или в последние века до нашей эры. Таким образом, на севере происходили те же процессы, что и в Ташкентском оазисе. Во-вторых, изучение нижних строительных горизонтов городища Канка, которое территориально лежит ближе к Сырдарье, чем Шаштепа, показывает отсутствие каких-либо чирикрабатских материалов, а строительные приемы, материалы и формы сооружений обнаруживают аналогии в Согде. В-третьих, Канка и Шаштепа — это совершенно различные памятники. Первый из них является городом, а второй — периферийным поселком на протяжении практически всей истории своего существования. Первоначально это был небольшой поселок бургулюкской культуры, на его оплывших руинах возникает кочевнический могильник, над которым спустя какое-то время было возведено здание оригинальной крестообразной планировки, окруженное кольцевой стеной. Размеры и планировка, а также характер культурных отложений этого сооружения позволяют видеть в нем не «temple-

town», а один из типов укрепленной сельской усадьбы, вокруг которой позже вырастает жилая застройка.

По мнению М. И. Филанович, новую волну населения, пришедшего в Ташкентский оазис, составляли даи-дахи. Обитая на севере в степях Западного Казахстана и Приуралья, часть дахов в III в. до н. э. ушла в Причерноморскую Скифию. Это движение, как считает М. И. Филанович, выплеснуло на Дон первые волны сармат (в том числе тех, кто оставил захоронения с пряжками, на которых изображен лежащий верблюд, причем эти пряжки подобны экземпляру, найденному на Шаштепа в Чаче). Другая часть сармат перемещается вдоль Сырдарьи (именно они оставили могильник на Шаштепа; Филанович 2008: 68) и, в конечном счете, расселяется на средней Амударье (Бабашовский могильник; Филанович 2010: 94–96), где они также оставляют погребения с вышеупомянутыми пряжками. Вместе с тем накапливание племен кочевников в зоне Сырдарьи сопровождается их инфильтрацией на юг. Из района среднего течения Сырдарьи они продвигаются через Самаркандский Согд, оставив свои захоронения в могильниках долины Заравшана и первичные погребения на Коктепа. Их действия привели к опустошению эллинистического Самарканда и к захвату правобережья Амударьи, в чем они опередили юечжей, «наводнивших правобережье во II в. до н. э.» (Филанович 2008: 68–69).

Таким образом, получается, что массы кочевников в III–I вв. до н. э. сначала из-за нехватки пастбищ концентрируются на Средней Сырдарье, затем продвигаются на юг в зону земель, освоенных богатым, но слабо организованным в военном плане оседлым населением, которое в это же время допускает на свои земли дахов или чирикрабатцев из низовий Сырдарьи, давших импульс новой оседло-земледельческой культуре.

Однако остается неясным, в чем же собственно выражается чирикрабатское воздействие, если подлинно чирикрабатских вещей в Ташкентском оазисе пока не обнаружено. В реальности такая миграция не подтверждается археологическими материалами. Между каунчинской и чирикрабатской культурами нет ничего общего, кроме сближающего их архаично-варварского облика, порожденного схожей природной средой и возможностями экономического уклада. Отличительной чертой расселения чирикрабатцев является преобладание оазисов, состоящих из неукрепленных поселений. То же, в принципе, наблюдается у каунчинцев, которые стремились максимально использовать естественные условия местности, устраивая поселения на выступающих мысах или возвышенных участков береговых террас. Впрочем, часть каунчинских поселений все же имела укрепления. Нет ничего общего и в погребальной обрядности каунчинцев и чирикрабатцев, которая, как известно, является одним из самых устойчивых традиционных явлений любой культуры. Если для чирикрабадцев характерно наличие погребальных сооружений круглой формы, диаметром 10–12 м (планировка в виде круга с крестовидным пересечением стен внутри), то в Ташкентском оазисе такие сооружения неизвестны, хотя М. И. Филанович связывает с ними круглое сооружение на Шаштепа (Алимова, Филанович 2009: 124). Но круглые постройки не являются принадлежностью памятников исключительно чирикрабадской культуры. Они известны в Бактрии с эпохи бронзы. Типичной чертой погребальной обрядности каунчинцев были грунтовые катакомбные захоронения, часть которых относится исследователями к подземным склепам с повторными подзахоронениями. Для бытовой архитектуры чирикрабадцев характерны своды, выложенные наклонными поперечными отрезками, чаще всего из клинчатого трапециевидного кирпича. Все арки проходов сооружены в уровне ниже пяты свода (Вайнберг, Левина 1993: 95–96).

Другим индикатором традиционной культуры является керамика. Анализ глиняной посуды чирикрабатской культуры показывает, что все виды и типы гончарной керамики, несмотря на ее варваризованный облик, обнаруживают прямые аналогии в керамических комплексах Парфии и Согда IV–III вв. до н. э. (Байпаков Таймагамбетов 2006: 178). Чирикрабадский керамический комплекс складывается на базе этих заимствованных форм и включения ряда специфических типов и вариантов сосудов. Кроме того, гончарному комплексу сопутствует местная лепная керамика «сарматоидного» облика, имеющая истоки в сакских комплексах VII–V вв. до н. э. Этот компо-

нент, общий для истоков чирикрабатского и каунчинского комплексов, придает им черты близости, хотя в действительности каунчинская культура обнаруживает больше точек соприкосновения с прохоровской культурой сарматской общности Приуралья и Поволжья. Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина связывают чирикрабатскую культуру с племенным объединением дахов (Вайнберг, Левина 1993: 91, 102) и считают, что даи покинули свои земли в связи с изменением гидрографического режима дельты Сырдарьи. Эти изменения происходили не сразу, но уже со II в. до н. э. основной сток Сырдарьи проходит значительно восточнее и севернее по системе русел Пра-Кувандарьи, то есть, по территории, занятой на тот момент племенами джетыасарской культуры. Предположение о переселении даев в Прикаспий и на северные границы Парфии уже с первой половины III в. до н. э. подтверждается указаниями не только письменных источников, но и археологическими данными. Поселения чирикрабатской культуры в III в. до н. э. исчезают в древней дельте Сырдарьи, а к началу II в. до н. э. эта культура вообще прекращает свое существование (Вайнберг 1999: 263).

Выводы этих исследователей отнюдь не свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что низовья Сырдарьи являются этническим котлом, откуда время от времени выплескивалось на восток избыточное население. Они отмечают, что дельтовая область Сырдарьи в IV–II вв. до н. э. была изолированным районом. Последнее нашло отражение не только в своеобразии культурных комплексов, но и в антропологических особенностях населения (черепа чирикрабатцев по расовым и морфологическим особенностям отражают переход от андроновского типа к антропологическому типу среднеазиатского междуречья). Поэтому на их взгляд мало приемлемо сопоставление этого антропологического материала с соответствующим материалом курганных могильников скотоводов из северо-восточных регионов Средней Азии, например, из Бишкентской долины. Реальнее говорить о северном или северо-восточном происхождении скотоводческого населения Бишкентской долины, а не связывать его истоки с юго-восточным Приаральем, тем более, что археологический материал не дает никаких оснований для подобных сопоставлений (Вайнберг, Левина 1993: 101). Все сказанное можно в полной мере экстраполировать на Ташкентский оазис, так как чирикрабатские материалы здесь полностью отсутствуют.

В действительности более обосновано историческими фактами продвижение даев (дахов) на юг, в земли, хорошо известные им по более ранним контактам. Переселение этих племен к границам Парфии могло происходить даже с согласия или приглашения Селевкидов, для защиты границы (земледельческих оазисов) от набегов других кочевников, тем более что между дахами и селевкидской Парфией могли быть давние союзнические отношения. Нелишне напомнить античных авторов, Курция Руфа и Арриана, которые подчеркивали, что даи были союзниками Александра Македонского, предлагали ему поддержку в походе против заречных скифов, принимали участие в его индийском походе. Селевкиды по традиции вполне могли сохранить с ними союзнические отношения (Вайнберг 1999: 263). Поэтому движение (расселение) оставивших свои земли чирикрабатцев вверх по Сырдарье представляется мало вероятным. Тем более, что здесь в IV–II вв. до н. э. происходили какие-то бурные события.

Около рубежа IV–III вв. до н. э. бургулюкские поселения, жители которых были родственны сакам, начинают забрасываться. Традиционно это связывается с вторжением в оазис новых групп кочевников, оттеснивших прежних обитателей в горы или на юг за Сырдарью. Но это могло быть связано и с ухудшением экологической обстановки, уходом жителей на более обводненные земли. К сожалению, археологические находки слабо иллюстрируют этот период. Но даже по ним можно судить, что новые группы населения были связаны с сарматским кругом племен, чья материальная культура очень близка к комплексам прохоровской культуры IV–II вв. до н. э. Показателен, и тот факт, что бургулюкские поселения (жилища) в ряде случаев перекрыты стерильными прослойками, поверх которых начинается горизонт нового обживания. Именно такую картину рисует стратиграфия Шаштепа и Кавардана (Алимов, Богомолов 1996: 84). В то же время материалы городища Канка не дают оснований говорить о разрушении города или о каком-либо перерыве в его существовании. Более того, керамические комплексы нижних стратиграфических слоев со-

держат гончарную посуду, близкую согдийским античным образцам и лепную керамику каунчиноидного типа.

В более поздних стратиграфических отложениях городища процент лепной керамики увеличивается вдвое, но устойчиво сохраняется и керамика, изготовленная на гончарном круге (Буряков, Богомолов 1990: 31–32). Раскопки последних лет в Шымкенте свидетельствуют о том, что ареал подобных комплексов с присутствием в них согдийской античной керамики может быть значительно шире и захватывать глубинные районы правобережной части Средней Сырдарьи. Самый нижний керамический комплекс городища Шымкент наряду с местной архаической посудой содержал фрагменты эллинизированной керамики Согда второй половины III–I в. до н. э. В то же время некоторые формы архаической посуды этого комплекса обнаруживают довольно близкие аналогии с керамикой Шаштепа в Ташкенте (Байтанаев 2008: 22). К сожалению, инфраструктура раннего слоя Шымкента не ясна. Нельзя исключить тот факт, что немногочисленная согдийская керамика могла попасть сюда в качестве военной добычи в результате набегов на юг, в Согд, но все же более вероятно, что это появление этой посуды было следствием мирных контактов. В любом случае это показатель того, что смешанные комплексы с согдийской керамикой можно встретить и на других памятниках в глубине Ташкентского оазиса.

Причина, по которой было заброшено большинство поселений бургулюкской культуры, пока остается загадкой, возможен экологический стресс или инвазия новых кочевых групп в IV в. до н. э. Весьма вероятно, что это могло быть следствием движения первой волны юечжей, мигрировавших из коридора Хэси на запад по степному поясу до Южного Приуралья, где, как предполагается, они приняли участие в формировании прохоровской культуры (Вайнберг 1999: 247). С приходом юечжей здесь связывают появление подбойных и, возможно, катакомбных погребений и железных стрел с длинным черешком. Юечжийская посуда не известна. Предполагается, что в Приуралье юечжи вошли в состав образовавшегося союза кочевых племен, которых исследователи называют аорсами (Мошкова 1974: 37). Свидетельствующие о присутствии юеджей погребальные сооружения в виде подбоев и катакомб, вероятно, возникли на территории (предгорная полоса коридора Хэси), природные условия которой способствовали их происхождению. Особенностью этого региона являются мощные лессовые и галечно-лессовые отложения, перекрывающие коренные породы, в которых устраивали подземные жилища (Вайнберг 1999: 244). Возможно, в Хорезм юечжи проникают через Устюрт, где обнаружены подбойные захоронения IV–II вв. до н. э. Затем в IV–III вв. до н. э. юечжи вторгаются в Согд и в конце III в. до н. э. создают угрозу северным границам Греко-Бактрии. На эту опасность Евтидем указывал селевкидскому царю Антиоху. Подобный расклад, предложенный Б. И. Вайнберг, как будто бы подтверждается и тем, что в низовьях Сырдарьи подбойно-катакомбные захоронения I тысячелетия до н. э. не обнаружены. Скорее всего, существовавшее здесь сильное объединение кочевников во главе с дахами не позволили юечжам проникнуть на свою территорию (Там же: 249). В то же время, появившиеся во II в. до н. э. катакомбные захоронения в Согде могут быть связаны со второй волной юечжей («Больших юечжей» по китайским хроникам), бежавших сюда после разгрома устроенного им хуннами и усунями. Маршрут этого передвижения проходил несколько иначе, от Джунгарии и Тарбогатая по тому же пути, по которому значительно позже расселялись через Тянь-Шань и Фергану киргизы (Там же).

Вряд ли территория Чача оставалась в стороне от этих событий. Известные нам захоронения III–I вв. до н. э., обнаруженные в Ташкентском оазисе (в том числе и кочевнические погребения Шаштепа с пряжкой, на которой изображен лежащий верблюд), генетически связаны с прохоровской культурой. Частью кочевнического населения Ташкентского оазиса могли быть юечжи первой волны. Именно в это время китайские источники начинают сообщать о государстве Кангюй, ядром которого, безусловно, являлось Правобережье Сырдарьи. Оно описывалось то небольшим владением, то сильным государством с большим войском и независимой политикой, но часть его населения, не исключено, что главенствующую, составляли юечжи первой волны. Китайские информаторы подчеркивают, что кангюйцы в обыкновениях (то есть, в обычаях, матери-

альной культуре и образе жизни) сходствуют с юечжами. Скорее всего, во II в. до н. э. новые группы юечжей, пройдя через Давань-Фергану, проникли в оазис. Однако занимавшее правобережье Средней Сырдарьи сильное кочевое объединение, государство Кангюй, частью которого был Ташкентский оазис, сумело консолидироваться и не пропустило «Больших юечжей» дальше на свои земли, и те вынуждены были отклониться на юг. То есть повторилась ситуация, схожая с ситуацией в низовьях Сырдарьи IV в. до н. э., когда сильное кочевое объединение во главе с дахами не допустило на свою территорию юечжей первой волны. Видимо, эти политические реалии и отражают китайские хроники, сообщая о Кангюе, как о «владении смежном с Ферганой, и по малосилию признававшее на юге власть юечжей,[7] а на востоке — хуннов» (Бичурин 1950: 150). К сожалению, информация о Кангюе очень противоречива и отрывочна. По данному вопросу существует большой разброс мнений исследователей. Так И. Маркварт считал, что Кангюй — это «государство саков Чача» (Markwart 1938: 188), по мнению А. Гутшмита — Кангюй это сакарауки. Б. А. Литвинский, развив эту идею, отождествил сакарауков с «саками, которые за Согдом» и локализовал их в районе Ташкентского оазиса и Ферганы (Литвинский 1968: 18–19). По мнению Б. И. Вайнберг, основное ядро Кангюя и пяти подвластных ему малых владений располагались, как и авестийская Кангха, в дельте (низовьях) Сырдарьи (Вайнберг 1999: 282–283). Настаивая на этой локализации, Б. И. Вайнберг не учитывает, что китайские информаторы не преминули бы отметить этот факт, как и близость моря. Поэтому, учитывая пусть даже весьма расплывчатые данные китайских источников, можно согласиться с локализацией основной территории Кангюя на Средней Сырдарье (Байпаков, Таймагамбетов 2006: 136).

Известно, что в состав Кангюя (в источнике сказано, что «он имеет под собой») входило пять малых владений. Одно из них, Юени, все исследователи отождествляют с Ташкентским оазисом. В последующих китайских сочинениях V–XII вв. этот регион называют Чжеши, Ши, Чжеси и Ташигань.

Включение в состав Кангюя имело для развития Ташкентского владения огромное значение. Важным аспектом, стимулировавшим экономику региона и расширение числа оседлых поселений, стало расширение земледельческого сектора хозяйства. Не последнюю роль в этом сыграло то, что через территорию оазиса пролегла одна из транзитных торговых трасс, известная позднее китайским торговцам как «Северная дорога». Считается, что она сложилась уже ко II веку до н. э. и проходила через «Луковые горы» (Тянь-Шань), на запад в Давань, Кангюй, Яньцай и Янци. Именно по этому пути пытался проскользнуть на запад Чжан Цянь в 138 г до н. э., чтобы найти Даюечжей. Этот путь через Фергану, территорию Кангюя и Яньцай связывал район Тарима с Приуральем и Поволжьем. Об отлаженности этой дороги говорит наличие вдоль трассы «почтовых станций», существование которых отметил Чжан Цянь и по которым он был препровожден из Давани в Кангюй. Помимо обмена продуктами земледельческого и скотоводческого труда по этой трассе шел обмен ремесленной продукцией, и в первую очередь предметами роскоши. Показательно, что Чжан Цянь обнаружил в Фергане много товаров из Китая, попавших туда через многочисленных посредников. Понятно, что восточную часть дороги контролировали хунны, а западный участок был подконтролен Кангюю. Именно поэтому посланники Китая и его наместники в Западном крае уделяли особое внимание Кангюю, стремясь ослабить контроль этого государства над упомянутым торговым маршрутом. Путь этот в любом случае затрагивал Ташкентский оазис. Однако Чжан Цянь, которого после его бегства от хуннов препроводили в Кангюй, о Ташкентском оазисе не упоминает. Но в связи с этим напрашивается предположение, не идет ли о нем речь в той части сообщения Чжан Цяня, где говорится о том, что кангюйский владетель имеет пребывание (т. е., его ставка-резиденция находится) в городе Битянь в стране Лоюени. Позже Лоюени нигде не

[7] Возможно, действительно права Б. И. Вайнберг (1999), предположившая, что в данном случае речь идет не о «Больших юечжах», а о юечжах Чжаову (юечжах еще первой волны), проникших в Согд и захвативших его во II в. до н. э.

упоминается, зато появляется малое владение Юени с одноименным столичным центром. Вероятно, этот столичный центр можно с полной уверенностью отождествлять с городищем Канка.

О возрастающей роли городища Канка свидетельствуют и археологические материалы, и территориальный рост города. Видимо, в это время ранняя крепость городища Канка перестроена. Крепостные стены шахристана I надстроены или взяты в футляр кладкой из крупного прямоугольного сырца. Изолированность шахристана I, возможно, говорит о том, что он превращается во внутренний, «запретный» город.

В первые века нашей эры обширная, разросшаяся городская территория подковой охватывавшая раннее городское ядро (шахристан I) выделяется в шахристан III, площадью почти в 150 га и обносится крепостной стеной и рвом. Эти фортификационные сооружения продолжают античную традицию. С внешней стороны стены выдвинута платформа — берма, а в нескольких метрах от нее проходит ров. Внутри города складываются торгово-транспортные уличные магистрали, которые сохраняют свое значение во всей последующей жизни города. В центре его выделяется крупная базарная площадь. Как показали раскопки отдельных участков городской территории, вдоль улиц располагались не только жилые дома, но и ремесленные мастерские и лавки торговцев.

Таким образом, городище Канка на протяжении всего этого периода остается крупнейшим городским центром Ташкентского оазиса. В то же время на остальной территории Чача со II в. до н. э. получает развитие новый этап формирования оседло-поселенческих структур, но уже на базе каунчинской культуры. И хотя между материальными комплексами предыдущей бургулюкской и новой каунчинской культурами нет ярко выраженной преемственности, все же, видимо, не случайно новые поселения нередко возникают на месте бывших поселков бургулюкцев. Археологические материалы показывают, что основными занятиями каунчинцев были земледелие и скотоводство, причем доля земледелия заметно увеличивается. Правда, еще со времен Чжан Цяня, впервые посетившего Кангюй, в китайской историографии устойчиво сохранялась традиция, согласно которой Кангюй рассматривали, как «кочевое владение», так как он «в обыкновениях сходствует с юеджиийцами» («Ши цзи»). Но с другой стороны говоря о кангюйцах как о кочевом народе, отмечают наличие городов. В китайской хронике «Хоу Хань шу» говориться о том, что кангюйцы в обыкновениях сходны как с юечжами, так и с населением владения Яньцай, которое располагалось к северо-западу от Кангюя и зависело от него, где «обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими», и что «народ живет внутри глиняных стен» (Литвинский 1968: 18). Для нас это служит указанием на то, что часть кангюйского населения сохраняла кочевой образ жизни, а другая часть была уже оседлой, жила в стационарных и может быть даже укрепленных поселениях. Более того, существовали даже города. Напомним, что уже в «Ши цзи» говорится о том, что «кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени, в городе Битянь» (Бичурин 1950: 184).

Археологические исследования позволяют выделить для этого времени 97 поселений, причем 13 из них являются городскими центрами (Буряков 1982: 109). Вполне оправданным остается предложение Ю. Ф. Бурякова о выделении в урбанизации региона античного времени два этапа. На первом (II в. до н. э.–II в. н. э.) — большая часть городских центров концентрируется в западной части оазиса, (Канка, Дальверзинтепа, Шаркия, Кендыктепа, Каунчитепа, Актобе-2; Буряков, Кошеленко 1985: 299–300). Впрочем, этот список требует некоторой коррекции. Так городище Шаркия–Шахрухия в известной мере повторяет правильную планировку древнейшего ядра городища Канка (квадрат 600 х 600 м с цитаделью в западном углу), но в то же время здесь пока не обнаружено материалов раньше II–III вв. н. э. Следовательно, как возникновение, так и бытование этого городища связано со вторым этапом. В то же время к списку городских центров первого этапа могут быть добавлены Мингурюк и Кугаиттепа. Все эти городища были центрами небольших земледельческих микрооазисов. В них сосредоточена вся хозяйственная и административная деятельность в пределах племенного сообщества, занимавшего определенную территорию, куда входили пашни, пастбища и укрепленные пункты — резиденции глав родов или племени. Среди

них, видимо, доминирующее положение занимало городище Каунчитепа, площадью 25 га, расположенное на протоке Каракульдук. К сожалению, внутренняя структура этих городов еще слабо изучена. У некоторых из них, например, Каунчитепа явно большое значение придавалось оборонительным функциям. Крепостная стена, опоясывавшая основное жилое ядро, была сложена из прямоугольного сырцового кирпича и достигала в ширину 6,5 м. О зарождении монументально-культовой архитектуры говорит дворцовое здание на Актобе-2 (Там же: 300). Видимо, в это же время начинается политическая и экономическая консолидация оседло-земледельческих общин в единый союз–владение, самое раннее название которого дают китайские хроники — Юени или Юйни.

Важные изменения происходят в Ташкентском оазисе на втором этапе (II–IV вв. н. э.). Процессы урбанизации протекают в глубине региона на границе степной и предгорной полосы. Городские центры возникают вдоль речных артерий и торговых трасс. Среди них можно назвать Ишкурган в Паркенте, Кала-и-боло, Намданак, Кавардан Чиллектепа и другие. Наиболее значительным центром является Кавардан. Его цитадель имела округлую форму, а городская территория, вытянутая вдоль древней протоки русла Чирчика, — аморфную (Буряков 1975: 87). Количество городских центров увеличивается вдвое за счет расширения пахотных земель и перехода к поливному земледелию. Большая часть городов имеет, как и рядовые поселения, амфорную планировку, зачастую повторяя рельеф местности. Вероятно, такая застройка отражает генезис местной автохтонной культуры и постепенную трансформацию замледельческо-скотоводческих поселений каунчинской культуры (II в. до н. э.–VI в. н. э.) в локальные городские центры.

Интенсивно осваивается долина Ахангарана. Практически все центры этой части оазиса также возникают на базе замледельческо-скотоводческих поселений каунчинской культуры. Однако здесь городские центры растут и за счет интенсивной эксплуатации природных богатств — добычи золота, серебра, меди, железа, бирюзы. В среднем течении Ахангарана возникает городище Кульата. Площадь его сплошной застройки составляет почти 10 га, остальная территория обживалась неравномерно и охватывает площадь в 45 га. Здесь обнаружены многочисленные следы металлургического производства.

Развитие урбанизационных процессов и экономики оазиса, видимо, нашло отражение в том, что с середины III в. н. э. Ташкентский оазис в письменных источниках выступает под названием Чач, передававшееся в китайских источниках как Чжеши, Ши («правитель Ши живет в городе Чжеши, место которого принадлежало городу малого кангюйского правителя Юни» (Бичурин 1950: 272, 313).

Появление упоминаний о Ташкентском регионе в китайских хрониках и географических представлениях Сасанидского Ирана отражают растущее значение Чача. Видимо, с ослаблением Кангюя во II–III вв. н. э. начинают обособляться и усиливаться его малые владения. Чач не только обособляется, но даже предъявляет территориальные претензии или, по крайней мере, стремится расширить сферу своего влияния далее к северу от Ташкентского оазиса. В этом плане показательны недавние находки жженых кирпичей с процарапанными на них еще до обжига согдийскими надписями с городища Культобе в долине Арыси в Южном Казахстане (Sims-Williams, Grenet 2006: 98).

Алимов, Богомолов 1996 — *Алимов К. А., Богомолов Г. И.* Раскопки городища Кавардан и некоторые проблемы бургулюкской культуры. Ташкент, 1996 (ОНУз. № 11–12).

Алимова, Филанович 2009 — *Алимова Д. А., Филанович М. И.* История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009.

Байпаков, Таймагамбетов 2006 — *Байпаков К. М., Таймагамбетов Ж. К.* Археология Казахстана. Алматы, 2006.

Байтанаев 2008 — *Байтанаев Б. А.* Древний и средневековый Испиджаб: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Алматы, 2008.

Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 2.

Буряков 1975 — *Буряков Ю. Ф.* Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.

Буряков 1982 — *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Буряков 2005 — *Буряков Ю. Ф.* К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача // Материалы научн. конф. «Чач–Бинкет–Ташкент (историческое прошлое и современность)». Ташкент, 2007. С. 8–9.

Буряков 2008 — *Буряков Ю. Ф.* К истории урбанистических процессов древнего Чача // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы конф. Шымкент, 2008. С. 74–75.

Буряков, Богомолов 1990 — *Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И.* Шахристан. Раскопы 1 и 10 // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.

Буряков, Кошеленко 1985 — *Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А.* Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. 198–201.

Вайнберг 1999 — *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.–VIII в. н. э. М., 1999.

Вайнберг, Левина 1993 — *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Чирикрабадская культура. М., 1993 (Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1).

Литвинский 1968 — *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

Мошкова 1974 — *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Филанович 2001 — *Филанович М. И.* У истоков города // *Мукминова Р. Г., Филанович М. И.* Ташкент на перекрестке истории (Очерки древней и средневековой истории города). Ташкент, 2001.

Филанович 2008 — *Филанович М. И.* К вопросу о ранних этапах культурогенеза в Ташкентском оазисе // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы конф. Шымкент, 2008. С. 68.

Филанович 2010 — *Филанович М. И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.

Markwart 1938 — *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungtn zur mythishen und geschichtlichen landeskunde von Ostrian. Leiden, 1938.

Sims-Williams, Grenet 2006 — *Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian Inscriptions of Kultobe // Shygys (Kazakhstan). 2006. № 1. P. 105–107.

М. А. Бубнова (Душанбе, Таджикистан)

Кто освоил пастбища Восточного Памира в I тыс. до н. э.?

А. Н. Бернштам проводил полевые исследования древних памятников на территории Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Учитывая природные особенности, ее территорию принято делить на два региона с разной хозяйственной направленностью: Западный Памир — земледелие и скотоводство, климат субтропический; Восточный Памир — высокогорное плато, поднятое на высоту 3600–4200 м над уровнем моря, аридная зона с прекрасными высокопродуктивными пастбищами. Нельзя не отметить и так называемую переходную зону, координаты которой в настоящее время определены между 72° 20' и 73° 30' в. д. Ее особенность заключается в том, что она сочетает природные условия как Западного, так и Восточного Памира (Акназаров, Мельничков 2006: 22–47; Бубнова 2007).

В 1946 г., работая на юге Киргизии, А. Н. Бернштам обследовал Восточный Памир, положив начало научному исследованию древних памятников на территории ГБАО. Экспедиции были продолжены в 1947, 1948, 1952, 1956 гг. В последнюю экспедицию ученый выехал уже тяжело

больным. Б. А. Литвинский писал, что «это был настоящий научный подвиг» (1972: 5). Результаты этой экспедиции были обработаны и опубликованы уже после смерти А. Н. Бернштама (18 декабря 1956 г.; Бабанская, Заднепровский 1956).

Предварительные результаты трех экспедиций А. Н. Бернштам охарактеризовал так:

1. Заселение Восточного Памира произошло в результате проникновения на его территорию сакских племен. Движение шло в двух направлениях: с северо-востока (семиреченско-тяньшаньское) и с юго-востока (восточно-туркестанское и тибетское).

2. Эти земли заселили те, кто, имея вьючный скот (лошадь, як?), осмелились придти в этот суровый и пустынный край.

3. Материалы могильников Памирская I (Тамды) и Акбеит VI–I вв. до н. э. свидетельствуют о связях с Передним Востоком, во всяком случае с той его частью, откуда расовый тип попал, с одной стороны в Анау, с другой (позднее?) на Памир.

4. Подробно проанализировав собранные Н. Аристовым письменные источники, касающиеся этнических отношений на Памире, А. Н. Бернштам сопоставил их с имеющимися в его распоряжении археологическими материалами из других районов и высказал мнение о том, что «Наступит время, когда археологи произведут раскопки на Памире в таком объеме, что можно будет во всеоружии пересмотреть концепцию <…> об этнических отношениях на Памире» (Бернштам 1956: 131).

Это время наступило уже в 1958 г. В этот год Б. А. Литвинский, тогда заведующий сектором археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР, продолжил исследование могильников на Восточном Памире. Не было более достойного продолжателя исследованиям, начатым А. Н. Бернштамом. Результаты были опубликованы в монографии «Древние кочевники “Крыши мира”» (Литвинский 1972).

С 1958 г. началось целенаправленное исследование не только Восточного Памира. Была разработана программа по изучению древних памятников на всей территории ГБАО, включая Западный Памир.

Отметим, что А. Н. Бернштам не обошел вниманием и западнопамирские памятники. В 1947 г. его экспедиция работала не только на Восточном, но и Западном Памире. Наблюдения исследователя представляют интерес для решения вопросов, связанных с заселением этой территории. «Отличающиеся великолепным климатом и богатой растительностью, долины Западного Памира не могли не привлечь издавна человека. Но Западный Памир поставил преграды для его деятельности: камнепады, завалы меняли рельеф долин и отбирали у человека клочки земли, годные для эксплуатации. Таким образом, площадь земли, удобная для обработки, здесь весьма ограничена. Этим вызвалось то положение, что человек, испокон веков заселявший эти территории, максимально использовал поселения своих предшественников» (Бернштам 1952: 276). «Здесь против кочевников-саков стояли грозные крепости — крепость Ратм на Пяндже, по Шахдаре и Гунту, закрывающие пути с востока на запад, защищали земледельцев Западного Памира» (Бернштам 1954: 272).

Впоследствии исследования крепостей на Западном Памире продолжил А. Д. Бабаев, вначале аспирант, а затем сотрудник Отдела археологии. Он открыл и исследовал могильники в долинах рек Пяндж, Памира, Южбок, в долине р. Джаушангоз (левая составляющая р. Шахдары), а также на Восточном Памире (Бабаев 2006).

В. А. Ранов открыл и исследовал на Восточном Памире памятники каменного века также не без участия А. Н. Бернштама. В процессе полевых исследованный последний высказал мнение, что на Восточном Памире должны быть памятники каменного века. В 1956 г. в экспедицию А. Н. Бернштама была включена группа под руководством В. А. Ранова, перед которой была поставлена соответствующая задача. Памятники каменного века были открыты, и впоследствии В. А. Ранов организовал экспедиции, посвященные их изучению. Вместе с В. А. Рановым работал сотрудник отдела археологии В. А. Жуков. Результаты исследований опубликованы в сборниках АРТ и отдельных статьях (Ранов 1964; 1975).

В 1958 г. на Западном Памире начал работы Л. Н. Зелинский, вначале в составе Памирской археологической экспедиции МГУ (руководитель Ю. Г. Рычков), а затем в составе Памирского археологического отряда (руководитель Б. А. Литвинский). Л. Н. Зелинский открыл и изучил ряд могильников в долине р. Пяндж. Основная тема его исследований — «Древние пути Памира» (Зелинский 1976: 112–118). Его работы охватывают широкий круг памятников: крепости, поселения, сельские усадьбы, могильники, храмы огня, буддийский монастырь, обсерватории на Восточном Памире. Он также изучал историю добычи полезных ископаемых на Памире (Бубнова 2008: 30, 32–36).

Последняя экспедиция на Восточном Памире работала в 2008 г. Естественно, за прошедшие с 1956 г. 54 года информация о древних памятниках многократно возросла, появились новые материалы, которые позволили пересмотреть некоторые утвердившиеся ранее исторические выводы.

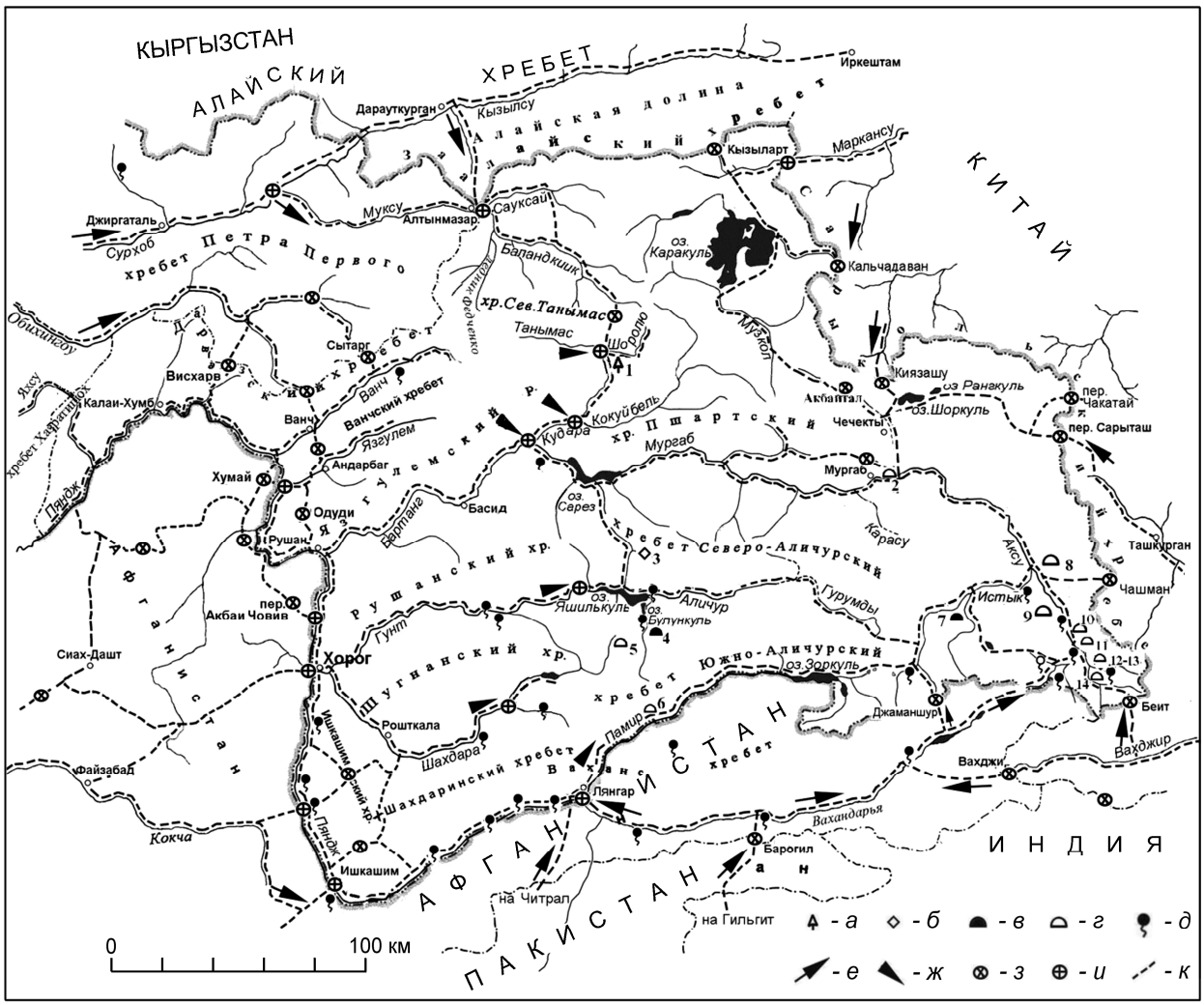

Рис. 1. Горно-Бадахшанская автономная область, памятники VII–VI вв. до н. э.:
1 — Кальтатур I (VI в. до н. э.); 2 — Бакабаши (VII–VI вв. до н. э.); 3 — Карадимур (двулезвийный топор, VII в. до н. э.); 4 — Узун I (Яшилькуль I, VII в. до н. э.); 5 — Кунтимуш (VI в. до н. э.); 6 — Памирская I (Тамды), кург. 10 (VI в. до н. э.); 7 — Айдынкуль I (VII–VI вв. до н. э.); 8 — Тугурукбаман, кург. 1 (VII–VI вв. до н. э.); 9 — Шаймак, кург. 1 (VI в. до н. э.); 10 — Акбент I, кург. 3 (VI в. до н. э.); 11 — Кизилрабат, кург. 6 (VI в. до н. э.); 12 — Тегермансу I, кург. 7, 9а (VI в. до н. э.); 13 — Тегермансу II, кург. 9 (VI в. до н. э.); 14 — Можуташ II, кург. 4 (VII в. до н. э.).
Условные обозначения: *а* — фигура-«стрела»; *б* — отдельные находки; *в* — могильник; *г* — отдельно стоящие курганы; *д* — термальные источники; *е* — направление пути на территорию ГБАО; *ж* — направление внутреннего пути; *з* — переход через перевал; *и* — путь по долине реки; *к* — пути для вьючного транспорта (по картам XIX–начала XX в.)

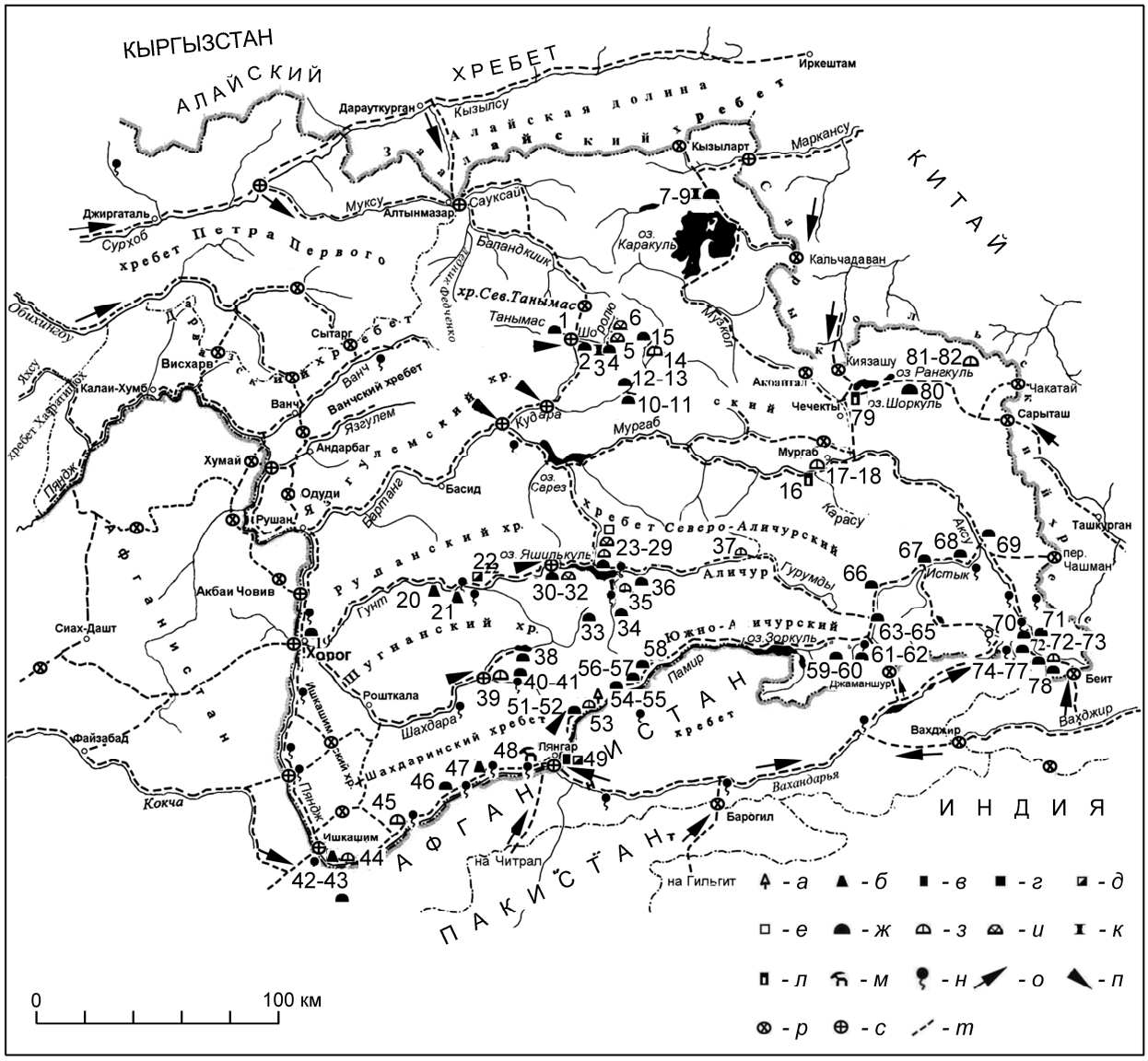

Рис. 2. Горно-Бадахшанская автономная область, памятники V–III вв. до н. э. Условные обозначения: *а* — фигура-«стрела»; *б* — крепость; *в* — тупхона; *г* — поселение; *д* — укрепленное поселение; *е* — поселение сакского времени; *ж* — могильник; *з* — могильник сакского времени; *и* — кладбище баранов; *к* — плоские фигуры; *л* — пещера; *м* — наскальные рисунки; *н* — термальные источники; *о* — направление пути на территорию ГБАО; *п* — направление внутреннего пути; *р* — переход через перевал; *с* — путь по долине реки; т — пути для вьючного транспорта (по картам XIX–начала XX в.)

Антропологический материал, полученный при раскопках А. Н. Бернштамом, исследовал антрополог В. В. Гинзбург (32 черепа), материалы Б. А. Литвинского — Т. П. Кияткина (34 мужских черепа, 27 женских). Расовый тип погребенных определен как восточно-средиземноморский (Гинзбург 1960; Кияткина 1976: 27, 29, 53–82; 1980). Особый интерес представляет вывод Т. П. Кияткиной: «Все же северные и северо-западные связи с племенами евразийских степей не находят себе подтверждения в краниологических материалах. В исследованных мною материалах с Памира также не удалось уловить следов северных влияний. Самое придирчивое сопоставление материалов не дало иных аналогий, кроме юго-западных» (Кияткина 1976: 81–82).

Следующие данные, подтвердившие предвидение А. Н. Бернштама о различных этнических группах племен на Восточном Памире были получены при раскопках могильников Караарт II, III в районе оз. Каракуль (северо-восточный участок Восточного Памира). Три черепа исследовал антрополог Т. К. Ходжайов, используя современные методики. Он пришел к выводу о том, что эти черепа характеризуются чертами восточно-средиземноморской расы. Женский череп из Караарт II

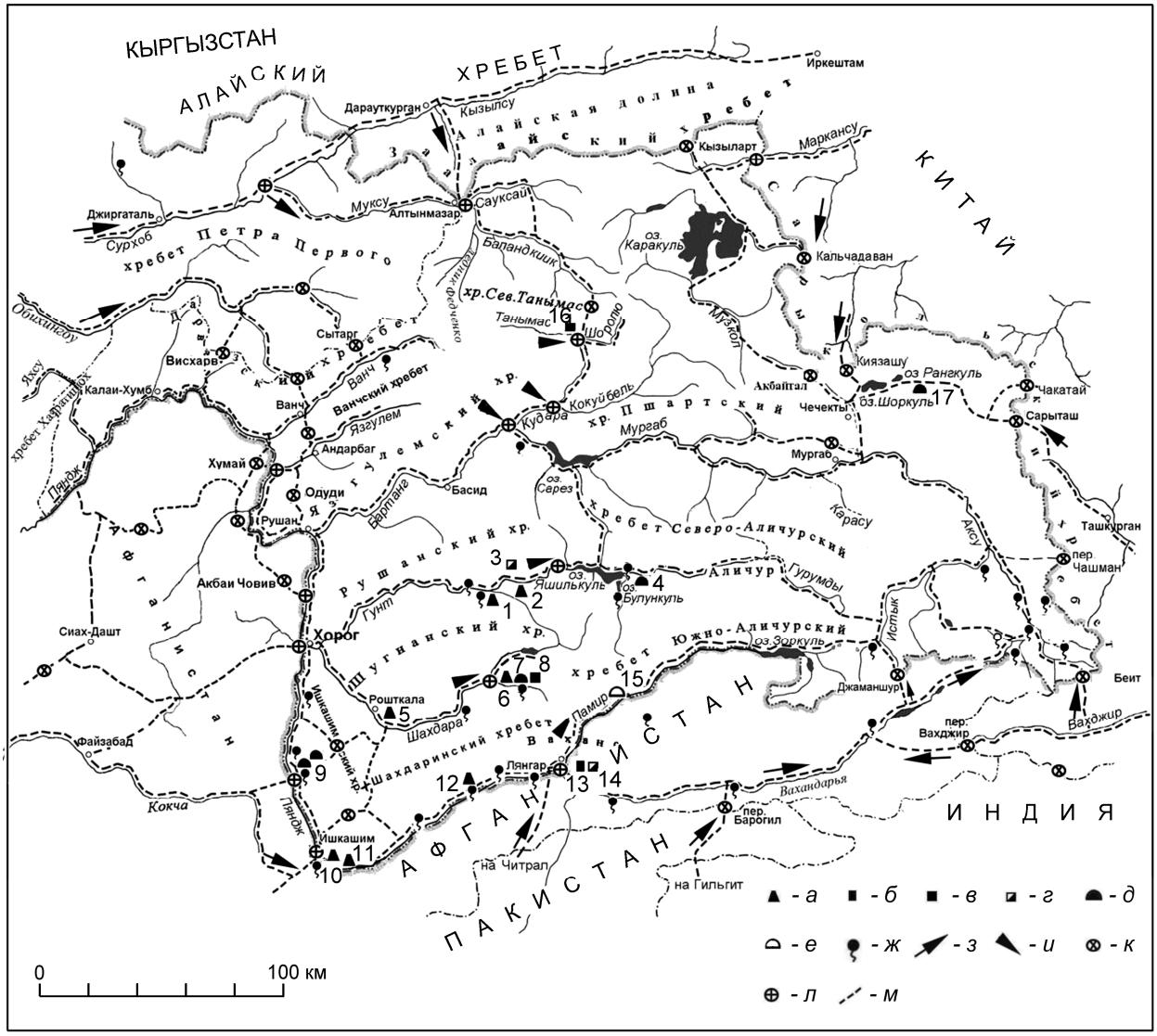

Рис. 3. Горно-Бадахшанская автономная область, памятники II–I вв. до н. э.:
1 — Чартым; 2 — Ванкала; 3 — Миенакух; 4 — Аличур I; 5 — Рошткала; 6 — Деруж; 7 — Джаушангоз I (Южбок); 8 — Джаушангоз II; 9 — Даран Обхарв; 10 — Рын; 11 — Каахка; 12 — Ямчун; 13 — Ратм I; 14 — Ратм II; 15 — Ичкилик; 16 — Танымас; 17 — Рангкуль. Условные обозначения: *а* — крепость; *б* — тупхона; *в* — поселение; *г* — укрепленное поселение; *д* — могильник; е — отдельно стоящие курганы *ж* — термальные источники; *з* — направление пути на территорию ГБАО; *и* — направление внутреннего пути; *к* — переход через перевал; *л* — путь по долине реки; *м* — пути для вьючного транспорта (по картам XIX–начала XX в.)

близок населению земледельческих областей Бактрии и Маргианы, а мужской череп из Караарт III ближе к серии из Тянь-Шаня и Алая (Ходжайов 2004). По моей просьбе Т. К. Ходжайов повторно проанализировал данные опубликованные В. В. Гинзбургом и Т. П. Кияткиной. Вот, что он пишет: «население, оставившее могильники в эпоху бронзы и в I тыс. до н. э. (сакское время), наиболее близко к оседло-земледельческому населению эпохи энеолита и бронзы Северо-Восточного Ирана, Южной Туркмении, Северного Пакистана и древней Бактрии, включая сходство с населением намазгинской, сапаллинской и вахшской культур. На Восточном Памире встречаются отдельные индивиды, у которых наблюдаются такие признаки, как широкое и уплощенное лицо, либо небольшой угол выступания носа. Однако эти признаки не встречаются в комплексе у одних и тех же индивидов. Видимо Восточный Памир не был полностью изолирован от влияния сакских племен, хотя масштабы этих воздействий были незначительны» (Ходжайов 2005: 149) .

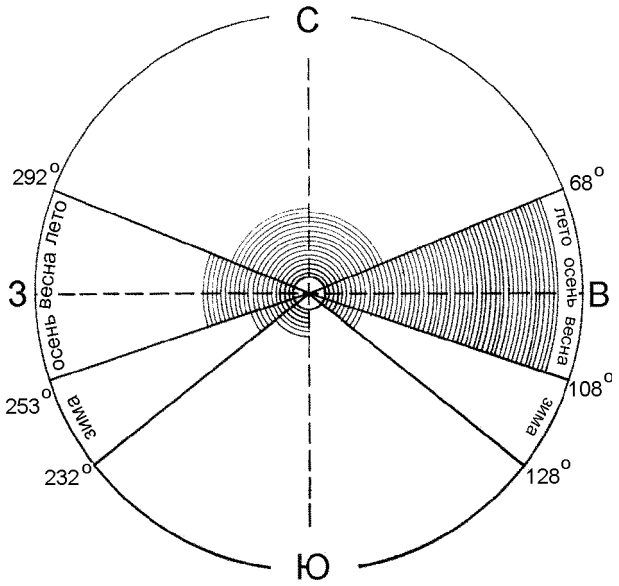

Рис. 4. Диаграмма распределения азимутных направлений восхода и захода солнца в основные сезоны года

Из анализа приведенных выше антропологических материалов следует, что в погребениях в основном захоронены земледельцы, а не кочевники. Особенность могильников на Восточном Памире, относящихся к I тыс. до н. э. заключается в то, что они малочисленны (исключение составляет Акбеит), а хронологический диапазон большой — от VII до I в. до н. э. Используя принцип исторической топографии, стало возможным наглядно представить, как осваивались пастбища Восточного Памира в пределах трех хронологических периодов: VII–VI вв. до н. э. (рис. 1); V–III вв. до н. э. (рис. 2) и II–I вв. до н. э. (рис. 3).

Для того, чтобы подтвердить факт использования пастбищ сезонно, а не круглогодично, сотрудником Института астрофизики АН Республики Таджикистан Н. А. Коноваловой была составлена диаграмма распределения азимутных направлений восхода и захода Солнца в основные сезоны года (рис. 4; Бубнова 2004: 316). Если известны азимутные углы положения погребенных, их можно распределить на диаграмме соответственно сезонам года. К сожалению, в основном, положение погребенных ограничивалось фиксацией по компасу, без определения азимутного угла, исключения составляют материалы А. Н. Бернштама. Этот пробел был ликвидирован по опубликованным и архивным материалам. Удалось получить замеры для 141 погребенных. Из них 102 захоронены в направлении восхода и захода Солнца: весной и осенью — 63 человека (61,76 %); летом — 26 человек (24,7 %), зимой — 13 человек (12,4 %). Погребения за пределами сезонного цикла — в СВ, ЮВ, ЮЗ и СЗ четвертях соответственно — 39 человек (27,65 %). Таким образом, 87,25 % населения начинали пасти скот с весны и заканчивали осенью. Для контроля сроков выпаса скота из долины р. Бартанг (правый приток р. Пяндж) в долине р. Шоролю (левый приток р. Танымас) была создана обсерватория (по принципу азимутных календарей), позволяющая определять такие основные календарные даты как летнее и зимнее солнцестояние и весеннее и осеннее равноденствие (Бубнова, Коновалова 2006).

А. Н. Бернштам предположил, что человек мог освоить пастбища Восточного Памира, имея в своем распоряжении вьючный скот (лошадь, як?) Проведенные исследования о влиянии экологических комплексов высокогорья на организм лошади, установили, что ведущим фактором в этих условиях является пониженное парциальное давление кислорода, вызывающее кислородное голодание. При этом на Восточном Памире у лошадей наблюдаются заболевания конечностей, глаз (ожог роговицы), сердечно-сосудистой системы и органов пищеварения. В высокогорье эти заболевание увеличиваются в 3–4 раза (Мамин, Алагужин 1967: 184, 186). Вероятно, поэтому в могильниках Восточного Памира известно лишь одно погребение коня — Шаймак (Литвинский 1972: 27), одно

погребение мужчины с конем — Памирская 1 (Тамды), курган 9 (Бернштам 1952: 29). В нескольких погребениях обнаружены детали конской сбруи. Костей яков не обнаружено.

В заключение отмечу, что заселение территории ГБАО в основном, происходило с запада. Основные пути шли через перевалы Дарвазского хребта (Бубнова 2006).

Акназаров, Мельничков 2006 — *Акназаров О. А., Мельничков Д. Г.* Экотуризм на Памире: проблемы и перспективы. Душанбе, 2006.

Бабаев 2006 — *Бабаев А. Д.* Древние земледельцы «Крыши мира». Худжанд, 2006.

Бабанская, Заднепровский 1959 — *Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А.* Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. // АРТ. 1959. Вып. 4. С. 53–61.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

Бернштам 1954 — *Бернштам А. Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. По следам древных культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 263–301.

Бернштам 1956 — *Бернштам А. Н.* Саки Памира // ВДИ. 1956. № 1. С. 121–134.

Бубнова 1993 — *Бубнова М. А.* Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и оз. Яшилькуль (работы 1984 г.) // АРТ. 1993. Вып. 24 (1984 г.). С. 75–90.

Бубнова 2004 — *Бубнова М. А.* К вопросу о саках Памира // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004. С. 314–321.

Бубнова 2006 — *Бубнова М. А.* Вопросы заселения и условия обитания человека на территории Горно-Бадахшанской автономной области (каменный век — эпоха бронзы) // Арийская цивилизация в контексте евроазиатских культур. Душанбе, 2006. С. 208–256.

Бубнова 2007 — *Бубнова М. А.* Роль природной среды в жизни древнего населения Горно-Бадахшанской автономной области // Третья республиканская конференция «Экологические особенности биологического разнообразия». Хорог, 2007. С. 60–65.

Бубнова 2008 — *Бубнова М. А.* Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (памятники каменного века — XX века). Душанбе, 2008.

Бубнова, Коновалова 2006 — *Бубнова М. А., Коновалова Н. А.* Древние солнечные календари Памира // Памирские экспедиции (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006. С. 170–209.

Гинзбург 1960 — *Гинзбург В. В.* Антропологическая характеристика саков Памира // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 26–39.

Зелинский 1976 — *Зелинский А. Н.* Памир и Великий шелковый путь // НАА. 1976. № 5. С. 112–118.

Кияткина 1976 — *Кияткина Т. П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.

Кияткина 1980 — *Кияткина Т. П.* Антропологические материалы эпохи бронзы и сакского времени с Восточного Памира // Памяти Александра Александровича Семенова. Душанбе, 1980. С. 177–194.

Литвинский 1972 — *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Мамин, Алагужин 1967 — *Мамин Н. О., Алагужин А. М.* Влияние высоты местности на экстерьерные особенности, заболеваемость и отход лошади // Видовые и природно-климатические адаптации организма животных. Физиолого-генетические исследования. Новосибирск, 1967. С. 184–186.

Ранов 1964 — *Ранов В. А.* Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956–1958 гг.) // МИА. М.; Л., 1964. № 124. С. 7–51.

Ранов 1975 — *Ранов В. А.* Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и Народы Востока. М., 1975. Вып. 16: Памир. С. 136–157.

Ходжайов 2004 — *Ходжайов Т. К.* Результаты изучения новых антропологических материалов сакских погребений Восточного Памира // АРТ. 2004. Вып. 29. С. 258–263.

Ходжайов 2005 — *Ходжайов Т. К.* Антропологические исследования материалов Восточного и Западного Памира (по территориальным группам) // История Горно-Бадахшанской автономной области. Душанбе, 2005. Т. 1: С древнейших времен до новейшего времени. С. 144–149.

Э. Б. Вадецкая (Санкт-Петербург)

Взгляды А. Н. Бернштама на дискуссионные памятники «хуннского» времени Среднего Енисея

Всесторонне исследуя историю древних хуннов А. Н. Бернштам не мог оставить без внимания наиболее выдающиеся археологические памятники хуннского времени, раскопанные в долине Енисея, поскольку считал, что «культура Южной Сибири II в. до н. э. — II–III вв. н. э. отражает большую роль гуннов. Она показывает, что гунны явились связывающим звеном между племенами Южной Сибири и Китаем» (Бернштам 1951: 52). Такими памятниками были могилы в горах Оглахты и дворец китайской архитектуры под г. Абакан.

Оглахтинский могильник, раскопки которого были начаты А. В. Адриановым еще в 1903 г., поразил научную общественность необычностью человеческих останков в виде мумий, скелетов с гипсовыми лицами, кожаных, набитых травой человекоподобных чучел, а также обилием деревянной и берестяной утвари. Датировать этот памятник, и то со временем, стало возможным лишь благодаря находкам в могилах обрывков китайского шелка и стеклянных импортных бусин. Адрианов написал краткий отчет о своих раскопках и статью с иллюстрациями, изданную в виде приложения в двух номерах газеты «Сибирская жизнь» за 1903 г. (№ 249, 254).

В 1933 г. Г. П. Сосновский на основании отчета А. В. Адрианова и его публикации в вышеупомянутой газете выпустил статью «О находках Оглахтинского могильника», в которой использовал фотографии находок, хранящиеся в фотоархиве ИИМК РАН: мумифицированную часть трупа мужчины, две косы, гипсовую маску подростка, миниатюрный туесок-накосник, обшитый шелковой тканью, три глиняных сосуда, деревянный чайник и блюдо (Сосновский 1933: 34–38). Эти вещи, зафиксированные фотографом Императорской Археологической комиссии, долгое время были единственным источником сведений об Оглахтинском могильнике.

Более подробно я опубликовала результаты раскопок А. В. Адрианова в 1999 г., суммировав по каждой раскопанной могиле все материалы, которые можно было извлечь из отчетов, музейных коллекций и описей, составленных самим А. В. Адриановым (Вадецкая 1999: 230–234).

Г. П. Сосновский присоединил к погребениям оглахтинского типа грунтовые таштыкские могилы, раскопанные в 1889 г. А. В. Адриановым у Абаканской Управы и в 1924 г. С. А. Теплоуховым в долине р. Таштык, причем найденные в последних захоронениях глазчатые бусы Г. П. Сосновский датировал ранним сарматским временем (Сосновский 1933: 38–39). Он также отметил большое сходство тканей из Оглахтинских могил с тканями из ноинулинских курганов, которые датировал I в. до н. э.–I в. н. э. Г. П. Сосновский акцентировал внимание на том, что, согласно китайским летописям, приенисейские места, якобы называвшиеся в древности Гянь-Гунь, гунны отдали в 95 г. до н. э. во владение китайскому пленному полководцу Ли Лину. Вера в этот миф, видимо, способствовала тому, что Г. П. Сосновский предложил в качестве нижней даты для таштыкских могильников I в. до н. э. (Сосновский 1933: 39).

С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов оставили без изменения датировку грунтовых таштыкских могильников, предложенную Г. П. Сосновским, поскольку хронология тканей и стеклянных бусин не была разработана, а иных вещей, имеющих сравнительно узкую дату, в могилах, как указывалось, не было (Киселев 1949: 261; Кызласов 1960: 115). В результате у них в качестве главного аргумента в пользу датировки могильников I в. до н. э.–I в. н. э. фигурирует сооружение дворца (о нем см. ниже) у г. Абакан, выстроенного якобы для гуннского наместника.

Что же касается С. А. Теплоухова, то невозможность хронологического определения переходного периода, во время которого, по его мнению, функционировали позднейшие тагарские курганы и таштыкские грунтовые могильники, позволило ему лишь в завуалированной форме указать на вероятную дату последних. В примечании он отметил, что в I в. н. э. гунны теряют свое

могущество в Монголии, а во II в. н. э. усиливаются сяньбийцы, которые ведут войну с народностями, живущими на Енисее (Теплоухов 1929: 50).

Этот сюжет был развернут А. Н. Бернштамом, высказавший особое суждение по поводу датировки рассматриваемых могил и этнической принадлежности похороненных в них людей (Бернштам 1951: 45). Он отметил, что в Оглахтинском могильнике отражены черты, несвойственные местным памятникам, как бы нарушающие закономерное развитие культур Минусинской котловины. К ним относятся: структура погребения без курганной насыпи, преобладание бытового инвентаря из дерева, значительный удельный вес китайской культуры, способ погребения на деревянном помосте, ношение кос населением (Бернштам 1951: 47). При этом исследователь подчеркнул, что речь идет не о косах, срезанных с голов подчиненных племен и положенных в качестве имитации мертвых или приношения, как в кургане Ноин-ула, датируемом началом I в. н. э., а о ношении кос населением, что является этническим и хронологическим признаком.

По китайским источникам ношение кос у кочевников Центральной Азии отмечено у племен сяньби, которые в 87–91 гг. разбили гуннов в Монголии и стали хозяевами на территории Центральной Азии. В 147–156 гг. сяньби совершали набеги как на северные земли, так и на Китай, а в 386 г. они завоевывают Китай. С этого времени ношение косы распространяется и в Китае. По мнению А. Н. Бернштама, обычай носить косу мог проникнуть на Енисей не раньше середины II в. н. э. Все перечисленные факты позволяют утверждать «что Оглахтинский могильник является памятником проникновения сяньбийцев на север во II в. и, вероятно, синхронен ранним чаатасам» Под чаатасами имелись в виду небольшие таштыкские склепы, датируемые тогда С. В. Киселевым (1935) III–IV вв. Что же касается могильников типа оглахтинских (таштыкские грунтовые кладбища), то, судя по находкам тканей, идентичных тканям Ноин-улы, которые датируются первыми веками нашей эры, таштыкские грунтовые захоронения «относятся к периоду владычества в данном районе гуннов и, возможно, сяньбийцев» (Бернштам 1951: 47).

Сейчас известно, что этнический состав покойников в таштыкских могилах был значительно разнообразнее, чем это представлялось А. Н. Бернштаму (Вадецкая 1999: 47–64). А вот его догадка о разновременности таштыкских грунтовых могильников и датировки некоторых из них, в частности, Оглахтинского III–IV вв. н. э., подтвердилась.

Основными артефактами, с помощью которых датируют таштыкские могилы, по-прежнему являются стеклянные бусины и импортные ткани, а корректируют эти датировки относительная периодизация могильников, отдельные изделия и другие данные: радиоуглеродные даты деревянных срубов, орнаментация вещей и татуировки покойников (Там же: 65–75).

Могильники и отдельные их части делятся на три групп по размерам кладбища, численности в них индивидуальных, парных или коллективных захоронений, а также преобладанию захоронения трупов или кремированных останков. Радиоуглеродные даты дают хронологические различия отдельных групп могильников в пределах I–II вв., II–III вв., IV в. Однако для датирования годятся образцы дерева только из непотревоженных срубов или их частей (Там же: 66–67).

Небольшое число стеклянных бус (однотонные, глазчатые и с позолотой) из грунтовых могил у оз. Горькое (Там же: 227–228), кратко описаны С. А. Теплоуховым, Г. П. Сосновским и Л. Р. Кызласовым. Г. П. Сосновский, как уже указывалось, нашел визуальное сходства глазчатых бус с ранними сарматскими (Сосновский 1933: 39), а Л. Р. Кызласов указал на наличие аналогичных золоченных и сердоликовых граненых бус в Дэрестуйском могильнике Забайкалья I в. до н. э.

Первый опыт изучения десятков бусин из собственных раскопок таштыкских могильников был сделан мною благодаря тому, что для серии бусин стали известны результаты химического анализа. С учетом химического состава бус и их внешних признаков удалось выделить изделия из Восточного Средиземноморья, которые датированы по аналогичным бусинам из Северного Причерноморья. Бусины, распространенные в Восточном Средиземноморье в I–II вв., найдены в группе ранних таштыкских могил, а бусины II–Ш вв. — в средней группе (Вадецкая 1999: 66–69, рис. 36).

В поздних грунтовых могилах (III–IV вв.) бус не было, в связи с чем эти могилы датируются по китайским шелковым тканям.

Кусочки тонкого шелка известны только по описаниям А. В. Адрианова (Там же: 71). Некоторые фрагменты толстых полихромных тканей из Оглахтинского могильника были изучены специалистами. Они не подтвердили сходство оглахтинских тканей с тканями из могил хуннов, где были обнаружены более древние ткани, относящиеся к так называемой ноинулинской группе, которая датируется второй половиной I в. до н. э.–началом I в. н. э. Полихромные ткани Оглахтинского могильника принадлежат к лоуланьской группе (III–начало IV в.), в которую также входят ткани с кладбища из района Лобнора и из Нии. Упомянутое кладбище имеет даты от 252 до 330 г. (Лубо-Лесниченко 1994: 194; Вадецкая 1999: 71). Ткани использованы для обшивки берестяных туесков-накосников и мешочков, в которые прятали косы, а также для обшивки колчана.

Датированные ткани происходят из трех могил, относящихся ко второй хронологической группе таштыкских могильников. Одна из этих могил раскопана Л. Р. Кызласовым в 1969 г. Кроме тканей сруб датирован радиоуглеродным методом: получены усредненные даты с интервалами 260–296 и 372–402 гг., однако более вероятная дата сруба — 387 ± 15 л. (Панкова и др. 2010).

Косвенно датировка подтверждена одной из татуировок на теле мужской мумии из этой могилы. С. В. Панкова распознала на татуировке изображения фантастических членистоногих существ, которые были скопированы, по ее заключению, с шерстяной китайской ткани, сохранившейся в могильнике III в. в районе Хотана (Восточный Туркестан). Но ни эта аналогия, ни ткань не убедили Л. Р. Кызласова в датировке сруба III–IV вв. н. э. Он лишь согласился с тем что могила относится не к I в. до н. э., на чем он настаивал ранее, а к рубежу эр (Кызласов, Панкова 2004).

Косвенным подтверждением датировки IV в. другой могилы с тканями, раскопанной А. В. Адриановым (Оглахты I, могила 1), может быть обшивка головы куклы. Голова неоднократно публиковалась мною в связи с изучением вопроса о технологии изготовления кукол. Обращает на себя внимание сходство ее верхней обшивки с лицевыми покрытиями погребенных в могильниках Турфанского оазиса IV–VII вв. Турфанские покрывала шили из толстой полихромной ткани и с внутренней стороны дублировали гладкой тканью, охватывающей голову умершего. Снизу у затылка находились завязки, а под покрывалом на глаза помещали металлические или тканевые наглазники (Лубо-Лесниченко 1995: 351–359). Если представить лицевое покрытие, тонкая ткань которого закрывала переднюю часть головы, а толстая — макушку, то получится сходство с обшивкой головы куклы из могильника Оглахты.

Голова сложена из комков травы как скульптура, моделированы впадины глаз и рта, пришиты нос и брови. Ее лицевая сторона, обшитая толстой кожей, обтянута тонким красным шелком, который первоначально был собран у подбородка. На обратной стороне шелка первоначально были вышиты глаза, возможно имитирующие наглазники. Надо лбом тонкий шелк сшит с толстым полихромным шелком (рис. 1, *1*, *2*). Последний выглядит лишним поверх кожи на макушке, поскольку она была под меховой шапкой, от которой сохранилась кромка меха вдоль лба (Вадецкая 1999: рис. 7).

В Оглахтинском могильнике (группа I) А. В. Адрианов раскопал 9 могил, из которых две (№ 1 и 2) относятся к началу IV в. Поблизости от них располагались другие погребения, не имеющие точных датировок. Очевидно, они были также совершены в III–IV вв. Важность этого наблюдения станет понятной при изложении нового сюжета, связанного с наблюдениями А. Н. Бернштама.

В 1946 г. завершились раскопки развалин сырцового дворца под г. Абакан на речке. Ташебе. Разобраться в руинах было сложно, поскольку раскопки из-за прокладки шоссе проводились в сжатые сроки. По счастью, главные работы осуществляла Л. А. Евтюхова, которая тогда среди сибирских археологов была не только лучшим полевым методистом, но и чертежником, и художником. Ей удалось установить, что сначала рухнула крыша дворца, крытая тяжелой глиняной черепицей, а затем массивные глиняные стены. В образовавшемся поверх руин холме было выкопано пять могил и оставлены жертвоприношения разного времени. Из-за различных по высоте глиня-

ных стен дворца и. сходстве его архитектурных деталей с моделями китайских домов, найденных в гробницах эпохи Хань близ Порт-Артура, Л. А. Евтюхова пришла к выводу о том, что здание, относящееся к ханьскому времени, было выстроено в соответствии с каноном китайской архитектуры (Киселев 1949: 268–272, табл. XLV–XLVI). Впрочем, относительная дата здания была определена еще до полного окончания раскопок на основании найденной трафаретной надписи с благопожеланиями императору. Она была оттиснута на круглых дисках фронтона дворца по сырой глине двумя схожими штампами из китайских иероглифов. Эстампы, рисунки и фото дисков были переданы филологу-китаисту В. М. Алексееву, который прочитал надпись и определил, что по характеру знаков и грамматическим особенностям она типична для эпохи Хань (206 г. до н. э.–220 г. н. э.). Прочитанная им надпись имела следующее содержание: «Сыну неба (т. е. императору) 10000 лет мира, а той, которой мы желаем (т. е. императрице) 1000 осенней радости без горя» (Киселев 1949: 268)

Следует иметь в виду, что при изучении руин дворца практически все исследователи используют китайские письменные источники. До 1960-х гг. они были единообразны и сводились к так называемой динлино-гяньгуньской гипотезе, которая сложилась в то время, когда лингвистические и антропологические исследования опережали археологические и палеоантропологические. В 1967 г. Н. Л. Членова впервые аргументированно выступила против отождествления тагарских племен с динлинами китайских источников конца III в. до н. э.–III в. н. э., проживавших от Байкала до Иртыша (Членова 1967: 221). Критика Н. Л. Членовой подрывала веру в динлин-гяньгуньскую гипотезу и в реальность проживания Ли Лина на Енисее. В 1990-х гг. я подробно анализировала все три аспекта этой, ставшей неактуальной гипотезы (антропологический, лингвистический, археологический; Вадецкая 1999: 19–23, 182–184). Судя по последним прочтениям китайских текстов, количество которых возросло по сравнению с предшествующим периодом, земля динлинов, и гяньгуней, где проживал Ли Лин, располагалась в I в. до н. э. не на Енисее, а на юго-востоке Казахстана или на северо-западе Туркестана (Там же: 183). Но в то время ни Г. П. Сосновский, ни авторы раскопок дворца (Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, С. В. Киселев) не могли избежать соблазна и считали, что здание принадлежало герою китайских летописей, китайскому полководцу Ли Лину, плененному хуннами и поставленному наместником в земле хягас-гяньгунь, где он умер в 74 г. до н. э. Поэтому уже в первой публикации сведений о дворце авторы раскопок сузили его дату до I в. до н. э. (Евтюхова, Левашева 1946б).

Поскольку единичные находки в развалинах сооружения не давали точной даты, предложенная ранняя датировка вызвала протест со стороны А. Н. Бернштама. Фактически он открыл ведущуюся до сих пор дискуссию относительно датировки дворца и его интерпретации.

А. Н. Бернштам указал, что архитектурные детали здания, включая дверные бронзовые ручки, характерные для ханьской эпохи, существовали очень долго. Некоторые технические особенности, например, клинкерный обжиг черепицы, неизвестен ранее эпохи Тан. По мнению исследователя, находки гуннской и таштыкской культуры, очевидно, подстилали руины, а не перекрывали их. Наконец, в известном письме в Китай к Соуву (освобожденному из плена китайскому военачальнику – *Э. В.)* Ли Лин описывает свою жизнь явно не во дворце (Бернштам 1951: 72–73). Там он жалуется, что ему приходится жить в юрте, носить кожаную одежду, есть баранину и слышать постоянно крики кочевников (Бернштам 1946: 481).

В «Ответе А. Н. Бернштаму» Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева повторили аргументацию датировки дворца в соответствии с анализом надписи академиком В. М. Алексеевым. Как понял А. Н. Бернштам, они не только не настаивали на обязательной принадлежности здания Ли Лину, а даже отметили большую вероятность отнесения сооружения позже, к эпохе Старшей Хань (Евтюхова, Левашева 1946а). Тем не менее, в следующей статье, где опубликованы результаты раскопок 1945–1946 гг., план дворца и его реконструкция, Л. А. Евтюхова вернулась к первоначальным выводам. Принадлежность здания Ли Лину и датировку сооружения ханьским временем она аргументировала тем, что в китайских источниках иногда отмечается строительство дворцов и храмов

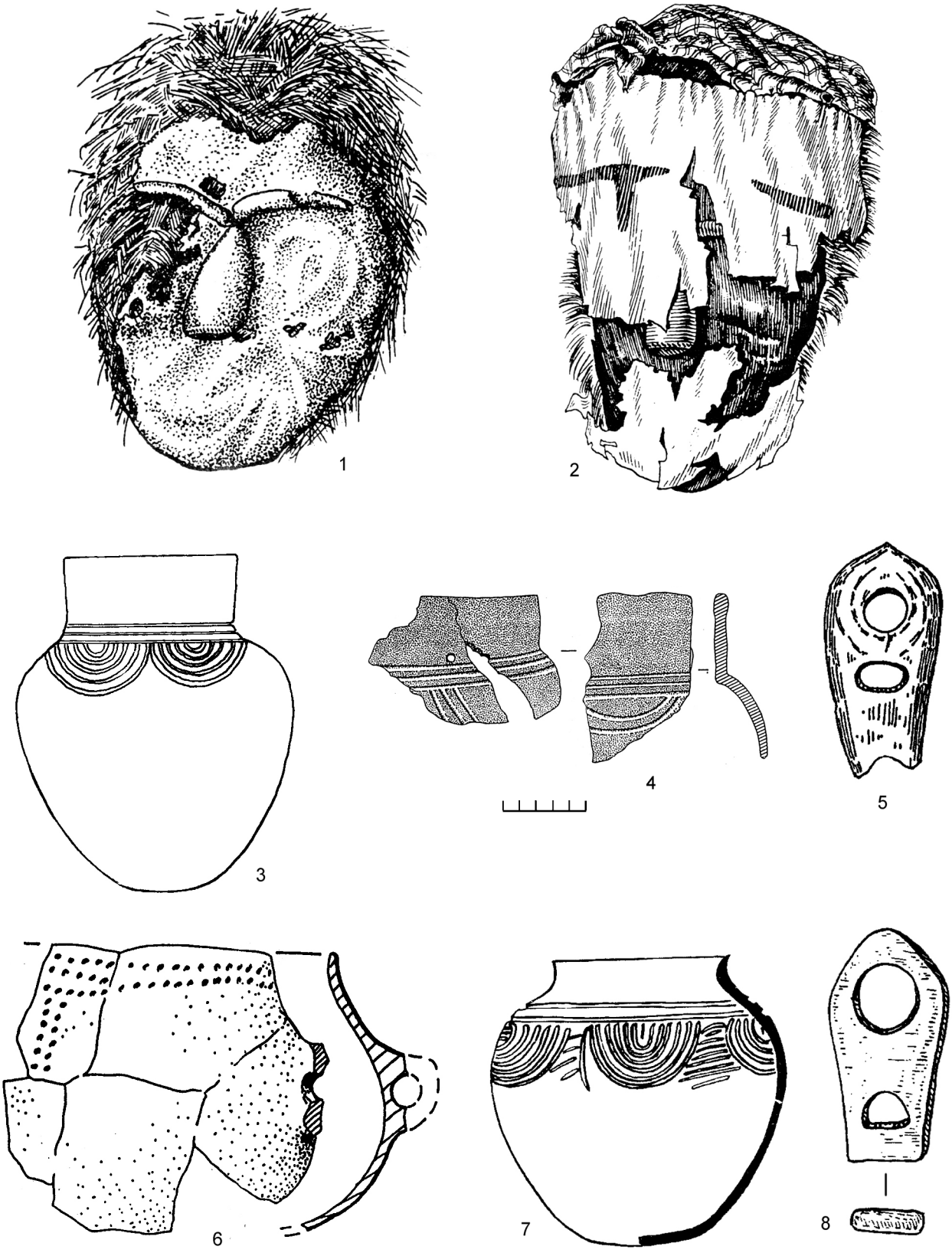

Рис. 1. Предметы таштыкского облика:
1, 2, 7, 8 — могильник Оглахты I (1–2 — могила 1; 7 — могила 5; 8 — могила 7);
3–6 — из впускных могил в руинах дворца китайской архитектуры у г. Абакан
(3, 4 — могила 1; 5 — могила 2; 6 — могила 4; 3 — по Вадецкая 1999; 4 — по Кызласов 2001)

на территории, занимаемой гуннами и усунями. Что же касается замечания А. Н. Бернштама о наличии находок таштыкских вещей, более поздних, чем проживание Ли Лина, то они, по мнению Л. А. Евтюховой, вероятно, относятся к захоронениям в руинах здания (Евтюхова 1947).

Однако от своего мнения не отказался и А. Н. Бернштам. Он настаивал на том, что во дворце мало документированных находок китайского происхождения и неясно взаимоотношение руин с находками гуннской и таштыкской керамики. Кроме того, выглядит странным, что китайцы, будучи хорошо осведомленными о жизни Ли Лина, не указывают ничего о строительстве его дворца, тогда как в источниках имеются сведения о постройке храма в земле гуннов в честь китайского полководца Лигуанли.

С. В. Киселев, хотя и менее категорично, чем Л. А. Евтюхова, тоже считал, что абаканский дворец принадлежал наместнику Ли Лину, причем исследователь относил строительство здания к ранней таштыкской эпохе, которая по времени близка началу нашей эры (Киселев 1949: 264–272)

Л. Р. Кызласов выстроил свою схему доказательств времени сооружения дворца, в соответствии с которой здание было возведено до середины I в. до н. э. Прежде всего, он попытался сузить время существования грунтовых могил с середины I в. до н. э. до середины I в. н. э., тогда как ранее исследователи датировали их в интервале I в. до н. э.–I в. н. э. (Кызласов 1960: 115). Эта передатировка было нужно для того, чтобы удревнить две таштыкские могилы, впущенные в руины здания. В этом случае дискуссионность датировок единичных вещей, найденных в развалинах дворца, не имела значение. Их широкие хронологические рамки не противоречили ни предполагаемому возрасту дворца, ни возможности проживания в нем Ли Лина до самой его смерти, последовавшей в 74 г. до н. э. (Там же: 161–166).

Таким образом, поздний возраст дворца, предложенный А. Н. Бернштамом, был отвергнут. Тем не менее дискуссия о том, кто и когда в нем жил, продолжилась.

В 1976 г. филолог-китаист М. В. Крюков и этнограф С. И. Вайнштейн опубликовали статью «Дворец “Ли Лина” или конец одной легенды» (Вайнштейн, Крюков 1976). М. В. Крюков заново перевел надпись на черепице. Теперь она читалась так: «Сыну неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя». Анализ палеографических особенностей надписи позволяет отнести ее к эпохе императора Ван Мана (9–23 гг.). Дело в том, что начертание иероглифа «чан» в надписи использовалось в Китае только с 9 г. по 23 г. Такая датировка черепицы дворца была обоснована еще в 1963 г. китайским ученым Чэнь Чжи, исходя из содержания указа Ван Мана. Император повелел изменить написание имени столицы — Чанъань и императорского дворца — Чанлэ (Ковалев 2007: 145). В связи с новой датой дворца С. И. Вайнштейн указал на возможность его принадлежности принцессе Имо, жене наместника «правых земель» Сюйбудана. Ее матерью была китаянка, а отцом — шаньюй хуннов.

К новой датировке сооружения я отнеслась с полным доверием. Она соответствовала хронологическим рамкам, определенным академиком В. М. Алексеевым для строительства дворца, была близка дате (около начала нашей эры), которую предлагал С. В. Киселев. Изделия, найденные во дворце (нефритовая подвеска, бронзовая пряжка, оселок, железные нож с кольцевым навершием, крючок) были распространены не только в I в. до н. э. но и в I в. н. э. и даже позже (Вадецкая 1986: 142; 1999: рис. 37). В то же время я не исключила возможности того, что дворец был построен чуть позже указанных дат, например до середины I в. н. э., поскольку датирована не черепица, а штамп с надписью, нанесенный на сырую глину (Там же: 72).

Что же касается пяти впускных одиночных могил, найденных в развалинах дворца, то они, не являясь частью кладбища, были выкопаны в разное время и датируются значительно позднее, чем ранее предполагалось. Так, две могилы по форме и орнаменту сосуда (рис. 1, *3, 4*), либо по костяной пряжки от сбруи или обуви (рис. 1, *5*) синхронизируются с двумя могилами Оглахтинского могильника (рис. 1, *7, 8*), относящегося, как выше сказано, к III–IV вв. н. э. Еще в одной впускной могиле была обнаружена часть сосуда (рис. 1, *6*) со сливом и боковыми ручками, снабженными отверстиями (Кызласов 2001: рис. 9, *1*). Подобные сосуды встречаются в таштыкских скле-

пах V–VI вв. (Грязнов 1979: рис. 69, *4*; Вадецкая 1999: рис. 75, *139*) и поминальниках (Кызласов 1960: рис. 58, *1*). Наконец пятое погребение (в колоде) условно относится к XIII–XIV вв. (Кызласов 2001: 19, рис. 6).

Я предположила, что дворец вместе с примыкающим укрепленным поселением мог быть китайской «колонией» I в. н. э. Аргументацией послужили, с одной стороны, архитектура дворца и надпись на черепице, обращенная к китайскому императору. С другой стороны, время функционирования дворца совпало с появление на Енисее таштыкских кладбищ с хуннскими и китайскими традициями, а около дворца проживал гарнизон, использовавший в быту простейшую керамику таштыкского типа и употреблявший в пищу свинину. Местное население свиней не разводило (Вадецкая 1999: 193–195).

Л. Р. Кызласов категорически возражал против каких-либо предположений, отличных от высказанных им 40 лет назад. Меня он упрекнул в том, что я датирую дворец на основании чужого мнения. Между тем сам он проигнорировал мои разработки по уточнению хронологии таштыкских могил в целом и впускных в руины дворца в частности (Вадецкая 1992). Но главными оппонентами для него, естественно, были С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков, уточнившие время надписи черепицы, что он не мог оставить без внимания. Л. Р. Кызласов высказал также упреки по адресу китайского исследователя Чжоу Лянкуань, датировавшего дворец I в. н. э. (Кызласов 2001: 105–113). Не будучи китаистом, Л. Р. Кызласов критикует М. В. Крюкова и С. И. Вайнштейна за неправильный перевод надписи на черепице, утверждая, что ни по-русски, ни по-китайски нельзя в одной и той же фразе желать одному и тому же лицу одновременно то «одну тысячу осеней», то «десять лет вечной радости без горя». Он утверждал, что вышеупомянутые исследователи без достаточных оснований ссылаются на указ Ван Мана при анализе знака «чан» на дисках черепицы и не правы в том, что на ней оттиснуты иероглифические «благопожелания китайскому императору». Сам Л. Р. Кызласов видит в надписи обращение к шаньюю и призывает, чтобы в научном обиходе оставался лишь перевод академика В. М. Алексеева.

Новизна суждений Л. Р. Кызласова, со времени выхода в свет его монографии в 1960 г., заключается лишь в изменившемся представлении об архитектуре здания. В отличие от укрепившегося мнения он более не считал, что дворец соответствует канонам китайской архитектуры, и полагал, что здание строили западно-азиатские мастера (Там же: 61–104).

На палеографические замечания Л. Р. Кызласова ответил А. А. Ковалев (2007). Современные китайские исследователи, по его сведениям, датируют все черепичные диски с измененным написанием слова «чан» периодом, когда власть узурпировал Ван Ман. Датировка черепицы подтверждается также тем, что надпись читается крестообразно. Такое расположение иероглифов на дисках, характерное для ханьских монет, получило распространение только в поздний период Западной Хань (со второй трети I в. до н. э.) и продолжало широко бытовать в эпоху Восточной Хань. Однако написание крестообразным способом столь большой надписи (десять знаков) для Китая необычно.

С точки зрения А. А. Ковалева использование перевода В. М. Алексеева, сейчас невозможно, поскольку перевод основан на домыслах и без учета формульного характера использованных в надписи выражений. Что же касается благопожелания на черепице, то они являются типичными на ханьских тканях, зеркалах и монетах. Поэтому не надо удивляться, как это делает Кызласов, что одному и тому же лицу одновременно желают «одну тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости».

А. А. Ковалев предлагает свою интерпретацию дворца. Создание надписи для шаньюя представляется ему невозможным и не подтверждается надписями, известными на черепицах и посвященных именно шаньюю. А вот стремление указать титул на черепице свидетельствует о желании подчеркнуть, что хозяином был именно китайский император. А. А. Ковалев в китайских летописях находит имя императора, который мог бы жить в таком дворце. Это Лу Фан, объявивший себя правнуком императора У Ди и несколько раз поднимавший восстание. Шаньюй призна-

вал его императором Китая. В разные годы Лу Фан жил среди сюнну, причем в последний раз, будучи вывезенным сюнну из Китая в 40–41 гг., проживал здесь в течение 10 лет до самой смерти (Там же: 147). Если дворец был построен для него, то произошло это около середины I в. н. э.

Итак, на сегодняшний день пророческим выглядит утверждение А. Н. Бернштама о том, что лишь после уточнения датировки дворца можно ставить вопрос, и то в порядке догадки, о принадлежности этой постройки Ли Лину (Бернштам 1951: 74) или кому-нибудь другому.

Бернштам 1946 — *Бернштам А. Н.* [Рец. на:] Евтюхова Л., Левашева В. Раскопки китайского дома близ Абакана // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. 1946. Т. 3, № 5.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея Л., 1986.

Вадецкая 1992 — *Вадецкая Э. Б.* Стратиграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 2. С. 8–11.

Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

Вайнштейн, Крюков 1976 — *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Дворец «Ли Лина» или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.

Грязнов 1979 — *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников под горой Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 89–146.

Евтюхова 1947 — *Евтюхова Л. А.* Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 79–85.

Евтюхова, Левашева 1946а — *Евтюхова Л. А., Левашева В. П.* Ответ А. Н. Бернштаму // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 3, № 6. С. 573–574.

Евтюхова, Левашева 1946б — *Евтюхова Л. А., Левашева В. П.* Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 72–84.

Киселев 1935 — *Киселев С. В.* Маски из древнейших чаа-тас. Минусинск, 1935 (Известия Государственного музея им. Н. М. Мартьянова. № 1).

Киселев 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949 (МИА. № 9).

Ковалев 2007 — *Ковалев А. А.* Китайский император на Енисее? Еще раз о хозяине ташебинского «дворца» // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 145–148.

Кызласов 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха. М., 1960.

Кызласов 2001 — Кызласов Л. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001.

Кызласов, Панкова 2004 — *Кызласов Л. Р., Панкова С. В.* Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. 2004. Вып. 62. С. 61–67.

Лубо-Лесниченко 1994 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.

Лубо-Лесниченко 1995 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Погребальные маски и лицевые покрывала в Центральной Азии // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 351–359.

Панкова и др. 2010 — *Панкова С. В., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И.* Радиоуглеродное датирование Оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» // АЭАЕ. 2010. № 2 (42). С. 46–56.

Сосновский 1933 — *Сосновский Г. П.* О находках Оглахтинского могильника // ПИМК. 1933. № 7–8. С. 34–41.

Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

В. В. Гусаков (Киев, Украина)

Политическая модель взаимодействия сако-массагетов с державой Ахеменидов: формирование, основные принципы, эффективность

Сако-массагетские племена сыграли важнейшую роль в древней истории среднеазиатского междуречья. Контролируя значительную часть Средней Азии, они традиционно выступали активным фактором местной (региональной) политики. На продолжительное время (двести лет) сако-массагеты и их соседи по среднеазиатскому региону оказались включены в состав государства Ахеменидов — могущественной державы древности, претендовавшей на роль вселенской империи. В этот исторический период между правящей персидской династией и населением Средней Азии (включая саков и массагетов) выработалась определенная модель взаимодействия, которая просуществовала практически до самого крушения империи Ахеменидов под ударами войск Александра Македонского.

Восточное или среднеазиатское направление внешней политики Ахеменидской державы обозначилось как одно из приоритетных фактически с момента ее возникновения в 550 г. до н. э. Встав во главе обширной Мидийской державы, персидский царь Кир унаследовал не только ее активы (регалии «великого царя, царя царей, царя стран», громадную территорию, тяжеловооруженную мидийскую конницу), но и внешнеполитические проблемы в которых в последние годы существования Мидии как независимого государства, ее цари совершенно запутались. Занимая огромную территорию от восточных районов Малой Азии, Армении и Северной Месопотамии на западе до юго-западных районов Центральной Азии на востоке, мидийские государи, тем не менее, стремились продолжать экспансию во всех направлениях, притом неудачно. В Малой Азии Мидия находилась в длительном конфликте с Лидийским царством, мощным государством на западе полуострова, поставившим эффективный заслон продвижению мидийцев на запад. Отнимавшая уйму сил и времени война с лидийцами отвлекла внимание руководителей Мидии от перемещений крупных групп сако-массагетских племен на ее восточных границах. Выдвинувшиеся из района Приаралья племена евразийских кочевников всей своей массой обрушились на восточноиранские области, захватывая оазисы Согда, Бактрии и Маргианы. Масштабное вторжение саков нашло свое отражение в авестийских источниках, упоминающих о перипетиях тяжелой и по-видимому не вполне удачной вооруженной борьбы местных владетелей (кави) против воинственного туранского вождя Арджаспа (Harmatta 1979: 119–120).

Невзирая на сопротивление местного населения и, в частности, подвиги легендарного арийского витязя Спентодаты (Исфандияра) среднеазиатские области Мидийского царства оказались потеряны для центральной власти (Фирдоуси 1965: 127–208). Лишь ее своевременный переход от мидийского царя Астиага к решительному Киру Ахемениду и полное переформатирование государства позволили выправить ситуацию. Новому правителю, унаследовавшему и преумножившему огромную империю на западе, и на востоке постепенно удалось восстановить утраченные позиции, возобновить власть над отпавшими странами. Источники не сообщают нам хронологию и подробности среднеазиатских военных компаний Кира, да, скорее всего их и не было. Дело в том, что племена персов, мидийцев и сако-массагетов не разделяли какие-то глубинные межнациональные, межрасовые или межцивилизационные противоречия. Население Ирана и Турана в ту эпоху в расовом отношении было идентичным. В VI в. до н. э. персы, мидийцы, саки (амюргии, тиграхауда и пр.), дахи, каспии, парфяне являлись братскими народами с несущественными языковыми и поведенческими (ментальными) различиями. В силу этого, вполне реально предположить существование у них в то время стремления и к определенной политической консолидации, хотя бы как дань недавнему легендарному прошлому.

Естественным выглядит признание в конце VII в. до н. э. большинством субэтнических групп (племен, родов, кланов) Ирана и Средней Азии первенства царя Киаксара как самого мощного из всех арийских военных вождей. В правление следующего государя, Астиага первенство мидийского царствующего дома было подорвано, что привело к всеобщей дезинтеграции и росту амбиций местных авторитетов наподобие Кира Ахеменида или туранца (сака) Арджаспа.

Смена элит в Экбатанах и приход к власти персов во главе с Киром способствовали воссоединению Ирана со среднеазиатским регионом, установлению устойчивого мира и политического единства. Военные и, шире, организационные мероприятия, предпринятые Киром, снискали ему славу удачливого военачальника, из руководителя небольшой периферийной Персии превратили в лидера самого крупного, богатого и цивилизованного на тот момент государства в мире. В подобных условиях большинство сако-массагетских племен среднеазиатского междуречья благоразумно посчитали, что лучше влиться в обновленную империю, чем находиться на ее границах.

Возможно, в процессе реинтеграции Кир перегнул палку, что привело к его конфликту с некоторыми сакскими племенами, не желавшими окончательно расставаться с прежними вольностями. Так или иначе, его последний поход против них в 530 г. до н. э. оказался на редкость неудачным и стал концом его царствования и жизненного пути. Однако даже такое резонансное событие не привело к началу длительного противостояния саков и персов. Саки прекрасно осознавали военное превосходство противника и уже при сыне Кира Камбизе компромисс был найден. Территориальная целостность среднеазиатских владений Ахеменидов была восстановлена в прежних объемах, даже останки Кира были возвращены на родину, где и были с почестями похоронены в специальном мавзолее в Парсе. Положение на востоке было настолько прочным, что Камбиз решился в 526 г. до н. э. на задуманный еще его отцом завоевательный поход против Египта.

После смерти Камбиза в Египте в 522 г. до н. э. в государстве произошел внутренний конфликт, связанный с неразберихой в вопросе престолонаследия. В борьбе, закончившейся воцарением Дария I Гистаспа, среднеазиатские элиты, по всей видимости, поддерживали его противника — то ли младшего сына Кира Бардию, то ли мага Гаумату, выдававшего себя за указанного царевича (Дандамаев 1985: 64–69, 77–85). Результатом проигрыша внутриполитической борьбы стали репрессии Дария, обрушившиеся на Среднюю Азию.

Притеснения со стороны персов провоцировали отдельные группы населения региона переселяться за пределы страны. Некоторые сакские племена, нелояльные новой власти, попытались вернуться на родину в евразийские степи, но в пути были настигнуты мстительным Дарием. Согласно Бехистунской надписи кампания 518 г. до н. э. развивалась следующим образом: «Говорит Дарий-царь: “Затем я отправился с войском в страну саков, преследуя саков, которые носят остроконечные шапки (тиграхауда). Эти саки ушли от меня. Когда я достиг моря, я через него со всем войском переправился. Затем я убил многих саков. Одного их предводителя я захватил, он, связанный, был приведен ко мне, я его казнил. (Другого) их предводителя, по имени Скунха — они сами схватили его, привели ко мне. Тогда я назначил над ними другого предводителя, так, как мое желание было. Затем страна стала моей”» (Бехистунская надпись II, 8 (§ 21)].

Мнения ученых о том, море или река упоминается в этом месте, существенно разнятся. Например, В. В. Струве однозначно переводил «море» (Струве 1946: 231–250); известный венгерский ученый Я. Харматта — «прибыл к морю. Реку по названию Арахша я пересек…» (Harmatta 1979: 27); М. А. Дандамаев переводил исключительно как «река» (Дандамаев 1985: 100). По всей видимости, Дарий, пересек все-таки реку и это был Узбой — старое русло Амударьи, впадавшее в Каспийское море. Форсировав эту водную преграду, он вторгся в земли саков, которые обитали к северо-западу от Согда, вплоть до Хорезма и Аральского моря. Таким образом, Дарий провел успешную военную операцию в тех самых краях, где незадолго до этого трагически погиб Кир Ахеменид. Захвату Скунхи Дарий придавал, очевидно, большее значение, чем казни другого вождя, имя которого даже не упоминается. Изображение Скунхи было высечено на Бехистунской скале (рядом с надписью) среди других сильнейших врагов ахеменидского царя. Примечательно, что в

отличие от неназванного сакского вождя, Скунха не был казнен, из чего можно сделать вывод, что подвластный ему народ и территория ранее не подчинялись Ахеменидам. Это давало право Дарию рассматривать Скунху не как изменника, но как сражающегося врага.

Таким образом, Дарию удалось не только восстановить пошатнувшиеся было позиции в Средней Азии, но и раздвинуть северо-восточные границы Ахеменидской ойкумены за счет включения в состав своего гигантского государства Мангышлака, Устюрта и низовий Сырдарьи, населенных покоренными саками (Левина 1996: 369).

Дарий I — культовая фигура иранской истории. Автор важнейших политических, административных, налоговых преобразований, фактически именно он является подлинным организатором могучего древнеперсидского государства. При Дарии вся территория империи, для удобства управления и эксплуатации была разделена на сатрапии. Сатрапии были обязаны платить налоги, взимавшиеся в серебре и измерявшемся эвбейскими талантами (Геродот, III, 89). Есть все основания полагать, что в среднеазиатских областях основную часть налога вообще составляли натуральные сборы, лишь условно исчислявшиеся в серебряных талантах. Главной повинностью для саков и их соседей была военная служба в персидском войске. Этническая близость, а также общее вооружение и способы ведения войны — ставка на ударную силу многочисленной тяжелой конницы с бойцами, а кое-где и лошадьми, закованными в пластинчатую и чешуйчатую броню, безусловно, облегчало взаимодействие на поле боя. Кроме того это было явным свидетельством доверия персидских царей к своим восточно-иранским «младшим братьям».

В общем, персидским царям удалось поглотить Среднюю Азию, активно привлекая местные элиты к участию в государственной и экономической жизни своей империи. Последних подобный подход вполне устраивал, и они охотно шли на сотрудничество с персами, гарантируя им на Востоке крепкий стратегический тыл. Для взаимодействия Ирана и среднеазиатской полукочевой периферии в VI–III вв. до н. э. характерны следующие принципиальные моменты. Присоединение стран региона к государству Ахеменидов не сопровождалось кровопролитными затяжными войнами. Причины последнего похода Кира и постигшего его в нем несчастья до конца непонятны, а жестокости Дария I вызваны скорее ожесточением гражданской войны, нежели межнациональными и международными конфликтами. В целом, режим Ахеменидов в Средней Азии был щадящим и гораздо больше напоминал отношения неравноправных партнеров, а не оккупационный порядок, построенный на жестокой эксплуатации покоренных территорий. Подобный подход, безусловно, импонировал народам региона, а персидские цари — владыки полумира пользовались у них реальным авторитетом.

Дандамаев 1985 — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Левина 1996 — *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. М., 1996.

Струве 1946 — *Струве В. В.* Поход Дария I на саков-массагетов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3, № 3. С. 231–250.

Фирдоуси 1965 — *Фирдоуси.* Шахнаме. М., 1965. Т. 4.

Harmatta 1979 — *Harmatta J.* Darius' Expedition Against the Saka Tigrahauda. Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.

Ю. И. Елихина (Санкт-Петербург, Россия)

Бактрийские ткани из коллекции Государственного Эрмитажа

В коллекции Государственного Эрмитажа находится более ста фрагментов шерстяных тканей, найденных в горах Ноин-Ула (Северная Монголия), в комплексах археологических памятников кочевой культуры гуннов (сюнну). Эти находки были обнаружены русским путешественником и исследователем П. К. Козловым (1863–1935 гг.) во время его последней экспедиции (1923–1926 гг.) в Центральную Азию. Ткани, датирующиеся концом I в. до н. э.–I в. н. э., происходят из Кондратьевского кургана, а также из курганов № 1, 6, 23, 25.

О бытовании у сюнну различных привозных шерстяных изделий свидетельствуют китайские источники. Так, Ду Ду, автор «Рассуждений о границе» пишет: «Гунны пришли просить капитуляцию. Шерстяные покрывала, узорные занавеси, навесы и ковры лежали грудами как горы» (Лубо-Лесниченко 1994: 231).

Ткани, найденные в погребениях сюнну, можно разделить на четыре типа: 1) однотонные материи; 2) полихромные материи; 3) вышивки; 4) гобелены. Большинство исследователей считают, что «шерстяные ткани происходят из Передней Азии» (Грязнов 1980: 25; Пламеневская 1975: 199–206; Руденко 1962: 97).

Однотонные ткани служили основой для вышивки и изготавливались в технике полотняного переплетения. Они имели желтый, бежевый, синий, красный и коричневый (изначально пурпурный) цвет. Большинство фрагментов этих тканей были опубликованы (Руденко 1962; Trever 1932).

Особое место в эрмитажной коллекции занимает большая шерстяная завеса (5 х 5 м) с вышивками, которая закрывала потолок наружной камеры кургана № 6. Она сшита из широких полос гладких полихромных шерстяных тканей, которые декорированы различными типами геометрического орнамента. Наиболее интересен идущий по краю изделия тканый орнамент. Он представляет собой персидский архитектурный мотив: ступенчатые крепостные стены, образованные из мелких чередующихся квадратов.

Материалом для завесы послужила тонкая, мягкая как пух шерсть диаметром от 20 до 40 микрон. Основа выполнена из крученой шерсти в две нити. Крутка основы насчитывает 20 оборотов в одном дециметре, а крутка отдельной нити — от 12 до 18 оборотов. Уток представляет собой одинарную пряжу средней крутки от 5 до 10 оборотов. Ткань сработана полотняным переплетением при двойном утке по типу бархатного построения. В среднем плотность числа нитей в основе составляет 8, в утке — 34. Имеется один образец плотностью по основе 3–6, а по утку — 52 нити в см, и с числом 14 х 26 в квадратном см (Воскресенский, Тихонов 1932: 8–10).

Завеса расшита фигурками рыбок, черепах и птиц, которые перемежаются с изображениями цветов и крестообразными фигурами. В основе таких фигур находятся четыре трилистника. Подобные шерстяные вышивки были найдены в захоронениях Алтая в скифское время. Позднее такие сюжеты стали центральным орнаментальным мотивом в прикладном искусстве тюркских народов.

Центральное поле одного из фрагментов (ширина 47 см) завесы с изображением черепах и рыб заполнено узорами из цветков сердцевидной формы с крестиком в нижней трети и отходящими от них крестообразно расположенными трилистниками с тычинками и виноградными усиками. Внутри квадратов, образованных этими цветками и усиками, вышиты изображения черепах и стилизованных рыб. Изображения эти расположены так, что в одном диагональном направлении идут непрерывные ряды черепах или рыб, а в другом направлении изображения черепах чередуются с изображениями рыб. Позы черепах одни и те же: они показаны в проекции «вид сверху». Каждая черепаха держит во рту травинку. При одном и том же стилистическом оформлении наблюдается

пять различных вариантов в изображении деталей панцирей черепах. Для первого варианте характерен панцирь, разделенный на чешуйки, в центре каждой чешуйки помещен крестик; для второго свойственно помещение крестиков в центре соприкосновения четырех чешуек; для третьего присуще нахождение крестиков в центре чешуек и в местах их соприкосновения; для четвертого характерно разделение панциря полосою с зигзагообразным орнаментом в продольном направлении на две одинаковые половины, внутри чешуек вышиты крестики; для пятого свойственно размещение внутри чешуек вместо крестиков продолговатой фигуры.

При одной и той же изогнутой позе рыб, изображенных в профиль, и одном и том же их стилистическом оформлении (многочисленные плавники) можно выделить два варианта: рыбы с узкой длинной головой и с короткой головой с усиками.

Центральное поле рассматриваемого фрагмента обрамлено вышивкой из ряда каплевидных фигур, отделенной полоской в две нити от орнамента из непрерывного ряда спиралей с крестиками вверху и внизу. Вышивка имеет ширину 5 см. Бордюр окаймляет нашитая на ткань полоска шерстяной материи шириною 2,2 см. Эта полоска соткана в саржевом переплетении нитей со счетом 13 х 33 в квадратном сантиметре.

Следующий бордюр, достигающий ширины 8 см, состоит из чередующихся лучистых розеток с крестиком в центре и крестообразными цветами. От центра розетки отходят вытянутые в продольном направлении трехлепестковые цветы с чашелистиками и завитками. Этот бордюр также заключен в рамку узкой шерстяной полоской, нашитой на ткань. Далее повторяется тот же бордюр из ряда каплевидных фигур и спиралей, с той лишь разницей, что он имеет ширину 6 см., и что ближе к его центру расположен непрерывный ряд спиралей. Главной особенностью изображений рыб является динамичность их поз.

Второй, подобный первому, фрагмент драпировки отличается узором вышивки. Его размеры составляют 170 х 120 см. Ткань полотняного переплетения насчитывает 15 х 25 нитей в квадратном сантиметре.

Центральное поле этой части завесы разбито на ромбы вышивкой из перекрещивающихся рядов четырехлепестковых розеток, соединяющихся между собой S-образными фигурами. В ромбах, образованных цветами, вышиты крестообразные фигуры и изображения птиц и рыб. В одном из диагональных направлений вышиты ряды крестообразных фигур, птиц или рыб, а в другом направлении крестообразные фигуры чередуются с изображениями птиц и рыб. Центральное поле оконтурено рядом овальных фигур.

При сопоставлении изображений рыб на этом фрагменте и на фрагменте с черепахами обращают на себя внимание не только одни и те же позы рыб, но и их стилистическое оформление.

Еще один фрагмент завесы представлен вышивками с изображениями тигровых шкур. Этот фрагмент был сшит из широких полос с изображениями тигровых шкур и узких полос гладкой полихромной ткани с геометрическим орнаментом. Размер этого фрагмента составляет 175 х 152 см. Ширина ткани достигает 19 см., число нитей — 10 х 32 в одном квадратном сантиметре с утком слабой крутки.

На материи черными, белыми и желтыми нитями вышита распластанная шкура тигра, по хребту которой проходит прямая черная полоска. От нее вправо и влево вышиты черные волнистые полоски, изображающие полосатость тигра. На обоих концах шкуры выполнены изображения тигровых голов с передней парой лап. Некоторые тигры воспроизведены с оскаленной пастью. При общепринятой манере, нет и пары совершенно одинаковых вышитых голов, что указывает на выполнение работы различными вышивальщицами.

Техника вышивки фигур тигров разнообразна. Наряду с тамбурным швом контурные линии могут быть выполнены простыми стежками в виде веревочки, а пространство между ними заполнялось гладью.

На вышивках встречаются различные сюжеты: всадники, человеческие лица, фрагменты изображений людей, крылатые грифоны, узоры в виде эллинистических розеток, цветов, плодов граната и различных геометрических орнаментов.

Для техники вышивки характерно наложение на ткань разноцветных нитей слабой крутки и закрепление их на ее поверхности очень тонкими нитями. Такая техника называется басма (или шитье «в прикреп»). Она представляет собой вид глади. Основные нити накладываются плотными рядами и скрепляются тонкой шелковой нитью. Если при технике вышивки глади нити ложатся прямолинейно на плоскости, то при технике «в прикреп» направление наложения нитей разнообразное, даже в приделах одной детали.

На самом большом фрагменте вышивки (66 х 44 см) сохранилось неполное изображение группы всадников. На нем представлены один спешившийся всадник, второй виден только до половины, так как низ фигуры закрывают четыре лошади. У третьего также спешившегося всадника, стоящего за крайней левой лошадью, видна только нога и часть торса. В этой группе изображено не менее четырех лошадей. На изображении левой лошади сохранилась вся передняя часть, у двух следующих — только головы с шеей и передняя нога, у четвертой — только голова.

Спешившийся всадник изображен в ¾ поворота тела и с головой в профиль, второй — с лицом в ¾. На головах у них надеты прикрывающие не только темя, но и затылок гладкие головные уборы, из-под которых сзади виден пучок волос.

Верхняя часть одеяния без воротника не полностью прикрывала грудь и оставляла открытой шею. Всадники имели широкие штаны, завязанные у стопы, и короткую мягкую обувь без голенищ. Их одежда, вероятно, шерстяная, расшита характерными узорами из трилистников внутри ромбов и крестиками внутри квадратов. Некоторые исследователи считают такую одежду типично иранской.

Привлекают внимание породистые кони с изящной головой на тонкой шее, с длинными и тонкими ногами. В рассматриваемый период времени конями славились Бактрия и Парфия. У всех лошадей изображена однотипная узда с налобным, наносным и подшейным ремнями, а также с ремнем оголовья. На перекрестьях ремней имеются украшения. У коня, находящегося слева, изображена передняя, мягкая, высоко поднятая лука седла, а также виден нагрудный седельный ремень с круглым фаларом.

По нижнему краю этой ткани между двумя широкими полосами выткана гирлянда из пальметок. В промежутках между ними находятся цветки арацеи, соединяющиеся между собой завитками. Этот бордюр свидетельствует об античном влиянии.

На другом фрагменте сохранилось только изображение нижней половины человеческого тела. На нем хорошо различимы такие же широкие штаны и мягкая обувь, как и на вышивке с изображением всадников. Шаровары в нижней части украшены орнаментом из двух полосок в виде «волны с перевернутым гребнем». Внизу представлен тот же орнамент из полосок и цветов. В коллекции имеется также шерстяной гобелен, в точности повторяющий упомянутый рисунок шаровар.

Следующие два фрагмента состоят из чередующихся полос и фризов. На фризах вышит поднимающийся из цветка воин, повернутый вправо или влево, в одной руке у него щит, а в другой — трезубец или дротик, который он мечет в птицу. В одном варианте под цветком вышиты два кружка, а рядом со щитом — пятилепестковый цветок. В другом варианте под щитком с воином вышит трилистник, а с боков — два плода граната. На этих же фризах имеются изображения грифонов. Образ крылатого грифона и пятилепестковой розетки типичен для эллинистического, а позднее — для парфянского и бактрийского искусства.

На трех фрагментах представлены три вышивки с изображениями мужских лиц. Остановимся на одном из них. Портрет представляет собой мужчину с большими глазами, прямым носом, черными бровями и короткими подстриженными усами. Тип лица — европеоидный, без широких скул; над высоким лбом вышиты пряди темных волос. Вышивка выполнена тремя оттенка-

ми нитей (темно-коричневые, черные и болотные) на коричневом фоне шерстяной ткани полотняного переплетения. Портрет исполнен разноцветными слабой крутки шерстяными нитями, причем форма и детали лица переданы не столько различием цвета, сколько направлением нитей вышивки. Этот фрагмент был найден в кургане № 25 под гробом среди двенадцати шерстяных фрагментов ткани пурпурного цвета с вышивкой шерстью (Руденко 1962: 122).

Несколько фрагментов большой и нарядной ткани, ширина которой составляет 46 см, дают представление о гобеленах. Это изделие происходит из Кондратьевского кургана. Одноцветные полосы материи чередуются с одинарными и двойными полосками в виде «волн с перевернутым гребнем» и с широкими полосами гирлянд и цветов, окаймленных узкими или широкими светлыми полосками. Растительный орнамент этого гобелена близок парфянским растительным мотивам.

У сюнну получили распространение не только ковры и завесы. Они также шили одежду из шерсти. При раскопках кургана № 6, в восточной части коридора были найдены шерстяные шаровары и стельки. Кроме того сюнну использовали шерстяные ткани для шитья войлочных ковров.

Рассматриваемые ткани свидетельствуют о широких международных связях сюнну с народами Ближнего Востока. Существуют разные версии о происхождении этих материй. Некоторые ученые предполагают, что их привозили из Пальмиры. Нам кажется более вероятным их бактрийское происхождение. Китайские источники свидетельствуют о разнообразии шерстяных изделий, которые были распространены на маршруте шелкового пути. К ним относятся ковры, завесы, покрывала и паласы. Высоко ценились в древнем Китае и парфянские гобелены и ковры (Лубо-Лесниченко 1994: 248). Бактрийские ткани, найденные в Ноин-Уле, являются блестящими образцами ткачества, вышивки и гобелена.

Воскресенский, Тихонов 1932 — *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* Технологические методы исследования археологического материала // ИГАИМК. 1932. Т. 9, вып. 7–9. С. 1–10.

Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Лубо-Лесниченко 1994 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.

Пламеневская 1975 — *Пламеневская О. Л.* Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // УЗ ТНИИЯЛИ. 1975. Вып. 17. С. 199–206.

Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

Trever 1932 — *Trever C.* Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932.

М. Т. Кашуба, Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина (Санкт-Петербург, Россия)

Немировское городище: сто лет археологических исследований

Немировское городище на Южном Буге, находящееся в 4 км к юго-востоку от города Немиров, привлекало внимание отечественных археологов еще с середины XIX в. (Заседания... 1863: 477; Сецинский 1901: 236, 329, 349; Гульдман 1901: 104—108).

Немиров — раскопки

Летом 1909 г. Императорская Археологическая Комиссия командировала на юг России, в Подольскую губернию С. С. Гамченко для исследования глиняных площадок трипольской культуры. Однако первоначальная задача осложнилась срочным поручением осмотреть городище близ местечка Немиров, чтобы убедиться в целесообразности мероприятий, принятых против кладоискательских раскопок окрестных жителей, а также произвести на городище разведочные раскопки (Гамченко 1911: 20). Хотя провести планомерные работы на Немировском городище в 1909 г. не удалось, С. С. Гамченко сделал карты Немировского района и карту местности, а также первые фотографии памятника. Им была «приведена в порядок» добытая лепная керамика (около 500

фрагментов) и получено от местных жителей 7 бронзовых изделий. Однако открытие на городище нескольких «погребений-помостов» (по терминологии С. С. Гамченко) позволило поставить вопрос о возможном наличии кургана на месте центрального укрепления — Щербатова городища или Замчистко. Понадобился дополнительный выезд в 1910 г. проф. А. А. Спицына с группой студентов, раскопки которого окончательно установили, что расположенная возле г. Немиров система разнообразных больших и малых валов и рвов, в том числе Замчистко, составляет одно большое городище (Спицын 1911). Раскопки А. А. Спицына дали самые значительные по своему количеству находки: более 2500 фрагментов керамики и около 500 изделий из глины, кости, рога, камня, кремня, бронзы и железа.

Раскопки на Немировском городище возобновились в середине XX в. Летом 1941 г. оборонительные сооружения Немирова исследовали Б. Н. Граков и Г. Д. Смирнов (Артамонов 1998: 59; Pelivan 2010: 214). Позднее А. А. Моруженко разрезала вал внешней линии немировских фортификаций в их юго-восточной части (Моруженко 1966: 201; 1975). Более значительные археологические исследования памятника были проведены в 1946–1948 гг. Юго-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова (рис. 1–3), когда не только раскапывали городище, но и производили разведки археологических памятников Побужья (Артамонов 1946; 1947а; 1947б; 1948; 1949; 1952; 1955а; 1955б; 1998). Тогда же на памятнике были найдены булавки из бронзы и железа, включенные в общую классификацию украшений Скифии (Петренко 1978: табл. 1, *1, 7*; 4, *3*; 7, *11*; 10, *36*; 12, *10*; 13, *10*).

Наступившее во второй половине XX в. затишье в полевых работах на Немировском городище изредка прерывалось разведками и краткосрочными выездами на памятник сотрудников Винницкого краеведческого музея и Археологической инспекции Управления культуры Винницкой областной госадминистрации. В результате на поверхности городища ими были найдены отдельные редкие предметы, например, еще один (третий) костяной гребень с зооморфным окончанием ручки (Смирнова 2005: 93) или раструб от сосуда типа кернос (Бойко 1993: 26, рис. 39, *4*).

Полевые исследования Немирова возобновились лишь недавно (рис. 4). Начиная с 2009 г. М. Н. Дараган, применяя новые методы геоинформационного анализа поселенческих структур, приступила к пространственному изучению городища и начала работы по воссозданию палеорельефа местности, а также тахеометрическую съемку его оборонительных сооружений (Дараган 2010: рис. 23–29; Дараган, Кашуба, Разумов 2010: 93, рис. 2, 3; Kašuba, Daragan 2009).

Немиров — проблематика и достижения

Хотя первыми раскопками на Немировском городище были выявлены три культурных горизонта (трипольский, скифский и славянский), особенно информативными оказались материалы раннего железного века. Еще 100 лет назад, анализируя эти яркие керамические находки из Немирова, А. А. Спицын поставил вопрос о связях скифов с гальштаттом, который до сих пор не потерял своей актуальности и важности. А. А. Спицын отмечал, что «Россия не обделена остатками так называемой Гальштаттской культуры и что район распространения этой культуры здесь даже значителен <...> Гальштаттская культура <...> уже выступила определенно на Волыни и в Подолии», «связь скифов с Гальштаттом выявилась при раскопках Немировского городища», ««скифская» посуда находится в тесной связи с Гальштаттской» (Спицын 1911: 155 и сл.).

Принимая во внимание факт «гальштаттского присутствия» в керамическом комплексе Немирова и учитывая данные раскопок 1946–1953 гг. в Побужье, М. И. Артамонов и Г. И. Смирнова выделили Подольскую группу памятников, которую они отличали от синхронных памятников скифского времени Поднепровья и Поднестровья (Артамонов 1955а; 1955б; Смирнова 1954: 7 и сл.). Своеобразие памятников лесостепного Побужья было закреплено вычленением Верхнебужского варианта скифской культуры (Фабриціус 1948; 1951: 52 и сл.) или побужской группы памятников (Граков, Мелюкова 1954: 82–86, рис. 9), что, в конечном счете, привело к выделению восточноподольской (побужской) локальной группы или локального варианта лесостепной культуры скифского времени (Іллінська, Тереножкін 1971: 94–97; Ильинская, Тереножкин 1983: 282–286; Бессонова 1994).

Рис. 1. Немировское городище, Большие валы. 1 — юго-восточная часть;
2 — юго-западная часть (фотографии 1946–1948 гг., архив ОАВЕС ГЭ)

Характеризуя восточноподольскую/побужскую группу, исследователи обращали внимание на то, что она скудна материалами раннескифского периода, особенно погребальными памятниками, а также на ее промежуточное, периферийное положение в зоне контактов носителей соседних милоградской и северофракийской культур, о чем свидетельствует специфика процесса «скифизации» этого региона и более ослабленное проявление «скифского» в погребальном обряде времени Геродотовой Скифии (Бессонова 1994: 29–31).

Обращает на себя внимание, что отсутствие развернутой публикации материалов Немировского городища, а также других исследованных Юго-Подольской экспедицией памятников, способствовало оценке восточноподольской/побужской группы как промежуточной и «скифизированной» в той или иной степени, со значительным присутствием милоградских культурных тради-

ций. И это несмотря на то, что в Немирове оказалось самое значительное в Северном Причерноморье собрание раннего греческого импорта — более 100 фрагментов (Фармаковский 1914: 30, табл. II, *3*; Онайко 1966: 56, табл. III, *1–8*, *10–11*; Вахтина 1998а: 122–139).

Между тем вопрос о связях скифов с гальштаттом получил свое дальнейшее развитие. Еще А. А. Спицын, помимо параллелей между скифской и гальштаттской керамикой, называл в качестве «нескольких вещиц, близких к Гальштатту» «известные золотые бляшки в виде треугольника, орнаментированные концентрическими кружками с точкой посередине (подобные найдены в южной Италии)», обнаруженные в начале XX в. Е. А. Зноско-Боровским и А. А. Бобринским в курганах Среднего Поднепровья (Спицын 1911: 161, 166). Сюда же затем добавили корчагу из Глевахи с золотыми горизонтальными, вертикальными лентами и треугольными бляшками с тремя концентрическими кружками, западное (гальштаттское) происхождение которой сомнений не вызывало (Тереножкін 1954: рис. 12; 13; табл. I, *4*). Появились и другие изделия, типичные для ареала классического гальштатта, особенно восточноальпийских областей, в том числе и для эпонимного могильника Гальштатт (железные плоские топоры с крылышками, шампур и другие). Круг западных, гальштаттских импортов в раннескифских памятниках Северного Причерноморья постепенно увеличивался.

В 90-е гг. XX в. Г. И. Смирнова, будучи участницей раскопок Немировского городища и хранительницей коллекции (Государственный Эрмитаж), приступила к обработке скифских материалов этого памятника (Смирнова 1992; 1996а; 1996б), а греческие находки начала изучать М. Ю. Вахтина (1996). Несмотря на объективные обстоятельства, связанные с сохранностью и состоянием полевой документации (дневники, записи, планы и чертежи), были не только соотнесены между собой раскопы С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова, но также частично разделены материалы по комплексам, а там, где это было возможно, уточнены находки предметов, хронологических индикаторов (далее — хроноиндикаторы), в первую очередь фрагментов ранних восточногреческих сосудов (Смирнова 1998б; Вахтина 1998а; 1998б; 2000).

В результате предскифские и раннескифские материалы Немировского городища, выделенные по хроноиндикаторам и изменениям в керамическом комплексе, были помещены в хронологические рамки второй половины VIII–VI в. до н. э., при полном отсутствии находок, относящихся к V в. до н. э. Периодизация материальной культуры Немирова в эпоху раннего железного века включала три этапа: 1) предскифский (или финальнопозднечернолесский = раннежаботинский, по терминологии Г. И. Смирновой), вторая половина VIII–начало VII в. до н. э. (остатки наземного сооружения и несколько ям); 2) раннескифский, доколонизационный, вторая четверть–середина VII в. до н. э., соответственно, РСК-2 (I-й период функционирования землянки № 2, ямы и наземные очаги); 3) раннескифский, колонизационный, третья четверть VII–VI в. до н. э., соответственно, РСК-3 (землянка № 1, II-й период функционирования землянки № 2 и ямы; Смирнова 2001а; 2001б; 2002).

Развивая тему связей с гальштаттом, Г. И. Смирнова пришла к выводу об отсутствии единого очага среди культур Восточного Гальштатта и его восточной периферии в Карпато-Дунайском бассейне, откуда могли бы происходить немировские формы посуды и ее орнаментация (Smirnova 1997: 627; Смирнова 1998а: 36–39; 1999: 241; 2001; 2004). И хотя исследовательница нашла аналогии корчагам в культурах Восточного Гальштатта (Смирнова 2001б: 38, 42, рис. 3, *1–5*, *6–16*), она склонилась к мнению о преобладающем воздействии на керамику Немировского городища гальштаттской периферии, в частности, группы Фериджиле-Бырсешть из Южного Прикарпатья (Смирнова 2001б: 41–43, рис. 6, *II*). По мнению Г. И. Смирновой, в керамическом комплексе лесостепных раннескифских культур VII–VI вв. до н. э. прослеживается влияние нескольких культурных общностей гальштаттского круга.

Итогом этих исследований явился вывод об уникальности (даже феномене) материальной культуры раннескифского времени Немировского городища. Однако это никак не увязывалось с представлением о промежуточном и периферийном положении восточноподольской/побужской

Рис. 2. Немировское городище, вид с юга (рисунок М. И. Артамонова, 1947 г., архив ОАВЕС ГЭ)

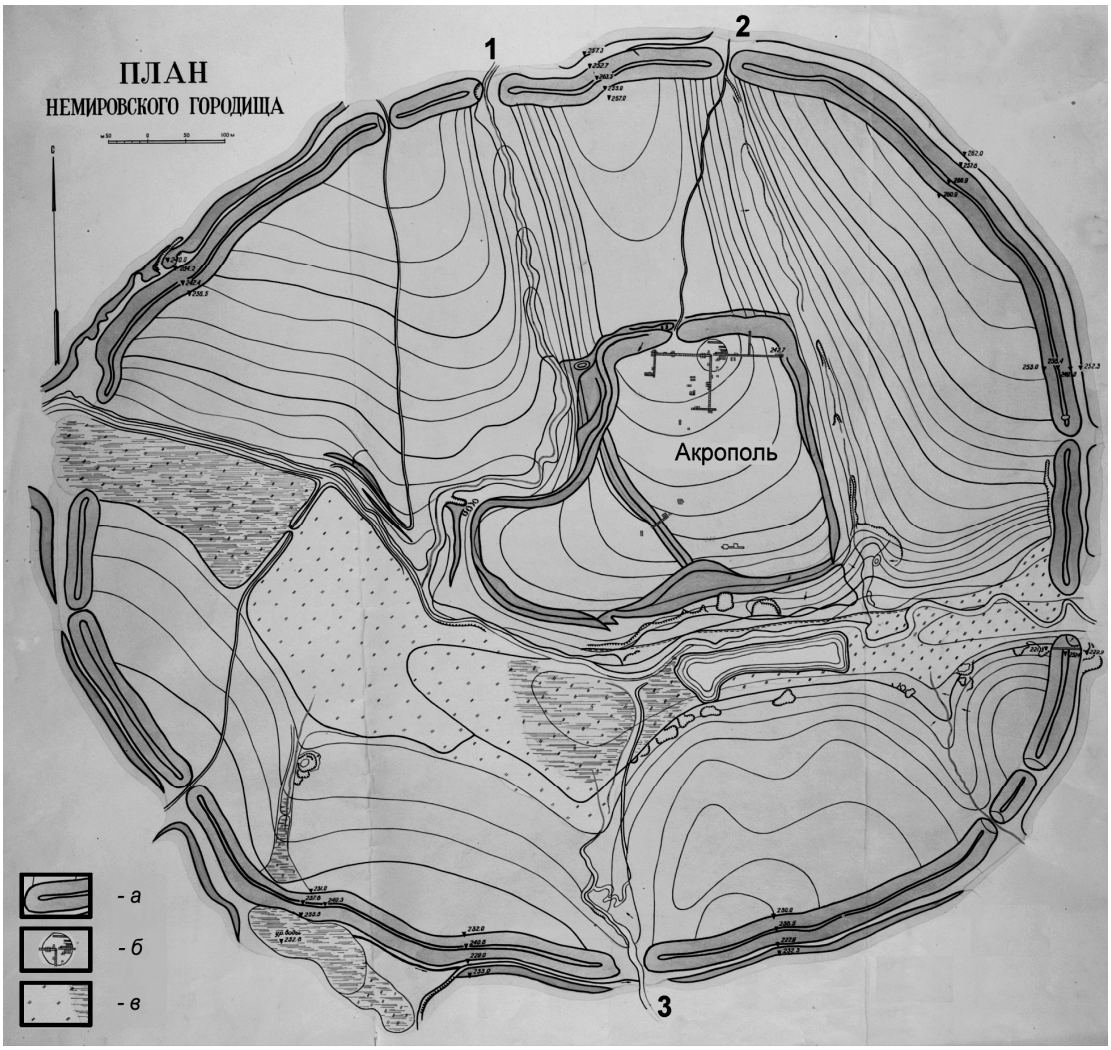

Рис. 3. Немировское городище, план 1948 г. (материалы Юго-Подольской экспедиции; Артамонов 1998: рис. 1). Условные обозначения: а — валы; б — границы зольника; в — заболоченные участки

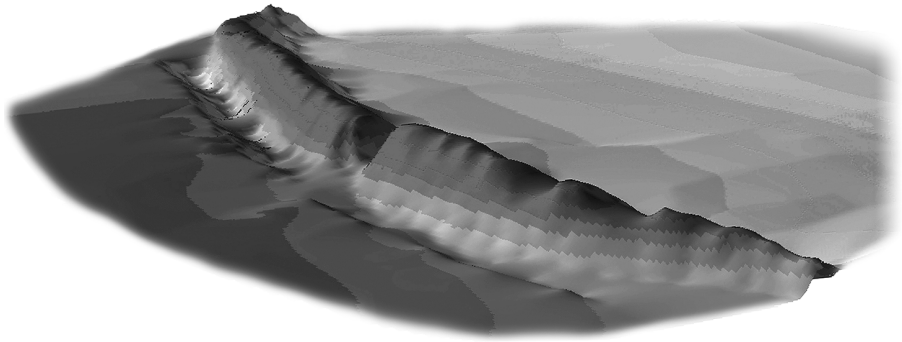

Рис. 4. Немировское городище, часть вала, 3D-моделирование
(по Дараган 2010; Дараган, Кашуба, Разумов 2010)

группы лесостепной культуры скифского времени. Появились и другие важные обстоятельства (Кашуба 2008: 56–61), связанные как с дальнейшим изучением и уточнением датировок предскифских и раннескифских культур Северного Причерноморья, так и с новой классификацией и удревнением отдельных категорий восточногреческой керамики, а также с удревнением европейской хронологической системы периодов HaB и HaC.

Немиров — перспективы: «немировский этап» в рамках раннескифского периода

Новейшие полевые исследования Немировского городища важны не только тем, что впервые в Побужском регионе используются геоинформационные технологии, которые сами по себе являются наиболее современными в археологической практике. Исследование пространственной структуры Немировского городища с помощью географо-информационных систем (ГИС) позволит в перспективе подойти к решению вопроса о соотношении внешней и внутренней оборонительных линий, а также многих других проблем, связанных не только с фортификацией этого памятника, но и с вопросом о «трансформации поселенческих структур в раннем железном веке на Правобережье лесостепного Поднепровья» и поиска истоков появившихся здесь новых строительных традиций (Дараган 2010).

С другой стороны, вышеупомянутые итоги изучения материального комплекса Немировского городища и современный анализ материалов из старых раскопок, коллекция которых насчитывает без малого 4000 единиц хранения, позволяют поставить новые исследовательские задачи. Речь идет о возможности выделения в раннескифский период особого «немировского этапа», который, с одной стороны, будет маркировать гальштаттский импульс в VII в. до н. э. в Северном Причерноморье, а с другой стороны, обозначит специфику развития Побужского региона в раннескифское время. В качестве опорного регионального памятника, несомненно, должно выступать Немировское городище. Аргументы, обосновывающие такой поворот в исследованиях, авторы приведут в готовящейся к изданию публикации материалов из раскопок, проведенных на Немировском городище в минувшем столетии.

В связи с этим следует обратить внимание на следующие факты. Северное Причерноморье в раннем железном веке являлось ареной взаимодействия и прямых контактов трех отличных друг от друга культурных миров: кочевников-скифов, местного оседлого населения и греков (Виноградов, Марченко 1991; 2005: 32–34; Марченко 2005: 50–52). Различные уровни социально-экономического развития не являлись существенной преградой для взаимодействия этих обществ между собой, в результате чего возникали культурные новообразования. Для периода скифской архаики и первых контактов с греками таким долговременным культурным новообразованием, несомненно, являлась Архаическая или Древняя Скифия (Алексеев 2003: 153–193, 278–280; Скорый 2003: 25–42, 73–86).

В VII в. до н. э. в регионе появилась группа выходцев из областей среднеевропейских культур Восточного Гальштатта, взаимодействие которых с различными северопричерноморскими

общностями привело к появлению кратковременного культурного образования. Такое взаимодействие, в котором участвовали как минимум четыре контактирующие стороны, представляло из себя комплексное явление, которое должно иметь свое соответствующее выражение в археологической терминологии. В комплексных явлениях, как правило, присутствует главная действующая сила. Она-то и определяет специфику таких явлений, которые, в свою очередь, обозначаются через эту главную составляющую. Так, например, был выделен жаботинский этап (по наиболее выразительному поселению, которое стало эпонимным) или более крупные периоды — гальштаттский, скифский и т. д. Поэтому задача выявления вышеупомянутого кратковременного культурного образования, имевшего место в VII в. до н. э. в Северном Причерноморье, может быть решена в рамках обоснованного выделения особого этапа. Ведущей составляющей такого кратковременного культурного новообразования был гальштаттский компонент. Таким образом, характер и статус гальштаттских материалов Немировского городища позволяют считать его эпонимным памятником, который свидетельствует о наличии в рассматриваемом регионе особого «немировского этапа» (рис. 5). Дальнейшей задачей исследования является распространение этого термина на максимально большое число памятников и материалов и обоснование правомерности его вычленения.

Благодаря выделению «немировского этапа» восточноподольская/побужская локальная группа лесостепной культуры скифского времени обретет свою региональную специфику. Это означает, что культурно-историческое развитие этой территории в раннескифский период определялось дальними связями с носителями европейских гальштаттских традиций, непосредственным проживанием здесь группы выходцев из областей восточногальшаттских культур, а также первыми контактами с греками.

В позднейший предскифский период в побужском регионе также прослеживается особая линия культурного развития, обусловленная существенным воздействием восточных групп поздней культуры Гава-Голиграды и отсутствием влияний дунайских ранних и средних гальшаттских культур Козия-Сахарна и Басарабь. С другой стороны, исследования последних лет показывают, что термин «жаботинский этап» правомерно применять только к памятникам южной части Правобережной Днепровской лесостепи, особенно к бассейну р. Тясмин (Дараган 2006). Культурно-историческое развитие более северных лесостепных областей Правобережного Поднепровья, а также синхронных памятников других регионов, например, верхней части Среднеднестровского бассейна (Ларина, Кашуба 2005), имело свои особенности, значительно отличающиеся от основных характеристик «жаботинского этапа». Соответственно, доскифские материалы из Немирова с выраженной локальной спецификой не могут обозначаться как «раннежаботинские» (что было предложено Г. И. Смирновой), так как фактически ничего типично жаботинского не имеют. Новые даты, принятые для Жаботинского поселения в целом, а также времени его основания около 800 г. до н. э. (Daragan 2004; Дараган, Кашуба 2008: рис. 1), дают возможность в перспективе синхронизировать фазы развития поселения и этапа в целом с фазами развития Немировского городища и «немировского этапа» (рис. 5).

Отвечая на вопрос о механизме появления в Северном Причерноморье гальштаттской керамики и уже сравнительно большой серии гальштаттских импортов, нужно учитывать не только давно обсуждаемый факт «скифских набегов» в Среднюю Европу (см. например: Хохоровски 1994), но также современные датировки раннескифских предметов (в частности, наконечников стрел) в Карпатском бассейне и юго-восточно-альпийской зоне. Так, хорошо известное городище Смоленице-Молпир было разрушено около середины VII в. до н. э. (Hellmuth 2006: 137–153). Этим же временем (HaC2) датируются и богатые женские захоронения в юго-восточно-альпийской зоне, в инвентаре которых присутствуют предметы раннескифского облика (Guštin, Preložnik 2005).

Важными оказались хронологические уточнения, предложенные М. Н. Дараган и Н. Снытко для золотых бляшек-аппликаций из комплексов Северного Причерноморья: по аналогиям в восточногальштаттских культурах они были разбиты на две хронологические группы в пределах 670–620 гг. до н. э. (Дараган, Снытко 2008). Во временной диапазон около середины VII в. до н. э. попа-

Рис. 5. Место «немировского этапа» и его синхронизация с обновленной европейской хронологической схемой времени классической гальштаттской культуры, периодизацией Жаботинского поселения и этапами раннескифской культуры Северного Причерноморья (по Kossack 1987; Hennig 1995; Pare 1999; Metzner-Nebelsick 2002; Alekseev et al. 2002; Медведская 1992; Махортых 2005; Дараган, Кашуба 2008; а также авторы статьи)

дают и погребения, в инвентаре которых, наряду с бляшками-аппликациями (самое известное — Синявка 100), имеются закавказские конические бусы-розетки, которые маркируют возвращение воинского контингента из Закавказья (из северных областей Урарту) на Северный Кавказ и далее в Приднепровье (Рябкова 2010). С таким датами хорошо согласуется и наметившаяся в последнее время тенденция к удревнению датировок некоторых категорий восточногреческой керамики, коснувшаяся как хронологии расписной посуды (Kerschner, Schlotzhauer 2005), так и тарных амфор (Sezgin 2004), что дает основания для пересмотра датировок и ряда экземпляров из немировской коллекции, отнеся их к несколько более раннему времени, чем это было отражено в прежде вышедших публикациях (Вахтина 2007: 49–51).

Можно предполагать, что, начиная со второй трети — середины VII в. до н. э., возвращающиеся из далеких походов на запад скифские конные воины, а вместе с ними торговцы и ремесленники приносили в Северное Причерноморье гальштаттские «вещички» (металлические предметы, украшения и керамику). В отличие от погребений ранних скифов «первой волны», в которых присутствуют преимущественно предметы восточного облика, а также сильны позднейшие предскифские элементы (например, курганы у с. Медвин — Ковпаненко 1981: 37–46, рис. 27–36), захоронения раннескифского времени с гальштаттскими импортами обозначают период появления в регионе ранних скифов (носителей раннескифского комплекса), вернувшихся из «западных походов». Такие комплексы, выделение и хронология которых уже проводятся, в перспективе будут синхронизированы с той или иной фазой развития «немировского этапа».

Возвращаясь к Немировскому городищу, можно предполагать, что, начиная со второй четверти–середины VII в. до н. э., оно было основным местом проживания в Северном Причерноморье группы выходцев из областей восточногальшаттских культур. Это поселение стало центром распространения гальштаттского влияния. В этой связи по-иному следует рассматривать вопрос о появлении большого количества образцов ранних греческих сосудов, свидетельствующих о том, что существовала определенная категория лиц, ценивших эти предметы. Также было предложено считать, что самые ранние греческие сосуды могут рассматриваться как дары местной элите для установления дружественных контактов в еще доколонизационный период (Kerschner 2006: 239), что, в целом,

не противоречит общей картине греко-варварских взаимоотношений их начальной фазы (Vachtina 2007: 23–37; 2006b: 141–149). Однако гальштаттские влияния в материальной культуре Северного Причерноморья, наиболее ярко проявившиеся в середине–второй половине VII в. до н. э., уже к середине VI в. до н. э. себя исчерпали и к концу столетия были фактически полностью переработаны.

Алексеев 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Артамонов 1946 — *Артамонов М. И.* Южно-Подольская археологическая экспедиция // Вестник ЛГУ. 1946. № 4–5. С. 236–237.

Артамонов 1947а — *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Подолии // Вестник ЛГУ. 1947. № 12. С. 134–135.

Артамонов 1947б — *Артамонов М. И.* Юго-Подольская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 74–75.

Артамонов 1948 — *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкой области) в 1948 г. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 177–181.

Артамонов 1949 — *Артамонов М. І.* Південноподільська експедиція (Попереднє повідомлення) // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949. Т. 1. С. 257–262.

Артамонов 1952 — *Артамонов М. І.* Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 році // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. 4. С. 193–195.

Артамонов 1955а — *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–53 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 100–117.

Артамонов 1955б — *Артамонов М. И.* Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции // КСИА АН Украинской ССР. Киев, 1955. Вип. 4. С. 84–87.

Артамонов 1998 — *Артамонов М. И.* Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 59–76.

Бессонова 1994 — *Бессонова С. С.* Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев, 1994. С. 3–34.

Бойко 1993 — *Бойко Ю. Н.* Отчет об охранных археологических исследованиях селища Вишенка-2 в зоне строительства X микрорайона жилмассива Вишенка г. Винница в 1993 г. // НА ІА НАНУ.

Вахтина 1996 — *Вахтина М. Ю.* Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. 1996. № 4. С. 85–93.

Вахтина 1998а — *Вахтина М. Ю.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 122–139.

Вахтина 1998б — *Вахтина М. Ю.* Греческая керамика из раскопок Немировского городища и некоторые проблемы греко-варварских контактов на территории Северного Причерноморья // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 39–41.

Вахтина 2000 — *Вахтина М. Ю.* Греческая столовая керамика 6 в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // Syssitia. СПб., 2000. С. 209–217.

Вахтина 2007 — *Вахтина М. Ю.* Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня нарождення Олексія Івановича Тереножкіна. Матеріали Міжнар. наукової конф. 16 –19 травня 2007 р. Київ; Чигирин, 2007. С. 49–51.

Виноградов, Марченко 1991 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.

Виноградов, Марченко 2005 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 27–41.

Гамченко 1911 — *Гамченко С.* Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре. СПб., 1911.

Граков, Мелюкова 1954 — *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 39–93.

Гульдман 1901 — *Гульдман Д. К.* Памятники старины в Подолии (Материалы для составления археологической карты Подольской губернии). Каменец-Подольский, 1901.

Дараган 2006 — *Дараган М. Н.* Жаботинский этап раннего железного века Днепровской Правобережной лесостепи (по материалам Жаботинского поселения). Дис. ... канд. іст. наук // НА ІА НАНУ. Рукопис.

Дараган 2010 — *Дараган М. Н.* Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования // Археология и геоинформатика. CD-ROM. М., 2010. Вып. 6.

Дараган, Кашуба 2008 — *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista Arheologică. SN. Chişinău, 2008. Vol. 4, nr. 2. С. 40–73.

Дараган, Кашуба, Разумов 2010 — *Дараган М., Кашуба М., Разумов С.* Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (X–IX вв. до н. э., Правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели // Revista Arheologică, SN. Chişinău, 2010. Vol. 5, nr. 2. С. 89–126.

Дараган, Снытко 2008 — *Дараган М. Н., Снытко Н.* Восточно-альпийский гальштат и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов // История и практика археологических исследований. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 150-летию проф. А. А. Спицына. 26–29 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 303–306.

Заседания... 1863 — Заседания Отделения русской и славянской археологии: 5-го января 1863 года // Извлечения из протоколов заседаний. Летопись Археологического общества. Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1863. Том 4, вып. 5. С. 477.

Іллінська, Тереножкін 1971 — *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Скіфський період // Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 2. Скіфо-сарматська та антична археологія. С. 8–184.

Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Кашуба 2008 — *Кашуба М. Т.* «Скифы и Гальштатт» А. А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // История и практика археологических исследований. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 150-летию проф. А. А. Спицына. 26–29 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 56–61.

Ковпаненко 1981 — *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

Ларина, Кашуба 2005 — *Ларина О. В., Кашуба М. Т.* Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье // Revista Arheologică, SN. Chişinău, 2005. Vol. 1, nr. 1. С. 212–239.

Марченко 2005 — *Марченко К. К.*. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42–136.

Махортых 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.

Медведская 1992 — *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // Российская археология. 1992. № 3. С. 86–107.

Моруженко 1966 — *Моруженко А. А.* Новые данные о Немировском городище // АО в 1966 г. 1966. С. 201.

Моруженко 1975 — *Моруженко А. А.* Оборонні споруди Немирівського городища // Археологія. 1975. № 15. С. 66–70.

Онайко 1966 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ. Вып. Д1-27).

Петренко 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М., 1978 (САИ. Вып. Д4-5).

Рябкова 2010 — *Рябкова Т. В.* К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 178–188 (Археологический альманах. Вып. 21).

Сецинский 1901 — *Сецинский Е.* Археологическая карта Подольской губернии // Труды XI АС в Киеве. 1899. М., 1901. Т. 1. С. 197–355.

Скорый 2003 — *Скорый С. А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев. 2003.

Смирнова 1954 — *Смирнова Г. И.* Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII–V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

Смирнова 1992 — *Смирнова Г. И.* Немировское городище — памятник чернолесской и скифской культуры на Южном Буге // Киммерийцы и скифы. ТД междунар. научн. конф., посвященной памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 90–91.

Смирнова 1996а — *Смирнова Г. И.* Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Більське городище в контексті вівчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 183–198.

Смирнова 1996б — *Смирнова Г. И.* Немировское городище — общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н. э. // Археологія. 1996. № 4. С. 67–84.

Смирнова 1998а — *Смирнова Г. И.* Немировское городище и гальштатский мир // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 36–39.

Смирнова 1998б — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 77–121.

Смирнова 1999 — *Смирнова Г И.* О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н. э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Материалы междунар. конф. Запорожье, 1999. С. 241–244.

Смирнова 2001а — *Смирнова Г. И.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // Российская археология. 2001. № 4. С. 33–44.

Смирнова 2001б — *Смирнова Г. И.* К вопросу периодизации и хронологии Немировского городища // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет. ТД научн. конф. СПб., 2001. С. 12–16.

Смирнова 2002 — *Смирнова Г. И.* Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002. С. 217–233.

Смирнова 2004 — *Смирнова Г. И.* О гальштатских прототипах раннескифской лощеной посуде из лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н. э.) // Congresul al IX-lea International de Tracologie. Tracii şi lumea circumpontică. Rezumate. Chişinău, 2004. P. 64–65.

Смирнова 2005 — *Смирнова Г. И.* О редком типе костяных гребней из раннескифских памятников лесостепи // АСГЭ. 2005. Вып. 37. С. 93–96.

Спицын 1911 — *Спицын А.* Скифы и Гальштатт // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 155–168.

Тереножкін 1954 — *Тереножкін О. І.* Кургани біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. 9. С. 80–97.

Фабриціус 1948 — *Фабриціус І. В.* Основні завдання вивчення скіфського та сарматського періодів на Україні // Археологія. 1948. Т. 2. С. 207–208.

Фабриціус 1951 — *Фабриціус І. В.* До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. 1951. Т. 5. С. 50–80.

Фармаковский 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России. Пг., 1914 (МАР. Вып. 34).

Хохоровски 1994 — *Хохоровски Я.* Скифские набеги на территорию Средней Европы // Российская археология. 1994. № 3. С. 49–64.

Alekseev et al. 2002 — *Alekseev A. Yu., Bokovenko N. A., Boltrik Yu., Chugunov K. A., Cook G., Dergacev V. A., Kovaliukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E. M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G.* Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures in Eurasia (9th–3rd BC) // Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology. 2002. No. 21. P. 143–150.

Daragan 2004 — *Daragan M. N.* Periodisierung und Chronologie der Siedlung Žabotin // Eurasia Antiqua. 2004. Bd 10. S. 55–146.

Guštin, Preložnik 2005 — *Guštin M., Preložnik A.* Die hallstattzeitlichen Frauen mit Goldschmuck von Dolenjsko (Slowenien) // Interpretierte Eisenzeit. Fallstudien, Methoden, Theorie. Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich. Wien, 2005. Bd 18. S. 113–130.

Hellmuth 2006 — *Hellmuth A.* Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpír // Pfeilspitzen. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn, 2006. 128. S. 13–169.

Hennig 1995 — *Hennig H.* Zur Frage der Datierung des Grabhügels 8 “Hexenbergle” von Wehringen, Lkr. Augsburg, Bayerisch-Schwaben // Trans Europam. Festschrift für Margarita Primas. Bonn, 1995. S. 129–145.

Kašuba, Daragan 2009 — *Kašuba M., Daragan M.* Offener oder geschlossener Raum: die Transformation der Kulturlandschaft infolge der Entwicklung der früheisenzeitlichen Befestigungen im Nordpontikum // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.): Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Humboldt-Kolleg in Chişinău, Republica Moldova. 4–8 Oktober 2009. Programm. Chişinău, 2009. S. 44–46.

Kerschner 2006 — *Kerschner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua. 2006. Bd 12. S. 227–250.

Kerschner, Schlotzhauer 2005 — *Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // Ancient West & East. Leiden; Boston, 2005. P. 1–56.

Kossack 1987 — *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranichen Tierstils // Skythika. München, 1987. S. 24–86.

Metzner-Nebelsick 2002 — *Metzner-Nebelsick C.* Der “thrako-kimmerische” Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Vorgesch. Forsch. Rahden/Westf., 2002. 23.

Pare 1999 — *Pare Ch. F. E.* Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. T. 1. Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.–8. Jahrhundert v. Chr.) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 1999. Bd 45. S. 293–433.

Pelivan 2010 — *Pelivan A.* Activitatea arheologului G. D. Smirnov în RSSM // Revista Arheologică, SN. Chişinău, 2010. Vol. 5, nr. 1. P. 214–216.

Sezgin 2004 — *Sezgin Yu.* Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolis and Colony. Thessaloniki, 2004. P. 169–183.

Smirnova 1997 — *Smirnova* G. Skythische kannelierte Keramik im Waldsteppengebiet des nördlichen Pontus und ihre Beziehungen zum hallstattzeitlichen Donau-Karpaten Raum // Χρόνος. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie Studia honoraria 1. Espelkamp, 1997. S. 627–636.

Vakhtina 2007 — *Vakhtina M.* Archaic East-Greek pottery from Nemirovo City-Site // Frues Ionien. Akten des Symposium am Panionion. 29.09.–1.10.1999. Milesische Forschungen 5. Berlin, 2007. S. 141–149.

Vachtina 2007 — *Vachtina M. Ju.* Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Aarhus, 2007. Black Sea Studies. Vol. 6. P. 23–37.

С. В. Красниенко (Санкт-Петербург, Россия)

Гунно-сарматское время на севере Минусинской котловины (археологические данные)

Общепринято считать, что хронологический рубеж скифского и гунно-сарматского времени в Южной Сибири совпадает с рубежом III–II вв. до н. э. (Мандельштам и Стамбульник 1992: 196; Пшеницына 1992: 214–225). В это время на Среднем Енисее, также как и в других районах распространения скифской культуры, появляются новые культурные индикаторы. Тагарская культура Южной Сибири эволюционирует в сторону появления больших курганов с коллективными захоронения несущими новые по сравнению с предшествующим временем (сарагашенским этапом тагарской культуры) чертами. В позднескифское время, получившее на Среднем Енисее название «тесинский этап тагарской культуры», помимо курганной традиции (склепы) фиксируются еще несколько типов погребального обряда (Подольский 2007: 122–123): грунтовые могилы, впускные могилы в ранние тагарские курганы, парциальные или частичные захоронения (захоронение опре-

деленного набора костей и фрагментов костей покойного; Кузьмин 1988; Вадецкая 1999: 169–171). К этому набору М. Л. Подольский добавляет еще «пятый элемент» — «таштыкский обычай сжигать покойников», очевидно, имея в виду вслед за С. А. Теплоуховым и некоторыми другими исследователями существование переходного тагаро-таштыкского периода. Однако, обычай сожжения склепов в тагарской культуре известен с конца сарагашенского этапа (Вадецкая 1986: 85) и в связи с этим не может считаться исключительно таштыкским. В тесинское время в погребальном инвентаре появляются предметы, ранее не встречавшиеся в комплексах тагарской культуры: «детали одежды (пряжки, застежки, нашивные бляшки, кольца, пуговицы) и некоторые из украшений и предметов туалета (булавки, бусы, берестяные шкатулки)» (Пшеницына 1979: 88).

Эти резкие изменения в достаточно поступательном, эволюционном развитии тагарского погребального обряда практически все исследователи связывают с событиями, происходившими *на границе степных обществ и государств Древнего Китая*. Занимаясь историей среднеазиатских гуннов, памятники которых он открыл и опубликовал, А. Н. Бернштам обратился к переломным событиям, связанным с эпохой Великого переселения народов. Исследование этой темы привело его к событиям начала эпохи эллинизма и всплеском активности внешней политики Китая, прежде всего в северном и северо-западном направлениях, что в свою очередь подтолкнуло к необходимости решить вопросы происхождения и ранней истории гуннов. В интересующем нас аспекте автор уделил существенное внимание вопросу культурного взаимодействия оседлоземледельческих и кочевых обществ, выразившееся, в частности, в проникновении элементов звериного стиля карасукского и скифского времени в долину Хуанхэ (Бернштам 1951: 22–24). Логика рассуждений А. Н. Бернштама не оставляет сомнений, в том, что он не связывал происхождение звериного стиля с древнекитайской культурой. Тем не менее факт распространения звериного стиля (карасукских ножей с фигурными навершиями) «поверх» разнородных культур имел место, что позволило М. Л. Подольскому (2007: 117) сравнить его с распространением сейминско-турбинских бронз как «транскультурного феномена» — определение Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых (1989). В этом смысле такие явления как активность гуннов в Центральной Азии и их культурное влияние на соседние регионы также могут быть поставлены рядом. Реконструируя события последней трети I тыс. до н. э. в степях Центральной Азии, А. Н. Бернштам проследил историю гуннского племенного союза и иллюстрировал влияние гуннов и других народов Восточной Азии на культуру сопредельных территорий. Для своего исследования А. Н. Бернштам использовал археологические источники, в том числе, труд С. В. Киселева (1949).

В наше время к фундаментальной истории гуннов/хунну обратился Н. Н. Крадин (2001). В отличие от А. Н. Бернштама, оперировавшего термином «гуннский племенной союз» и отказывавшего по сути этому образованию в праве считаться настоящим государством, Н. Н. Крадин, опираясь на труды многочисленных исследователей (Там же: 5–16, 255–296) рассматривает «Хуннскую державу как *кочевую империю*» (Там же: 6). Новые данные археологии — большое число раскопанных погребальных памятников, хуннских стационарных населенных пунктов — позволили пересмотреть некоторые представления о внутренней жизни этой кочевой империи.

Обратившись к теме «Таштыкская культура» Э. Б. Вадецкая детально исследовала несколько важных проблем. Подробно разобрав динлино-гяньгуньскую гипотезу в трех аспектах: антропологическом, лингвистическом и археологическом, Э. Б. Вадецкая (1999: 182–184) доказала, что общей, объясняющей большинство вопросов происхождения и развития «минусинской *курганной*» культуры на Енисее теории эта гипотеза не создает. Исследовательница усомнилась в правомерности датировки последней (тесинской) стадии, показав, что сначала тагарские комплексы датировались по вещам хуннского типа, а затем уже и хуннские памятники на других территориях датировались с опорой на эти данные. Исследователь предложила омолодить датировки тесинского этапа, приблизив их к рубежу нашей эры. Эта новая датировка предполагает более сложную связь культурных изменений в Южной Сибири с экспансией державы гуннов. В отличие от ранее высказанных гипотез предположение Э. Б. Вадецкой заключается в том, что активность гуннов могла не

совпадать с известными событиями их истории. Одновременно, сопоставив сведения этнографии с данными китайских источников, исследовав отдельные категории археологического материала (бусы, куклы, маски) и новое (после эпохи бронзы) появление в степной зоне ящичного обряда, Э. Б. Вадецкая связала эту информацию с событиями в Центральной Азии, установив компоненты культурного влияния гуннов и их участия в сложении таштыкской культуры.

Работа Э. Б. Вадецкой основана на материалах археологических памятников Минусинской котловины, в том числе и из ее собственных раскопок. В числе этих последних значительное место занимают памятники лесостепной зоны, к которой относится и северная часть системы Минусинских котловин — Назаровская котловина.

За прошедшие с момента выхода книги 10 лет ситуация с археологическими источниками тесинского и таштыкского времени в Назаровской котловине несколько изменилась. Относительно хорошо иллюстрированный археологическим материалом тесинский этап пополнился рядом новых памятников, часть которых была исследована еще до издания книги Э. Б. Вадецкой. К списку, приведенному в книге, следует добавить курганы Мысы (1990 г.; Субботин 2000), Аэропорт (1986 г.; Красниенко, Гультов, Вадецкая 1988), Родники (1991 г.), Береш 3 (1991, 1999, 2001 г.; Красниенко, Субботин 2002). Памятники Аэропорт, Родники, Береш 3 были исследованы автором. При раскопках всех этих курганов были получены новые данные, во многом совпадающие с наблюдениями Э. Б. Вадецкой: конструкция склепов, их сожжение, бронзовые миниатюрные чеканы, ножи, кинжалы, зеркала, бронзовые так называемые штандарты, глиняные орнаментированные бляшки, обложенные слюдой, миниатюрные глиняные сосуды. Кроме этого, зафиксированы сложная конструкция склепов и других погребальных сооружений, в частности, сложная ограда из камней (вертикально поставленных плит), кусков дерна и стволов деревьев (курган Аэропорт); склепы со сложно организованными входами, мощными срубами, тыном за срубом склепа (Аэропорт, Родники, Мысы); погребение собаки на покрытии склепа (Аэропорт), склеп размерами 6,5 х 13,5 м (Мысы), сгоревшее покрытие которого, судя по степени прокала насыпи кургана, было весьма значительным. Особенно интересные наблюдения были получены при раскопках кургана Береш 3. Под насыпью его были расчищены 3 склепа: 2 сарагашенского времени и 1 — тесинский. Внутренняя планиграфия кургана свидетельствовала о едином замысле сооружения: ограда не имела следов перестройки, склепы были равномерно распределены внутри ее. Можно предположить, что строительство этих хронологически отличных комплексов было разделено небольшим временным интервалом. В пользу этого предположения может свидетельствовать и наличие среди погребального инвентаря однотипных изделий — украшений из золотой фольги. Кроме того, относительная близость к краю речной террасы может служить дополнительным индикатором бóльшей древности этого кургана среди других Берешских. И, если согласиться с Э. Б. Вадецкой о хронологическом сдвиге тесинского этапа в сторону его омоложения, можно говорить о существовании культур скифского типа в Назаровской котловине в последние века до нашей эры и даже в первые века нашей эры. Это, в свою очередь, подразумевает допущение сосуществования культур скифского и гунно-сарматского типов.

Изучение таштыкской культуры на территории Назаровской котловины началось с открытия Косогольского клада в 1966 г. (Нащекин 1967). Материалы этого клада послужили свидетельством местного характера бронзовой металлургии этого времени (Миняев 1983). В 1986 г. С. Б. Гультовым был открыт, а в 1987–1988 гг. им и Э. Б. Вадецкой исследован могильник таштыкской культуры Соколовский разъезд к западу от оз. Белое (Вадецкая 1999). К северу от остальной части Минусинской котловины памятники этого времени исследовались в Кемеровской обл.

Именно с Кемеровской области началось планомерное изучение поселений гунно-сарматского времени, охватившее постепенно и Назаровскую котловину (Абсалямов 1978). Основной массив информации о памятниках этой эпохи был получен в 1990-е гг., когда в результате разведок и планомерной паспортизации (Красниенко, Субботин 1997) было выявлено большое число поселений, многие из которых функционировали на протяжении нескольких археологиче-

ских эпох. Материал тагарского времени, относящийся к различным этапам этой культуры, в том числе и к ее финалу, встречен более чем в 140 пунктах. Некоторые из них можно синхронизировать с находящимися поблизости могильниками. Безусловно тесинскими можно считать 5 памятников. Материалы таштыкской культуры встречены в 15 пунктах. Сравнив эту информацию с известными данными по могильникам, можно убедиться, что для тагарской культуры наблюдается относительное соответствие количества известных могильников и выявленных поселений, чего нельзя сказать о других археологических эпохах. Возможно, некоторая доля этого несоответствия будет устранена в процессе детального анализа материалов поселений, их культурно-хронологической атрибуции. При этом надо учесть недолговременный характер поселений. Это утверждение не противоречит сказанному выше о функционировании поселений на протяжении нескольких эпох. Дело в том, что пастушеский характер хозяйства предполагал частую смену временных поселений, что согласуется с рассказом Геродота о ценностных приоритетах у причерноморских скифов (Hrd. IV, 127). Кроме того, культурный слой за короткое время существования поселка на одном месте просто не успевал нарастать или был смыт, выветрен, разрушен.

Заключая сюжет о массиве данных гунно-сарматского времени Назаровской котловины нельзя обойти вниманием находки керамики, украшенной орнаментом, характерным для кулайской культуры Западной Сибири (Красниенко 1999). Эти находки подчеркивают характер Назаровской котловины как связующего звена между культурами Среднего Енисея и Западной Сибири, что было актуально и для рубежа нашей эры. В силу недостаточных антропологических данных трудно детально реконструировать картину этнических процессов этого времени, однако характер археологического материала свидетельствует о культурных трансформациях достаточно убедительно.

Абсалямов 1978 — *Абсалямов М. Б.* Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Южной Сибири VII–I вв. до н. э. (типология и хронология): Автореф. дис.… канд. ист. наук. Новосибирск, 1978.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

Киселев 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949 (МИА. № 9).

Крадин 2001 — *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. М., 2001 (2-е изд.).

Красниенко 1999 — *Красниенко С. В.* Кулайцы на среднем Чулыме: столкновение традиций // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы междунар. конф. в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.). СПб., 1999. С. 37–40.

Красниенко, Гультов, Вадецкая 1988 — *Красниенко С. В., Гультов С. Б., Вадецкая Э. Б.* Исследования Сибирской экспедиции // АО 1986 года. 1988. С. 240.

Красниенко, Субботин 1997 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997.

Красниенко, Субботин 2002 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Тагарская культура: анализ данных и новые открытия // Miras. Ашгабат, 2002. № 1. С. 93–99.

Кузьмин 1988 — *Кузьмин Н. Ю.* Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л., 1988. С. 113–128.

Мандельштам, Стамбульник 1992 — *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 196–205 (Археология СССР).

Миняев 1983 — *Миняев С. С.* Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983. С. 101–103.

Нащекин 1967 — *Нащекин Н. В.* Косогольский клад // АО 1966 года. 1967. С. 163–165.

Подольский 2007 — *Подольский М. Л.* Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 113–128.

Пшеницына 1979 — *Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // М. П. Грязнов и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–89.

Пшеницына 1992 — *Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 224–235 (Археология СССР).

Субботин 2000 — *Субботин А. В.* Позднетагарский курган у с. Ораки // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского. СПб., 2000. С. 174–182.

Черных, Кузьминых 1989 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

J. A. Lerner (New York, USA)

Hephthalites and Others Through Their Seals in Bactria and Greater Gandhara

We are able to document the movements and to some extent the history of the Hephthalites and other Hunnic people from literary sources and coinage; however, except for their coins, we have relatively little knowledge of their material culture in Bactria and Greater Gandhara. Evidence of metalwork, sculpture, painting and glyptic art has been limited. Now, thanks to the appearance of the Bactrian documents with their accompanying clay sealings, and to seals and other clay sealings that have recently come to light, we have a fuller picture of the art, as well as the culture and religious beliefs of these people. It is the seals and sealings we recognize as "Hunnic" that I present as a contribution to furthering our knowledge of these people and to honor the memory of Aleksandr Natanovich Bernshtam and his work on the nomadic "empires" of Central Asia.

But first, some history of Bactria and Gandhara in this period.

During the second half of the 4th c., nomadic groups, collectively known as Huns, migrated en masse across the Oxus River, into Bactria. The main groups whose names we derive from numismatic and literary sources are the Kidarites, the Alkhan, the Hephthalites and the Nezak Shahs. The Kidarites seem to have moved further southeast into Gandhara, where they began minting coins. In Bactria, some of the Hunnic immigrants seem to have settled and even took positions in the local administration, under the overlordship of the Kushano-Sasanian *Kushanshahs* who dominated the area with the Sasanian Persian breakup of Kushan rule. By the beginning of the 5th c., however, a Hephthalite confederation had replaced (or perhaps incorporated) the other tribes and, with the capture of the Sasanian king Peroz, ca. 474, followed by his death in 484, was able to rule over Bactria, with Balkh as its capital or at least its mint. By the beginning of the 6th c., the Hephthalites had extended their sway over much of Central Asia, gaining control of Sogdiana to the north, as well as more northeastern areas in Chinese West Turkestan. Around 560, an alliance of the Sasanians under Khusro I (r. 531–579) and the Western Turks, who had moved into Bactria from the Eastern Steppes, ended Hephthalite dominance; the Hephthalite lands dissolved into local principalities, with the Sasanians re-establishing themselves briefly in Balkh and the Turks controlling territories north and south of the Hindu Kush.

To the south, in the Hindu Kush region of Kabul-Kapisa, in the last decades of the 4th c. another Hunnic group, calling themselves *alxano* (fig. 1), took over the local Sasanian mint; from this location, sometime in the mid-5th c., the Alkhan — known in Indian sources as *Hūṇas*–ousted the Kidarites from Gandhara, and extended their rule into northwest India and the Indian Punjab. The defeat of the Alkhan Mihirakula in the 2nd quarter of the 6th c. led to the Huns' withdrawal from India; and sometime around 580, the Alkhan migrated back into Afghanistan. There they encountered another possibly Hunnic group, the Nezak Shah, who had established themselves in the Kabul-Kapisi region as well as farther south in Ghazni.

Fig. 1. Impression of a seal inscribed "*alxano*" (Private collection, New York)

The resulting coinage with its mixture of Alkhan and Nezak features suggests some relation between the two groups, which at present is difficult to ascertain. After the mid-7th c., following the destruction of the Sasanian empire, Arab forces made a gradual but steady advance into Bactria in the north and Zabulistan in the south; by the early years of the 8th c., Bactria had fallen, thereby ending all remnants of Hephthalite-Turkic rule, and by the 9th c., this also occurred among the local Hun and Turkic rulers south of the Hindu Kush, in Ghazni and Zabul.

It is against this background that I present the seals and sealings of the Hephthalites and other Hunnic people to help elucidate their art and culture — specifically, their nomadic heritage; their religious symbolism; and the significance of the portrait, which was the most prevalent subject in the glyptic art of the period.

K. M. Linduff, K. S. Rubinson (Pittsburg, New York, USA)

Exchange of Metallurgical Technology, Objects and People in Eurasia in the late 1st millennium BCE–early 1st millennium CE[8]

Introduction (fig. 1)

What do the Peter the Great Siberian Collection, the tombs in western Siberia of the Sargat Culture, at Tillya Tepe in Afghanistan and the Chinese Ordos region of the late first millennium BCE and the early first millennium CE have in common? The answer is simple—they document the exchange of goods, technology and people from across the Eurasian steppe to and from China. All include objects with a distinctive casting technology. Although the people who commissioned these items may never have been directly in contact with each other, a metal casting technology recently documented in western China dating from the late fourth or early third century BCE, the production of steppic objects for trade, and the iconography of these objects are of particular interest here. From this period and later, some steppe-style objects that have the cast imprint of a textile on their reverse were buried with non-Han peoples of the Ordos region in China's present-day western-central provinces. This technology can also be documented on items from the Peter the Great Siberian Collection, Sidorovka and Tillya Tepe.

[8] This article would not have been possible without the assistance and encouragement of the following people: Elena Korylkova, Leonid Pogodin, Evgenii Dancheko, Sophie Legrand, Natasha Beresneva, and Kristen Harkness. We thank them all.

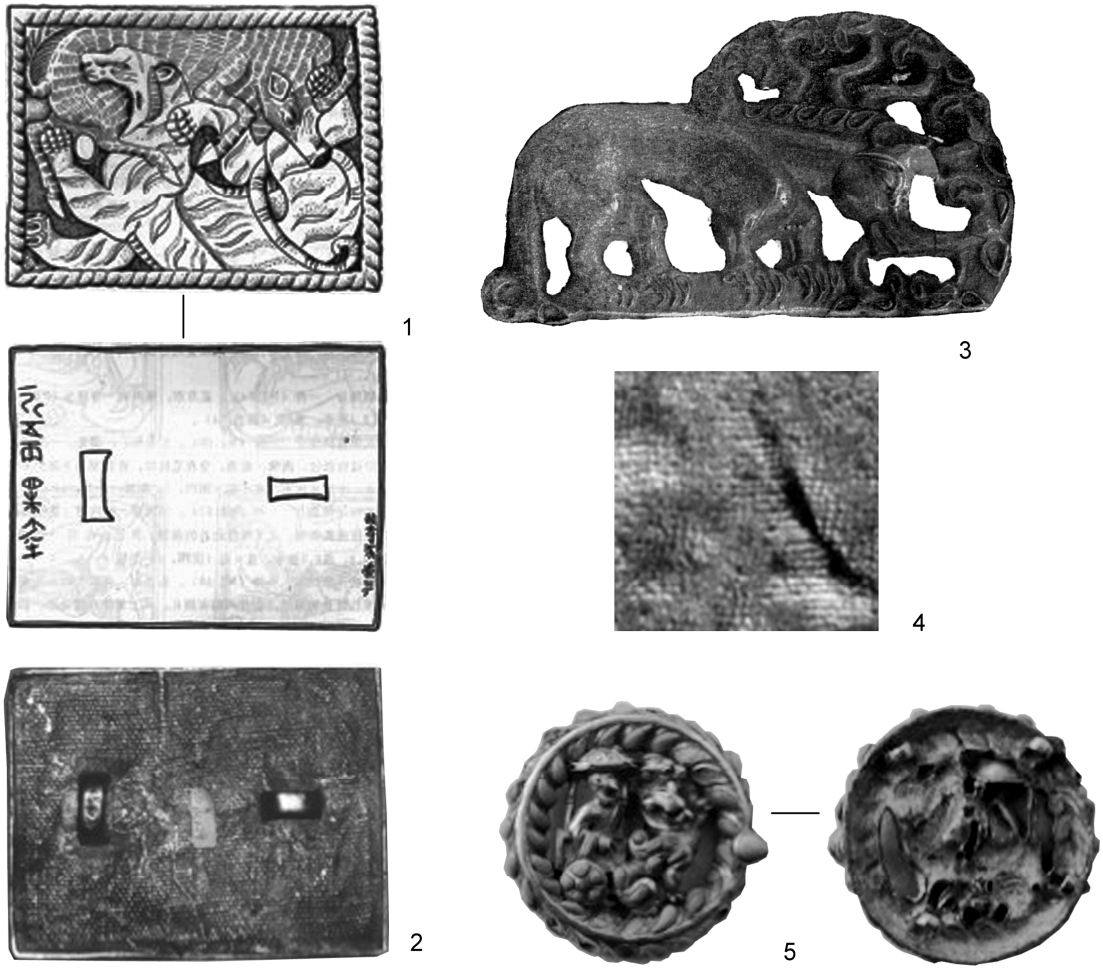

Fig. 1. Lost-wax/Lost-textile Technology: 1, 2 — golden plaque, Xigoupan, Shanxi, PRC 3th c. BCE (after: Bunker 1997); 3, 4 — golden plaque from the Peter the Great Siberian Collection (1/19; after: Rudenko 1962); 5 — golden boot buckle, Tillya Tepe, burial 4 (National Museum of Afghanistan; photography by Jane Hickman)

Production of steppic style objects in Chinese foundries for specific, probably pastoral, populations had been suspected for many years, but this activity has only recently been documented archaeologically with the discovery of the tomb of a metal worker/caster dating from the late 4th to early 3rd c. BCE near Xi'an. The sophisticated metal industry known to have existed in western China during this period has been studied in relation to internal markets within Dynastic borders, but not beyond. By the 2nd c. BCE, the transmission of the technology, objects and perhaps even people is suggested in Xiongnu territories and even further afield. Questions about the intersection of the technology, steppic iconography and chronology have shaped our thinking. This paper is a preliminary report on our findings about that exchange.

Chinese Production (fig. 2)

This distinctive technology was documented in the excavation of a late Warring States tomb (4th to 3rd c. BCE) in Beikang Village in the northern suburbs of Xi'an in the ancient Chinese State of Qin. Objects of high historical value, including ceramic moulds for bronze-casting, pottery, bronze objects, iron artifacts, lacquer-ware, stone objects, etc. were unearthed there. Among these finds were twenty-five ceramic models for casting bronze plaques of steppe types with iconography typical of the Ordos region as well as other categories of bronze objects. A preliminary report of the excavation was published in 2003 (Yue Lianjian 2003) and the final report appeared in 2006 (The Qin Tomb… 2006). Not only do the contents of this single tomb confirm what several scholars have previously proposed — namely that the Chinese were producing objects for their pastoral neighbors (Bunker 1983; 1991) — it also suggests that this

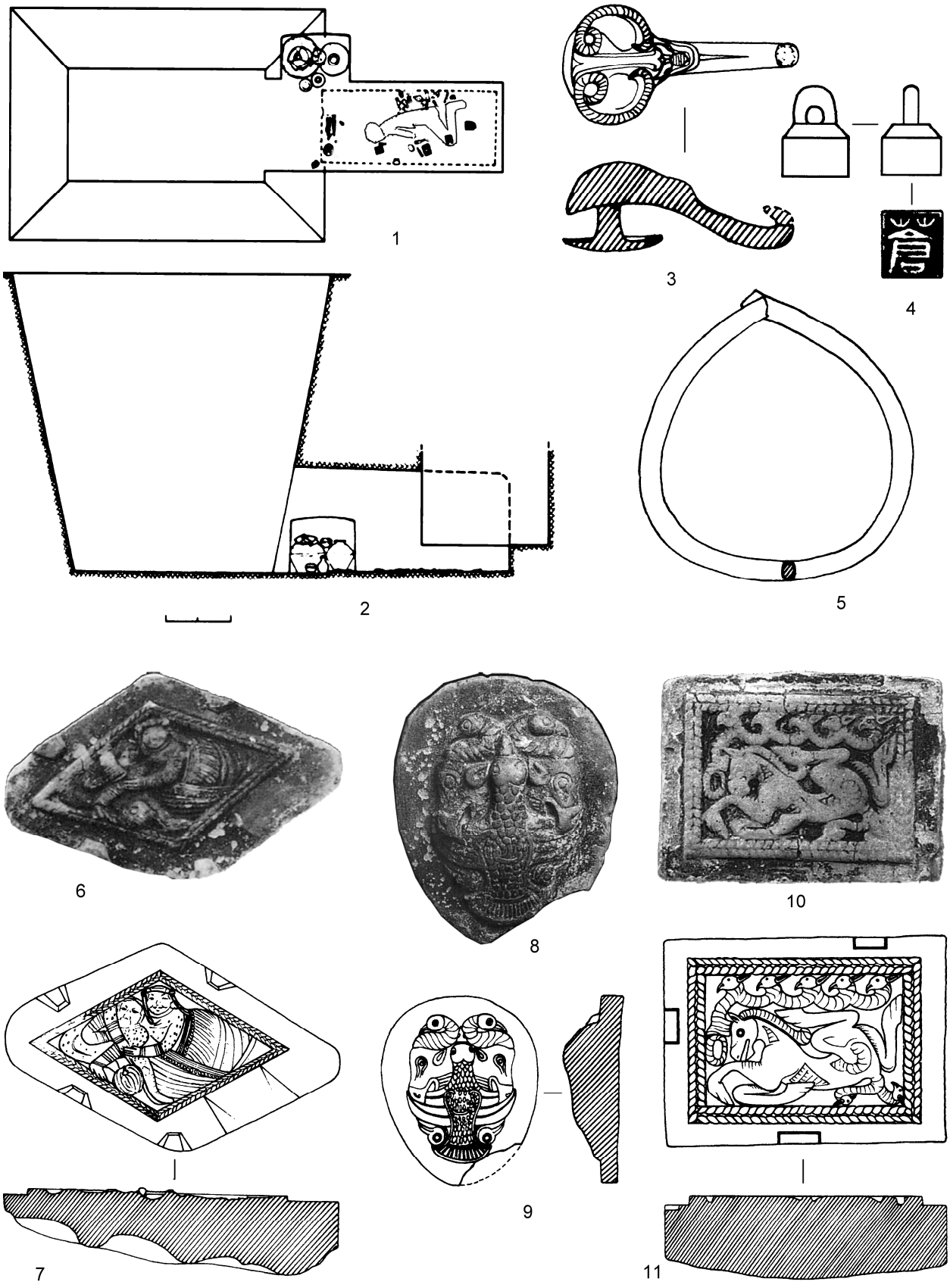

Fig. 2. Metal Worker's Tomb Beikang, Shaanxi, PRC 4th/ 3rd BCE (After: Yue Lianjian 2003):
1–5 — plan, section of tomb and objects; 6, 7 — clay model of plaque depicting human activity;
8, 9 — clay model of plaque of hawk and feline; 10, 11 — clay model of horse plaque

metal industry formed a significant piece of the Qin State economy and Zhou dynastic foreign policy. Prof. Linduff explored the socio-economic and political implications of the industry and its significance to the Qin in an article published in 2009 (Linduff 2009). The implications of this industry and the special casting technology have parallels in places far in distance and time from the western borders of China that have not been explored in light of this new discovery. This special technology and the production of metal items for the "nomad' market and the interregional exchange that it documents is the topic of interest to us here.

Tomb and Contents:

The tomb was constructed with a straight, but angled-in, burial shaft and a wall niche, containing the actual interment, and is oriented east-west with the burial chamber on the east wall, and is unlike tombs in other Chinese States at this time that followed the Han Chinese north-south orientation and pit tomb shape (Teng Mingyu 1992; Faulkenhausen 2004: 156; Shelach, Pines 2006: 206–216). Because the burial goods included more than the usual daily-use items, together with a large number of ceramic models for bronze casting, metal working tools, and a name seal, the excavators proposed that the deceased was Chinese and was likely a bronze caster and one with a particular amount of social status (Yue Lianjian 2003; The Qin Tomb… 2006).

The most extraordinary find in this tomb for our purposes, however, is the group of the twenty-five ceramic models made for casting bronze or gold decorative plaques and other types of objects. They include: a model with human figure designs (one example); models for plaques with animal decoration (four examples) including single and paired horses, paired rams, and one of a hawk fighting a feline. This is the first time ceramic models for casting 'steppe-style' bronze plaques have ever been discovered intact in Shaanxi, or within the ancient territory of the State of Qin. In fact, they are even quite rarely found elsewhere inside ancient Zhou Warring States territory. For instance, at the unequalled excavation of a complete foundry at Houma, near the capital of the neighboring state of Jin in present-day Shanxi and dating from between 585 to 403 BCE, or somewhat earlier than the Beikang tomb, very few models of steppe-style objects were found in the debris. The overwhelming numbers of models and moulds excavated there were made to mass-produce high quality decorated objects in the 'Chinese' mode. And although many have noted that elements of the Houma decorative repertoire such as those showing animal combat or composite animals were inspired by knowledge of artifacts and/or imagery from as far afield as western Asia (Bagley 1996: 57; Bunker 1991; 1992; Li Xiating, Liang Ziming 1997), most bear little resemblance to their steppic counterparts, and the new imagery is incorporated into the dominant Chinese aesthetic.

This tomb and its steppe-like contents, on the other hand, provide invaluable concrete data for studying Qin State bronze culture, distinctive casing techniques, and cultural interaction between the Qin and peoples who must have commissioned and used such items, whether they lived in the Ordos due north of the capital of the emerging pre-imperial Qin polity or beyond. These objects and their iconography retain the 'steppe-aesthetic' and iconography and are therefore distinctly 'foreign' or 'other' in the context of Chinese metallurgical production.

Casting Technology

Interestingly, some of the newly excavated ceramic models from the Beikang tomb were probably used in an indirect lost-wax casting process, a relative latecomer in the bronze industry in China, and one not used so far as we know at Houma during its heyday in the 5th and 4th c. BCE where a consistently complex system of piece mould casting was used (Bagley 1995).[9] Gold and bronze objects with cast impressions of textiles on their backs, made by the lost-wax process, have been found in Xigoupan in the Ordos, dating from the 3rd c. BCE, as well as from as far away as in Hebei Province in the late 4th or 3rd c.

[9] Models for the indirect casting process are known to have been made of clay, wood and bone, and all three materials were carved at Houma, but the excavators report only the use of piece-mould casting technology at the Houma foundry (Li Xiating, Liang Ziming 1997).

BCE. Chinese characters on the Xigoupan plaque giving its weight attest to its Chinese manufacture in the northern state of Zhao (in Shanxi) of luxury items of non-Han Chinese style and iconography (Tian Guangjin, Guo Suxin 1986: 353; Li 1991: 1-22; Bunker 1992) (Fig. 1). Based on his observations of at least eight examples from the Peter the Great Collection here in the Hermitage, Rudenko explained in 1962 that sometimes wax models were supplemented with a piece of cloth so that the cast plaques could be made thinner than the models.[10] He did not then connect it with a Chinese place of manufacture since his study was made long before these new discoveries.

The Chinese favored a casting process that began with ceramic models, presumably because they had used clay models and moulds in bronze casting since the second millennium BCE. Many steppe-style ornaments manufactured in foundries beyond China were made by using models differently, for instance, such as those discovered in Pokrova in the southern Urals in Russia and dated between the 6th to 4th c. BCE (?). A bone model of a crouching feline and two very similar gold, feline-shaped plaques found there demonstrate the use of hammering a thin sheet of metal over a model made from a plentiful material such as bone or horn (Yablonsky 1994: 116, fig. 37,*16*; 155, fig. 76,*12–13*; bone model from kurgan 2 burial 5; two hammered plaques from kurgan 2, burial 1). It seems, therefore, that this indirect lost-wax and lost-textile process with clay moulds was a Chinese invention that was peculiar to the efficient and cost-effective production of objects for the foreign market (Linduff 2009).

Emma Bunker suggested that a foundry at Yanxiadu, in Hebei produced the excavated 3rd c. BCE plaques from there which exhibit the lost-wax/lost-textile process of casting (Bunker 1992a), but our bronze caster's tomb is the first direct evidence of the production of metal products for populations who favored objects that reflected the distinctive styles of the pastoral peoples living beyond the Chinese heartland. The historical circumstances that allowed and perhaps even encouraged such foreign exchange is, in the case of this tomb master, probably explicitly first tied to the political and economic aspirations and ambitions of the pre-Empire State of Qin during the 4th and 3rd centuries BCE, then it expands with the Xiongnu and Han Empires throughout the late 3rd c. BCE–1st centuries CE across well established Eurasian trade routes. But let us now turn to examples of the use of this process of casting outside of the Ordos during the period from the 4th c. BCE through the 2nd c. CE.

Examples from Eurasia: Peter the Great Siberian Collection, Siderovka and Tillya Tepe Plaques and Ornaments (4th–1st c. CE):

Golden plaques in Peter the Great Siberian Collection, one excavated at Siderovka (c. 3rd c. BCE) and boot ornaments from Tomb 4 at Tillya Tepe (burial dated 1st c. CE) clearly exhibit remains of textile impressions on their reverse.

The technological treatment of golden objects, although all exhibit textile impressions on their reverse, was employed in at least three ways that may suggest a chronological sequence (Fig. 1).

In China: the reverse is flat (Xigoupan).

In Siberia: the reverse is concave (Peter the Great Siberian Collection and the plaques from Sidorovka and Isakovka).

Central Asia: part of the back has no textile impression and the figure is more sculptural (Tillya Tepe).

Three categories of iconography are typical among the golden objects studied:

a. Animal combat scenes: Feline and snake (H8, H10), between — feline and stag (H19); wolf/stag and tiger (H11); tiger and camel (H15); beaked ungulates and camel (H13); inlaid plaque depicting an hawk and yak (H3); plaques from Sidorovka (3rd c. BCE) and Isakovka in Siberia; and from Xigoupan, in the Ordos in China.

[10] Rudenko listed 25 examples (11 paired plaques, 2 bosses, 1 ornament) in all that exhibited this technology (Rudenko 1962). We have observed additional examples in the Siberian Collection and have found discrepancies between his numbers and those currently used by the Hermitage. For consistency, we have used the Hermitage numbers to identify objects here.

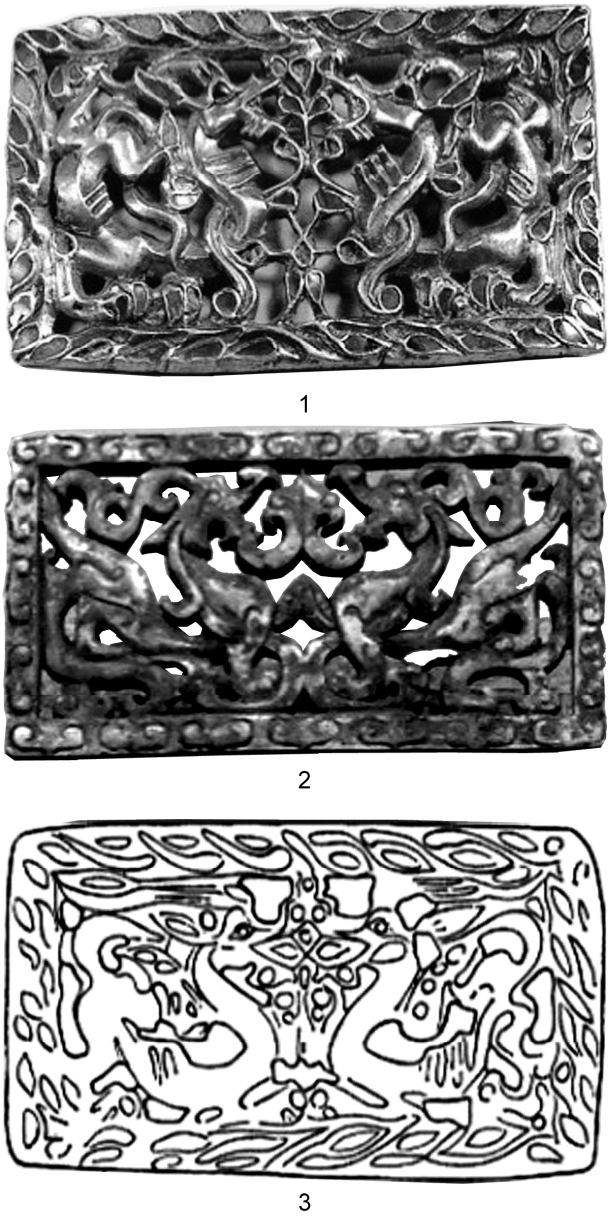

Fig. 3. Openwork plaques with Confronting Dragons:
1 — inlaid gold plaque from the Peter the Great Siberian Collection (H157) 3th c. BCE??? (Alter: Bunker 2002);
2 — gilded openwork bronze plaque, Zhao King's Tomb, Handan, Hebei, PRC late 3rd c. BCE (Courtesy of Han Jiayao): 3 — bronze openwork plaque, Daodunzi, Shaanxi, PRC 2nd C. BCE (After: Linduff 2008)

b. Narrative scenes: Hunt scene (H69), Man and woman under Tree (H161), Boot attachment from Tillya Tepe.

c. Heraldic Images depicting symmetrically confronting animals (H157); or ornaments (H 27), and bosses (H 99).

Importantly, some models with shared subject matter, style and/or type have parallels in pieces excavated in Beikang, the Ordos and/or elsewhere either in Minusinsk or Buryatia.

For example: Confronting Dragons (figs. 3, 4):

H157 — inlaid with semi-precious stones and glass paste, gold, openwork, lost/wax/lost-textile cast [dated from 6th c. (Aruz 2002) to 3rd c. BCE (Bunker 2002)];

Sidorovka — gold inlaid plaque with semi-precious stones and glass paste with confronting lupine-headed dragons, some textile impressions with evidence of hammering on reverse (3rd c. BCE?);

Fig. 4. Lupine-headed Dragon Motif:
1, 2 — inlaid gold plaque, Sidorovka, kurgan 2, grave 1, Western Siberia, 3rd c. BCE (After: Matyushenko, Tataurova 1997); 3 — openwork bronze plaque, Daodunzi, Shaanxi, PRC 2nd c. BCE (Alter: Linduff 2008);
4 — openwork bronze plaque with two tigers and dragon, Ivolga, Buryatia, 2nd c. BCE (After: Davydova 1971)

Zhao King's Tomb no. 2 — gilt bronze openwork plaque (Handan, Hebei Province, 3rd c. BCE);
Ivolga — bronze openwork plaque (Tomb 100; late 3rd–2nd c. BCE; Davydova 1971: 96, fig. 1);
Daodunzi — bronze openwork plaque (Tongxin Co. Ningxia, 2nd–1st c. BCE; Bunker 2002: 47).

And in this set of plaques, shared alloying technology and/or iconographic features define a wide geographic distribution of this knowledge that stretches from Mongolia across the Northern Frontier of China to the Minusinsk Basin and western Siberia from the 3rd c. to as late as the 1st c. BCE. This single comparative example raises questions about the place of manufacture and dating of the objects as well as

the various socio-economic or -political positions of their patrons. The gilded bronze example was excavated in a kingly burial context in Handan, Hebei, in northern China that confirms its noble patronage and suggests the same for the inlaid gold plaques from the Peter the Great Siberian Collection and Siderovka, whereas the bronze openwork examples from Daodunzi and Ivolga are more modest in material, are later in date from the 2nd and 1st c. BCE, and were probably mass produced for a much less wealthy clientele. This group alone, and there are others, extends our knowledge of the wide distribution of these Ordos style products from Buryatia, Mongolia across the Northern Frontier of China including the Ordos, to Minusinsk and western Siberia.

Moreover, these bronze openwork plaques appear to have been made using two very different alloys. Those using an arsenic copper base were probably manufactured in the Minusinsk region (Devlet 1980; Davydova 1971: 96) and those made of copper-tin-lead bronze in China, probably in the Ordos. In addition, the gilded bronze plaque was made using mercury gilding technology that developed in China. And we also see some bronze plaques with textile impressions on their backs, possibly the transfer of a technique associated with the elite to lesser folk.

Preliminary Hypotheses and Future Work

Our preliminary survey suggests that an industry that supplied metal items for the 'nomad' market probably began in western China no later than the late 4th c or perhaps early 3rd c. BCE. These objects were cast in precious metals of gold and silver, presumably for the upper elite, and later in bronze for a less privileged population, that were sometimes gilded, tinned or silver plated (Bunker 2002: 28). This exchange is reflected in the golden items cast with lost-wax/lost textile technology found in Siberia in the Sargat culture sites (Siderokva) and in several plaques found in the Peter the Great Siberian Collection.

These objects were made in several ways using different combinations of metals, and imply that several workshop practices were in use, perhaps even in the same foundry. The Chinese data, the most securely dated of this group of artifacts, confirm that solid gold, mercury gilded bronze and simple bronze plaques and ornaments were all circulated widely across Eurasia, as well as produced in China between the 3rd c. and the 1st c. BCE.

They document:

The earliest dated production and use of the lost-wax/lost-textile technology is among the social elite in the 3rd c. BCE at Xigoupan where animal combat is cast in solid gold. This and the dating of the excavated Sidorovka site argue for a date of the 3rd c. BCE for the Peter the Great and Siderovka plaques manufactured using the same method. The presence of Chinese objects in the Sargat Culture elite burials demonstrates a contemporary trade in artifacts that could signal technology transfer as well (Koryakova, Epimakhov 2007: 304; Koryakova 2006: 109).

During the late 3rd to the 1st c. BCE, golden and gilded plaques have been documented in tombs of military and political leaders (Handan) and have even been found in 1st c. CE context at Tillya Tepe where they have an extended use as 'exotic' or 'antique' relics in tombs of leaders. Mass production of openwork bronze plaques for less prestigious patrons by the late 2nd/early 1st c. BCE (Daodunzi) confirms continued production of tin bronze openwork plaques in the Ordos.

Such representational metal plaques found in Minusinsk and Buryatia presumably date from the same period as they are thought to be commissions within the territory of the Xiongnu confederation dated from that time, although many in Minusinsk are arsenic copper and so suggest that there were two production centers—one in the Ordos for tin bronze and another in the Minusinsk Basin for arsenic copper. And, no later than the 2nd c. BCE, tin bronzes produced in the Ordos traveled to western Siberia, Minusinsk (Devlet 1980) and the Transbaikal at Dyrestuy (Miniaev 1998: 34–35, fig. 3). But the reverse can also be documented, that is, arsenic copper artifacts have been found in the Ordos (Bunker 2002: 98, 101) and at Pokrovka (Yablonsky 1994: 159, fig. 81) that were probably produced in Minusinsk.

Implications of the above chronology from dated contexts suggests that:

The Peter the Great golden plaques cast in lost-wax/lost textile method need to be redated.

The 2nd to 1st c. BCE production of bronze openwork plaques in the Minusinsk Basin and in Buryatia accounts for the arsenic copper examples found there (Devlet 1980), but we presume that the tin bronze examples were made in China — and, therefore the trade must go both ways. Those that are mercury gilded (a Chinese technology) must have been made in the Ordos.

The Ordos would appear to be one generating hub for this production and dissemination—but there are probably other production centers as well, that is, in Minusinsk and perhaps elsewhere by the late third/second century BCE?

The initiation of this market and technology precedes the Xiongnu Empire and must have developed to serve the non-Han communities (such as the Ruizhi/Yuezhi) in the Ordos as early as the 4th c. BCE as documented at Beikang. The workshop to whom the Beikang metal caster belonged served a clientele who preferred/commissioned and thereby introduced composite, fantastic imagery with raptor-headed attributes to the metal industry as early as the 4th c. BCE.

The transmission of the technology and such materials follows the emergence of the Xiongnu confederation established by Maodun in 209 BCE. By the end of the 3rd c. BCE and the defeat of the Ruizhi between 176-160 BCE, the Xiongnu had unified the peoples of Eastern Asia/Eurasia into a vast steppe empire that rivaled the Chinese states of Qin and Han. That vast Xiongnu empire—from Liaoning Province in the east to Xinjiang in eastern China and northward through Mongolia to Lake Baikal and the Yenisei River valley in eastern Siberia—includes the regions where much of this transference and exchange of metallurgical knowledge and metal products probably took place (Erdy 2008), as witnessed at the cemetery at Xigoupan and Aluchaideng in tombs of leaders (or the wealthy) and at Daodunzi (Linduff 2004) in the Ordos. The creation of the empire was accompanied by substantial changes in the metallurgy and iconography of belt plaques that probably served as indicators of membership; by an increase of Chinese luxury goods including bronze mirrors and occasionally vessels (Tillya Tepe; Isakovka; middle Sarmatian graves), lacquers and silk in burials of elites found in sites on or with access to the trade routes (Siderovka and Isakovka); and by transplants further afield in time and place including at Tillya Tepe, where the female in Grave № 6 had a deformed head comparable to those found in so many Eurasian burials from the 2nd c. BCE to 3rd c. CE (Rubinson 2008; Torres-Rouff, Yablonsky 2005) . This vast 'Xiongnu' network must have been the engine that moved these items and technology across western China into eastern Eurasia and beyond (Devlet 1980; Miniaev 1980), although it may be the groups they pushed aside who brought both further west (Enoki, Koshelenko, Haidary 1994).

This is not an isolated transference of technology and objects, but evidence from burials at Siderovka, Isakovka and Tillya Tepe document the importation of Chinese objects and products such as glass (Dovgaliuk 1997), probably in the form of paste (Isakovka); and embroidery technology with gold thread (Pogodin 1995) that were adopted and adapted by Eurasian artisans. The exchange went both ways and provided a rich source of materials and ideas for several centuries.

This preliminary study of exchange of luxury goods, hopefuilly, illustrates the potential for understanding the interaction and perhaps interdependency between and among peoples of Eurasia and the regions as far east as the borderlands of the early Chinese dynasties.

The Qin Tomb… 2006 — The Qin Tomb in the Northern Suburb of Xi'an. 西安北郊秦墓 / The Archaeology Institute of Shanxi Province. 陕西省考古研究所. Xi'an. 2006.

Bagley 1995 — *Bagley R. W.* What the Bronzes from Hunyuan Tell Us about the Foundry at Houma // Orientations. 1995. Vol. 26 (1). P. 46–54.

Bagley 1996 — *Bagley R. W.* Debris from the Houma Foundry // Orientations. 1996. Vol. 27 (9). P. 50–69.

Bunker 1983 — *Bunker E. C.* Sources of foreign elements in the Culture of Eastern Zhou // The Great Bronze Age of China: A Symposium. Los Angeles, 1983. P. 84–93.

Bunker 1991 — *Bunker E. C.* Sino-Nomadic Art: Eastern Zhou, Qin and Han Artifacts Made for Nomadic Taste // International Colloquium on Chinese Art History. Proceedings. Taipei, 1991. Vol. 2. P. 269–290.

Bunker 1992 — *Bunker E. C.* Significant Changes in Iconography and Technology Among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors form the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. 1992. Vol. 6. P. 99–115.

Bunker 1992a — *Bunker E. C.* Gold Belt Plaques in the Siberian Treasure of Peter the Great: Dates, Origins and Iconography // Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes. Los Angeles, 1992. P. 201–202.

Bunker 2002 — *Bunker E. C.* Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppe: The Eugene Thaw and Other New York Collections. New York; New Haven; London, 2002.

Davydova 1971 — *Davydova A. V.* (*Давыдова А. В.*) К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 93–105.

Davydova 1985 — *Davydova A. V.* (*Давыдова А. В.*) Ivolga Complex (Fortresses and Cemetery) — Hun Remains in Trans-Baikal [Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье]. Leningrad, 1985.

Devlet 1980 — *Devlet M. A.* (*Девлет М. А.*) Siberian Openwork Belt Plaques from the Second Century BCE to the First Century CE. (Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.–I в. н. э.). M., 1980 (САИ. Вып. Д4-7).

Dovgaliuk 1997 — *Dovgaliuk N. P.* (*Довгалюк Н. П.*) Finds of Chinese Glass Objects in the Territory of Western Siberia (Находки китайских стеклянных изделий на территории западной Сибири) // Russia and the East: Archeology and Ethnic History. Proceedings of the IV International Scholarly Conference "Russia and the East: Issues of Interaction" (Россия и восток: археология и этническая история. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»). Omsk, 1997. P. 42–46.

Enoki, Koshelenko, Haidary 1994 — *Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z.* The Yüeh-chih and Their Migrations // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris, 1994. P. 171–189.

Erdy 2008 — *Erdy M.* Archaeological continuity between the Xiongnu and the Huns: Eight Collections Supported by Written Sources // Danish Society for Central Asia's Electronic Journal (www.centralasien.dk).

Faulkenhausen 2006 — *Faulkenhausen L. von.* Mortuary Behavior in Pre-Imperial Qin: A Religious Interpretation // Religion and Chinese Society. Vol. 1: Ancient and Medieval China. Hong Kong, 2004. P. 109–172.

Li Xiating, Liang Ziming 1997 — *Li Xiating* (李夏廷), *Liang Ziming* (梁子明). The Art of the Houma Foundry. Princeton, 1997.

Koryakova 2006 — *Koryakova L. N.* On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region // The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. New York, 2006. P. 102–113.

Koryakova, Epimakhov 2007 — *Koryakova L. N., Epimakhov A. V.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New York. 2007.

Linduff 1997 — *Linduff K. M.* An Archaeological Overview // Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppe from the Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997. P. 18–98.

Linduff 2009 — *Linduff K. M.* Chinese Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in Zhou China // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond. London, 2009. P. 90–96.

Matiushchenko, Tataurova 1997 — *Matiushchenko V. I., Tataurova L. V.* (*Матющенко В. И., Татаурова Л. В.*) The Sidorovka Cemetery in Pre-Irtysh Omsk (Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье). Novosibirsk, 1997.

Miniaev 1980 — *Miniaev S. S.* (*Миняев С. С.*) The production and distribution of belt plaques with zoomorphic imagery (according to spectral analysis data) (Производство и распространение поясных пластин с зооморфным изображениями [по данным спектрального анализа]) // *Devlet M. A.* (*Девлет М. А.*) Siberian Openwork Belt Plaques from the Second Century BC to the First Century AD (Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.–I в. н. э.). M., 1980. P. 29–34 (САИ. Вып. Д4-7).

Minyaev 1998 — *Minyaev S. S.* (*Миняев С. С.*) Derestuj burial ground (Дырестуйский могильник). St. Petersburg, 1998.

Pogodin 1996 — *Pogodin L. I.* (*Погодин Л. И.*) Goldwork in Western Siberia (first millennium CE) (Золотое шитье Западной Сибири [первая половина I тыс. н. э.]) // History Annual (Исторический ежегодник). Omsk, 1996. P. 123–124.

Rubinson 2008 — *Rubinson K. S.* Tillya Tepe: Aspects of Gender and Cultural Identity // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. Latham, 2008. P. 51–63.

Rudenko 1962 — *Rudenko S. I.* (*Руденко С. И.*) Siberian Collection of Peter I Сибирская коллекция Петра I. Leningrad, 1962 (САИ. Вып. Д3-9).

Shelach, Pines 2006 — *Shelach G., Pines Y.* Secondary State Formation and the Development of Local Identity: Change and Continuity in the State of Qin (770–221 BC) // Archaeology of Asia. Malden; Oxford; Carlton; Victoria, 2006. P. 202–230.

Teng Mingyu (滕铭予) 1992 — *Teng Mingyu*. 关中秦墓研究 (A study of the Qin tombs in the Guanzhong region) // 考古学报 (Acta Archaeologica Sinica). 1992. №3. P. 281–300.

Tian Guangjin, Guo Suxin 1986 — *Tian Guangjin* (田广金), *Guo Suxin* (郭素新). 鄂尔多斯式青铜器 (Ordos-type Bronzes). Beijing. 1986.

Torres-Rouff, Yablonsky 1995 — *Torres-Rouff C., Yablonsky L. T.* Cranial vault modification as a cultural artifact: a comparison of the Eurasian steppes and the Andes // Journal of Comparative Human Biology. 2005. Vol. 56 (1). P. 1–16.

Yablonsky 1994 — *Yablonsky L. T.* (*Яблонский Л. Т.*) Kurgany Levoberezhnogo Ileka (Курганы Левобережного Илека). M., 1994.

Yue Lianjian 2003 — *Yue Lianjian* (岳连建). 西安北郊战国铸铜工匠墓发掘简报 (Preliminary excavation report of the Warring States period tomb of a bronze caster in the northern suburbs of Xi'an) // 文物 (Cultural Relics). 2003. № 9. P. 4–14.

С. С. Миняев (Санкт-Петербург, Россия)

К интерпретации некоторых находок из Ноин-Улы

Как известно, А. Н. Бернштам приложил много усилий для изучения так называемой гуннской проблемы, центром которой является вопрос о тождестве азиатских гуннов (хунну или сюнну) и гуннов европейских. Этой теме А. Н. Бернштам посвятил несколько статей и фундаментальную монографию «Очерк истории гуннов», написанную до войны и увидевшую свет в 1951 г. Очерк обобщил все имеющиеся к тому времени материалы, что позволило А. Н. Бернштаму сформулировать ряд идей об общественном строе гуннов, а также дать характеристику их духовной и материальной культуры. Однако при трактовке археологического материала, в первую очередь из памятников сюнну, А. Н. Бернштам в своих рассуждениях опирался на крайне недостаточные данные, в большинстве полученные путем непрофессиональных «раскопок». В первую очередь это касается курганов Ноин-Улы, предметы из которых извлекались членами экспедиции П. К. Козлова через старые грабительские ходы без какой-либо подробной фиксации.

Дальнейшие исследования памятников сюнну, особенно исследование курганов знати с применением современных полевых методик и тщательной фиксацией места находок позволяют откорректировать некоторые предположения А. Н. Бернштама и допускают новую атрибуцию ряда предметов и комплексов.

Раскопки крупнейшего в России элитного комплекса сюннуских захоронений в пади Царам (Миняев, Сахаровская 2007; Миняев 2009), которые были проведены Забайкальской экспедицией ИИМК РАН, дали принципиально новую информацию о погребальном обряде высшей сюннуской знати, а фиксация находок in situ позволила корректно определить функцию тех предметов, назначение которых было ранее неясно и вызывало противоречивые трактовки. Рассмотрим такие предметы подробнее.

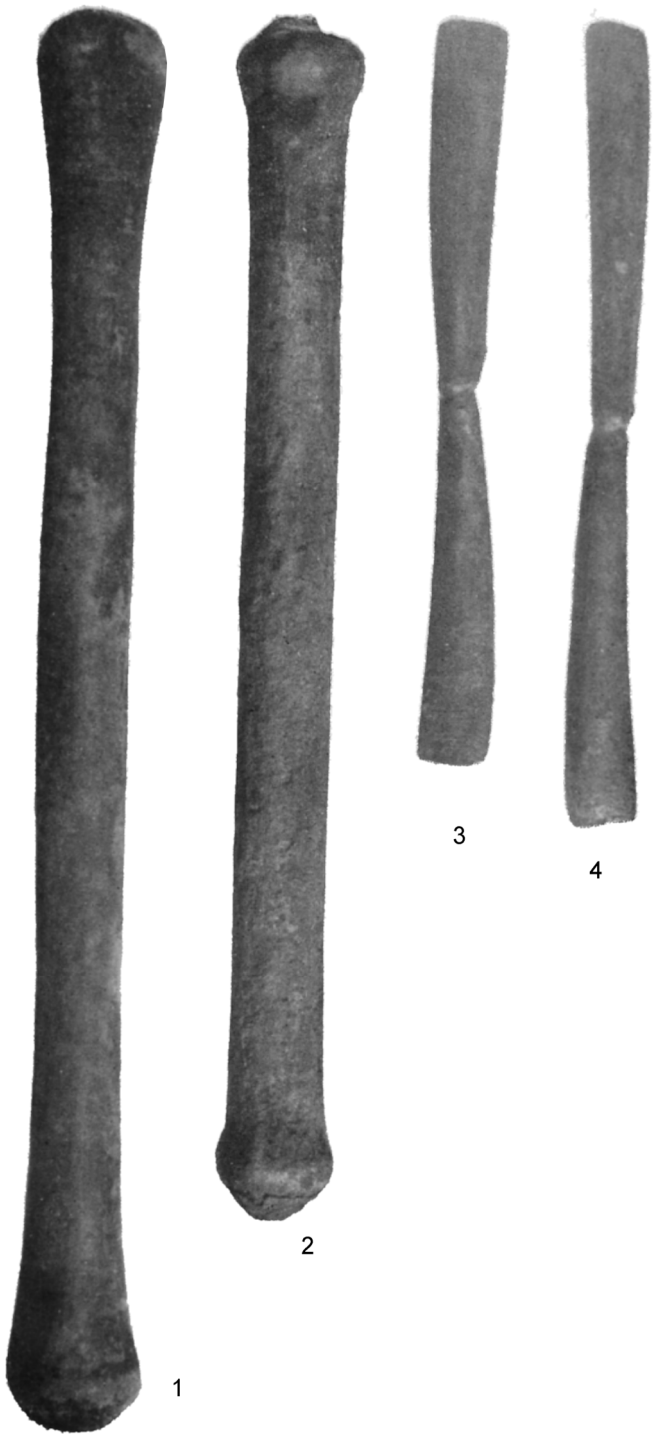

Рис. 1. Находки из курганов Ноин-Улы: 1 — бронзовые поручни гроба; 2 — бронзовые наконечники псалий

В своей книге «Очерк истории гуннов» А. Н. Бернштам детально анализирует предметный комплекс из курганов Ноин-Улы, подробно рассматривая, в частности, бронзовые цилиндрические «песты» с железными стержнями внутри (рис. 1, *1*). Привлекая данные письменных источников, он счел возможным интерпретировать эти предметы как бронзовые палицы («чи»), якобы применяемые сюнну для ближнего боя (Бернштам 1951: 43). Раскопки кургана № 7 в Цараме, где такие предметы были найдены in situ (рис. 2) позволили определить их действительное назначение. 4 бронзовых стержня (размером около 40 см) располагались возле углов гроба. С помощью кожаных

Рис. 2. Царам, бронзовый поручень гроба in situ

шнуров они крепились к стенкам гроба, для чего в них были вбиты железные кольца с шипом. Подобное расположение и крепление бронзовых стержней вполне определенно указывают на их использование в качестве поручней для переноски гроба.

Другие бронзовые предметы клинообразной формы с остатками железа внутри, найденные в Ноин-Уле (рис. 1, 2), также были отнесены к категории оружия — они были атрибуированы С. И. Руденко как кастеты (1962). Однако находки сходных предметов в Цараме в составе наборов конской упряжи показывают, что они использовались как бронзовые наконечники железных псалий. Такие наконечники имели как клиновидную так и цилиндрическую форму.

В Ноин-Уле были обнаружены также другие находки, назначение которых первоначально не вписывалось в традиционные представления о погребальных наборах для захоронений мужчин — представителей высшей сюннуской знати. К таким находкам относятся в первую очередь детские молочные зубы и женские ожерелья (рис. 3, *1*, *3*). Раскопки кургана 7 в Цараме позволили надежно вписать эти находки в контекст погребальной практики сюнну. Здесь были найдены 4 погребальные куклы (одна из которых была извлечена грабителями, а три сохранились in situ), моделированные из черепа ребенка (рис. 3, *2*) и деревянных лакированных палочек. Такие куклы имели реальный погребальный инвентарь, в состав которого среди прочего входили ожерелья (рис. 3, *4*), фрагменты ханьских зеркал и лакированные чашечки. Находки погребальных кукол в Цараме позволяют с большой долей вероятности допустить, что в ряде курганов Ноин-Улы также находились погребальные куклы. Об этом свидетельствуют как находки детских и женских зубов, так и находки фрагментов зеркал и лакированных чашечек. Такие находки были сделаны в курганах 23 (4 лакированные чашечки), кургане 20 (лакированные чашечки и зубы молодой женщины; Полосьмак, Богданов 2008; Чикишева и др. 2009), в кургане 25 (фрагмент зеркала) и в Андреевском кургане (молочные зубы ребенка).

Лакированные чашечки с надписями были найдены также в кургане 6 (Ноин-Ула) и в кургане без номера в пади Цзурумтэ (раскопки А. Д. Симукова). На этих находках стоит остановиться особо.

Лакированная чашечка с гравированной иероглифической надписью (ГЭ, фонд МР № 2301), найдена в кургане 6 в «земле северо-восточного коридора». Чашечка украшена изображениями фениксов, на бронзовой накладке ручки сохранилось гравированное изображение птицы. На бортике донца чашечки нанесена гравированная надпись из 17 иероглифов (о чашечках из Ноин-Улы см. подробно Lois 2007; Pirazzoli-t'Serstevens 2009). Начальные иероглифы с указанием девиза и месяца годов правления указывают на дату изготовления чашечки — пятый год под девизом Цзянпин, который обычно приравнивают к первому году следующего девиза правления, Юаньшоу, что соответствует 2 г. до н. э. В центре донца на коричневом лакированном покрытии чашечки

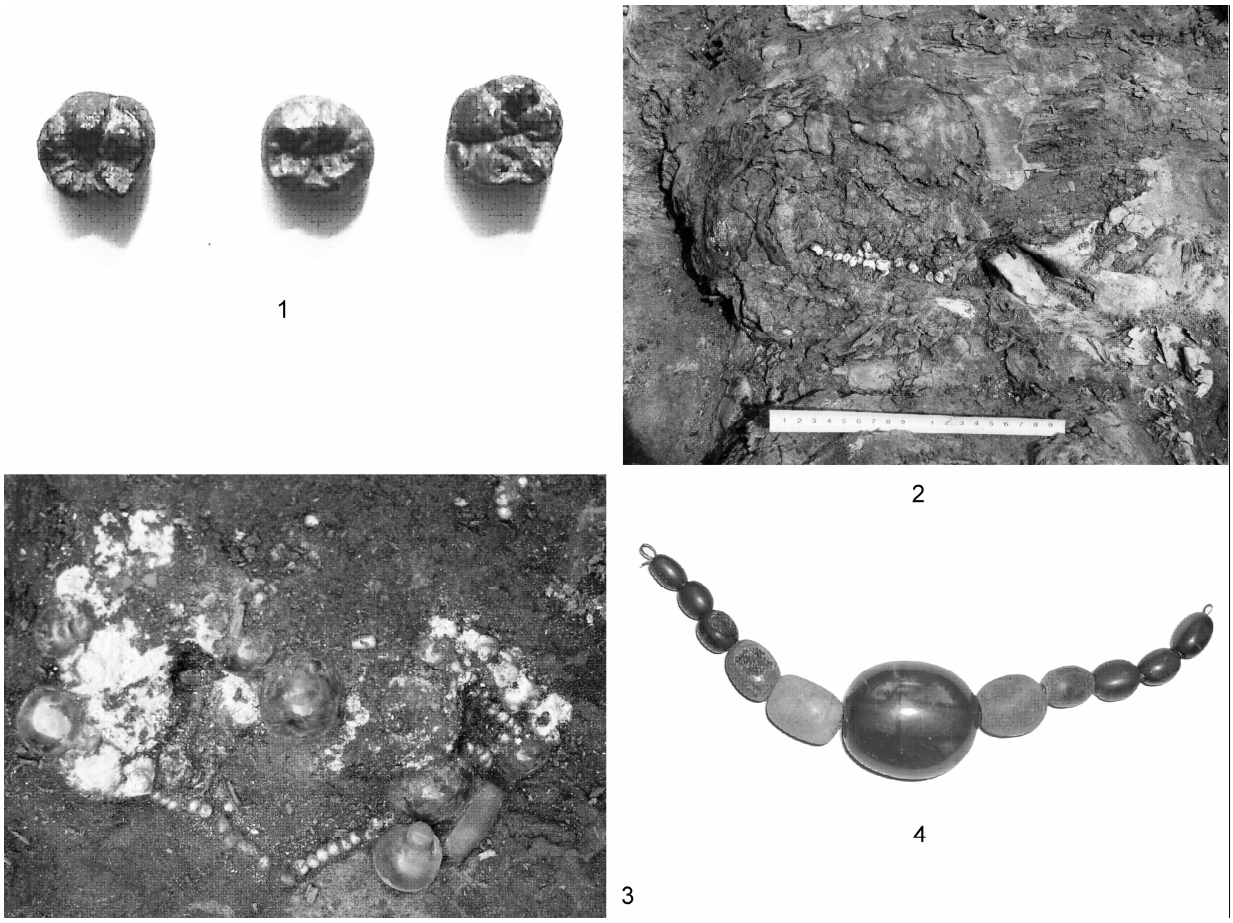

Рис. 3. 1 — детские зубы из Ноин-Улы; 2 — череп куклы из кургана 7 в Цараме; 3 — ожерелье из Ноин-Улы; 4 — ожерелье куклы 2 из кургана 7 в Цараме

красным лаком нарисованы иероглифы «шанлин» — название императорского парка и дворца, к столовым наборам которого и относилась, видимо, посуда с таким клеймом. По мнению М. Пиаццоли-Серстевенс, лаконичность надписи (указаны всего лишь два мастера и один контролер) позволяет предположить, что чашечка была изготовлена в одной из частных мастерских, продукция которых закупалась для императорских нужд наравне с продукцией официальных мастерских (Pirazzoli-Serstevens 2009: 36–41).

Иероглифы «шанлин» и год изготовления чашечки позволили А. Н. Бернштаму предположить, что она среди других предметов была подарена шаньюю Учжулю во время его пребывания при дворе императора Ай-ди в 1 г. до н. э. Поскольку шаньюй Учжулю умер в 13 г. н. э., А. Н. Бернштам заключил (1951: 38), что именно эти годом и должен датироваться курган 6 в Ноин-Уле.

Такая трактовка захоронения в кургане 6, в принципе, допустима, однако окончательно принять эту версию не позволяет ряд обстоятельств. Прежде всего, следует отметить, что Учжулю, как ранее и другие вожди сюнну, прибыл к ханьскому двору со свитой из 500 человек. Не исключено, что престижные подарки ханьского двора, полученные шаньюем, распределялись впоследствии и среди его свиты. Об этом свидетельствует находка в другом кургане в соседнем урочище Цзурумтэ аналогичной чашечки, датируемой тем же самым годом — 5 год под девизом Цзяпин (Улан-Батор, Национальный музей истории Монголии, инв. № А-242). В имеющихся публикациях эта чашечка ошибочно атрибутирована как происходящая из кургана 5 (Umehara 1960; Louis 2007) или также ошибочно отнесена к находкам из кургана 6 (L’Asie des Steppes… 2001: 147, fig. 128; Mongolie… 2003: 223). В действительности она извлечена А. Д. Симуковым в 1927 г. из безномерного кургана в пади Цзурумтэ, место находки чашечки в самом кургане А. Симуков не отметил (2008).

Эта находка, как и находки лакированных чашечек в рядовых сюннуских захоронениях, показывает, что предметы роскоши, изначально полученные сюннуской знатью как подарки, в конечном итоге попадали и к представителям других слоев населения. В могильнике Царам лакированные шкатулки (одна из них с надписью «изготовлено для императора») найдены даже среди инвентаря погребальных кукол (Миняев, Сахаровская 2007; Пираццоли-Серстевенс 2008). Еще раз подчеркнем, что находка двух чашечек с одинаковым указанием на пятый год девиза «Цзянпин» в разных могильных группах Ноин-Улы делает маловероятной атрибуцию кургана 6 как захоронения шаньюя Учжулю и, следовательно, датировку этого кургана 13 г. н. э. Указание на 2 г. до н. э. определяет лишь terminus post quem как для кургана 6 в Ноин-Уле (кто бы ни был в нем захоронен), так и для безномерного кургана в пади Цзурумтэ.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. М.; Л., 1951.

Миняев 2009 — *Миняев С. С.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам. АЭАЕ. 2009. № 37 (2). С. 39–58.

Миняев, Сахаровская 2007 — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Элитный комплекс сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 194–201.

Пираццоли-Серстевенс 2008 — *Пираццоли-Серстевенс М.* Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // АВ. М., 2008. № 15. С. 71–74.

Полосьмак, Богданов 2008 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2008. № 2. С. 77–87.

Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962.

Симуков 2008 — *Симуков А. Д.* Отчет о раскопках двух курганов в падях Судзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии. Осака, 2008. Т. 3, вып. 1. С. 40–45.

Чикишева и др. 2009 — *Чикишева Т. А., Полосьмак Н. В., Волков П. В.* Одонтологический материал из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2009. № 3 (39). С. 145–151.

L'Asie des Steppes… 2001 — L'Asie des Steppes d'Alexandre le Grand a Gingis Khan: Catalog. Paris, 2001.

Louis 2007 — *Louis F.* Han Lacquerware and the Wine Cups of Noin Ula // The Silk Road. 2007. No 4/2. P. 48–53.

Mongolie… 2003 — Mongolie. Le premier empire des steppes. Mission archeologique francaise en Mongolie. Paris, 2003.

Pirazzoli-t'Serstevens 2009 — *Pirazzoli-t'Serstevens M.* Chinese lacquerware cups from Noin-Ula: some problems of manufacturing and distribution // The Silk Road. 2009. No 7. P. 36–41.

Umekhara 1960 — *Umekhara S.* Môko Noin-Ura hakken no ibutsu (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). Tôkyô, 1960 (на яп. яз.).

Н. Н. Николаев (Санкт-Петербург, Россия)

Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение)

Могильник Оргойтон расположен на левом берегу р. Селенги, примерно в 5 км к ЮЮЗ от поселка Зарубино Джидинского р-на Республики Бурятия и 30 км к северо-западу от г. Кяхта (рис. 1). Координаты репера могильника — 50° 31′ 933″ с. ш., 106° 11′ 320″ в. д.

Памятник был открыт в конце XIX в. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который отметил на его территории «четыре больших могилы, круглых, обведенных кругом, как бы валом из камней с углублением по середине; с южной стороны замечается, как бы вход, в виде аллеи выложенной камнями. Кроме больших, есть 15 меньших едва заметных, с внедренными вглубь камнями, представляющих форму четырехугольника с каменными наугольниками или круга с запавшею серединой» (Талько-Гринцевич 1999: 80).

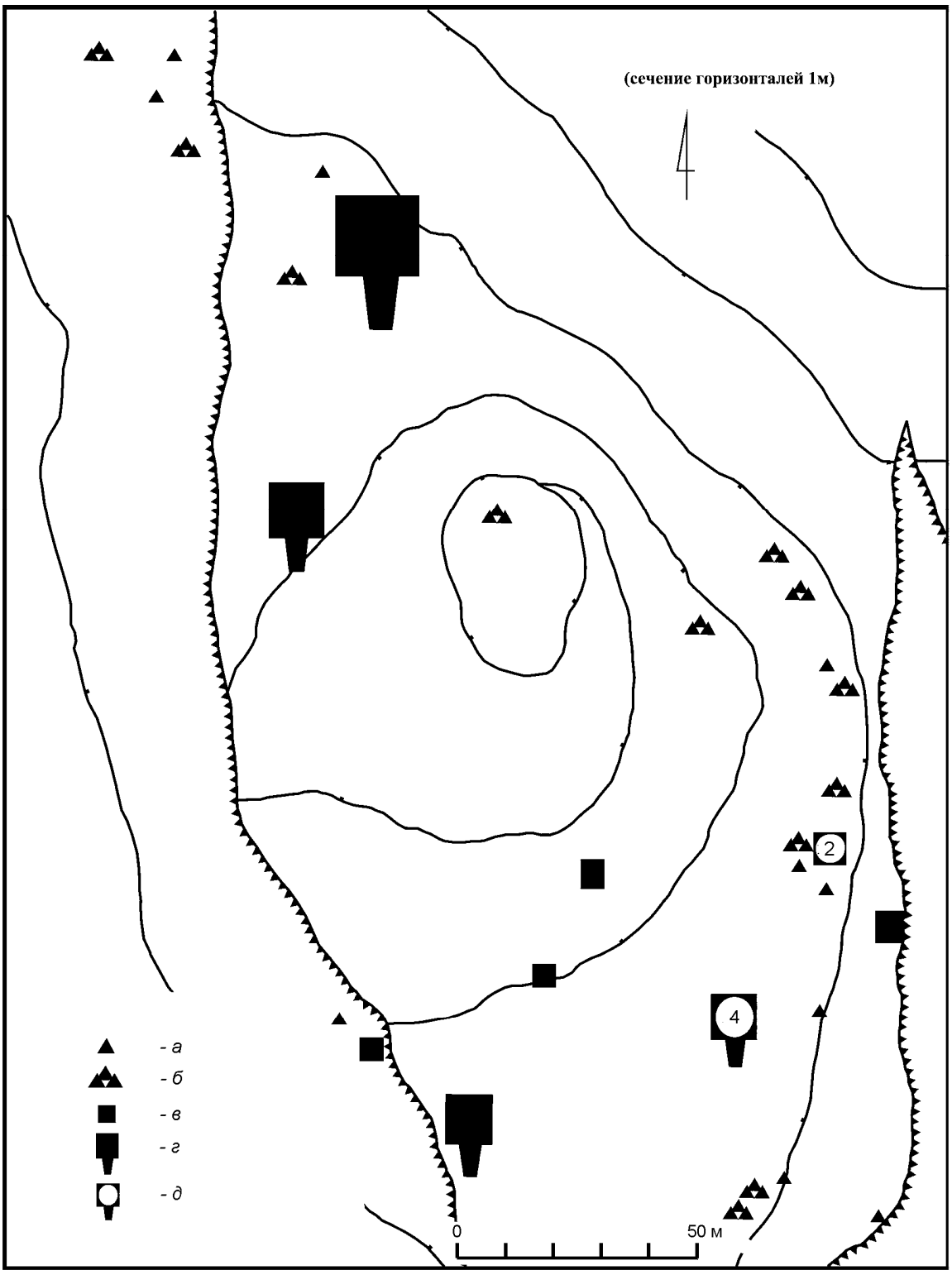

Рис. 1. Могильник Оргойтон, план. Условные обозначения: *а* — отдельные камни, *б* — скопения камней, *в* — курганы, *г* — курганы с дромосом, *д* — курганы, исследованные Ю. Д. Талько-Гринцевичем

8 июня 1898 г. Ю. Д. Талько-Гринцевич предпринял попытку раскопать четыре кургана, среди которых можно выделить курган с дромосом расположенный в южной части могильника. В курганах № 1 и 3 были выявлены захоронения в срубах. Немногочисленный инвентарь из ограбленных могил состоял из «обрывков красной шерстяной материи», изделий из кости и фрагментов

керамики (Там же 1999: 80–81). В курганах № 2 и 4 погребения обнаружены не были и причина тому, скорее всего, временной фактор. В первую очередь это относится к кургану № 4, который даже по прошествии 112 лет с момента раскопок надежно идентифицируется на площади могильника (рис. 1). Размер наземного сооружения этого кургана по линии север–юг составляет около 17 м. В пределах его ограды Ю. Д. Талько-Гринцевич заложил раскоп 4 х 4 м и в течении дня «могила была раскопана» на глубину 4 м. Поскольку речь идет о достаточно крупном кургане с дромосом, вполне допустимо предположить, что этот курган просто остался не докопанным (Там же 1999: 81).

Несмотря на то, что полная расчистка и разборка каменных развалов наземных сооружений с целью выявления их конструкций не проводилась, полученные результаты позволили Ю. Д. Талько-Гринцевичу сделать вывод о том, что особенности погребальной обрядности и предметы сопроводительного инвентаря могильника Оргойтон сопоставимы с обрядностью и вещевым комплексом курганов Ильмовой пади (Там же: 81).

Описывая памятник Ю. Д. Талько-Гринцевич отметил, что под воздействием природных факторов могильник разрушается. Это наблюдение было сделано в конце XIX в. Сейчас можно констатировать: в течение прошедшего столетия ситуация не изменилась. В настоящее время кроме курганов с дромосами и аморфных скоплений камней на площади могильника четко фиксируются насыпи только пяти небольших курганов, включая раскопанный Ю. Д. Талько-Гринцевичем курган № 2. Поскольку с момента раскопок могильник практически не исследовался и, учитывая коренные изменения во взглядах на процессы культурно-исторического развития степной зоны Евразии на рубеже I тыс. до н. э.–I тыс. н. э., которые произошли с момента его открытия, было принято решение возобновить раскопки памятника. В реализации этого проекта участвуют ГЭ, ИИМК РАН и Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Работы планируется проводить с учетом опыта, полученного при исследовании Дырестуйского могильника, вся площадь которого была вскрыта сплошным раскопом, что позволило выявить археологические объекты, визуально не фиксируемые на уровне современной дневной поверхности, а также определить точную планиграфию памятника и сделать принципиально важные наблюдения, касающиеся погребальной практики хунну (Миняев 1998).

В юго-восточной части могильника Оргойтон был заложен раскоп, на площади которого оказалось несколько камней, расположенных на расстоянии 10–12 м к югу от кургана № 2, исследованного Ю. Д. Талько-Гринцевичем. После снятия почвенного слоя на глубину до 0,3 м была выявлена часть развала каменного сооружения. Раскоп был расширен в сторону кургана № 2, после чего его площадь составила 56 м^2. В пределах раскопа был расчищен аморфный каменный развал, в северной части которого было выявлено пятно могильной ямы. Поскольку Ю. Д. Талько-Гринцевичем были исследованы четыре кургана, обнаруженный объект обозначен как курган № 5 (рис. 2) .

На момент раскопок надмогильное сооружение, некогда сложенное из валунов различной величины, полностью утратило свою первоначальную форму, что обусловлено как действиями грабителей, так и сильной почвенной эрозией. Могила ориентирована сторонами по странам света, длинной осью по линии север–юг. Ее верхняя часть разрушена грабителями. На борту северной стенки выявлено скопление камней, выброшенных сюда при ограблении (рис. 2). Во время зачистки этого скопления обнаружена разломанная на две части нижняя челюсть человека.

Заполнение верхней (разрушенной) части могилы составляла гумусированная светло-коричневая супесь. Ниже, на глубине от 0,78 м до 3,14 м залегала гумусированная темно-коричневая супесь. На уровне 1,44 м на расстоянии 0,8 м от юго-западного угла могильной ямы были найдены череп, разломанная пополам нижняя челюсть и шейный позвонок взрослой особи крупного рогатого скота. Здесь же находилась часть черепа и нижняя челюсть годовалого теленка.[11] На глубине 1,9 м у южной стенки могилы выявлена широкая каменная плита, резко уходящая вниз на глубину 0,87 м (рис. 2). За плитой на уровне 2,46 м был найден фрагмент бронзового китайского зеркала.

[11] Определения остеологических материалов сделаны кандидатом биологических наук М. В. Саблиным.

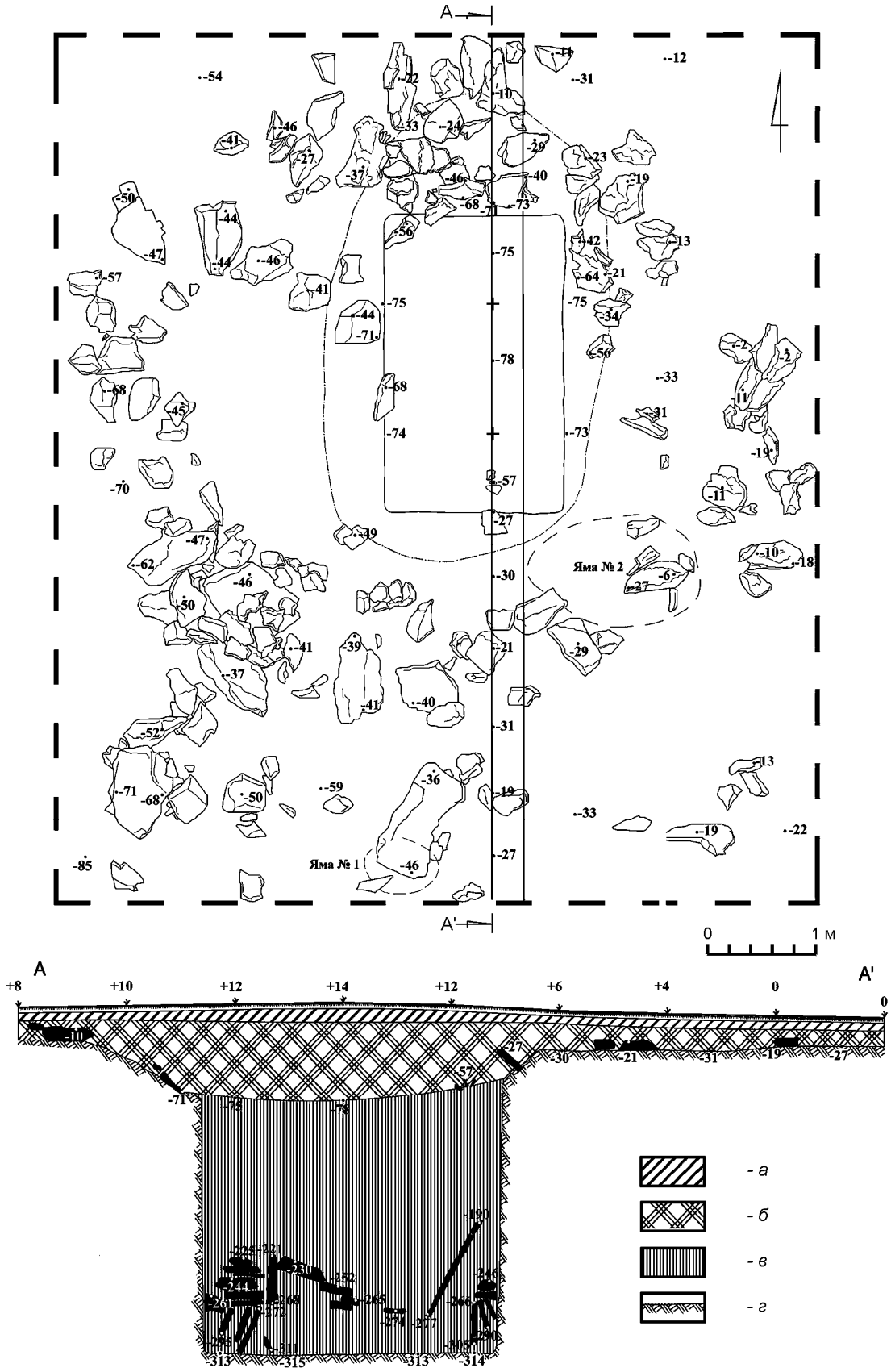

Рис. 2. Могильник Оргойтон, план и разрез.

Условные обозначения: *а* — слабогумусированная светлая супесь, *б* — светло-коричневая гумусированная супесь, *в* — темно-коричневая гумусированная супесь, *г* — материк

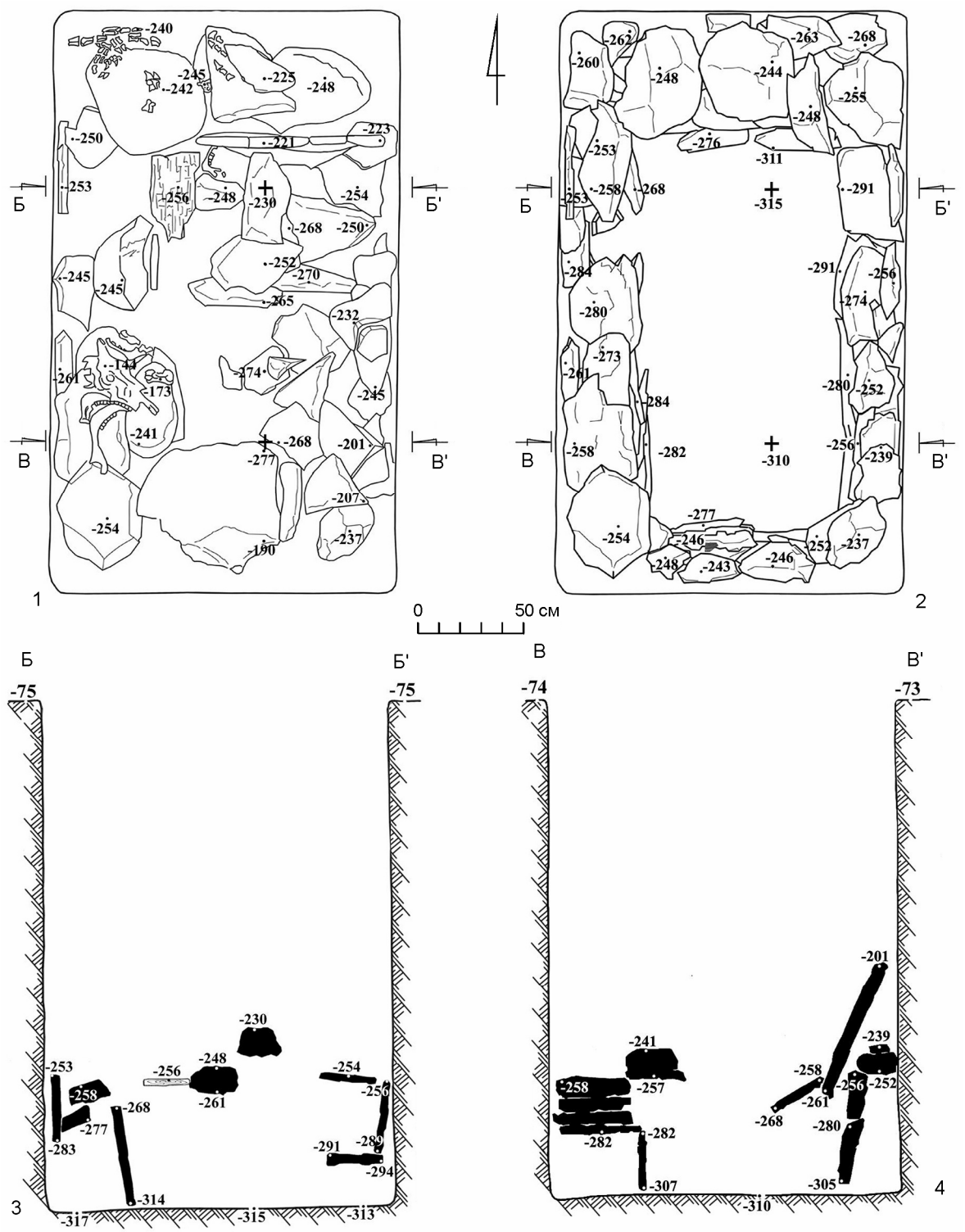

Рис. 3. Могильник Оргойтон, курган 1: 1 — план могилы на уровне перекрытия;
2 — план погребального сооружения; 3–4 — разрезы могильной ямы

На глубине 2,25–2,74 м внутреннее пространство могилы было заполнено камнями разрушенного перекрытия погребальной конструкции (рис. 3, *1, 3, 4*). Наблюдения позволяют предположить, что валуны, уложенные вдоль северной стенки, сохранились в непотревоженном состоянии. Об этом свидетельствуют найденные на них (в северо-западном углу могильной ямы) дистальные части передних и задних конечностей трех особей крупного рогатого скота различного возраста. Вероятно, в этом месте были уложены свернутые шкуры, снятые с туш вместе с черепа-

ми, так как здесь же найдены фрагменты черепа и часть нижней челюсти месячного теленка. Юго-восточнее костных останков, на глубине 2,56 м зафиксирован обломок деревянной плахи (рис. 3, *1, 3*). То, что черепа, первоначально снятые вместе со шкурами, оказались в заполнении могилы, позволяет предположить, что за время прошедшее между захоронением и ограблением шкуры успели разложиться.

После удаления разрушенного перекрытия была зачищена погребальная конструкция — монументальное каменное сооружение из валунов и плит различной формы, размеры которых достигали 0,70 х 0,65 м (рис. 3, *2*). Высота стенок сооружения составляла 0,58–0,69 м, ширина — 1,97 м, длина — 2,75 м (рис. 3, *3, 4*).

Северная стенка. Вдоль северной стенки могильной ямы в вертикальном положении были установлены каменные плиты высотой до 0,54 м и толщиной до 0,07 м. Плиты располагались в три ряда. Сверху они перекрыты горизонтально уложенными плоскими валунами, верхние ряды которых являлись частью перекрытия погребальной конструкции. Несмотря на то, что при ограблении перекрытие погребального сооружения в этой части могилы практически не пострадало, некоторые из вертикально установленных плит оказались выдернуты грабителями.

Восточная стенка. Часть стенки рядом с северо-восточным углом могильной ямы сильно пострадала при ограблении. Здесь сохранились только две плиты, одна из них уложена горизонтально, а другая установлена вертикально. Уцелевшая часть восточной стенки погребального сооружения состояла из подогнанных друг к другу крупных валунов, пространство между которыми заполнено установленными вертикально или уложенными горизонтально плитами, а также небольшими камнями.

Южная стенка погребального сооружения сохранилась лучше всего. Конструктивно она идентична северной стенке.

Западная стенка сооружена из вертикально установленных плит, крупного валуна и горизонтально уложенных поверх них уплощенных камней. Часть стенки, рядом с северо-западным углом могильной ямы, пострадала при ограблении.

Следов гроба или сруба в пределах каменного сооружения не выявлено. Костные останки и сопроводительный инвентарь отсутствовали.

Яма № 1. У южного борта раскопа примерно на расстоянии 3 м от южного края могильной ямы под большой каменной плитой, во время контрольной прокопки грунта, на уровне 0,66 м был выявлен прокаленный участок почвы. В результате зачищена неглубокая яма овальной формы, ориентированная длинной осью по линии запад–восток. Больший диаметр по линии разреза составляет 0,68 м, меньший — 0,54 м. Заполнение состояло из супеси с мелкими включениями угля. В западной части ямы в границах ранее выявленного прокала была зачищена ямка неправильной формы размерами 0,21 х 0,18 м и глубиной около 0,2 м. Ее заполнение составляла прокаленная супесь с включениями угля. Следов погребения и предметов инвентаря не обнаружено.

Яма № 2. В процессе зачистки каменного развала на уровне древней дневной поверхности под камнями могилы, расположенными на расстоянии 1 м от юго-восточного угла, были зафиксированы следы прокала. Здесь была выявлена яма яйцевидной формы, ориентированная длинной осью по линии запад–восток. Больший диаметр по линии разреза составлял 1,61 м, меньший — около 1 м. Яма была заполнена темной гумусированной супесью. На уровне 0,39–0,42 м был оконтурен абрис ямы, в пределах которого (ближе к восточному борту) находились два крупных уплощенных камня и плитка. Восточнее них отчетливо прослеживалась прокаленная почва, которая фиксировалась практически до самого дна ямы. Несколько ниже, на уровне 0,54–0,6 м, рядом с прокалом обнаружены валун, уплощенный камень и маленькая плитка. После удаления камней на глубине 0,73 м было зачищено дно ямы. Следов погребения и предметов инвентаря не обнаружено.

Хотя курган № 5 оказался ограблен, полученная информация позволяет сделать предварительные выводы. Судя по находке нижней челюсти погребенного (огребенной?) его (ее?) возраст определяется в пределах 30–40 л.

Погребальное сооружение в кургане № 5 показывает, что для тех, кто обустраивал могилу, характер кладки особого значения не имел. Принципиально важным было возведение конструкции из данного материала, что могло быть обусловлено только требованием традиции. Это наблюдение согласуется с ранее сделанным выводом о широком использовании каменных конструкций в погребальной практике хунну (Миняев 1988).

Обломок китайского бронзового зеркала с тремя иероглифами и незначительной частью центрального орнаментального поля, на котором сохранился маленький фрагмент декоративного элемента в виде латинской «v» позволяет предположить, что зеркало относится к типу TVL и может быть датировано концом Западной–началом Восточной Хань (Лубо-Лесниченко 1975: 12). Это означает, что хронологическим репером для могильника Оргойтон является дата не ранее I в. до н. э.

Миняев 1988 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб., 1988 (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Лубо-Лесниченко 1975 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.

Талько-Гринцевич 1999 — *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999 (Археологические памятники сюнну. Вып. 4).

В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия)

Гуннское воинство Аттилы: конница или пехота?

А. Н. Бернштама, выдающегося советского археолога, всегда интересовала история гуннов, которой он посвятил монографию (Бернштам 1951). Настоящая заметка касается одной из важнейших проблем пребывания гуннского союза племен в Восточной и Центральной Европе. Минуло уже почти тридцать лет с тех пор, как с целостной и оригинальной теорией о кардинальной трансформации гуннской армии и ее тактики выступил американский исследователь Р. П. Линднер. По его мнению, гунны, пришедшие во второй половине IV в. в Европу, в своем большинстве могли быть конными воинами. Но с течением времени, прежде всего, под влиянием причин чисто природного характера, а именно невозможности поддерживать необходимое для военного дела поголовье лошадей на ограниченной, по сравнению со степными азиатскими просторами, территории Великой Венгерской равнины (Альфёльда), войско гуннов к середине V в., по сути, превратилось из конного преимущественно в пешее, почти ничем не отличающееся от армии тогдашнего Рима. В подтверждение своей теории этот ученый привлек данные письменных источников и археологии, математические расчеты по пастбищным ресурсам Альфёльда и т. д. (Lindner 1981; 1982: 701–706). Следует особо подчеркнуть, что многие западные историки в той или иной степени отмечают правоту аргументов и выводов Р. П. Линднера (Heather 1999: 261; Ferrill 1991: 142–144; Sinor 1993: 8, 10; Bachrach 1985: 725; 1994: 65–66; Elton 1997: 27–29; Nicolle 2000: 21–22).

Впрочем, полностью согласиться с теорией Линднера, несмотря на кажущуюся внешнюю логичность и привлекательность его доводов, все же трудно. Проанализируем его основные аргументы. В первую очередь, кажется излишне прямолинейным проведенный им анализ сообщений письменной традиции о военных акциях с участием гуннов: поскольку там они во многих случаях не упоминаются в качестве всадников, то, заключает Линднер, они таковыми, скорее всего, и не были. Однако с методологической точки зрения вряд ли правильно обосновывать превращение конного воинства гуннов в пешее простым отсутствием в источниках прямых указаний на наличие у них коней. Не говоря уже о том, что любой аргумент ex silentio более чем сомнителен, стоит отметить, что эти же источники вовсе не утверждают, что гунны были пехотинцами. Не стоит, к примеру, оставлять без внимания информацию о том, что, потерпев неудачу в сражении против римлян и их союзников на Каталаунских полях в 451 г., гуннский повелитель Аттила укрылся в

своем лагере за ограждением из повозок и приказал сложить костер из седел (!), в который он был готов броситься в случае возникновения реальной угрозы его попадания в плен (Iord. *Get*. 213; Paul. Diac. *HR* XIV, 7). И хотя Линднер странным образом полагает, что это сообщение служит скорее доказательством того, что в распоряжении Аттилы было всего лишь незначительное (?) число всадников (Lindner 1981: 11), сооружение подобного костра, явно монументального по своим размерам (т. е. соизмеримого с рангом самого предводителя гуннов), требовало как раз большого числа седел, а, следовательно, расстаться с ними должно было значительное число конников. Вспомним и упомянутых Иорданом «отборнейших всадников из всего гуннского народа» (de tota gente Hunnorum lectissimi equites), принявших участие в похоронах Аттилы (Iord. *Get*. 256), которые, надо полагать, были лучшими на фоне прочих, наверняка весьма и весьма многочисленных гуннских наездников. Скорее всего, конный характер военного дела гуннов был настолько очевиден для наших информаторов, что они не считали нужным лишний раз это подчеркивать (Никоноров 2002: 268; Никоноров, Худяков 2004: 265; Sidebottom 2004: 80).

В этой связи характерен подход Линднера к интерпретации известного пассажа из «Церковной истории» Созомена, в котором речь идет о попытке одного из гуннских воинов во время набега на Мезию пленить при помощи лассо Феотима, епископа города Томы (Sozom. VII, 26, 8): для того чтобы метнуть свой аркан, гунн «оперся на щит, как это обыкновенно делал, вступая в сношения с врагами» (ἀσπίδι ἐπειρειδόμενος, ὥσπερ εἰώθει τοῖς πολεμίοις διαλεγόμενος). Так вот, Линднер предпочел следовать выводу, сделанному О. Менхен-Хельфеном (Maenchen-Helfen 1973: 254; ср.: Lindner 1981: 8), который посчитал, что, поскольку в рассказе Созомена специально не оговаривается, был ли гуннский воин конным или нет, то он в момент броска стоял на земле, а, следовательно, его щит был слишком велик для использования верхом. Однако с таким заключением категорически нельзя согласиться. Дело, прежде всего, в том, что лассо было оружием именно всадника, поскольку составной частью техники владения им было использование силы тяги скакуна с тем, чтобы утащить попавшую в петлю аркана жертву. С другой стороны, трудно вообще вообразить, чтобы гунны ходили в разбойничьи набеги (а данный эпизод у Созомена следует рассматривать только в таком контексте) пешком. Таким образом, упомянутый Созоменом гуннский ἀσπίς представлял собой, вероятнее всего, сравнительно небольшой и легкий деревянный, обтянутый кожей щит, и потому вполне был пригоден для применения в кавалерии (Никоноров 2002: 289–290; Никоноров, Худяков 2004: 211), что, в свою очередь, лишает Р. П. Линднера одного из доводов в пользу его теории.

Теперь что касается его аргумента о невозможности поддержания достаточного поголовья боевых коней для гуннской конницы. Здесь обязательно следует иметь в виду то обстоятельство, что землями в междуречье Дуная и Тиссы, где действительно располагалась ставка Аттилы, владения последнего вовсе не ограничивались: они охватывали также области к востоку от Карпатских гор, включая, по меньшей мере, Скифию у Понта (Черного моря), другими словами, Северное Причерноморье, где правил старший сын Аттилы (Prisc. *fr*. 8 D = 11,2 B), поэтому, надо полагать, основная масса гуннов даже в эпоху Аттилы обитала к востоку от Венгерской равнины (Sinor 1990: 203). А в этом случае пастбищные ресурсы на востоке империи гуннов были уже достаточны для содержания большого количества лошадей — необходимого условия для функционирования многочисленной кавалерии. Таким образом, Аттила, намереваясь отправиться в серьезный военный поход, был вполне в состоянии набрать в своих восточных владениях значительное пополнение для конницы (см. также: Lebedynsky 2001: 72–73). Другое дело, и в этом, очевидно, прав Д. Шинор, что вторжения Аттилы в Галлию в 451 г. и в Италию в 452 г. не могли быть успешными уже по той простой причине, что на их территории не было достаточных природных ресурсов для содержания в течение длительного времени большой орды гуннских воинов и их коней (Sinor 1993: 10–11). Возможно, эти кампании длились явно дольше, чем планировал сам Аттила, и проблемы со снабжением армии, усугубленные военными неудачами (как это случилось в 451 г.), вынуждали его уходить восвояси, без достижения поставленных целей.

Сомнения также вызывает правильность оценки Р. П. Линднером коневодческих ресурсов Альфёльда. По его мнению, там могли пастись одновременно 150 000 коней, и из расчета 10 скакунов в среднем на одного всадника конное войско гуннов должно было насчитывать только 15 000 бойцов. При этом он проводит сравнение с пастбищными возможностями Монголии, где в средние века воин-кочевник имел до 18 лошадей (Lindner 1981: 14–15). Однако, и тут я ссылаюсь на авторитетное мнение Дж. Кигана (Keegan 1993: 187), нельзя обойти стороной тот факт, что климатические и природные условия Альфёльда гораздо более мягкие и благоприятные для пастбищного коневодства, чем в степях. Благодаря этому жившие на Великой Венгерской равнине гунны могли разводить довольно значительное количество коней и, следовательно, выставлять большое конное войско. С другой стороны, Дж. Киган считает очень вероятным, что значительная часть коней, которые находились в войске Аттилы, была загнана до смерти и не могла быть численно восстановлена по линиям его коммуникаций. «Кавалеристские кампании убивают коней в огромных количествах, если они не могут регулярно отдыхать и выпасаться. Например, во время бурской войны 1899–1902 гг. британская армия потеряла 347 000 из 518 000 [коней] в ней задействованных, хотя эта страна (Южная Африка. — *В. Н.*) изобиловала хорошими пастбищами и отличается мягким климатом. Только очень маленькая часть, не более двух процентов, была потеряна в сражениях. Остальные умерли от переутомления, болезни или недостаточного питания, из средней нормы 336 за каждый день кампании» (Keegan 1993: 187–188).

Цифра 10 коней на одного гуннского кавалериста, произвольно высчитанная Р. П. Линднером в качестве заниженной, является, возможно, даже завышенной. Так, например, известно, что в 1914 г. в Венгрии была набрана конница численностью в 29 000 человек, причем из расчета один конь на одного всадника (Keegan 1993: 187). Конечно же, остается только гадать, каким было подобное соотношение почти за 1500 лет до этого, когда в поход выступала кавалерия Аттилы, но при всех различиях в практике коневодства этих двух эпох вряд ли альфёльдскому воину-гунну в середине V в. требовалось в 10 раз больше скакунов, чем венгерскому кавалеристу в начале XX в. Кстати, если обратиться к военной практике другого древнего всаднического народа, обитавшего в древности в степях Северного Причерноморья — сарматов, то мы увидим, что они ходили в походы и набеги, имея при себе только двух или даже одного запасных (заводных) коней (Polyaen. VIII, 56; Amm. Marc. XVII, 12, 3; ср.: Ambros. *De excid. urb. Hieros*. V, 50: об аланах; Val. Flacc. VI, 161–162: о мезах). Если предположить, что нечто подобное имело место и у гуннов, а именно три коня на каждого всадника, то даже из расчетов Линднера относительно конских ресурсов Великой Венгерской равнины (150 000 пасущихся животных одновременно) следует, что гуннская кавалерия Аттилы могла насчитывать 50 000 воинов (Sidebottom 2004: 80) — огромная для того времени конная рать.

Следует также учесть и вероятность того, что обосновавшиеся на Великой Венгерской равнине гунны могли под римским влиянием перевести, по крайней мере, какую-то часть своих табунов на стойловое содержание с подкормкой в зимний период, а это, в свою очередь, должно было благоприятно отразиться на состоянии их конских ресурсов. Наконец, немаловажным являлось и то обстоятельство, что, помимо разведения собственного конского поголовья, гунны использовали лошадей, захваченных ими у римлян (Oros. VII, 34, 5; Paul. Diac. *HR* XI, 15; Land. Sag. XII, 188).

Еще один аргумент Линднера связан с археологией, и заключается он в том, что, по его сведениям, основанным на данных известного венгерского палеозоолога Ш. Бёкёни (Bökönyi 1974: 267), на всей территории империи гуннов не были найдены костные останки лошадей (Lindner 1981: 12–13). Однако эти данные не отражают действительной картины, поскольку в некоторых из погребений конца IV–V вв. н. э., раскопанных в восточной части бывших гуннских владений, были обнаружены и конские захоронения (Засецкая 1994: 12–23). Их отсутствие на западе державы Аттилы можно объяснить какими-то особенностями погребального обряда тамошних гуннов, возможно, их более бережливым отношением к коням, которых предпочитали не приносить в жертву во время исполнения траурных ритуалов.

Подводя итог этой дискуссии, отмечу, что приведенные выше соображения не позволяют утверждать с полной уверенностью, как это делает Р. П. Линднер, что собственно гуннская часть армии Аттилы превратилась в своем большинстве в пехоту. Добавлю также, что это явно противоречило бы воинскому менталитету гуннов, являвшихся прирожденными конными бойцами. Переход же части гуннов, живших в пределах Альфёльда, к более или менее оседлому образу жизни вовсе не означал, конечно же, что они перестали быть кавалеристами (Sidebottom 2004: 81). В то же самое время нельзя не отметить, что воинство Аттилы действительно отличалась по своей организационной структуре от поголовно конного войска гуннов периода их ранних завоеваний в Европе. Можно даже говорить об определенной деградации гуннского военного дела в целом, на что очень существенно повлияло включение в состав армии Аттилы большого числа пеших воинов из подвластных ему германских племен (Никоноров 2002: 246–248; Никоноров, Худяков 2004: 241–244). Но это уже объективно явилось следствием завершения при нем процесса превращения гуннской конфедерации племен в варварскую деспотию имперского типа, когда преимущественная моноэтничность вооруженных сил как важнейший принцип сохранения традиций военного искусства уже не могла быть ненарушенной. Кроме того, гунны наверняка испытывали серьезные проблемы как с поддержанием достаточного конского поголовья на западе своих владений, так и с заготовкой фуража для своей конницы на территории неприятеля при проведении военных кампаний. Все это должно было негативно отразиться на эффективности гуннской военной машины, что и привело в результате к прекращению политического господства гуннов в Юго-Восточной Европе вскоре после смерти Аттилы.

Ambros. *De excid. urb. Hieros.* — Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi De excidio urbis Hierosolymitanae libri quinque // Patrologiae cursus completus: Patrologia Latina / Accurante J.-P. Migne. Parisiis, 1845. T. 15. Col. 1961–2206.

Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. Vol. 1.

Iord. *Get.* — Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1882. T. 5/1. P. 53–138.

Land. Sag. — Landolfi Sagacis Additamenta ad Pauli Historiam Romanam / Rec. H. Droysen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1879. T. 2. P. 225–376.

Oros. — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Ex rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889; Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. Paris, 1991. T. 3.

Paul. Diac. *HR* — Pauli [Diaconi] Historiae Romanae libri XI–XVI / Rec. H. Droysen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1879. T. 2. P. 183–224.

Polyaen. — Polyaenus. Stratagems of War / Ed. and transl. by P. Krentz and E. L. Wheeler. Chicago, 1994. Vol. 2.

Prisc. *fr.* — Prisci Fragmenta // HGM. Vol. I. 1870. P. 275–352 [D]; Priscus // *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 221–400 [B].

Sozom. — Sozomenus. Kirchengeschichte / Hrsg. von J. Bidez. Eingeleitet, zum Druck besorgt und mit Registern versehen von G. Chr. Hansen. 2., durchgesehene Aufl. Berlin, 1995.

Val. Flacc. — C. Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo / Rec. A. Baehrens. Lipsiae, 1875.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Засецкая 1994 — *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994.

Никоноров 2002 — *Никоноров В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. Новая серия. СПб., 2002. Т. 1 (26). С. 223–323.

Никоноров, Худяков 2004 — *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004.

Bachrach 1985 — *Bachrach B. S.* Animals and Warfare in Early Medieval Europe // L'uomo di fronte al mondo animale nell'alto medioevo. T. 1. Spoleto, 1985. P. 707–751.

Bachrach 1994 — *Bachrach B. S.* The Hun Army at the Battle of Chalons (451): An Essay in Military Demography // Ethnogenese und Überlieferung. Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung. Wien; München, 1994. P. 59–67.

Bökönyi 1974 — *Bökönyi S.* History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974.

Elton 1997 — *Elton H.* Warfare in Roman Europe, A.D. 350–425. Oxford, 1997.

Ferrill 1991 — *Ferrill A.* The Fall of the Roman Empire: the military explanation. New York, 1991.

Heather 1999 — *Heather P.* Afterword // *Thompson E. A.* The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather. Oxford; Malden, 1999. P. 238–264.

Keegan 1993 — *Keegan J.* A History of Warfare. New York, 1993.

Lebedynsky 2001 — *Lebedynsky I.* Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècle apres J.-C.). Paris.

Lindner 1981 — *Lindner R. P.* Nomadism, Horses and Huns // Past and Present. Oxford, 1981. No. 92. P. 3–19.

Lindner 1982 — *Lindner R. P.* What was a Nomadic Tribe? // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1982. Vol. 24, no. 4. P. 689–711.

Maenchen-Helfen 1973 — *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.

Nicolle 2000 — *Nicolle D.* Attila and the Huns. Oxford, 2000.

Sidebottom 2004 — *Sidebottom H.* Ancient Warfare: A Very Short Introduction. Oxford, 2004.

Sinor 1990 — *Sinor D.* The Hun period // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990. P. 177–205.

Sinor 1993 — *Sinor D.* The Historical Attila // Attila: The Man and His Image. Budapest, 1993. P. 3–15.

M. J. Olbrycht (Rzeszów, Poland)

Central Asian, Achaemenid and Parthian Cavalry Developments

According to written, archaeological and numismatic materials, nomadic factor played an important part in Parthian warfare. Recent archaeological evidence allows for an enhanced appreciation of the nomadic factor in the establishment of the Arsacid state (cf. Koshelenko 1980; Nikonorov 1994; Olbrycht 2001; 2003). Links between Arsacid Parthian culture and the steppe peoples' civilization are discernable in some aspects of Parthian art and in Parthian costume. Parthian social structure was closely connected with the state's military organization, which for the most part was founded on nomadic practices inherited from the Dahae and the Aparni. Horse-riding became a symbol of a high social status, and that phenomenon can be explained as the continuation of a steppe tradition. The principal under which the social structure of the Arsacid heartland and of Arsacid Parthia operated was the nomadic legacy of the Aparni. In the Parthian regular army of the Arsacid epoch only cavalry units formed the real kernel of Parthian military power, and we hear nothing about infantry from among the Parthian nobility. In the Arsacid period, the army of the Parthians relied on cavalry, their infantry being relatively weak. The Parthian cavalry, surrounded by a glamour possessed by no other ancient people, comprised two main fighting arms: mounted archers (in Greek *hippotoxotai*) and heavy cavalrymen (in Greek *kataphraktoi*), the latter armed with long lances and protected, both man and horse, with armor elements (Plut. Crass. 24f.; Cassius Dio 40.15.2). Against the enemy, the Parthians were generally successful if they took care to combine both kinds of troops and to fight on appropriate ground (Pugachenkova 1966: 31, 43; Khazanov 1971: 75, 93; Nikonorov 1995: 56; 1998).

It is difficult to reconstruct the development of the Arsacid cavalry. In particular, it is impossible to follow their beginnings closely, for the information up to the battle of Carrhae (53 BC) is scanty. However, important starting points for this question and essential indications may be found in the history of Western and Central Asian warfare in the Achaemenid and Hellenistic periods.

In the Achaemenid period, the cavalry forces of Central Asian steppe peoples, including the Dahae, Massagetae, Sacae, and from Bactria-Sogdiana, as well as horsemen from Eastern Iran, including Parthians, belonged to the elite of the Achaemenid army (Litvinskiy/P'yankov, "Voennoe delo"). In some campaigns, however, the Achaemenid commanders used their cavalry forces under rather inappropriate circumstances (e. g. at Plataiai, 479 BC). Moreover, Achaemenid mounted warriors rarely could efficiently cooperate with other units of their army. Nevertheless, in several attested military engagements (including Kunaxa in 401 BC), the Achaemenid horsemen exhibited their combat valor and efficiency, and at the beginning of the 4th century BC, Greek troops operating in Asia Minor were seriously afraid of Persian cavalry attacks (see Xen. Hell. 3.4.15; Anab. 6.5.29).

Probably the best heavily armored cavalry among the steppe peoples living on the borders of the Achaemenid empire was evolved by the Massagetae. Herodotus (1.215) and Strabo (11.8.6) mention breastplates for horses and corselets for riders amongst the Massagetae. This record relates probably to the campaigns of Cyrus the Great against the Massagetae conducted in 530 in which the Persians were defaeted and Cyrus fell (Hdt. 1.201 ff.).

The later Persian heavily-armored horsemen were inspired by the Central Asian model. The first unambiguously attested use of horse-armor by Persian cavalry is that of Cyrus the Younger's elite unit in 401 BC. These cavalrymen were armored with cuirasses and thigh-protections (*parameridia*). Their horses had armor for the forehead and breast (Xen. Anab. 1.8.6). Xenophon mentions armored Persian horses under Cyrus the Great (Xen. Kyr. 6.1.50 f.; 6.4.1; 7.1.2) but this testimony seems to be anachronistic and mirrors, in fact, the realities of the Xenophon's lifetime (about 400 BC). In particular, this record mentions armor side-pieces (*parapleuridia*) protecting both the horse and the rider's thighs (Xen. *Kyr*. 6.1.50 f.; 7.1.2).

At Issos (333 BC), the Persian king Darius III intended the issue decided in a cavalry engagement (Curt. 3.11.1). He used some heavily armored cavalry who fought under chiliarchos Nabarzanes on the Persian right wing. The horses and riders were armored with rows of armor-plating (*serie lamnarum grave agmen*). After the Issos defeat, Darius III carried out essential reforms to enhance the striking combat power of the Achaemenid forces (332–331). It was within those preparations that the Persian king equipped some of his soldiers with longer spears (*xysta*) and swords (*xyphoi*) than before, "because it was thought that Alexander had had a great advantage in this respect in the battle of Issos" (Diod. 17.53.1). For the cavalry and horses protective coverings made of interconnected iron plates were produced during the reforms carried out by Darius III and his staff.

The importance of contingents from Eastern Iran and Central Asia to the Achaemenid army is best illustrated by their role at the battle of Gaugamela fought against Alexander the Great's army (331 BC). Darius III's commanding staff, including the satrap of Bactria-Sogdiana Bessos, and the satrap Mazaios, relied chiefly on heavily armored cavalry in conjuction with light horsemen or mounted javelinmen. The new units charged vigorously hoping to break the Macedonian front and to outflank the enemy. Indeed, the most formidable Iranian cavalry formations were successful in several clashes against picked Macedonian units. The fiercest fight took place when Alexander broke his pursuit of Darius and became involved in a bloody clash with a large body of retreating Persian, Parthian and Indian cavalry (Arr. 3.15.1–2; Curt. 4.16.20–25). The ability to break through choice Macedonian formations, showed by Iranian cavalry several times at Gaugamela, implies that they were the reformed armored cavalry, probably using long lances. These cavalrymen can be termed the cataphracts. Additionally, Darius' staff realized that heavy cavalry without support of mounted archers or javeliners is highly vulnerable, as had been demonstrated at Issos. Therefore, the main striking divisions of the Achaemenid army, led by Bessos and Mazaios, contained picked units of horse archers and mounted javeliners. It was errors in Persian tactics, weak coordination of different formations on the battlefield and sluggish strategy that proved again inefficient and the power of the Achaemenids collapsed.

The most dangerous enemy of Alexander in Central Asia was Spitamenes and his superb Bactrian and Sogdian cavalry forces, supported by the cavalry of the nomadic Dahae and Massagetae which rather

avoided bigger battles and specialized in hit-and-run raids and ambushes. The mobility of Spitamenes' forces and his skill of attacking in the least expected place and time deprived Alexander of the strategic initiative, the thing which occurred for the first time during his campaign in Asia. Alexander the Great had to employ new strategy and tactics, better suited to local conditions and enemy capabilities which revealed vulnerabilities of the Macedonian army (329–327 BC).

In 329 BC, a sizable Macedonian corps under Pharnuches' command suffered a complete defeat at the Polytimetos (Zeravshan) river. It was characteristic for Central Asian Iranian tactics how they handled the clash: Spitamenes drew the enemy into a trap and destroyed them. The cavalry of the Dahae, the most mobile unit, surrounded Pharnuches' forces (Curt. 7.7.31–33). Having encircled the Macedonians, the Iranians showering them with volleys of arrows (Arr. 4.5.5 f.). Spitamenes must have used heavy or medium cavalry for many Macedonians died not due to missiles but were killed in hand to hand combat against charging horsemen (Curt. 7.7.34–37). The Iranian cavalry fought in the wedge-shaped formation (Curt. 7.7.35). In his *Taktika*, Ailianos underscores that the Scythians, the Thracians, and the Macedonians from Philip II onwards used wedge-shaped cavalry formations (18.4), while Persians and most Greeks preferred square formations (18.5).

The most important allied contingents in Spitamenes' army were supplied by Massagetae and Dahae. The Massagetae probably formed medium and heavy cavalry, the traditional force of their tribe. Not accidentally, the oldest depiction of a heavily armored horsemen who may be called the cataphract comes from Khoresm, an area traditionally connected with and even long subordinated to the Massagetae — a relief from Khumbuz-tepe shows an armored horse and rider with a spear. The object is datable to the end of the 4th–beginning of the 3rd c. BC (Litvinskij 2001: 339, gives 4th–3rd century BC). The site is located in southern Khoresm on the border between farming soil and the nomads dominated steppes. A depiction of an unarmored Iranian rider with the long lance comes from Koi-krylgan-kala in Khoresm. This ceramic fragment shows a horseman with a very long spear held with both hands. Recently, another depiction on a ceramic fragment found at Kalaly-gyr 2 in Khoresm has been published, showing a rider with a spear (Vainberg 2004: pict. 7, *14–15*). The object is datable to the 3rd century BC. From Chirik-Rabat to the east of the Aral Sea, some pieces of heavy armor come, having belonged to a nomadic warrior, have been found (Olbrycht 2004: 144 f.). Thus it seems certain that already in the late 4th and 3rd centuries BC, the Khoresmians and the neighbouring nomads, including the Massagetae, employed the heavily armored and light cavalry using long spears, i. e. the cataphracts and the lancers (*kontophoroi*).

In all probability, Spitamenes, emulating Macedonian arms, introduced long lances among his troops which gave his riders a powerful tool to inflict losses on the enemy. Spitamenes may have belonged to the commanding staff next to Darius III, which carried out essential reforms to enhance the striking combat power of the Achaemenid forces before the battle of Gaugamela (331). The reforms in Iranian military formations, forced by Macedonian threat and conducted by Darius III's staff, were apparently continued by Spitamenes who was aware of Macedonian danger and finally had to fight against Alexander's army in Central Asia. It should be highlighted that Spitamenes' effectivness stemmed from his superb strategy and tactis which relied on combining different types of cavalry including not only heavy cavalry but also horse archers and javeliners. Essential were mounted javelin-men who threw spears from a distance. Conceivably, Spitamenes used also other types of cavalry, including regular lancers (*kontophoroi*).

Alexander the Great fully recognized the quality of the nomadic cavalry troops. As a result, he used troops of the Dahae, Massagetae, Bactrians and Sogdians in the campaigns in India and southern Iran. The key actors in Alexander's army fighting on the Hydaspes (326) included Dahae, Bactrians, Sogdians, and Massagetae/Scythians. A glance at the list of Iranian formations in Alexander's army on the Hydaspes suggests one conclusion: it is an exact replica of the composition of Spitamenes' force of cavalry.

In the Diadochoi and early Hellenistic period, cavalry contingents from Iran and Turkestan often played the decisive part in the military confrontations. One of the most capable cavalry commanders of

this period was Peithon, the satrap of Media. The bulk of his army was formed by mounted soldiers from Media and pre-Arsacid Parthia. The overwhelming superiority of Peithon's Iranian cavalry enabled him to win a victory over the revolted Geeks of the Upper satrapies in 323 BC (Diod. 18.7.1–9). In Paraitakene (316), Peithon commanded a mighty cavalry division (Diod. 19.26.1–32.3). In Gabiene (315), Peithon's cavalry turned the battle into a spectacular success of Antigonos (Diod. 19.39.6–44.3). The Iranian cavalry were the real military mainstay of Seleukos' armed forces up to 301 BC, a fact neglected by most scholars (Olbrycht 2005).

In developing their warfare, the Iranians of the pre-Arsacid period, and then the Arsacid Parthians had to take into account Hellenistic innovations brought into Iran and Central Asia by Alexander the Great and his successors. Arsacid mounted archers and cataphracts were complementary, each providing the others with powers not inherent in either separately. The horse-bowmen could swarm around the enemy's troops, shooting them down from a safe distance, for Parthian bows were extremely efficient. If the enemy tried to attack, the Parthian horse retreated and then repeatedly attacked. The broken enemy's lines were charged by the cataphracts. The long lances of the cataphracts, imitating the Macedonian shaft weapons, but somewhat stronger, and heavy armor made them able to crush the Macedonian phalanx, Hellenistic cavalry formations, and Roman legions.

Our knowledge of Parthian cataphracts and horse archers comes mainly from accounts of wars between Arsacid Iran and Rome. The most detailed description of the Arsacid cataphracts and mounted bowmen offers Plutarch in his account of the Carrhae battle (53 BC; Plut. Crass. 23.8–27.2; see also Dio 40.21.1–24.1). The Parthians demonstrated there the high effectiveness of the combined cavalry types tactics. The development of the Arsacid cavalry before Carrhae can be reconstructed only fragmentary. There is some evidence of the early Arsacid influence on Seleucid military practices, including the employment of horse archers and cataphracts.

For the first time Parthian cataphracts are directly attested at the battle of Tigranocerta in 69 BC., fighting against a Roman army under Lucullus (Plut. Luc. 26–28; Frontinus 2.2.4; App. Mithr. 85). The Parthian cataphracts were part of the army led by the Armenian king Tigranes, consisting of the Armenians, Gordyeni, Medes, Adiabeni, Arabs, Albanians, and Iberians (Plut. Luc. 26.1–5). According to Plutarch, Tigranes' army included 17,000 cataphracts, mostly from Media Atropatene. Media Atropatene belonged to the Parthian empire since ca. 148 BC, and its warfare must have emulated Parthian military practices. Shortly after 80 BC, Tigranes concluded a treaty of alliance with Atropatene and thus gained the excellent cavalry from this country. Some cataphracts may have been provided by the ruler of Adiabene and Tigranes himself.

According to Plutarch (Luc. 28.1–7), Lucullus discerned that the cataphracts, "on whom the greatest reliance was placed" (Plut. Luc. 28.2), were stationed at the foot of a considerable hill. The Roman commander ordered his men to attack the cataphracts who were driven back. Significantly, they were not screened by lighter troops. Tigranes proved a bad commander for he lost the initiative just at the beginning of the battle. The Median cataphracts played no active role – they did not even start a charge when they were attacked by the Romans.

The battle of Carrhae showed that the properly used combined forces of Parthian cataphracts and mounted archers were able to crush Roman forces. At Carrhae, The Iranian army under Surena consisted, according to Plutarch, of 1,000 fully armored horsemen, the cataphracts, and 9,000 horse-archers (Nikonorov 1995).

During the 1st century BC, cataphracts cavalry appeared in those areas of Western Asia, which were influenced or subjugated by the Parthians, including Armenia, Adiabene (Ios. Ant. 20.86), and Oshroene (Arr. Parth. Fr. 46). Artavasdes II of Armenia commanded a force of 10,000 cavalry in 53 BC. Armenian cavalry consisted of cataphracts and horse archers (Plut. Crass. 18.3, 19.1; Plut. Ant. 50.5; Strab. 11.4.4, 11.14.9). Cataphracts also developed amongst the Sarmatian tribes, the nomads of Central Asia and the Indo-Iranian borderland (including the Sacae) and in Bactria of the pre-Kushan und Kushan period (Bopearachchi, Sachs 2001; Mielczarek 1993).

Summing up: In developing their cavalry, the Arsacids followed traditions of the Central Asian steppe peoples of the Dahae and Massagetae and, to some extent, of pre-Arsacid Parthia. At the same time, they adopted and improved some components of Hellenistic warfare. The nomadic subjugation of Iran under Arsaces I caused a shift over to a reliance upon cavalry as the primary tactical arm. On the whole, the new tactics and arms, as employed by the Arsacids, proved astonishingly efficient, and enabled them decisive victories over the Seleucids and other powers in Asia, including the Roman Empire.

Bopearachchi, Sachs 2001 — *Bopearachchi O., Sachs C.* Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques // Topoi. 2001. No. 11. P. 321–355.

Khazanov 1971 — *Khazanov A. M. (Хазанов А. М.)* Ocherki voennogo dela sarmatov (Очерки военного дела сарматов). M., 1971.

Koshelenko 1980 — *Koshelenko G. A.* Les cavaliers parthes. Aspects de la structure sociale de la Parthie // DHA 6. Annales littéraires de l'Université de Besançon. 1980. No. 251. P. 177–199.

Litvinskiy 2001 — *Litvinskiy B. A. (Литвинский Б. А.)* Khram Oksa (Храм Окса). M., 2001. Vol. 2.

Litvinskiy, P'yankov 1966 — *Litvinskiy B. A., P'yankov I. V. (Литвинский Б. А., Пьянков И. В.)* Voennoe delo u narodov Sredney Azii v VI–IV vv. do n. e. (Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // VDI (ВДИ). 1966. № 3. S. 36–52.

Mielczarek 1993 — *Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź, 1993.

Nikonorov 1994 — *Nikonorov V. P. (Никоноров В. П.)* Sredneaziatskie katafraktarii kak produkt vzaimodeistviya voennykh shkol Zapada i Vostoka v epokhu rannego ellinizma (Среднеазиатские катафрактарии как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма) // Vzaimodeistvie drevnikh kultur i tsivilizatsiĭ i ritmy kulturogeneza (Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза). Sankt-Petersburg, 1994. S. 47–51.

Nikonorov 1995 — *Nikonorov V. P. (Никоноров В. П.)* K voprosu o parfianskoy taktike (na primere bitvy pri Karrakh) [К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах)] // Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentralnoy Azii (Военное дело и средневековая археология Центральной Азии). Kemerovo, 1995. S. 53–61.

Nikonorov 1998 — *Nikonorov V. P.* Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications // Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective. St. Petersburg, 1998. P. 131–138.

Olbrycht 2001 — *Olbrycht M. J.* The Origins of the Arsacid Parthian Cavalry: Some Remarks // The Role of Ahalteke Horse in the Formation of World Horse-Breeding. Ashgabat, 2001. P. 108–111.

Olbrycht 2003 — *Olbrycht M. J.* Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsakid Iran // Militär und Staatlichkeit. Mitteilungen des SFB. Differenz und Integration. 5. Halle/Saale, 2003. S. 69–109.

Olbrycht 2004 — *Olbrycht M. J.* Alexander the Great and the Iranian world. Rzeszów, 2004 (in Polish).

Olbrycht 2005 — *Olbrycht M. J.* Creating an Empire: Iran and Middle Asia in the Policy of Seleukos I // Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov (Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов). Sankt-Petersburg, 2005. S. 231–234.

Pugachenkova 1966 — *Pugachenkova G. A. (Пугаченкова Г. А.)* O pantsirnom vooruzhenii parfianskogo i baktriiskogo voinstva (О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства) // VDI (ВДИ). 1966. № 2. S. 27–43.

Vainberg 2004 — *Vainberg B. I. (Вайнберг Б. И.)* Kalaly-gyr 2 (Калалы-гыр 2). M., 2004.

Патрушев В. С. (Йошкар-Ола, Россия)

Уральские народы и ираноязычный мир кочевников Евразийских степей (культурные связи по произведениям искусства)

На всей территории расселения древних народов уральской семьи языков в эпоху бронзы и раннего железного века ираноязычный мир кочевников оставил глубокий след. В первый из этих периодов основные металлические орудия, населявших лесную зону финно-угров, имеют характерные срубно-андроновские формы (Патрушев 1992: 26, 28). Срубные элементы составляют важный компонент в формировании поздняковской и приказанской культур (Халиков 1969: 209 и сл.). В переходный период от эпохи бронзы к железному веку можно говорить о более тесных, уже этнокультурных связях двух миров — евразийских кочевников и уральских народов Евразии. В Сибири, судя по результатам генетических исследований новосибирских и немецких ученых, на известнейших памятниках горного Алтая и тагарской культуры эпохи раннего железа могут быть представлены смешанные самодийско-ираноязычные народы.

Материалы из Среднего Поволжья содержат не только многочисленные находки оружия (топоры, кинжалы, наконечники стрел) и элементы конской сбруи скифо-сарматских форм, но и надмогильные стелы с изображением киммерийского меча (Патрушев 2010: рис. 102; Патрушев, Казаков 1980) и скифского акинака (Патрушев, Халиков 1979: табл. V, *7*). Данный факт говорит о присутствии представителей ираноязычных народов среди финно-угорского населения.

В Археологическом музее Марийского госуниверситета хранится богатейшая коллекция бронзовых предметов искусства из могильников Среднего Поволжья VII–VI вв. до н. э., аналогичных изделиям из памятников ираноязычных племен Евразии.

Изображения животных украшали оружие и орудия труда (бронзовые рукояти и ножны кинжалов, наконечники луков, кочедыки), конскую сбрую, части костюма (нагрудные бляхи, налобные венчики, шейные гривны, подвески, пронизки). Следует полагать, что большинство предметов искусства имело не только эстетическое, но и магическое значение. Большинство вещей имеет ушки для крепления к одежде. Вероятно, фигурки животных и людей носили как амулеты, предохраняющие владельцев от злых сил.

Можно выделить несколько групп предметов искусства, одну из которых составляют зооморфные образы. Изображение головок лошадей имеется на бронзовой орнаментированной рукояти кинжала из Акозинского могильника. Головки расположены симметрично, друг против друга. У них слегка отмечены пасти, нет перехода к скулам, моделирован резкий переход к изогнутой шее, четко выделены клиновидные уши и маленькие круглые глаза. Данное схематичное изображение передает статичное положение животного. Направленные друг против друга одинаковые фигурки характерны для тагарского искусства VII–III вв. до н. э. в Сибири (Членова 1967).

Гравированное изображение крупа и задних конечностей лошади представлено на медной пластине женского налобного венчика из Ахмыловского могильника (Патрушев 1982: рис. 4, *4*). Четкий рисунок лошади оконтуривает резная линия. Внутри контуров тело лошади покрывает чеканный орнамент из пунктирных линий. На крупе имеется солнечный круг с расходящимися лучами. Каждый луч завершается точкой. Нижнюю часть налобного венчика украшают две линии из крестовидных узоров и двойной ряд спиралей.

С большим мастерством изображено движение лошади. Одна ее нога несколько отведена назад и согнута в колене, копыто плавно отходит назад, как бы только что оторвавшись от земли. Другая нога, более резко согнутая в колене, направлена вперед по ходу движения. Хвост в виде стрелки слегка отходит назад. В целом рисунок передает плавный и грациозный бег лошади. Данное изображение аналогично частям кавказских поясов того времени (Техов 1977; Куфтин 1941).

К числу стилизованных образов следует отнести две обращенные в разные стороны головки лошадей на рукояти бронзового шестизубого гребня (Patrushev 2000: fig. 43, *4*). Благодаря параллельным линиям на рукояти стилизация головок лошадей доведена до уровня орнамента. Переход от реалистических изображений животных к стилизованным с дальнейшим превращением их в орнамент весьма характерен для синхронного скифского искусства Северного Причерноморья (Ильинская 1965).

Символом власти служило массивное бронзовое полое навершие жезла в виде головы животного из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1994: рис. 9). Наиболее близкая аналогия данному изображению известна из скифского кургана Келермес, который датируется VI в. до н. э. в Прикубанье (Шлеев 1950).

Интерес представляет навершие с головкой животного из погребения № 83 Акозинского могильника. Оно изображает оригинальный образ фантастического животного с чертами лошади, кабана, собаки и хищника, общий стиль изображения которого близок к скифо-тагарским изделиям (Членова 1967).

Среди зооморфных изображений, выявленных в ходе раскопок памятников волжских финнов, известны довольно уникальные образы хищников. На Ахмыловском могильнике вблизи остатков сложного погребального сооружения («дом мертвых») обнаружена бронзовая пластина от женского налобного венчика с четким рельефным рисунком хищника, очевидно, пантеры. Хищник застыл перед прыжком: выгнутая спина, широко раскрытая пасть, хвост, поднятый вверх в виде стрелки, напряженно согнутые ноги — еще мгновенье, и он в стремительном прыжке настигнет свою жертву. Однако, несмотря на реалистичность этой фигуры, ее некоторые части стилизованы: передние лапы изображены в виде наклонного конуса, полукругом передана раскрытая пасть. Некоторые детали (исполнение фигуры техникой чеканки, оформление орнамента точечными выбитыми накосами) указывают на предполагаемую родину этого изделия — Северный Кавказ.

В погребении № 800 Старшего Ахмыловского могильника найдены медные накладки налобного венчика с уникальными образами двух крылатых львов в сопровождении символов древа жизни (Патрушев 1982: рис. 4, *1–2*). Выполненные в урарто-хурритском стиле, они являются самыми северными находками предметов искусства Древнего Востока. Фигуры хищников с обратной стороны выполнены техникой чеканки и по внешней поверхности дополнительно — резными рисунками. Обе фигуры передают состояние мощного прыжка или полета. Задние лапы, соединенные вместе, оттянуты назад. Пышущее мощью тело и массивная голова приподняты, обе передние лапы вытянуты вперед. Отведенные назад хвост с кисточкой на конце и могучие расправленные крылья довершают ощущение полета. Изображения почти одинаковы, различна лишь моделировка их голов. На одной пластине представлен грифон с головой хищной птицы, на другой — сфинкс с головой человека в короне. Так были изображены восточные владыки — цари. Подобные фигуры, сочетающие динамичность позы с геральдичностью и графической проработкой тел и крыльев, известны на памятниках древнего Луристана и Кавказа: на накладке из Зивие (Codard 1962: fig. 21, 25, 109) и на поясах из села Гугачи в Курдистане (Куфтин 1943: табл. XI) и ряде урартских предметов с Кавказа (Пиотровский 1959). В. Г. Луконин (1977) подобные изображения считает характерными для древневосточного искусства в его урартском варианте.

Изображения священных деревьев на концах пластин состоят из двух ярусов ветвей, завершающихся или остроконечными бутонами нераспустившихся цветов, или круглыми плодами с гроздьями наверху. Подобная трактовка древа жизни известна как на предметах с Кавказа (Пиотровский 1962: рис. 42, 43), так и из скифских курганов Келермес и Литой (Пиотровский 1959: рис. 87).

Элементы стилизации можно видеть в изображении свернувшейся пантеры на ажурной нагрудной бляхе из погребения № 926 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1992: рис. 35, *21*). В гибком мускулистом теле пантеры чувствуется огромная сила, подобная силе сжатой пружины. Такое впечатление усиливается благодаря напряженным ногам со спиральными узорами на них, голове со стилизованными чертами (глаза и ноздри исполненым в виде кружочков, дугой

обозначены уши, голова чрезмерно утолщена). Неестественная и даже невозможная в природе поза пантеры и стилизация предназначенных для нападения частей ее тела делают образ пантеры еще более хищным и страшным. Форма бляхи, поза животного и его трактовка выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Такие же изображения встречены на памятниках ираноязычных сакских племен Средней Азии и Сибири, датирующихся VI в. до н. э. (Артамонов 1976; Вишневская 1973: 122; Членова 1967: табл. 27, *32–34*), а также на памятниках Скифии (Шкурко 1969) и Передней Азии (Girshman 1950: fig. 147).

Судя по комплексу погребения № 926, изображение свернувшейся пантеры из Старшего Ахмыловского могильника датируется VI в. до н. э. (Патрушев 1984: рис. 53Г). Переднеазиатские параллели стилистическим особенностям предмета (рельефная передача фигуры в компактной схеме, размещение глаза и уха на одной горизонтальной наклонной линии, овально-сердцевидная форма уха, декорировка щеки двумя изогнутыми линиями, передача глаз двумя концентрическими кружками, исполнение ноздрей и пасти в виде бутона, прием стилизации длинного и тонкого тела) также подтверждают дату бляхи.

Небольшую, но весьма интересную группу зооморфных изображений составляют фигурки змей. Уникальна находка ажурной бляхи в погребении № 704 Старшего Ахмыловского могильника в виде свернувшейся в спираль змеи (Patrushev 2000: fig. 52, *7*). Хвост ее расположен в центре бляхи. От хвоста тело змеи постепенно расширяется и завершается округленной головой. Вдоль тулова, разделенного двумя параллельными линиями, располагаются символы змей — косые насечки у хвоста и елочные узоры. Край внешнего круга бляхи украшен спиральными узорами. В пружинистом теле змеи чувствуется напряжение и сила. Бляха в верхней части завершается стилизованной фигурой животного. Судя по характерной позе с выпуклой спиной, опущенной головой, какой-то притягательной неуклюжестью массивного тела, оттянутой задней лапой и тяжелой поступью передней, это — медведь. Его тело покрыто крупными изогнутыми линиями со спиральными завершениями. Лапы медведя, слившиеся с телом змеи, как будто вцепились намертво в жертву. Изогнутые тела змеи и медведя, насыщенные «буйными» узорами, передают напряженное состояние единоборства двух враждебных сил. Эмоциональное восприятие этой сцены усиливается благодаря стилизации, скрытому выражению сильных побуждений, возможности предположить различные вариации борьбы и трудности определения финала. На бляхе фигура змеи в несколько раз превышает по размерам фигуру медведя. Но последний находится вверху и, похоже, победа на его стороне.

Формально-стилистический и семантический анализ сюжета этой бляхи приводит к широкому кругу древневосточных (крылатые змеи древнего иранского эпоса, среднеазиатские, скифо-сарматские и северокавказские изделия) и финно-угорских культовых представлений.

В погребениях Старшего Ахмыловского могильника встречены также весьма реалистичные изображения змей. Мотив змеи в основном встречается на предметах определенной формы, наиболее соответствующих особенностям данного зооморфного образа и удобных для его воплощения. В виде головок змей оформлены разомкнутые концы круглого в сечении бронзового браслета (Патрушев 1994: рис. 17). Ложбинкой обозначен их рот, поблизости от него нанесены четыре парные насечки. Змееподобные браслеты широко представлены в скифском искусстве (Петренко 1978: табл. 39).

Многие изображений птиц из могильников Марийского Поволжья также тяготеют к скифским и древневосточным сюжетам. В качестве примера можно назвать изображение сокола на бронзовой бляхе из Старшего Ахмыловского могильника (Patrushev 2000: fig. 52, *8*), Здесь представлена летящая с распластанными крыльями хищная птица, расположенная в центре двойных концентрических кругов (Патрушев 1994: рис. 27). Ее головка с острым клювом и выпуклиной вместо глаза повернута вправо. Контуры груди и хвоста переданы рельефными полосками в виде расширяющейся кверху лесенки, лапы подтянуты к тулову и заканчиваются утолщением, имитирующим сжатые когти.

Стилизованная головка хищной птицы из погребения № 926 (Старший Ахмыловский могильника) украшала лук (Патрушев 1992: рис. 48, *27*). В захоронении это изображение встречено в комплексе с богатым набором стрел скифского облика. Клюв птицы (очевидно, орла), неестественно вытянутый и оформленный в виде асимметричной петли, является продолжением головы; огромные глава в виде концентрических кругов с точкой-зрачком в центре олицетворяют основное назначение фигурки — придать остроту глаза владельцу лука. Форма этой детали лука имеет аналогии среди находок из урартского города Эребуни (Пиотровский 1950, рис. 64), на скифских памятниках — Люботинском городище и Городище, датируемых VI–V вв. до н. э. (Радзиевская 1979: рис. 1д; Мелюкова 1958: рис. 8, *3*; Крушельницька 1974: рис. 68, *14*).

Символичное изображение хищной птицы можно видеть на наконечнике ножен одного из кинжалов Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1994: рис. 29). Полая втулка наконечника переходит в согнутые сжатые когти в виде неправильного полукруга. Подобные формы наконечников известны из северокавказских памятников скифского облика — Нижне-Чегемского могильника, Дигории и Кобани, где они датируются первой половиной VI в. до н. э. (Виноградов 1972: 144, рис. 28, *1, 11*; Крупнов 1960: табл. XXV, *2–5*; Уварова 1900: табл. ХСУ, *4–5*).

На круглых бляхах чаще всего изображены продиктованные самой формой этих изделий символы солнца. В одних случаях они представлены в виде простых кругов, нередко двойных и тройных, в других дополнительно переданы лучи. Но есть и более сложные изображения со спиральными узорами, своеобразными протуберанцами. Последние, скорее всего, изображают «неспокойное солнце» и наверняка изготовлены в память стихийных бедствий или необычных событий.

Наиболее реалистично солнце передано на медной пластине из Акозинского могильника (Патрушев 1994: рис. 41). Солнце, исполненное в виде трех концентрических кругов в обрамлении тонких лучей, которые завершаются точками, находится в орнаментальном поле из мелких точек. Справа от солнца выделены участки с точками и без них. Под ними проходит двойная ломаная линия, разделяющая участки накладки с гладкой поверхностью, еще ниже — заполненные точками треугольные узоры и заштрихованная полоска. Возможно, здесь древний художник передал реки, горные вершины, небо и солнце. Сюжет изображения с горными вершинами, а также техника выбитых и резных узоров характерна для изделий из Северного Кавказа.

Солнце с девятью протуберанцами и 22 резными линиями в виде косых лучей внутри двойных концентрических кругов представлено на выпуклой нагрудной бляхе из погребения № 947 Старшего Ахмыловского могильника (Patrushev 2000: fig. 41, *7*). С внутренней стороны бляхи имеется дужка для крепления к одежде.

В центре другой нагрудной бляхе из этого же могильника солнце выполнено в виде резного круга с отходящими от него девятью лучами с выпуклыми краями, которые по внешнему кругу соединены волнистой линией (Патрушев 1994: рис. 43). Подобные изображения «неспокойного солнца» не характерны для финно-угорских древностей лесной полосы.

В центре нагрудной бляхе из погребения № 1000 Старшего Ахмыловского могильника изображены выпуклые на двух уровнях концентрические круги, вокруг них располагаются восемнадцать двойных лучей из резных линий, двойные концентрические круги и второй круг чередующихся двойных (16) и одинарных (13) лучей (Патрушев 1994: рис. 44). Возможно, количество лучей образует магическое сочетание чисел. Подобная трактовка двойного солнца из двойного окружения кругов и лучей, несомненно, должна была усилить магическое действие изображения.

Оригинальное моделировка солнца обнаружена на нагрудной бляхе из Акозинского могильника (Патрушев 1994: рис. 45). В центре этого плоского изделия возвышается небольшой ступенчатый умбон, на некотором расстоянии от него — два резных концентрических круга и девятнадцать крупных лучей. А. Х. Халиков (1962: 61), исследовавший захоронение с данной находкой, ссылается на аналогии в материалах Кобанского могильника на Кавказе.

На другой круглой ажурной бляхе двенадцать треугольных, прорезей-лучей образуют изображение солнца в виде колеса (Патрушев 1994: рис. 52). Подобные изображения известны в рай-

онах обитания древних ираноязычных племен, а колесо в индоиранской мифологии ассоциируется с солнцем (Кузьмина 1976: 54). В осетинском эпосе, параллели с которым языковеды отмечают в марийском фольклоре, колесо олицетворяет солнечную колесницу (Акцорин 1976: 86).

Более сложный орнамент, который состоит из двух концентрических кружков, расположенных в центре, восьми окружающих их небольших кружочков и шестнадцати коротких отрезков со слабо загнутыми концами и косыми насечками по краю передает символы солнца на круглой бляхе из Козьмодемянского могильника (Патрушев 1994: рис. 53). Он функционировал в VII–VI вв. до н. э. Однако резные штрихованные узоры и сюжеты изображений близки к южным изделиям, характерным для первой половины VII в. до н. э. На рубеже VII и VI вв. до н. э. связи с Кавказом были прерваны савроматами, обитавшими в Нижнем Поволжье (Патрушев 1984: 127).

Идею мирового порядка в сопровождении символов солнца передают узоры на умбоновидной бляхе из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1994: рис. 54). На выступающем конусе бляхи представлено восемь концентрических кругов, а по его краю проходит ободок с точечным узором. Подобные формы блях и узоры на них известны в комплексах некоторых могильников Кавказа конца VIII–VII в. до н. э. (Воронов 1980: 208 и сл.; рис. 1, 8, 23, 65).

На одной из бляшек, кроме символов солнца, есть четыре выпуклины, олицетворяющие четыре стороны света (Патрушев 1994: рис. 63). Связь символов солнца, изображенного в виде одиннадцати лучей-прорезей, и четырех сторон света, исполненных в виде креста в центре, представлена на нагрудной бляхе (Там же: рис. 64). Узоры в виде четырех сторон света имеют аналогии среди кавказских изделий (Патрушев 1984: рис. 53В, V, *18–21*; 53Г, VII, *8*).

На некоторых предметах, обычно имеющих форму полумесяца, переданы лунные знаки. На полулунной бляшке из Акозинскcто могильника изображены параллельные дуговидные линии (Патрушев 1994: рис. 75). Полулунная форма бляшки из Ахмыловского могильника украшена шестью выпуклыми кружочками (Там же: рис. 76). На подвеске из этого же некрополя полулунная бляшка соединяется с полой пронизкой, украшенной горизонтальными линиями (Там же: рис. 77). Несколько бляшек полулунной формы из Старшего Ахмыловского, Акозинского и Пустоморкваишинкского могильников имеют гладкую поверхность без узоров. Все подобные изделия снабжены приспособлениями для крепления и найдены в области груди или пояса погребенных. Лунницы или бляшки в форме полумесяца также известны у ираноязычного населения.

Особую группу предметов искусства образуют украшения со спиральными узорами. Они восходят к широкому кругу кавказских (Техов 1980) и северо-западных (скандинавских; Solo 1984) изделий.

Многие металлические предметы украшены различными узорами, причем следует отметить удивительную гармонию формы изделия и орнамента па нем. Древние мастера осознавали гармонию мира, окружающей природы, и переносили ее на свои изделия, но не прямо, не копируя ее, а через призму своего восприятия, сообразно своей фантазии.

Акцорин 1976 — *Акцорин В. А.* К проблеме связи марийских легенд и преданий с эпическим творчеством других народов // ТД на научной сессии по итогам работы за 1971–1975 гг. Йошкар-Ола, 1976.

Артамонов 1976 — *Артамонов М. И.* Древнее искусство. Л., 1976.

Виноградов 1972 — *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Вишневская 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Воронов 1980 — *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 200–218.

Ильинская 1965 — *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.

Крупнов 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М. 1960.

Крушельницька 1974 — *Крушельницька Л. І.* Лісостепові землеробскі племена скіфського часу на західному Поділлі // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.

Кузьмина 1976 — *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирской звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52–65.

Куфтин 1941 — *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Куфтин 1943 — *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата. Тбилиси, 1943 (Вестник Государственного музея Грузии. Т. 13).

Луконин 1977 — *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М. 1977.

Мелюкова 1958 — *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. М., 1958. № 64. С. 5–102.

Патрушев 1982 — *Патрушев В. С.* Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. № 4. 1982. С. 186–200.

Патрушев 1984 — *Патрушев В. С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984.

Патрушев 1992 — *Патрушев В. С.* Финно-угры России (II тыс. до н. э.–начало II тыс. н. э.). Йошкар-Ола, 1992.

Патрушев 1994 — *Патрушев В. С.* Древнее искусство финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Патрушев, Казаков 1980 — *Патрушев В. С., Казаков Е. П.* Отчет об исследованиях Тетюшского могильника / Отчет об исследованиях Марийской археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1980 году. Йошкар-Ола, 1980 // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8321.

Патрушев, Халиков 1979 — *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Раскопки Пустоморквашинского могильника и поселения / Отчет о работах экспедиции Марийского государственного университета в 1979 году. Йошкар-Ола, 1979 // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7460.

Петренко 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М., 1978 (САИ. Вып. Д4-5).

Пиотровский 1950 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Ереван, 1950. Т. 1.

Пиотровский 1959 — *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.

Пиотровский 1962 — *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII–VI вв. до н. э. Л., 1962.

Радзиевская 1979 — *Радзиевская В. Е.* Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. 1979. № 4. С. 266–270.

Техов 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.

Техов 1980 — *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980.

Уварова 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Т. 8. 1900.

Халиков 1962 — *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 7–187.

Халиков 1969 — *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Шлеев 1950 — *Шлеев В. В.* К вопросу о скифских навершиях // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 53–61.

Шкурко 1969 — *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1. С. 31–39.

Godard 1962 — *Godard A.* L’art de I’Iran. Paris, 1962.

Girschman 1950 — *Girschman R.* Les Tresors de Ziwie. Haarlem, 1950.

Patrushev 2000 — *Patrushev V.* The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000.

Salo 1984 — *Salo U.* Pyyntikulttuurista maan viljelyyn. Helsinki, 1984 (Scripta archaeologia. Institutum archaeologicum universitatis Turkuensis. No. 6).

А. Подушкин (Чимкент, Казахстан)

Сарматы в Южном Казахстане

Этническая история древних народов Южного Казахстана зависит от археологических исследований памятников, оставленных как автохтонным оседло-земледельческим, так и пришлым кочевым народонаселением, которое оказалось в Южном Казахстане в первых веках до нашей эры–первых веках нашей эры в результате миграций. Сарматская проблематика (погребальные памятники, весомые археологические комплексы, иные признаки, позволяющие прямо и косвенно связывать материалы с культурными и этническими традициями азиатских сарматов), обозначилась в 1980-е гг., когда в Южном Казахстане стали активно исследовать археологические объекты государства Канцзюй (Кангюй).

После более чем двадцатипятилетнего периода раскопок ранних городищ, поселений и могильников стало возможным выделить арысскую археологическую культуру Южного Казахстана IV в. до н. э.–VI в. н. э. как научную категорию, которая фиксирует устойчивые системы традиций в материальной сфере на большой группе памятников зоны Средняя Сырдарья–горы Каржантау, Каратау–бассейн р. Арысь». В настоящее время исследователи имеют полное представление о памятниках этой культуры (ареал, картография и типология), о ее периодизации и хронологии, о специфическом блоке признаков (керамика, вооружение и конское снаряжение, предметы быта, культа, эпиграфические артефакты и другое), наконец — о наглядном облике (образе) арысской культуры, который четко выделяется на фоне каунчинской и джетыасарской культур (Подушкин 2000).

Была осуществлена также этническая атрибуция арысской культуры с древним племенным (государственным) объединением Кангюй (Кангха авестийских, Канцзюй китайских и Кангу-Тарбан тюркских источников). В результате анализа этноопределяющих артефактов удалось установить полиэтничность Кангюй: в частности, выявлены поздне-сакский, сарматский, сюннуский и собственно кангюйский этнические компоненты (Там же: 145–161).

Именно тогда в катакомбных погребениях были зафиксированы комплексы артефактов, близкие по своим археологическим параметрам к вещам, найденным в погребальных памятниках сарматов Северного Причерноморья, междуречья Волги и Дона, Южного Приуралья и Западного Казахстана. Речь идет о бронзовых дисковидных зеркалах (с бортиком по краю и выступом-умбоном в центре, без ручки-штыря и с таковой); о культовых предметах (алебастровые и меловые амулеты, керамические курильницы), о сложно-составных луках и наконечниках стрел, об украшениях в виде ожерелий из стеклянных, пастовых, гагатовых и иных бус; о зооморфных и амфоровидных подвесках из фаянса и бронзы; о наборных браслетах с использованием бус, о раковинах-каури, о бронзовых колокольчиках и бубенчиках; об элементах конского снаряжения (подпружные железные пряжки и удила), о клинковом оружии (железные мечи, кинжалы в сложно-конструктивных ножнах), об изделиях в зверином и «золотобирюзовом» стиле, о «сарматообразных» знаках на керамике и о других артефактах.

Данные комплексы в сочетании с погребальной конструкцией (Т-образные катакомбы с узкотраншейным ступенчатым дромосом, катакомбы «с заплечиками»), обрядом погребения и тем, что происхождение многих артефактов связано с регионами Северного Причерноморья, Кавказа (а также — Египта и Западной Европы), свидетельствовали о том, что мы имеем дело либо с сарматами, либо с кругом племен сарматского облика. Обилие «сарматообразного» археологического материала, его качественные параметры иллюстрировали не просто тривиальный импорт или товарный обмен в рамках торговли между традиционными «сарматскими» регионами на западе и автохтонными племенами Средней Азии и Южного Казахстана на востоке, а показывали постоянное проникновение сюда культурных традиций сарматов, которые могли быть привнесены только их носителями.

Вновь сарматская проблематика зазвучала после того, когда в регионе началась реализация программы «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н. э.–IV в. н. э.» (Подушкин 2006: 208–229). В 2005–2009 гг. на городище Культобе (I–IV вв. н. э.) было найдено уникальное кангюйское письмо на керамических кирпичах-таблицах (Подушкин 2005: 133–139; Sims-Williams et al. 2007: 1006–1034), и возникла необходимость более полного исследования близлежащие к городищу могильников с целью выяснения культурно-исторического фона, на котором это письмо возникло. Начались раскопки могильников Культобе и Кылышжар, которые дали еще более значимые катакомбные погребальные комплексы, свидетельствующие о том, что какая-то ветвь сарматского союза племен в первых веках до нашей эры–на рубеже нашей эры проникла на территорию Южного Казахстана и оставила здесь свои погребальные памятники (Подушкин 2007: 138–144).

Главной целью настоящей публикации является ввод в научный оборот новых археологических данных из раскопок памятников арысской культуры последних лет, материал которых прямо или косвенно свидетельствует о присутствии в Южном Казахстане азиатских сарматов в период первых веков до н. э.–первых веков н. э. Также в свете памятников сарматского облика Южного Казахстана будут затронуты некоторые моменты региональной истории (причины появления здесь сарматов, их экономическая и этно-культурная адаптация в составе государства Кангюй). Наконец, новые материалы могут внести коррективы в проблему юго-восточной миграции сарматов из их основных этнических территорий на западе — в регион Средней Азии и Южного Казахстана.

Основные погребальные объекты — курганные могильники IV в. до н. э.–III в. н. э., в ходе раскопок которых были получены интересующие нас археологические материалы сарматского облика, относятся к типу кладбищ с бессистемным расположением насыпей. Такие могильники включают множество курганов, и находятся вблизи других масштабных археологических объектов — ранних городищ и поселений (фиксируется оазисный вариант концентрации памятников на локальной территории). Обычно курганы маркируют на поверхности подземную катакомбу, причем не обязательно располагающуюся непосредственно под насыпью: значительная часть катакомбных сооружений арысской культуры находится с большим смещением от центра насыпи в сторону южного сектора, а некоторые выходят за ее пределы.

Катакомбы арысской культуры представлены следующими типами: трехчастными Т-образными (Г-образными) с длинным узкотраншейным дромосом; также Т-образными катакомбами с дромосом «с заплечиками»; катакомбами, где камера является продолжением дромоса. Археологические материалы сарматского облика найдены в катакомбах первых двух типов. Такие погребальные сооружения обнаружены в могильниках Каратобе, Султанрабат, Алтынтобе, Акбулактобе, Ордабасы, Тулебайтобе I и II, Культобе, Кылышжар, могильник Бугуньский.

В катакомбах преобладают коллективные погребения (от двух до восьми костяков в погребальной камере), хотя отмечены и одиночные захоронения. В случае с коллективными погребениями зафиксированы впускные разновременные захоронения, то есть катакомба «работала» как склеп. Обряд погребения характеризуется трупоположением на спине с доминированием восточной ориентации изголовья, однако когда камера «переполнена», в одном погребении наблюдается иная, порой — противоположная ориентация изголовья (восточная, западная, иногда — южная).

Отметим следующие особенности обряда погребения и инвентаря применительно к катакомбам в контексте сарматской тематики Южного Казахстана: скелеты находились на плетеных камышовых матах или располагались на специальной песчано-гравийной подсыпке с включениями угля; умершие часто обвернуты тонкой (иногда — грубой) тканью; зафиксированы факты, когда одежду вместе с аксессуарами (пряжки, фибулы-застежки), а также украшения (наборные ожерелья, браслеты) и другие значимые предметы (зеркала, амулеты) клали в ногах погребенных. Женские погребения всегда сопровождал более богатый инвентарь, нежели мужские захоронения. В одиночных женских погребениях отмечено наличие оружия (наконечники стрел), присутствие «жертвенного мяса» в виде остатков передней части туши овцы, а также наличие предметов, свя-

занных с культом огня или других ритуальных действий (керамические курильницы, меловые амулеты). В катакомбах обнаружена преимущественно керамики местного производства, причем на ней имеются прочерченные (процарапанные) знаки, близкие к сарматским. В захоронениях присутствует конская атрибутика (железные подпружные пряжки и части удил) клинковое (железные мечи, кинжалы) и дистанционного (части лука, наконечники стрел) оружие сарматского облика. В одном случае найдены следы защитного доспеха (пластины железной катафракты). Отмечены также ритуальные предметы, имеющие отношение к анимализму: образ змеи (в керамике и объемном исполнении из алебастра, мела и камня). В захоронениях представлены деревянные сосудов с серебряной обкладкой, артефакты из серебра, сделанные в традициях звериного стиля; украшения в «золотобирюзовом стиле». У многих погребенных зафиксирована искусственной деформация черепной коробки (кольцевая, лобно-затылочная и комбинированная варианты деформации). Ниже приведено краткое описание четырех наиболее значимых погребальных комплексов могильника Кылышжар.

Курган 3. В южном секторе под насыпью на глубине 3,4 м от уровня древней поверхности обнаружена Т-образная двухчастная катакомба, включающая относительно короткий и широкий четырехступенчатый траншейного типа дромос и неправильной квадратной планировки сводчатую погребальную камеру. В катакомбе открыто коллективное погребение: женский костяк 1, лежавший в анатомическом порядке (ориентирован головой на восток), а также части мужского и женского костяков 2 и 3 виде беспорядочной массы костей (рис. 1).

Погребальный инвентарь: столовая керамика и посуда ритуального назначения (кувшин, фляга и курильница); дисковидное бронзовое зеркало диаметром 9,8 см с короткой ручкой-штырьком (декоративная поверхность зеркала украшена в центре выступом-умбоном и узким выпуклым бортиком по периметру); меловой амулет белого цвета овально-вытянутой полусферической формы; золотые серьги, состоящие из декоративной печатки правильной «сердцевидной» формы, контуры которой подчеркнуты бортиком и украшены зернью, а центр имеет вставку из стекловидной пасты бирюзового цвета (рис. 1).

Курган 6. В юго-восточном секторе открыта Т-образная трехчастная катакомба со значительным смещением от центра насыпи. В целом вся конструкция вытянута в направлении север–юг. Место соединения лаза с камерой заложено несколькими рядами прямоугольного сырцового кирпича на жидком глиняном растворе. В катакомбе открыто погребение трех человек: мужской и женский костяки лежали в анатомическом порядке, ориентированные головой на восток; третий костяк представлял собой груду бессистемно сложенных костей (рис 2).

Погребальный инвентарь: два кухонных неорнаментированных кувшина грушевидной формы со следами костровой копоти; железный черешковый кованый обоюдоострый кинжал без навершия и перекрестия с линзовидным в разрезе клинком и деревянной ручкой (кинжал находился в сложно-конструктивных ножнах: внутренняя обкладка — ткань, затем — жесткая деревянная основа и сверху — крашеная кожа или замша); бесперый черешковый наконечник стрелы «штырькового» типа, имеющий бронебойное назначение, с остатками следов древка на черешке; железный однолезвийный черешковый нож; железные рамчатые круглые бесщитковые с бегающим язычком пряжки; крупную железную рамчатую подпружную пряжку с массивным бегающим язычком и следами бронзы; золотую обойму-ворворку цилиндрической формы с зубчиком-фиксатором в верхней части; подвеску в виде крупной раковины-каури с высверленным отверстием; меловой амулет в виде стилизованной головы змеи; камни из песчаника и алебастра треугольного профиля (рис. 2).

Курган 8. В южной части кургана, под насыпью со значительным смещением от центра, открыта Т-образная катакомба (дромос-коридор перпендикулярно примыкал к подземной сводчатой погребальной камере; при этом дромос практически не перекрывался курганной насыпью). В погребальной камере обнаружены два костяка с ориентацией головой на восток (рис. 3).

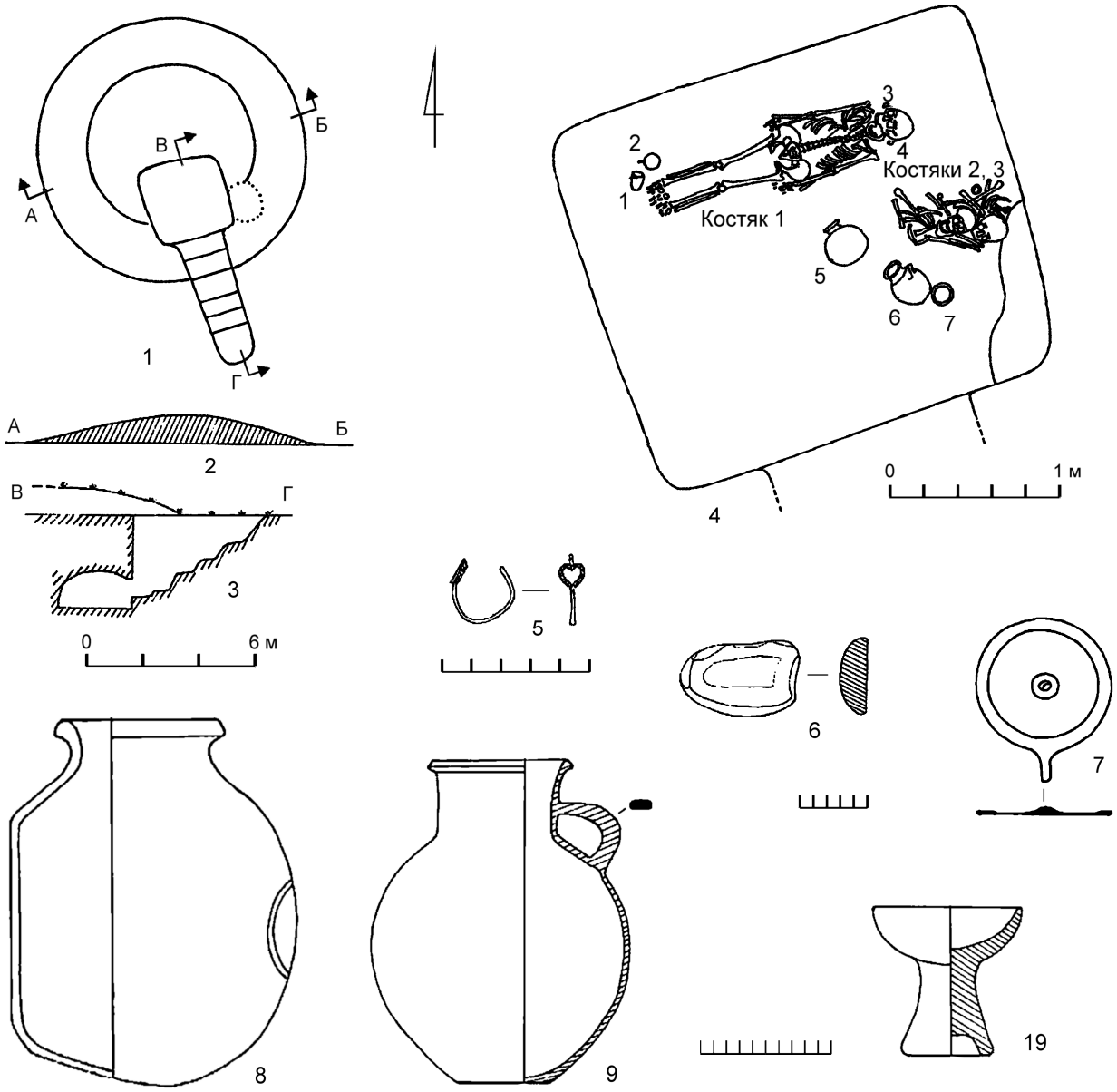

Рис. 1. Могильник Кылышжар, археологический комплекс кургана 3

Погребальный инвентарь: столовые кувшин и фляга, кухонный горшок и курильница; железная круглая бесщитковая пряжка с бегающим язычком; дисковидное бронзовое зеркало с выступающей ручкой-штырьком и высверленным в ней отверстием для подвешивания (декоративная сторона артефакта имеет концентрический «бортик», в центре — выпуклый конусовидный умбон; функциональная сторона имеет явные следы ритуальной порчи — бугристую поверхность); круглый костяной оттягиватель тетивы с эллипсовидным отверстием в центре; крупная подвеска из морской раковины каури белого цвета с отверстием для подвешивания; бронзовые кольцевидные серьги с лопатообразным и простым завершением; часть декоративного кольца-подвески из янтаря с высверленными в «дужке» отверстиями; декоративная квадратная подвеска из тонкой кости с отверстием в центре; треугольный меловой амулет с двумя «подрезанными» поверхностями и следами красной охры на них (рис. 3).

Особо отметим ожерелье из 15 различных по форме бусин и 6 фигурных подвесок. Наиболее примечательными являются: амфоровидные ребристые голубые подвески с отверстием для подвешивания (3 экз.); фаянсовая подвеска в виде «кукиша»; фаянсовая подвеска в виде жука-

скарабея; крупная фаянсовая ребристая и «глазчатая» бусины; биконические «слоистые» бусины из стекла; каменная продолговатая бусина из полосчатого агата; каплевидная подвеска из полированного сердолика (корнеола); биконическая граненая бусина из янтаря (рис. 3).

Курган 10. В южном секторе, под насыпью кургана, со значительным смещением от центра обнаружена Т-образная катакомба (место соединения лаза с камерой заложено горизонтальной выкладкой в несколько рядов кирпичем-сырцом). В камере обнаружено два скелета: костяк 1 представлен грудой беспорядочно сложенных костей, а костяк 2 располагался в анатомическом порядке, на спине, головой на восток у северной стенки погребальной камеры. Под скелетами отмечены следы камышового тлена и остатки угля (рис. 4).

Погребальный инвентарь: чашеобразная курильница на высокой ножке-поддоне; обоюдоострый кованый железный кинжал с кольцевым навершием и прямым брусковидным перекрестием (кинжал зафиксирован в сложно-конструктивных ножнах — дерево, ткань, кожа, окрашенная в ярко красный цвет); части костяных концевых и срединных накладок на сложно-составной лук; железные черешковые трехперые наконечники стрел; железный однолезвийный черешковый нож с деревянной рукояткой; железную скобу, связанную с ножом, и которая, в свою очередь, крепилась к поясу; каменный оселок-кайрак традиционной формы из речного галечника; железные пряжки с бегающим язычком и простые кольцевые пряжки (все пряжки носят отпечатки следов ткани, а также — кожи желтого и красного цветов); распределительную железную пряжку на ремень, регулирующий высоту подвешивания ножен кинжала к поясу (бегающий язычок в срединной части инкрустирован бирюзой); декоративно-функциональную пряжку из серебра, выполненную в традициях скифо-сибирского «звериного» стиля (представляет собой две объемные головки грифа, симметрично объединенные в единую композицию, верх которой оформлен прямоугольной рамкой с железным бегающим язычком); часть декоративной накладной пластины с квадратным вырезом, которая крепилась на деревянную основу сосуда (или шкатулки) посредством миниатюрных серебряных гвоздиков; серебряную обойму, фиксирующую венчик деревянного сосуда (рис. 4).

Опорными в вопросах датировки катакомбных погребений (привлекаются материалы не только описанных выше комплексов) являются несколько ключевых артефактов, которые в сочетании с обрядом и погребальным комплексом могут обозначить конкретные хронологические рамки:

1. Римская серебряная фибула и бусы с подглазурным нанесением золота, составляющие два ожерелья, которые были найдены в катакомбе 18 могильника Культобе: непрямые аналогии фибуле («арбалетовидной» по Г. В. Григорьеву и «типа Aucissa» по Б. А. Литвинскому) известны в материалах Джунского могильника первых веков н. э. (Литвинский 1967: 30–32) и в могильниках джетыасарской культуры этого же времени (Левина 1996: 221, рис. 139, *4*), однако по конструкции и форме щитка культобинской находке наиболее близки фибулы из Причерноморья конца I–середины III в. н. э. (Амброз 1984: 241, табл. CLIV, *35*); бусы с подглазурной позолотой (в том числе — обоймочковые), изготовленные в Египте, а затем — в Северном Причерноморье, широко известны в сарматских памятниках первых веков до нашей эры–первых веков нашей эры (Алексеева 1984: 238–239, табл. CLVI, 1–10, 20, 22, 26). Отмечены они и в джетыасарской культуре этого же времени (Левина, Довгалюк 1995: 205–212, рис. 1–3).

2. Бронзовые дисковидные зеркала с ручкой-штырем, бортиком по краю и умбоном в центре декоративной поверхности (катакомбы курганов 3 и 8). Такие зеркала характерны для погребений конца раннесарматской (прохоровской) культуры IV–II вв. до н. э. (Смирнов 1989: 174, табл. 69, *35*) и для среднесарматской культуры первых веков до нашей эры–II в. н. э. (Мошкова 1989: 187–188).

3. Серьги, выполненные в полихромном «золотобирюзовом» стиле (катакомба кургана 3). Прямых аналогий золотым серьгам с «сердцевидной» перегородчатой печаткой, заполненной голубой стекловидной пастой и украшенной по периметру зернью, найти не удалось, но подобный декоративный прием достаточно широко применялся в сакской культуре Казахстана IV–III вв. до н. э. (Акишев К., Акишев А. 1983: 133; Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005: 80–81, 116).

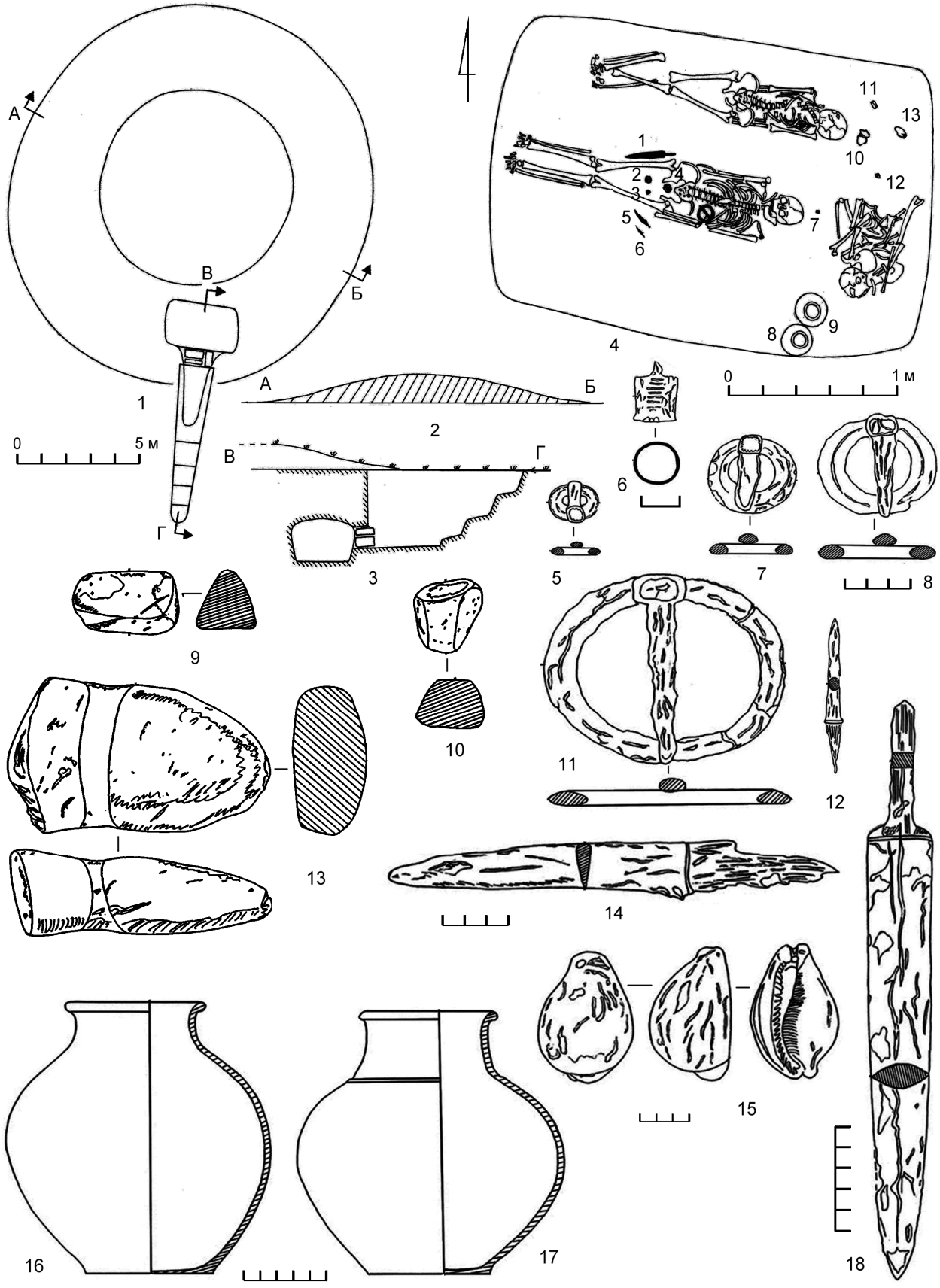

Рис. 2. Могильник Кылышжар, археологический комплекс кургана 6

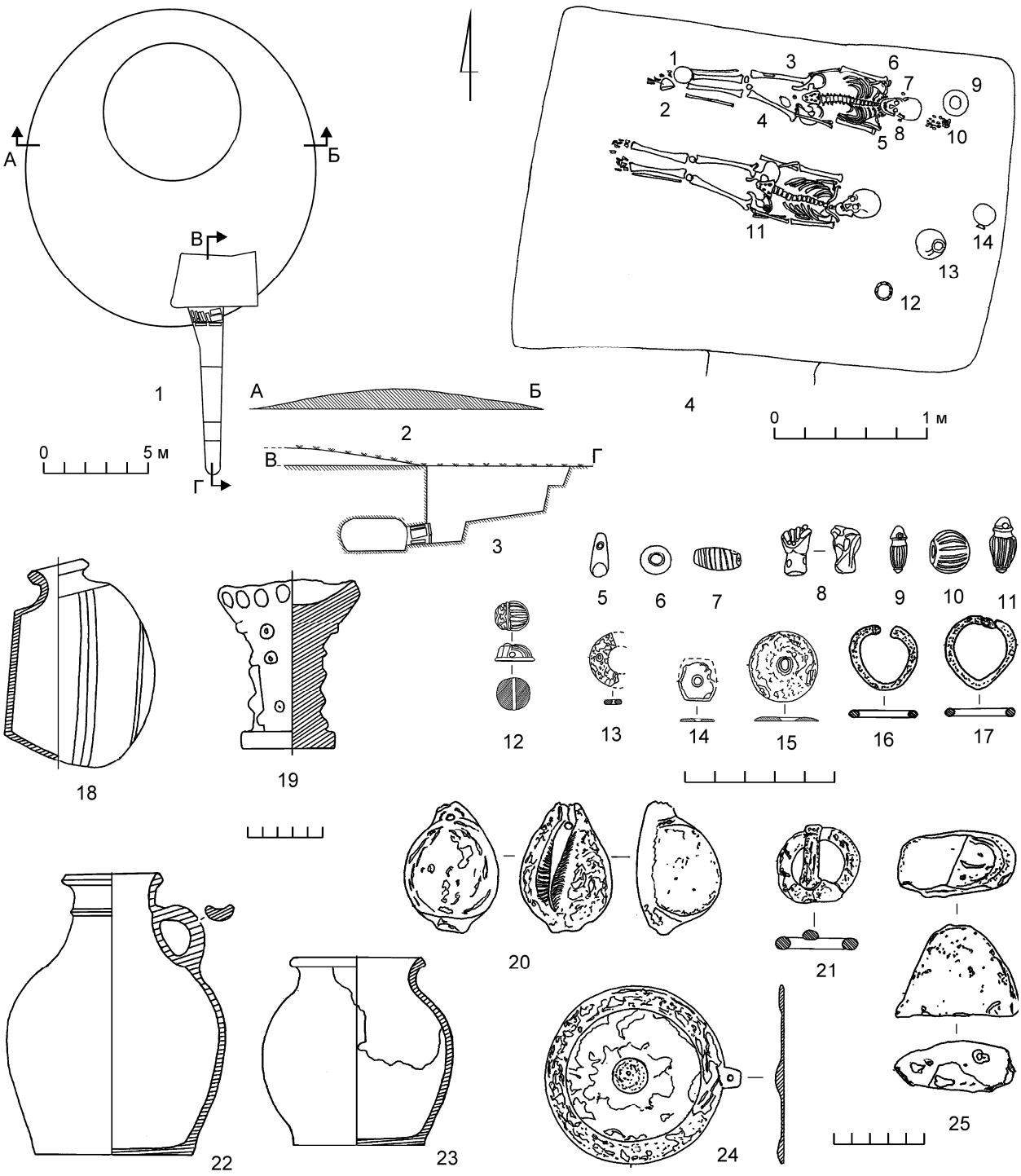

Рис. 3. Могильник Кылышжар, археологический комплекс кургана 8

Что касается классической «сердцевидной» формы печатки, то этот мотив известен и в чисто сарматской среде — например, рукоять и ножны парадного меча из Порогов (Северное Причерноморье, последняя четверть I в. н. э.) украшены золотыми декоративными накладками, включающими цепочку аналогичных «сердцевидных» печаток, причем — с бирюзовыми вставками (Симоненко 2010: 36–37, рис. 22, *1, 3, 6, 7, 9, 10*; фотография на с. 160).

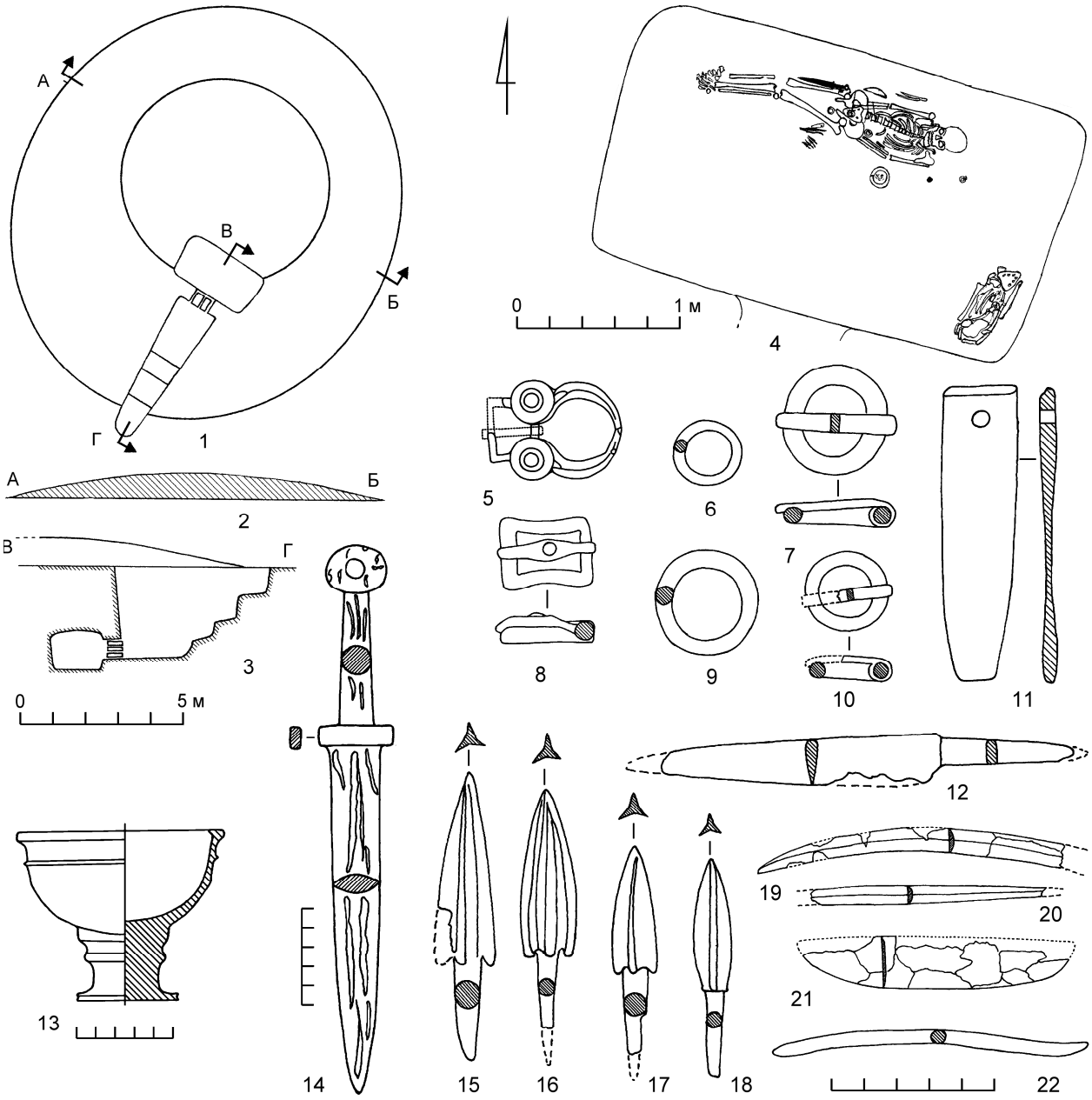

Рис. 4. Могильник Кылышжар, археологический комплекс кургана 10

4. Мечи и кинжалы железные без навершия и перекрестия (катакомба 5, 6 могильника Кылышжар), кинжал с кольцевым сплошным навершием и прямым брусковидным перекрестием (катакомба кургана 10). Мечи и кинжалы железные без навершия и перекрестия характерны для конца среднесарматской — и всей позднесарматской культуры рубежа — III в. н. э. (Мошкова 1989: 195–197,табл. 81, *59, 60–61*; Симоненко 2010: 46, рис. 29–30, 37: мечи «с рукоятью-штырем» 2-го типа); зафиксированы они в указанное время и в погребальных памятниках Средней Азии (Алимов, Богомолов 2000: 175–176). Что касается кинжала с кольцевым сплошным навершием и прямым брусковидным перекрестием в сложно-конструктивных ножнах (дерево, ткань, кожа, окрашенная в ярко красный цвет), то подобное оружие как массовое явление отмечено у сарматов Северного Причерноморья в первых веках до нашей эры (среднесарматская культура; Мошкова 1989: 183, табл. 81, *21–26*) и первых веках нашей эры (позднесарматская культура; Симоненко 2010: 32–39, рис. 15 и 24, *1*).

5. Подвески и бусы ожерелья (катакомба кургана 8). Определяющими в плане датировки ожерелья являются подвески в виде «кукиша», жука-скарабея с попнречным сквозным отверстием, амфоровидные ребристые подвески и крупные круглые ребристые бусы (все — из египетского фаянса). Достаточно редкий в таком сочетании, весь комплекс ярко иллюстрирует происхождение (Северное Причерноморье), время «жизни» (I в. до н. э.–I в. н. э.) и пути попадания к «варварским» племенам (в том числе — сарматам) подобных украшений (Алексеева 1984: 237–238; табл. CLVII, *7*, *38*, *51*, *55*, *57–58*).

6. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (катакомба кургана 5) находят аналогии как в среднеазиатских материалах первых веков до нашей эры–первых веков нашей эры (Литвинский 1965: 77–81, рис. 4), так и в сарматских памятниках Северного Причерноморья первых веков нашей эры (Симоненко 2010: 96–99, рис. 69).

7. Серебряные накладки на венчик деревянного сосуда и серебряная пряжка, выполненная в зверином стиле (катакомба кургана 10). Аналогии серебряным накладкам имеются в материалах могильника Покровка 10 позднесарматского времени (Южное Приуралье, II–III вв. н. э.; Малашев, Яблонский 2008: 50, рис. 155, *1–3*). Прямых аналогий зооморфной серебряной пряжке в виде головок грифа (грифона) с инкрустацией глазниц биюзой или голубой пастой (вставки не сохранились) найти не удалось, однако образ грифа (грифона) пронизывает искусство «звериного» стиля у скифов и савромато-сарматов начиная с середины I тыс. до н. э. и сохраняется в трансформированном «сарматском» варианте в более позднее время (Смирнов 1989: 174, табл. 66–67).

8. В качестве косвенного этно-хронологического фактора можно привлечь распространенный в первых веках нашей эры обряд искусственной деформации черепа у погребенных в катакомбах арысской культуры. Аналогичный обряд имел массовое распространение у сарматов Нижнего Поволжья и Западного Казахстана в среднесарматский и позднесарматский периоды, т. е. в I в. до н. э.–IV в. н. э. (Трофимова 1968: 184–185).

Приведенные выше характеристики погребальных комплексов из катакомб арысской культуры Южного Казахстана, соответствующие хронологические выкладки и этно-культурные интерпретации позволяют говорить о присутствии на территории региона в I в. до н. э.–III в. н. э. азиатских сарматов, или какой-то локальной ветви сарматского союза племен. Хронологически это событие совпадает с последними фазами среднесарматской и позднесарматской культурой, а в региональном аспекте — с каратобинским этапом арысской культуры, датированным I в. до н. э.–III в. н. э. Однако говорить о массовом проникновении сарматов на юг Казахстана или включении этой территории в ареал политического влияния сарматского союза племен будет преждевременным: скорее всего, речь идет о спорадических миграционных «выбросах» части сарматского народонаселения из исконных земель на восток и юго-восток.

Причинами такого явления, по-видимому, являются факторы политического, экономического и военного характера, среди которых: ослабление в первых веках нашей эры сарматского союза племен, его фактическое поглощение аланами (Мошкова 1989: 157), что могло послужить толчком к миграционным процессам; привлекательность восточных районов (Средняя Азия, Южный Казахстан) в контексте присутствия там развитых городских центров и оседло-земледельческой культуры, а также благоприятных для номадов климатических и иных условий для ведения, с одной стороны, кочевого хозяйства, с другой — возможности при критических обстоятельствах осесть на землю (Горбунова 1976: 28–29); те же городские центры и оседло-земледельческая округа могли выступать в роли притязаний со стороны сарматов-воинов с целью обогащения (получения добычи, дани) или контроля международных торговых путей (вариант экзо-эксплуатации, широко применявшийся номадами Евразии в древности; Симоненко 2010: 7–8).

Наконец, социальная и воинская элита сарматов вместе с сородичами могла влиться в ряды мощного государства Канцзюй (Кангюй), политическая власть которого тогда распространялась на большую часть Средней Азии и Казахстана, а расцвет падает на первые века нашей эры.

В какой-то степени перечисленные моменты иллюстрирует один из текстов культобинского (кангюйского) письма на керамических кирпичах-таблицах (I в. до н. э.–III в. н. э.), найденного в Южном Казахстане, в котором номады фигурируют как «люди шатров». В частности, там сообщается об основании города на землях присутствующих при этом событии «людей шатров», перечисляются «государи» Самарканда, Кеша-Карши, Нахшеба и Навакметана-Бухары (Sims-Williams, Grenet 2006: 97–102). Были ли упомянутые «люди шатров» сарматами, утверждать сложно, так как Канцзюй того времени представлял собой полиэтничное государство, и в качестве «людей шатров» вполне могли выступать сюнну, чьи памятники также фиксируются на юге Казахстана.

Между тем приоритетность сарматов в этой ситуации налицо: кангюйское письмо написано арамейским алфавитом, оно маркирует один из восточных диалектов древне-иранского языка, на котором говорило оседлое население Кангюй. Учитывая общепризнанное в науке мнение об ираноязычности сарматов (Скрипкин 1982: 52), можно констатировать, что они имели возможность адаптироваться к языковым и культурным реалиям родственного им по этим параметрам основного населения Кангюй.

Алексеева 1984 — *Алексеева Е. М.* Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 237–239 (Археология СССР).

Амброз 1984 — *Амброз А. К.* Фибулы // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 240–358 (Археология СССР).

Акишев К., Акишев А. 1983 — *Акишев К. А, Акишев А. К.* Древнее золото Казахстана. Алматы, 1983.

Алимов, Богомолов 2000 — *Алимов К. А., Богомолов Г. А.* К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача. Самарканд, 2000 (ИМКУз. Вып. 31).

Горбунова 1991 — *Горбунова Н. Г.* О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н. э.–первая половина I тыс. н. э. // СА. 1991. № 3. С. 20–30.

Левина 1996 — *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тысячелетие до н. э.–I тысячелетие н. э). М., 1996.

Левина, Довгалюк 1995 — *Левина Л. М., Довгалюк Н. П.* Бусы из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. Жетыасарская культура. Ч. 5. М., 1995. С. 202–228.

Литвинский 1965 — *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91

Литвинский 1967 — *Литвинский Б. А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2. С. 29–37.

Малашев, Яблонский-2008 — *Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М., 2008.

Мошкова 1989 — *Мошкова М. Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177–191 (Археология СССР).

Подушкин 2000 — *Подушкин А. Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э.–VI в. н. э. Туркестан, 2000.

Подушкин 2005 — *Подушкин А. Н.* Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // «SHYGYS». Алматы, 2005. № 2.

Подушкин 2006 — *Подушкин А. Н.* Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н. э.–IV в. н. э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 208–229.

Подушкин 2007 — *Подушкин А. Н.* Некоторые итоги археологического исследования могильника Кылышжар в 2007 году // Международная научная конференция «Кадырбаевские чтения — 2007», Актобе, 2007. С. 138–144.

Смирнов 1989 — *Смирнов К. Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. (Археология СССР).

Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005 — *Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.* Древности Алматы. Алматы, 2005.

Симоненко 2010 — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.

Скрипкин 1982 — *Скрипкин А. С.* Азиатская сарматия во II–IV вв. // СА. 1982. № 2. 43–58.

Трофимова 1968 — *Трофимова Т. А.* Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 179–189.

Sims-Williams, Grenet 2006 — *Sims-Williams N., Grenet F.* The sogdian inscriptions of Kultobe // «SHYGYS». Алматы, 2006. № 1. С. 95–111.

Sims-Williams et al. 2007 — *Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A.* Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // Académie des Inscriptions et Belles Letters. Paris, 2007.

Ю. Б. Полидович (Донецк, Украина)

Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий

Самым значительным событием в археологи раннего железного века в начале XXI в. стали раскопки кургана Аржан-2 в Туве, которые проводились совместной российско-германской экспедицией в 2001–2004 гг. (К. В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер). В результате работ были найдены десятки художественных изделий, выполненных в традициях скифского «звериного стиля». Их описание и изучение уже имеет обширную библиографию. Настоящая статья представляет собой попытку найти точки соприкосновения между крайними областями распространения «звериного стиля», представленными территорией Тувы (курган Аржан-2) и западными регионами — Северным Причерноморьем, Северным Кавказом и, частично, Нижним Поволжьем.

Естественно, что изобразительные традиции, в которых выполнены изделия из кургана Аржан-2, в целом полностью соответствуют нормам всего «звериного стиля» — животные изображены в характерных позах, строго в профиль, достаточно условно, с использованием определенных знаков и символов (Полидович 2004). Вместе с тем, набор стилистических приемов, которые использовали «аржанские» мастера, достаточно широк и по-своему оригинален. Его анализ позволил выделить пять стилистических групп изделий, каждая из которых имеет свой круг аналогий в искусстве скифского времени Тувы и соседних территорий (Чугунов 2004а). Аналогии с более дальними западными регионами Евразийского пояса степей не столь очевидны, однако, их также возможно провести.

В двух погребениях раннескифского времени, обнаруженных во время раскопок средневекового мавзолея у пос. Комсомольский Астраханской обл., был найден ряд предметов, которые в той или иной степени соответствуют находкам из Аржана 2. Прежде всего, это золотая сережка из погребения 23, выполненная в виде усеченного конуса, покрытого зернью (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: рис. 5, *6*). Аналогичные сережки хорошо известны по находкам в восточных регионах Евразийской степи (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: 138; Семенов 1999: 165–170), прежде всего, в памятниках Тувы и, в частности, в Аржане-2 (Чугунов 2003; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 33, *3*; 58, *1*; 72, *1*; 99, *5*; 106, *5–6*; 110, *1–2*, *4–6*). Распространение подобных изделий с востока (Тува) на запад объяснялось исследователями направлением миграции (Кирюшин, Тишкин 1997: 90; Семенов 1999: 168; Тишкин 1999: 190).

В погребении 6 у пос. Комсомольский был прослежен ряд деталей погребального обряда, скорее всего, также имеющих восточное происхождение (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: 127, 139). Отсюда же происходит золотая пластинка с изображением лошади (рис. 1, *6*;

Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: рис. 2, *1*), стилистически во многом соответствующем изображениям лошадей из Аржана-2 (рис. 1, *1–5*; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 1, *2*; 2, *1–3*; 33, *5*; 54, *1–2*; 73, *1–3*). Еще одно похожее изображение происходит из могильника Кош-Пей-I в Туве (рис. 1, *6*; Килуновская 1994: рис. 1, *3б*). Общими чертами, которые их объединяют, являются: компактно подогнутые ноги животных, воспроизведение гривы полосками вдоль спины, окончание гривы завитком на спине, торчащее вверх и вперед ухо, акцентированная скула (на аржанских изображениях — эмалевой вставкой, на комсомольском — рельефным бугорком, что типично для поволжских изображений в целом), длинный и относительно тонкий хвост, прижатый к бедру.

В погребении 6, кроме того, было обнаружено бронзовое зеркало ольвийского типа (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: рис. 3, *1*) — с бортиком на диске и боковой ручкой, внешний конец которой оканчивается фигуркой условно воспроизведенной пантеры (II класс, II отдел, I тип, 2 вариант по классификации Т. М. Кузнецовой — Кузнецова 2002: 155). Аналогичные зеркала найдены в комплексах Нижнего Поволжья (погребение 2 кургана 2 у с. Андреевка — Матвеева 2006: 377–378, рис. 1, *1*) и Южного Приуралья (курган Биш-Оба вблизи г. Орска и курган 1 в урочище Елга у с. Преображенка — Смирнов 1964: рис. 72, *14, 15*), а также на довольно значительной территории Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского региона, и датируются, как правило, в пределах второй половины VI в. до н. э. (Кузнецова 2002: 142–155). На диске подобного зеркала, найденного в могиле 41 (1912 г.) некрополя Ольвии, выгравировано контурное изображение копытного животного (рис. 1, *7*; Скуднова 1988: Кат. 174), имеющее некоторые схожие черты с изображением лошади из Комсомольского (у него похожая морда и длинный тонкий хвост), однако, изображенное не с подогнутыми, а с вытянутыми вперед ногами.

В Северном Причерноморье зеркала ольвийского типа представляют собой единый культурный пласт наряду с другими яркими изделиями — бронзовыми крестовидными бляхами (Полідович 2000б: 35–48; Полидович 2009: 477–484). Ряд изделий этого типа также, на наш взгляд, имеет определенные аналогии среди материалов кургана Аржан-2. Имеются в виду бляхи из могилы 12 (1910 г.) некрополя Ольвии (рис. 2, *15*; ОАК 1913: 95, рис. 121; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: pl. 18), кургана у с. Гусарка в Степном Причерноморье (рис. 2, *18*; Мурзин 1977: 56–60, рис. 2; Золото Степу 1991: Кат. 93), кургана Опишлянка в Лесостепном Приднепровье (Граков 1947: рис. 5), разрушенного могильника у хут. Дугино в дельте Дона (Копылов 1992: 84, рис. 1, *5*), кургана 3 (погребение 3) могильника Аксай-I в Волго-Донском междуречье (Дьяченко, Мэйб, Скрипкин, Клепиков 1999: 96, рис. 5, *2*), Бырсешти в Румынии (Dumitrescu 1974: fig. 472, *2*). На данных бляхах изображен свернувшийся или терзающий козла хищник, который имеет выразительные стилистические черты: массивную горбоносую голову, верхняя и нижняя части которой изображены раздельно, большой круглый глаз, овальное ухо, рельефно выделенное плечо, лапы с короткими и растопыренными тремя пальцами и длинный хвост, загнутый на конце в спираль (рис. 2, *15, 18*). Отдельные изображения подобных свернувшихся хищников происходят из кургана 482 у с. Басовка в Днепровской Лесостепи (рис. 2, *16*; Галанина 1977: табл. 25, *2, 4*), из окрестностей г. Майкопа в Прикубанье (рис. 2, *17*; Ильинская, Тереножкин 1983: 53, рис. 17).

Этот образ хищника стилистически не имеет ничего общего с предыдущей архаической традицией Северного Причерноморья и Прикубанья. Равно как ничего общего с ней не имеет и схема изображения свернувшегося животного, а именно: взаиморасположение лап, расположение хвоста и композиционные принципы построения самой схемы. Архаические изображения построены преимущественно по принципу треугольника, лапы расположены внутри изображения под углом друг к другу, при этом ступня задней лапы расположена у локтевого сустава передней, хвост находится под мордой (Полидович 1994: 65). Изображения на крестовидных бляхах и им подобные построены по принципу круга, передняя лапа полностью вытянута вперед так, что стопа находится на внешнем контуре изображения, разделяя морду и хвост, задняя лапа согнута и расположена внутри изображения параллельно передней.

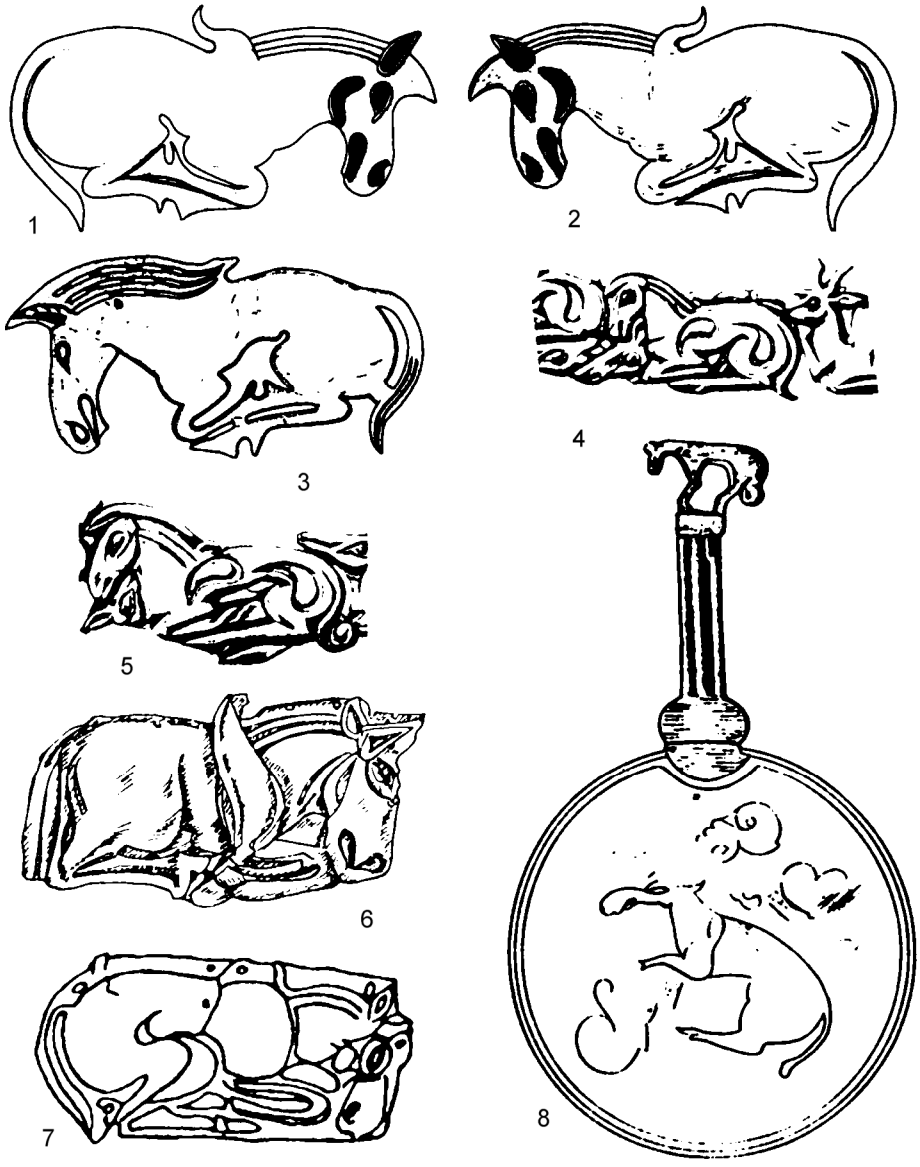

Рис. 1. 1–5 — курган Аржан-2, Тува (по Čugunov, Parzinger, Nagler 2010); 6 — Кош-Пей-I, Тува (по Килуновская 1994); 7 — погр. 6, мавзолей, пос. Комсомольский, Нижнее Поволжье (по Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997); 8 — мог. 41 (1912 г.), некрополь Ольвии (по Скуднова 1988)

Почти аналогичную схему расположения лап и хвоста, а также близкие стилистические черты имеют изображения свернувшихся хищников на пряжках из приаральських могильников VII–VI вв. до н. э. Тагискен (кург. 45) и Уйгарак (кург. 82) (рис. 2, *12*; Вишневская, Итина 1971: рис. 8, *1–2*; Вишневская 1973: табл. I, *6*; XXXVIII, *6*).

Истоки этой схемы, на наш взгляд, можно обнаружить среди изображений хищников кургана Аржан-2. Здесь нет классических изображений свернувшихся хищников (Чугунов 2008: 98–99), однако, очень близки к ним изображения на перекрестии и навершии «мужского» кинжала из погребения 5 (рис. 2, *7–7a*; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 8, 9). Эффект свернутости в данной ситуации достигается за счет округлого изгиба спины и хвоста, полностью окружающего бедро и заднюю лапу; передняя же лапа не выпрямлена, а согнута. По мнению К. В. Чугунова, данный кинжал, по всей видимости, был изготовлен мастером, работавшим в китайской традиции, о чем свидетельствует орнамент, обрамляющий нервюру на клинке акинака — подобные мотивы известны на изделиях китайских металлургов и ювелиров эпохи Восточного Чжоу (Чугунов 2004б: 74; 2008: 101).

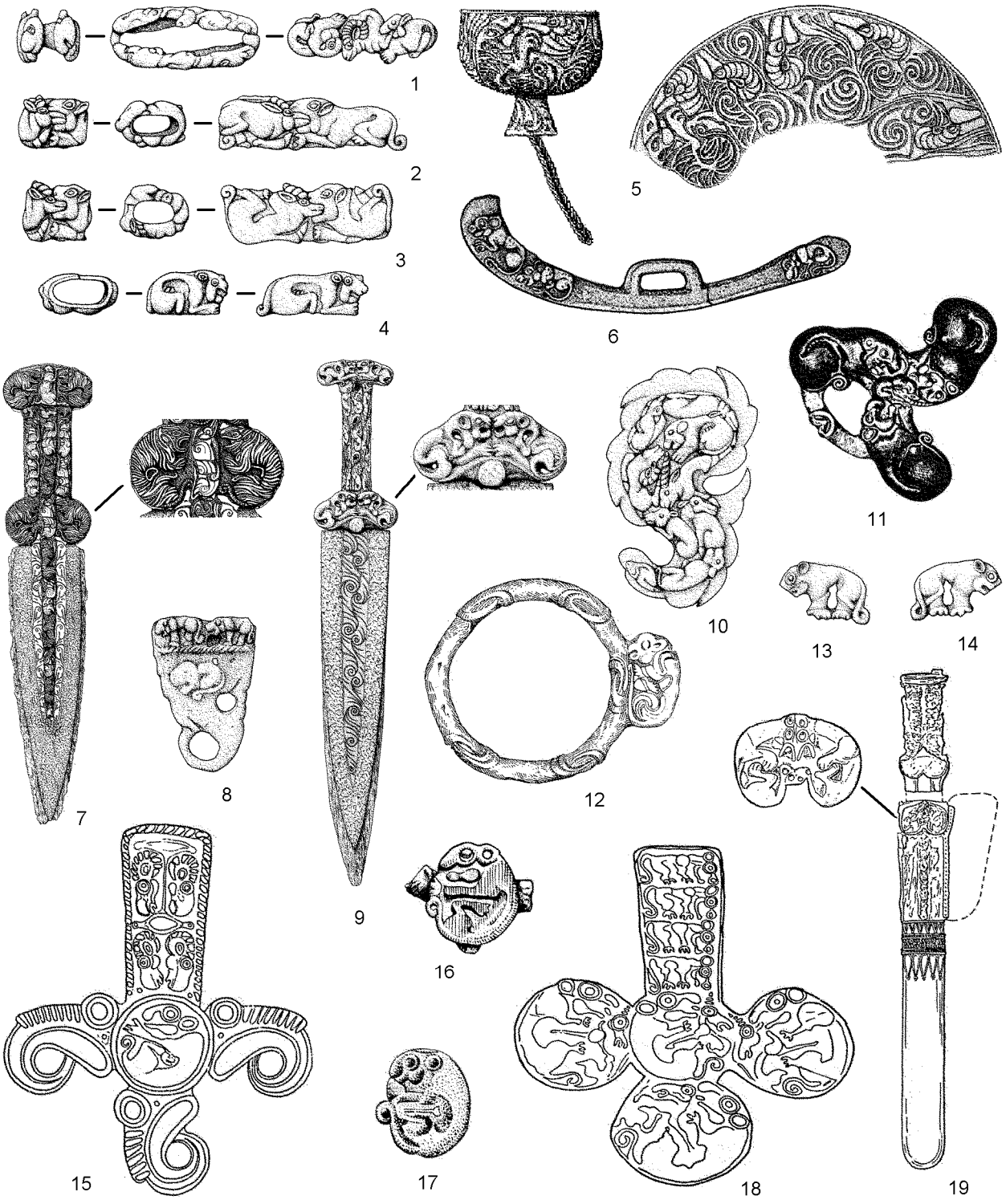

Рис. 2. 1–10, 13, 14 — курган Аржан-2, Тува (по Čugunov, Parzinger, Nagler 2010); 11 — Павлодарское Прииртышье (по Акишев 1976); 12 — курган 82 могильника Уйгарак, Приаралье (по Вишневская 1973); 15 — мог. 12 (1910 г.), некрополь Ольвии (рис. по Piotrovsky, Galanina, Grach 1986); 16 — курган 482 у с. Басовка, Днепровская Лесостепь (по Галанина 1977); 17 — окрестности г. Майкопа, Прикубанье (по Ильинская, Тереножкин 1983); 18 — курган у с. Гусарка, степное Поднепровье (по Золото Степу… 1991); 19 — Острая Томаковская Могила, степное Поднепровье (по Артамонов 1966)

С подобным наблюдением вполне можно согласиться, учитывая также нехарактерную для кочевнической изобразительности стилизацию животных, воспроизведенных на акинаке. Вместе с тем, мастер почти полностью повторил характерную для аржанских изображений «лежащих» хищников позу — с подогнутой и вытянутой вперед передней лапой, подвернутой вовнутрь бедра задней лапой (при этом, часто пальцы/когти выступают над бедром) и длинным хвостом, огибающим бедро и заднюю лапу (Чугунов 2008: 99). Подобные изображения также происходят с территории Казахстана и других регионов Центральной Азии (Там же: 99, 101), включая изображение из Павлодарского Прииртышья (рис. 2, *11*; Акишев 1976: 183–188), где воспроизведены три хищника в условной сцене терзания. Согласно нашему предположению данная бляха является символическим изображением первоначального жертвоприношения, положенного в основу существования мира (Полидович 2000а; 2006). Своеобразная поза павлодарских хищников, которая полностью идентична позе многих аржанских зверей (рис. 2, *4, 6, 8, 9, 10*), связана с определенной двусмысленностью: с одной стороны — хищники воспринимаются свернувшимися, с другой — находящимися в активном действии — терзании. Не исключено, что павлодарская бляха является изначальной в данной серии изображений, поскольку на ней не просто воспроизведена определенная поза зверя, но и через всю композицию обозначен ее символический смысл (это соответствует мифологической традиции кодирования информации, согласно которой имя, поза, атрибут персонажа есть свернутый вариант мифа-повествования о его деяниях).

Стилистические признаки изображения хищников из кургана Аржан-2 очень близки между собой вне зависимости от позы, в которой воспроизведен зверь (рис. 2, *1–10, 13, 14*). Они же соответствуют ряду изображений из Казахстана и других регионов Центральной Азии (Чугунов, Парцингер, Наглер 2003: 128; Чугунов 2008: 99, 101; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: 311–320). Причерноморские изображения, в частности те, что воспроизведены на крестовидных бляхах, несколько иные. Прежде всего немного отличается изображение головы. Однако близкое причерноморскому воспроизведение головы животного характерно для аржанских изображений козлов (баранов). Их головы также воспроизведены как бы разделенными на верхнюю и нижнюю части, когда линия рта соединяется с глазом, под которым расположена сегментовидная скула (рис. 2, *5*; Чугунов 2004а: 273–274; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 14, *9*; 32, *1, 15, 16*; 63, *1*). Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что истоки причерноморских изображений хищников VI в. до н. э., не имеющих ничего общего с предшествующей местной традицией, следует искать в аржано-казахстанских образах.

Подобный вывод согласуется еще с одной особенностью изображений на крестовидных бляхах. На почти идентичных изделиях из Гусарки и Опишлянки (рис. 2, *18*) условно воспроизведена сцена терзания хищником козла: животные находятся ногами друг к другу, голова козла повернута назад, а его ухо находится в пасти хищника. В Причерноморском регионе это первые, а во многом и единственные изображения, выполненные в подобной условной манере и в соответствии с традициями «звериного стиля». Сцены терзания встречаются среди келермесских древностей, достаточно характерны они для изображений V–IV вв. до н. э., однако, они воспроизведены преимущественно в переднеазиатской, античной или скифо-античной манере. Тогда как для восточных регионов скифского мира, напротив, характерны именно подобные условные изображения. Кроме того, для «западных» изображений типичным является изображение терзания оленя, тогда как для «восточных» — козла (Полидович 2006: 357). Среди последних наиболее архаичными являются изображения сцен терзания из Аржана 2 (рис. 2, *1–3*), которые, по всей видимости, являются самыми древними в «зверином стиле» (Чугунов 2008: 98). Более того, среди аржанских изделий встречено наиболее раннее изображение сцены терзания, в которой и хищник, и его жертва повернуты на 180º (рис. 2, *3*). Ранее считалось, что подобные изображения появляются не ранее V в. до н. э. (Переводчикова 1994: 124, 165), возможно, под влиянием искусства ахеменидского Ирана (Azarpay 1959: 329–336).

Кроме стилистических соответствий обращают на себя внимание и некоторые композиционные параллели между причерноморскими и аржанскими изделиями. Прежде всего, это меч в ножнах из Острой Томаковской Могилы в степном Поднепровье (рис. 2, *19*; Артамонов 1966: табл. 65; 66). На ножнах в районе перекрестья изображены симметрично расположенные свернувшиеся хищники. Подобное образное решение является уникальным для «западных» мечей и ножен, оформление которых так или иначе связано с символикой Мирового древа (см., в частности, художественное оформление келермесского и мельгуновского мечей). Непосредственной аналогией томаковским ножнам является «мужской» кинжал из кургана Аржан-2, где на перекрестии и навершии также изображены хищники, поза которых близка к свернувшейся (рис. 2, *7–7а*). На втором, «женском», аржанском кинжале также на перекрестии и навершии представлены симметрично расположенные хищники в позе полулежащих, полусвернувшихся зверей (рис. 2, *9–9а*; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 61). Возможно также, что данные аржанские кинжалы открывают серию подобных изделий, на которых на рукояти или на рукояти и навершии воспроизведены симметрично расположенные фигуры одноименных животных: хищников, кабанов, хищных птиц и т. д. Особенно популярны данные изделия были у тагарских племен Минусинского края в VI–V вв. до н. э. (Членова 1967: табл. 4, *10–11*; 11, *11–12*; Завитухина 1983: Кат. 40, 199–204; др.).

Таким образом, между комплексом изображений кургана Аржан-2, с одной стороны, и некоторыми причерноморскими изображениями с другой, можно провести стилистические, иконографические, структурные и, вероятно, семантические соответствия. Они позволяют предположить, что определенный круг причерноморских изделий, прежде всего, крестовидные бляхи, сложился под непосредственным влиянием аржано-казахстанской изобразительной традиции. Исходя из данных погребений раннескифского времени из мавзолея у с. Комсомольский в Нижнем Поволжье и ряда других факторов можно предположить, что данное влияние, скорее всего, было связано с волной мигрантов, принесших с собой и некоторые изделия «восточного» типа, и новаторство в изобразительности, ставшее толчком к формированию новой художественной традиции.

В целом крестовидные бляхи датируются в пределах второй половины VI в. до н. э. Самая ранняя дата для одной из них — ольвийской бляхи — была предложена С. В. Полиным: не позже второй четверти VI в. до н. э. (Полін 1986: 29). С такой датировкой не согласился А. Ю. Алексеев, считающий, что нижнюю границу датирования ольвийской могилы 12 (1910 г.) и синхронных ей по вещевому комплексу могил 6/1909, 76/1910, 54/1911, 66/1911, 107/1911 можно опустить до середины VI в. до н. э., «ограничив в целом приблизительно третьей четвертью VI в. до н. э.» (Алексеев 2003: 155). Хронологическую позицию комплекса из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай-I, откуда также происходит крестовидная бляха, определяет античная амфора, датируемая в пределах середины–второй половины VI в. до н. э. (Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков 1999: 108, рис. 5, *1*; Алексеев 2003: 202). Погребения из Комсомольского по совокупности вещевого комплекса датируются в пределах второй половины VI–начала, скорее всего, первой четверти V в. до н. э. (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: 139). В то же время дата сооружения кургана Аржан-2 по совокупности данных определяется в пределах середины–второй половины VII в. до н. э. и даже более узко — середины VII в. до н. э. (Алексеев, Боковенко, Васильев и др. 2005: 84–88, 89–90, 134–137; Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: 160–182).

Хронологический разрыв между двумя группами памятников в определенной степени обоснован, так как он обозначает процесс миграции с востока (территория Тувы и Восточного Казахстана) на запад (Северный Кавказ и Северное Причерноморье) в конце VII–первой половине VI в. до н. э., но в настоящее время он представляется слишком значительным — до 150 лет. Столь длительное время вряд ли могли просуществовать как отдельные категории вещей (например, конусовидные сережки), так и определенные изобразительные типы. Скифская эпоха являлась достаточно динамичной. Как можно судить по большинству категорий инвентаря и художественных образов, отдельные их типы существовали максимум 2–3 поколения. По всей видимости, отдельные

хронологические позиции рассматриваемых комплексов еще будут уточняться по мере накопления новых данных и осмысления известных материалов.

Акишев 1976 — *Акишев А. К.* Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 183–195.

Алексеев 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Артамонов 1966 Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. (Альбом). Л.; Прага. 1966.

Вишневская 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. М., 1973.

Вишневская, Итина 1971 — *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 197–208 (МИА. № 177).

Галанина 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М., 1977 (САИ. Вып. Д1-33).

Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997 — *Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А.* Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–131.

Дьяченко, Мэйб, Скрипкин, Клепиков 1999 — *Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. Вып. 2.

Алексеев, Боковенко, Васильев и др. 2005 — *Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С. Дергачев В. А., Зайцева Г. А., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт ван дер И., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В.* Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая датировка. СПб., 2005.

Золото Степу… 1991 — Золото Степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг, 1991.

Ильинская 1971 — *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 64–85.

Ильинская В. А., Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Килуновская 1994 — Килуновская М. Е. Произведения мелкой пластики Тувы // Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3. С. 109–123.

Кирюшин, Тишкин 1997 — *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.

Копылов 1992 — *Копылов В. П.* Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н. э. // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1. С. 78–87.

Кузнецова 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии. М., 2002. Т. 1.

Матвеева 2006 — *Матвеева Г. И.* Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологи Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 377–379.

Мурзин 1977 — *Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 54–68.

ОАК 1913 — ОАК за 1909–1910. СПб., 1913.

Ольговський 1995 — *Ольговський С. Я.* Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. 1995. № 2. С. 25–31.

Онайко 1966 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ. Вып. Д1-27).

Переводчикова 1994 — *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

Погребова, Раевский 1992 — *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

Полін 1987 — *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 17–36.

Полидович 2000а — *Полидович Ю. Б.* Опыт реконструкции скифо-сакского космогонического мифа по материалам изобразительного искусства и архитектуры // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 102–105.

Полідович 2000б — *Полідович Ю. Б.* Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. 2000. № 1. С. 35–48.

Полидович 2004 — *Полидович Ю. Б.* Изобразительные особенности скифского «звериного стиля» (на примере изображений хищников) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ. Барнаул, 2004. С. 414–417.

Полидович 2006 — *Полидович Ю. Б.* Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3.

Полидович 2009 — *Полидович Ю. Б.* Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 477–484.

Семенов 1999 — *Семенов Вл. А.* Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 165–169.

Скуднова 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Каталог одной коллекции. Л., 1988.

Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Тишкин 1999 — *Тишкин А. А.* Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 184–190.

Чугунов 2003 — *Чугунов К. В.* Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 386–395.

Чугунов 2004а — *Чугунов К. В.* Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. СПб., 2004. С. 273–276.

Чугунов 2004б — *Чугунов К. В.* Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб., 2004. Вып. 62. С. 72–74.

Чугунов 2006 — *Чугунов К. В.* Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 69–71.

Чугунов 2008 — *Чугунов К. В.* Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 98–101.

Чугунов, Парцингер, Наглер 2002 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 115–124.

Чугунов, Парцингер, Наглер 2003 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Ювелирные изделия из кургана Аржан-2. Вопросы происхождения комплекса // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД 12 коллоквиума (3–10 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 125–128.

Azarpay 1959 — *Azarpay G.* Some Classical and Near Eastern motivs in the Art of Pazyryk // Artibus Asie. 1959. Vol. 22, no. 4. P. 313–339.

Čugunov, Parzinger, Nagler 2010 — *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.

Dumitrescu 1974 — *Dumitrescu V.* Arta preistorica in Romania. Bucureşti, 1974.

Piotrovsky, Galanina, Grach 1986 — *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.

М. Н. Пшеницына (Санкт-Петербург, Россия)

Тагарский могильник Улуг-Кюзюр I на Среднем Енисее

Тагарская культура является одной из наиболее полно исследованных культур скифского времени в Сибири. Ее периодизация и хронология, основанные на изучении погребальных памятников, служат своеобразным эталоном для ряда синхронных культур соседних территорий. Однако, некоторые вопросы, связанные с внутренними процессами развития этой культуры, характером и причинами изменений ее вещевого комплекса, социальной организацией общества остаются недостаточно разработанными. Поэтому особый интерес вызывают памятники, позволяющие проследить изменения традиционно сложившейся форы погребального обряда тагарской эпохи, отражающие, несомненно, сложные общественные процессы.

Одним из таких объектов является могильник Улуг-Кюзюр I, в котором в 1965–1966 гг. М. Н. Пшеницыной — руководителем сарагашенской группы Карасукского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) было раскопано пять курганов. Полевые чертежи в ходе работ были выполнены В. Г. Лазаревой и Б. А. Тарантулом, фотофиксация — М. П. Грязновым и Е. И. Лубо-Лесниченко. В раскопках принимали участие студенты-археологи Г. Сулев, А. Тырбылев, Ю. Белокобыльский (Томский университет) и Л. В. Скалина (ЛГУ), студент В. Поддубный (Ленинградский Политехнический институт) и учащиеся школ г. Абакана. Материал из раскопок могильника хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ: коллекция №2555 (1965 г.); коллекция №2556 (1966 г.).

На левом берегу Енисея в 2 км к западу от пос. Советская Хакасия и в 45 км ниже г. Абакана на первой надпойменной террасе между двумя сухими низинками, называемыми Кичик-Кюзюр и Улуг-Кюзюр (Малый и Большой солончаки), располагался обширный могильник карасукской культуры Кюргеннер, исследования которого вел в 1965–1966 гг. карасукский отряд Красноярской экспедиции под руководством М. П. Грязнова (Грязнов, Комарова 1966; 1967). В 80 м к северо-востоку от могильника вдоль края низины Кичик-Кюзюр была обнаружена группа из 15 курганов подгорновского этапа тагарской культуры — могильник Кичик-Кюзюр I, в котором М. П. Завитухина в 1965–1967 гг. раскопала восемь курганов (Завитухина, Морозов 2003). К юго-западу от могильника Кюргеннер, у края низины Улуг-Кюзюр была зафиксирована группа из 14 курганов сарагашенского этапа тагарской культуры, получившая название могильника Улуг-Кюзюр I (рис. 1, *1*). Терраса, на которой расположен могильник, сложена из лессовидного суглинка мощностью около 1 м, подстилаемого слоем галечника. Могилы вырыты на глубину до 1,5 м и таким образом прорезали весь слой суглинка и на 0,5 м были врезаны в галечник. В настоящее время упоминаемые могильники полностью скрыты водами Красноярского водохранилища.

Все курганы имели земляные насыпи продолговатой формы, высотой в среднем от 0,5 до 1 м. В основаниях насыпей в отдельных случаях прослеживались верхние края вертикально врытых плит прямоугольных оград, вытянутых в направлении с северо-запада на юго-восток. На всех курганах возвышались массивные угловые и простеночные столбообразные плиты. В двух случаях их 4 (кург. 2 и 5; рис. 1, *3*), в двух — 8 (кург. 3 и 4; рис. 1, *4*), в одном — десять (кург. 1; рис. 1, *2*). Конструкция наземных сооружений курганов с четырьмя плитами сходна. Высота земляных насыпей составляет 0,5 и 0,6 м, размеры оград — 10 х 7,3 м и 10,5 х 8,7 м, высота оград — 10–15 см.

Курган 2. В центре каменной ограды кургана находится могильная яма размерами 2,2 х 1 м и глубиной 1,2 м (все замеры высот и глубин брались от уровня древней дневной поверхности, то есть от погребенной почвы, с которой сооружен курган). Могила была покрыта массивными плитами в два слоя, пробитыми в их центральной части (рис. 1, 3). Захоронение ограблено, но потревожено незначительно. На дне могилы лежал неполный скелет мужчины 35–40 л.[12]

[12] Определения пола и возраста погребенных, а также костей животных произведены М. П. Грязновым

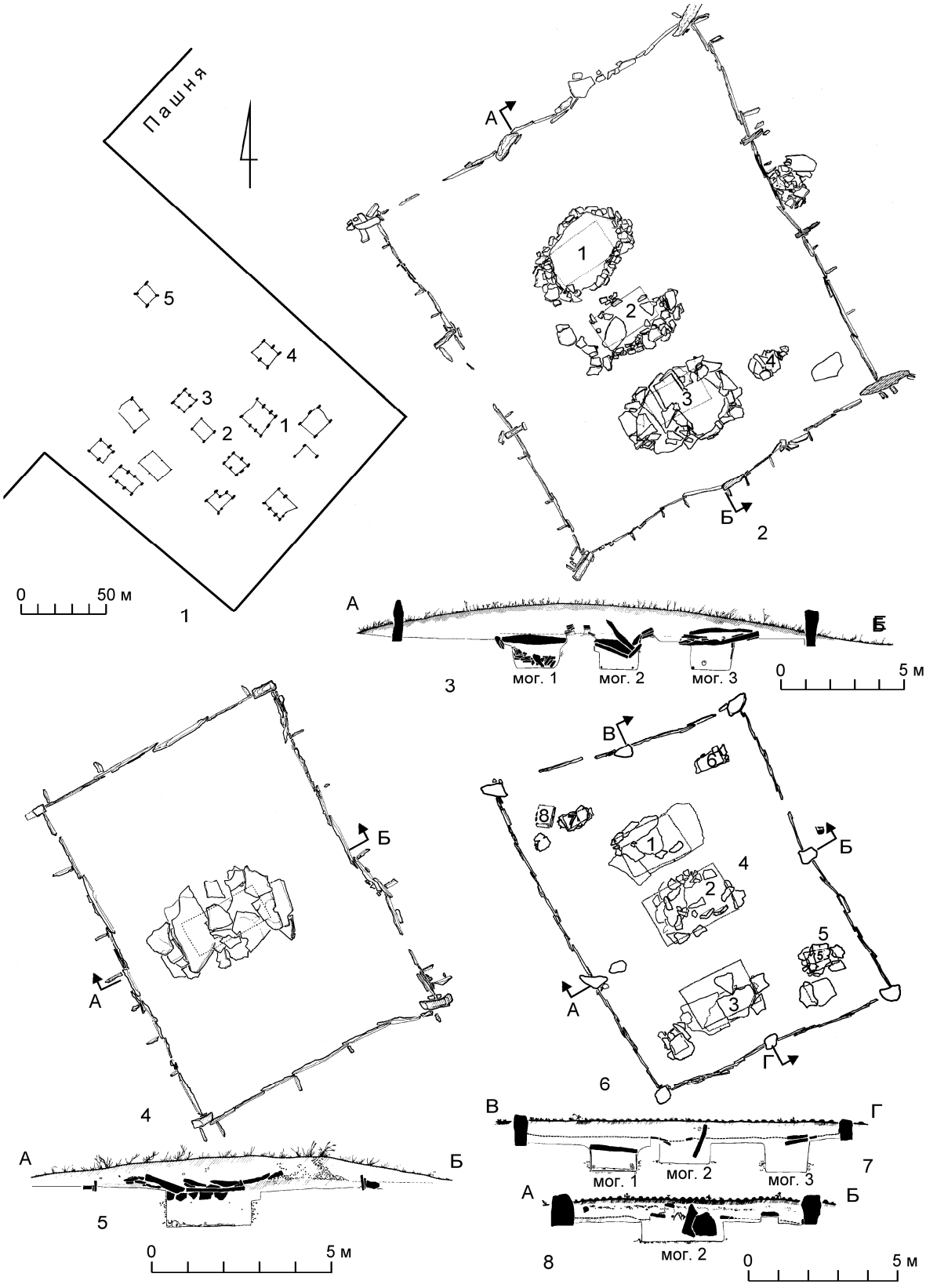

Рис. 1. Улуг-Кюзюр-I: 1 — план могильника; 2 — планы курганов 1–3

Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад (рис. 2, *5*). На костях предплечья правой руки умершего находились бронзовые нож (рис. 3, *13*) и кинжал в вы-

шитом кожаном чехле со следами раскраски, сохранившемся во фрагментах (рис. 3, *3*). Слева от ног покойного лежали остатки мясной пищи: кости коровы и овцы, а в головах стоял глиняный сосуд (рис. 5, *12*).

Курган 5. Внутри каменной ограды кургана находились три ориентированные с северо-востока на юго-запад могилы, расположенные в ряд по продольной оси ограды.

Могила 1, северная (рис. 2, *4*) имела размеры 2,5 х 1,5 м и глубину 1,1 м. Ее покрытие нарушено. In situ сохранилась лишь одна массивная плита перекрытия (2,1 х 1,3 х 0,1 м), поверх которой лежали мелкие плитки.

В яму был поставлен сруб, от которого прослежены остатки нижних бревен. Сверху пространство между стенками могильной ямы и сруба было заполнено мелкими плитками. В срубе обнаружены останки двух погребенных, уложенных головами на северо-восток. В центре склепа in situ сохранились длинные кости обеих ног и кости правой руки скелета мужчины 25–40 л. У его плечевой кости обнаружен клинок бронзового ножа, часть рукояти которого, находилась у костей предплечья (рис. 3, *11*). Вдоль юго-восточной стенки сруба лежали длинные кости ног скелета мужчины 20–25 л., которые были сдвинуты вплотную друг к другу. Справа, у костей голени этого скелета найден костяной наконечник стрелы с длинным черешком (рис. 3, *16*). На бедренных костях лежали бронзовые кинжал с полой рукоятью и вложенным внутрь нее шилом (рис. 3, *1*) и пластинчатый нож (рис. 3, *12*). Оба предмета находились в сохранившемся во фрагментах кожаном чехле со следами раскраски. Под ними обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 3, *5*), а поверх них располагались остатки мясной пищи: лопатка и два ребра коровы, а также большая берцовая кость овцы. В верхней части заполнения зафиксированы кости тех же самых животных, включая обломки черепа и разрозненные кости обоих скелетов, а также обломки бронзовой диадемы (рис. 4, *3*). В восточном углу сруба лежало бронзовое массивное зеркало (рис. 4, *18*) и глиняная миска (рис. 5, *3*), а в западном углу склепа находились раздавленнаяые глиняная миска и сосуд баночной формы (рис. 5, *4* и *5*). Здесь же обнаружены остатки мясной пищи: лопатка, бедренная и большая берцовая кости коровы. Можно предположить, что вначале в могилу был положен мужчина, останки которого найдены у юго-восточной стенки сруба, а затем уже в центральной части могилы похоронен мужчина 25–40 л.

Могила 2, центральная (рис. 2, *2*). Могильная яма размерами 2,2 х 1,6 м и глубиной 1,2 м, была покрыта двумя большими плитами, поверх которых уложены мелкие плитки. В яму был поставлен сруб, от которого прослежены остатки нижних бревен. Дно сруба выстлано продольно уложенными досками. На дне склепа лежал скелет мужчины 40–60 л., в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Справа у пояса погребенного находился бронзовый кинжал (рис. 3, *2*) с остатками кожаного чехла, на костях правого предплечья лежало бронзовое зеркало (рис. 4, *17*). Около локтя левой руки обнаружен бронзовый топорик (рис. 3, *4*). В головах поставлены крупный баночный сосуд и миска (рис. 5, *1, 2*). За черепом умершего найдены две бронзовые полусферические бляшки, третья лежала на затылочной кости (рис. 4, *13, 14, 16*). Справа от покойника положены остатки мясной пищи: кости коровы. В заполнении могилы найдены костяные наконечник стрелы (рис. 3, *8*) и стержень с уплощенным нижним концом (рис. 4, *8*).

Могила 3, южная. Могильная яма имела размеры 1,5 х 0,9 м и глубину 0,7 м. Нарушенное грабителями покрытие состояло из плиты толщиной в 14 см, поверх которой находился слой из менее крупных плит. В яму был поставлен сруб, от которого сохранились нижние бревна. Пространство между срубом и стенами могильной ямы было заложено мелкими плитками. В заполнении и на дне сруба в полном беспорядке найдены кости скелета женщины 25–40 л., среди которых встречены кости коровы, молодой овцы и две кости крупной птицы. У северо-западной стенки сруба в заполнении обнаружены обломки глиняного сосуда (рис. 5, *9*) и фрагмент бронзового шила (рис. 4, *10*). На северо-западном борту могилы найдены череп и несколько костей скелета женщины (?) 18–20 л. Поскольку соседняя могила 2 неограблена, то эти кости, скорее всего, выброшены из могилы 3.

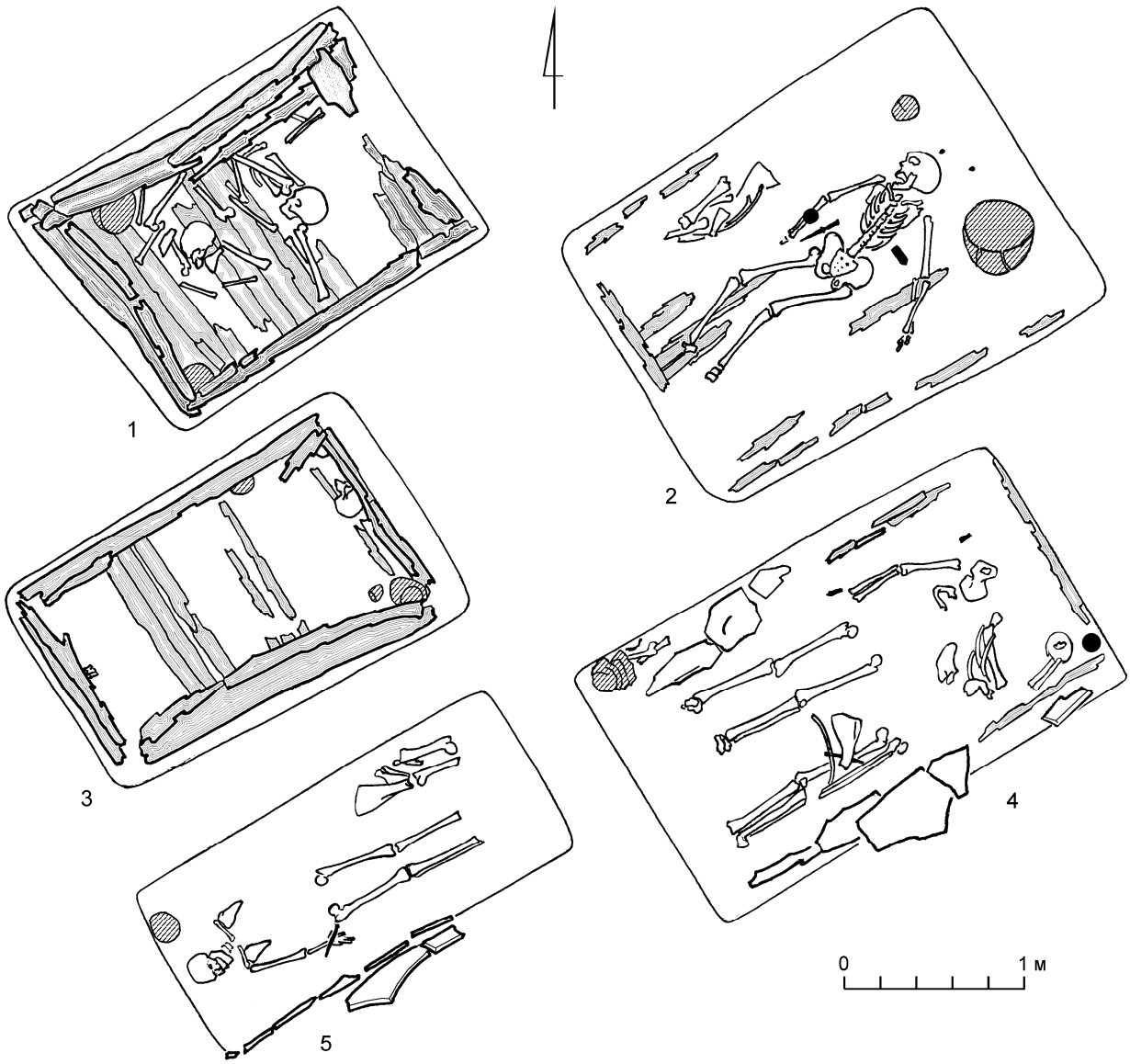

Рис. 2. Улуг-Кюзюр I, планы могил: 1 — кург. 3; 2 — кург. 5, могила 2; 3 — курган. 4, могила 2; 4 — кург. 5, могила 1; 5 — кург. 2

Близки по своему устройству курганы 3 и 4 с восьмью угловыми и простеночными столбообразными плитами. Высота их земляных насыпей составляла 0,5 и 0,7 м, а размеры каменных оград 11 х 8,5 и 12 х 10,5 м. Угловые и простеночные плиты возвышались примерно на 0,5 м над поверхностью степи. Высота вертикально врытых плит оград не превышала 20–30 см.

Курган 3. Внутри каменной ограды кургана находилось 8 могил (рис. 1, *4*). Три из них (могилы 1–3) являлись основными. Они были расположены в ряд по продольной оси ограды и ориентированы с северо-востока на юго-запад. Небольшие детские могилы были устроены по углам ограды (могилы 4–8).

Могила 1, северная (рис. 2, *1*). Могильная яма имела размеры 2,1 х 1,5 м и глубину 1,2 м. Она была перекрыта массивной плитой (3,4 х 1,65 х 0,14 м), через центр которой грабители пробили лаз. Поверх покровной плиты лежали мелкие плитки. В яме был установлен сруб в семь венцов. Его внутренние размеры составляли 1,7 х 1,2 м при высоте 0,75 м. Дно сруба было выстлано 15 тонкими бревнами, закрытыми сверху берестой. В заполнении могилы и на ее дне находились в полном беспорядке кости пяти погребенных: трех мужчин, двое из которых имели возраст 40–60 л., и двух женщин, причем одна из них умерла в возрасте 40–60 л., а другая — в более старом возрасте.

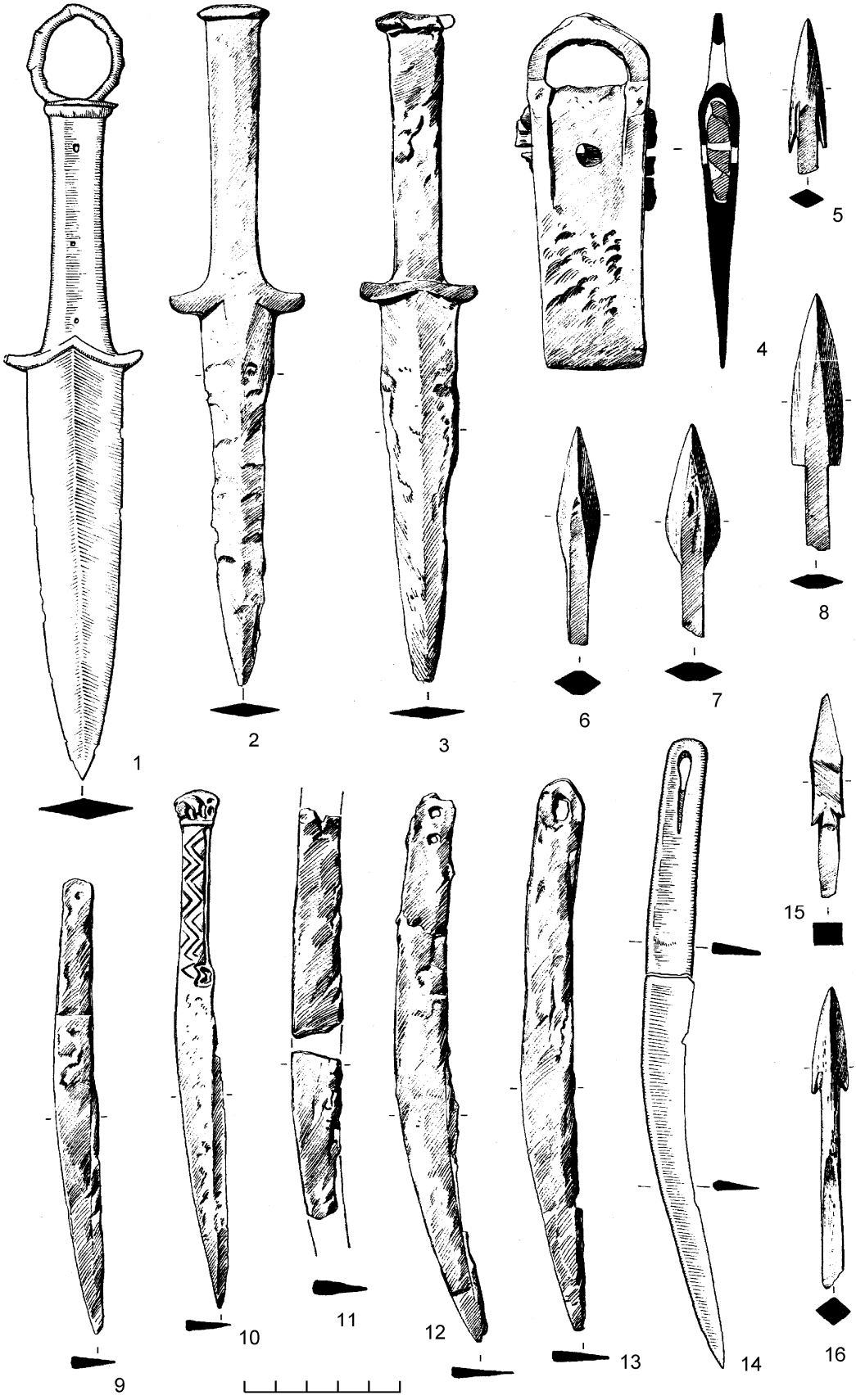

Рис. 3. Улуг-Кюзюр I, находки (1–4, 9–14 — бронза; 5–8, 15, 16 — кость):
1, 5, 11, 12, 16 — кург. 5, могила 1; 2, 4, 8 — кург. 4, могила 2; 3, 13 — кург. 2;
6, 9 — кург. 3, могила 1; 7, 15 — кург. 3, могила 3; 10 — кург. 4, могила 1; 14 — кург. 1, могила 2

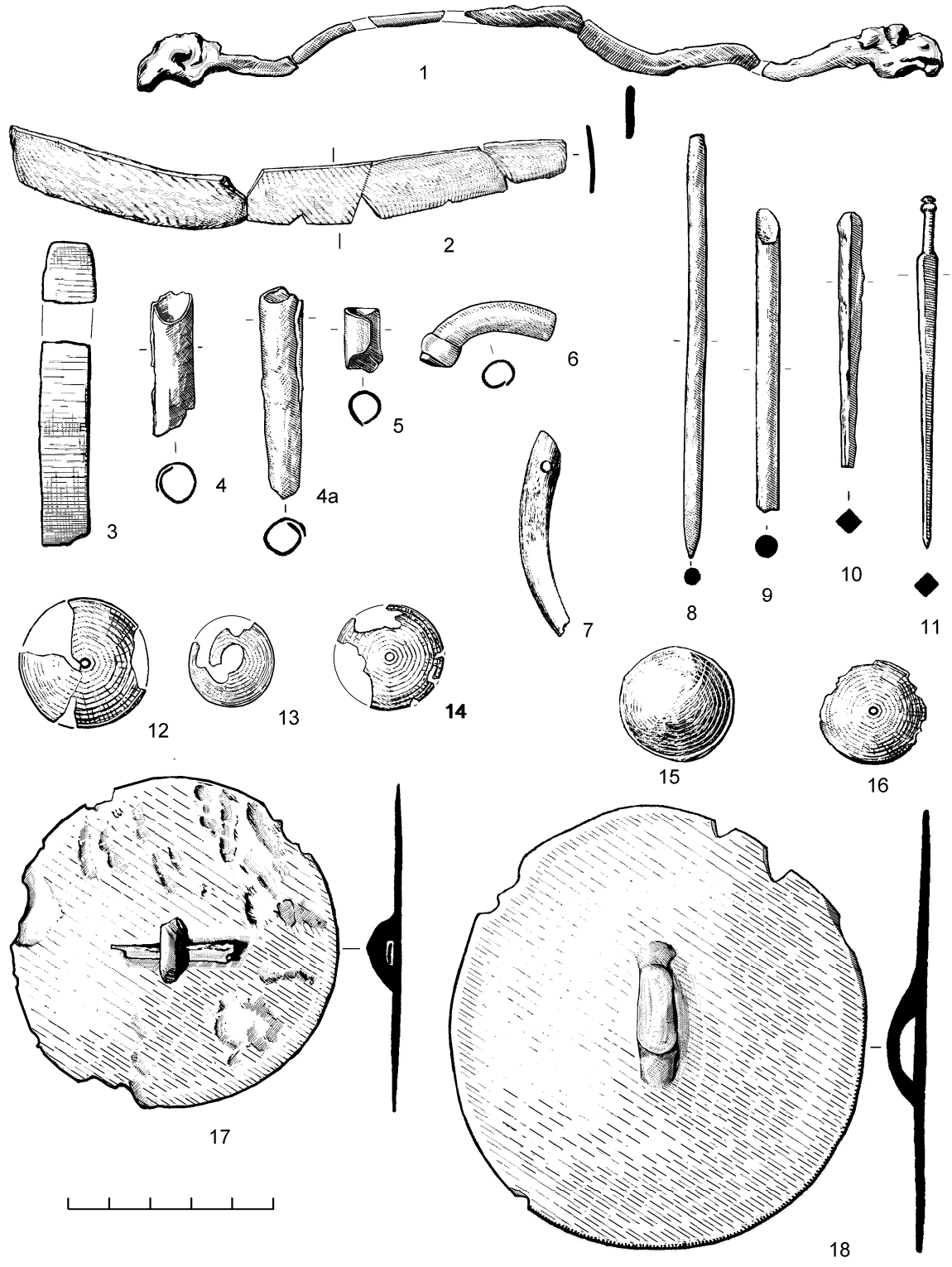

Рис. 4. Улуг-Кюзюр I, находки (1–6, 10–18 — бронза; 7–9 — кость):
1 — кург. 1, могила 1; 2 — кург. 1, могила 3; 3, 18 — кург. 5, могила 1;
4–6, 9 — кург. 1, могила 2; 7, 11 — кург. 3, могила 1; 8, 13, 14, 16, 17 — кург. 5, могила 2;
10 — кург. 5, могила 3; 12, 15 — кург. 4, могила 2

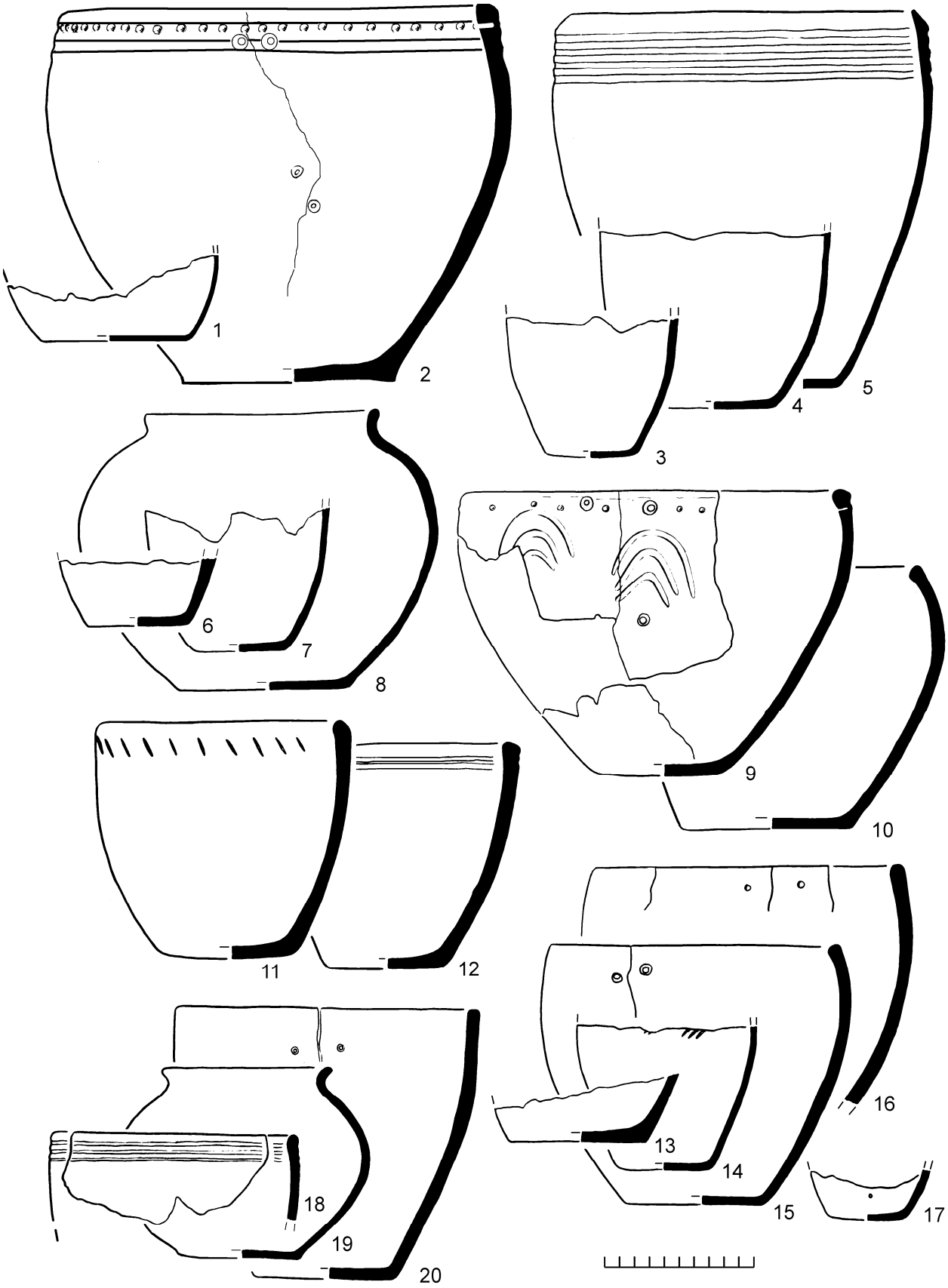

Рис. 5. Улуг-Кюзюр I, глиняные сосуды: 1, 2 — кург. 5, могила 2; 3–5 — кург. 5, могила 1; 6–8 — кург. 3, могила 3; 9 — кург. 5, могила 3; 10 — кург. 4, могила 1; 11 — кург. 1, могила 4; 12 — кург. 2; 12–17 — кург. 4, могила 2; 18 — кург. 3, могила 2; 19, 20 — кург. 3, могила 1

В южном углу сруба in situ сохранились кости голени одного из женских скелетов. Судя по их положению, погребенная лежала головой на северо-восток. Под ее костями обнаружен бронзовый нож (рис. 3, *9*) и шило (рис. 4, *11*). В северном углу сруба найден небольшой глиняный сосуд (рис. 5, *19*). Большой баночный сосуд стоял в восточном углу склепа (рис. 5, *20*). В заполнении сруба обнаружены бронзовые обломки полусферических бляшек и трубочка-пронизка, костяной наконечник стрелы (рис. 3, *6*), клык кабарги с просверленным отверстием (рис. 4, *7*), кости коровы и овцы.

Могила 2, центральная. Могильная яма имела размеры 2,7 х 1,7 м и глубину 0,85 м. От ее перекрытия сохранились части массивной плиты, покрытой слоем мелких плиток. В заполнении и на дне могилы среди обломков плит и мелких кусков дерева найдены кости двух погребенных: детей 9 л. Там же обнаружены кости коровы и овцы, а также обломки глиняного сосуда (рис. 5, *18*).

Могила 3, южная. Могильная яма имела размеры 2,2 х 1,5 м и глубину 1,1 м. От ее перекрытия в юго-восточной части могилы сохранились крупные плиты, уложенные в два слоя. В заполнении и на дне ямы среди обломков покровных плит и кусков дерева найдены в беспорядке кости четырех погребенных: мужчины 18–19 л., женщины 25–40 л., женщины старческого возраста и младенца 2 л. Здесь же обнаружены кости коровы и овцы. На дне у юго-западной стенки ямы лежал раздавленный глиняный сосуд (рис. 5, *8*). В заполнении могилы найдены два костяных наконечника стрел (рис. 3, *7, 15*) и две глиняные миски (рис. 5, *6, 7*).

Могилы 4–8 представляли собой небольшие покрытые плитами каменные ящики размерами 0,7–1 м х 0,45–0,6 м и глубиной 0,2–0,5 м. В трех из этих могилах было похоронено по одному, а в двух — по два младенца до 2 л. без инвентаря.

Курган 4. В ограде кургана были обнаружены три могилы: две основные, расположенные в ряд по продольной оси ограды и ориентированные с северо-востока на юго-запад, а также детское погребение в северо-западном углу ограды.

Могила 1, южная. Могильная яма имела размеры 2,1 х 1,1 м и глубину 1,15 м. От ее перекрытия сохранились три массивных плиты, расположенные друг над другом. В могилу помещен сруб, от которого прослежены остатки нижних бревен. В заполнении и на дне склепа в беспорядке обнаружены кости трех погребенных: юноши 14–15 л. и двух женщин — 20–25 л. и преклонного возраста. Среди этих останков найдены кости коровы и овцы. На дне, в западном углу сруба стоял глиняный сосуд (рис. 5, *10*), рядом лежал бронзовый нож со скульптурной фигуркой кабана на рукояти (рис. 3, *10*).

Могила 2, центральная (рис. 2, *3*). Могильная яма размерами 2,2 х 1,4 м и глубиной 1,4 м перекрыта крупными плитами, лежащими в пять слоев. Центральная часть перекрытия была нарушена грабителями. В яму был поставлен сруб, внутренние размеры которого составляли 1,8 х 1,1 м при высоте 60 см (четыре венца.). Дно склепа было выстлано тонкими бревнами, уложенными в направлении с северо-запада на юго-восток. В заполнении и на дне сруба найдены в беспорядке кости трех погребенных: мужчины 25–40 л., женщины того же возраста и ребенка 8 л. В восточном углу склепа стояли глиняные сосуд и миска (рис. 5, *15, 17*), в северном углу и у северо-западной стенки сруба обнаружено еще по одной миске (рис. 5, *13, 14*). В заполнении могилы найдены кости коровы, обломки глиняного сосуда (рис. 5, *16*) и две бронзовые полусферические бляшки (рис. 4, *12, 15*).

Могила 3. Прямоугольный каменный ящик, имеющий размеры 0,8 х 0,5 м при высоте 0,3 м, вытянут с северо-востока на юго-запад. Его перекрытие не сохранилось. В заполнении и на дне ящика обнаружены кости годовалого младенца. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 1. Под земляной насыпью высотой 1,2 м и диаметром 20 м обнаружена прямоугольная каменная ограда размерами 17 х 14 м (рис. 1, *2*). Массивные столбообразные плиты высотой до 2 м были установлены по углам ограды и кроме того по одной плите — на коротких сторонах ограды и по две — на длинных. С наружной стороны столбообразные плиты, так же как и плиты ограды, укреплены контрфорсами. Все конструкция устроена так, что ее наиболее высокие точки направлены на северо-восток и все сооружение как бы обращено к восходу солнца. Высота

ограды не превышала 20 см. В ней устроены три основные могилы, расположенные в ряд по продольной оси ограды. Они перекрыты массивными плитами весом до 3 т, каждая из которых имеет толщину до 30 см. В восточной части кургана обнаружена одна детская могила.

Могила 1, северная. Могильная яма имела размеры 2,5 х 1,5 м и глубину 1,4 м и была перекрыта огромной плитой весом около 4 т, которая опиралась на небольшие уложенные в 2–3 слоя по бортам ямы плитки, размещенные поверх галечного выкида из могилы. В яме был размещен сруб, от которого сохранился нижний венец. В заполнении сруба и на его дне найдены в беспорядке останки двух погребенных: мужчины 40–60 л. и женщины 25–40 л. (череп). На черепе мужчины видны следы сильной травмы. Здесь же обнаружены кости лошади и овцы. В заполнении сруба выявлены бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 4, *1*) и обломок диадемы.

Могила 2, центральная. Могильная яма имела размеры 2,5 х 1,3 м и глубину 1,4 м. От ее нарушенного перекрытия сохранились остатки бревенчатого наката, поверх которого лежали две массивные плиты толщиной в 15 см, покрытые слоем менее крупных плиток. Борта ямы, как и в могиле 1, выложены небольшими плитками в два–три слоя. При зачистке верхнего слоя плит перекрытия найдены три бронзовые трубочки-пронизи (рис. 4, *4, 5*) и обломок литого предмета (серьга?; рис. 4, *6*). В яму был поставлен сруб, от которого сохранились части нижних бревен. В могиле погребено двое людей. In situ сохранились кости голени скелета женщины (?) 25–40 л. Судя по их положению, погребенная лежала головой на северо-восток. Справа, в ее ногах находились кости овцы. В заполнении могилы встречены разрозненные останки женщины старше 40 л. Здесь же обнаружены кости лошади и овцы и костяной стержень (рис. 4, *9*). В придонной части склепа, у его юго-восточной стенки найден бронзовый нож (рис. 3, *14*).

Могила 3, южная. Могильная яма имела размеры 2,4 х 1,4 м и глубину 1,4 м. Две массивные плиты перекрытия, толщиной по 20 см, опирались на небольшие плитки, лежавшие в два слоя по бортам могилы. В одной из этих плит грабители пробили отверстие. Сверху упомянутые плиты покрыты слоем менее крупных плиток. В яму был поставлен сруб, от которого сохранились остатки нижних бревен. В его заполнении в полном беспорядке найдены кости двух погребенных: мужчины 40–60 л. и ребенка 2 л. Среди человеческих останков встречены кости овцы и лошади. Здесь же обнаружены бронзовые полусферическая бляшка и фрагменты диадемы (рис. 4, *2*).

Могила 4. В восточной части кургана выявлена могильная яма размерами 0,7 х 0,55 м и глубиной 0,7 м. Она перекрыта небольшими плитками. На дне и в заполнении найдены кости младенца 1,5 л., который был уложен головой на юго-запад. In situ сохранился череп погребенного. В восточном углу могилы стоял глиняный сосуд (рис. 5, *11*). Слева от скелета обнаружены кости овцы.

Во всех пяти раскопанных курганах прослеживается ряд общих конструктивных черт и строительных приемов, применявшихся при их сооружении. Высота каменных оград колеблется от 10 до 30 см. Плиты оград устанавливали в канавках глубиной около 20 см, которые затем заполнялись галечником — выкидом из могил. Для большей устойчивости в трех курганах (кург. 1, 2, 5) стены оград с наружной стороны укреплены перпендикулярно поставленными небольшими плитами-контрфорсами. В кургане 3 северо-западная стена ограды была сооружена из длинных каменных блоков, установленных на древней дневной поверхности.

В устройстве наземных сооружений курганов 2 и 5 отчетливо прослеживаются традиции, сложившиеся на ранних этапах тагарской культуры. Подобные курганы с четырьмя массивными угловыми и простеночными столбообразными плитами, с низкими оградами, выкладками из плитняка над могилами, невысокими земляными насыпями были широко распространены на подгорновском этапе этой культуры. Отличаются лишь увеличенные размеры оград описанных курганов по сравнению с подгорновскими. Курганы с 8-ю и 10-ю массивными угловыми и простеночными столбообразными плитами, сходные по конструкции с кург. 1, 3, 4, становятся характерными для последующего сарагашенского времени (Грязнов 1968: 189–191).

В пяти курганах могильника Улуг-Кюзюр I находилось 12 основных и 7 дополнительных могил. Все основные могилы устроены одинаково. В могильные ямы прямоугольной формы раз-

мерами от 1,5 х 0,9 м до 2,7 х 1,7 м были поставлены бревенчатые срубы. В двух курганах зафиксированы срубы в четыре (кург. 4, могила 2) и семь венцов (кург. 3, могила 1), в остальных случаях сохранилось по одному нижнему венцу. В двух могилах дно выстлано тонкими бревнами (кург. 3, могила 1; кург. 4, могила 2), в одной — досками (кург. 5, могила 2). Следует отметить, что в курганах 2 и 5 пространство между стенкой могильной ямы и срубом было заполнено в верхней части мелкими плитами. В трех остальных курганах это не зафиксировано. Могилы перекрывали массивными плитами, поверх которых были положены в один-три слоя менее крупные плиты. В одном случае плиты перекрытия лежали поверх бревенчатого наката, сооруженного над могильной ямой (кург. 1, могила 2). Такого типа могилы с каменным покрытием начали появляться на ранних этапах тагарской культуры и существовали на протяжении нескольких столетий (Там же).

Всего в 19 могилах было захоронено 37 человек (11 мужчин, 11 женщин, юноша, 3 ребенка 8–9 л., 2 ребенка 2 л. и 9 младенцев до 2 л.).

В трех могилах курганов 2 и 5 зафиксированы индивидуальные захоронения: в двух погребено по мужчине, в одной захоронена женщина, еще в одной могиле обнаружено погребение двух мужчин. Детских захоронений в этих курганах нет. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток (кург. 5) и на юго-запад (кург. 2). Каждому из них в головах или ногах было поставлено по одному–двум глиняным сосудам. В ногах усопших лежали остатки мясной пищи: кости коровы и овцы. У мужчин на поясе находились бронзовые кинжал и нож (курган 2; кург. 5, могила 1). У левой руки погребенного (кург. 5, могила 2) лежал бронзовый топор. Только в мужских могилах найдены костяные наконечники стрел (кург. 5, могилы 1 и 2). Головной убор одного из мужчин был украшен бронзовыми полусферическими бляшками (кург. 5, могила 2). В мужских погребениях обнаружены также такие предметы туалета как бронзовые зеркала (кург. 5, могилы 1 и 2).

Все предметы вооружения найдены в мужских захоронениях курганов с четырьмя массивными угловыми и простеночными столбообразными плитами. Такое выделение воинов с большим количеством оружия в могилах является характерной особенностью ранних тагарских погребений (Липский 1966). Следует отметить находку бронзового кинжала с гардами в виде узких рельефных усиков и полой рукоятью, с вложенным внутрь нее шилом с кольцевым навершием (рис. 3, *1*; кург. 5, могила 1). Кинжалы такого же типа обнаружены в могильнике у Тагарского озера (кург. 32, могила 1; кург. 33, могила 1, раскопки А. В. Адрианова, 1894 г.; ГИМ, коллекция № 34578). Второй из кинжалов, найденный в том же кургане, но в могиле 2, тоже имеет гарды в виде усиков с той лишь разницей, что они еще рельефно не выделены (рис. 3, *2*). Аналогичный кинжал обнаружен в кургане 2 (рис. 3, *3*). Оба типа кинжалов появляются и продолжают бытовать на сарагашенском этапе тагарской культуры (Грязнов 1968: 191–192, рис. 36, 37). Бронзовый боевой топорик с остатками деревянной рукояти точных аналогий не имеет (рис. 3, *4*). Близкий к нему по форме топор был обнаружен в одной из могил при раскопках могильника Кичик-Кюзюр I (Завитухина, Морозов 2003: 107, рис. 6, *11*). Костяные наконечники стрел с черешком и двумя жальцами (рис. 3, *5, 8, 16*), найденные в могилах 1 и 2 кургана 5, встречаются как на подгорновском, так и на сарагашенском этапах (Теплоухов 1929: табл I, рис. 76; Завитухина, Морозов 2003: 107, рис. 6, *29*; Пшеницына 2006: 53, рис. 1, *11*). Бронзовые пластинчатые ножи с дугообразно изогнутым обушком и с одним или двумя круглыми отверстиями в верхней части рукояти (рис. 3, *11– 13*; кург. 2 и 5) были широко распространены на подгорновском этапе (Завитухина, Морозов 2003: 107, рис. 6, *4*) и продолжали свое существование в последующий период (Пшеницына 2006: 53, рис. 1, *18*). Массивные бронзовые зеркала дисковидной формы с петелькой на обороте (рис. 4, *17, 18*; кург. 5) характерны для памятников ранней тагарской эпохи (Завитухина, Морозов 2003: 108, рис. 7, *1, 8*).

Глиняная посуда представлена четырьмя баночными сосудами темно-коричневого цвета (рис. 5, *2, 5, 9, 12*) и тремя мисками, изготовленными из днищ старых горшков (рис. 5, *1, 3 ,4*). Один из сосудов имеет утолщенный, косо срезанный наружу венчик, для остальных характерен прямой обрез венчика. У двух сосудов под венчиками располагались ряды горизонтальных желоб-

ков, в одном случае их было два (рис. 5, *12*), в другом — пять (рис. 5, *5*). Один крупный сосуд украшен под венчиком полосой из «жемчужин» (рис. 5, *2*). Все они по своей форме и орнаментации, так же как и миски, находят аналогии в памятниках подгорновского этапа (Завитухина, Морозов 2003: 109, рис. 8, *11–18*; 110, рис. 9, *6, 13, 15, 18*). Несколько отличен от них плоскодонный сосуд с рядом выдавленных изнутри бугорков под венчиком и резным «арочным» орнаментом по тулову (рис. 5, *9*). Близкий к нему по форме и орнаментации сосуд, найден в тагарском могильнике Ай-Дай II (кург. 4, могила 2; Пшеницына 2006: 53, рис. 1, *23*).

В курганах 1, 3, 4 в каждой основной могиле было захоронено от двух до пяти человек (взрослые, подростки и дети). Положение и ориентировку погребенных, а также размещение инвентаря в могилах установить достаточно сложно, так как захоронения ограблены. В трех случаях удалось определить, что умершие были уложены на спину, головой на северо-восток (кург. 1, могила 2; кург. 3, могила 1; кург. 4, могила 2). Младенцы до 2 л. погребены в каменных ящиках, расположенных по углам оград, как правило, без инвентаря (кург. 1, могила 4; кург. 3, могилы 4–8; кург. 4, могила 3). Дети от 2 до 8 л. похоронены вместе со взрослыми в основных могилах (кург. 1, могила 3; кург. 3, могила 3; кург. 4, могила 2). Два ребенка 9 л. похоронены в основной могиле (кург. 3, могила 2). Начиная с 9–10 л. дети в каком-то отношении приравнивались к взрослым и их хоронили в основных могилах (Грязнов, Пшеницына 1966: 67–68).

В могилах курганов 1, 3, 4 несмотря на то, что они ограблены обнаружен достаточно выразительный материал. Глиняная посуда (13 целых и фрагментированных сосудов) обычна для сарагашенского этапа. Представлены плоскодонные баночные формы (рис. 5, *10, 15, 16, 20*) и миски, изготовленные из днищ старых горшков (рис. 5, *6, 7, 13, 14, 17*; Там же: 64, рис. 19, *4–7, 10, 12*). Характерно, что край венчика сосудов не имеет утолщения, а лишь слегка закруглен (рис. 5, *10, 15, 16*) или прямо обрезан (рис. 5, *20*). Исключение составляют два горшка с уплощенным дном, шаровидным туловом, суженным горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *8, 19*). Подобные им сосуды были обнаружены в Большом Табатском кургане и в могильнике Медведка II на юге Хакасии (Пшеницына, Поляков 1989: 60, рис, 1, *2, 4*; Боковенко, Седых, Красниенко 1983: 79–80, рис. 3, *8*). Все горшки темно-коричневого или черного цвета и неорнаментированы, за исключением двух экземпляров: один баночный сосуд украшен косыми насечками под венчиком (рис. 5, *11*), другой — тремя рядами горизонтальных желобков у края утолщенного венчика (рис. 5, *18*), подобно сосудам подгорновского этапа, что не свойственно керамике сарагашенской эпохи.

Из орудий труда следует отметить находку бронзового ножа с геометрическим орнаментом на рукояти, заканчивающейся скульптурной фигуркой кабана (рис. 3, *10*). В могиле 1 кург. 3, на озере Сарагаш также был найден нож с фигуркой зверя на рукоятке (Грязнов, Пшеницына 1966: 65, 67, рис. 20, *21*). Подобный нож обнаружен и в кург. 2 могильника Ай-Дай II (Пшеницына 2006, с 53, рис. 1, *15*). Все эти курганы датируются сарагашенским этапом тагарской культуры. В кург. 1 могильника Улуг-Кюзюр I найден нож с каплевидным отверстием в рукояти (рис. 3, *14*), еще один — с сужающейся кверху рукоятью, встречен в кург. 3 (рис. 3, *9*). Эти ножи старого типа широко распространены на подгорновском этапе (Завитухина, Морозов 2003: 107, рис. 6, *5–7*; Грязнов, Пшеницына 1966: 65, 66, рис. 20, *23*). Найденные в кург. 1 и 3 бронзовое шило с двухъярусной головкой (рис. 4, *11*) и коромыслообразный предмет неизвестного назначения, концы которого оформлены схематическими головками животных (рис. 4, *1*), появляются только в сарагашенское время (Грязнов 1968: 191, 192, рис. 45, 46; Пшеницына, Поляков 1989: 61, рис. 2, *5,6*). В кург. 3 обнаружены костяные черешковые наконечники стрел (четырехгранный с четырьмя жальцами — рис. 3, *15* и два плоских — рис. 3, *6, 7*). Эти формы наконечников стрел характерны для сарагашенского этапа тагарской культуры (Грязнов, Пшеницына 1966: 66).

Размеры и конструкции оград курганов 3 и 4, устройство их погребальных камер, количество погребенных в них людей и характер сопровождающего их инвентаря, а именно: формы сосудов, наличие бронзовых ножа со скульптурной фигуркой кабана на конце рукояти и шила с двухъярусной головкой являются типичными для памятников сарагашенского этапа (IV–III вв. до н. э.;

Там же: 62–69). Курган 1 несколько отличен от двух вышеупомянутых. Он интересен тем, что, являясь типичным курганом сарагашенского этапа (конструкция ограды и устройство могил), он не содержал коллективных захоронений, которые являлись отличительной чертой этого периода (Грязнов 1968: 190, 191). Мы знаем для этого времени и другие курганы с индивидуальными захоронениями: Салбыкский курган, возведенный над могилой представителя высшей племенной знати (Киселев 1956: 56–58), кург. 3 на озере Сарагаш (Грязнов, Пшеницына 1966: 67–68), три кургана в могильнике Ай-Дай III (Пшеницына 1995: 45–47). Раскопки могильника Ай-Дай III, так же как и кург. 3 на оз. Сарагаш, дали новую информацию о социальном составе тагарского общества в IV–III вв. до н. э. Как и у кочевников Алтая, в среде тагарских племен в это время наблюдается процесс выделения родовой и племенной знати. Несомненно, что и в раскопанном нами кург. 1 могильника Улуг-Кюзюр I были погребены лица более знатные и более богатые, чем те, кого хоронили в родовых коллективных склепах.

Два других кургана рассматриваемого могильника (кург. 2 и 5) по размерам и устройству их оград и погребальных камер, количеству погребенных в каждой из могил и их северо-восточной ориентировке, по формам и орнаментации глиняных сосудов, типу бронзовых и костяных изделий относятся к переходному подгорновско-сарагашенскому типу памятников тагарской культуры, погребальные комплексы которых после анализа аналогичных курганов в могильнике Кичик-Кюзюр I были выделены М. П. Завитухиной в самостоятельный хронологический этап, названный биджинским (Завитухина 1968: 14; Пшеницына 1997: 34–37). Таким образом, кург. 2 и 5 можно с одинаковым успехом считать и биджинскими (послеподгорновскими), и сарагашенскими, предварительно датируя их V–IV вв. до н. э. Это наглядный пример того, что определить конкретный этап для памятников тагарской культуры иногда нелегко (Пшеницына 2006: 52–54).

Дальнейшие исследования новых памятников сарагашенского этапа тагарской культуры позволят полнее изучить социальную структуру сарагашенского общества, а также выявить характер и причины изменений, нашедших отражение в погребениях этого времени.

Боковенко, Седых, Красниенко 1983 — *Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В.* Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийский степей. Л., 1983. С. 75–81.

Грязнов 1968 — *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 187–196.

Грязнов, Комарова 1966 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки могильников в Западной Сибири // АО 1965 года. 1966. С. 12–15.

Грязнов, Комарова 1967 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Карасукский могильник Кюргеннер // АО 1966 года. 1967. С. 137–138.

Грязнов, Пшеницына 1966 — *Грязнов М. П., Пшеницына М. Н.* Курганы IV–III вв до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 62–69.

Завитухина 1968 — *Завитухина М. П.* Раскопки тагарских курганов на Енисее // ТД научной сессии, посвященной итогам работ Государственного Эрмитажа за 1967 год. Л., 1968. С. 14–17.

Завитухина, Морозов 2003 — Завитухина М. П., Морозов С. В. Тагарский могильник Кичик-Кюзюр I в Хакасии (раскопки 1965–1967 гг.) // АСГЭ. 2003. № 36. С. 100–116.

Киселев 1956 — *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954–1955 гг. // ТД на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.

Липский 1966 — *Липский А. Н.* Погребения тагарских воинов на р. Биджа // СА. 1966. № 2. С. 312–317.

Пшеницына 1995 — *Пшеницына М. Н.* Некоторые итоги изучения памятников тагарской и таштыкской эпох у Саяногорска на юге Хакасии // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995. С. 45–48.

Пшеницына 1997 — *Пшеницына М. Н.* Новые памятники раннетагарской эпохи на юге Хакасии // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997. С. 33–37.

Пшеницына 2006 — *Пшеницына М. Н.* Особенности погребального обряда памятников тагарской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 52–54.

Пшеницына, Поляков 1989 — *Пшеницына М. Н., Поляков А. С.* Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 58–66.

Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.

Т. В. Рябкова (Санкт-Петербург, Россия)

Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса)

В 1948 г. Памиро-Алайская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А. Н. Бернштама занималась изучением могильных сооружений кочевого населения Восточного Памира в каньоне р. Памир. Работы проводились на территории Горно-Бадахшанской автономной обл. Таджикской ССР и Ошской обл. Киргизской ССР. Всего было вскрыто 28 погребальных и культовых сооружений. Материалы экспедиции были переданы в 1949 г. на хранение в ОИПК (ныне ОАВЕиС) Государственного Эрмитажа (коллекция № 1712). Уже в 1952 г. А. Н. Бернштатм полностью опубликовал материалы экспедиции, предварительно подвергнув их всестороннему научному анализу (Бернштам 1952). Этим в значительной мере и объясняется их дальнейшее активное использование в научных разработках по раннекочевнической проблематике (Членова 1961: 141; Кадырбаев 1966: 387, Медведская 1972: 89; Вишневская 1973: 92, 116; Горбунова 2001: 192 и др.).

И все же, несмотря на то, что курган 10 могильника Памирская I (Тамды) является хрестоматийным памятником, он, тем не менее, так и не был полностью осмыслен. Причиной этого можно считать разнообразие и уникальность материалов данного комплекса.

Так, уже А. Н. Бернштам, датировавший рассматриваемый кургана V–IV вв. до н. э., обратил внимание на разнообразие материала, из которого изготовлены стрелы, а также на вариабельность типов и технологических приемов, что позволило бы датировать стрелы в диапазоне VI–III вв. до н. э. (Бернштам 1952: 310). Отмечая наличие трудностей в подборе прямых аналогий ряду вещей, А. Н. Бернштам склонен был объяснять это периферийностью культуры древних памирцев, способствовавшей консервации архаичных форм материальной культуры, а так же в значительной степени неизученностью ряда вопросов восточной археологии (Бернштам 1952: 325).

На протяжении более 50 лет, прошедших с момента исследования кургана 10 могильника Памирская I, ситуация в значительной степени изменилась. Стали известны новые памятники, появились разработки по различным проблемам предскифского и раннескифского периодов Центральной Азии и Причерноморья, однако все эти достижения пока не повлияли на пересмотр культурно-хронологической позиции рассматриваемого кургана. В связи с этим представляется важным обратить внимание на некоторые аспекты этого уникального комплекса, что, вероятно, позволит хотя бы в первом приближении наметить круг его культурных связей и приблизится к определению его хронологической позиции.

В настоящее время работа с материалами кургана 10 несколько осложнена тем, что при передаче коллекции № 1712 в ГЭ некоторые вещи этого комплекса были ошибочно причислены к находкам из других курганов, и лишь благодаря публикации А. Н. Бернштама их удается вычленить из числа других предметов указанной коллекции. Великолепная сохранность изделий из органических материалов (деревянные наконечники стрел, гарпуны, древки гарпунов и наконечников стрел, кожа, мех, приспособление для высекания огня) делают доступными для изучения те аспекты материальной культуры и жизни древних кочевников, которые обычно не были освещены с помощью археологических методов.

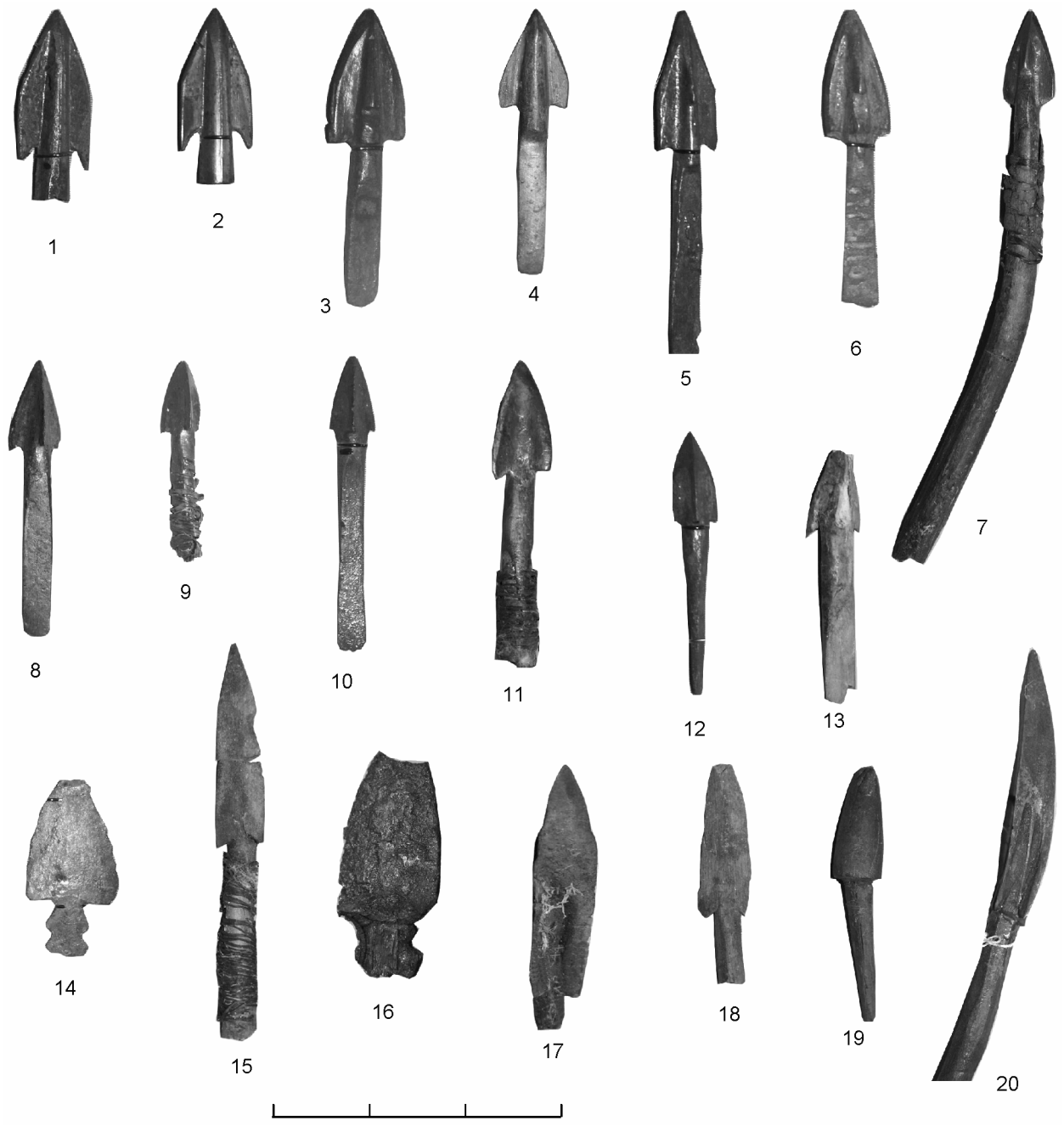

Рис. 1. Могильник Памирская I, курган 10, наконечники стрел
(ГЭ, колл. № 1712, инв. № 45, 46, 48, 51, 54, 108, 55, 52, 58, 59, 60, 109, 43,111, 41, 42, 265, 264, 44, 112):
1–12, 14 — бронза; 13 — кость; 15 — железо; 16–20 — дерево

Особое внимание большинства исследователей привлекал набор наконечников стрел, поскольку их типы являются, как правило, основой для хронологических построений. Колчанный набор кургана 10 анализировался, как правило, с точки зрения совстречаемости черешковых бронзовых наконечников стрел, однако детальный разбор этого колчана, по-видимому, еще предстоит сделать. Именно наличие в этом наборе двухлопастных и трехлопастных черешковых наконечников позволило И. Н. Медведской удревнить дату кургана до VIII–VII вв. до н. э (Медведская 1972: 89). Бронзовые двухлопастные черешковые наконечники считаются ныне одной из наиболее ранних форм этого вида вооружения, поскольку происходят из могильников андроновского времени

Центрального и Восточного Казахстана (Акишев, Кушаев 1963: 116). Верхняя дата их бытования падает на VIII в. до н. э., когда на смену им приходят крупные трехлопастные наконечники со сплющенными черенками (Там же: 118). Последние и становятся определяющей формой среднеазиатских и казахстанских колчанов доскифского времени (Итина, Яблонский 1997: 49). В колчане из кургана 10 представлены и двухлопастные (рис. 1, *3–7*) и трехлопастные (рис. 1, *8–12*) бронзовые наконечники с длинными косо срезанными черенками, что указывает на относительную древность данного набора. Костяной наконечник (рис. 1, *13*) также относится к типу трехлопастных. Однако среди деревянных черешковых наконечников, наряду с трехлопастными (рис. 1, *16*, *20*), представлены трехгранные (рис. 1, *18*), ромбические (рис. 1, *17*) и круглые в сечении (рис. 1, *19*). Трехгранная форма боевой части наконечника стрелы считается более поздним признаком, так как распространение подобной формы начинается лишь в VII–VI вв. до н. э. Уточнить дату бытования подобного набора, вероятно, могут двухлопастные втульчатые наконечники стрел с килевидной формой пера (рис. 1, *1–2*), аналогичные которым происходят из погр. 5 кургана Высокая Могила в Левобережном Приднепровье, относящимся к позднечерногоровскому периоду. Несмотря на дискуссионность абсолютных дат этого погребения, согласно данным радиоуглеродной хронологии, погр. 5, равно как и погр. 2, датируются временем не позднее рубежа IX–VIII вв. до н. э (Алексеев и др. 2005: 126).

Полных аналогий плоскому черешковому наконечнику с подтреугольной головкой, вырезанному из бронзового листа (рис. 1, *14*), подобрать не удалось, однако по форме он сходен с кавказскими площиками из погр. 1 могильника Лермонтовская скала близ Пятигорска (Березин, Дударев 1998, рис. 7, *5*), а также из погр. 8 могильника Широкая балка вблизи Кисловодска (Козенкова 1995: табл. I, *30*), датированных предскифским временем (около VIII в. до н. э.; там же: 9; Березин, Дударев 1998: 176). Экземпляр из Памирской отличается своеобразной формой черешка и прямо срезанными лопастями, что напоминает наконечники стрел подтреугольной формы с прямыми или чуть выпуклыми, как и в нашем случае, лопастями, переходящими под прямым углом к черешку и площики из Ирана, относящиеся к периоду ЖВ I–II (1300/1250–1000, 1000–800 гг. до н. э.; Медведская 1980: 27, рис. 1, *IIб*). Наличие в колчане крупного железного кованого плоского наконечника листовидной формы с обломанным черешком, вероятно, не может влиять на омоложение даты всего набора. Дело в том, что бронзовые наконечники стрел сходных форм, распространенные на Переднем Востоке, уже в начале I тыс. до н. э. стали заменяться железными, что особенно наглядно в Иране (Там же: 28).

Таким образом, даже предварительный анализ колчанного набора из кургана 10 могильника Памирская I указывает на то, что его верхней хронологической границей можно считать рубеж VIII–VII вв. до н. э., а нижняя хронологическая граница может опуститься в VIII в. до н. э. Кроме того, наличие аналогий наконечникам стрел на столь разнесенных в пространстве территориях как Восточный Казахстан, Иран, Приднепровье и Предкавказье указывает на существование обширных культурных связей населения, создавшего этот памятник.

Существование столь обширных культурных связей выглядело бы странным, если сходная ситуация не была бы отмечена еще для одного древнейшего памятника раннескифского времени — для кургана Аржан 1. Современная дата этого комплекса — конец IX в. до н. э. (Алексеев и др. 2005: 68), и значительная часть вещей имеет аналогии в черногоровских памятниках Северного Причерноморья (Грязнов 1980: 58).

Дополнительным аргументом в пользу древности комплекса кургана 10 является наличие бронзовых распределителей узды и кнопки, декорированных изображениями круга с отверстием в центре, вписанного в ромб со слегка вогнутыми сторонами. Типологический анализ представительной серии подобных изображений позволил выделить несколько групп (Рябкова 2010: 311, рис. 1). Изображения, подобные памирским, вошли в группу, территориально связанную с востоком евразийских степей, имеющую самостоятельную линию развития, генетически наиболее тесно связанную с изображениями на окуневских стелах (Рябкова 2008: 326). Наличие подобных изо-

бражений на фибулах из Михалковского клада, дата которого на основании датирования фибул и отдельных орнаментов определяется началом VIII в. до н. э. (Metzner-Nebelsick 2003: 59) позволяет предполагать не только раннее распространение изображений подобной схемы с востока на запад, но и подтверждает предположение о существовании в то время широких культурных контактов.

Определение хронологической позиции комплекса кургана 10 могильника Памирская I, кроме всего вышесказанного, потребует в дальнейшем детального и тщательного анализа таких вещевых категорий, как конская упряжь, железное и биметаллическое оружие, предметы, декорированные изображениями в скифо-сибирском зверином стиле. Тем не менее, сейчас уже очевидно, что сочетание в комплексе предскифских вещей, имеющих аналогии на отдаленных территориях и предметов, декорированных в традициях развитого скифо-сибирского звериного стиля, ставит этот уникальный курган в ряд памятников, отнесенных М. П. Грязновым к начальной, аржано-черногоровской фазе развития скифо-сибирских культур (Грязнов 1980: 61).

Акишев, Кушаев 1963 — *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Алексеев и др. 2005 — *Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А.., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А. А.., Скотт Е. М., Чугунов К. В.* Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Березин, Дударев 1998 — *Березин Я. Б., Дударев С. Л.* Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 167–209.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

Вишневская 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырьдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Горбунова 2001 — *Горбунова Н. Г.* Конская упряжь ранних саков Центральной Азии // Древние цивилизации Евразии. История и Культура. М., 2001. С. 179–200.

Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Итина, Яблонский 1997 — *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.

Кадырбаев 1966 — *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Козенкова 1995 — *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. М., 1995 (САИ. В2-5).

Медведская 1972 — *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76–89.

Медведская 1980 — *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II–первой половины I тыс. до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 23–37.

Рябкова 2008 — *Рябкова Т. В.* К вопросу о ромбовидных знаках на предметах предскифского и раннескифского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Владикавказ. 2008. С. 324–327.

Рябкова 2010 — *Рябкова Т. В.* Классификация предметов с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Магас, 2010.

Членова 1961 — *Членова Н. Л.* Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // УЗ ТНИИЯЛИ. 1961. Вып. 9. С. 133–155.

Metzner-Nebelsick 2003 — *Metzner-Nebelsick C.* Der Schatz von Michałków in Galizen // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 2003.

Вл. А. Семенов (Санкт-Петербург, Россия)

Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.)

В Уюкской котловине к югу-юго-востоку от поселка Аржан возвышается вытянутая в широтном направлении изолированная горная гряда Кош-Пей высотой около 1100 м над уровнем моря. Она имеет длинный пологий северный склон, от подошвы которого в направлении с юга на север-северо-восток расположены три цепочки земляных и каменно-земляных курганов (Кош-Пей I–III), насчитывающие 55 насыпей различной величины. В группе Кош-Пей I в 1989 и 2008–2009 гг. было раскопано три кургана, четвертый исследуется в настоящее время. В 1991 г. еще один курган был раскопан на могильнике Кош-Пей II. В результате раскопок удалось изучить особенности данных погребальных сооружений, не известных или не описанных в других частях Тувы, а также получить более трехсот предметов различной степени сохранности и серию дат ^{14}C, благодаря чему была создана надежная хронологическая привязка кош-пейских курганов к другим памятникам скифского времени Саяно-Алтайского нагорья и Казахстана. Кош-пейские курганы относятся к уюкской культуре Тувы и могут рассматриваться как погребения высшего социального слоя восточносакских племен, сменивших предшествующую им «элиту» алды-бельской культуры.

Могильник Кош-Пей I включает 19 курганов — два из них расположены на склоне горы, семь входят в цепочку, протянувшуюся в направлении с юга на север, восемь — земляных, сравнительно небольших насыпей образовали цепочку в направлении юго-запад–северо-восток, и еще два кургана — один диаметром около 50 м, а другой около 10 м, стояли особняком.

В 360 м к северо-западу от этих курганов начинался могильник Кош-Пей II, насчитывающий 18 насыпей, входящих в цепочку как бы разомкнутую посередине. Первое (юго-западное) звено этого могильника включает шесть курганов от 10 до 40 м в поперечнике и от 0,8 до 1,5 м высотой. Все они окружены ровиком шириной 1,5–2,0 м с перемычкой в западном секторе. Второе звено (северо-восточная часть цепочки) состоит из девяти курганов, также окруженных ровиками. Некоторые из земляных насыпей облицованы каменным панцирем. Три кургана в центре могильника находились на значительном расстоянии друг от друга. Один из этих курганов (№ 1) подвергся интенсивной распашке и был раскопан в 1991 г. Он лежит в 1500 м к востоку от северо-западного угла поселка Аржан.

Могильник Кош-Пей III состоит из 19 курганов. Здесь выделяется курган диаметром около 150 м и 3–4 м высотой. На его плоской вершине видны три западины (грабительские воронки?) 10–12 м в поперечнике и 1–1,5 м глубиной. Склоны этого кургана облицованы булыжником. Вокруг него сооружено каменное кольцо диаметром не менее 250 м. Оно, в свою очередь, состоит из более мелких колечек, Севернее этого кургана расположены две сравнительно небольшие насыпи (одна каменная), а к западу — 16 «стандартных» курганов от 15 до 35 м в диаметре и высотой от 1 до 2,5 м. Восемь курганов окружены ровиками. Один объект представляет собой блюдцеобразную западину, окруженную валиком выброса (подобно кургану № 2 на могильнике Кош-Пей I). Выделяются три сооружения, имеющие диаметр 35 м и высоту свыше 2 м, плоскую вершину и крутые склоны. Эти курганы окружены ровиками и облицованы камнем. Ровики, как и на могильнике Кош-Пей II, имеют перемычки в западном секторе. Наряду с курганами сложных конструкций встречаются и простые земляные насыпи.

Суммируя все сказанное, можно выделить следующие типы (или виды?) надмогильных сооружений: 1 — западина, окруженная валиком выброса; 2 — земляная насыпь; 3 — земляная насыпь, окруженная ровиком; 4 — земляная насыпь, склоны которой облицованы камнем (может быть окружена ровиком); 5 — сооружение с плоской вершиной, целиком покрытое каменным панцирем.

Рассмотрим раскопанные на могильнике Кош-Пей I три кургана — земляной, облицованный камнем и блюдцеобразный (западина-прогиб, окруженный валиком выброса). Целесообразно начать описание исследованных курганов с последнего из упомянутых объектов (курган № 2), так как здесь мы сталкиваемся с простейшим типом надмогильного сооружения — насыпью, которая образована лишь вынутым при рытье ямы грунтом без дополнительной подсыпки. Часть этого грунта попала в сруб при оседании внутримогильного сооружения, в результате чего образовался курган блюдцеобразной формы. Подобная ситуация складывается в силу того, что могильная яма с уступом была перекрыта накатом из бревен на глубине около 2 м от уровня древней дневной поверхности (деталь, выявленная только на двух уюкских курганах), Так как могила была устроена на глубине более чем 2,5 м, то на месте небольшого холмика образовался значительный прогиб. На верхнее перекрытие ямы, по-видимому, вел ступенчатый спуск, зафиксированный в южной части разреза по линии С–Ю. На перекрытии были выявлены углистые прослойки с костями животных, включая челюсть лошади (жертвоприношения или остатки поминальной тризны, сброшенные в яму?). Яма была перекрыта уложенным в направлении З–В горбылем, который под тяжестью грунта прогнулся до кровли сруба, что демонстрирует наличие незаполненного землей пространства между этими двумя перекрытиями.

Перекрытие сруба опиралось на западную и восточную стенки. Оно состояло из 14 досок, размещенных в четыре наката. Размеры сруба относительно площади ямы были невелики — всего 9 м^2 (3 х 3 м). Его стенки ориентированы по странам света. Нижние три венца рублены из бруса и наращены двумя венцами из горбыля. Пол находился параллельно перекрытию. Он сбит из горбыля и настилался на нижний венец сруба. Сохранность дерева была исключительно хорошей из-за грунтовых вод, затопивших погребение в очень древнее время. Но, вероятно, еще до того, как грунтовые воды стали поступать в яму, сруб был разграблен, и особенности погребального обряда восстанавливаются по фрагментированным остаткам скелетов и другим косвенным признакам. Судя по этим данным, погребенные были ориентированы головой на запад (у западной стенки сруба лежали два камня, рядом с которыми найден мешочек с зерном). От скелетов остались обломки черепа. Не потревоженными были длинные кости ног, судя по которым, погребенные лежали на левом боку. У южной стенки найдены берцовые кости ног со стопами, украшенными полосками золотой фольги, и лучевая кость с железной пряжкой, плакированной золотом. У восточной стенки бревном был отгорожен отсек, может быть, для детских захоронений.

Сохранившийся погребальный инвентарь включал более ста различных предметов (рис. 1). Даже их суммарная характеристика свидетельствует о принадлежности погребенных здесь лиц к высшему слою скифского общества (т. е. к воинскому сословию, нобилитету). В срубе обнаружено шесть бронзовых зеркал (медалевидных и с дужками по центру диска), бронзовые наконечники стрел двух типов — трехгранные черешковые и трехлопастные, бронзовый котелок, вток от рукояти чекана, фрагменты трех железных кинжалов, остатки двух железных чеканов и другие неопределимые изделия из железа, часть которых была плакирована золотом. Погребальные облачения украшались золотыми пантерами, оттиснутыми из фольги, орлами с распростертыми крыльями, золотыми пластинками, бисером и нашивными полусферическими бляшками. Помимо золотых украшений в срубе собраны сердоликовые, бирюзовые и пастовые бусы, мелкий голубой бисер, клыки кабанов.

Курган № 1, расположенный в центре развязки дорог Туран–Аржан–Хадын имел земляную насыпь 38 х 30 м в поперечнике и высоту более 2 м. Через курган было проведено пять разрезов в направлении север–юг, что позволило детально изучить весь процесс сооружения памятника. Первоначально, перед погребением была зачищена поверхность земли до материка: снят дерн и слой белой засоленной земли, залегающей под почвой на площади 1200 м^2. Затем на этой «сакральной территории» развели огонь, то есть, произвели обряд очищения, вероятно, соответствующий нормам погребальной обрядности. После этого была выкопана яма размером приблизительно 8 х 8 м и глубиной около 4 м. Гигантский выброс крупнозернистого песка был уложен вокруг ямы, обра-

зовав первичное «тело» кургана овальной формы (21 м с запада на восток и 26 м с севера на юг, при высоте до 1,2 м). С юго-западного угла в яму вел ход или дромос, по которому вначале могли выносить грунт, а затем использовали при строительстве сруба и в процессе собственно погребения. Вероятно, обломки гладкостенной керамики, обнаруженные на краю могильной ямы, и кости животных в северной поле кургана являются следами ритуальных действий (трапеза, поминки?). Бревно, лежащее на поверхности у края ямы, и кол в ее центре могут быть остатками коновязей или других конструкций, временно выстроенных у могилы до сооружения кургана. Процесс его возведения имел следующую последовательность — белый грунт, снятый предварительно при очистке погребальной площадки, уложили как платформу вокруг валика выброса и частично поверх него, при этом сюда же, т. е. на выброс попала и прокаленная земля. Затем сверху курган досыпали грунтом, доставленным со стороны, который, оползая, перекрыл белую платформу. Позднее насыпь закрыл слой дерна естественного происхождения.

Могильная яма была перекрыта накатом из бревен, уложенных в направлении В–З. Яма имела округлые углы, ее размеры оказались немногим более 6 м по линии З–В и 5,7 м по линии С–Ю. С юга яма имела широкий уступ, а с востока — трехступенчатый спуск, наподобие того, что был прослежен в кургане № 2. И уступ, и спуск были, вероятно, вспомогательными элементами, возникавшими в процессе рытья ямы, сооружения сруба и его перекрытия. Сруб высотой в два венца был значительно меньше ямы, его площадь достигала 14,7 м^2 (длина с юга на север составляла 4,1 м, с запада на восток — 3,6 м), Ориентированный сторонами по странам света он был перекрыт тремя накатами горбылей, переложенных берестой. Доски перекрытия уложены по линии запад–восток, параллельно половицам, располагавшимся на материковой глине, над которой проходил водоносный слой. Сруб оказался затоплен грунтовыми водами и поэтому дерево хорошо сохранилось.

Кости скелетов раскиданы по всей площади сруба. Можно только догадываться, что погребенные были ориентированы головами на запад, так как именно у западной стенки склепа найдено несколько бронзовых зеркал, которые обычно помещали за головами погребенных. У восточной стенки сруба найдены два непотревоженных детских погребения. Костяки детей лежали на левом боку, головой на юг.

Вследствие проникновения воды в сруб в нем сохранились в основном изделия из золотой фольги, что свидетельствует о высоком положении захороненных здесь лиц. Украшения представлены главным образом птицами и птице-грифонами (16 экз.), кошачьими хищниками (6 целых и 2 фрагмента), накладкой в виде лошади с крылом, найденной у западной стенки сруба. Особого внимания заслуживают железные, плакированные золотом поясные пряжки, одна из которых выполнена в виде скребущего хищника, а две другие — спиралевидные, с «запятыми» в центре. Найдены и другие украшения: мелкий золотой бисер; голубые бусины (6 шт.); золотое навершие головного убора в виде козла, стоящего на конусовидной подставке; золотая серьга с витой из золотых нитей цепочкой с сердоликом. Специфическими предметами являются два оселка, один из которых в верхней части покрыт золотой фольгой. Здесь также обнаружены бронзовый наконечник, остатки золотой основы гребня, пронизки, остатки железных предметов, бронзовые черешковые трехперые наконечники стрел. Другое оружие в этом комплексе не сохранилось.

Курган № 3 с насыпью круглой формы и плоской вершиной имел диаметр 54 м при высоте около 3 м. Примерно до середины своей высоты курган был облицован рваным камнем, глыбы которого достигают иногда значительных размеров. Вероятно, это было сделано в целях предохранения насыпи от расползания, так как она была частично сложена из мелкого озерного грунта, который впоследствии затвердел. Поверх каменной облицовки курган был надсыпан светло-коричневой супесью, которая частично сползла вниз. Ров, который характерен для такого типа курганов в Центральной Азии, на этом объекте не зафиксирован.

Насыпь возведена на платформе, для сооружения которой использовали грунт, снятый с окружающей степной поверхности, и суглинок, добытый на берегу озера или на его дне. Грунт имеет

светло-коричневую окраску и состоит из смеси пылеватых лессовых наносов и крупнозернистых включений песка, дресвы и щебня. Тело платформы со временем затвердело. Она вплотную подходит к валику выброса из могильной ямы, но не перекрывает его. Выброс включает светлый угловатый щебень и крупнозернистый песок. Насыпь кургана состоит из перемешанного грунта с включениями глины, пылеватой темной (иногда черной) супеси, темного суглинка и степного светло-коричневого грунта, из которого сложена платформа кургана. Темная (черная) супесь, темный суглинок и глинистые включения происходят, вероятно, также из озерных отложений. По краю платформы под каменной облицовкой по всему периметру кургана прослежен довольно мощный слой золы и углей толщиной 15–25 см.

Под курганом к юго-западу от центрального погребения на платформе было обнаружено детское захоронение в колоде, обложенной каменными плитами. Колода размером 1,7 х 0,6 м была выдолблена из ствола лиственницы и имела деревянную крышку. Ее ориентация по линии ЮВ–СЗ обычна для скифских захоронений Тувы. Погребенный в колоде ребенок ориентирован головой на СЗ. К сожалению, именно через северо-западную часть колоды прошел лаз землеройного животного, вследствие чего верхняя часть костяка оказалась разрушенной. Тем не менее, сохранились золотые украшения умершего — две серьги с цепочками и трехлопастными стреловидными подвесками на них и тонкая пектораль. Детские золотые пекторали встречались и ранее, но серьги необычны. Полностью сохранилась только одна из них. Она снабжена кольцом диаметром 0,8 см, которое изготовлено из тонкой проволоки в полтора оборота. К кольцу подвешена витая цепочка из тонкой проволоки. Она эластичная, каждое звено имеет четыре грани, просматриваются стыки на креплениях некоторых звеньев. Трехлопастные подвески имели размеры 0,8 х 0,5 см. Детское погребение было совершено еще до сооружения кургана.

Могильная яма имела овальный контур размеры 6,6 х 6,95 м. Ее заполнение отличалось от валика выброса, поскольку яма была вырыта в отложениях крупнозернистого песка и мелкощебеночной породы, а заполнили ее озерным илом. Преднамеренность этого действия очевидна, его причины лежат по всей вероятности в области идеологических представлений. По периметру яма была оконтурена четырьмя массивными бревнами лиственниц. Они предохраняли стенки ямы от осыпания и, видимо, использовались для подъема нарытого грунты на поверхность в емкостях типа мешков с помощью веревок или плетенных из кожи арканов. В разрезе яма имела форму усеченной пирамиды. В верхней части она имела площадь, превышающую 45 м^2, а в нижней — всего 18 м^2. Стены ямы были облицованы деревянными плахами, покрытыми слоями бересты. Ширина плах достигала 30 см, толщина — около 10 см. Плахи не были скреплены между собой и упирались в земляные стенки ямы. На западной и восточной стенках прослеживается по 7 таких плах, сплошь покрытых вываренной берестой, которая используется для покрытия чумов у тофоларов и других аборигенов Саяно-Алтайскоьтго нагорья и по сей день. Бересту могли также использовать для гидроизоляции.

В верхней части ямы и над ней была выявлена решетчатая конструкция, также с частично сохранившимся берестяным покрытием. Вероятно, это было куполообразное сооружение наподобие юрты, покрытое затем курганной насыпью. В «юрту» через юго-восточный угол ямы вел дромос протяженностью 4,7 м. На дне дромоса, заполненного супесью и древесной трухой, были найдены пяточная кость и фаланга стопы человека. В погребальном обряде такой дромос имел чисто символическое значение. Затем этим дромосом воспользовались грабители, пробившие через него свой лаз вглубь кургана, вплоть до сруба, сооруженного на глубине 520 см от края ямы. Склеп, имевший прямоугольную форму, был сложен из горбыля — восточная и южная стенки в два венца, северная и западная — в три венца. Пол и перекрытие насчитывали по 20 плах и были настланы параллельно друг к другу.

На полу у южной стенки обнаружены перемещенные и деформированные останки человека. После ограбления сруба сохранились лишь длинные кости и фрагмент черепа погребенного. Весь погребальный инвентарь находился на дне склепа в южном секторе ямы. Здесь были найдены:

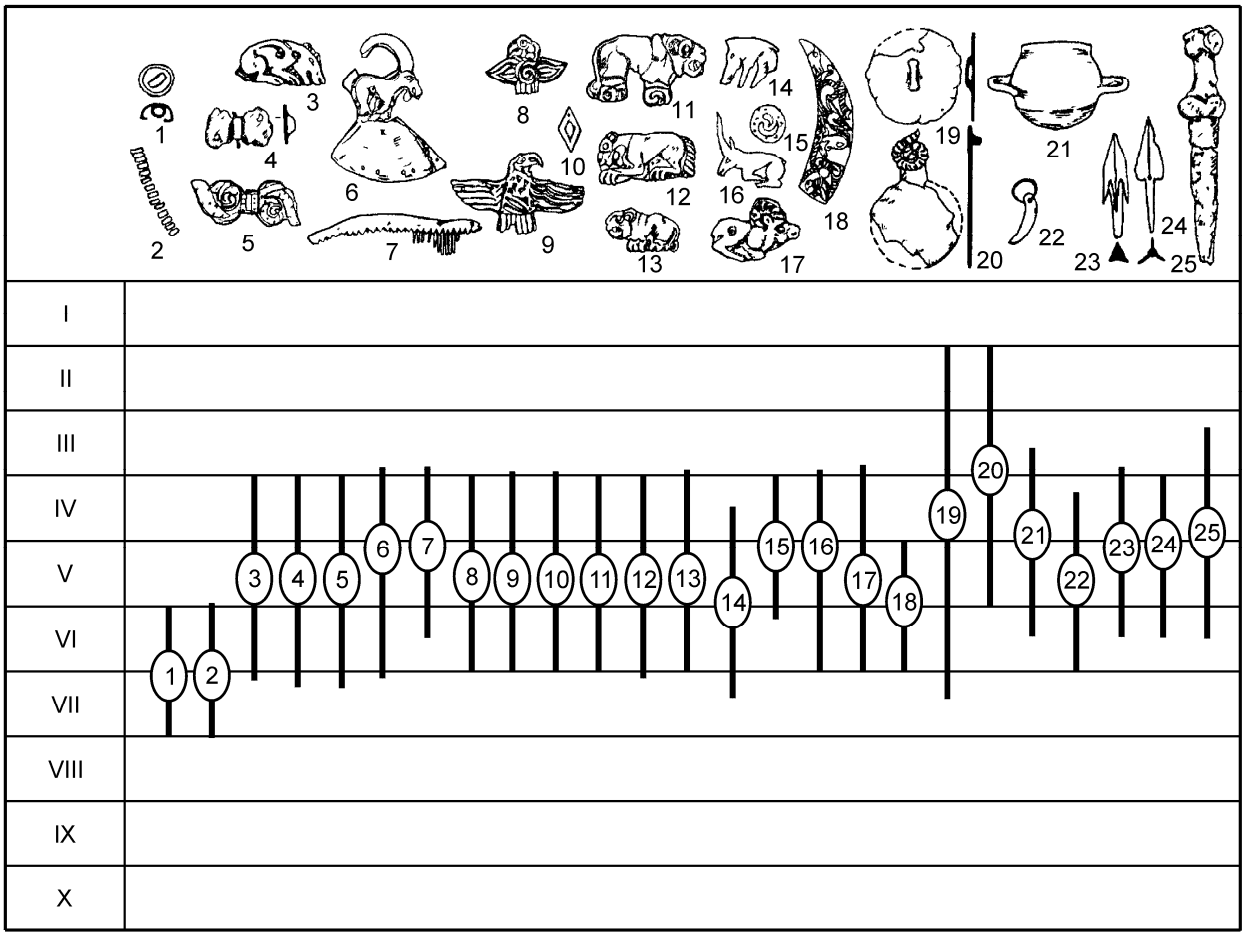

Рис. 1. Хронологические индикаторы уюкской культуры по материалам кош-пейских курганов:
1, 2, 6–17, 22 — золото; 3, 5 — золото на железе;
4, 19–21, 23, 24 — бронза; 18 — клык кабана; 25 — железо

бронзовое зеркало с кнопкой на четырех шпеньках и вихревым орнаментом (триксель); сверленная сердоликовая бусина; 3 золотые тисненные в толстой фольге изображения птиц (большая кокарда 10 х 6,5 см и 2 — меньшего размера, пришиваемые на диадему — 4 х 3,5 см); 6 фигур крупных пантер (4 левосторонние и 2 правосторонние) размерами 5 х 2 см, нашиваемые, как это было выявлено на могильнике Суглуг-Хем, на борта куртки с левой и правой стороны (скифская мужская одежда имела левосторонний запах). Также на полу лежали несколько обрывков золотой ленты, нашиваемой как лампасы на штаны и сапоги. После реставрации оказалось, что лент всего две, каждая имеет длину около 25 см. После ограбления сохранилось еще 4 изделия из золотой фольги — овальной формы, которая наклеивалась, 2 нашивки и один обрывок зооморфного изделия. На дне были найдены окислы железных предметов, форму которых нельзя установить. Остатки оружия не были найдены. Зеркало свидетельствует в пользу женского пола погребенного здесь человека, о чем говорят и фрагменты нижней челюсти. Однако украшения погребального костюма были исследованы нами в мужских захоронениях. Масштабность и сложность надмогильного сооружения и внутримогильной конструкции говорят о том, что здесь был захоронен человек высокого социального статуса.

На могильнике Кош-Пей II раскопан курган № 1. Он был сильно распахан. Его максимальная высота достигала 1 м. Диаметр кургана в пределах окружающего насыпь ровика составлял 30 м. Ровик был заполнен горелой землей. Ширина ровика составляла 1,2–1,5 м, глубина — 0,2–0,3 м. Курганная насыпь состояла из выкида материкового суглинка, красного грунта, извлеченного при

рытье могильной ямы, а также почвы, вынутой при рытье ровика. Ровик имел перемычки с ЮВ и СЗ. Могильная яма (3,6 х 3,2 м), достигшая глубины 3,3 м, в отличие от курганов на могильнике Кош-Пей I не была перекрыта сверху. В яме на дне был установлен сруб высотой в три венца. Он ориентирован углами по странам света. Размеры сруба составляли 2,0 х 1,8 м. Его пол и потолок настланы параллельно в направлении с ЮВ на СЗ. Погребение было разграблено. На полу в беспорядке находились кости приблизительно троих взрослых и ребенка. Поверх перекрытия сруба лежал слой бересты. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь состоял из 6 ромбических и 3 овальных с запятыми золотых нашивок, 7 тисненных в фольге горных баранов, вырезанных из золотой фольги фигурок козла, 2 кабанов, быка, серьги с серповидной подвеской все из той же золотой фольги, обрывков золотой полоски.

Хронологическая таблица для наиболее выразительных вещей из кош-пейских курганов указывает на V в. до н. э. как наиболее вероятную дату их сооружения (рис. 1). Только украшения чиликтинского типа (бисер и полусферические бляшки) не выходят за пределы VI в. до н. э., следовательно, мы должны либо допустить выступание «чиликтинского комплекса» за пределы так называемого зевакино-чиликтинского этапа, либо отнести кош-пейские курганы к концу VI–началу V в. до н. э., что также не противоречит данным перекрестного датирования.

Дата, полученная методом ^{14}C для кургана 2 могильника Кош-Пей I — 2570 ± 35 (Ле-5399), указывает на вторую половину VI в. до н. э. Калибровочные значения календарного возраста еще более удревняют этот памятник. Такое удревнение по сравнению с археологической датой можно объяснить тем, что сруб кургана 2 был сложен из бруса, то есть все внешние кольца старых деревьев были стесаны или же следует удревнять всю хронологическую колонку скифских культур Тувы и шире, Саяно-Алтая, ориентируясь на самые ранние даты курганы Аржан. Для кургана 3 могильника Кош-Пей I была получена серия дат ^{14}C из разных бревен сруба и обкладки кургана: 2448 ± 30 (Ле-8799), 2430 ± 35 (Ле-8800), 2362 ± 35 (Ле-8801), 2390 ± 30 (Ле-8802), 2407 ± 30 (Ле-8803), 2409 ± 20 (Ле-8804), 2415 ± 25 (Ле-8805), которые свидетельствуют, что этот курган был сооружен в начале V в. до н. э. Таким образом Кош-Пейский могильник функционировал достаточно долгое время, сохраняя без изменений погребальный обряд и свою материальную культуру.

О. С. Советова (Кемерово, Россия)

Тема «священного брака» в наскальном искусстве

В научной литературе неоднократно обсуждались проблемы, связанные с воспроизведением в изобразительном искусстве, в том числе и в петроглифах, темы так называемого «священного брака» (см., например: Октябрьская, Черемисин 1999; Черемисин 2002). Необходимость дальнейшего обсуждения данной темы вызвана открытием новых наскальных рисунков, не только пополнивших серию «священных пар», представленных мужской и женской фигурами в состоянии coitus, но также и пар «мужчина — животное», причем у такого антропоморфного «супруга» часто обозначена раскрытая пятерня (нередко гипертрофированных размеров; рис. 1). Известно, что половой акт изображался в примитивном искусстве обычно при помощи двух человеческих фигур, расположенных с соблюдением зеркальной симметрии (Кагаров 1995: 243), но материалы петроглифов значительно расширяют наши представления об этом. Анализ такой серии рисунков позволяет, на наш взгляд, глубже понять содержание и некоторых других сюжетов, запечатленных на скалах, особенно тех, в которых присутствует пара: животное и человек, расположенные рядом друг с другом, причем у человека поднята рука (или обе руки), особо выделены кисти. Такие сцены были популярны в наскальном искусстве обширного ареала от Европы (петроглифы Италии, Испании, Швеции и др.) до Монголии, включая Кавказ, Казахстан, Киргизию, Синцзян, Алтай, Туву и Южную Сибирь.

Одним из вариантов подобных сцен являются натуралистичные сцены *coitus* (здесь и далее курсив мой, — *О. С.*). Семантика данного сюжета очевидно имеет глубокие корни и может быть связана с воспроизведением известной мифологемы «священного брака». Подобная «изобразительная формула» — «антропоморфный персонаж с раскрытой пятерней в сочетании с животным» либо «coitus антропоморфного персонажа с животным» представлена не только в петроглифах. Этот сюжет в разных вариациях встречается в древнем искусстве широкого ареала и являет собой *брачный акт*, в котором участвуют не только человеческие пары, но и пары животных, а также пары человек — животное (Смирнов 2001: рис. 3, *1*, *4*, *7*). Так, на некоторых причерноморских стелах (например на фронтальной поверхности стелы у с. Федоровка) показана сцена, изображающая человека и животное. У человека подняты вверх руки, сзади изображен хвост, подчеркнут фаллос (Там же: рис. 3, *5*). А. М. Смирнов трактует рассматриваемую сцену как воспроизведение мифологемы *сакрального брака*. В качестве аналогии он приводит «практически точную, и сюжетно, и иконографически», группу изображений из мегалитической коридорной гробницы «Лундехой» в Дании: животное и расположенный за ним человек. У человека руки с растопыренными пальцами разведены в стороны, отчетливо переданы фаллос и хвост. Фигура помещена позади животного и обращена к нему» (Смирнов 2001: рис. 3, *9*).

Очевидно, данная мифологема отражает один из аспектов ритуала, получившего распространение в индоевропейской среде. Интерпретация этой мифологемы должна быть построена с учетом мифологии, изобразительных и этнографических материалов. Возможно, что она связана с обрядом жертвоприношения. Совокупления с животными были составной частью некоторых ритуалов. Так, при ашвамедхе (Ригведа 1, 162, 6) и в римском ритуале Equus October (Иванов 1974: 98, 104, 135) одним из компонентов обряда было вступление главной жены царя в мистический брак с конем. У кельтов король при коронации участвовал в жертвоприношении белой кобылицы и *имитировал совокупление с ней* (Кузьмина 1977: 38). Шумерский бог Луны Нанна является божеством-быком, его супруга Нингаль — корова (эти божества включены в семантический ряд животных, связанных с культом плодородия). Их священный брак разыгрывали вполне натуралистически как совокупление жреца и жрицы в масках быка и коровы (рис. 1, *7*: Дьяконов 1990: 150, 151). Жертвоприношение белого коня в честь бога неба является общеиндоевропейским ритуалом, который сопровождался возжиганием священного огня и возлиянием крови жертвенного животного. Цель обряда — вызвать плодородные силы природы и передать их царю как носителю этих сил. По мнению исследователей, не только детали ритуала, но и многие ритуальные термины являются общими у разных индоевропейских народов, что свидетельствует о возникновении обряда в древнейшую эпоху контактов носителей индоевропейских диалектов (Иванов 1974; Кузьмина 1977, и др.). Е. Е. Кузьмина считает, что в основе ритуала ашвамедхи лежат древнейшие тотемические представления (Кузьмина 1977: 39). Воздержание царя и физические лишения, которым он подвергается, а также ритуальное совокупление с ритуальным животным являются одним из пережитков инициации. Этот обрядовый *coitus* обеспечивает плодородие, что и изображается весьма натуралистично. Известен бог пастухов сиро-арабской пустыни Сумукан (он идентифицируется с вавилонским степным богом Амурру), который «заботится о стадах и оплодотворяет овец, ослиц и газелей» (Смирнов 2004: 88). В угаритской поэме о Баале есть эпизод, повествующий о том, что прежде чем отправиться к своему врагу, богу засухи Моту, Баал для приобретения бычьей силы должен сочетаться на пастбище с теленком (Антонова 1984: прим. 14 на с. 227).

Определенные параллели можно провести и с русскими земледельческими праздниками, связанными первоначально с зимним солнцеворотом. На святках имели место и некоторые обычаи эротического характера, например, обрядовое соединение пары с элементами символизма животных. Сооружали «кобылку», которую изображали двое парней. Их закрывали попонкой, с искусственным хвостом или головой, и так водили по селу. При этом «кобылку» могли «кормить» девицами, которых толкали под «кобылку». Либо парень в маске быка лез к девушке, «бодал» ее, задирал подол, имитируя coitus a tergo. В конце-концов быка «убивали» (такой эпизод практически

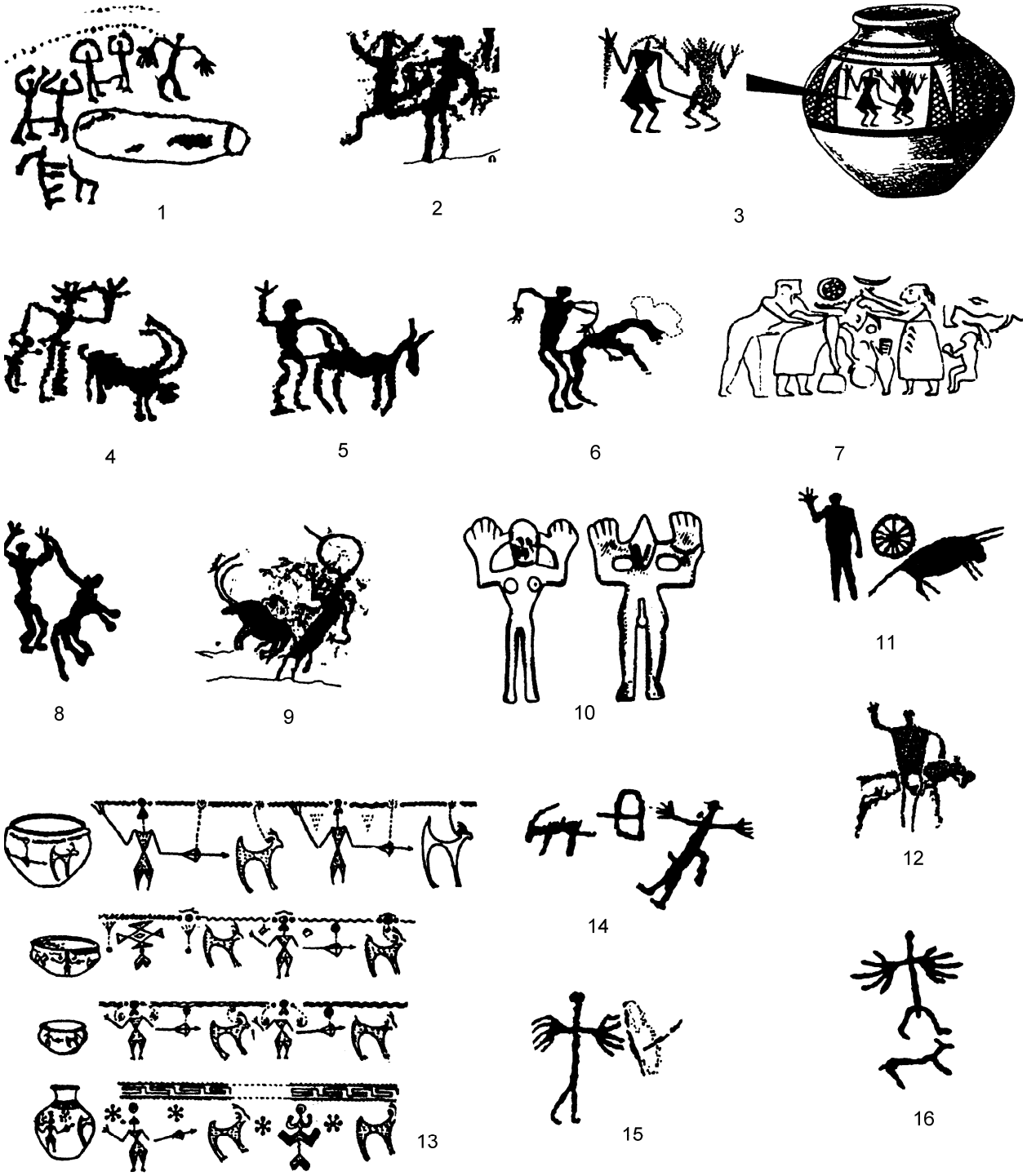

Рис. 1. Тема «священного брака» (петроглифы, изображения на керамике, металлопластика):
1, 4, 8 — Саймалы-Таш (Ферганский хребет; по Мартынов и др. 1992); 2, 9 — Тамгалы (Казахстан; по Рогожинский 2001); 3 — изображения на керамике (Азербайджан; по Мусеибли 2005); 5 — Валькамоника (Италия; по Anati 1976); 6, 12, 14, 15 — Цагаан-Салаа (Монголия; по Кубарев и др. 2005); 7 — изображение на печати из Ура (по Смирнов 2001); 10 — металлопластика (Дагестан; по Марковин 1986); 11 — Бардакур (Синьцзян; по Ковалев 2007); 13 — изображения на керамике (Азербайджан; по Формозов 1980); 16 — петроглифы Швеции (по Семенов 2008)

полностью повторялся в культе Нанны и Нингаль; Дьяконов 1990: 314). У римлян известен древнейший праздник Луперкалий, праздник очищения и плодородия, когда нагие юноши-луперки бежали вокруг Палатина, стегая женщин ремнями из шкуры жертвенного *козла*, чтобы сделать их плодовитыми (Штаерман 1985: 113), либо должны были прикасаться к женщинам *рукой* (Элиаде 1987: 49).

В «Атхарваведе» каждый брачный жест имеет особое значение: «Как Агни схватил правую руку этой Земли, так я беру твою руку <…> да возьмет бог Савитар твою руку» (Атхарваведа, XIV, 1). Следует отметить, что в литературе встречается объяснение, что рука — обычное для поэзии Переднеазиатского Средиземноморья эвфемистическое обозначение *фаллоса* (Шифман 1987: прим. 177); рука получает фаллическую символику, будучи основным орудием производства и воспроизводства (Маковский 1996: 280, 281).

Таким образом, можно предположить, что в рассматриваемых нами сценах отображен своеобразный *брачный жест*, зашифрованный в одной из формульных вариаций *священного брака*. Со временем, очевидно, иконография «священного брака» видоизменилась: достаточно было изобразить антропоморфный персонаж *с поднятой рукой или руками, раскинутыми в стороны* (с обозначенными пальцами) просто *рядом* со священным животным (не в момент совокупления). Следует учитывать, что, как писала О. М. Фрейденберг, «для мифологического образа была характерна бескачественность представлений, так называемый полисемантизм, то есть смысловое тождество образов» (Фрейденберг 1978: 182). И в таком случае «маркером» coitus как раз служила раскрытая пятерня, что нашло убедительное отражение в наскальном искусстве. В подтверждение сказанному следует отметить, что нередко в так называемых «эротических сценах» (когда изображался coitus между антропоморфными партнерами) у одного из них также показана одна или обе руки с раскрытой пятерней (Октябрьская, Черемисин 1999: 51–56; Черемисин 2002: 90–94, табл. I, *2*, *3*; II, *1–3*).

Кроме того, иногда у антропоморфного персонажа в наскальных сценах *помимо руки с обозначенной кистью* изображен *лук*, нацеленный на животное (рис. 1, *13*). Подобные сюжеты встречаются на разных типах памятников. Очень показательны в этом плане изображения на сосудах из Ханлара и Килик-дага в Азербайджане, на которых зафиксирована повторяющаяся композиция с лучником, воспроизведенным *с поднятой рукой и обозначенными пальцами*, в сочетании с козлом (Формозов 1980: рис. 31). В исследовательской литературе мотив стрелы и стрельбы из лука в обрядах и в фольклоре рассматривался неоднократно (Ерофеева 1988; Елизаренкова 1995: 224, 372 и др.; Калинина 2009: 142–226). Близки этим представлениям ассоциативные связи: мужское/копье, женское/раненое. Это положение ярко иллюстрирует одна из сцен на сосуде II тыс. до н. э., обнаруженном на р. Аракс в могильнике Кызылбурун (Спицын 1909: 3–5), в которой представлены два антропоморфных персонажа — мужской и женский, руки которых, с обозначенными пальцами, приподняты (Мусеибли 2005: табл. VII, *4*, *5*). Семантика сцены очевидна, поскольку мужской персонаж держит в руке какой-то предмет (палку?, копье?, стрелу?), направленный к лону женского персонажа, недвусмысленно обозначенного треугольником (о семантике треугольника см., например: Оятева 1998: 159, 160). И. В. Калинина отмечает, что уже палеолитические представления о стреле многие исследователи соотносят с оплодотворяющим мужским началом, стрела имеет *фаллическую символику* (см. литературу по этому вопросу: Калинина 2009: 217–226), что лишний раз подтверждает высказанные нами предположения.

Мы отмечали, что у многих из антропоморфных партнеров кисти рук увеличены (нередко такие фигуры переданы в позе адорации). Вл. А. Семенов видит в них «бога-громовника» в железных рукавицах (Семенов 2008: 411). На наш взгляд, важен тот факт, что поза адорации в целом очень характерна для культовой пластики (Средиземноморье, значительная часть Передней Азии и другие места), как и огромные ладони — в этом плане очень показательна кавказская пластика (Марковин 1986: рис. 2, *5*; 3, *5*). В. И. Марковин отмечает, что северокавказской пластике сопутствуют обильные находки хронологически одновременных литых фигурок животных, а также массивные каменные фаллы (Там же: 101). Следует подчеркнуть, что у многих культовых статуэток

переданы признаки пола (рис. 1, *10*), что, скорее всего, следует связать с культом плодородия. Высказывалось мнение, что поза адорации имитировала «дерево или ветки» (Мартиросян 1986). Кисти рук, возможно, так же имитировали ветви. О. М. Фрейденберг, рассматривая семантику брака, отмечала, что своеобразный брачный комплекс существовал у всех изначальных народов в виде обряда «майского дерева». Их стабильные формы можно классифицировать так: 1) обходы с деревом; 2) обрядовая трапеза; 3) выбор «майской пары, которая одновременно означает жениха и невесту, царя и царицу; 4) зооморфный маскарад; 5) обрядовая симмиксия; 6) женитьбы дерева; 7) поединок (Фрейденберг 1997: 68). С этих позиций, например, возможен вариант «прочтения» ряда композиций из Тамгалы, в которых представлены солярные божества, фигуры адорантов, антропоморфные и антропо-зооморфные эротические пары, танцующие с топорами мужчины, роженица, а также ряженые и др. (Рогожинский 2001: рис. 10–12). Танцующие мужчины, очевидно, олицетворяют здесь обрядовое состязание, эротические пары (необходимо подчеркнуть, что у антропоморфных сексуальных партнеров здесь также изображены растопыренные пальцы рук) — «священный брак», роженица — обновление природы. Не исключено, что победитель обрядовых состязаний становился главным «божеством года» и получал в награду своеобразный символ — скипетр, посох, ветвь (рука = ветвь), именно он вступал в «священный брак».

Таким образом, «священный брак» был составной частью проводившихся в древности культовых действий и был широко распространен в древнем мире. Все совершенно разные божественные пары объединяло одно — божественный акт совокупления, необходимый для поддержания миропорядка. Он был связан, главным образом, с празднованием «нового года». Этот брак олицетворял обновление жизни, должен был обеспечивать продолжение рода, плодородие. Говоря о плодородии и связанных с ним мифах, нельзя понимать его ограничительно. Для оседлых племен хозяйственное значение имели не только урожаи злаков и иных культур, но и плодовитость домашних животных (священный брак Сина и Нингали в шумеро-вавилонском Уре, происходивший в масках быка и коровы, имел своей целью обеспечение в первую очередь скотоводства (Дьяконов 1990: 169). Плодовитость людей была связана не только с зачатием и благополучными родами, но и с обережением появившегося на свет ребенка от болезней и смерти. Е. Г. Кагаров, анализируя известные по этнографическим материалам многих народов предметы примитивного искусства, представленные двойными антиподально расположенными изображениями «духов», отмечал их магическое значение: «изображение coitus'а должно было по мысли первобытного человека обеспечить… чадородие семьи и всей окружающей природы» (Кагаров 1995: 248). Очевидно, на скалах в своеобразной форме — определенной «формулой» (coitus между мужчиной и женщиной; мужчиной и животным; а также в более упрощенном виде — мужчина с поднятой или опущенной рукой, но с прорисованными пальцами, и животное) — запечатлены элементы проводившихся ритуалов во время сезонных праздников. Они имели, очевидно, такое же воздействие, как и иные культовые предметы — мелкая пластика, вырезанные из дерева фигурки духов (например, кааным у алтайских племен) и другие.

Антонова 1984 — *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней Азии. Опыт реконструкции мировсприятия. М., 1984.

Атхарваведа — Атхарваведа. Избранное. М., 1995.

Дьяконов 1990 — *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Елизаренкова 1995 — *Елизаренкова Т. Я.* Комментарий // Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1995. 2-е изд. С. 333–399.

Ерофеева 1988 — *Ерофеева Н. Н.* Лук // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 75–77.

Иванов 1978 — *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология. 1976. М., 1978. С. 153–162.

Кагаров 1995 — *Кагаров Е. Г.* О двойных антиподально расположенных изображениях духов в примитивном искусстве // Кунсткамера: Избранные статьи. СПб., 1995. С. 243–249.

Калинина 2009 — *Калинина И. В.* Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.

Кубарев и др. 2005 — *Кубарев В. Д., Цевендорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай): Альбом. Новосибирск, 2005.

Ковалев 2007 — *Ковалев А. А.* Чемурчекский культурный феномен // «АВ». Сборник научн. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007. С. 25–76.

Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.

Марковин 1986 — *Марковин В. И.* Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 74–125.

Мартиросян 1981 — *Мартиросян А. А.* Наскальные изображения Гегамских гор. Ереван, 1981.

Мартынов и др. 1992 — *Мартынов А. И., Марьяшев А. Н., Абетеков А. К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата, 1992.

Мусеибли 2005 — *Мусеибли Н. А.* Сравнительный анализ петроглифов Гямигая с изображениями на керамике эпохи бронзы Азербайджана // Археология и этнография Азербайджана. 2005. № 1. С. 43–61.

Октябрьская, Черемисин 1999 — *Октябрьская И. В., Черемисин Д. В.* Оружие, достойное мужчин // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 3. С. 51–56.

Оятева 1998 — *Оятева Е. И.* Язык искусства (По материалам художественной металлической пластики Прикамья I – начала II тысячелетия н. э.) // АСГЭ. СПб., 1998. Вып. 33. С. 133–147.

Рогожинский 2001 — *Рогожинский А. Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 7–44.

Семенов 2008 — *Семенов Вл. А.* Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. СПб., 2008.

Смирнов 2001 — *Смирнов А. М.* Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV–III тысячелетиях до н. э.: опыт идентификации // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 60–89.

Спицын 1909 — *Спицын А. С.* Некоторые закавказские могильники // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 29. С. 3–5.

Формозов 1980 — *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.

Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1997.

Черемисин 2002 — *Черемисин Д. В.* К интерпретации «эротических» сюжетов наскального искусства Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. науч. трудов, посв. 70-летию со дня рожд. Я. А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 90–94.

Шифман 1987 — *Шифман И. Ш.* Культура Древнего Угарита (XIV–XIII вв.). М., 1987.

Штаерман 1985 — *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 106–209.

Элиаде 1987 — *Элиаде М.* Космос и история. Избранные труды. М., 1987.

Anati 1976 — *Anati E.* Evolution and Style in Camunian Rock Art. Capo di Ponte, 1976.

Л. Т. Яблонский (Москва, Россия)

Переход к зороастрийскому погребальному обряду у скотоводов Хорезма

Хорезмское государство формировалось на территории Южного Приаралья, начиная с конца VII в. до н. э. Как известно, история древних цивилизаций Центральной Азии неотделима от различного рода влияний со стороны кочевого мира. Особенно это касается истории Хорезма.

По сей день на территории древней Присарыкамышской дельты Амударьи можно видеть руины древних хорезмийских крепостей. Здесь же, на окраине античного Хорезма расположены возвышенности с многочисленными курганными могильниками древних скотоводов, осевших на территории государства и под его протекторатом.

Значительная часть этой территории представляет собой ныне сухую равнину, сформированную дельтовыми протоками Амударьи и покрыта т. н. такырами — плоскими и очень сухими. Другие района покрыты песками наступающих сюда Заунгузских Каракумов. Но в I тыс. до н. э. экологическая ситуация здесь была иной. Значительная часть стока амударьинских вод направлялась не в Аральское, а в Каспийское море и сухие ныне берега протоков представляли собой обширные заливные луга и цветущие долины. Между отдельными протоками располагались останцовые возвышенности, на которых древние обитатели дельты строили свои крепости и некрополи.

В соответствии с древними традициями, которые берут начало еще в раннем бронзовом веке, жители использовали обряд трупоположения или трупосожжения в погребальных камерах, над которыми насыпали курганные насыпи. Такие могильники фиксируются здесь для раннесакской эпохи (VII–VI вв. до н. э.). На протяжении эпохи бронзы Присарыкамышская дельта была непригодна для проживания, и история ее нового заселения связана именно с кочевниками раннесакского типа, которые проникли сюда в конце VIII–начале VII в. до н. э.

Присарыкамышские саки использовали, наряду с ингумацией кремацию на кострах на месте захоронения, а иногда и в стороне, с последующим переносом праха к месту окончательного погребения. Значительно реже фиксируются захоронения расчлененных тел.

Позже, в конце V в. до н. э. местные скотоводы стали применять погребальный обряд, при котором сооружались большие ямы с перекрытиями и дромосами. В этих ямах совершались многочисленные последовательные захоронения. В конце савроматской эпохи такие камеры получили распространение на обширной территории Евразийских степей от Приуралья и Приаралья до Волго-Донского междуречья. Отличительной особенностью хорезмийского варианта погребений такого рода являлась многочисленность захоронений в одну камеру: иногда — до 40 человек, уложенных в несколько слоев. При этом останки ранее погребенных бесцеремонно сдвигали вместе с сопровождающим их инвентарем и подвергали иногда полному или частичному разрушению. Это происходило, когда кости скелетов еще держались на связках. Таким образом, еще в ахеменидское время скотоводы Хорезма имели представление о возможности различных манипуляций с телами умерших.

Во второй половине I тыс. до н. э. эти представления получили дальнейшее развитие. В подбойных захоронениях, которые датируются IV–II вв. до н. э., погребальная камера вначале использовалась для неоднократных последовательных захоронений. При этом скелеты ранее захороненных без всякого пиетета сдвигались к одной из ее стенок. В других случаях в углу камеры устанавливали глиняный сосуд (хумча) и складывали туда кости ранее захороненного вместе с сопровождающим его инвентарем, чтобы освободить место для нового покойника.

В конце этого периода появились небольшие ямы, перекрытые плитами известняка, куда в сопровождении инвентаря укладывали предварительно очищенные кости скелетов.

В конце I тыс. до н. э. обряд очищения костей уже получает широкое распространение в среде скотоводов. Сначала их укладывали в сосуда бытового типа — хумы и хумчи. Горловины

таких сосудов закрывали обломками известняковых плит или специальными крышками и примазывали к венчику сосуда гипсовым раствором. Такие крышки разрисовывали красной краской, причем орнамент на них чаще всего представлен прямым крестом, вписанным в окружность. В такие сосуды помещали иногда несколько полных наборов костей скелета, но черепа всегда укладывали сверху. Черепные крышки украшали различными знаками, нанесенными красной краской, что свидетельствует о предварительном очищении черепов от мягких тканей.

Уже в это время появляются специально изготовленные для погребального обряда астоданы в виде глиняных ящиков с крышками. Использовались как сырцовые сосуды, так и изделия, обожженные в горнах. Как правило, они содержали полные скелеты, включая ногтевые фаланги пальцев. Это говорит о тщательности процесса сбора костей и о том, что тела умерших не подвергались обряду выставления, принятому в классическом зороастризме и очищались с помощью специальных механизмов мацерации. Нижние челюсти иногда подвязывали к черепам с помощью шелковых лент, но иногда в шелк заворачивали и весь скелет. В это же время появляются и первые скульптурные оссуарии. Любимым персонажем становится конь, который у древних индоиранцев ассоциировался с солнцем. Крышки сосудов украшали фигурками голубок, связанных у хорезмийев с образом богини воды и плодородия Анахитой.

В первые века нашей эры хорезмийские скотоводы еще сохраняли обычай последовательного захоранивания умерших в большие ямы с дромосами, но теперь и в этих случаях они использовали оссуарии/астоданы.

Можно предполагать, что к оссуарному погребальному обряду переходили различные группы кочевников, оседавших на периферии этого государства в различное время. При этом они постепенно утрачивали характерные признаки погребального обряда кочевников: ингумацию и обычай класть с погребенным сопровождающий инвентарь, но еще долго удерживали обряд сооружения курганных насыпей даже над оссуариями.

Этот обряд просуществовал в Хорезме по крайней мере до V в. до н. э. Так, на возвышенности Калалы-гыр 2 был исследован большой курган, под насыпью которого, в центре погребальной площадки было найдено катакомбное захоронение (ингумация). Вокруг него, у краев насыпи были расчищены многочисленные оссуарные захоронения, которые были совершены, в основном, в сосудах бытового типа и ящичных оссуариях. Из общего ряда выдается скульптурный оссуарий, изображающий фигуру женщины с искусственно деформированной головой и сформованными отдельно выступающими руками (рис. 1). Судя по положению рук, нельзя исключить, что в них была вложена кукла, которая до наших дней не сохранилась. В спине фигуры имелся округлый люк для закладки внутрь фигуры костей скелета. Люк с помощью специальных отверстий закрывался дисковидной крышкой. Внутри оссуария был найден скелет, который принадлежал, вероятно, девочке, умершей в возрасте 12–13 л. (определение автора).

Вплоть до арабского завоевания Центральной Азии территория Хорезма была ареной распространения погребального обряда, связанного с предварительным очищением костей умерших и захоронением их в оссуариях/астоданах. Черепа и кости скелетов находили также в бойницах кирпичных крепостей, построенных в первые века н. э.

В районе крепости Канга-кала в Присарыкамышье нами раскопаны кирпичные площадки-наусы, вокруг которых найдены плотные скопления разбитых в древности оссуариев. Они датируются первыми веками нашей эры и были уничтожены, вероятно, в раннем или позднем средневековье захватчиками. Этим же временем датируется огромный некрополь Миздакхан, содержавший, в том числе, оссуарные захоронения.

Несмотря на хорошую археологическую изученность территории Присарыкамышской дельты Амударьи, здесь не обнаружены упоминаемые в письменных источниках «башни молчания», дахмы, предназначенные для выставления трупов умерших, и мы ничего не знаем о проявлениях классического зороастризма в Хорезме.

Рис. 1. Могильник Ясы-Гыр 4, кург. 1, погр. 11, статуарный оссуарий (V в. н. э.)

Оссуарные захоронения Хорезма сохранились до наших дней только благодаря обычаю возводить над погребениями курган. Поэтому они известны (если не считать упомянутых находок в бойницах) только по некрополям скотоводов.

Если кратко характеризовать основные черты оссуарного обряда хорезмийских зороастрийцев, можно отметить следующие основные его черты:

Взрослых мужчин и женщин хоронили, соблюдая одинаковые правила. Почти всегда при скелетах отсутствовал сопровождающий инвентарь. Немногочисленные предметы из железа, найденные в оссуариях Калалы-гыра 2, всегда находились на самом дне сосудов, как бы спрятанными под скелетами (Яблонский, Болелов 1991). Оссуарии помещали не только под курганными насыпями, причем дополнительные сосуды окружали центральный, но и в коллективной камере со входом-дромосом, который перекрывали каменными плитами. В Хорезме и Согдиане обычай коллективности захоронений использовался при сооружении наусов. При этом каждый из таких наусов рассматривали, как семейные усыпальницы (Ставиский 1952: 93).

Особый погребальный обряд отмечен только для детей. Кости детских скелетов часто находили вне сосудов-оссуариев, на поверхности погребенной почвы или в маленьких сырцовых сосудах. Кроме того, детские скелеты, в отличие от взрослых, были представлены, как правило, только частично, что может говорить об ином способе их предварительного очищения. Согласно некоторым этнографическим данным (Дорошенко 1982: 61), время наступления инициации у современных зороастрийцев колеблется от 7–15 или даже 12–15 л. Поэтому можно предположить, что возрастные различия в погребальном обряде хорезмийцев определялись именно прохождением или

не прохождением инициации индивидом. Специфика детского погребального обряда отмечалась в т. н. «законах Ману» (V: 68, 69; цитировано по Кузьминой 1986: 92), где говорится: «Дети, которые умерли до двух лет после рождения, должны быть вынесены из поселка родственниками, покрыты цветами и погребены в простой земле без последующего сбора их костей, Такие дети не должны сжигаться и возлияния воды не должны проводиться над ними».

Вместе с тем, в соответствии с зороастрийскими верованиями только те мертвые достигают небес, чьи скелеты были сохранены полностью. Внеоссуарные и неполные захоронения детей в хорезмийских курганах свидетельствуют, возможно, о беспокойстве их сородичей о судьбе умерших детей и о попытках помочь им достичь мира иного даже в нарушение строгих инструкций.

Отсюда и стремление хорезмийев сохранить полные скелеты своих умерших, предварительно (до захоронения) очистив скелеты от мягких тканей (т. е. использовать мацерацию).

Механические повреждения не были отмечены на скелетах. Поэтому теоретически можно предположить два метода мацерации: предварительная долгая передержка трупов в закрытых камерах до окончательного захоронения. Так, например, Г. А. Пугаченкова (1950: 44) думала, что сама форма юртообразных оссуариев репродуцировала не жилище, а именно форму камеры для передержки. Другой вариант мацерации — вываривание. В письменных источниках упоминается некая страна «Чакра могущественная, посвященная Арте (бич этой страны — грех, вываривание частей [трупов] которому нет искупления» (Литература… 1984: 44). Ю. А. Рапопорт (1971: 120) ассоциировал легендарную Чакру именно с Хорезмом.

Поздние письменные источники также говорят о принципиальной возможности существования в среде маздеистов некоторых специальных ритуальных методов очищения костей скелетов. Так, арабский средневековый автор пишет о кубачинских людях, его современниках: «Если человек умрет среди них, они переносят его в подземелье, где человек, который расчленяет все трупы, очищает кости от мяса, все мясо откладывает отдельно и кладет его на пожирание воронам. Затем кости кладет в мешок <…> и подымает его в дом и пишет на каждом мешке имя того, кому принадлежат эти кости» (Уваров 1887: 73 и сл.).

В связи с этим текстом можно напомнить, что некоторые скелеты из хорезмийских оссуариев, были завернуты в шелк, вероятно, в шелковый мешок, скрепленный сверху золотой скобкой.

Среди хорезмийских оссуариев встречались скульптурные или те, которые имели скульптурные детали. Л. А. Лелеков (1978: 228) полагал, что они имеют ахеменидские прототипы, но характеризуют самобытное искусство населения Севера Центральной Азии. А по мнению основного исследователя хорезмийских оссуариев, Ю. А. Рапопорта (1962: 75; 1971: 82–84) женские антропоморфные оссуарии продуцируют образ Ардвисуры Анахиты, а мужские — воплощение Сиявуша, Бога солнца или, возможно, Митры. В этом контексте заслуживают специального внимания оссуарии в виде коня или с изображениями коня. Ираноязычные люди могли ассоциировать Сиявуша с образом светлого коня (Рапопорт 1962: 77).

Изображения голубки чаще всего ассоциируются с образом Анахиты. Голубка — птица, посвященная именно Анахите, она постоянно сопровождает ее изображения. Однако, можно предположить, что парящая голубка может рассматриваться, как символ отлетающей души (Рапопорт 1958: 63). В данном контексте можно отметить, что современные зороастрийцы верят в птицу Парадорж, которая призвана отпугивать злых духов (Дорошенко 1982: 26).

Среди находок, отражающих маздеистские традиции древних хорезмийцев можно еще отметить глиняную курильницу с изображением козлов или баранов по углам, а также крышку оссуария с рельефным стилизованным изображением быка (рис. 2). Похожие курильницы в Северо-Восточном Казахстане рассматривались как микромодель мира.

Различные верования у индоиранцев были связаны с быком на территории от Египта до Индии. Чаще всего образ быка рассматривается как проявление культа увядания и возрождения природа (Антонова 1984: 94). Легко связать этот культ с погребальным обрядом. Бык как священное животное играл существенную роль в маздеистских культах (Ставиский и др. 1953: 88).

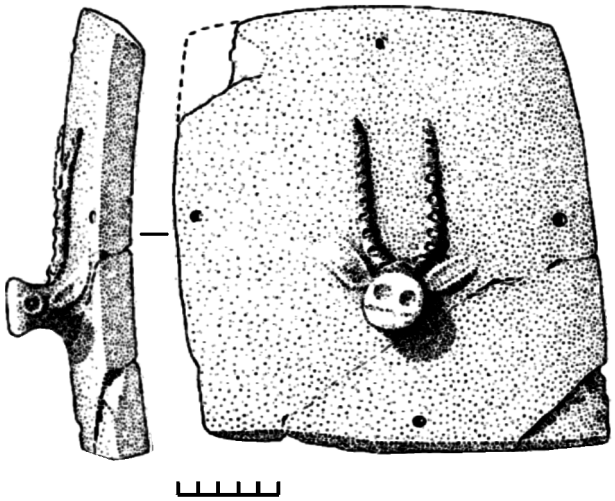

Рис. 2. Могильник Ясы-Гыр 4, кург. 2, крышка оссуария (V в. н. э.)

Не удивительно, что быку уделяется столько внимания в Авесте (1993) и Ригведе, где он ассоциируется с огнем, светом и водой (Акишев 1984: 37).

Наши материалы позволяют предположить, что на ранних стадиях канонизации оссуарного погребального обряда в Хорезме сосуды бытового типа могли рассматривать именно как костехранилища. Однако позже, когда появились скульптурные оссуарии, нельзя исключить, что эти сосуда стали не только костехранилищами, но могли служить и объектами поклонения ((Рапопорт 1958: 63). Почитание образов богов в принципе не противоречит устоям зороастризма. Юртообразные оссуарии, возможно, отражают традиционные представления древних о семантике связи жилища и могилы.

Трудно усматривать ведущую роль влияний Ахеменидского государства на процессы формирования черт зороастрийского обряда в Хорезме, хотя и исключить такие влияния нельзя. Проблема обственной веры ахеменидских царей остается пока открытой для дискуссий (Бойс 1987: 68; Грантовский 1987: 292–293, 295–297). С большой долей вероятности можно предположить, что, в любом случае, ахеменидские наместники в Хорезме не могли или не хотели препятствовать распространению здесь обряда захоронения очищенных костей.

Сейчас большинство исследователей думают, что зороастризм, как религиозное направление формировалось на севере Центральной Азии на основе системы общеиндо-иранских верований полицентрически (см., например, Кошеленко, Оразов 1965: 53; Грене 1989). Эта система верований получила название «маздеизм» (Кошеленко, Оразов 1965: 46).

Полагают, что зороастризм — это сложная и многослойная религия, в которой надо непременно различать различные хронологические уровни. Преимущественно маздеистские представления на значительной территории расселения индо-иранцев в античную эпоху позже привели к значительным различиям в проявлениях зороастризма в локальных районах (Литвинский 1968: 30–31). В значительной мере они были обусловлены спецификой взаимоотношений между оседлыми земледельцами и скотоводами. Именно характер этих взаимоотношений определил в конечном счете синкретизм погребального обряда скотоводов Хорезма, спонтанно оседающих на территории этого государства и находившихся под его протекторатом (Яблонский 1999).

Согласно концепции М. Бойс (1987: 51), поддержанной в целом Э. А. Грантовским (1987: 289), первые индо-иранцы достигли территорий на юге Центральной Азии в середине II тыс. до н. э. Позже, когда индо-иранский язык разделился на иранский и индийский, иранцы направились по следам их далеких предков на юго-восток, в области Иранского нагорья. В авангарде этого движения были коллективы кочевников, часть которых осела на территории, где еще позже возник Хорезм. Кочевники, достигшие иранского нагорья, вступили здесь в контакты с местными популя-

циями и заимствовали у них элементы локальной культуры и традиционной для них обрядности. И одним из таких элементов был обычай захоронения предварительно очищенных костей (Дьяконов 1956: 402).

С одной стороны, это привело к некоторому сходству в религиозных представлениях населения, обитавшего на юге и на севере иранского мира, а с другой способствовало появлению региональной специфике, которая отразилась, в частности, в погребальном обряде.

Одни ученые, признавая эту специфику, рассматривают обряд захоронения очищенных костей, как истинно зороастрийский (Обельченко 1957: 130; 1987: 108–109; Литвинский 1969: 51; Рапопорт 1962: 83; 1971: 122; Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963: 156). Другие, настаивая на различиях этого обряда с тем, что прокламируется в Авесте, предполагают, что центральноазиатский вариант обряда, представляет линию, параллельную собственно зороастрийской, но в основном, с ней не связанной (см., например: Лелеков 1973: 115–116). Мне представляется, что правы те, кто рассматривают центральноазиатский оссуарный погребальный обряд, как проявление локальной формы, полностью ему присущей (Массон 1990: 22).

Даты жизни самого Зороастра и времени его основной активности также являются предметом дискуссии (обзор: Дорошенко 1982: 7–10; критика: Грантовский 1987: 288–289).

Большинство исследователей относят формирование основного текста Авесты к середине I тыс. до н. э. Однако, некоторые археологи связывают с зороастризмом признаки погребального обряда степных популяций более раннего времени. По их мнению, обычай расчленения трупов практиковался у них еще в позднем бронзовом веке (Мандельштам 1968: 141). Кремация и помещение золы в урны являются проявлением культа солнца и коня и также рассматриваются в данном контексте (Рапопорт 1960: 5–6; 1962: 79; 1971: 51, 54).

Как было отмечено выше, некоторые черты зороастризма в таком случае, могут быть обнаружены в раннесакских могильниках Присарыкамышья, которые датируются не позже первой половины VI в. до н. э. (Яблонский 1996). Среди них присутствие камышевых настилов под погребенными и песчаных подсыпок, призванных изолировать тела умерших от земли. Окрашенные красной краской зернотерки и пестики также могут быть связаны с авестийскими текстами (Бойс 1987: 53). Относясь к раннесакскому времени, эти черты обряда продолжили существование в более позднее время, в хорезмийскую эпоху.

Несомненно, что в доахеменидскую эпоху эти черты еще не выступали в жестком комплексе, но их дисперсное распределение в могильниках может свидетельствовать о постепенном формировании зороастрийских погребальных верований на территории Приаралья еще в самом начале I тыс. до н. э, а, быть может, и раньше (Итина, Яблонский 2001). Косвенным свидетельством перехода к обряду выставления может являться и отсутствие погребений с ингумацией в традиционно земледельческих правобережных районах Хорезма в период с VII по V в. до н. э.

В любом случае, именно на территории Хорезма мы имеем археологические факты, свидетельствующие о наиболее раннем присутствии обряда захоронения предварительно очищенных костей в Центральной Азии и именно здесь прослеживается в наиболее ранней форме процесс перехода к этому обряду в среде древних скотоводов. При этом нельзя исключить, что вхождение Хорезма в состав державы Ахеменидов могло послужить своеобразным катализатором в процессе формирования этого устойчивого обряда.

Авеста 1993 — Авеста. Избранные гимны из Видевдата (Перевод И. Стеблина-Каменского). М., 1993.

Акишев 1984 — *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

Антонова 1984 — *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Бойс 1987 — *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.

Грантовский 1987 — *Грантовский Э. А.* Послесловие // М. Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.

Грене 1989 — *Грене Ф.* Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии // ВДИ. 1989. № 1. С. 170–171.

Дорошенко 1982 — *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). М., 1982.

Дьяконов 1956 — *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.

Итина, Яблонский 2001 — *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Кошеленко, Оразов 1965 — *Кошеленко Г. Е., Оразов О.* О погребальном культе в Маргиане в парфянское время // ВДИ. 1965. № 4. С. 42–56.

Кузьмина 1986 — *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. М., 1986.

Лелеков 1973 — *Лелеков Л. А.* К оценке исторических судеб зороастризма в Средней Азии в I тыс. до н. э. // ТД сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 114–116.

Лелеков 1978 — *Лелеков Л. А.* Локальные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978. С. 226–233.

Литвинский 1968 — *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям Южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968.

Литвинский 1969 — *Литвинский Б. А.* История и культура Восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок Памиро-Ферганских могильников): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1969.

Литература … 1984 — Литература древнего Востока. Индия. Иран. Китай. М., 1984.

Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. М., 1968.

Массон 1990 — *Массон В. М.* Изучение идеологических систем древней Средней Азии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа): Краткие ТД научн. конф. Л., 1990. С. 21–23.

Обельченко 1957 — *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника // Труды Самаркандского государственного университета. Новая серия. Т. 3. Истор. науки. Кн. 25. Самарканд, 1957. С. 109–132.

Обельченко 1987 — *Обельченко О.* В. Древние кочевники и согдийская цивилизация (эпохальная динамика взаимодействия) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. ТД советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С. 107–109.

Пугаченкова 1950 — *Пугаченкова Г. А.* Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Труды Института археологии АН Узбекской ССР. Ташкент, 1950. Т. 2. С. 8–57.

Рапопорт 1958 — *Рапопорт Ю. А.* К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях // Краткие сообщения Института этнографии. 1958. Вып. 30. С. 54–65.

Рапопорт 1962 — *Рапопорт Ю. А.* Хорезмийские астоданы // СЭ. 1962. № 4. С. 67–83.

Рапопорт 1971 — *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.

Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963 — *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 6. С. 141–156.

Ставиский 1952 — *Ставиский Б. Я.* К вопросу об идеологии домусульманского Согда // Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад, 1952. Вып. 1.

Ставиский, Большаков, Мончадская 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пянджикентский некрополь. М., 1953 (МИА. № 37).

Уваров 1887 — *Уваров А. С.* Курганы с расчленением близ Дербента // Труды АС. М., 1887. Т. 5. С. 61–75.

Яблонский 1996 — *Яблонский Л. Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Яблонский 1999 — *Яблонский Л. Т.* Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999.

Яблонский, Болелов 1991 — *Яблонский Л. Т., Болелов С. Б.* Могильник Ясы-гыр 4 в Присарыкамышье. Погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье (материалы к археологической карте). М., 1991. С. 4–72.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЕВРАЗИИ

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург, Россия)

Распространение ислама в «аджам»

Слово «аджам» в средневековых персидских толковых словарях означало страны, народы которых не говорили по-арабски. Так арабы называли не арабов (Бурхон 1994: 85; Гиёс-ул-лугат 1988: 39; Фарханги забони точики 1969: 123). Арабы делили «аджам» на западный — «аджам-ал-магриб» и восточный — «аджам-ал-машрик». «Аджам-ал-магриб» охватывал территории Ближнего Востока и Северной Африки. В «аджам-ал-машрик» входили страны Среднего Востока и Средней Азии, говорящие в основном на новоиранском (персидско-таджикском) языке. В связи с арабизацией населения «аджам-ал-магриб», слово «аджам» арабы стали употреблять лишь для ираноязычного населения Мавераннахра и Хорасана, а позднее (X–XII вв.), и Туркестана.

В данной статье с помощью письменных источников и археологических данных рассмотрены процессы исламизации Мавераннахра, Хорасана и Туркестана, выявлены особенности, отличающие ислам «аджама» от канонического ислама.

Процесс исламизации «аджама» можно разделить на два этапа. Первый этап (VII–VIII вв.) — время распространения ислама в Мавераннахре и Хорасане непосредственно арабами. Второй этап начинается с IX в., когда ислам среди тюркоязычных племен внедрялся ираноязычным населением Мавераннахра и Хорасана.

В VII–VIII вв. арабы насаждали ислам различными путями. Первые попытки распространения ислама мирным путем в «аджам» предпринимал еще пророк Мухаммад. Об этом свидетельствуют его письма, адресованные византийскому императору Ираклию и персидскому шахиншаху Хосрову II с предложением принять ислам. Любопытно в этом плане письмо, отправленное Мухаммедом Хосрову II. Пророк писал: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! От Мухаммада, посланника Аллаха, Хосрову, государю Фарса. Мир тому, кто следует правильным путем и верует в Аллаха и его посланника и свидетельствует, что нет божества кроме Аллаха, единственного, не имеющего сотоварищей, и что Мухаммад — раб и его посланник. Призываю тебя молиться Аллаху, ведь я посланник Аллаха ко всем людям, чтобы я увещевал тех, кто жив и доказывал правоту этих слов неверующим. Прими ислам и будешь спасен, а если откажешься, то, воистину, будет на тебя грех (вера) магов» (Колесников 1967: 81–82; Большаков 1989: 153–154). Разгневанный Хосров, никогда не получавший подобных писем, разорвал послание Мухаммада в клочья и написал письмо своему наместнику в Йемен: «Мне сказывали, что в Медине есть сумасшедший из племени курейша, который выдает себя за пророка, образумь его, а если не можешь, то пришли мне его голову». Когда Мухаммаду сказали, как Хосров изорвал его письмо, он сказал, что так разорвет Аллах его царство (Ирвинг 1857: 171).

При приемниках (халифах) Мухаммада, в середине VII в. персидская сасанидская империя была покорена арабами, а до середины VIII в. была завоевана и Средняя Азия. Эти события широко освещены в исторической литературе и на них мы не будем останавливаться (Бартольд 1963б: 238-256; Гафуров 1989: 5-35).

Свои военные успехи в «аджам» арабы закрепляли распространением ислама. Для достижения этой цели они применяли различные методы. В основном внедрение новой религии происходило насильственным путем. Так, в 712 г. после взятия Самарканда, Кутейба приказал вынести из храма идолов, содрать с них драгоценные украшения, а самих идолов сжечь. Затем согдийцы в своем храме устроили мечеть и поставили кафедру для проповеди (минбар; Смирнова 1970: 206). В. В. Бартольд писал, что первые соборные мечети в Бухаре (в цитадели) и в Самарканде (в шахристане, рядом с цитаделью) были храмами идолов (бутхане; Бартольд 1963а: 205). Практиковался

также насильственный захват арабами половины домов местного населения. Так, автор X в. Наршахи писал, что после взятия Бухары арабский полководец Кутейба трижды обращал жителей города в ислам, но они отрекались и возвращались к вере своих предков. Тогда он отнял у местных жителей половину домов и поместил туда арабских воинов, чтобы те, живя бок о бок с местным населением, постоянно наблюдали за выполнением вновь обращенными мусульманами предписаний новой религии (Наршахи 1979: 15). Кроме того Кутейба обещал горожанам по два дирхема за совершение пятничной молитвы (Там же: 27). С того, кто отказывался исповедовать ислам, взималась ежегодная подушная подать-дижзья (Петрушевский 1966: 65–66; Массэ 1982: 75–76).

Судя по сведениям письменных источников, переломный момент в идеологии населения «аджам» наступил в середине VIII в., о чем писал В. Р. Розен, ссылаясь на слова арабского автора начала X в. Ибн-Абу-Тахира: «Власть перешла от Омейядов к Аббасидам и отошла вера магов от дихкан и они приняли ислам во время Абу-Муслима и была эта перемена похожей на начало новой релегии» (Розен 1889: 141).

Археологические исследования на территории Средней Азии дали новые, дополнительные материалы, о том как проходил процесс исламизации. Археологические раскопки подтвердили сведения письменных источников, что арабы беспощадно грабили и разрушали местные храмы. Так они поступили с храмами древнего Пенджикента, Кувы и Аджина-тепе (Абдуллоев 2009: 53–55; Булатова 1972: 82–83; Литвинский, Зеймаль 1971: 10–16).

Как показали археологические данные, начало массового перехода местного населения в ислам относится к 50–60-м гг. VIII в. С этого времени перестают функционировать помещения с культовыми очагами в жилищах древнего Пенджикента. Культовые очаги в них перестраивают в бытовые. В парадных залах горожан наблюдается преднамеренная порча настенных росписей. Впервые появляется согдийский документ, текст которого начинается с известной мусульманской формулы «бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим» (Абдуллоев 2009: 21, 65).

С приходом к власти Аббасидов (750–1258 гг.) вновь возвышается авторитет местной, уже принявшей ислам, аристократии и в IX в. вся власть в Мавераннахре и Хорасане полностью переходит в руки местной династии Саманидов. С этого времени начинается второй этап распространения ислама, когда ислам среди тюркоязычных народов внедрялся ираноязычным населением Мавераннахра и Хорасана. Судя по сведениям письменных источников еще в IX–X вв. большинство тюркоязычных племен были язычниками. Жили они за приделами Мавераннахра и вели кочевой образ жизни. Анонимный персидский источник X в. Худуд ал-Алам перечисляет такие тюркоязычные племена: тугузгуз, ягма, хирхиз, халлух, чигил, тухус, кимак, гуз, турки пичинеги, хифчах (Худуд ал-Алам… 1962: 16а, 17б, 18а, 18б, 19а). В частности говорится, что хирхизи поклонялись огню и своих покойников жгли на костре, а чигили почитали солнце и звезды (Там же: 17б, 18а).

При Саманидах ислам становится государственной религией и тогда саманидские правители начинают бороться против своих соседей — тюркских племен за истинную веру и распространять среди них ислам. В 893 г. Исмаил Саманид совершил победоносный поход на Тараз и обратил главную церковь этого города в мечеть (Бартольд 1963б: 282). Ибн Хаукаль сообщал, что дальше Тараза мусульманину бывать небезопасно, так как он попадал к халлухам (МИТТ 1939: 140).

Письменные источники сообщают о том, что в эпоху Саманидов ислам среди тюрок распространяли представители местного духовенства. Так, в стране тюрок на службе при дворе «хана ханов» были Нишапурец Абу-л-Хасан Мухаммед и Абу-л-Хасан Саид бин Хатим ал-Усбаникети (Бартольд 1963б: 316–317).

Ислам в первую очередь принимали представители аристократических тюркских родов. Так, первым из рода Караханидов принял ислам Сатук Абд ал-Керим в годы правления Саманида Абд ал-Малика ибн Нуха (954–961) (Бартольд 1963б: 132). Внук Сатука, Богра-хан Харун бин Муса носил титул «Шихаб ад-дауля ва захир ад-дава» («свет державы и опоры призыва к вере»; Бартольд 1963б: 318). Другой представитель аристократического огузского рода, Сельджук также принял ислам во время правления Саманидов (Бартольд 1963б: 317–318).

Таблица 1

Преобладание в тюркских языках мусульманских терминов иранского происхождения

Русский	Древнеиранский	Среднеиранский	Новоиранский	Арабский	Азербайджанский	Башкирский	Казахский	Кыргызский	Татарский	Турецкий	Туркменский	Узбекский	Уйгурский
Вера, религия	даэна	ден, дин	дин	дин	дин	дин	дин	дин	дин	din	дин	дин	дин
Посол, пророк	—	пайгем бар	пайгам бар	наби расул	пейгәм бәр	пайгам бар	пайгам бар	пайгам бар	пәйгам бәр	peyga mber	пыгам-бар	пайгам бар	пәйгәм бәр
Грех	—	винах	гунах, гунох	исм, а'см	кунах	гунах	кунах	кунах	гунах	gunah	гунах	гунох	гуна
Молитва, поклон	—	намаз	намаз, намоз	салат	намаз	намаз	намаз	намаз	намаз	namaz	намаз	номоз	намаз
Пост	—	роз	руза, роз	саум	orach	ураза	орозо	орозо	ураза	oruç	ораза	руза	роза
Душа, дух	—	гйен	джан, джон	рух нафас	чан	йән	жан	жан	җан	can	җан	жон	җан
Новый год	—	ноуроз	навруз	—	новруз	—	навруз	навруз	—	novruz	невруз	новруз	новруз
Бог, господин	—	худа	худо, худа	аллах	аллах	хозай	кудай	кудай	ходай	allah	худай	худо	худа
Ад	дужахве	—	дузах	джахан нам	чәнеп-пем	йәнән-нем	тозақ	тозоқ	жәхән-нем	cehen-nem	довзах	дузах	дозоқ

Таким образом, будущие основатели новых правящих династий в Мавераннахре и Хорасане уже в X в. были мусульманами.

Если в первом периоде распространения ислама в «аджам» (VII–VIII вв.) местная аристократия стремилась овладеть арабским языком, то со второй половины IX в. наблюдаются совершенно противоположные тенденции. Для широких масс населения Мавераннахра и Хорасана арабский язык с самого начало оставался чужим. Поэтому проповеди ислама шли здесь очень трудно. Начало новоиранской языковой эпохе было положено Саманидами. Они объявили этот язык государственным. Он был распространен далеко за пределами Мавераннахра и Хорасана: на западе — до Малой Азии, на востоке — до Индии и Восточного Туркестана.

В ходе длительного и сложного процесса исламизации Мавераннахра и Хорасана происходило сращивание установок нормативного ислама с древними религиозными и культурными традициями. Со временем ислам для местного населения стал своей религией, произошла внутренняя исламизация. Вместе с тем мощный духовный субстрат исламизированных народов оказал существенное влияние на форму бытования ислама этих регионов. Ислам «аджама» приобрел специфические черты, отличные от ислама арабов. Эти черты проявляются в религиозных понятиях, обрядах, в погребальном ритуале, в быту, в изобразительном и в прикладном искусстве.

Вопреки нормативному исламу, запрещавшему изображать живые существа (людей, зверей, животных), доисламские традиции «аджама» сохранялись в настенной живописи, резном штуковом декоре (во всяком случае, до XI в.), например во дворцах правителей Хутталяна в Хульбуке (Таджикистан) (Древности Таджикистана 1985: 286) и Газневидов в Лашкаргахе (Афганистан). В архитектурном декоре эта традиция сохранялась еще дольше. Таковы изображения дракона на портале мечети Анау (XV в.; Туркменистан) и изображения львов на портале медресе Ширдор (XV–XVI вв.) в Самарканде (Пугаченкова, Ремпель 1958: 56–75).

Несмотря на негативное отношение ислама к опьяняющим напиткам, в регионах традиционного проживания «аджам» сохранилась культура виноделия. Наиболее распространенным был сорт вина «мусаллас» (Пещерева 1959:45–46).

Сохранился культ огня: светильники в мазарах мусульманских святых; зороастрийский ритуал возжигания огня в течение трех суток в помещении, где находился покойник; специально разведенный костер, который невеста должна трижды обойти перед тем, как войти в дом жениха.

Как один из мусульманских праздников в Мавераннахре и Хорасане сохраняется зороастрийское празднование Нового года (Навруз) в день весеннего равноденствия (Снесарев 1969: 214–215). В дальнейшем он был принят и многими тюркоязычными народами — уйгурами, казахами, кыргызами, узбеками, туркменами, азербайджанцами и турками.

В мусульманской догматике населения Мавераннахра и Хорасана также укоренились древнеиранские и среднеиранские религиозные понятия, такие как: вера, пророк, грех, молитва, пост, душа, бог, ад, рай и жертвоприношение. Эти религиозные понятия затем были приняты тюркоязычными народами (табл. 1) и до настоящего времени распространены среди ираноязычного и тюркоязычного населения (Русско-таджикский словарь 1949; Русско-персидский словарь 1965; Русско-азербайджанский словарь 1946; Башкирско-русский словарь 1958; Русско-казахский словарь 1954; Киргизско-русский словарь. 1965; Русско-татарский словарь 1984; Турецко-русский словарь 1977; Туркменско-русский словарь 1968; Узбекско-русский словарь 1959; Уйгурско-русский словарь 1961).

В Иране, Афганистане, Средней Азии, Поволжье и Восточном Туркестане соблюдается мусульманский обряд пятикратной обязательной ежедневной молитвы. Хотя молитвы читаются из сур Корана по-арабски, однако само слово «молитва» называется не по-арабски («салат»), а по-новоирански («намаз»). Кроме того названия молитв также новоиранские. Первая молитва (на рассвете) — «намази бамдад», вторая (в полдень) — «намази пешин», третья (предвечерняя) — «намази дигар», четвертая (на закате) — «намази шам», пятая (с наступлением ночи) — «намази хуфтан». Формулу намерения («нийа») произносят не на арабском языке, а на новоиранском. Ново-

иранские названия молитв приняли некоторые тюркоязычные народы: казахи, кыргызы, туркмени, узбеки, уйгуры. Ими также был принят новоиранский вариант формулы намерения («нийа»). В отличие от арабских стран в Средней Азии молиться без головного убора категорически запрещено. Считается, что на непокрытой голове сидит «шайтан». Также не положено посещать мечети женщинам.

Таким образом, средневосточный и центральноазиатский ислам отличается от арабского. В нем наблюдаются пережитки старой, местной зороастрийской религии. Затем эти пережитки проникли и к тюркоязычным народам.

Абдуллоев 2009 — *Абдуллоев Д.* Средняя Азия в VII–XIII веках и вопрос о согдийском культурном наследии. СПб., 2009.

Бартольд 1963а — *Бартольд В. В.* Общие работы по истории Средней Азии. М., 1963. Соч. Т. 2, ч. 1.

Бартольд 1963б — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. Соч. Т. 1.

Башкирско-русский словарь 1958 — Башкирско-русский словарь. М., 1958.

Большаков 1989 — *Большаков О. Г.* История халифата. М., 1989. Т. 1.

Булатова 1972 — *Булатова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1972.

Бурхон 1994 — *Мухаммадхусейни Бурхон.* Бурхони котеъ. Душанбе, 1994. Т. 2 (на перс. яз.).

Гафуров 1989 — *Гафуров Б. Г.* Таджики. Душанбе, 1989.

Гиёсиддин 1988 — *Мухаммад Гиёсиддин.* Гиёс-ул-лугат. Душанбе, 1988. Т. 2 (на перс. яз.).

Древности Таджикистана 1985 — Древности Таджикистана (каталог выставки). Душанбе, 1985.

Ирвинг 1857 — *Ирвинг В.* Жизнь Мухаммеда. М., 1857.

Колесников 1967— *Колесников А. И.* Две редакции письма Мухаммада сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу // Палестинский сборник. Л., 1967. Вып. 17 (80). С. 74–83.

Киргизско-русский словарь 1965 — Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Литвинский, Зеймаль 1971 — *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепе. М., 1971.

Массэ 1982 — *Массэ А.* Ислам. М., 1982.

МИТТ 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л. 1939. Т. 1.

Наршахи 1979 — *Мухаммад Наршахи.* Таърихи Бухоро. Душанбе, 1979 (на перс. яз.).

Петрушевский 1966 — *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране. Л., 1966.

Пещерева 1959 — *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л. 1959.

Пугаченкова, Ремпель 1958 — *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.

Розен 1889 — *Розен В. Р.* Рец. на: «Alberunis India» Ed. by E. Sachau // ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. 3. С. 146–162.

Русско-азербайджанский словарь 1946 — Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1946. Т. 1–4.

Русско-казахский словарь 1954 — Русско-казахский словарь. М., 1954.

Русско-персидский словарь 1965 — Русско-персидский словарь. М., 1965.

Русско-таджикский словарь 1949 — Русско-таджикский словарь. М.; Сталинабад, 1949.

Русско-татарский словарь 1984 — Русско-татарский словарь. М., 1984.

Смирнова 1970 — *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М., 1970.

Снесарев 1969 — *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Турецко-русский словарь 1977 — Турецко-русский словарь. М., 1977.

Туркменско-русский словарь 1968 — Туркменско-русский словарь. М., 1968.

Узбекско-русский словарь 1959 — Узбекско-русский словарь. М., 1959.

Уйгурско-русский словарь 1961 — Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.

Фарханги забони точики 1969 — Фарханги забони точики. М., 1969. Т. 1–2.

Худуд ал-Алам… 1962 — Худуд ал-Алам Мин ал-Машрик Ила ал-Магриб. Тегеран, 1962 (на перс. яз.).

A. S. Guneri (Izmir, Turkey)

The "Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)" Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010

The OTAK Project, designed for researching on archaeological sources of the Turkic culture in Central Eurasia is a Dokuz Eylul University Project. The main objectives of the project are to explore, decribe, identify and classify all kinds of archaeological material belonging to the Turkic speaking people in the contex of the history of Eurasian nomadic cultures and also establish scientific relationships with relevant scientific institution from Russian Federation and the other central Eurasian countries. One of the most important aims of the OTAK, is to organize meetings (i. e. *icea*) in order to gather Eurasian archaeologists around the same scientific table in Turkey.

We can express what we have done so far with in the scope of the project as follow: 1) The "Center for Studies on Caucasian & Central Eurasian Archaeology, KAM" found within the Dokuz Eylul University, in 1998; 2) In 1997, 2001–2004, 2009 and 2010, total seven archaeological field activities have been carried out in Mongolia, Southern Siberia, Northwest China and Kazakhstan; that's to say, around the Altai Mountain region (Guneri 2005; Güneri 2006; 2010a; 2010b; Güneri et al. 2005). One of them was an excavation which carried out in 2003 on kurgans near Tuul Gol, Altanbulag, central Mongolia, be half of my University (Güneri et al. 2005). Researches in museums and surface surveys have been done in the central Mongolia, Southern Siberia, Kazakhstan and Northwest China (Guneri 2005; Güneri 2006; 2010b). Since 2009, our recent studies on the Turkic archaeological remains in western Mongolia has been continued and it seems it will also be kept on in future (Güneri 2010a); 3) *"The Institute of Anatolia & Eurasia"* (within the "Eurasian Association of Archaeology"), as the first Eurasian archaeological institution of Turkey found in İzmir and the first edition of the journal *"Archaeology of Anatolia & Eurasia"* periodical issued in 2005; 4) The first meeting of the "International Congress of Eurasian Archaeology (ICEA)" held in Çeşme, in 2007; abstracts book and FICEA 2007 Çeşme proceedings have been published be half of *The Institute of Anatolia & Eurasia* (Ficea 2007 Cesme, Abstracts 2007; Ficea 2007 Cesme, Reports 2009) and *Center for Studies on Eurasian Archaeology, KAM* (http://web.deu.edu.tr/kam)*;* 5) The second meeting of the "International Congress of Eurasian Archaeology (ICEA), East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures" held in Tire, in 2010; abstracts book has been published (Icea 2010 Tire, Abstracts 2010), ICEA 2010 Tire proceedings have already been preparing for publishing, be half of *The Institute of Anatolia & Eurasia* and *Center for Studies on Caucasian & Central Eurasian Archaeology*, KAM"; 6) The third meeting of the "International Congress of Eurasian Archaeology (ICEA), Ethno-Cultural History of the Turkic Speaking People in Eurasia" will take place in Demirci, near İzmir, in 2011; the congress will be organized by *"The Institute of Anatolia & Eurasia* and *Center for Studies on Caucasian & Central Eurasian Archaeology*, KAM"; extensive knowledge can be found at our web-site; 7) Finally, going by our archaeological studies in Eurasia since 2001, my university have decided to found *"The Institute for History of the Turkic Material Culture in Eurasia"*. As it's understood, researches on the Turkic archaeology in Eurasian territories will be done in the Institute, and also young scientists from Turkey and from other countries are going to be trained within the doctorate and MBA programs. We expect that the Institute will start to work in 2011. I hope and I wish we could benefit from Russian scientists' experiences in Turkey in this scientific process.

Our western Mongolian surveys carried out in 2009 and 2010 were made in the two different areas. In 2009, we recorded numerous rock images and kurgans and/or memorial places on the long and wide valley between Tsengel Sum and Khar Nuur which lies approximately 50 km North to South, on the left side of Khovd Gol. The average altitude of the valley is 2.400 m above sea level. Numerous tombs, sanctuaries, stone stelae and rock images were found on this valley (fig. 1, *3*, 2, *1, 2*). Main area in which the rock images densely found is the southern parts of the valley.

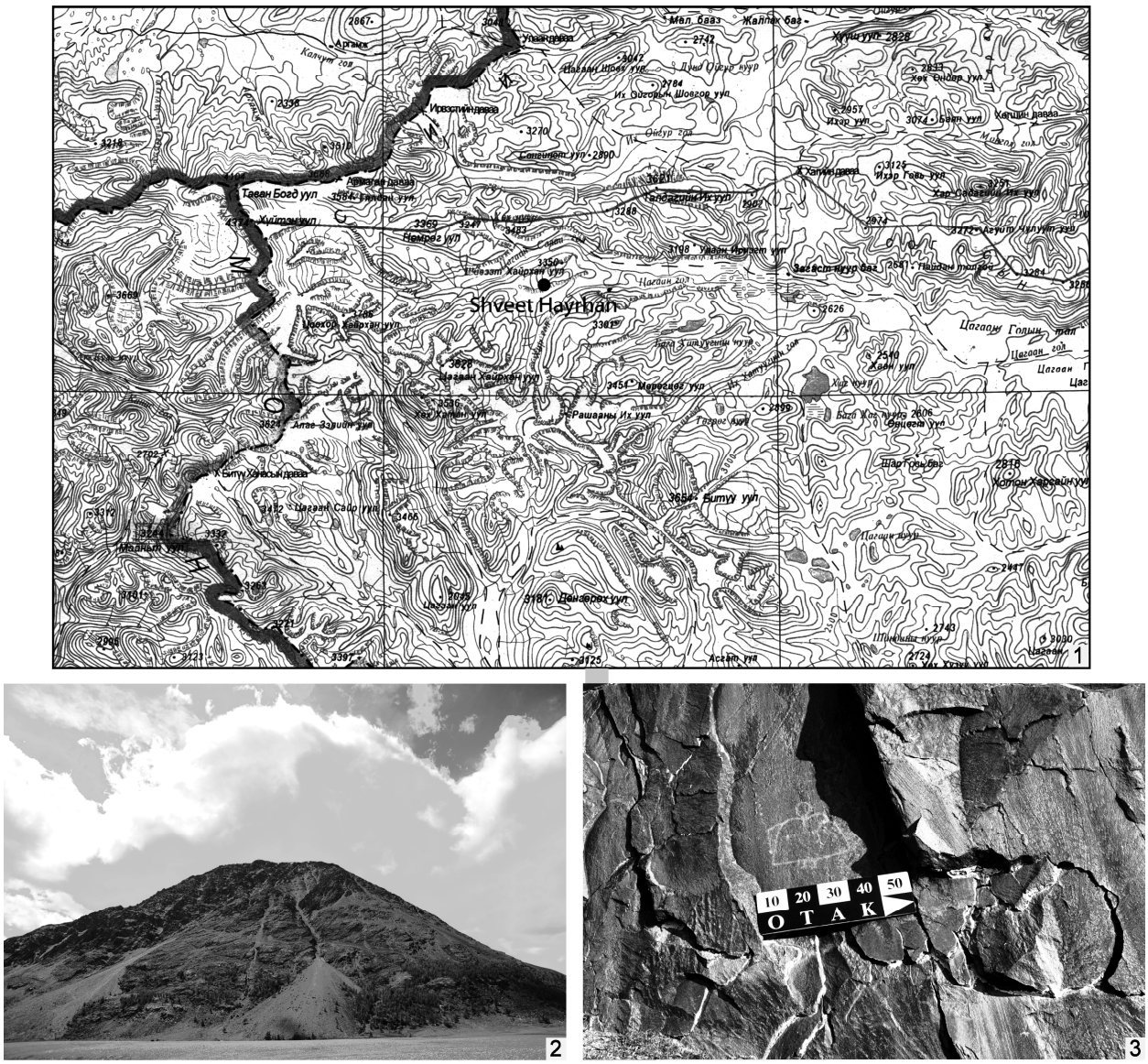

Fig. 1. 1 — map of Bayan Olgiy Aymag, Shveet Hayrhan region;
2 — Shveet Hayrhan mountain, view from North; 3 — rock image from Ortha valley, Atbasty region

Numerous rock images have been recorded on the several points of the valley so called *Atbasty*, *Koybasty*, *Tamgalytas*, *Tamgalytay*. Especially *Atbasty* point has many rock images. During nearly four weeks of our works period in this area, a large number of tombs and/or sanctuary, stone stelae, taşbaba were recorded. All the finds have been recorded on computer, drawn and taken by digital and analog (colored and black-white slides) formats with their detailed descriptions and geographic locations.

Our 2010 works were carried out on the slopes of Shveet Hayrhan mountain (fig. 1, *1*) which is located in the westernmost side of the Bayan Olgiy Aymag. Shveet Khayrhan is situated 30 km far from the Tavan Bogd summits which lie on the intersection point of the three countries (Mongolia, China and Russian Federation) borders, is a little mountain about 20 km in diameter and 3500 m high above sea level. Tsagaan Salaa flowing from the North of the Shveet Khayrhan merges with the Khar Salaa, which flows from the South of the mountain, on the east corner of the Shveet Khayrhan. New branch of the two river flows to the eastern direction as “Tsagaan Gol”. We made two camps in the North and South of Shveet. We previously focused on the untouched “Turkic kurgan complexes” which lie on the waste plain between the northern side of the mountain and Tsagaan Salaa; this spectacular area is undoubtedly of great importance for the Turkic archaeology in Altai.

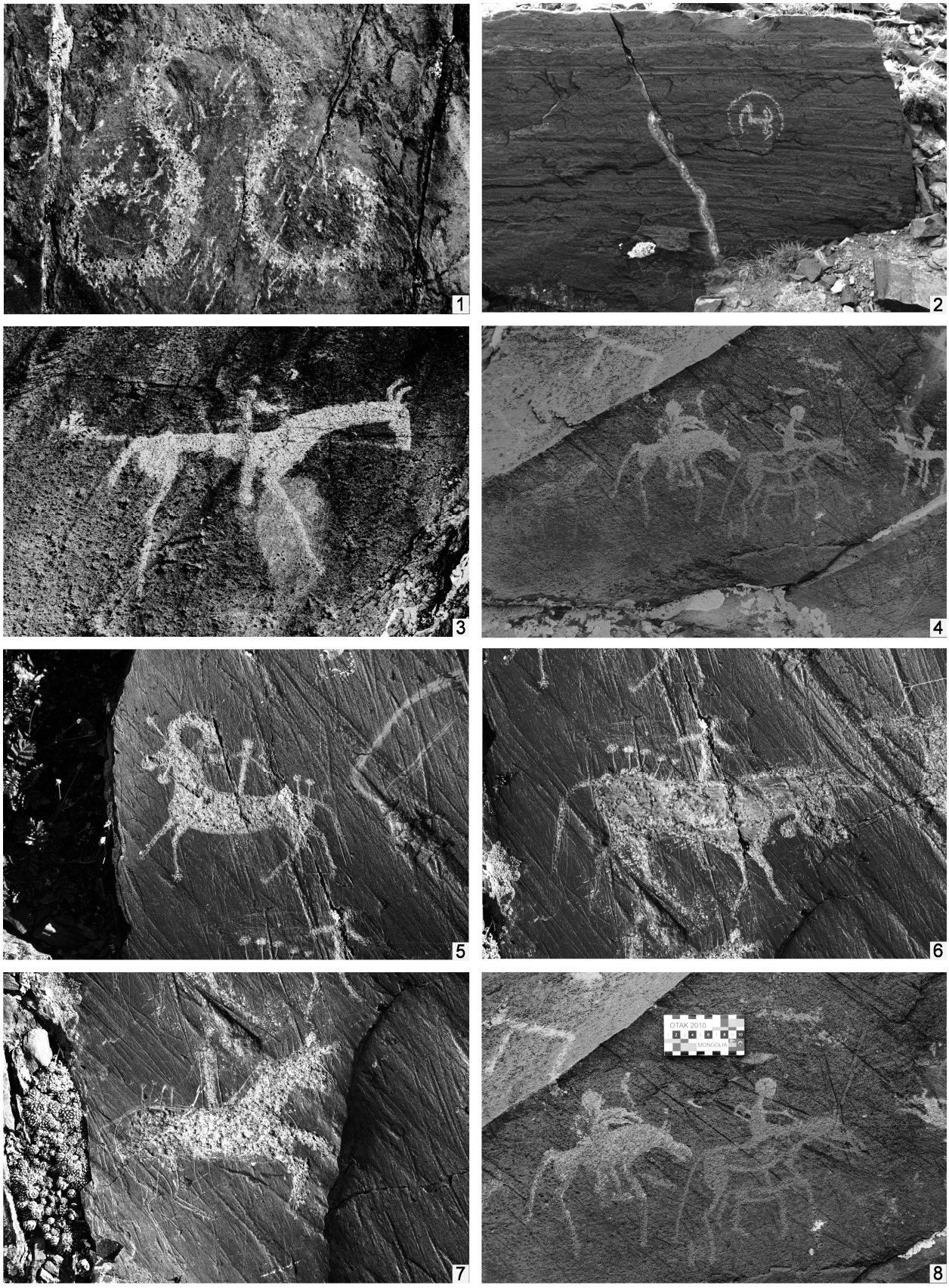

Fig. 2. Rock images: 1 — from Ortha valley, Koybasty region;
2 — from Ortha valley, Tamgalytas region; 3–8 — from Shveet Hayrhan region

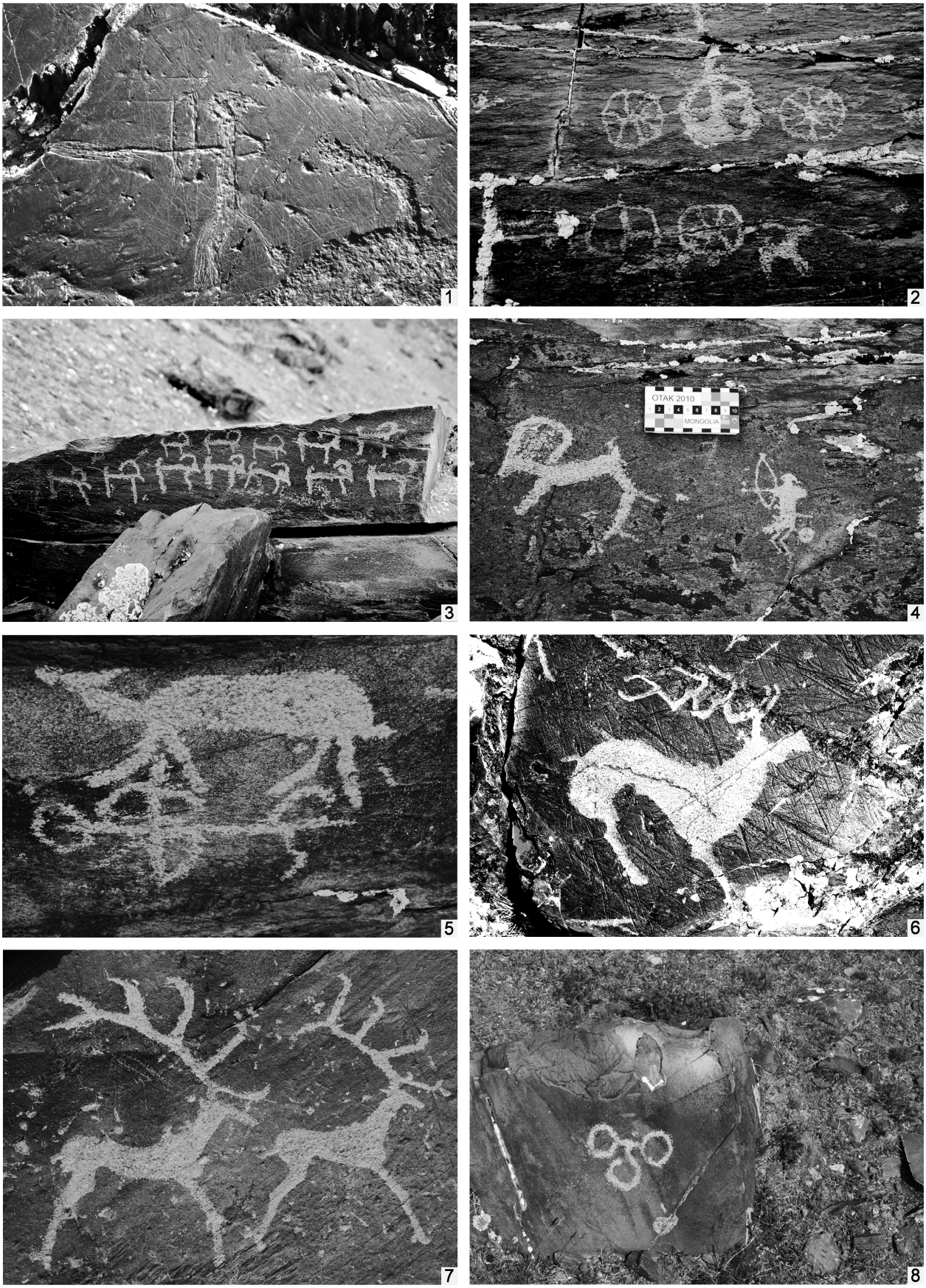

Fig. 3. Rock images from Shveet Hayrhan region

We do not have hardly any idea about what there are inside of the tombs. There hasn't been any excavations on the Altaian Turkic complexes, except for some minor activities in Russian sides of Altai, so we couldn't unfortunately yet know what the complex has kept. And we have no idea whether there has also been any complexes in different shapes and scales or not, except those of well-known rectangular shaped, surrounded by stone fence around, small (2 x 3 m; 3 x 5 m) and large (5 x 7 m; 7 x 9 m) complexes of the old Turks. Because there's no excavated exemplary complexes sufficiently belonging to the old Turks in Altai. Additionally, a group of complexes among numerous kurgan complexes that we recorded during our studies in 2009 and 2010, which we couldn't identify and date exactly them, were not rare. Weren't there any tombs belonging to the Turks, among them? We unfortunately couldn't know it; however, we think that archaeological remains, especially kurgans, from the Turkic speaking people of the region may have been much more variations in shape and also in scale. A group of striking finds from newest excavations in central Mongolia near Tuul Gol, carried out in 2009, by A. Ochir, surprised all of us and somehow its materials confirming our expectations.

The first systematic research is the OTAK 2009 works in the Ortha valley, Bayan Ölgiy, Mongolia so far (Turbat et al. 2009). In our surveys a group of kurgan complexes were recorded in this valley. Those complexes could easily be recognized with their typical shapes and balbals or *tash baba*/*kamenniye baba* (*hun chuluu*). Its surely beyond doubt that any archaeologist could easily describe them; the situation is also same as to rock images. It's possible to distinguish easily the old Turkic materials among them, according to their stylistic traits. Kurgans and rock images belonging to pre-Turkic period are also not rare in this valley.

V. Kubarev pointed out the importance of the Shveet Khayhan's rock images with his valuable studies in the resent years (Kubarev G. 2005a; 2005b; 2009; Kubarev V. 2004; 2006; 2009; Kubarev et al 2005). So indeed, the region was the one of the most important and richest rock art points of Mongolia. There has been numerous and marvellous samples of rock images, especially on the eastern and southern slopes of the mountain, on the plains near Khar Salaa, even on the right bank of the river (fig. 2, *3–8*; 3). The region has thousands of image samples on their especially polished surfaces "rock tables" (so called *Shiree* in Mongolian), lasting from the east corner of the mountain slope to the end of the west side. There has been several lakes on the plain in east–west direction overlooking of the southern slopes of the mountain. The biggest of them all is placed on the waste plain facing of the western corner slopes of Shveet Khayrhan. After this points, towards the northern side of the mountain, rock images have distinctly been decreased in number. When to take a turn the western corner of it, splendid view comes into sight and green zones increase a lot. After leaving Khar Salaa and walking 2–3 hours (10–15 km), when to reach up to the northern side of the mountain, green areas overlooking of Tsagaan Salaa come into sight. The flora on the thousands spring waters slopes are spectacularly rich. Northern slopes of the mountain, overlooking the waste Tsagaan Salaa plains (especially right bank of the river), were decorated with untouched Turkic period kurgan complexes. This waste plain which contains a few more kurgans and stone stelae belonging to earlier times, were undoubtedly a special and sacral place in perpetuity. More than 30 Turkic kurgan complexes recorded on this area and, fortunately no one has been destroyed by mankind hands yet.

During the 2009–2010 campaigns of our Mongolian works (this is the first to be in Altay region), some points have drawn our attentions: we could describe exactly only Turkic remains, with their complex shapes, their balbals, *tashbaba* and their inscriptions, among all other archaeological remains belonging to earlier times of the Turkic period. Unfortunately, we couldn't identify exactly earlier ethnic groups and their languages of Altai as well as Turks. We couldn't know which groups of materials were belonged to which ethnic groups. Since we sufficiently haven't information about the Turkic archaeology, it seems, it's impossible to know exactly what kind of relationship there were between the Turks and earlier ethnic cultures in the same area. However, archaeological materials and inscriptions crack some little windows for us. For instance, we can establish little similarities between archaeological remains so called "*bronze age kurgan complexes*", "*Pazyryk type tombs*" and Turkic kurgan complexes according to their exterior views. We have some evidence that Huns were also speaking Turkic language (Mallory 2002:

256). We should at least theoretically accept that the Turks did not appear suddenly in the Altai in the first half of the Ist millennium AD and; the Turkic language hadn't been invented just a few years ago written stones erected on the central Mongolian steppes. Perhaps Turkic speaking people were in Altai since earlier times than those known. We can theoretically voice this assertion. Because this is possible. However, we should have more information about the Turkic material culture in Altay region and especially in Mongolian territory which has richest archaeological documents of the old Turks. That's why, we should seriously research the archaeological materials occurred on the Mongolian territories which is the oldest mainland of the old Turkic speaking communities.

In 2009, Mongolian archaeologists excavated a round shaped kurgan belonged to a "Turkic Kagan", 100 m in diameter and 0.5 m high, located near Tuul Gol, 160 km west of Ulanbaatar. Grave was 6 m deep from the ground level. Nobel man's mummied body were in the wooden double deck coffin with 70 of terracotta soldiers holding a flag with their hands and dressed and undressed wooden human figurines. Then, a painted wooden and terracotta figurine of bird, horse, camel, cow, ship, pork, dragon, lion, tiger and also many of white and black flags were found in the wooden coffin with deceased. Undoubtedly, most striking finds among them were the inscriptions. According to given information, two monumental inscriptions incised (written) on the stone blocks with Chinese letters. The inscriptions dated to 770 AD, gives information about dating of the kurgan and its owner. According to inscriptions, kurgan belonged to noble man who were the head of the Pugu tribe, as one of the most important princes coming from the Uyghur family depended on Göktürk Emperor. As a prominent commandant of Göktürk Kaganat, owner of kurgan, had conducted the battles in the Tibet, Turpan, and East Asia. He was one of the greatest nobleman who had deserved the degree of having a golden harness and golden belt. He was also a ruler of a big part of the Turkic Kaganates in central Mongolian territory who has "Tutuk" degree. This information, prepared by A. Ochir, was taken from the brief report of 2009 excavations which had been given to TICA (Turkish International Cooperation and Development Agency, in Ulaanbaatar).

The inscriptions and archaeological materials found during the excavation period are not ordinary findings, besides they are surprising for all of us. This is the first excavated Turkic kurgan which is in such a large extent so far. Findings discovered in the kurgan are of great importance for Turkic history in Eurasia. Because there are not yet any analogy to them; and as i have explained at every turn, the new archaeological materials to be discovered in the every Turkic tombs hereafter, will surprised all of us. Because, that all material to be discovered in the Turkic tombs will be first found and they will contribute significantly to the researches on history of the Turkic speaking people of Eurasia.

Ficea 2007 Cesme, Abstracts — Abstract Book of the First International Congress of Eurasian Archaeology, FICEA 2007 (Ed. A. S. Guneri), 21–24 May 2007 Cesme. Izmir, 2007.

Ficea 2007 Cesme, Reports — Proceedings of the First International Congress of Eurasian Archaeology, FICEA 2007, 1 (Ed. A. S. Guneri), 21–24 May 2007 Cesme. Izmir, 2009.

Guneri 2005 — *Guneri A. S.* Preliminary Report of the OTAK (Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Asia) Project: Investigations in Southern Siberia and Mongolia // Archaeology of Anatolia & Eurasia. Izmir, 2005. 1. P. 15–33.

Guneri 2006 — *Guneri A. S.* OTAK Projesinin Avrasya Turk Arastirmalarina Katkilari (OTAK Project and its Contributions to Eurasian Turkic Studies) // XV. Turk Tarih Kongresi, 11–15 Eylul 2006. Ankara, 2006. Bildiri Ozetleri Turk Tarih Kurumu Yayini. P. 90–92.

Guneri 2010a — *Guneri A. S.* OTAK Project 2009–2010, Works of Mongolia: Preliminary Report of the Researches of Bayan Ölgiy // Archaeology of Anatolia & Eurasia. 2010. 1–2 (in press).

Guneri 2010b — *Guneri A. S.* OTAK Projesinin Avrasya Turk Arastirmalarina Katkilari (OTAK Project and its Contributions to Eurasian Turkic Studies) // XV. Turk Tarih Kongresi, 11–15 Eylul 2006. Ankara, 2010. Bildiriler (in press).

Guneri et al. 2005 — *Guner, A. S., Battulga Ts., Turbat Ts., Erdene Ye.* Otak Project 2003. Works of Mongolia: Excavations at Altanbulag Erdenekhairkhan Kurgans // Archaeology of Anatolia & Eurasia. Izmir, 2005. 2. P. 85–106.

Icea 2010 Tire, Abstracts — Abstract Book of the Second International Congress of Eurasian Archaeology, ICEA 2010 Tire (Ed. A. S. Guneri). 1–5 May 2010, Tire. Izmir, 2010.

Kubarev G. 2005a — *Kubarev G. V.* (*Кубарев Г. В.*) Kultura drevnih tyurok Atlaya (po materialam pogrebalnih pamyatnikov) [Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)]. Novosibirsk, 2005.

Kubarev G. 2005b — *Kubarev G. V.* (*Кубарев Г. В.*) Rannesrednevkoviye vsadniki v petroglifah Shiveet-Hayrhana (Mongolskiy Altay) [Раннесредневековые всадники в петроглифах Шивит-Наурана (Монгольский Алтай)] // Mir naskalnogo iskusstva (Мир наскального искусства). M., 2005. P. 149–153.

Kubarev G. 2009 — *Kubarev G.* Eski Türklerin Tarihi ile İlgili Bir Kaynak Olarak Altay Petroglifleri (with Russian text) // Ficea 2007. Cesme, 2007. P. 145–158.

Kubarev V. 2004 — *Kubarev V. D.* (*Кубарев В. Д.*) Voorujeniye drevnih kochevnikov po petroglifam Altaya (Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая) // Arheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii (АЭАЕ). 2004. No. 3. P. 65–81.

Kubarev V. 2006 — *Kubarev V. D.* (*Кубарев В. Д.*) Mifı i rituali, zapechatlenniye v petroglifah Altaya (Мифы и ритуалы в петроглифах Алтая) // Arheologiya, Etnografiya i Antopologiya Evrazii (АЭАЕ). 2006. No. 3. P. 41–54.

Kubarev V. 2009 — *Kubarev V.* Merkezi Asya Petroglifleri Kahramanlık Destanı ve Ölü Gömme Geleneklerinde At (with Russian text) // Ficea 2007. Cesme, 2007. P. 159–176.

Kubarev et al. 2005 — *Kubarev V. D., Tseveendorj D., Yakobson E.* (*Кубарев В. Д., Цевендорж Д., Якобсон Э.*). Petroglifi Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongolskiy Altay) [Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай)]. Novosibirsk, 2005.

Mallory 2002 — *Mallory J. P.* Hint Avrupalilarin Izinde (In Search of the Indo Europeans Language, Archaeology and Myth. Leipzig). Ankara, 2002.

Turbat et al. 2009 — *Turbat Ts., Bayar D., Tseveendorj D., Battolga Ts., Bayarhuu N., Iderhangay T., Jiskar P. H.* Mongol Altayn Arheologiyn Dyrsgaliid. Bayan-Ölgiy Aymag, Ulaanbaatar, 2009. 1.

Р. Г. Жамсаранова (Чита, Россия)

Об этнониме «чжурчжэнь»

Изучение древних этнонимов всегда сопряжено с отсутствием прямых доказательств при этимологизации названий племен и народов. Тем не менее, из отечественной научной литературы, посвященной исследованиям центральноазиатских этносов, можно извлечь достаточно богатый экстралингвистический материал, способный опосредованно представить тот или иной период истории. Возможным представляется обнаружить какие-либо косвенные сведения об этнографическом прошлом населения описываемой территории в записках иностранных путешественников и писателей, посетивших «северные страны», территориально сопоставимые с Даурией, в разное время с XII по XVI в.

История чжурчжэней — исторических предков маньчжуров, впрочем, как и прошлое многих народов Северной Азии состоит из череды межплеменных войн, междоусобиц, нападений и грабежей, во время которых племенам приходилось отстаивать свое право на жизнь. Имя чжурчжэней, благодаря их военно-потестарному государственному образованию под названием Айсин-Гурун, которое они создали за весьма недолгий исторический период, прославило также их военное искусство и военное снаряжение.

На рубеже нашей эры на территорию Восточной Маньчжурии и Приморья из Забайкалья переселяются значительные группы тунгусских племен пеших охотников, ставших впоследствии известными под именем *илоу* или *иру*, которые генетически никак не были связаны со своими предшественниками на указанной территории.

Начиная с Н. Я. Бичурина, почти все исследователи относят *иру* (*илоу*) к тунгусским племенам на том основании, что позже на месте их расселения письменные источники называют племена *узци*, они же *мохэ* или, иначе, *мукри*, тунгусоязычность которых не вызывала ни у кого сомнений (Шавкунов 1976: 60–61, 68). До появления *иру* на территориях Маньчжурии и Приморья эти земли были заняты древними *сушэнями*-аустронезийцами, причем, возможно, вперемешку с потомками нивхоязычных носителей янковской археологической культуры. Переселение *иру* с Забайкалья в Приморье произошло, по мнению Э. В. Шавкунова, где-то на рубеже нашей эры, когда впервые упоминается о вооруженном выступлении *иру* в 220–226 гг. н. э. на страницах «Сань го чжи» и «Хоу Хань шу».

Примерно в это же время первые группы тунгусских племен таежных охотников переселяются из Забайкалья в Приамурье, откуда они затем двинулись в Восточную Маньчжурию и Приморье (Василевич 1969: 260). Вероятно этот факт, связанный с историей древних тунгусов опосредовал мнение Э. В. Шавкунова о тунгусоязычности *иру*.

Это мнение обосновывалось и на сходстве материальной культуры древних тунгусов и *иру*, которые также как и древние тунгусы «жили в глубоко впущенных в грунт землянках, а летом в жилищах, сооружаемых в подражание птичьим гнездам. Одеждой в летнее время им служили небольшие куски полотна длиной в 1 чи (32 см), которыми они прикрывали свое тело спереди и сзади. Помимо полотна и шкур животных *ирусцы* использовали для пошива одежды кору какого-то дерева, скорее всего бересту» (Шавкунов 1990: 35).

На новых землях *иру* пришлось перенять новые для них черты культурно-хозяйственного уклада. Э. В. Шавкунов пишет, что письменные источники, сообщая о племенах *иру*, единодушно отмечают, что наряду с охотой они занимались также земледелием и свиноводством, что, как известно, предполагает оседлый образ жизни, и совершенно неприемлемо для пеших охотников, ведущих бродячий образ жизни. Переход от бродячего к оседлому образу жизни вызвал также и социальные сдвиги в общественной жизни *иру*, нашедшие отражение в появлении больших патриархальных семей, в зарождении родо-племенной знати, выразившееся в передаче власти по наследству от отца к сыну.

Иру были отличными стрелками из лука, превосходными мореплавателями, что позволило им стяжать славу «жестоких и буйных» по характеру людей, у которых в почете были крепкие, сильные мужчины, пренебрегая стариками. «Умерших в тот же день предавали погребению в труднодоступной местности и сооружали над могилой небольшой деревянный срубный домик, куда в качестве провианта усопшему клали тушу свиньи» (Там же: 58).

В летописях династии Тоба-Вэй (386–534 гг.) в IV–V вв. появляется упоминание о племенном названии *мукри*. По мнению Э. В. Шавкунова под *мукри* следует понимать *иру*. Прежнее название *иру* сменилось в эпоху Тоба-Вэй на этноним *мукри*. Одновременно племенное название *мукри* упоминается и на территории Южной Сибири. Э. В. Шавкунов объясняет это тем, что «в конце II в. какая-то часть племен *иру*, которые, возможно, уже тогда стали называться *мукри*, вместе с сяньбийцами вынуждена была переселиться на Алтай» (Там же: 36). От сяньби *мукри* переняли, по-видимому, коневодство, со временем превратившееся у *мукри* в одну из важнейших отраслей хозяйства (Там же: 37).

В V в. *мукри* являются уже вполне сложившейся и хорошо организованной военно-политической силой, с которой считались и правители далекого Китая. *Мукри* приходилось отстаивать свои территории от набегов киданей, участвовать в войне в союзе с Когурё против Китая в 598 г. Такова вкратце предистория племени *мукри*, имя которого, начиная с VII в., связано с отдельным государством Чжэнь, правители которого получили от Китая титул удельного княжества Бохай. Бохай постепенно становится синонимом всего *мукрийского* государства (подробнее см. там же: 39–40).

Столь подробные сведения о племенах *иру*, *мукри*, *бакари* (бакари — одно из поздних названий племени иру, связанное со сменой типа хозяйствования) и истории государства Бохай, опи-

санные, преимущественно, в работах Э. В. Шавкунова, приводятся нами в целях лучшего представления той социально-политической обстановки I–IX вв., которая может пролить свет на темные пятна в истории смежной с территорией Приамурья исторической Даурии. Историческое прошлое «тунгусского» периода территории, известной как Забайкалье, равно как и прошлое племен, населявших этот регион, изучено в столь малой степени, что требует опоры и привлечения материала по исследованным этапам истории сопредельных с Забайкальем регионов.

Наше внимание привлекли следующие моменты в описании древних *иру*. Эти *иру*, по мнению Э. В. Шавкунова, переселились из Забайкалья далее на восток в начале нашей эры. Это были пешие таежные охотники, собиратели, имевшие зимние жилища в виде землянок, расположенных по берегам рек, и летние конусообразные, крытые берестой строения по типу чумов древних тунгусов.

У среднесибирских эвенков, по замечанию М. Г. Турова, в конце XIX–начале XX в. были известны два типа жилищ — корьевой чум (называемый *голомо* и *угдама дзю*) и конструкция *голомо* с покрытием землей и дерном (Туров 1990: 153). О других типах жилищ, тем более о следах древних землянок, приуроченных к берегам рек и предназначенных для зимнего проживания, у эвенков Средней Сибири, как видно, не упоминается.

К тому же, оленный тип хозяйствования эвенков, освоивших всю континентальную часть Северной Азии от Енисея до Тихоокеанского побережья, предполагает «бродячий» образ жизни, подчиненный, тем не менее, особенностям климатической зоны, местности, зависящий от количественного состава оленного стада, незанятости охотничьих угодий и наличию прочих объективных факторов. Наличие же землянок не соответствует «бродячему» способу ведения хозяйства, что предполагает иную этническую принадлежность *иру* , нежели тунгусо-маньчжурскую.

Землянки по берегам рек отмечены в качестве одного из наиболее распространенных типов жилищ у предков самоедоязычных селькупов, о чем свидетельствуют находки археологов в поймах рек Западной Сибири. Подобный тип жилищ подробно описан в работе Г. И. Пелих (1972).

Забайкальские археологи отмечают наличие многочисленных жилищ полуземляночного типа в культуре племенных объединений *шивей*, занимавших значительную территорию в районе Верхнего Амура и в бассейнах рек Онона, Ингоды, Шилки, Аргуни. Племена *шивей* в китайских летописях начинают упоминаться с VI в. Центром расселения *шивей* на территории Забайкалья считают бассейн р. Шилка, где археологами были найдены самые крупные могильники (до 100 погребений в каждом) и укрепленные поселения-городища. По форме эти городища и жилища-землянки напоминают аналогичные сооружения приамурских племен *мохэ*, с которыми *шивей* находились, видимо, в тесных контактах (История … 2001, 19).

Подобный полуземляночный тип жилища был, по-видимому, известен у народов Сибири давно, еще со времен хунну (Древняя Сибирь 1968: 244). Такой подробный экскурс в далекое прошлое аборигенов Восточной Сибири дает более ясное понимание условий хозяйственно-бытового уклада жизни, что позволяет также обосновать этимологический анализ такого древнего этнонима как *чжурчжэнь*. Э. В. Шавкунов первое упоминание этнонима *чжурчжэнь* относит к временам киданей, т. е. к началу X в. Кидани обозначали этим термином некое племя, что, по сути, является экзонимным названием. Как считают исследователи, более ранним названием племени *чжурчжэней* было *мук/мукри* или *бакари* (Шавкунов 1990: 45).

Попытки лингвистического анализа этнонима *чжурчжэнь* как экзонима со значением «непокорный народ» с опорой на слова с семантическим значением «непокорный; упрямый» старомонгольского, монгольского, бурятского и тувинского языков (Там же) представляют собой пример омонимии и вряд ли соответствуют истинному этимологическому значению имени собственного.

Более адекватной с позиций лингвистики нам представляется версия, предполагающая объяснение названия *чжурчжэнь* как собственное самоназвание древнего племени с добавлением в морфоструктуру онима китайского апеллятива *жэнь* «человек». Этимоном корневой основы этнонима *чжурчжэнь* может являться, на наш взгляд, апеллятив селькупского языка *чуэрчэ* (кетский д.) «земля» (СРДС 2005: 288), т. е. буквально «земляной человек» или «человек, живущий в зем-

ле». Эта форма этнонима «различима» в персидском варианте *чиорчиа/чорча*, которую можно считать более корректной транслитерацией этнонима *чжурчжэнь* (Шавкунов 1990: 44) .

Вероятность нашего предположения о самодийском языковом происхождении этнонимного *чжурчжэнь* также обосновывается на приведенных выше историко-этнографических сведениях о древних племенах *иру*, *мук/мукри*, *бакари*, *чжурчжэней*, имевших жилищами землянки. Вероятность самоназвания племени древних предков самоедов в основе которого лежит лексема со значением «земля» подтверждается тем, что основа *чу-* лексически совпадает с атрибутивом *чюл~чюль* ‘земляной; глиняный’ /сельк./. Об этом писал в свое время еще М. А. Кастрен, а именно о том, что этимология самоназвания в 1845 г. среди томских самоедов sysse-gom, schösch-kom, tschûmel-gop, tjûje-gom возможно трактовать как «человек страны» от tschu, tju, sye ‘глина, земля, страна’ (Тучкова 2005: 279). Полагаем, что и в этнониме *чжурчжэнь*, как и в структуре средневекового этнонима селькупов *тюмэлькоп/чюлакум/чумылькуп* вычленима общая корневая основа *чю/чу* ‘земля; глина; страна’.

В данном случае, вероятно, мотивировочным признаком этимона поздних этнонимов *тюмэлькоп/чюлакум* стал факт этнографического прошлого самодийцев. Так в селькупско-русском диалектном словаре указано, что «раньше остяки в земляных карамо жили» (СРДС 2005: 290). В связи с этими соображениями, иллюстрирующими не только факт этнографического прошлого самодийцев, опосредовавшего семантику корневых основ этнонимов, но и моменты историко-культурных связей племен, проявившихся в «миграции» этнонима, возможно связать древних предков *тюмэлькоп ~ чюмэлгуп* с черноречными мукрийцами. Приамурские племена V–VIII вв. *мукри* вели полукочевой образ жизни с соответствующим типом жилищ. «Согласно письменным источникам, черноречные мукрийцы зимой проживали в землянках. Последние представляли собой впущенные в землю ямы, над которыми устанавливались в козлы плахи, покрывавшиеся затем сверху толстым слоем земли и, возможно, дерном» (Шавкунов 1990: 73).

Поздними потомками мукрийцев являлись *чжурчжени*, поселения и городища которых обнаруживают остатки таких же, как у мукри жилищ земляночного и полуземляночного типа в бассейне Амура (Там же: 72–74). *Чжурчжени* занимали территорию Приамурья в средние века, оставив после себя богатое культурное наследие. Существуют мнения ученых о возможности связей предков селькупов с древними насельниками Приамурья, в частности с *чжурчженями* (Пелих 1972).

На основании этих сопоставлений данных археологии и лингвистики, позволяющих соотнести определенный период истории приамурских племен с определенными этнонимами, высвечивается древний возраст онима. Так, о древних связях и культурных контактах Приамурья и Енисея на примере территориального распространения масок-личин пишут археологи. Е. А. Окладникова указывает, что «удалось отметить сюжетное сходство петроглифов, изображающих маски-личины» на территории от Сакачи-Аляня и Ангары до Мугур-Саргола-Чинге на Енисее, Томи и Урала. Это явление можно объяснить двумя причинами. «Сходные черты личин на петроглифах и само их наличие свидетельствует о конвергенции. Или имели место древние контакты между теми, кто оставил петроглифы Амура, Ангары–Енисея–Томи и Урала (Вишеры), т. е. существовали условия для миграции сюжетов от Тихого океана на Запад» (Окладникова 1978: 83).

А. П. Окладников предполагает, что сходство антропоморфных изображений-масок Приамурья, Ангары, Томских скал и Урала объяснимо древними контактами населения Минусинской котловины с насельниками Амура. По его словам, эти культуры близки с глазковской культурой ранней бронзы Прибайкалья. На основе этих выводов и фактов, археологи не исключают возможность контактов между амурскими и енисейскими племенами (Окладникова 1978: 85).

Предположение о древнесамодийском этническом начале племен *чжурчжэней* — потомков *иру* основано и на описании погребального срубного домика над могилой. Подобный тип захоронения отмечен в этнографической литературе в свое время у предков селькупов (наряду с другими, описанными Г. И. Пелих типами погребений, что свидетельствует в пользу сложного этнического состава селькупов), ненцев, хакасов (Нелавин 1847: 136–137; Кызласов 1980). Известно, что

Рис. 1. Забайкалье, Ононский р-н, надмогильный срубный «домик»

погребальная обрядность является наиболее консервативной частью духовной культуры этноса. Поэтому обнаруженные в полевых экспедициях по региону подобного рода захоронения с надмогильным срубным домиком могут быть материальным подтверждением этого тезиса (Полевые материалы 2004–2010 гг.). Эти надмогильные срубные домики были найдены в нескольких населенных пунктах края. Местное население считает эти захоронения на сельских кладбищах бурятскими или тунгусскими, что в свою очередь, подтверждает сложный, неоднородный и имеющий явно общие корни этнический состав автохтонного населения Забайкалья.

В Приаргунье нами записано сведение, полученное от информанта В. П. Полякова, о том, что на местном кладбище в послевоенные годы были сожжены и уничтожено более десятка подобных «домиков» по причине их ветхости и полуразрушенного состояния. Обнаруженный «домик» на одном из кладбищ Ононского района является единственным и к тому же перестроенным. На рис. 1, *1, 2* видно, что этот «домик» довольно большого размера по сравнению с теми, которые были найдены в первоначальном их виде. Как объяснили нам жители, надмогильный сруб переделали родственники «где-то годов 5–6 тому назад, на родительский день» (Полевые материалы 2007 г.). В Шилкинском районе подобные «домики» были оббиты железом (Полевые материалы 2004 г.), что видно на рис. 1, *3, 4*. Согласно надгробной надписи здесь была похоронена Бородина Хлоя Ивановна, скончавшаяся 10.03.1877 г. Высота сруба — 86 см, ширина — 46, длина — 145 см.

Исходя из всех вышеприведенных фактов собственно лингвистического и экстралингвистического характера, представляется возможным не только констатировать факт неоднозначности этноязыкового состава древних аборигенных народов Забайкалья, но и предложить к рассмотрению гипотезу о присутствии самодийского субстрата. В работах лингвистов, если не прямо, но

косвенно и осторожно высказывались мнения о возможном древнем территориальном соседстве самоедов с аборигенными этносами древнего Забайкалья. На это указывает статья Б. А. Серебренникова, где он пишет о наличии лично-предназначительного склонения в ненецком языке, имеющего грамматические параллели с эвенкийским и монгольским языками. Б. А. Серебренников пишет, что хотя грамматические модели, определяющие указание на предназначение обозначенного именем предмета, свойства или действия тому или иному лицу, полностью не совпадают, но это указывает на то, «что по своему значению она некогда приближалась к эвенкийской и монгольской моделям» (Серебренников 1976: 104).

Добавим, что в топонимии и исторической этнонимии хори-бурят нами заявлено о присутствии самодийского онимического субстрата, что исключает однозначное понимание и хори-бурят как только бурят-монголов, и тунгусов Забайкалья как эвенков или эвенов (Жамсаранова 2009). Также обнаружились лексико-семантические параллели в бурятско-селькупской терминологии родства, что не исключает наличие самодийского компонента в этногенезе бурят. Обоснованно также предполагать о диахронном контактировании самодийцев и протобурят на определенной территории, включающей в себя смежные с Забайкальем регионы, что позволяет говорить о былом существовании некоего ареально-языкового «региона», предполагающего билингвизм населения. Об этом свидетельствуют факты наличия лексико-семантических параллелей селькупского и бурятского языков (Жамсаранова 2009: 175–181).

Таким образом, вкупе с экстралингвистическими фактами описания племен Северной Тартарии иностранными путешественниками, собственно лингвистическим анализом древних этнонимов, как, например, *чжурчжэнь*, возможно проникнуть вглубь веков в целях восполнения исторической лакунарности как в генезисе, так и языках и культурах автохтонных народов Восточного Забайкалья и смежных регионов.

Василевич 1969 — *Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). Л, 1969.

Жамсаранова 2009 — *Жамсаранова Р. Г.* Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита, 2009.

История … 2001 — История Восточного Забайкалья. Читинская область. Учебное пособие для учащихся средней школы. Иркутск, 2001.

История Сибири 1968 — История Сибири. Л., 1968 (Древняя Сибирь. Т. 1).

Кызласов 1980 — *Кызласов И. Л.* Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–165.

Нелавин 1847 — *Нелавин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Окладникова 1978 — *Окладникова Е. А.* Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 74–85.

Пелих 1972 — *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Серебренников 1976 — *Серебренников Б. А.* О некоторых ареальных особенностях ненецкого языка // Теория языка. Англистика. Кельтология: сб. научн. Статей. М., 1976. С. 104.

СРДС 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.

Туров 1990 — *Туров М. Г.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990.

Тучкова 2005 — *Тучкова Н. А.* Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западносибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2005. С. 279–282.

Шавкунов 1976 — *Шавкунов Э. В.* Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1976. С. 52–70.

Шавкунов1990 — *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург, Россия)

Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате

Археологическая изученность древних стационарных поселений и фортификационных сооружений еще совершенно недостаточна для законченных суждений об их месте в социально-экономической структуре степных сообществ, в политических процессах, завершившихся формированием степных империй, в сложении цивилизационного облика древних и средневековых кочевников Центральной Евразии.

Нуклеарной территорией степного политогенеза в течение всего I–начала II тыс. н. э. оставалась Монголия и прилегающие к ней горно-степные зоны на юге и на севере Внутренней Азии.

В 1947 г. С. В. Киселев писал: «Не только немногочисленные эфемерные столицы уйгуров, монголов и более поздних властителей Монголии, но и обычная городская жизнь была, очевидно, важнейшей особенностью хозяйственного и политического развития этой части Центральной Азии» (Киселев 1947: 370). Тогда С. В. Киселев мог полагаться лишь на маршрутные наблюдения Н. М. Ядринцева, Д. А. Клеменца, И. Грено, Л. А. Амстердамской и на весьма ограниченные раскопки Д. Д. Букинича в 1933 и 1934 гг. В 1948–1949 гг. сам С. В. Киселев возглавлял Советско-монгольскую историко-археологическую экспедицию, главным объектом исследования которой стало городище Хар-Хорин (Каракорум). Вместе с тем, впервые были осуществлены методически грамотные, но небольшие по объему раскопки на городище Хар-балгас (Карабалгасун), в ходе которых было полностью исследовано лишь одно строение и заложено несколько шурфов на цитадели (Киселев 1957: 92–95).

Тем самым было начато изучение стационарных строений и поселений уйгурского времени (VIII–IX вв.). Ныне известны крупные уйгурские городища не только на Орхоне, но также по Селенге (Байбалык) и Керулену (Хэдун хот), а также не менее десятка сравнительно небольших городищ уйгурского времени в Туве, главными исследователями которых были Л. Р. Кызласов и С. И. Вайнштейн (Данилов 2004: 56–67, 150–153). Теперь, даже в свете очень ограниченных археологических исследований более реально воспринимаются немногочисленные сведения письменных источников о городах уйгуров и месте оседлой культуры в политической и хозяйственной жизни Уйгурского каганата в Монголии.

Наиболее важные сведения о столице Уйгурского каганата содержатся в двух мусульманских источниках, одном арабском и одном персидском сочинениях. Само появление этой информации стало результатом актуальных политических событий того времени.

В 806–810 и в 820–821 гг. уйгурские отряды на рубеже Сырдарьи дважды входили в боевое соприкосновение с арабскими гарнизонами и мусульманами-газиями. Китайская версия Карабалгасунской надписи упоминает о вторжении войск каганата в Фергану, а в согдийской версии того же памятника сообщается, что «счастливый царь (т. е. каган) направил послания эмиру Хорасана и многим другим местным эмирам и правителям». Там же упоминается и эмир Мумин, т. е., по интерпретации Ютака Ёсиды, халиф Мамун (813–833; Yoshida 1990: 117–123). Ответным ходом халифа или его наместника в Мавераннахре стала попытка установить дипломатический контакт с «хаканом токузгузов», т. е. с каганом уйгуров, возглавлявших племенной союз токуз-огузов (Minorsky 1948: 275–305). По другой версии (В. Ф. Минорский), инициатором посольства был Абд ар-Рахман Нишапури, возглавивший в 820 г. восстание в Усрушане и обратившийся за помощью к карлукам и токуз-гузам. В 821 г. Тамим ибн Бахр ал-Муттаува'и, арабский дипломатический агент, выходец из военной среды пограничных газиев, минуя владения карлуков в Семиречье, достиг ставки уйгурского кагана на Орхоне. Отчет о шестимесячном путешествии, записанный со слов Тамима, цитируют в отрывках несколько арабских географов, но лишь в мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха сохранилось достаточно полное описание всего пути и его конечного

пункта — столицы каганата. Тамим прибыл в столицу на сменных лошадях, присланных самим каганом, после двадцати дней путешествия по безводной степи, где он видел только шатры почтовых подстав, снабжавших его лошадьми и едой. Но следующие двадцать дней на его пути уже встречались селения, в которых жили по большей части тюрки, а среди них, добавляет Тамим, были огнепоклонники и зиндики, т. е. манихеи. И вот он въехал в столицу, большой и густо населенный город, окруженный пашнями и селениями (рустаками), которые почти сливались друг с другом. В городе было 12 железных (или: окованных железом) ворот, а внутри его располагались многочисленные рынки. Тамим опять отмечает, что среди населения преобладают зиндики (манихеи). Еще за пять фарсахов до города Тамим увидел громадный золотой шатер царя, установленный на плоской крыше его замка и вмещающий сто человек. Тамим рассказывает, что каган женат на принцессе из дома царя Син, т. е. Китая, а сам царь Китая посылает ему ежегодно 500 тыс. кусков шелка (Там же). Действительно, вступивший в 821 г. на престол Кучлуг Бильге-каган (Чундэ каган китайских источников) был женат на принцессе Тай-хэ, дочери императора Сянь-цзуна (Mackerras 1972: 44–47, 114–122). Что же касается ежегодного обмена уйгурами лошадей на шелк, то известно, что в 827 г. за 6000 лошадей уйгурский каган получил 500 тыс. кусков шелка (подробнее см.: Jagchid 1989: 175–188; Beckwith 1991: 184–198). Как будто подтверждаются и сведения Тамима о многочисленных торгово-ремесленных и земледельческих пригородах уйгурской столицы.

Насколько сопоставим рассказ Тамима и немногие археологические материалы с городища Хар-балгас?

Вот как суммирует их С. В. Киселев: «Хара-балгас, находящийся на р. Орхон, когда-то, очевидно, подступавшей к его стенам, представляет собой огромный город, занимающий пространство до 25 км^2. <…> Чтобы представить себе, каким он был на самом деле, достаточно сказать, что одна цитадель с прилегающими к ней садами занимает в длину почти 1 км. Размеры центральной части города, окруженной специальными валами и находящейся к юго-западу от цитадели, равны 1 х 1 км. Далее идут менее заселенные кварталы и расположенные за внешними валами города сады и обширные усадьбы… Крепость огромна не только в плане. Ее стены и сейчас возвышаются на 10 м., а укрепления цитадели достигают 12 м. В середине крепости стоит донжон — сторожевая башня, возвышающаяся на 14 м над стенами <…> За воротами крепости, к Орхону, тянулись сады, от которых остались правильно распланированные решеткой кварталы. Крепость окружали форты в виде массивных башен» (Киселев 1957: 194). Обнаружены также следы металлургии и металлообработки в отдельном квартале. В 1976 и 1979 гг. городище Хаар-балгас обследовал Ю. С. Худяков, дополнивший и уточнивший наблюдения С. В. Киселева (Худяков 1990: 84–89).

Таким образом, очевидно высокая степень схождения письменного источника и археологических наблюдений относительно размеров города и его структуры (рис. 1).

Через четыреста с лишком лет развалины уйгурской столицы посетил личный секретарь монгольского военачальника и наместника Хорасана, эмира Аргуна, Ала ад-дин Ата-малик Джувейни (1226–1283), ставший впоследствии губернатором Багдада и автором «Тарихи джахангуша» — историографии Чингиз-хана и первых чингизидов. В его краткой заметке впервые зафиксировано подлинное название города, сохранившееся в веках: «Там также есть руины города и дворца на берегу этой реки (Орхона — *С. К.*), чье имя Ордубалык, хотя сейчас он называется Му-балык. Вне руин дворца, напротив ворот, лежат камни с вырезанными на них надписями, которые мы видели сами» (Boyle 1958: 57–58).

Возникает вопрос — можно ли считать эфемерным огромный город на берегу Орхона, уничтоженный завоевателями в 840 г.?

Первое по времени упоминание о его строительстве содержится в надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана на стеле из Могойн-Шине-усу: «У слияния (рек) Орхон и Балыклыг я повелел тогда воздвигнуть державный трон и государственную ставку» (стк. 34). Это сообщение относится, судя по контексту, к 753 г. А уже через 4 года последовал приказ о начале строительства еще одного города: «Я повелел согдийцам и китайцам построить на (реке) Селенге (город) Байбалык».

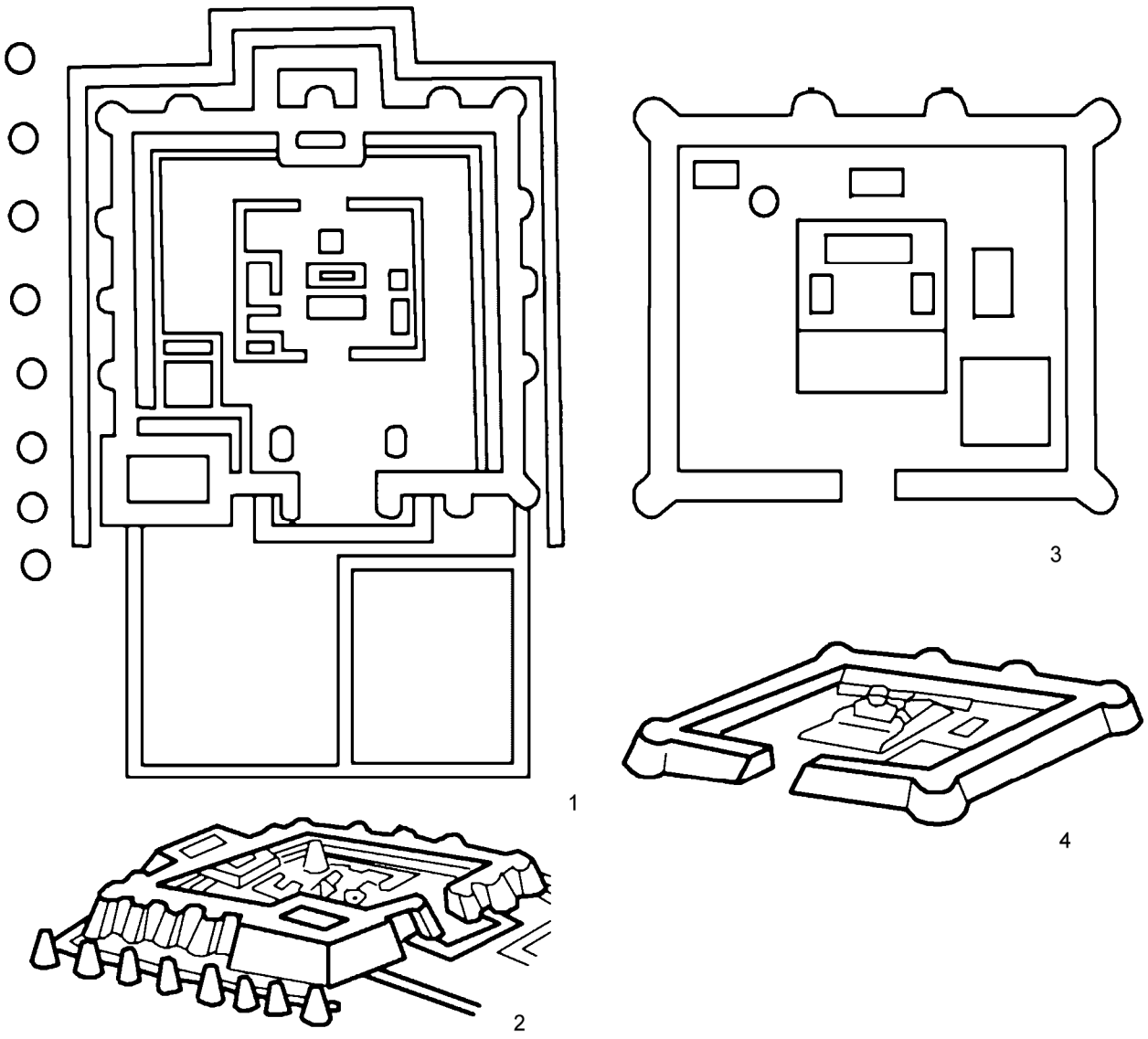

Рис. 1. Уйгурские крепости в Монголии: 1, 2 — Орду-Балык; 3, 4 — Бай-Балык (по Худяков 1990)

И становится понятным, что учреждение города-ставки не было изолированным деянием в политике уйгурского кагана. Он разворачивает целую градостроительную программу, реализуемую весьма последовательно и опиравшуюся на тысячелетние строительные традиции Средней Азии и Китая. Была ли эта тенденция чем-то новым в экономической, политической и культурной практике Уйгурского каганата?

Первые сведения о закладке города во времена, предшествовавшие возникновению в Монголии последнего уйгурского государства (744–840 гг.), содержатся в китайской версии Карабалгасунской надписи. Это сообщение прошло незамеченным, так как китайская версия была долго известна только в устаревших реконструкциях и переводах Г. Шлегеля и В. П. Васильева. После реконструкции надписи Ханеда Тору (1957), появились новые возможности интерпретации и новые переводы как японских, так и европейских синологов. В частности, в надписи сообщается, что «отец Гули Пэйло, Ху-шу, воспринял государство в северных краях и построил столицу на равнине (реки) Орхон» (цит. по переводу Аблета Камалова 2001: 180–183). Вождь уйгуров Ху-шу в 727 г. возглавил в Хэси антикитайское восстание и, после поражения, бежал в степь, на старые уйгурские кочевья по Орхону, признав власть и покровительство тюркского Бильге-кагана (716–734 гг.). Вряд ли построенная им ставка могла стать основой будущего Ордубалыка, но тенденция, воспри-

нятая в Китае, тенденция, которую можно оценить как предшествие урбанистического проекта Элетмиш Бильге-кагана, получила свое начало. А развернувшееся тогда же, при Элетмише и его наследнике Бёгю-кагане, строительство крепостей на границах государства, сделало тенденцию к созданию стационарных сооружений более универсальной, во многом предопределившей цивилизационный профиль позднейшей исторической жизни уйгуров.

Данилов 2004 — *Данилов С. В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

Камалов 2001 — *Камалов А. К.* Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001.

Киселев 1947 — *Киселев С. В.* Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 4. С. 370–371.

Киселев 1957 — *Киселев С. В.* Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

Худяков 1990 — *Худяков Ю. С.* Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1990. С. 84–89.

Beckwith 1991 — *Beckwith Ch.* The impact of the horse and silk trade on the economies of T'ang China and the Uighur empire: on the importance of international commerce in the early Middle Ages // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1991. Vol. 34. P. 184–198.

Boyle 1958 — *Boyle J. A.* The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juwaini. Manchester, 1958. Vol. 1.

Jagchid 1989 — *Jagchid S.* The «Uighur horses» of the T'ang dynasty // Asiatischen Forschungen. 1989. Bd 108. S. 175–188.

Mackerras 1972 — *Mackerras C.* The Uighur empire according to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744–840. Canberra, 1972.

Minorsky 1948 — *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. T. 12. Pt. 2. P. 275–305.

Yoshida 1990 — *Yoshida Y.* Some new reading of the Sogdian version of the Karabalgasun inscription // Documents et archives provenant de l'Asie Centrale. Kyoto, 1990. P. 117–123.

П. Б. Лурье (Санкт-Петербург, Россия)

Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья

Доисламская нумизматика Семиречья занимала важное место в кругу научных интересов Александра Натановича Бернштама. В статье «Тюргешские монеты» (1940) он показал, что монеты с упоминанием племени тюргешей, впервые ставшие известными науке в результате раскопок Лекока в Турфанском оазисе и частично прочитанные Ф. В. К. Мюллером в 1911 г. (Müller 1911), действительно, в массе своей происходят из области расселения тюргешей, то есть, из Семиречья, и относятся к первой половине–середине VIII в., т. е. ко времени расцвета их государства.

В статье «Новый тип тюргешских монет» (Бернштам 1951) вводятся в научный оборот монеты, известные в нумизматике под именем «тухусских». Определение этих монет как чеканившихся племенем тухси (которое в источниках упоминается как суверен восточной части Чуйской долины на рубеже прошлого тысячелетия) определяется чтением легенды как *txws'nk xwβw*. Однако В. А. Лившиц, который первым предложил это прочтение, теперь пишет «Это название (тухусские — *П. Л.*) <…> связывается с именем тюркской племенной конфедерации tuxsī — связь, следует признать, весьма отдаленная» (Лившиц 2002: 167). Нет недостатка и в иных прочтениях легенды: у Дж. Клосона (Clauson 1961: 11–13), Ф. Тьерри (Thierry 1999: 329, 330), Л. С. Баратовой (Baratova 1999: 226–230) — *p'tm's, …tm'/ns γwβ, wγ(')tm'nk, tγ'wms/wγ'tmns/w'γwm's, p'tm's, wγ'tmys', wγtmγai, P'tmys'*. Недавно японский согдолог Ю. Есида (Yoshida 2000: 83, 85) прочитал монету как *wn'ntm'x xwβw* «правитель Уанантмах». Такое чтение имеет несомненное достоинство

перед другими предлагавшимися: мы имеем в таком случае дело с реальным, отмеченным в другом тексте и этимологически транспарантным согдийским именем, букв. «побеждающая Луна». Ни одно из изображений монет данного типа, с которыми мы имели возможность ознакомиться, не противоречит такому прочтению.

За более чем полвека, прошедшие со смерти А. Н. Бернштама, было найдено множество ранее неизвестных монетных типов, ходивших в Семиречье, особенно в Чуйской и Таласской долинах в эпоху, предшествовавшую образованию государства Караханидов. Эти монеты сделаны преимущественно по китайскому образцу: бронзовые, литые, круглые, с квадратным отверстием в центре. Такие монеты аниконичны, и несут на себе только знаки различных племен и династий — тамги, и надписи. Письмо и язык надписей — согдийские, однако в них много имен, этнонимов и титулов тюркского происхождения.

Один из монетных типов представлен несколькими экземплярами, обнаруженными начиная с лета 2007 г. на городище Шиш-тюбе около г. Кара-Балта в западной части Чуйской долины. Они, совершенно идентичные по размеру, по текстам и изображениям, вероятно, были отлиты в одной и той же форме.

На монете с квадратным отверстием в ободке и с ободом по внешнему краю (диаметр 19 мм, вес 2,4–2,6 г) имеются две небольшие тамги, расположенные одна подле другой, из них одна напоминает букву М, а вторая — букву Э. Первая хорошо известна как тамга на многих выпусках тюргешей, а обе тамги вместе присутствуют и на монетах Арслан Кюль-иркина, найденных в восточной части Чуйской долины и на том же городище Шиш-тюбе. На обеих сторонах монеты имеются надписи на согдийском языке.

Их предварительное чтение было размещено нами на сайте www.zeno.ru #46265 и было опубликовано в нескольких местах А. М. Камышевым, включая учебное пособие «Введение в нумизматику Кыргызстана» (Камышев 2008: 89, табл. 15, *14*) и тезисы докладов XV Всероссийской нумизматической конференции (Камышев 2009). В августе 2009 г. автор имел возможность познакомиться с двумя монетами из коллекции А. М. Камышева и сфотографировать их. Еще одна такая же монета опубликована на сайте www.zeno.ru #70019. К лету 2007 г. А. М. Камышеву было известно пять таких монет (Там же: 71).

В настоящее время мы читаем надписи на рассматриваемых монетах следующим образом: 1. (сторона без знаков-тамг — рис. 1, *1, 2, сверху*): *βγy xr'lwx x'γ(')n pny* «монета господина кагана карлуков». 2. (сторона с двумя тамгами — рис. 1, *1, 2, снизу*): *kwp-'k xwt'w* «царь Кöбäк (?)».

Почерк надписей (аккуратный курсив, в котором уже совпали «короткие» буквы) и наличие «уйгурского» *l* позволяют датировать их VIII–началом XI в. На реверсе второе слово — согдийское */xutāw/* «царь». В нумизматике оно отмечено еще на одном монетном типе, происходящем из Тараза и Краснореченского городища, где легенда читается как *xwt'w wxšwt'wy pny* «монета царя Уахшутауа». В. А. Лившиц читает имя на монетах из Тараза и Краснореченского городища как *w'xšwt'wy* (Камышев 2002: 92), я же не вижу здесь первого *алефа*. Имя */Waxušutāw/* нужно понимать как согдийское «могущественный (благодаря божеству) Окса», тюркская этимология имени едва ли возможна, поскольку исконное тюркское слово не может начинаться на *w-*.

kwp'k (возможны также чтения *pwp'k, kwpγ, pwpγ*) на монетах из Шиш-тюбе выступает неким определением «царя», вероятнее всего — его именем. Мы склонны видеть в нем тюрское имя собственное */köbäk, köpäk/*, букв. «собака, кобель» (ср. имя половецкого хана *Кобякъ* в «Слове о полку Игореве» и «Ипатьевской летописи»; Менгес 1979: 102 и сл.). Можно также читать его и как согдийское имя собственное, производное от **kwp* «холм, гора, горб», или, если читать *pwp'k* — то как имя, восходящее к какому-то «детскому» слову типа */pupa, buba/*, иранскому или тюркскому.

Другая возможность — понимать первое слово как прилагательное, относящееся к месту, где правил чеканивший монету «царь». В этом случае его владением был бы некий *kwp* или *pwp* (*'k* — согдийский суффикс относительных прилагательных), и в последнем, возможно, опознается раннесредневековое название селения, существовавшего на месте Шиш-тюбе. Его археологи вполне

Рис. 1. Монеты карлуков (1, 2), монеты яглакаров (3, 4).
Из коллекции А. М. Камышева, фотографии автора

единодушно отождествляют с Нузкетом, располагающимся по свидетельству арабских географов непосредственно к западу от Асбары (Тамды на р. Ашпара; Горячева 2010: 36, 49 и более ранняя литература).

Однако *Нузкет* является не более чем реконструкцией названия. Город в разных источниках представлен в различных графических вариантах, которые сходятся в том, что первая буква его — короткий штрих (т. е. *b, t, θ, n* или *y*), вторая — вав, третья неясна (но вероятно тоже короткий штрих), а в конце стоит */kat/kaθ /*, согд. «город», весьма распространенный формант в топонимии Средней Азии. В списках географа IX в. Ибн Хурдадбеха даются формы *Nūnkaθ* и без точек *CūCkaC*, а в издании Де Гойе (De Goeje 1889: 29) — *Nūzkaθ* (نوزكث / نونكث / نوىكب), у Кудамы (Ubid: 206) — *Nūrkat* (نوركت), у Мукаддаси, географа XI в. (изд. De Goeje 1906: 263), приведен *Nūškaθ*, а в списке B — *Tūnskat* (تونسكت / نوشكث), а Идриси (Bombaci et al. 1970–1978: 715) дает *Būrkaθ* (بوركث), в анонимной персидской географии X в. Худуд ал-Алам (tr. Minorsky 1937: Para. 15, *3*) выступает форма *Nūnkaθ* (نونكث). В. Томашек (Tomaschek 1889: 107), а вслед за ним Э. Шаванн (Chavannes 1903: 10, 304) и В. В. Бартольд (1964: 282) предлагал читать *Tūmkaθ* или *Tūnkaθ* (تونكث / تومكث) ввиду китайского названия города *Дуньцзянь* [頓建城, раннесреднекитайское (Pulleyblank 1991: s. vv.) *twən^{h}-kɨan^{h}*], расположенного, согласно Таншу, между Синьчэном («Новгородом», Навекатом) и Ашэбулай (Аспарой). Не выглядит невозможным и чтение *Būbkaθ* (بوبكث), то есть */Pūp, Būb/* + *kaθ* «город».

Обратившись к надписи на другой стороне монеты, отметим, в первую очередь, абсолютно точное соответствие формуляру монет тюргешей, где написано *βγy twrkyš x'γ'n pny* «монета господина кагана тюргешей». Во-вторых, примечательна форма этнонима *xr'lwx*. Конечная буква имеет длинный горизонтальный «хвост», т. е. это не *γ*, а *x*, и эта буква в согдийской записи тюркских слов передает увулярный глухой *q*. Более интересно наличие в записи *алефа*. Первоначально я читал этноним как *x'rlwγ*, с *алефом*, передающим */a/* первого слога (неначальные *r* и *'* в дукте монеты не отличаются). Однако Ю. Есида (э-мэйл в рассылке sogdian-L@yahoogroups.com от 31.07.2007) обратил мое внимание на запись *xr'rwγ* во фрагменте согдийского документа, датированном 663 г. и найденном недавно в Синьцзяне (в почерке документа *алеф* и *реш* ясно различаются, а для звука *l* в то время еще не было придумано особой буквы) (Yoshida 2008), и на ранние китайские транскрипции этнонима типа *Гэлолу* (歌邏綠, раннесреднекитайское *ka-la^{h}-lɘwk*), в которых угадывается исконное трехсложное */qaraluq/*. Таким образом, запись на монете оказывается более ранней, чем арабо-персидская передача *xallux* и согдийское *xrlwx-* в Карабалгасунской надписи (начало IX в.).

Главное же в этой монете — совершенно бесспорное указание на существование каганата карлуков в Чуйской долине, достаточно развитого для того, чтобы лить собственную монету. А. М. Камышев (2009) обратил уже внимание на то, что одна из тамг на новонайденной монете (в форме буквы М с вытянутой средней хастой, или, в иной терминологии, соответствующая тюркскому руническому знаку $^{a}r/r^{a}$) появляется в качестве дополнительной небольшой тамги (часто на отдельном поле) на ряде тюргешских выпусков, а также на упомянутых монетах *Арслан Кюль-иркина*. Он делает вывод, что эта тамга является родовым признаком карлуков. Если же мы вспомним, что титул *kül irkin* приводится Махмудом Кашгарским (пер. Ауэзовой 2005: 529) как название для карлукских вождей, а Шараф аз-Заман Марвази (tr. Minorsky 1942: 31) упоминает *Kūk(i)rkīn* (т. е., *Kūl-irkīn* كول اركين / كوك اركين) как одно из племен карлуков, то его сопоставление окажется еще более надежным.

Из исторических источников хорошо известно, что обитавшее в Центральной Азии племя карлуков, известное под этим именем с середины VII в. и активно участвовавшее в тамошней бурной политической жизни, откочевало после 747 г. из земель уйгуров на запад, в Семиречье, где первоначально находилось под патронажем тюргешей. В 751 г. в знаменитой битве при Таласе карлуки приняли сторону арабов и тем самым во многом решили исход битвы. В 766 г. каганат тюргешей окончательно сходит на нет, и карлуки оказываются доминантной силой в семиреченском регионе. Карлуки и подчиненные им племена, или их племенные подразделения (булак, тухсийцы, чигили, ябагу, ягма и др.) продолжают господствовать над этой территорией вплоть до середины X в., когда власть переходит к мусульманской тюркской династии Караханидов (которые, по мнению многих современных историков, также происходят из карлукской среды). Последние упоминания племени карлуков относятся ко времени монгольского завоевания.

Примечательно, однако, что упоминаний о карлукском *каганате* в источниах практически нет (см. *expressis verbis* Barthold 1927: 766–777). Наоборот, чаще всего глава карлуков именовался *джабгуйа* (т. е. *jabγu*, термин, известный еще в кушанской Бактрии). Лишь Мас'уди (439, под 280/893-894 г., пер. Микульского 2002: 245) говорит о некой *Хатун*, жене царя тюрок из племени *xudlajīya* (вместо *xarluxīya* خرلخيه / خدلجيه) главы всех тюрок и, тем самым, очевидно, кагана. В мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха (сравни Golden 1992: 198) говорится, что карлуки являются царями тюрок и самыми сильными из них. Кроме того, ал-Идриси, географ XII в. (компилировавший свое описание Востока из более ранних сочинений, отчасти до нас не дошедших), дважды упоминает «город кагана карлуков» (ed. Bombaci 1970–1978: 711, 714), в который можно было попасть либо через горы из Ферганы, либо из некого селения *Damūrīya*, как будто расположенного в долине р. Или.

Вычленение карлукских монет в монетном комплексе Семиречья указывает на действительное существование *каганата* у карлуков в какой-то период их истории; указывает на развитие их государства, достаточное для выпуска собственной монеты (пусть это и было, скорее, прокламативной акцией, и ограничено одним городом, расположенным в нескольких переходах от ставки карлуков, расположенной, согласно арабо-персидским текстам, в степи недалеко от Кулана и Мирки). Кроме того, литье монеты был явно недолгим: отсутствие девиаций в размере и форме монеты, ее весе, надписи, почерке, вероятно, одна форма для отливки указывают на единовременный выпуск. Он может соотноситься с любым временем между 766 г. и серединой X в., когда долина Чу входит в новообразованное государство Караханидов. Мне представляется более вероятной ранняя дата, поскольку 1) согдийская транскрипция этнонима Кар(ā)лук на монете более ранняя, чем та, которая присутствует на Карабалгасунской надписи и 2) формуляр монеты точно копирует легенду монет тюргешей, которые правили Семиречьем непосредственно до карлуков.

Другим пришедшим с востока и оставившим след в нумизматике Чуйской долины племенем были яглакары. О них свидетельствуют две идентичные монеты, поднятые на Краснореченском городище и впервые опубликованные А. М. Камышевым в 2002 г. (Камышев 2002: 55, № 35; рис. 1, *3, 4*). Диаметр монет составляет 22 мм, вес — 3,2–3,6 г; они литые, с квадратным отверсти-

ем в тонком ободке. С одной стороны монеты расположена тамга в виде двух полуовальных скоб, расположенных спиной друг к другу и перечеркнутых в месте соединения коротким штрихом под прямым углом. Остальную часть этой стороны занимает нечитаемая согдийская легенда из двух слов. Вполне вероятно, вслед за В. А. Лившицем (по Там же: 55), понимать ее как часть дегенерировавшей легенды тюргешей, *βγy twrkyš x'γ'n pny*. На другой стороне В. А. Лившиц читает *x'y yn'l 'nyr xwβw pny* «государя Хай-Инал-Анира фан».

Качественные сканы обеих монет, размещенные на сайте *www.zeno.ru* (№ 46642; 46641), позволили несколько по-иному прочитать легенду, а автопсия монет в Бишкеке в августе 2009 г. (с любезного разрешения А. М. Камышева) подтвердила новое чтение:

x'y yγl-'xr xwβw pny «монета государя Хай яглакара» либо *yγl-'xr xwβw pny xcy* «(это) есть монета государя яглакара». В первом случае *x'y* — собственное имя государя из рода Яглакаров. Оно очевидным образом должно быть тюркским, мы предлагаем понимать его как */Qaj/* «сильный» (это имя отмечено в тюркском ономастиконе с XII в, едва ли как этноним *Кай*). Во втором случае это слово читается как *xcy*, согдийский глагол-связка в презенсе. Тогда легенда на монете оказывается законченным предложением, что, впрочем, для согдийских монетных легенд нехарактерно (хотя иногда и встречается, см. Бабаяров 2007: 74).

Яглакары (др. тюрк. *yaγlaqar*, китайское *Яологэ* (藥羅葛) и др., хотано-сакское *Yahu̯:dakari* и др) — важнейший уйгурский клан. Именно они стояли во главе уйгурского каганата с момента его основания в 746 г. до 795 г., когда власть перешла к племени Эдиз. Однако яглакары и при них продолжали исполнять важную роль в государстве. Вожди из рода яглакар несколько раз упомянуты в надписи из Карабалгасуна (начало IX в., в той же согдийской форме *yγl'xr*, см. Yoshida 1990), после падения каганата и отступления уйгуров в Ганьсу и нынешний Синьцзян яглакары выступают правителями Ганчжоу (до 1028 г., см. Golden 1992: 167), а в турфанском среднеперсидском колофоне Махрнамага (между 824 и 832 гг., Müller 1912: строка 62) в списке тюркских вельмож упоминается *ygl'xr 'yn'l*. В дальнейшем яглакары сходят с арены, однако в монгольское время активно племя *джалайиров*, в названии которого можно опознать среднемонгольское развитие этнонима *yaγlāqar* > *ǰa$^{\gamma}$lā^{q}ar* > *ǰalāyïr*.

Мне не удалось найти свидетельств исторических источников о продвижении яглакаров на запад, вплоть до Навеката (Краснореченского городища) в Чуйской долине. Не знают этнонима Яглакар и арабо-персидские авторы. Впрочем, довольно много сведений о западных владениях уйгуров как во время каганата, так и в эпоху княжества в Турфане (вплоть до Ферганы в начале IX в. и до Барсхана на рубеже X и XI вв.). Возможно, один из таких военных успехов отразился в литье (ограниченного, по-видимому, количества) монет яглакаров в Навекате.

Ауэзова 2005 — *Ауэзова З.-А. М.* Маḥмӯд ал-Кāшḡарӣ. Дӣвāн Луḡāт ат-Турк / Перевод З.-А. Ауэзовой. Алматы, 2005.

Бабаяров 2007 — *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса. Ташкент, 2007.

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). Собр. соч. в 9 томах. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 265–302.

Бернштам 1940 — *Бернштам А. Н.* Тюргешские монеты // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1940. Т. 1. С. 105–111.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Новый тип тюргешских монет // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951, Вып. 1. С. 67–72.

Горячева 2010 — *Горячева В. Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI–начало XIII в.). Бишкек, 2010.

Камышев 2002 — *Камышев А. М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. Бишкек, 2002.

Камышев 2008 — *Камышев А. М.* Введение в нумизматику Кыргызстана. Бишкек, 2008.

Камышев 2009 — *Камышев А. М.* Монеты карлуков с городища Шиш-Тюбе // ТД и сообщений XV Всероссийской нумизматической конф. М., 2009. С. 71–73.

Лившиц 2002 — *Лившиц В. А.* Надписи на монетах с городища Ак-Бешим // Суяб Ак-Бешим. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2002. С. 167–169.

Менгес 1979 — *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Микульский 2002 — *Микульский Д. В.* Абу-л-Хасан ʻАли ибн ал-Хусайн ибн ʻАли ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг.). М., 2002.

Baratova 1999 — *Baratova L.* Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.–10. Jh. n. Chr // AMIT. 1999. Bd. 31. S. 219—292.

Barthold 1927 — *Barthold W. W.* Karluk // Encyclopaedia of Islam. 1927. 1st ed. Vol. 2. P. 766–777.

Bombaci et al. 1970–1978 — Bombaci A. et al. Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant (fascicle 1–9). Naples, 1970–1978.

Chavannes 1903 — *Chavannes É.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Paris, 1903.

Clauson 1961 — *Clauson G.* Ak beshim–Suyab // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. April 1961. P. 1–13.

De Goeje 1889 — *De Goeje M. J.* Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik auctore Abu'l Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh accedunt excepta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far (BGA. Pars Sexta). Lugdini Batavorum, 1889.

De Goeje 1906 — *De Goeje M. J.* Descriptio imperii moslemici auctore Shams ad-dīn Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn abī Bekr al-Bannā al-Bashshārī al-Moqaddasī (BGA. Pars tertia, editio secunda). Lugdini Batavorum, 1906.

Golden 1992 — *Golden P.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turcologica. Bd 9).

Minorsky 1937 — *Minorsky V.* Hudūd al-ʻĀlam ('The Regions of the World'), a Persian Geography (372 A. H.–982 A. D.) E. J. W. GIBB Memorial New Series. London, 1937. Vol. 11.

Minorsky 1942 — *Minorsky V.* Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. London, 1942.

Müller 1911 — *Müller F. W. K.* Uigurica II // APAW. 1910. Berlin, 1911.

Müller 1912 — *Müller F. W. K.* Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḫrnāmag) // APAW. 1912. Nr. 5.

Pulleyblank 1991 — *Pulleyblank E. G.* Lexicon of Reconstructed Pronunciation in the Early Middle Chinese, Late Middle Chinese and Early Mandarin. Vancouver, 1991.

Thierry F. 1999. Sur les monnaies des Türgesh // M. Alram, D. Klimburg-Salter (eds.), Coins, Art and Chronology, Wien, 1999. P. 321–349.

Tomaschek 1889 — *Tomaschek W.* Rev. M. J. de Goeje. De muur van Gog en Magog // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1889. Bd 3. P. 103–108.

Yoshida 1990 — *Yoshida Y.* Some new readings of the Sogdian Version of the Karabalgasun Inscription // Akira Haneda (ed.) Documents et archives provenant de l'Asie Centrale. Kyoto, 1990. P. 117–123.

Yoshida 2000 — *Yoshida Y.* First fruits of Ryūkoku-Berlin Joint Project on the Turfan Iranian Manuscripts // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo, 2000. 78. P. 71–85.

Yoshida 2008 — *Yoshida Y.* Sogdian Fragments from the Graveyard of Badamu // Shen Weirong (ed.). Historical and Philological Studies of China's Western Regions. Beijing, 2008. No. 1. P. 45–53.

А. А. Мусакаева (Ташкент, Узбекистан)

Византийская монета императора Аркадия с городища Канка

В 2010 г. на городище Канка, расположенном в Аккурганском р-не Ташкентской обл. Узбекистана, жители кишлака Канка подобрали медную византийскую монету императора Аркадия, правившего в 395–408 гг. (рис. 1). К сожалению, не удалось установить точное место находки на самом памятнике, ясно лишь, что она была обнаружена на поливных полях, вплотную подступивших к городищу.

В Ташкентском оазисе, который в древности называли Чач, Ши, Шаш, прежде уже находили золотые византийские монеты и золотой медальон Юстиниана (VI в.; Массон 1972: 33), однако столь ранние находки монет Восточной Римской империи IV–V вв. здесь до сих пор не были известны.

В 1968 г. по левобережью верхнего течения р. Ахангаран, в урочище Гульдурма, при ремонте дороги в 150 м к юго-западу от руин небольшого поселения VII–XII вв. был найден золотой медальон с изображением на одной стороне византийского императора. На оборотной стороне изделия показан символ «вечного города» характерный для римских монет: стоящая вправо волчица, кормящая двух детей — близнецов Ромула и Рема. Над волчицей расположены два бюста: левый олицетворяет командование византийской оккупационной армии в лице Велисария, а правый изображает одного из остготских правителей — Евримуфа. По данным иконографического анализа, проведенного М. Е. Массоном, медальон был изготовлен в варварской остготской среде в Италии в подражание золотым монетам Юстиниана и потому датируется VI в. Согласно предположению М. Е. Массона, опубликовавшего эту находку, остготские короли помещали на аверсах чеканившихся ими монет изображение Юстиниана I в знак юридического признания верховной власти Константинополя. Они, по мнению М. Е. Массона, выпускали также анонимные медные монеты с фигурой волчицы, кормящей Ромула и Рема, и золотые медальоны с тем же сюжетом (Там же).

По сообщению М. Е. Массона, на городище Пенджикент А. М. Беленицкий зафиксировал в тайнике северной ограды второго храма золотой брактеат с изображением римской волчицы. По иконографии и технике исполнения вещи М. Е. Массон определил, что брактеат оттиснут с реверса медной монеты, выпущенной в Италии в конце V в. или в первых десятилетиях VI в. М. Е. Массон отмечал иконографические различия в изображении волчицы и детей. Он выделил в истории византийско-центральноазиатских связей особый этап, приходящийся на VI–VIII вв. Этот период характерен интенсивным проникновением в Центральную Азию монет византийского чекана и предметов продукции Восточной Римской империи. Эти процессы, по мнению М. Е. Массона, связаны во многом с обменом дипломатическими посольствами между Тюркским Каганатом и Константинополем и совместными военными действиями против Сасанидов (Там же: 35).

В 1931 г. геолог и известный ташкентский коллекционер Анбоев нашел под водой на Иссыккуле, у островка «Китай-город» вблизи Койсары золотой солид Ираклия (610–641 гг.; Массон 1933: 9).

В собрании Государственного музея истории Узбекистана АН Республики Узбекистан хранятся несколько монет Византии V–XI вв. Их изучение — задача дальнейших исследований.

Обратимся к описанию вышеупомянутой медной монеты первого императора Восточной Римской империи Аркадия, поступившей в коллекцию музея в 2010 г. На ее лицевой стороне изображен Аркадий в точечной диадеме вправо. На шее показана нитка бус. Легенда передана латинским шрифтом: «DN ARCADI — US PF AVC» (DOMINUS NOSTER ARKADI US PERPETUUS FELIX AVGUSTUS) — («Наш повелитель Аркадий, Счастье дарящий, пожизненный Август»).

Рис. 1. Городище Канка, медная монета императора Аркадия

На оборотной стороне монеты представлено изображение императора, которого венчает на царствие богиня Победы Виктория, держащая венок у его головы. Правой рукой правитель держит жезл, левая опущена вниз. Часть монеты испорчена коррозией, поэтому нижние части персонажей утрачены. По кругу справа и слева идет легенда: «VIRTUS EXEP». Сохранность оборотной стороны монеты значительно хуже лицевой, в связи с чем расшифровка легенды оборотной стороны несколько затруднена. Первое слово можно предположительно расшифровать как «VIRTUS» — совокупность добродетелей. Это слово имеет глубокий смысл, доказательством тому служит теория одного из самых выдающихся историков IV в. Аммиана Марцеллина. Оно одно из ключевых в теории этого историка о миссии императора в судьбах Римского государства. Император, наделенный «VIRTUS» — совокупностью добродетелей, является исполнителем предначертаний Судьбы. Он обязан проявлять «VIRTUS» на благо подданных и тогда Судьба будет к нему благосклонна. «FELICITAS» — счастье императора, но оно даруется за добрые дела, что и связано с «VIRTUS». Императорам покровительствует Фортуна римского мира, а добродетельным правителям, наделенным «VIRTUS», является Гений государства, который и сообщает волю Судьбы. Такова схема исторического развития по Аммиану, когда между императором и судьбой нет никаких других сил и социальных групп, которые определяли бы ход истории. Аммиан, как следует из его теории — сторонник неограниченной законной власти императора (Удальцова 1974: 48, 49).

Аркадий стал императором в 395 г., восемнадцати лет отроду, после смерти его отца Феодосия (379–395 гг.; Машкин 1950: 624). В IV в. Римскую империю неоднократно делили на две половины — восточную и западную, каждая из которых имела своего императора. Однако затем она вновь соединялась под единой властью. Так, например, было при Феодосии, прозванном Великим. Феодосий, выходец из Испании, известен своими военными подвигами. Он оттеснил готов от Константинополя. В 394 г. на короткое время Феодосий соединил в своих руках власть над обеими частями Римской империи. Однако уже в 395 году он умирает. У Феодосия было два сына: одиннадцатилетний Гонорий и восемнадцатилетний Аркадий. Аркадий получил право царствовать в Восточной части Римской империи, а Гонорий — в Западной. Этот момент считают началом самостоятельного существования Восточной Римской (Византийской) империи, поэтому императора Аркадия называют первым императором Византии.

Иконография первых монет Византии полностью повторяет сюжеты и изображения монет Рима. В первые столетия существования Византийского государства происходит мировоззренческий переворот, когда христианство обретает официальный статус, опираясь на традиции языческого эллинизма. Эти моменты отражены в иконографии ранневизантийских монет. Как известно, христианская церковь в Византии обосновывала теорию божественного происхождения императорской власти, унаследовав эти представления от поздней римской империи. В Византии складывается культ императора, культ ромейской державы, защитницы и покровительницы всех христианских народов. На нумизматическом материале идея обожествления власти императора просматривается в иконографии оборотной стороны монет. Это император Аркадий, наделенный «VIRTUS», над головой которого простирает венец богиня Победы Виктория. На более поздних

чеканах иконография меняется, происходит отход от римских традиций, появляется христианская символика (кресты, изображение Христа с нимбом вокруг головы), исчезают эллинистические языческие божества. Императоры изображаются уже не в профиль, а в фас.

Для Чачского оазиса известна находка монеты с изображением на лицевой стороне правителя в фас с ниспадающими по обе стороны лица подвесками, с головным убором в виде короны. Справа от его лица изображен крест. Этот иконографический тип почти в точности следует канонам иконографии византийских монет. Любопытно, что фасовые изображения правителей присутствуют на византийских монетах уже при Аркадии, и впоследствии становятся общепринятой нормой в течение веков. Появление монет с фасовыми изображениями по типу византийских в Чаче говорит, на наш взгляд, о ранних связях Византии с Чачем, по крайней мере, уже с начала V в. Этот вывод подтверждается находкой монеты Аркадия на городище Канка.

Появление медной монеты Аркадия в одном из самых крупных экономических центров Центральной Азии — столице Ташкентского оазиса (городище Канка), видимо, было связано с развитием международной торговли. Основанный в 330 г. Константинополь, политический центр первоначально Римской империи, а затем и Византии, имел выгодное географическое положение. Экономическое доминирование Константинополя, находившегося на стыке Азии и Европы, было обусловлено еще и тем, что в этом городе встречались торговые посредники.

Высокого совершенства достигло в ранней Византии прикладное искусство малых форм: ювелирные изделия из золота и драгоценных камней, ларцы из слоновой кости, отделанные резьбой и инкрустациями, утонченные изделия из цветного стекла, расшитые причудливыми рисунками шелковые ткани, великолепные чеканные сосуды из золота и серебра, использовавшиеся как церковная утварь. Они были украшены композициями, включающими христианские сюжеты и символы. (Удальцова 1984: 23)

Город, располагавшийся на месте городища Канка, в Центральной Азии являлся крупным столичным центром, где уже в первых веках нашей эры выпускали собственные монеты. К IV–началу V в. монетное обращение достигло здесь своего пика. Торговые пути, как отмечают исследователи, в первых века до нашей эры проходили не только через Иран и Афганистан, но и севернее (Распопова 1974: 79). Через Согд и Чач поступали товары из Византии. Вероятно, с купцами или членами христианских общин на городище Канка и попала медная монета Аркадия. Она удостоверяет ранние торговые отношения между Чачем и Византией. Позднее, в VI–VII вв., торговля между двумя регионами становится более интенсивной, о чем свидетельствуют находки византийских изделий, например, блюда с изображением Венеры и Анхиза из Константинополя с надписью бухарским письмом, пряжки из Варахши, изображения египетских и византийских тканей в росписях Балалык-тепе, Варахши и Пенджикента (Распопова 1974: 82, 83).

Находка медной монеты Аркадия с городища Канка еще раз подтверждает данные исследователей о ведущей роли этого крупного столичного центра Чача в экономической, политической и духовной жизни Ташкентского региона в период перехода от античности к раннему средневековью. Если о жизни Константинополя сохранились письменные свидетельства величайших историков Рима и Византии, то о чачском «Константинополе» мы можем судить по нумизматическим и археологическим находкам.

Массон 1933 — *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. Ташкент, 1933.

Массон 1972 — *Массон М. Е.* Золотой медальон византийского облика из Ахангерана (Еще раз о взаимоотношениях Византии и Средней Азии) // ОНУз. Ташкент, 1972. № 7. С. 29–38.

Машкин 1950 — *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1950.

Распопова 1974 — *Распопова В. И.* Археологические данные о согдийской торговле // Торговля и обмен в древности. М., 1974. С. 79–86 (КСИА. Вып. 138).

Удальцова 1974 — *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.

Удальцова 1984 — *Удальцова З. В.* Основные направления развития Византийской культуры IV–первой половины VII века // ВДИ. 1984. № 1. С. 3–26.

Н. Н. Серегин (Барнаул, Россия)

Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая: источники, проблемы, методы[13]

Изучение общественной организации раннесредневековых кочевников центральноазиатского региона занимало важное место в творчестве А. Н. Бернштама. Известная монография исследователя «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков» (Бернштам 1946) стала своеобразным итогом изысканий отечественных и зарубежных ученых в обозначенном направлении. Вместе с тем, многие вопросы, связанные с изучением различных аспектов социальной истории тюрок раннего средневековья, остаются открытыми и в настоящее время. В частности, актуальным является рассмотрение процессов, происходивших на периферии крупнейших объединений кочевников.

Возможности реконструкции общественного устройства конкретного объединения номадов в значительной степени определяются спецификой источниковой базы. Поэтому важным этапом работы по изучению социальной организации населения тюркской культуры Саяно-Алтая является рассмотрение источников, привлечение и анализ которых будет способствовать созданию объективной модели социума кочевников. Обозначение основных характеристик различных материалов не только позволит определить наиболее информативные из них, но также станет основой для разработки эффективной программы исследования.

Важным источником информации по истории различных обществ Евразии эпохи средневековья являются письменные материалы. Анализ подобных документов позволяет реконструировать политическую и этнокультурную историю конкретного региона, рассматривать некоторые тенденции в мировоззренческих представлениях населения. Одним из направлений изучения письменных источников является определение основных характеристик общественных структур прошлого. Многие аспекты истории кочевых обществ получили освещения в письменных источниках. Необходимо обратить внимание на то, что период раннего средневековья характеризуется новыми тенденциями в этом отношении. Важнейшая из них — появление собственной письменной культуры у номадов Центральной Азии, что было в значительной степени связано с нуждами административной и дипломатической практики, необходимостью фиксации государственных актов и определенными религиозными мотивами (Кляшторный, Савинов 2005: 158). Изучение документов, происходящих из среды тюрок, открывает широкие возможности для раскрытия различных сторон жизни скотоводов.

В то же время, раннее средневековье в истории кочевников Центральной Азии — это время активной экспансии, в чем особенно преуспели номады тюркской империи. Успешная внешняя политика первых каганов привела к тому, что скотоводы напрямую соприкоснулись со многими оседлыми народами. Как следствие, в документах этих государств остались свидетельства о некоторых сюжетах истории кочевников. Анализ указанных материалов представляет достаточно большой интерес, хотя они не столь многочисленны. Источниковедческие характеристики китай-

[13] Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (№ 2009-1.1-301-072-016).

ских династийных хроник, тюркских рунических текстов и сочинений арабских и византийских авторов подробно представлены в работах отечественных исследователей (Бернаштам 1946; Гумилев 2002; Кляшторный 1964; 2003; Кычанов 1997; Жумаганбетов 2003; и мн. др.). Поэтому подчеркнем лишь те факты, которые имеют принципиальное значение в ходе проведения социальных реконструкций на основе анализа указанных документов.

С одной стороны, в рассматриваемых источниках содержатся некоторые сведения, относящиеся к характеристике общественной организации раннесредневековых номадов: обозначена титулатура тюрок, характеристика функций конкретных слоев в политической иерархии, структура войска и др. В то же время рассмотрение различных групп материалов позволяет выделить общие негативные черты, которые необходимо учитывать при анализе приводимой в них информации. Прежде всего, имеет место политизированность документов. Общим моментом является также описание преимущественно истории центра кочевой империи, в то время как процессы, происходившие на периферии остаются, за редким исключением, почти не известными тюркским и китайским историкам, не говоря уже о византийских, арабских и персидских авторах. Последнее обстоятельство представляется весьма существенным, так как Горный Алтай, Тува и Минусинская котловина являлись северной окраиной политических объединений тюрок, хотя имели большое значение на различных этапах этно- и политогенеза скотоводов. Нельзя не упомянуть, что на сегодняшний день остаются вопросы, связанные с точностью перевода документов.

Отрывочность и выборочность сведений раннесредневековых авторов, обусловленные различными обстоятельствами, определяют ограниченность письменных источников. Поэтому для объективной характеристики различных сторон жизни кочевников, в том числе и специфики социальной истории номадов, необходимо привлечение других материалов. Наиболее перспективным в этом плане представляется изучение археологических комплексов, раскопанных на территории Саяно-Алтая.

Первые сведения о раннесредневековых памятниках Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины были получены уже в XVIII в. На сегодняшний день накоплен значительный материал, изучение которого позволяет рассмотреть различные аспекты существования общества кочевников. В рамках настоящего исследования важно обозначить возможности изучения специфики социальной истории номадов на основе анализа археологических объектов. Поселенческие комплексы, являющиеся важнейшими свидетельствами жизнедеятельности древних и средневековых обществ, при изучении памятников тюрок зафиксированы крайне фрагментарно. Поэтому целесообразным будет разделение объектов на «поминальные» и погребальные. При этом необходимо учитывать, что в ряде случаев подобная классификация является достаточно условной и выполняет функции рабочей схемы.

В настоящее время в научной литературе достаточно широко представлены различные аспекты изучения «поминальных» памятников кочевников тюркской культуры (Евтюхова 1952; Грач 1961; Кызласов 1964; Кубарев 1984; 2001; и мн. др.). Несмотря на развернутое обоснование авторских концепций, многие моменты, связанные с интерпретацией подобных объектов, остаются дискуссионными. Очевидно, что это обстоятельство серьезным образом осложняет привлечение рассматриваемых комплексов для изучения конкретных сторон общественного развития номадов. Отметим также отсутствие специальных исследований, посвященных анализу памятников с этой точки зрения. Тем не менее, обозначим ряд особенностей «поминальных» объектов, использование которых возможно при осуществлении социальных реконструкций.

Важнейшей характеристикой каменных оградок являются особенности конструкции, что позволило специалистам выделять типы объектов (Гаврилова 1965; Кубарев 1979; 1984; Матренин, Сарафанов 2006). Различия между поминальными сооружениями определяются также их размерами (Худяков, Борисенко, Кычанова 2003: 513–514). При исследовании некоторых оградок были обнаружены предметы инвентаря, довольно редко встречающиеся в погребальных комплексах и представлявшие, по всей видимости, определенную ценность: панцирные пластины, палаш,

наконечник копья, серебряный сосуд и др. В то же время абсолютное большинство «поминальных» объектов почти не содержало вещей. Что касается тюркских изваяний, то основным направлением в их изучении, скорее всего, является рассмотрение предметов вооружения, одежды и украшений, зафиксированных на скульптурах. Многие из вещей имеют аналогии в погребальных комплексах, что позволяет в ряде случаев определить датировку изображений (Кубарев 1984: 22–47). При этом следует обратить внимание на некоторые отличия в оформлении изваяний, что проявляется в степени их реалистичности, в количественном и качественном составе изображенных вещей.

Обозначенные характеристики каменных оградок и изваяний могут объясняться сложной этнической ситуацией на территории Саяно-Алтая в раннем средневековье, наличием определенного количества различных культовых практик (Кубарев 2001: 42) и т. д. Однако не следует исключать и социальной обусловленности особенностей поминальных объектов. В частности, интересным моментом является соотношение отдельных типов оградок с наиболее реалистичными, «богато» оформленными изваяниями (Кубарев 1979: 153).

В целом, поминальные объекты необходимо учитывать как дополнительный источник. Однако основной акцент необходимо делать на изучение погребальных комплексов, традиционно считающихся наиболее информативными в ходе проведения палеосоциальных реконструкций.

Погребальные памятники кочевников тюркской культуры распространены, в основном, на территории Горного Алтая, Тувы, Минусинской котловины. Именно Саяно-Алтай является районом наибольшего сосредоточения рассматриваемых объектов. Анализ погребальных комплексов тюркской культуры в обозначенном регионе позволяет отметить некоторые их источниковедческие характеристики, с одной стороны, осложняющие осуществление социальных реконструкций, а с другой, определяющие методы и подходы подобного исследования.

Одной из трудностей, возникающих при изучении социальной структуры носителей тюркской культуры Саяно-Алтая по материалам погребальных памятников является то, что значительная часть объектов ограблена или потревожена. По нашим подсчетам, не менее 30% курганов раннесредневековых кочевников на рассматриваемой территории подверглись полному или частичному разрушению. Очевидно, что данное обстоятельство в некоторой степени усложняет проведение реконструкций не только обряда, но также и социальной организации. При этом если первоначальный вид погребального сооружения и некоторые элементы ритуала после разрушения можно, в большинстве случаев, восстановить, то набор сопроводительного инвентаря, являющийся одним из наиболее значимых показателей, представить почти невозможно, за исключением тех случаев, когда степень изученности материальной культуры той или иной общности позволяет выделять стандартные наборы вещей.

Добавим, что источниковую базу ограничивает не только ограбленность ряда объектов, но в первую очередь, небольшое количество исследованных погребений. В настоящее время на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины исследовано немногим более 300 захоронений тюркской культуры. Незначительность этой цифры особенно очевидна, если сравнить ее с количеством погребений скифо-сакского или «гунно-сарматского» времени, раскопанных в любом из указанных регионов. Кроме того, в настоящее время материалы исследований целого ряда раннесредневековых памятников не опубликованы или введены в научный оборот лишь частично, что также не позволяет привлекать данные комплексы в полной мере.

В целом, все эти обстоятельства определяют незначительность количества погребений, используемых в ходе анализа. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности применения методов статистического анализа, так как известно, что небольшие выборки в данном случае непрезентативны (Крадин, Данилов, Коновалов 2004: 31).

Социальная структура и организация обществ кочевников характеризуется динамичностью, степень которой различна на конкретном этапе истории. Данное утверждение справедливо и для объединений номадов раннего средневековья, статус которых, в силу постоянно меняющейся си-

туации в регионе, мог варьировать. Следует учитывать и специфику межплеменного (а также межклановго и межродового) взаимодействия внутри различных политических образований кочевников, что также определяло положение номадов. В связи с этим при рассмотрении социальной структуры и организации населения на основе анализа погребальных комплексов целесообразно выделение хронологических групп памятников. Однако данное требование сложно выполнимо на материалах тюркской культуры Саяно-Алтая. В первую очередь, укажем на дискуссионность датировки памятников. Во-вторых, важным обстоятельством является то, что большинство исследованных объектов относится к небольшому периоду (вторая половина VII–первая половина IX в.), а другие этапы развития культуры представлены в гораздо меньшей степени. Наконец, определяющим моментом в данном случае является невозможность дробления и без того ограниченной источниковой базы. Поэтому более целесообразным является социальная интерпретация всех погребений в рамках анализа одной генеральной совокупности. Вместе с тем, подобный подход не исключает возможности последующего определения тенденций, характерных для каждого из имеющихся хронологических периодов.

Согласно современной методике палеосоциальных реконструкций, одним из начальных этапов работы при анализе погребальных памятников является учет половозрастных определений (Ольховский 1995: 97; Тишкин, Дашковский 2003: 105; Крадин, Данилов, Коновалов 2004: 29; Гуляева 2006: 112). Данное обстоятельство связано, в первую очередь, с различным положением в обществе мужчин и женщин, а также детей и стариков, что отражается и в погребальной обрядности. При изучении курганов раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая половозрастные определения в разные годы осуществлялись целым рядом специалистов, однако антропологическая серия далека от того, чтобы признать ее представительной. Несомненно, несколько улучшает ситуацию тот факт, что в большинстве случаев наборы сопроводительного инвентаря маркируют женское или мужское погребение. Вместе с тем, в подобной ситуации отсутствует возможность детализации комплекса показателей для различных возрастных групп. Кроме того, за рамками исследования остаются многочисленные вопросы, связанные с выявлением вполне вероятных отклонений в антропологических характеристиках элиты кочевников, определением степени влияния миграций населения на этнический состав номадов, изучением демографической ситуации на территории Саяно-Алтая в целом и др. Также необходимо отметить важность изысканий антропологов в плане уточнения связей между отдельными территориями центрально-азиатского региона в раннем средневековье.

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики населения тюркской культуры, является нивелировка обряда. Причем это проявляется не в полной унификации и стандартизации сооружений, ритуала и вещевого комплекса, а в стирании резких границ между погребениями, которые по ряду признаков можно отнести к различным социальным группам.

В настоящее время в отечественной литературе представлено значительное количество теоретических разработок в области анализа погребальных комплексов для определения отдельных характеристик общества (Массон 1976; Алёкшин 1986; Генинг и др. 1990; Ольховский 1995; Васютин, Дашковский 2009; и др.). Имеется и практический опыт в этом направлении (Матвеева 2000; Тишкин, Дашковский 2003; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; Матренин 2005, и мн. др.). В основном, подобные работы связаны с изучением общественного устройства номадов раннего железного века, однако существуют отдельные исследования, посвященные изучению обществ эпохи средневековья (Кондрашов 2004: 16–23). Учитывая разработки отечественных и зарубежных специалистов, а также принимая во внимание специфику источниковой базы, обозначенную выше, представляется возможным разработать программу исследований для реконструкции социальной организации населения тюркской культуры Саяно-Алтая. Подчеркнем, что данная работа проводится на основе результатов, полученных в ходе всестороннего анализа различных элементов погребального обряда кочевников (Серегин 2009а; 2009б). В процессе реконструкции социальной организации населения тюркской культуры можно выделить несколько этапов.

Первый этап исследования заключается в рассмотрении горизонтальной стратификации общества кочевников тюркской культуры, нашедшей отражение, прежде всего, в половозрастной дифференциации погребальной обрядности. На данном этапе работы проводится изучение показателей погребальных сооружений, ритуала и наборов сопроводительного инвентаря, характерных для мужских, женских и детских захоронений. Важным моментом является расширение источниковой базы за счет определения половой принадлежности объектов, для которых отсутствуют антропологические характеристики.

Выделение признаков, вариабельность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволяет перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда (Серегин 2009в). Данная работа проводится на втором этапе исследования. Выделение «социальных маркеров» основывается на учете ряда показателей, полученных в ходе обработки различных групп источников и материалов.

Наконец, третий этап исследования представляет собой интерпретацию полученных результатов. Основной задачей является моделирование гипотетической социальной организации населения тюркской культуры Саяно-Алтая посредством выделения социальных групп в рамках рассматриваемой совокупности погребений и их характеристики.

Реализация представленной программы исследования позволила выделить несколько социально-типологических моделей мужских, женских и детских погребений. Эта схема, отражающая в общем виде структуру общества раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая, была дополнена сведениями письменных документов различного происхождения, что способствовало рассмотрению специфики социальной организации населения региона. Полученные выводы могут быть дополнены и конкретизированы с появлением новых материалов, а также в ходе дальнейшей работы и более детального анализа всех имеющихся групп источников.

Алёкшин 1986 — *Алёкшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л, 1986.

Бернштам 1946 — *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л., 1946.

Гаврилова 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Генинг и др. 1990 — *Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.

Грач 1961 — *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Гуляева 2006 — *Гуляева Н. П.* Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 109–123.

Гумилев 2002 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 2002.

Евтюхова 1952 — *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. С. 72–120.

Жумаганбетов 2003 — *Жумаганбетов Т. С.* Проблемы формирования и развития системы государственности и права. VI–XII вв. Алмааты, 2003.

Кляшторный 1964 — *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кондрашов 2004 — *Кондрашов А. В.* Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII в. н. э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

Крадин, Данилов, Коновалов 2004 — *Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б.* Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004.

Кубарев 1979 — *Кубарев В. Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.

Кубарев 1984 — *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев 2001 — *Кубарев В. Д.* Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 24–54.

Кызласов 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Массон 1976 — *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.

Матвеева 2000 — *Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000.

Матренин 2005 — *Матренин С. С.* Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н. э.–V в. н. э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

Матренин, Сарафанов 2006 — *Матренин С. С., Сарафанов Д. Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Ольховский 1995 — Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.

Серегин 2008 — *Серегин Н. Н.* Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 145–157.

Серегин 2009а — *Серегин Н. Н.* Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. Барнаул, 2009. № 4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин 2009б — *Серегин Н. Н.* Погребальный ритуал тюркской культуры Саяно-Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. С. 43–49.

Серегин 2009в — *Серегин Н. Н.* Социально значимые элементы погребального обряда тюркской культуры Саяно-Алтая // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Кемерово, 2009. Ч. 2. С. 54–56.

Тишкин, Дашковский 2003 — *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.

Худяков, Борисенко, Кычанова 2003 — *Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Кычанова К. Ы.* Раскопки поминальника Биченек в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территории. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 510–515.

Е. А. Смагулов (Алма-Ата, Казахстан)

Городище Каратобе как часть сауранского археологического комплекса

Ни один из известных средневековых авторов, касавшийся истории или географии северо-востока Средней Азии, не мог обойти вниманием город Сауран из-за важной роли, которую он играл в истории всей Центральной Азии (Байпаков, Смагулов 2006). Как показали современные историко-топографические и археологические исследования средневековый Сауран представлен двумя разновременными городищами — Каратобе и собственно Саураном. Сведения о наиболее ранних исторических событиях, связанных с городом отражены, как нам представляется, в таком своеобразном источнике как «Насабнама». Он представляет собой записанные примерно в XI–XII вв. и прежде изустно передававшиеся предания южноказахстанских ходжей. Столь поздняя датировка никак не умаляет значение и достоверность данного письменного источника, требующего, конечно, критического к себе отношения. Первые опыты привлечения «Насабнама» для верификации археологических наблюдений показывают определенное соответствие упоминаемых в нём событий возможным выводам, вытекающим из анализа археологического материала (Смагулов 2004а; 2004б; Кожа 2009). Однако не будем забывать, что вся ранняя арабская историческая традиция покоится на сведениях устных племенных преданий, письменно зафиксированных спустя несколько веков после описываемых в них событий (Бартольд 1964: 380).

В упомянутом источнике о Сауране говорится, что прежде он был известен под названием «Сулхан» и являлся местом, где велись ожесточенные бои мусульман с неверными, после чего здесь был отстроен новый город (вероятно, реконструирован прежний). В частности, «Насабнама» сообщает о том, что после ожесточенных боев мусульман в районе Сайрама с войсками Туббат-дара, вероятно, местного правителя-язычника, и их разгрома, тот бежал в район Саурана: «Хадрат Шах 'Абд ал-'Азиз-баб в этой сайрамской битве стал мучеником. После этого Туббат-дар падишах в сторону Сулхана, который теперь племена тюрков называют Сауран, бежал...». Захватив Сузак, на северных склонах Каратау мусульмане подступили к Саурану: «После этого Исхак-баб, осадив город Сулхан и несколько суток провоевав, сорок тысяч неверных христиан убил. Семь тысяч мусульман стали мучениками. Туббат-дар падишаха с двумя другими падишахами из народа христиан убил. После этого хадрат Исхак-баб земли Туркистана, [как то] Йаси, и Суйри, и Карнак, Икан и Темир-Куфкан, и Багистан, и Йетти-канд, и Алтмыш, и Отрар, и Сыгнак, и другие из областей и селений, и всех людей, расселившихся от моря до [другого] моря, которое тюркские племена называют Тенгиз, — всё и вся обратил в ислам». Похоже, завоевание Саурана ознаменовало подчинение присырдарьинского региона арабо-мусульманскими войсками и начало обращение основной массы местных городских жителей в ислам. Но окончательное утверждение здесь ислама потребовало еще немало времени, усилий и жертв: «После этого (после завоевания Саурана/Сулхана — *С. Е.*) [он (Хадрат Исхак-баба)] три крепости (стены), которые стоят одна вокруг другой, т. е., опоясывая друг друга, воздвиг, и семь соборных мечетей построил, и восемьдесят лет с неверными магами воевал» (Муминов 2003).

В свете этих данных становятся понятными истоки южноказахстанских фольклорных преданий о множестве «святых-мучениках», связанных с такими древними городами как Сайрам, Отрар, Сауран, бывшими как оказывается в VIII в. оплотами борьбы с мусульманской экспансией, а после завоевания ставшими форпостами распространения новой веры и культуры. Очевидно, что значительная роль, которую сыграл Сауран в VIII в. в деле распространения ислама, предопределила и его особое положение в регионе, что выразилось и в особой заботе правителей по превращению его в неприступную крепость, и в праве не платить харадж наравне с Испиджабом.

Сегодня ясно, что два городища, Каратобе и Сауран, это памятники археологии одного средневекового города — Саурана и что все сведения авторов «домонгольского периода» относятся

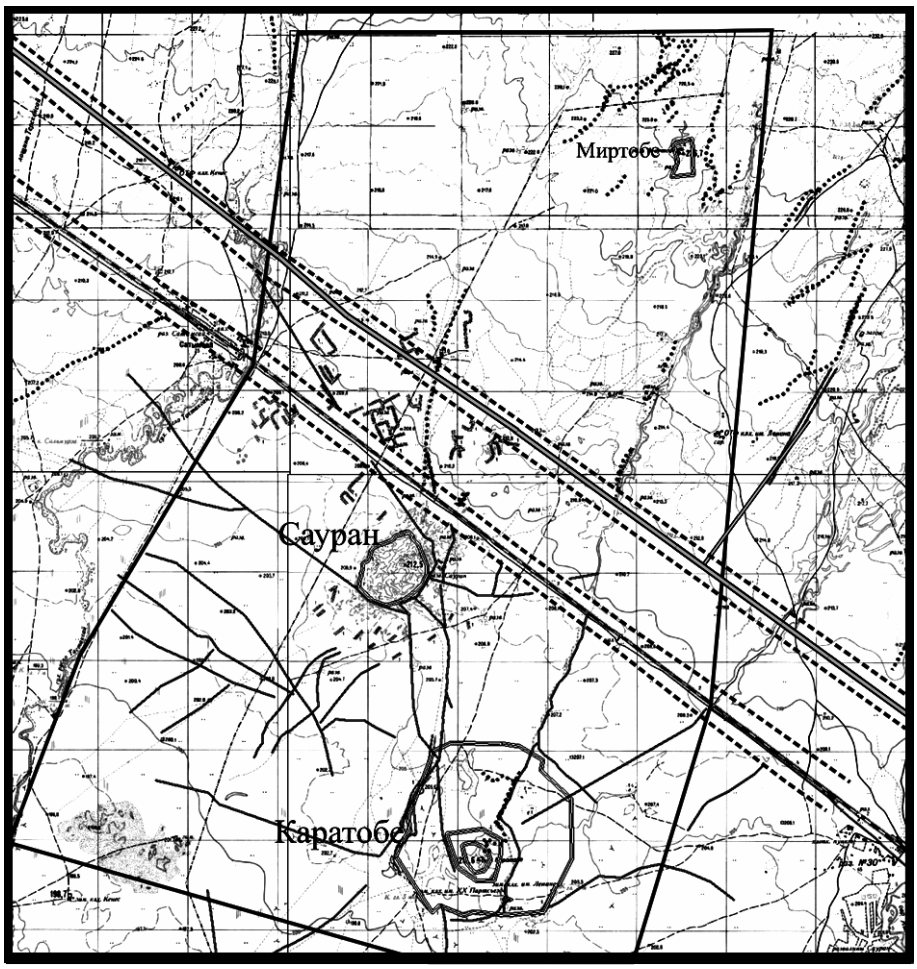

Рис. 1. Карта-схема границ Сауранского археологического заповедника

к городу, который был на месте городища Каратобе. Однако уже первые историко-топографические наблюдения привели исследователей к противоречивым выводам. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич, не проводя стратиграфических исследований, полагали, что слои домонгольского времени лежат под поздними слоями городища Сауран, то есть всю свою историю город находился на одном месте. При этом они своеобразно преодолели противоречие топографического материала и сведений письменных источников: «Отождествление древнего Саурана с одноименным городищем на Сыр-Дарье не требовало бы никаких оговорок, если бы не отсутствие следов пяти из семи стен, окружавших в X в., по словам Макдиси, этот город. Однако отсутствие в этом районе другого, соответствующего хотя бы отчасти сообщению Макдиси, городища дает нам основание думать, что отождествление это является правильным, а отсутствие недостающих стен можно объяснить сносом их в последующие века, а возможно, и допущенным автором этого сообщения преувеличением. Отсутствие снаружи стен остатков рабада подтверждает сообщение Макдиси, что рабад находился внутри стен города» (Агеева, Пацевич 1958: 101) (подчеркнуто мной — *С. Е.*). То есть, вышеупомянутые авторы вполне определенно локализовали домонгольский Сауран на месте позднего городища. Эта локализация позже была некритически воспринятая ленинградскими исследователями и использована ими в известном обобщающем труде (Беленицкий и др. 1973: 193, рис. 80, *5*), где характеристики позднего городища (XIV–XVIII вв.) помещены в соответствующую таблицу памятников IX–XIII вв. Хотя А. Н. Бернштам в статье, вышедшей раньше публикации Агеевой и Пацевича и основанной на тех же материалах, четко сформулировал мысль о том, что городище Сауран это остатки позднего города, «монголо-тимуридского облика… Он был выстроен на пустом месте, и его строителям не пришлось считаться с планом и архитектурными конст-

рукциями предшественников. То небольшое количество ранней керамики, которая была встречена на Мыре (Мыр/Мир-тобе — остатки загородного садово-паркового комплекса в 6 км севернее — *С. Е.*), свидетельствует о расселении жителей из соседнего центрального поселения, остатки которого представлены руинами Каратепе» (Бернштам 1950: 83, 84; подчеркнуто мной — *С. Е.*).

Последующие исследователи буквально понимая информацию Макдиси «о семи стенах» и не находя такой топографической реалии в ближайших окрестностях считали, что город в какой-то исторический момент (?) сменил свое местоположение, что было вполне обычным явлением в истории многих крупных городов как в Европе, так и в Азии. К. М. Байпаковым в свое время было высказано предположение о локализации Древнего Саурана на левом берегу Сырдарьи, на месте городища Мейрамтобе, где, вроде бы, была зафиксирована многорядная система фортификации, отмечая при этом, что Мейрамтобе находится в 15 км к западу от Саурана (Байпаков 1986: 27). И лишь более детальные историко-топографические исследования последних десятилетий прошлого века позволили отказаться от этого предположения и вслед за А. Н. Бернштамом вернуться к локализации Древнего Саурана на городище Каратобе (Свод... 1994: 307; Байпаков 1998: 65–70).

Упоминание же Макдиси (X в.) «семи стен Саурана» опоясывавших якобы город (МИТТ 1939: 185) использовано, вероятно, как мифологический литературный оборот, своеобразный штамп (подобный «за семью печатями»), призванный подчеркнуть неприступность фортификационных сооружений города. Сакральное число семь присутствует в описании неприступных стен из разных металлов окружающих в «Шах-наме» Кангдиз, легендарную столицу туров, мифическую неприступную крепость, построенную Сиявушем в Кангхе на отдаленной восточной окраине иранских земель, где за семью стенами правит бессмертный Пишьотан (Птицын 1947: 305–309; Кляшторный 2003: 203–216).

Предварительные археологические исследования городища Каратобе позволили датировать его верхний культурный слой, а значит, и верхний рубеж интенсивной городской жизни — XII–XIII вв. (Байпаков, Смагулов 2006: 62–67). Эта датировку, совпадающую по принципу последовательности с датировкой нижних слоев внутри крепостных стен позднего Саурана, следовало бы уточнить, что возможно после проведения целенаправленных археологических исследований. Обнаружение под самым нижним строительным горизонтом позднего Саурана захоронений послужило основанием для гипотезы о перемещении нового города на место старого городского кладбища (Смагулов др. 2000).

В настоящее время эти городища с прилегающими зонами усадебной застройки, агроирригационными планировками и конструкциями, некрополями, загородными садово-парковыми комплексами и пр. составляют основу «Сауранского археологического комплекса» (рис. 1). Под сауранским археологическим комплексом мы понимаем *локальную совокупность топографически разнохарактерных археологических объектов связанных во времени исторической судьбой, а в пространстве — структурообразующими связям, и в целом разносторонне характеризующих непрерывную историю культуры социума на конкретной территории* (Смагулов 2007).

Структурообразующие компоненты Сауранского археологического комплекса являются разнотипными археологическими памятниками, а в нашем случае, и разномасштабными. Естественно, что они требуют различного подхода, разной методики исследования и фиксации, при этом естественно, что они обладают различным познавательным потенциалом для характеристики различных сторон городской культуры. Одним из таких основных и сложных компонентов комплекса является городище Каратобе.

Мы можем реконструировать на городище Каратобе три ряда концентрических крепостных стен (линий обороны), что, возможно соответствует трем стенам, построенным Исхак-бабой вокруг Сулхана «которые стоят одна вокруг другой» (Муминов 2003: 138). Первая стена (наружная) охватывает площадь примерно в 255 га и имела общую протяженность около трех километров. Обращает на себя внимание «изломанность» линии этой стены. Можно полагать, что изломанный контур служил для придания стене повышенных фортификационных свойств. Внутренний город

был ограничен стеной длиной в 2200 м, окружающей почти правильный квадрат площадью 33,3 га. Овальную цитадель в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м. По своим масштабам город Сауран был действительно одним из крупнейших городских центров на юге Казахстана в предмонгольское время и по своим основным параметрам вполне сопоставим с Древним Отраром.

Как показали наши исследования, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе падает на XIII в. (Смагулов, Ержигитова 2009). Значить описанная выше топография городища характеризует город X–XII вв., т. е. саманидского и караханидского времени, времени наивысшего расцвета городской жизни на юге Казахстана, интенсивного роста городов и вообще оседлой культуры в регионе.

Отмеченные выше топографические особенности свидетельствуют, что город был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и прочее) говорят о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства.

Агеева, Пацевич 1958 — *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3–215.

Байпаков 1986 — *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.

Байпаков 1998 — *Байпаков К. М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Байпаков, Смагулов 2006 — *Байпаков К. М., Смагулов Е. А.* Средневековый город Сауран. Алматы, 2006.

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* К истории арабских завоеваний в Средней Азии. Соч. М., 1964. Т. 2, ч. 2.

Беленицкий, Бентович, Большаков 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* 1. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бернштам 1950 — *Бернштам А. Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН Казахской ССР. 1950. № 67. Серия археологическая, вып. 2. С. 59–99.

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кожа 2009 — *Кожа М.* Походы арабов в районы Ферганы, Чача и Средней Сырдарьи в VIII веке // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2009. Вып. 4. С. 97–103.

МИТТ 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л. 1939. Т. 1.

Муминов 2003 — *Муминов А. К.* Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 138–140.

Птицын 1947 — *Птицын Г. В.* К вопросу о географии «Шах-наме» // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1947. Т. 4. С. 293–311.

Свод… 1994 — Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алма-Ата, 1994.

Смагулов 2004а — *Смагулов Е.* Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана, 2004. С. 103–113.

Смагулов 2004б — *Смагулов Е.* Некоторые проблемы арабского завоевания Южного Казахстана // Отан тарихы. 2004. № 2. С. 79–87.

Смагулов 2007 — *Смагулов Е.* А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия МОН Республики Казахстан. 2007. № 1.

Смагулов, Ержигитова 2009 — *Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.* Исследования Древнего Саурана // Известия НАН Республики Казахстан. СОН. Алматы, 2009. № 1. С. 236–257.

Смагулов, Туякбаев, Ержигитова 2000 — *Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А.* Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999г. // Известия МОН Республики Казахстан. 2000. № 1.

В. С. Соловьев (Елец, Россия)

Взаимодействие культур земледельцев и кочевников в раннесредневековом Тохаристане

Территорию Бактрии-Тохаристана неоднократно завоевывали кочевники. Последствия этого были различны, но обычно происходила психологическая и экономическая адаптация между пришлыми скотоводами и местным населением. Так было и в период взаимоотношений между тохаристанцами и тюрками, активная инфильтрация которых на территорию Тохаристана началась после включения страны в состав Западнотюркского каганата при кагане Тун-шеху (618–630 гг.). Однако отдельные группы тюрок уже жили здесь раньше. По мнению А. Н. Бернштама, начало их проникновения в Тохаристан относится к 80-м годам VI в. (Бернштам 1952: 345, 346). Близким временем датируются захоронения могильника Байтудашт I, изучавшегося в Пянджском р-не на юге Таджикистана. Похороненные здесь кочевники отличались слабой монголоидностью; в сопровождающем захоронения инвентаре есть типичные тюркские наконечники стрел с долотовидными жальцами и костяными свистунками (Абдуллаев 1988: 310–324; 1990: 267–282; 1991: 201–213; 1993: 284–290). Концом VII–началом VIII в. датируется мужское захоронение, открытое в могильнике Гелот недалеко от г. Куляба. В сопровождающий его инвентарь входили три наконечника стрел тюркского типа. О численности тюрок, переселившихся в Тохаристан, сведений нет, но в некоторых его владениях она была значительной. По сообщению Хуэй Чао в Хуттале они составляли половину населения (Fuchs 1938. S. 455). Тюрки селились в основном в предгорьях и невысоких горных долинах, удобных для выпаса скота. Из письменных источников известно, что часть из них принадлежала к племенам карлуков и халаджей (Шаниязов 1964; Симс-Вильямс 1997: 3–10).

Представляется, что первоначально отношения между тюрками и местным жителями были сложными. Земледельцы страдали от набегов вооруженных отрядов. Известен случай ограбления старшим сыном кагана почитаемого верующими буддийского храма в Балхе. Тюрки взимали налоги с любого вида деятельности (Гумилев 1967: 55). Постепенно они «осваиваются с системой административного управления в среднеазиатских владениях» (Гафуров 1972: 222). Из письменных источников известно, что верховными правителями Тохаристана были тюрки, носившие титул «ябгу». Владением Хутталь в течение нескольких десятилетий правила тюркская династия (Беленицкий 1950: 109–127). Тюрками были правители владений Гарма и Шумана (Александрова 2008: 159–161). Как и в соседнем Согде, в Тохаристане шло сближение местной и тюркской знати. Настенная живопись замка Балалыктепа изображает свадебный пир, в котором наряду с представителями тохаристанской феодальной знати участвует тюркская супружеская пара, выделяющаяся монголоидностью черт лица (Альбаум 1960: 126–163). Взаимодействие культур тохаристанцев и тюрок породило местный культурный синтез, «являющийся частью среднеазиатского синтеза» (Гафуров 1972: 222–223).

Каким был этот синтез в Тохаристане? В процессе контактов между местными земледельцами и тюрками часть их осела и начала заниматься сельским хозяйством, освоила строительную технику. Экономические отношения между местным населением и тюрками привели к обмену между ними производимой продукцией. Политическая стабильность, наступившая в конце VI в. в Тохаристане, способствовала развитию внутренней и внешней торговли; существовало развитое денежное обращение. С приходом тюрок в стране начался чекан медных монет по танским образцам.

Тюрки обладали преимуществом в некоторых видах вооружения. Это в частности касается железных наконечников стрел, поэтому некоторые их типы (трехлопастные с выемками в основании головки) распространились в Тохаристане; в качестве оружия ближнего боя тохаристанцы стали применять палаши, которые были эффективнее мечей.

Еще до прихода в Среднюю Азию тюрки освоили согдийскую письменность и использовали ее для различных нужд. Правители некоторых удельных тохаристанских владений и ябгу чеканили монеты с легендами, выполненными согдийским письмом. По внешнему виду они похожи на согдийские монеты, благодаря чему последние были в обращении на территории страны, наряду с монетами местного чекана (Соловьев 1997: 66–70). Надписи согдийским письмом встречены на оссуарии, происходящем из Гисарской долины, серебряном перстне, найденном при раскопках одного из домовладений вахшской Кафиркалы. Согдийская надпись процарапана на серебряной чаше со сценой свадебного пира царя из собрания Строгановых, что дало основание отнести ее к изделиям «торевтов Согда или связанных с ними оазисов Восточного Туркестана» (Ставиский 1960: 67–71). Однако надпись не решает вопроса о месте изготовления чаши — по своей морфологии она относится к «бактрийским» чашам, а главные персонажи пира — мужчина и женщина, сидящие на тахте, — одеты в характерные для тохаристанской знати одежды. Все это вполне определенно позволяет считать чашу изделием тохаристанского торевта. О том, что согдийская письменность была распространена в Тохаристане свидетельствует и фраза в приветственной речи, обращенной послом Чаганиана, дапирпатом Пукар-зате, к согдийскому царю Вархуману, о том, что «о самаркандской письменности он хорошо осведомлен» (Альбаум 1975: 55).

Буддизм в Бактрии-Тохаристане пережил два периода подъема. Первый из них приходится на II–III вв. н. э. Он был связан с деятельностью кушанского царя Канишки I. Новому подъему буддизма в VII в. способствовали тюркские правители, подвергшиеся его влиянию еще до прихода в Среднюю Азию. Известен факт того, что Тун-шеху дружелюбно встретил Сюань Цзана и слушал его проповедь (Litvinsky 1968: 33–37). К VII в. относится строительство исследованных археологами памятников: монастырей Аджинатепа и Хишттепа, храма на Калаи Кафирниган, сооружения на Калаишадмон; в это время была перестроена ступа монастыря Шутурмулло в Кобадиане (Литвинский, Зеймаль 1971; Муллокандов 1990: 12–25; Литвинский, Соловьев 1986: 216–234; Зеймаль 1986: 186–202).

Тюрки способствовали не только расцвету буддизма в Тохаристане, но и принесли из Восточного Туркестана в буддийское искусство полихромию. В частности, она отмечена для скульптуры храма на Калаи Кафирниган.

Тохаристанско-тюркский синтез прослеживается в манере исполнения тюркских каменных изваяний, найденных в долине небольшой речки Обикиик в Южном Таджикистане. Скульптуры были разбиты в древности. Они объемны и выполнены из мергелистого известняка,. Поверхность их обработана в точечной технике и подшлифована в лицевой части. Голова принадлежит скульптуре юноши, черты его лица четкие, рельефные, внятно передана граница лба и прически. Волосы разделены пробором, пряди проработаны тонкими линиями. Судя по размерам, туловище принадлежит скульптуре ребенка; желобком, идущим от плеч до колен, показана одежда с левым запахом. Как обычно, одна рука персонажа покоится на поясе, другая на груди, но сосуда, характерного для мужских тюркских изваяний, в этом случае нет (Соловьев 1985: 246–247). Представляется, что отмеченные стилистические особенности обикиикских изваяний вызваны влиянием буддийской скульптуры. Типичное тюркское каменное изваяние найдено у селения Калаидашт также в Южном Таджикистане. Высеченная из гранитной глыбы скульптура мужчины имеет слабо проработанные монголоидные черты лица; в правой руке у груди персонаж держит кубок (Жуков 1978: 120–121, рис. 21).

С приходом тюрок в Тохаристане распространяется характерный поясной набор, включавший декоративные бляшки семи типов, изготавливаемых литьем. О них дают представление как реальные находки, так и иконографические материалы. Бляшки изготовлены из бронзы, серебра, золота и имеют различную форму: круглую, квадратную, полукруглую, овальную с фестончатыми краями, сердцевидную, трехлопастную. Поясной набор Тохаристана практически идентичен поясному набору Согда, который также тесно связан с тюркским поясным набором (Распопова 1965). Что же касается металлических наконечников ремней и поясных пряжек, то они, вопреки мнению

А. М. Маликова, не отличались от обычных, поэтому относить пряжки из могильника Харкуш к тюркским неверно, тем более, что они датируются в основном V в. Нельзя приписывать и костяные накладки на луки только тюркам, так как эти изделия использовали и местные жители (Маликов 1999: 194–197). К тому же краниологический материал, полученный при раскопках могильника Харкуш, свидетельствует о том, что население верховий р. Ширкент, где он располагается, было местным, европеоидным (Соловьев 1991: 127–154; Кияткина 1991: 155–161).

Контакты между тохаристанцами и тюрками отразились на покрое одежды, которая была в моде в Тохаристане в конце VII–первой половине VIII в. До этого времени одежда местных мужчин состояла из рубахи с круглым воротом, прямого кафтана, штанов и кожаных сапог. Женский костюм включал длинное платье с круглым воротом, накидку и штаны (Майтдинова 2004: 213–215). В конце VI в. в моду входят мужские кафтаны и женские накидки с правосторонним треугольным отворотом. Кафтаны и накидки этого покроя входили в ансамбли праздничной одежды, которые демонстрируют персонажи, изображенные в настенной живописи Балалыктепа, Тавки и Дильберджина (Альбаум 1960: 126–162; Рахмонов 2001: 108–121; Кругликова 1976: 96–110). Отворот постепенно увеличивался в размерах, благодаря этому он служит датирующим признаком для живописи и терракот Тохаристана. Представляется, что этот популярный элемент одежды попал в страну из Восточного Туркестана. В кафтаны с правосторонними треугольными отворотами одеты мужчины-донаторы, изображенные в живописи пещеры «Меченосцев» в Кызыле, датируемой 600–650 гг. (Härtel, Yaldiz 1987: 170–171).

Взаимодействие культур тохаристанцев и тюрок продолжалось вплоть до завоевания Тохаристана арабами. Полагаю, что археологические материалы дадут нам новые примеры этого взаимодействия.

Абдуллаев 1988 — *Абдуллаев А. Л.* Отчет о работе Пянджского отряда за 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. 21 (1981 г.). С. 310–324.

Абдуллаев 1990 — *Абдуллаев А. Л.* Работы Пянджского археологического отряда в 1982 г. // АРТ. 1990. Вып. 22 (1982 г.). С. 267–282.

Абдуллаев 1991 — *Абдуллаев А. Л.* Работы Пянджского археологического отряда в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. 23 (1983 г.). С. 201–214.

Абдуллаев 1993 — *Абдуллаев А. Л.* Отчет Пянджского археологического отряда за 1984 г. // АРТ. 1993. Вып. 24 (1984 г.).

Александрова 2008 — *Александрова Н. В.* Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М., 2008.

Альбаум 1960 — *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Альбаум 1975 — *Альбаум А. Л.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Беленицкий 1950 — *Беленицкий А. М.* Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА. М.; Л., 1950. № 15. С. 109–127.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

Гафуров 1972 — *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Гумилев 1967 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Жуков 1978 — *Жуков В. А.* Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1978. Вып. 3. С. 120–121.

Зеймаль 1986 — *Зеймаль Т. И.* Буддийский комплекс Шутур-Мулло // АРТ. 1986. Вып. 19 (1979 г.). С. 186–202.

Кияткина 1991 — *Кияткина Т. П.* К вопросу об антропологическом типе населения южных склонов Гиссарского хребта в эпоху средневековья // Природа и древности Ширкента. Душанбе, 1991.

Кругликова 1976 — *Кругликова И. Т.* Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976. С. 87–110.

Литвинский, Зеймаль 1971 — *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.

Литвинский, Соловьев 1986 — *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Раскопки на Калаишодмон в 1979 г. // АРТ. 1986. Вып. 19 (1979 г.). С. 216–234.

Майтдинова 2004 — *Майтдинова Г. М.* История таджикского костюма. Душанбе, 2004. Т. 1.

Маликов 1999 — *Маликов А. М.* Тюрки в Тохаристане в VI–VIII вв. // ИМКУз. Самарканд, 1999. Вып. 30. С. 194–197.

Муллокандов 1990 — *Муллокандов М.* Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана // ИБ МАИКЦА. 1990. Вып. 17. С. 12–20.

Распопова 1965 — *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 92–103.

Рахмонов 2001 — *Рахмонов Ш. А.* Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.

Симс-Вильямс 1997 — *Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ. 1997. № 3. С. 3–10.

Соловьев 1985 — *Соловьев В. С.* Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. 1985. № 2. С. 246–248.

Соловьев 1991 — *Соловьев В. С.* Могильник Харкуш // Природа и древности Ширкента. Душанбе, 1991. С. 127–152.

Соловьев 1997 — *Соловьев В. С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.

Ставиский 1960 — Ставиский Б. Я. О датировке и происхождении эрмитажной чащи с изображением венчания царя // СГЭ. Вып. 17. Л., 1960. С. 67–71.

Шаниязов 1964 — *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки. Историко-этнографический очерк. Ташкент, 1964.

Fuchs 1939 — *Fuchs W.* Huei-chao`s Pilgerreise durch Nordwest Indien und Zentral Asien 726. Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften 1938. Philologisch-historische Klasse. Berlin, 1939.

Härtel, Yaldiz 1987 — *Härtel H., Yaldiz M.* Die Seidenstrasse. Berlin, 1987.

Litvinsky 1968 — *Litvinsky B. A.* Outline History of Buddhism in Central Asia. Dushanbe, 1968.

А. И. Торгоев (Санкт-Петербург, Россия),
В. А. Кольченко (Бишкек, Кыргызстан)

К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища

А. Н. Бернштам по праву считается основателем археологии Кыргызстана и юга Казахстана. Ученый постоянно обращался к теме формирования городской культуры в Чуйской долине, особенно в предвоенные годы, когда им были начаты здесь первые раскопки ряда городищ. Одним из опорных памятников стало Краснореченское городище, которое исследователь отождествлял с упоминаемым в источниках городом Сарыг, и на котором он заложил в 1939–1940 гг. девять раскопов (Чуйская долина 1950). На двух шахристанах памятника А. Н. Бернштам заложил три небольших раскопа. Раскопы II и IV располагались у цитадели шахристана II, раскоп VI находился в центре шахристана I («центральный турткуль» по А. Н. Бернштаму или «центральный четырехугольник» по П. Н. Кожемяко).

Нижние слои раскопов шахристана II А. Н. Бернштам датировал V–VI вв., и относил их ко времени согдийской колонизации Семиречья. На раскопе VI был вскрыт небольшой участок верхнего слоя, однако вскоре здесь исследования были прекращены, так как на одной из стен была найдена резная раскрашенная штукатурка, которую в целях сохранения отказались расчищать (Чуйская долина 1950: 19).

В 1961–1963 гг. П. Н. Кожемяко расширил раскоп VI и довел его до материка. Он выделил здесь три слоя, нижний из которых не содержал построек (Кожемяко 1989а: 9–16; 1989б. С. 40–

51). Сооружения верхнего строительного горизонта погибли при пожаре. Обилие керамики и монет позволило надежно датировать этот слой X–XII вв. Средний горизонт на основании находок тюргешских монет был отнесен к VII–VIII вв., а нижний слой П. Н. Кожемяко, вслед за А. Н. Бернштамом, счел возможным синхронизировать с V–VIII вв. Таким образом, П. Н. Кожемяко, в соответствии с концепцией А. Н. Бернштама, относил начало формирования этого горизонта к V в. (Кожемяко 1989б: 51). И А. Н. Бернштам, и П. Н. Кожемяко привлекали аналогии керамике Краснореченского городища из Согда и областей, испытавших согдийское влияние. В те годы надежной хронологической шкалы для Согда еще не существовало, поэтому даты слоев ряда согдийских памятников (прежде всего Тали-Барзу и Афрасиаб) были несколько занижены, к тому же аналогии керамике искали только в публикациях, что и объясняет столь ранние даты для нижнего слоя Краснореченского городища.

В общем обзоре керамики юго-западного Семиречья, К. М. Байпаков впервые высказался о том, что в этом регионе нет керамики, которую можно было датировать раньше VII в. (Байпаков 1986: 63). В этой работе исследователь, ссылаясь на статью И. Б. Бентович (1964), полагал, что аналогии ранней керамике юго-западного Семиречья представлены в керамическом комплексе верхнего слоя Пенджикента,. Однако эти аналогии, как правило, происходят из датированных монетами слоев VIII в. и более поздних отложений.

В. Д. Горячева вслед за К. М. Байпаковым также датировала нижние слои Краснореченского городища VII в. В своей последней работе она отметила, что «предложенная А. Н. Бернштамом периодизация согдийской колонизации [ранний этап V–VI вв., когда в Семиречье появляются первые поселения-фактории и замки феодалов, а также происходит вживание в кочевое окружение; второй этап — VII–VIII вв., когда вследствие арабских завоеваний Средней Азии окрепшие в Семиречье согдийские города принимали новую волну согдийских переселенцев] в последнее время все чаще «поправляется» в сторону омоложения этого процесса, причем практически исключается первый, ранний по А. Н. Бернштаму, этап» (Горячева 2010: 35). Однако ни В. Д. Горячева, ни К. М. Байпаков не привели надежных аргументов, которые могли бы свидетельствовать в пользу датировки VII в. самых ранних слоев «центрального четырехугольника» Краснореченского городища, который они, вслед за П. Н. Кожемяко, считают наиболее ранней частью памятника.

Авторы статьи уже высказывали свое мнение о датировании нижних слоев городищ Чуйской долины (Торгоев 2004) и о роли согдийцев в формировании в ней городов (Кольченко 2003).

Чтобы установить дату нижних слоев Краснореченского городища, здесь с 2008 г. ведутся работы на раскопе 15 (далее Р-15), который был заложен на месте траншеи, разрезавшей западную крепостную стену «центрального четырехугольника» (шахристан I по В Д. Горячевой) близ его северо-западного угла (рис. 1).

Траншея, имеющая ширину более 15 м, была прорыта бульдозером в конце 1970-х гг., когда городище использовалось под богару. Она предназначалась для устройства дамбы, по которой сельхозтехника могла бы подниматься на городище. К моменту начала работ было видно, что крепостная стена и вся толща примыкающих к ней изнутри культурных напластований были полностью прорезаны на значительную длину. Стенки траншеи, оплывшие с течением времени и представляющие собой покатый склон с отчетливо видимыми в нем сооружениями верхнего строительного горизонта, было решено зачистить до материковых слоев с целью получения полной стратиграфии на данном участке городища. В результате этих работ были выделены сооружения и конструкции относящиеся к трем строительным горизонтам, которые условно были обозначены сверху вниз как горизонты А, В и С.

В представленной работе мы не будем останавливаться на характеристике крепостной стены и верхнего горизонта А, так как это не имеет отношения к рассматриваемой теме. Отметим лишь, что в постройках горизонта А, сгоревших при пожаре, найден значительный комплекс глазурованной и неглазурованной керамики, железных изделий, различных украшений. Этот комплекс, требующий отдельного рассмотрения, на основании аналогий сейчас может быть датирован XII в.

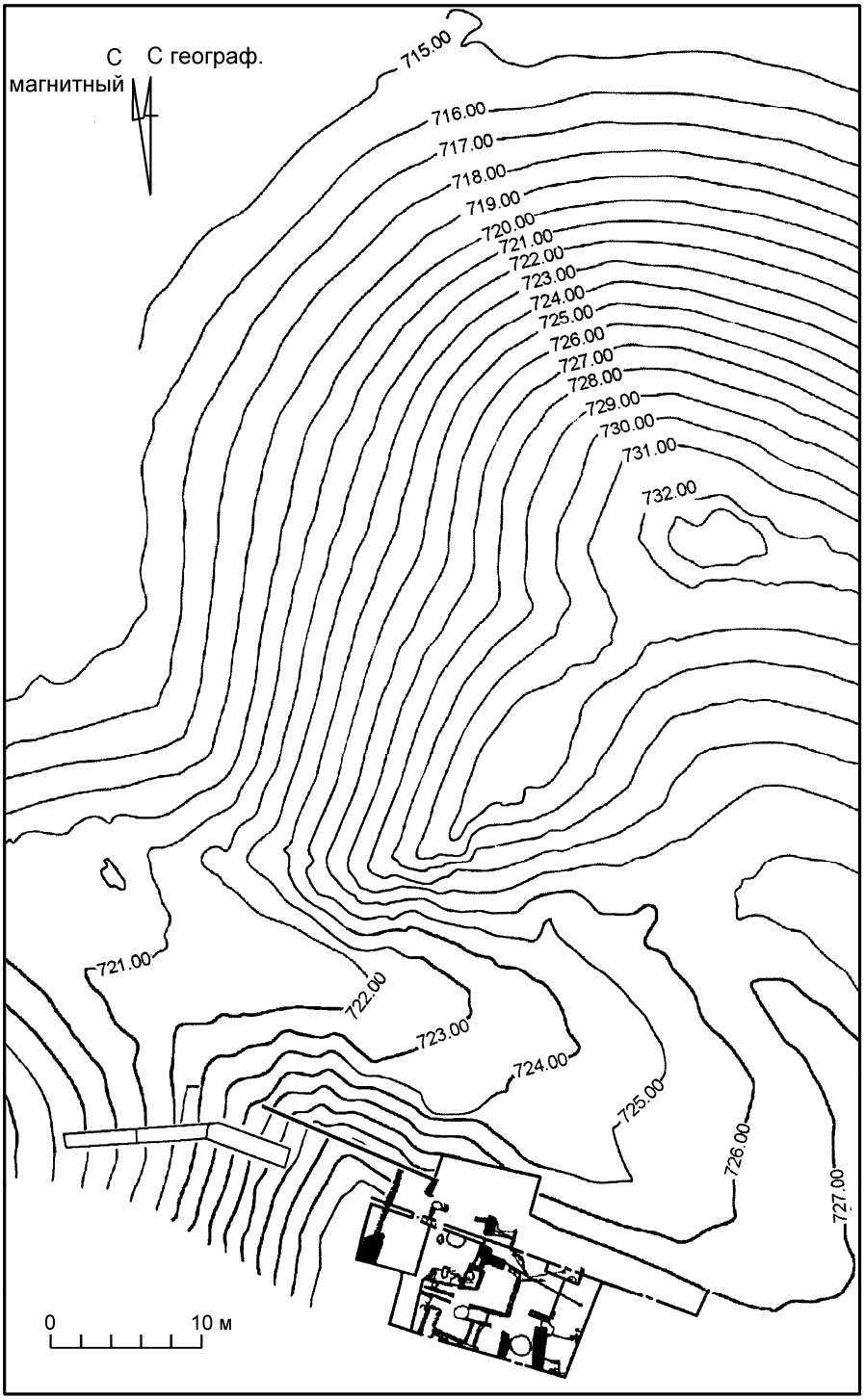

Рис. 1. Городище Красная Речка, раскоп 15, план верхнего строительного горизонта А

Под строительными остатками горизонта А залегали слои лесса разной плотности и цвета, которые покоились на завале пахсы, под которой отчетливо различались два горизонта, разделенные полоской угля (рис. 3). Нижний из них утоптан, и с его уровня прослежено устье небольшой ямы. Под утоптанной поверхностью отчетливо различим серый с уклоном к западу плотный слой, уходящий в большую промоину под стеной. С уровня этого горизонта также была вырыта яма. Этот слой повторяет нижележащий плотный желтый слой, также уходящий в большую промоину (рис. 3). С уровня желтого слоя вырыта крупная овальная яма, заполненная отходами керамического производства (шлаки, куски ошлакованных стенок печи, битая бракованная керамика).

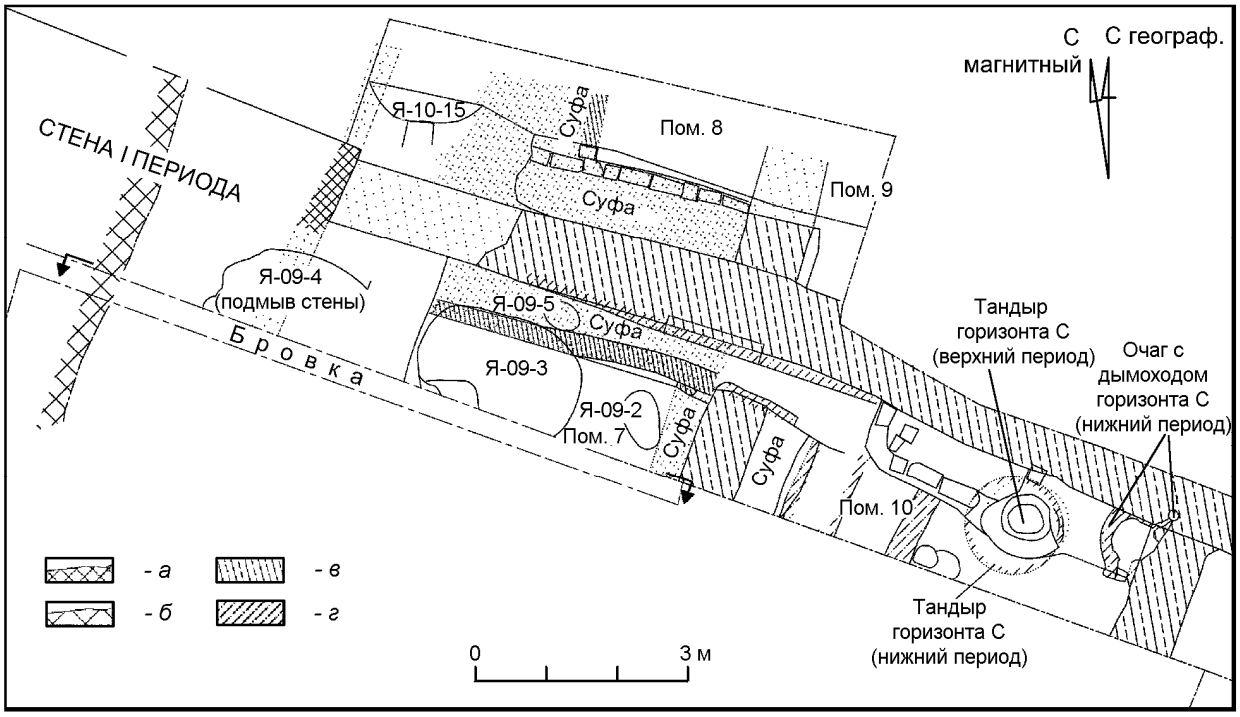

Рис. 2. Городище Красная Речка, раскоп 15, план сооружений горизонта С

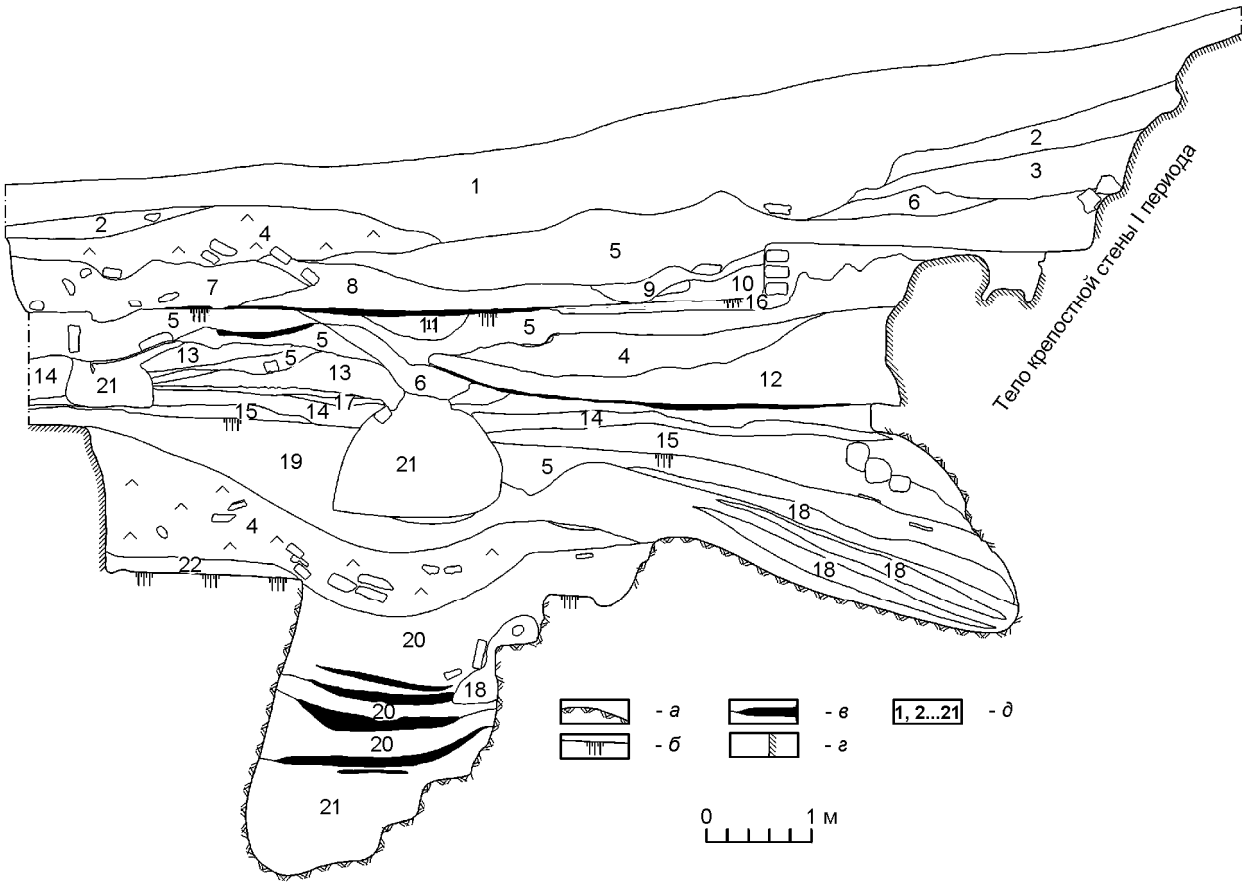

Рис. 3. Городище Красная Речка, раскоп 15, стратиграфия наслоений у крепостной стены периода I над помещениями 1 и 2 горизонта А и помещением 7 горизонта С. Условные обозначения: *а* — материк; *б* — полы; *в* — уголь; *г* — стены; *д* — цифровые обозначения слоев (1–21)

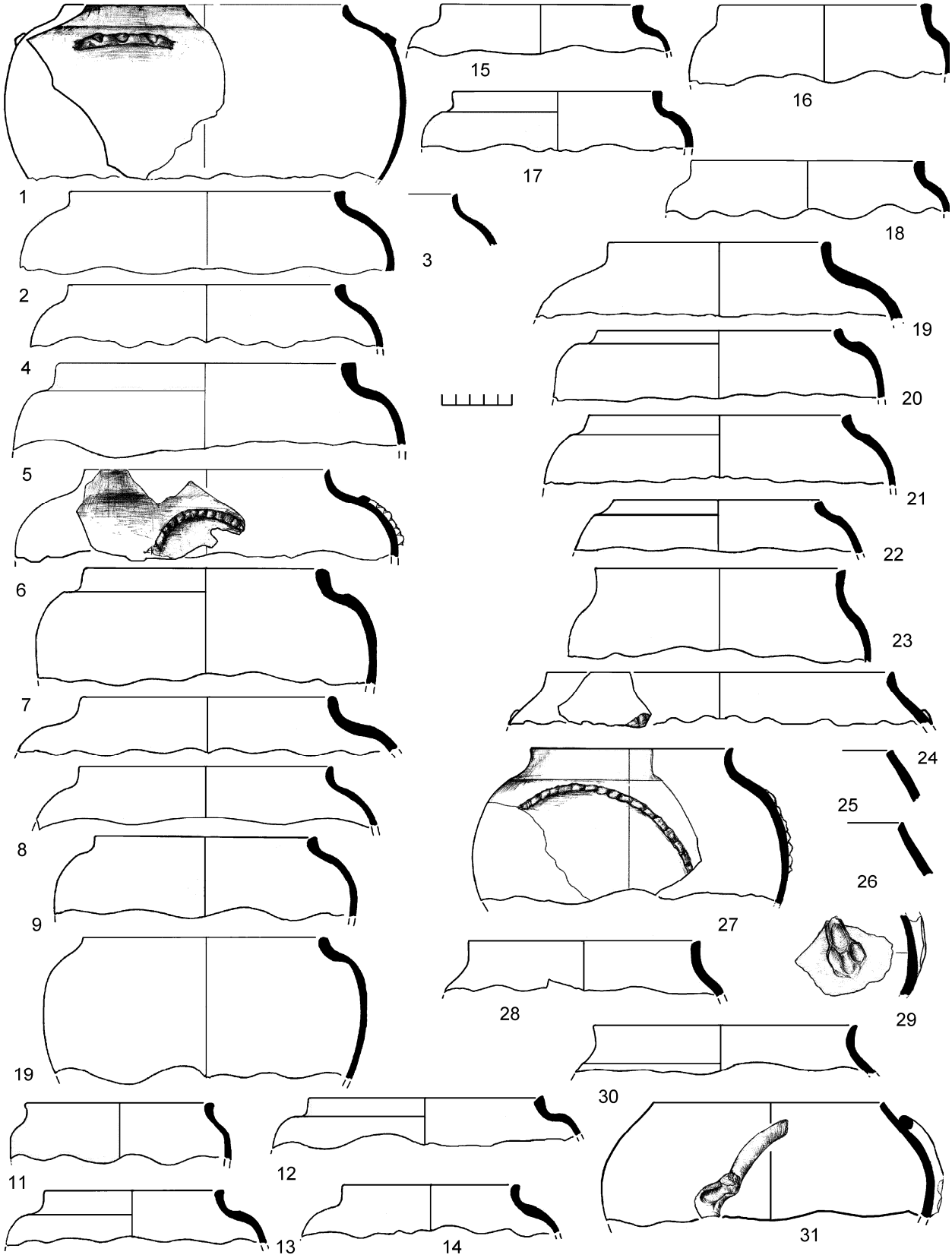

Рис. 4. Городище Красная Речка, раскоп 15, помещение 7, котлы горизонта С
(из слоя завала и желтого слоя верхнего заполнения центральной ямы-погреба и прирезки к ней)

Напластования горизонта В являются отложениями незастроенного пространства типа двора, на котором скапливался мусор. Отсюда происходит значительное количество битой глиняной посуды. В этом керамическом комплексе обильно представлена столовая посуда, типичной формой которой является небольшой неглазурованный кувшин с овальной в сечении коленчатой ручкой и с неглубокими бороздками, сделанными пальцами по верхней плоскости сосуда. Характерной формой керамики этого времени являются также небольшие, зачастую лощеные полусферические кружки. Этот тип посуды имеет, как правило, петельчатую ручку с пяткой, которая моделирована в форме трапеции или ромба. Чаши и открытые формы сосудов редки.

Отличительной особенностью горизонта В являются и тагора с Т-видным венчиком и зачастую с волнистым орнаментом по верхней площадке. Представлены также котлы с горловиной, выраженной ребром, с вертикально поставленным венчиком и горизонтальными дуговидными ручками. Из глазурованной керамики найдены фрагменты полусферических чаш под бесцветной свинцовой глазурью, в том числе донце чаши с подглазурным орнаментом в виде вихревой розетки. Керамический комплекс горизонта В, весьма типичный для расцвета караханидской культуры, на основании многочисленных аналогий в памятниках Согда, Ферганы, Чача и Южного Казахстана может быть датирован временем не ранее конца X–начала XI в.

Строения нижнего горизонта С заглублены ниже основания крепостной стены, так как материал для ее строительства брался изнутри городища. Снаружи было невозможно брать материал для возведения стены, ввиду того, что укрепление было сооружено на краю естественной террасы, которая выполняла роль эскарпа перед стеной. Образовавшийся перед стеной котлован от выборки глины был застроен.

В настоящий момент горизонт С представлен остатками трех помещений (рис. 2), в строительстве которых можно выделить два строительных периода: ранний и поздний.

Помещения 7 и 10 вытянуты с запада на восток вдоль северной магистральной стены. В один из периодов проход из помещения 7 в помещение 10 проходил вдоль этой стены. Оба упомянутых помещения не были полностью вскрыты, поскольку часть занимаемой ими площади осталась за пределами раскопа. Помещение 8 практически полностью перерезано траншеей для дамбы. Удалось лишь установить, что вдоль стены этой комнаты была расположена частично вырубленная в материке суфа, сложенная из длинномерного сырцового кирпича.

Помещение 7 и 10 связаны проходом во время раннего строительного периода, В центре помещении 7 открыта глубокая, расширяющаяся вниз яма со ступеньками, очевидно погреб. В какой-то момент она весьма неумело, с помощью кетменя была расширена, отчего в западной части ее устья зафиксирован перекоп.

В помещении 10 открыт относящийся к позднему строительному периоду горизонта С кухонный блок, включающий небольшую суфу с тандыром на углу, под которым зачищен еще один тандыр, относящийся к нижнему строительному периоду. К нему относится и очаг с дымоходом, расположенный в юго-восточном углу помещения.

Наиболее интересные стратиграфические материалы удалось получить в помещении 7 (рис. 3), где под нижним полом двора горизонта В находился бескерамический завал, в свою очередь, перекрывающий слой, лежащий на полу помещения, и желтое рыхлое отложение, находящееся над центральной ямой-погребом и ее более поздним прокопом. Последнее изобиловало фрагментами керамики. В зольных слоях и прослойках ямы-погреба также собрано значительное число фрагментов, в том числе археологически целых сосудов. Такая же керамика была найдена на полу помещения и в ямах, вырытых с его уровня. Идентичность керамики, которая была найдена во всей толще наслоений, образующих этот горизонт, позволяет рассматривать ее как единый комплекс, формирование которого происходило долго. Очевидно, что разбитая посуда попадала в это помещение, когда оно было уже заброшено, и использовалось как свалка.

Ведущей формой керамики в этом комплексе являются котлы, характерной особенностью которых, является слегка прогнутая вовнутрь короткая шейка (рис. 4, *2–24*). Ручки у таких котлов

встречаются редко и в этом случае они имеют подковообразную форму (рис. 4, *29, 32*). Иногда посуда украшена дуговидными, невысокими тонкими жгутовидными налепами, разделенные надрезами или пальцевыми защипами (рис. 4, *6, 25, 26*). Крупный фрагмент цилиндроконической кружки с коротким плечиком и петельчатой ручкой и крупные фрагменты широкогорлого двуручного горшка относятся к столовой керамике. Неразработанность керамической шкалы для памятников юго-западного Семиречья пока не дает возможности более дробно, чем VIII–X вв., датировать этот слой. Однако некоторые находки дают возможность сузить дату формирования самого раннего горизонта С на городище Красная Речка.

Наиболее интересными находками, входящими в этот комплекс следует считать набор керамических изделий, названный А. Н. Бернштамом, «культовыми атрибутами семиреченского зороастризма». Эти артефакты включают очажную подставку (рис. 5, *4*), две ножки трехногой курильницы (рис. 5, *1, 2*) и крупный фрагмент курильницы с округлым чашевидным резервуаром на конической ножке (рис. 5, *3*). Данные изделия связаны с самыми ранними слоями семиреченских городищ, которые, вслед за А. Н. Бернштамом, обычно датируют, начиная с V в.

Очажные подставки, в облике которых некоторые специалисты усматривают сходство с фигуркой быка, видимо, являются дериватами очажных подставок, распространенных в культурах бассейна Сырдарьи, где их находят в слоях, предшествующих VIII в. (Смагулов 2004: 94, 95).

В верхней части ножки курильниц имеют весьма грубое изображение лица, по стилю напоминающее головки — навершия крышек семиреченских оссуариев. Нижняя часть украшена косыми жгутовидными налепами. У одной из ножек сохранилась выделенная стопа. Курильницы на трех ножках характерны именно для ранних керамических комплексов поселений Чуйской долины (Чуйская долина 1950: 118–119) и нижнего Таласа (Сенигова 1968: рис. 9). Наиболее ранние аналогии курильницам подобного типа известны в Согде. Ранний образец курильницы на трех ножках происходит из Пайкенда, где она была найдена в керамическом комплексе датированном VI–VII вв. (Торгоев и др. 2008: рис. 72, *14*; 80, *2*). Близкая курильница найдена на одном из поселений Усрушаны, в керамическом комплексе, который автор раскопок датировал VI–VII вв. (Пардаев 2002: рис. 3, *25*). Генезис этого типа курильниц не совсем ясен, вполне возможно, что они происходят от курильниц на трех ножках, которые были распространенных в кушанской Бактрии. Таким образом, аналогии этому типу курильниц датируются никак не ранее VI–VII вв., что сейчас можно рассматривать как terminus post quem.

Курильницы с резервуаром на ножке широко распространены в культурах Средней Азии с начала I тыс. н. э. Их генезис уже не раз являлся предметом исследований (Болелов 1993; Мамбетуллаев 2006; Сулейманов 2000: 268–269). Чаще всего курильницы такого типа находят в постройках гражданского характера и в погребальных памятниках культур бассейна Сырдарьи. Они явно связаны с местными религиозными культами. Курильницы с чашевидным резервуаром на конической ножке известны в зороастрийских храмах Пенджикента (Шкода 2009: 111, рис. 95) и Еркургана (Сулейманов 2000: рис. 179, 181). Курильницы подобной конструктивной схемы (округлый резервуар на ножке-основании) известны и в буддийских памятниках. Близкая нашей курильница найдена в завале напротив грота № 60 в Кызыле (Wang Bo, Huo Xuchu 1999: 83). Находки курильниц в храмах могут свидетельствовать о том, что эта керамическая форма была адаптирована к буддийским и зороастрийским ритуалам.

Таким образом, в постройках, надежно идентифицированных как зороастрийские храмы или святилища, пока не были найдены очажные подставки и курильницы на трех ножках. Очевидно, что эти изделия связаны с какими-то не зороастрийскими культами. Курильницы на ножке, вероятнее всего, были адаптированы к зороастрийским ритуалам, но связь их с зороастризмом абсолютно не обязательна. Интересно отметить, что в заполнении суфы в помещении 9 была найдена и бронзовая курильница с усеченно-коническим резервуаром и подквадратной втулкой для длинной ручки (рис. 6, *2*). Наиболее близкие аналогии имеются в Танском Китае (Gyllensvard 1957; fig. 47, *a–e*). Б. Гюлленсверд отмечает, что эти курильницы использовались в буддийских ритуалах (Ibid: 89).

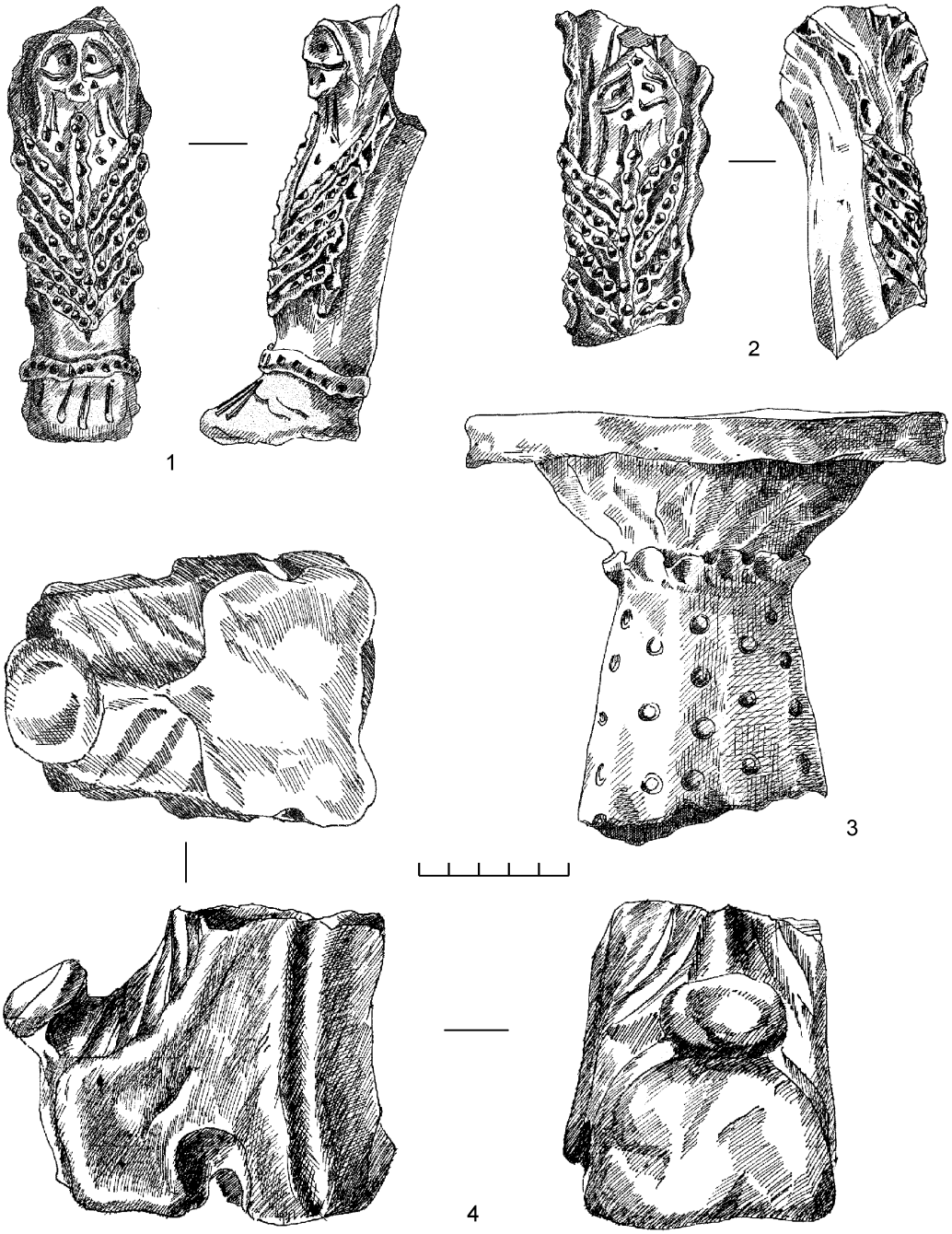

Рис. 5. Городище Красная Речка, раскоп 15, помещение 7, т. н. культовые атрибуты семиреченского зороастризма (из желтого слоя верхнего заполнения ямы-погреба и прирезки к ней)

Определяющую роль в датировке этих предметов и самого слоя С играют имеющие узкий хронологический диапазон находки, сделанные на полу помещения 7. С уровня его пола происходит несколько монет тюргешей, тухусов, а в заполнении ямы найдена китайская монета Кайюаань тунбао. Все эти типы монет были найдены в одном комплексе, что говорит о единовременном периоде их обращения. Нынешние знания о начальном периоде обращения тюргешских монет позволяют отнести упомянутый комплекс ко времени становления тюргешского каганата, то есть е не ранее 711 г., что ограничивает дату накопившегося в помещении слоя началом VIII в. Длительность хождения монет тюргешей и тухусов в настоящее время еще надежно не определена, они встречаются и в слоях караханидского времени, что можно отметить и для монет Кайюань тунбао. Надежная стратиграфия также пока не существует.

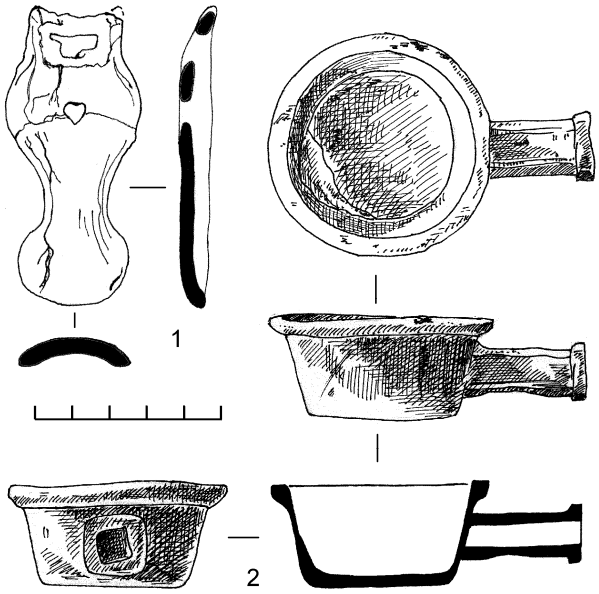

Рис. 6. Городище Красная Речка, раскоп 15, металлические изделия горизонта С:
1 — железная лировидная подвеска пояса (из натеков над полом помещения 7);
2 — бронзовая курильница (из заполнения суфы в помещении 8)

Важнейшим дополнением к дате этого комплекса является монета Дали юаньбао оказавшаяся в суфе помещения 9. Эти монеты производились в 766–779 г., что и позволяет отнести формирование горизонта С ко времени никак не ранее чем начало их выпуска.

В комплексе с монетой Дали юаньбао важную роль в датировке горизонта С играет находка железной лировидной подвески, найденной над полом в помещении 7 (рис. 6, *1*). Этот тип подвесок пояса крайне редко изготавливали из железа. Из прямых аналогий можно указать лишь на подвеску из разграбленного кургана 22 могильника Саглы-Бажи (Грач 1968: рис. 50, *6*). Хорошо известны изделия подобной формы из бронзы. Краснореченская подвеска относится к типу 1 («кыргызскому») по Д. Г. Савинову, они известны в погребениях с конем и погребениях по обряду трупосожжения, а также изображены на каменных изваяниях в Минусинской котловине и Туве. Единичные экземпляры представлены в Забайкалье (Хойцегор), Кузнецкой котловине и Прииртышье. Очень близкие подвески встречаются в культуре киданей во внутренней Монголии, где все они датированы не ранее середины X в. В настоящий момент появление этого типа подвесок в культурах кочевников Южной Сибири очевидно можно относить ко времени не ранее рубежа VIII–IX вв. В Чуйской долине и на Тянь-Шане также известно более десятка подобных бронзовых вещей, но дата их не может быть ранее середины IX в. — времени больших перемещений кочевников с востока. Определенным репером для датирования подобных лировидных подвесок может служить аналогичная подвеска найденная в кургане 10 могильника Уч-Ат, в погребениях которого встречены саманидские монеты Ахмада ибн Асада — первого саманидского правителя Ферганы (861–862 гг.; Заднепровский 2003; Торгоев 2003: 106, 107). Возможность более ранней даты для этого типа сохраняется, но пока нет реальных оснований для его отнесения ко времени ранее середины IX в.

Таким образом, в настоящий момент, наиболее ранний горизонт С можно датировать никак не ранее рубежа VIII–IX вв. с тенденцией в сторону омоложения. Наличие в стенах сооружений этого горизонта мелкой битой керамики говорит о том, что есть возможность обнаружения еще более раннего слоя или горизонта уничтоженного при постройке сооружений периода С. Эти более ранние отложения пока не обнаружены. Дата слоя, предшествующего горизонту С, также не

ясна, но имеющиеся сейчас в наличии материалы не позволяют говорить о формировании центрального четырехугольника городища Красная речка ранее VIII в.

Байпаков 1986 — *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Семиречья и Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986

Бентович 1964 — *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) // Труды Таджикской археологической экспедиции. М.; Л., 1964. Т. 4. С. 265–298 (МИА. № 124).

Болелов 1993 — *Болелов С. Б.* Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2. Джетыасарская культура. Ч. I. Склепы. М., 1993. С. 199–223.

Горячева 2010 — *Горячева В. Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина V–начало XIII в.). Бишкек, 2010.

Грач 1968 — *Грач А. Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 105–111.

Заднепровский 2003 — *Заднепровский Ю. А.* Могильник Уч-Ат в Южной Киргизии // АВ. 2003. № 10. С. 89–103.

Кожемяко 1989а — *Кожемяко П. Н.* Отчет о раскопках на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 8–24.

Кожемяко 1989б — *Кожемяко П. Н.* Отчет о раскопках на Краснореченском городище в 1962–63 гг. // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 25–69.

Кольченко 2003 — *Кольченко В. А.* К вопросу о «согдийцах» в Чуйской долине // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2003. Вып. 3. С. 48–55.

Мамбетуллаев 2006 — *Мамбетуллаев М. М.* Культовые курильницы с поселения Кердера // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус, 2006. С. 50–54.

Пардаев 2002 — *Пардаев М. Х.* Кадимги Жиззах вохасида утрок дехконлар ва кучманчи чоравдорлар маданияти (Культура оседлых земледельцев и кочевых скотоводов в древнем Джизакском оазисе) // ИМКУз. 2002. Вып. 33. С. 146–153 (на узб. яз.).

Сенигова 1968 — *Сенигова Т. Н.* Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА. 1968. № 1. С. 208–225.

Смагулов 2004 — *Смагулов Е. А.* «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия НАН Республики Казахстан. СОН. 2004. № 1 (242). С. 90–108.

Сулейманов 2000 — *Сулейманов Р. Х.* Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.

Торгоев 2003 — *Торгоев А. И.* К интерпретации могильника Уч-Ат // АВ. 2003. № 10. С. 104–107.

Торгоев 2004 — *Торгоев А. И.* Некоторые основания к датировке нижних слоев городищ Чуйской долины // Вестник Кыргызского национального университета: Серия 1: Гуманитарные науки. Вып. 4. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. Бишкек, 2004. С. 189–196.

Торгоев и др. 2008 — *Торгоев А. И., Мирзаахмедов Д. К., Омельченко А. В., Сапаров Н. Ж., Сабиров Н. Ж.* Отчет о раскопах в Пайкенде в 2007 г. 2008 (Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 9).

Шкода 2009 — *Шкода В. Г.* Пенджикентские храмы и проблема религии Согда. СПб., 2009.

Чуйская долина 1950 — Чуйская долина. Труды Семиреченской экспедиции / Под. ред. А. Н. Бернштама. М.; Л., 1950 (МИА. № 14).

Gyllensvard 1957 — *Gyllensvard B.* T'ang gold and silver. Stockholm, 1957.

Wang Bo, Huo Xuchu 1999 — Wang Bo, Huo Xuchu. A collection of important historical sites and relics in the Western regions. Urumchi, 1999.

М. Швецов (Донецк, Украина)

Тюркский мир восточноевропейской степи

История и развитие в VI–XII вв. на просторах евразийской степи тюркских объединений и государств, несомненно, является одной из важных и многогранных тем отечественной истории. И это не удивительно. Данная тема неоднократно рассматривалась медиевистами (Бернштам 1952; Артамонов 1962; Плетнева 1967; 1981; 1999; Амброз 1981; 1982; Кызласов 1984; Савинов 1984; Федоров Я., Федоров Г. 1978; Взаимодействие… 1989; Гумилев 1993; Пріцак 1997; Кляшторный, Султанов 2000, Приходнюк 2001 и др.). Общую направленность истории изучения данной тематики можно разделить на четыре этапа. Характеристика исследований первых двух этапов связана с работами А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, Л. Н. Гумилева и других исследователей 1950–1960-х гг., и нам нет необходимости вновь останавливаться на ее описании. В 1970-е гг., в период волны новостроечных экспедиций и полученных новых археологических источников, вопросы истории тюркского населения степи становятся вновь актуальными. Им посвящены исследования как локальных территорий (Федоров Я., Федоров Г. 1978), так и всей степи. Особое значение «приобретают исследования А.К. Амброза, посвященные вооружению и конскому снаряжению, как хронологическим индикаторам раннесредневековых древностей от Дальнего Востока до Подунавья». К тюркскому кругу древностей он относит памятники круга Перещепино и Вознесенки, «при этом избегая жесткой племенной привязки». Еще шире тюркская проблематика исследована в конце 90-х гг. XX–начале XXI в. в работах С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова, С. А. Плетневой, С. Ваклинова, А. И. Семенова, Ч. Балинт, И. Л. Кызласова, Л. С. Гераськовой, А. В. Комара и многих других ученых. Последней из известных нам статей, связанной с рассматриваемой темой, является работа Н. Хрисимова, датирующего Вознесенский комплекс 30-ми годами VI в. и считающего, «что комплекс имеет отношение к вытеснению авар на запад южнорусских степей владетелем болгар Кубратом» (Хрисимов 2009: 37–38).

И все же во многом эта проблематика остается дискуссионной. Полученные за эти годы новые археологические, лингвистические и антропологические материалы указывают, что решение проблем далеко до завершения. Сложность и неясность вопросов связана не только с нестабильной исторической ситуацией рассматриваемого периода, фиксируемой письменными источниками, но порой и с их интерпретацией.

Одной из таких проблем является вопрос о территории распространения населения и памятников, связываемых с древностями эпохи тюркских каганатов в восточноевропейской степи, другой — какие именно памятники представляют тюркский мир восточноевропейской степи. Если присутствие самих тюрок почти ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, то территория их распространения и наличие памятников, отражающих тюркскую культурную традицию, часто вызывают дискуссии.

Характеризуя историческую ситуацию в восточноевропейской степи в третьей четверти VIII в., М. И. Артамонов, ссылаясь на Менандра, пишет: «Очевидно, к этому времени тюркюты перешли Волгу и подчинили народы Северного Кавказа и степей Азово-Каспийского междуморья. Турксанф двинул свои многочисленные войска под начальством Бохана на завоевание Боспора (Артамонов 1962: 137–138). И тут же: «Но вместе с тем не известно, чтобы тюркюты распространили свою власть западнее Дона, на Поднепровье» (Там же: 160). Есть мнения, ограничивающие распространение культуры до Северного Кавказа и Крыма. Анализируя исторические события и кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв., А. К. Амброз указывает, что «к 555 г. под власть I Тюркского Каганата попали степи до Приаралья, а в 567–576 гг. до Северного Кавказа, область утигуров и г. Боспор» (Амброз 1981: 11). По его мнению, в могилах вы-

деленной им V группы: Малое Перещепино, Келегейские хутора, Глодосы — похоронена высшая тюркская знать того времени, а древности, входящие в комплексы IV группы, принадлежат рядовому населению (Амброз 1981). В 70-х годах VI века, считает В. А. Могильников, Тюркский каганат распространил свою власть до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья, установив дипломатические отношения с Ираном и Византией (Могильников 1981: 29). Аргументами в пользу принадлежности к тюркскому миру, по мнению В. А. Могильникова, являются приведенные им разнообразные мнения исследователей об обряде погребения человека с конем (Там же: 31). В «особое мнение» автор выделяет идею Л. Н. Гумилева, согласно которой тюрки-тугю не меняли своего погребального ритуала на протяжении VI–VIII вв., сохраняя обряд кремации останков праха в оградках (Гумилев 1967: 260–261). Погребения по данному обряду были исследованы в восточноевропейской степи, но, к сожалению, они не всегда атрибутированы и опубликованы. По мнению С. А. Плетневой, наиболее обоснована точка зрения А. К. Амброза (1982), «считавшего Вознесенское укрепление обычным тюркским поминальным (не погребальным) храмом». Есть также гипотеза о том, «что все каменные тюркские оградки являются такими же поминальными храмиками, устроенными для рядовых тюрок» (Плетнева 1999: 174). Н. Хрисимов, приводя широкий круг восточноевропейских и северокавказских аналогий, считает эти памятники мемориальными комплексами (Хрисимов 2009: 38).

Мы считаем, что распространение тюркской культурной традиции в Восточной Европе, возможно даже представителями самого этноса, хорошо иллюстрируется памятниками археологии восточноевропейской степи. Важно, что эти древности представлены не только погребальными комплексами (оградки или захоронения по обряду трупосожжения) и изваяниями (рис. 1; Гераськова 1991: 68, 75–76, рис. 12, 14), но и культовыми комплексами, вызывающими многолетние дискуссии (Артамонов 1962; Плетнева 1967; 1981; 1999; Ольховский 1993: 210–222; Приходнюк 2001: 7, 13–18; Швецов 1992: 96; 2000: 39–40). Подробно и обстоятельно широко известные памятники рассматривал О. М. Приходнюк, назвавший также «тюркскими погребениями» захоронения так называемого сивашевского типа (Приходнюк 2001: 25–32, 34–41). Интересными в данном случае можно считать культовые сооружения (рис. 2) и погребение из кургана у с. Петровское в Приазовье (рис. 3; Привалова, Миненкова 1998: 59–70). Следует также обратить внимание на полные параллели и аналогии в составе и типологии погребального инвентаря тюркских трупосожжений в памятниках Южной Сибири, Алтая с аналогичным набором инвентаря в погребениях и могильниках, относимых к «памятникам то салтово-маяцкой культуры, то к славянским древностям или угров».

Почти все исследователи, рассматривающие вышеупомянутые восточноевропейские древности, приводя свои аргументы для интерпретации инвентаря, оружия или украшений, не только используют термин «тюркский» (к сожалению, не всегда конкретизируя, что они понимают под данным термином: этнос, элементы культурной или мировоззренческой традиции или древности тюркоязычного населения), но и указывают на основные параллели в памятниках Алтая, Южной Сибири и Средней Азии. Особенно наглядно это проявляется при определении погребальных каменных конструкций («оградок тюркского типа») или культовых строений — святилищ. Несомненно, эти святилища и являются воплощением элементов тюркского мировоззрения, выраженного материально. К сожалению, материалы исследованных древностей в степной зоне Восточной Европы далеко не всегда опубликованы. Примером могут быть: курган II с каменными конструкциями, исследованный в Провальской степи на Луганщине (урочище Майка); оградка в урочище Грушевая балка, село Провалье (Гладких и др. 1975: 268), а также отдельные стелы, которые, по-видимому, тоже были связаны с существовавшими ранее оградками. Частично опубликованы: оградка со стелой у с. Нагольная Тарасовка; памятники с изваяниями и захоронениями в Приазовье — Грузское и Петровское (Привалов, Привалова 1988: 42, 94, 96, рис. 21, *1, 20*).

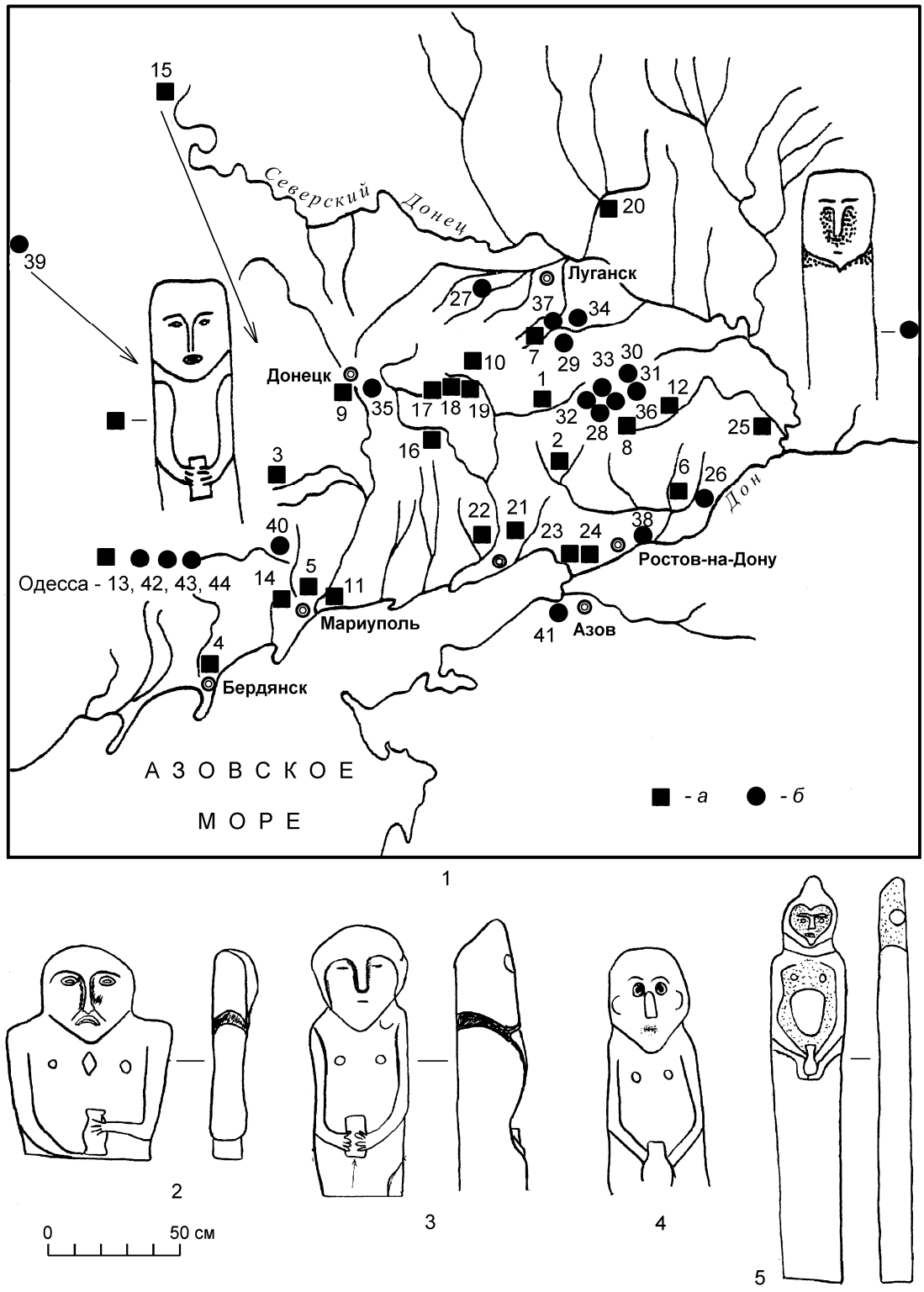

Рис. 1. Тюркские изваяния восточноевропейской степи:
1 — карта распространения изваяний (по Гераськова 1991); 2–5 — типы изваяний

К отдельному типу (виду) тюркских памятников необходимо отнести и комплексы с изваяниями животных, исследованные в последние десятилетия. В. С. Ольховский одним из первых поставил столь важный вопрос, опубликовав некоторые материалы из степной части Крыма и Нижнего Поднепровья (Ольховский 1993: 210–222) и определив публикуемые изваяния как тюркские.

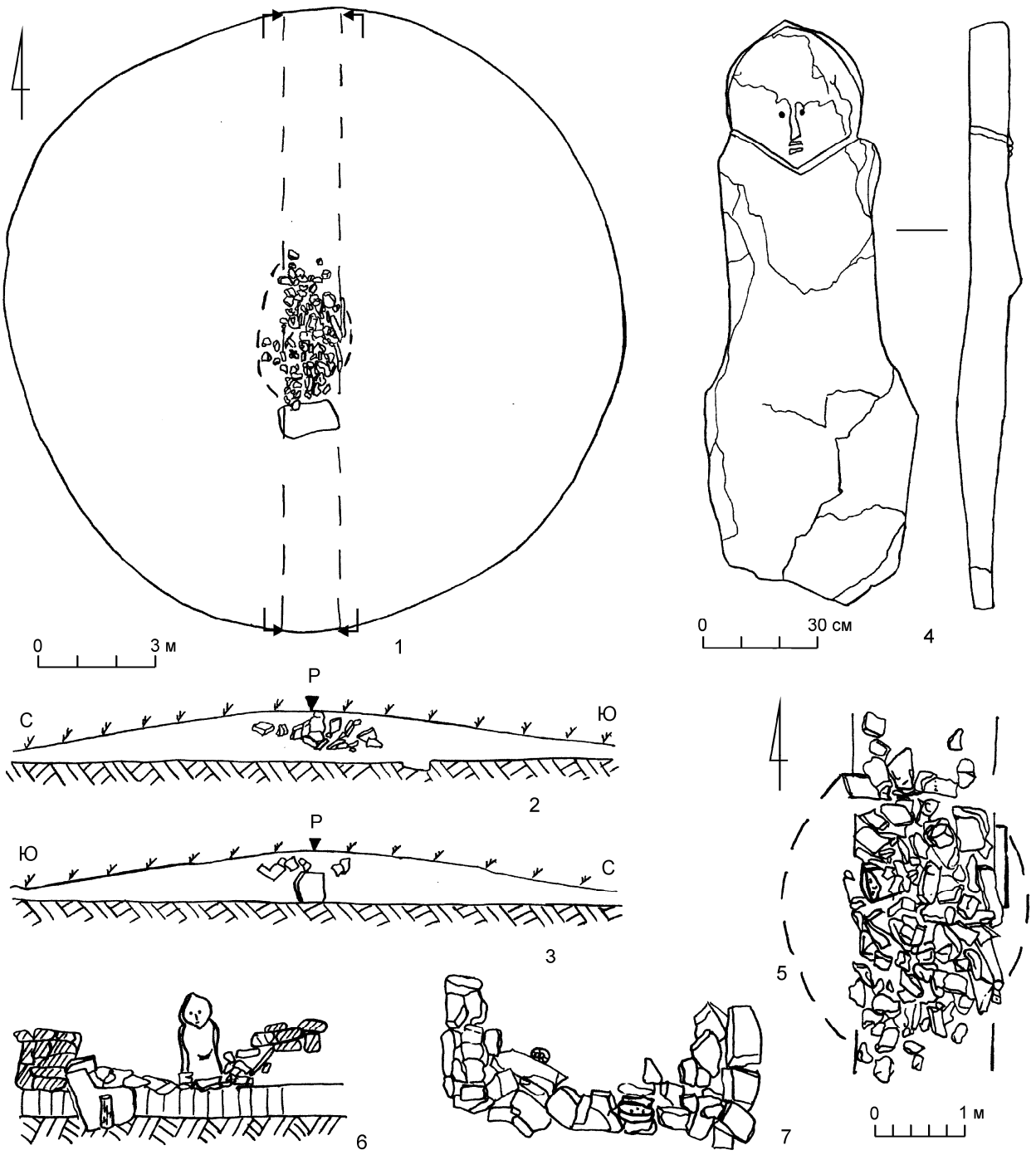

Рис. 2. Комплекс святилища с изваянием у с. Петровское:
1 — план кургана; 2, 3 — профили бровок; 4 — изваяние из сооружения в кургане;
5–7 — каменное сооружение с изваянием (5 — вид сверху; 6 — вид с востока; 7 — вид кладки)

В последние годы было выявлено и исследовано еще несколько уникальных новых комплексов и отдельных изваяний, расширяющих территорию местонахождения и данные, приведенные В. С. Ольховским. Это комплекс из кургана 1 у с. Елизаветовка Веселовского р-на Запорожской обл., в котором изваяние животного установлено в могиле у изголовья погребенного.[14]

[14] Объем статьи не позволяет нам не только дать полную интерпретацию комплекса, но и включить в публикацию еще несколько аналогичных памятников.

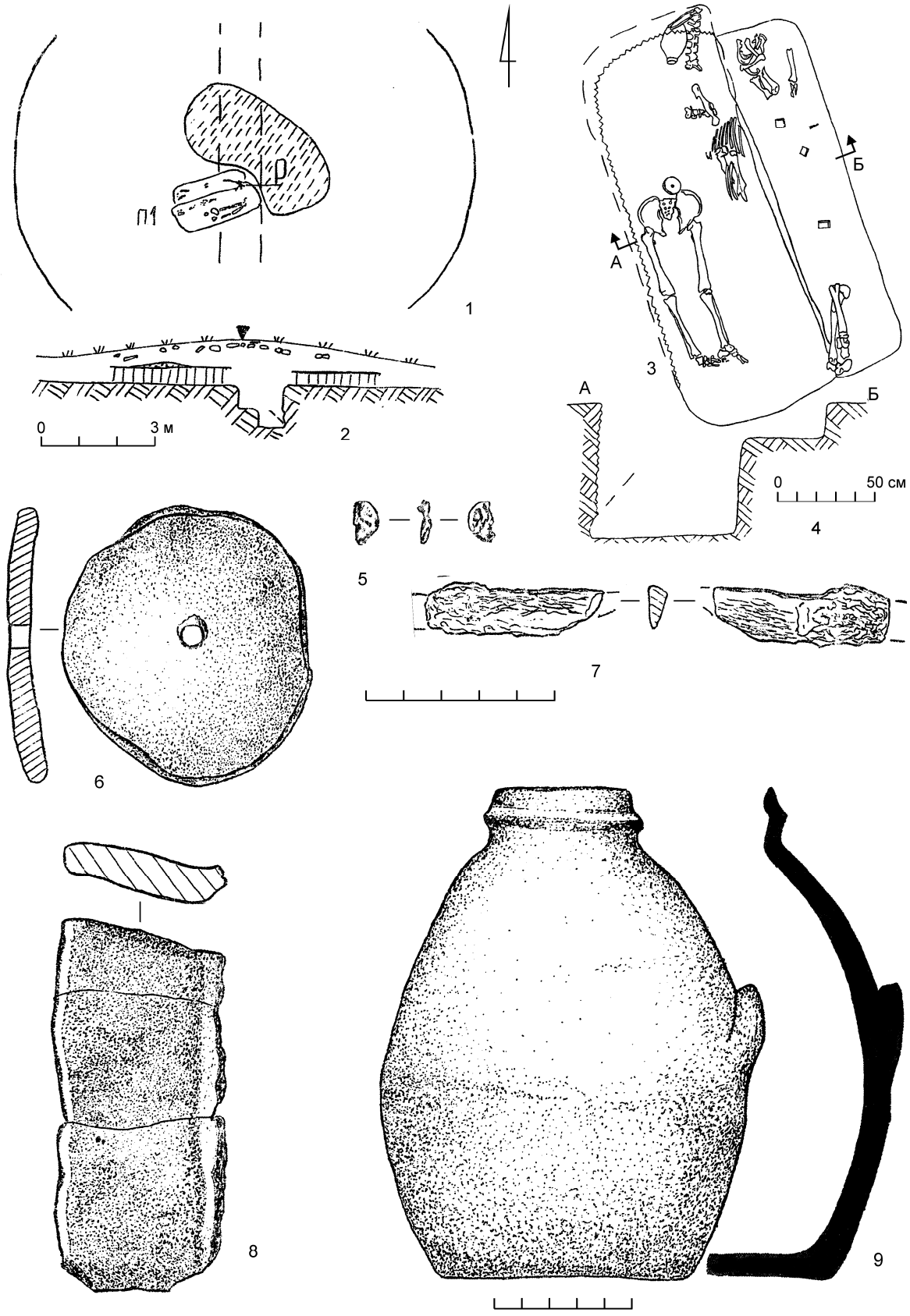
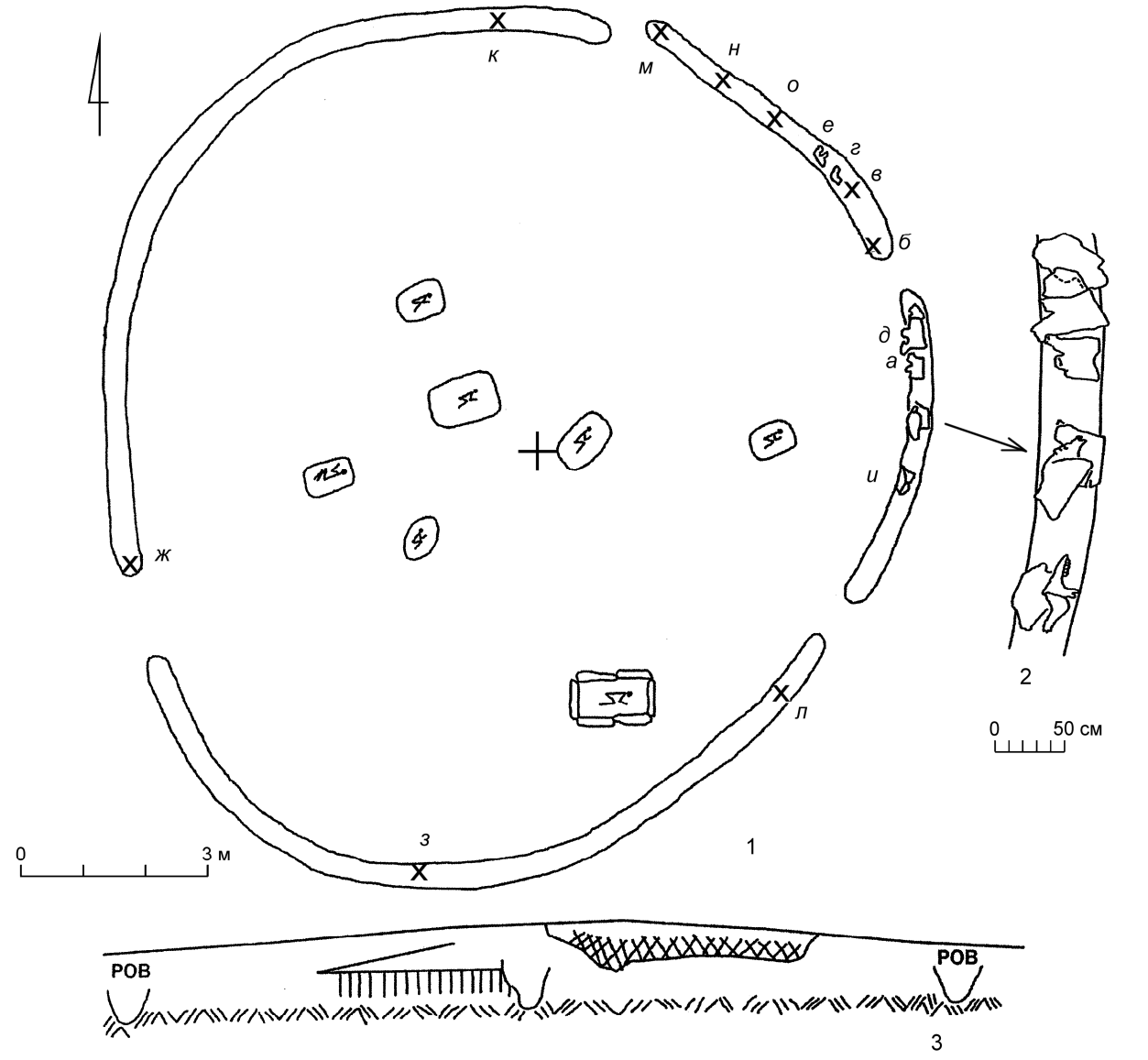

Рис. 3. Погребение из кургана у с. Петровское: 1 и 2 — план и разрез насыпи;
3 и 4 — план и разрез погребения; 5–9 — находки из погребения
(5 — бляшка, 6 — пряслице, 7 — фрагмент железного ножа, 8 — брусок, 9 — сосуд)

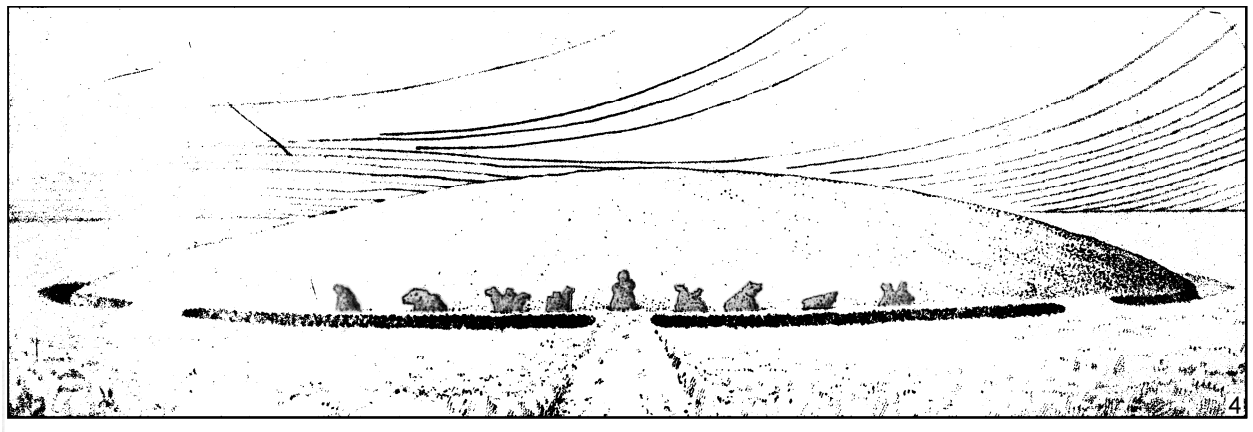

Рис. 4. Размещение погребений и изваяний в кургане 1 у с. Черноземное:
1 — план кургана (а, в–е, и — изваяния; б — фрагменты керамики эпохи бронзы;
з, к–о — фрагменты амфоры, черепа и костей лошадей);
2 — план размещения основной части изваяний во рву;
3 — профиль насыпи; 4 — реконструкция святилища

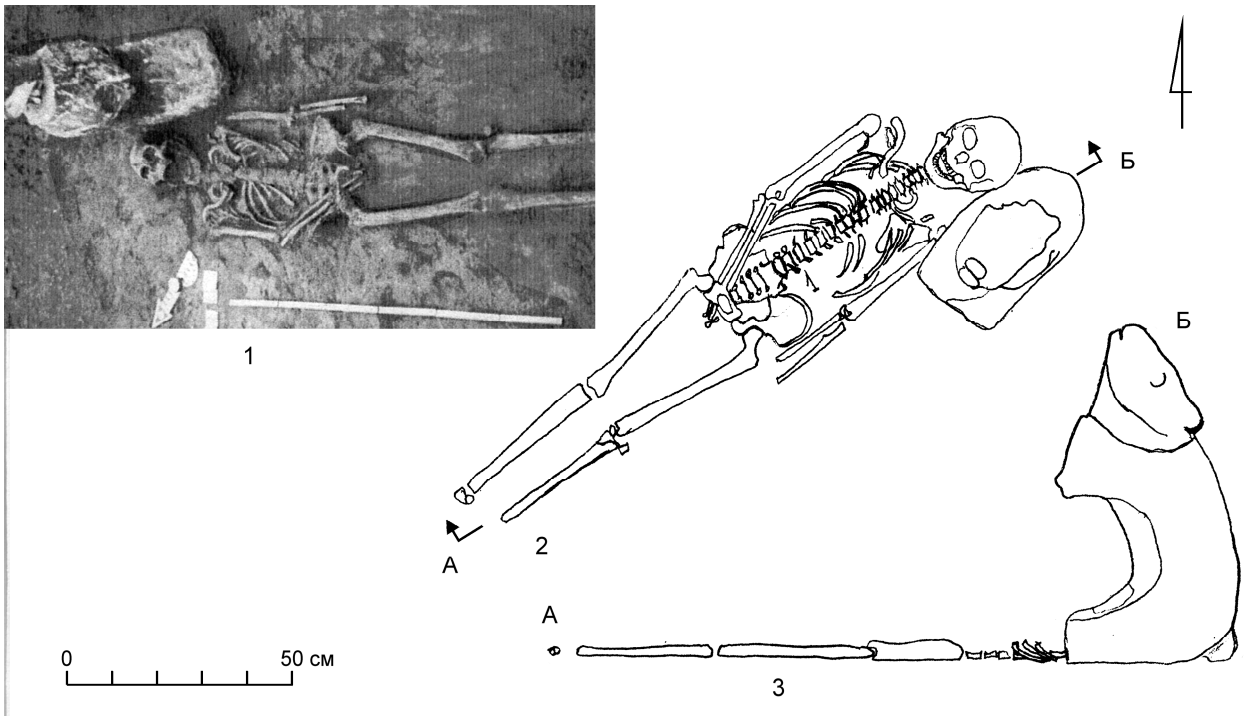

Рис. 5. Комплекс из кургана у с. Елизаветовка, погребение с изваянием:
1 — вид с северо-востока; 2 — план; 3 — разрез

Не менее интересны каменные изображения хищников (львов?) из курганов «Рясні могили» у с. Балки Запорожской обл. Скульптуры хищных животных известны и в памятниках более ранних эпох в Армении и на Тамани. Изваяния львов, приведенные нами, имеют аналогии в раннесредневековых древностях Сибири. К изображениям этой эпохи необходимо отнести также изваяние лошади (пос. Железный) и льва (пос. Луганское). К памятникам этого типа можно отнести комплекс с изваянием и трупосожжением в кургане 8 у с. Большая Белозерка, исследованный В. В. Отрощенко в 1975 г. Одним из таких важных памятников можно считать уже упоминавшийся в литературе культовый комплекс в кургане 1 у с. Черноземное в Приазовье (Отрощенко 1987: 106; Ольховский 1993: 212–213; Швецов 2000: 39–40; 2005: 166), рассмотренный нами подробно (Швецов 2009: 130–139).

Одиночный курган (высота — 0,95 м, диаметр — 36 м), расположенный на водоразделе небольшого плато, в 1 км к востоку от с. Черноземное Запорожской обл., насыпан в эпоху бронзы (7 погребений срубной культуры) и использован в Средневековье (рис. 4, *1, 3*). Создание первичной насыпи, досыпки и сооружение прерывистого ровика связано с деятельностью носителей срубной культуры. В Средние века ровик был, вероятно, углублен и расширен. Он имел кольцеобразную в плане форму (внешний диаметр — 19,5 м, ширина в материке — 0,6 м) и усечено-коническую — в разрезе. Глубина ровика от погребенного чернозема составляет 0,9 м. Четыре перемычки различной ширины разделяли ровик на неравные отрезки. Две перемычки находились в северо-восточном секторе, третья — в юго-восточном и четвертая — в юго-западном. В заполнении северо-восточного и восточного отрезков ровика находились 9 каменных изваяний (рис. 4, *1, 2*). На дне ровика, в южном и северном отрезках, были найдены фрагменты средневековой амфоры, черепа и кости лошадей. Фрагмент срубной керамики обнаружен в северо-восточном отрезке ровика у перемычки (рис. 4, *1, б*). Так как поверженные изваяния покоились цепочкой в заполнении ровика, то можно предположить, что примерно в таком же порядке они были первоначально установлены у края ровика, образуя своеобразный алтарь (рис. 4, *2*). Расположение изваяний с севера на юг представляется нам следующим: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?),

всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, лошади которых стоят хвостом к хвосту, медведь, дикий кабан с полураскрытой пастью (рис. 4, *1, и*). Рядом с диким кабаном обнаружены две половинки нижней челюсти лошади. Предложенная реконструкция дает представление об исследованном комплексе (рис. 4, *4*).

В связи с вышеупомянутым святилищем приобретают особый интерес и другие случаи обнаружения изваяний животных в курганах. В 1975 г. Запорожской экспедицией В. В. Отрощенко обнаружено «кочевническое погребение в кургане 1 погребение 1, у села Михайловка, Запорожской области, впущенное в курган срубной культуры, к северо-западу от условного центра. На глубине 0,85 м, в черноземе насыпи, обнаружен разрушенный скелет коня (?). Ниже, на глубине 1,3 м выявлен заклад из необработанных плит известняка и ракушечника, среди которых выделялся обломок гранита. Заклад, имеющий размеры: 2,1 х 1,5 м и ориентированный по линии северо-запад — юго-восток, оказался нарушен грабителями. Упомянутые выше кости животного находились над юго-восточным краем заклада. Среди необработанных камней находились два изваяния. Фигура медведя в северной части заклада, скорее всего, зафиксирована на месте, так как хищник стоял на «ногах» и был обращен мордой к западу. Изваяние же барана, стоящего в юго-восточной части заклада, оказалось смещено. Здесь между камнями встречались человеческие кости. Захоронение человека находилось под закладом, на глубине 1,75 м. По сохранившимся на месте костям установлено, что умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука лежала вдоль тела, а левая слегка согнута в локте, кисть ее находилась у тазовых костей. Под скелетом человека зафиксированы поперечно лежащие деревянные плашки, шириной до 0,1 м. Вдоль левой руки прослежены остатки железного изделия на протяжении 0,55 м, вероятно, сабли (?). Отдельные фрагменты этого предмета найдены у стоп погребенного. У шейных позвонков обнаружены две бронзовые, полые внутри шаровидные подвески с петелькой (?) и с небольшим шипом и круглыми шишечками вокруг него» (Отрощенко и др. 1980).

Скульптура стоящего медведя вытесана из куска известняка, ноги фигуры сливаются с ее прямоугольным основанием. Туловище имеет овальную форму. Наиболее реалистично выполнена голова: полуокруглыми выступами переданы уши, выпуклыми — глаза, тщательно проработана открытая пасть с высунутым языком. Длина изваяния составляет 0,72 м, ширина в основании — 0,25 м, высота — 0,35 м.

Скульптура стоящего барана вытесана из куска известняка, «но основание фигуры более высокое, по сравнению с медведем. Вероятно, это изваяние было вкопано в грунт, а предыдущее просто поставлено на землю». Условно передано туловище и задняя часть животного, более тщательно — голова. Вновь подчеркнут открытый рот с вытянутым языком, выпуклостями переданы глаза. На затылке небольшое возвышение со следами изломов: возможно, основание рогов (?). Половина морды барана, вдоль переносицы, отбита. Высота изваяния составляет 0,6 см, длина — 0,7 см, ширина — 0,23 см (рис. 5, *3*).

Комплекс из кургана 1 у с. Елизаветовка Веселовского р-на Запорожской обл., в котором изваяние животного установлено в могилу у изголовья погребенного (рис. 5, *2*). В насыпь срубной культуры, в 9 м от условного центра, впущено погребение 2, которое авторы раскопок считают кочевническим. На глубине 1,55 м зафиксирован скелет женщины (?), уложенной в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Левая рука погребенной протянута вдоль туловища, а правая слегка согнута в локте. Кисть ее слегка перекрывала сочленение тазовых костей. В основании позвоночного столба обнаружен обломок железной пластины, возможно, наконечник стрелы. Изваяние барана было помещено в изголовье умершей, у левого виска. Фигура была установлена необычно, по вертикали, т. е. как бы была запрокинута вверх, обрубком хвоста и задней частью вниз (усажена на зад). Не исключено, что это положение изваяния вторично.

Фигура барана вытесана из известняка. Выступами намечены передняя и задняя пара ног, выделен хвост с обломанным кончиком. Как обычно, наиболее тщательно проработана узкая мор-

дочка, поврежденная при обнаружении скрепером. Длина изваяния от кончика носа до хвоста равняется 0,75 м.

Приведенные нами материалы дают представление о существовании в восточноевропейской степи культовых сооружений, относящихся к периоду раннего Средневековья. Композиционно и семантически некоторые сооружения воспроизводят, по-видимому, в миниатюре божественный пантеон тюркского населения степи раннего Средневековья, возможно, святилище посвящено богине Умай. Полной аналогии комплексу изваяний из кургана у с. Черноземное нам неизвестно. Но как видно из представленных материалов, есть и другие святилища и захоронения с двумя, тремя изваяниями, и границы их локализации были впервые очерчены В. С. Ольховским (1993: 210–222). Представленные нами материалы дают возможность отодвинуть эту границу к востоку по северному Приазовью к Подонью.

Г. А. Федоров-Давыдов, ссылаясь на исследования Ф. Страленберга, А. А. Формозова, М. П. Грязнова и С. В. Киселева, считает каменные изваяния животных характерными для искусства народов Сибири. Так, «в кыргызскую эпоху продолжали бытовать отдельные статуарные и реалистические изображения животных, столь характерные для звериного стиля таштыкской эпохи и видимо вообще обычные для восточного варианта степного искусства» (Федоров-Давыдов 1976: 79). В качестве примера он приводит изображения «в заупокойном храме Кюль-Тегина, два каменных барана, выполненных в довольно реалистичной манере» (Там же: 88), а в храме в честь Бильге-кагана «вместо баранов, охраняющих вход в святилище — были львы» (Там же: 80).

Каменные и деревянные изваяния животных и всадников хорошо известны также в памятниках тюркской эпохи Монголии, Центральной Азии, Южной Сибири (Могильников 1981: 29–43) и Тувы (Евтюхова 1952: 89, рис. 29). Распространение рассматриваемых памятников указывает на общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, сложившихся у тюркских племен Центральной Азии, Северного Кавказа и восточноевропейских степей, простирающихся до Дуная (Кляшторный, Савинов 1994: 88).

Необходимо отметить, что изображения животных, установленные в храмах и рядом с ними, явление распространенное не только в культах народов Сибири (Соколова 1972). Интересно в этом отношении использование языческих святилищ. Так, в 399 г. в христианском храме св. Аврелия находилось изображение с богиней, восседающей на льве (Вейс 1999: 533). Сохранилось предание о епископской кафедре, находившейся в базилике св. Иоанна в Латеранне, сооруженное (?) в 1177 г. из мрамора. На ведущих в базилику ступеньках были изваяния: медведя, василиска, змея, дракона (Там же).

Не решенным до конца остается вопрос о времени существования обычая установки или положения в святилищах изваяний животных. Существует ли связь рассмотренных нами изваяний животных с подобными (близкими стилистически) изваяниями более поздней, половецкой эпохи? (Швецов 1979: 205, рис. 3). Вариант ли это трансформации существующего на протяжении нескольких сотен лет мировоззренческого представления или заимствование из культурного багажа других народов?

Наиболее вероятным объяснением характера и природы восточных элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы является распространение государственной религии представителями тюркского рода Ашина — культа единого божества Тенгри-хана, существовавшего в Степи в более раннее время. Появление вышеупомянутых элементов в восточноевропейской степи, несомненно, связано с тюркским этносом и древностями тюрок.

Амброз 1981 — *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V — первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 10–23 (Археология СССР).

Амброз 1982 — *Амброз А. К.* О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–222.

Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952 (МИА. № 26).

Вейс 1999 — *Вейс Г.* История цивилизаций. М., 1999.

Взаимодействие… 1989 — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Гераськова 1980 — *Гераськова Л. С.* Находки древнетюркских «каменных баб» на Украине // АО 1979 года. 1980. С. 261.

Гераськова 1991 — *Гераськова Л. С.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ, 1991.

Гладких и др. 1975 — *Гладких М. И., Писларий И. А., Кротова А. А.,* Гераськова Л. С. Исследования на Луганщине // АО 1974 года. 1975. С. 266–268.

Грінченко 1950 — *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. 3. С. 37–63.

Гумилев 1967 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев 1993 — *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.

Евтюхова 1952 — *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. С. 72–121.

Кляшторный, Савинов 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2000.

Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.

Кызласов 1984 — *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Могильников 1981 — *Могильников В. А.* Сибирские древности VI–X вв. Тюрки //. Степи Еразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 29–43 (Археология СССР).

Ольховский 1993 — *Ольховский В. С.* Зооморфные изваяния из западного Крыма (о раннетюркских святилищах Причерноморья) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 210–222.

Отрощенко и др. 1980 — *Отрощенко В. В., Ковалев Н. В., Пустовалов С. Ж.* и др. Отчет Запорожской экспедиции за 1980 г. // НА ІА НАНУ. 1980/5.

Отрощенко 1987 — *Отрощенко В. В.* Охранные раскопки в бассейне р. Молочной (особенности топографии курганов) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: ТД областного научно-практического семинара. Донецк, 1987. С. 104–106.

Плетнева 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967 (МИА. № 142).

Плетнева 1981 — *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 62–75 (Археология СССР).

Плетнева 1999 — *Плетнева С. А.* Очерки Хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

Привалов, Привалова 1988 — *Привалов А. И., Привалова О. Я.* Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.

Привалова, Миненкова 1998 — *Привалова О. Я., Миненкова Н. Е.* О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юго-восточной Европы // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1998. № 8.

Пріцак 1971 — *Пріцак О. Й.* Походження Русі. Київ, 1971. Т. 1.

Приходнюк 2001 — *Приходнюк О. М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001.

Савинов 1984 — *Савинов Д. Г.* Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Соколова 1972 — *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972.

Федоров-Давыдов 1976 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой орды. М., 1976.

Федоров Я., Федоров Г. 1978 — *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

Хрисимов 2009 — *Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7.

Швецов 1979 — *Швецов М. Л.* Половецкие святилища // СА. 1979. № 2. С. 202–207.

Швецов 1992 — *Швецов М. Л.* Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: ТД междунар. конф. Донецк, 1992. С. 93–98.

Швецов 2000 — *Швецов М. Л.* Святилища степного населения восточноевропейских степей эпохи средневековья // Проблемы древней архитектуры. Донецк, 2000. С. 39–40.

Швецов 2005 — *Швецов М. Л.* Л. В. Бедин и исследование культовых сооружений восточных народов эпохи средневековья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Л. В. Бедіна. Луганськ, 2005. С. 161–168.

Швецов 2009 — *Швецов М. Л.* Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи восточноевропейских степей // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. № 1–2 (13–14). С. 130–139.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Гречишкина (Харьков, Украина)

Археологические исследования Алексея Ивановича Тереножкина в Киргизии и Казахстане (1929–1936 гг.)

Имя Алексея Ивановича Тереножкина широко известно в археологии. Главным образом, оно связано с изучением скифских древностей. Следует отметить, что свой научный путь как профессиональный археолог он начинал именно в Центральной Азии. Деятельность А. И. Тереножкина в этом регионе известна в основном по его работам в Хорезме, на памятниках Чача и, конечно, на Афрасиабе, в то время как исследования в Киргизии и Казахстане до сих пор малоизвестны.

Археология Центральной Азии заинтересовала ученого во время обучения в 1 Московском Государственном Университете (1928–1930 гг.). Алексей Иванович впервые попал в Киргизию в 1929 г., где он принимал участие в археологической экспедиции Московского антропологического института, которая работала в бассейне р. Чу. Выбор этого региона не был случайным — много времени в Киргизии работал В. В. Бартольд, работы которого повлияли на научные интересы молодого исследователя (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 16). Кроме того, с 1928 г. здесь начали проводить систематические исследования М. П. Грязнов и М. В. Воеводский, с которыми А. И. Тереножкин тесно общался в университете. По поручению Киргизского научно-исследовательского института последний единолично провел разведку по предгорьям Александрийского хребта. Свое экспедиционное снаряжение Алексей Иванович перевозил на осле, останавливаясь ночевать на открытом воздухе или в селениях. Как указывал в отчете ученый, из-за недостатка времени свой маршрут он проложил в широтном направлении, пересекая долины рек, что изменило соотношение категории открытых памятников (НА ІА НАНУ, ф. 27, № 1, л. 1). Главным результатом этой разведки стало нанесение на археологическую карту 655 археологических объектов (Тереножкин 1935). Следует отметить, что большое влияние на А. И. Тереножкина оказывали работы его учителя, В. А. Городцова, посвященные изучению бронзового века. Поэтому при исследованиях в Чуйской долине, ученый искал памятники бронзового века. В архиве института археологии НАНУ хранится неопубликованная рукопись, посвященная поселению этого периода близ г. Фрунзе (ныне г. Бишкек). Небольшое количество материалов не позволяло Алексею Ивановичу определить культурную принадлежность этого памятника. Поэтому М. В. Воеводский в 1930 г., по просьбе ученого, провел дополнительную шурфовку поселения. Полученные находки А. И. Тереножкин связал с андроновской культурой Казахстана и отметил, что если его предположения верны, то этот памятник является первым поселением эпохи бронзы, открытым в Киргизии (НА ІА НАНУ, ф. 27, № 4, л. 1, 2).

В ходе разведки большое внимание молодой исследователь уделял курганным группам усунського времени (курганы в «цепочках»), исследованием которых активно занимались М. П. Грязнов и М. В. Воеводский. А. И. Тереножкин на основании небольших раскопок, пришел к выводу о том, что делать однозначные выводы о социальном строе усуней, используя только материалы погребений, происходящих с одной территории, невозможно. К этой теме ученый вернулся в 1941 г., занимаясь уже средневековой архитектурой Чача. В своей критической статье он выступил против М. В. Воеводского и М. П. Грязнова (Воеводский, Грязнов 1938), которые разделили усунські курганы (исследования 1928 и 1929 гг.) на два типа: буранино-каракольские и чильпекские на основании топографических признаков, размеров насыпей, наличия ценного инвентаря и вооружения в погребениях буранино-каракольского типа. А. И. Тереножкин отмечал, что эти курганы не могут принадлежать одному народу, указав, что усуни являлись полиэтничным объединением, поэтому выделенные погребения необходимо рассматривать как памятники двух

разных культур, а не как свидетельство существования социальной дифференциации и рабства в усунском обществе. Следует отметить важное замечание ученого по поводу исторических интерпретаций. А. И. Тереножкин указал, что вышеупомянутые авторы приняли культурно-этнографические признаки за социально-экономические отличия, а также допустили некоторую модернизацию общественного строя усунського общества (Тереножкин 1941).

Возвращаясь к исследованиям 1929 г., можно отметить, что важным итогом разведки стало также открытие поселения Аламедин, которое датировано усунским временем. Ценность этого поселения заключалась в том, что китайские источники не упоминали об оседлом образе жизни усуней и о наличии у них земледелия. Поэтому в исторической традиции сложилось мнение об усунях как исключительно кочевом народе (Тереножкин 1935).

Вопрос о времени появления в Семиречье городов, возникновение которых В. В. Бартольд не единожды связывал в своих работах с согдийской колонизацией, из-за небольшого количества материала остался для А. И. Тереножкина нерешенным.

Главным результатом экспедиции 1929 г. стало введение в научный оборот новых материалов и составление археологической карты бассейна р. Чу. Кроме того, на основании публикации ученого можно определить темы, которые были актуальными для того времени — поиск памятников домусульманского времени, социальный строй древнего населения. Однако плохая изученность некоторых регионов не давала возможности создать целостную картину исторических событий.

В 1930 г. А. И. Тереножкин провел в Киргизии еще одну разведку по р. Талас. Фактический материал и результаты этой разведки были неопубликованы, есть только небольшая запись в личном дневнике, что он не смог справиться с картографированием больших городищ (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 98).

Плодотворные исследования ученого в Киргизии были прерваны в 1930 г. из-за доноса соседа по общежитию, что повлекло за собой отчисление из университета и увольнение из Московского исторического музея (Там же: 12). 1931–1933 гг. мало известны в научной биографии А. И. Тереножкина. Он отошел от занятий археологией Средней Азии, проводя разведки совместно с Б. Н. Граковом в районе г. Магнитогорска, но уже в 1934 г. вместе с М. В. Воеводским провел разведку в левобережье р. Амударьи на землях Древнего Хорезма (Там же: 98, 99). К археологии Киргизии ученый возвращается в середине 1930-х гг. Известна рукопись исследователя, которую можно датировать 1934–1935 гг. В ней указано, что на 1935 г. запланирована комплексная экспедиция под руководством В. А. Городцова в район среднего течения р. Чу. За поставленными целями исследования уже четко прослеживаются научные интересы ученого — архитектура, строительные материалы, обработка металла, приемы обработки земли. В это время на территории Киргизии и Казахстана уже начала свои работы Семиреченская экспедиция во главе с А. Н. Бернштамом. Она качественно отличалась от предыдущих, так как проводила широкие разведки и планомерные раскопки памятников. Причины, по которым А. И. Тереножкин не был в ее составе, нам не известны. Единственная экспедиция под руководством А. Н. Бернштама, в которой ученый принимал участие, была Казахстанская экспедиция 1936 г. Известно, что А. И. Тереножкин работал на развалинах Тараза, на месте современного г. Джамбула (Тереножкин 1939: 190). Материалы этой экспедиции вошли в его работу «К историко-археологическому изучению Киргизии и Казахстана» (Тереножкин 1938). Она стала первой в историографии обобщающей работой по истории двух стран. Все известные на то время культуры этого региона он разместил в хронологическом порядке, кроме того, наметил основные этапы развития древнего населения на этих территориях.

В 1936 г. была создана Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова, членом которой стал А. И. Тереножкин. Научные интересы ученого сместились в область изучения древностей Узбекистана. К археологии Киргизии и Казахстана он больше не возвращался.

Период работ в Киргизии и Казахстане был временем становления ученого в археологии Центральной Азии. Характерным для него является поиск приоритетных тем исследований.

Именно поэтому А. И. Тереножкин проводил широкие разведки. Кроме того, на этом начальном этапе он не брался за разработку тем, не освещенных в научной литературе того времени. Следует также отметить, что период его исследований в Киргизии являлось переломным в развитии археологической науки в Советском Союзе. Шел отход от направлений, которые заложили предшественники — культурно-исторические исследования постепенно сменялись социально-экономическими. Кроме того, начало 1930-х гг. ознаменовалось господством яфетической теории, поэтому ученый обходил молчанием вопросы автохтонности и миграции в своих работах, сосредоточив основное внимание на полевых исследованиях и описании найденных артефактов. Хотя работы А. И. Тереножкина в Киргизии и, особенно, в Казахстане были скромными по сравнению с последующими в Узбекистане, необходимо отметить его вклад в развитие научного знания об этом регионе. Он был одним из первых археологов, которые начали систематично изучать древности этих стран. Составленная им карта памятников Чуйской долины в дальнейшем использовалась в работах Семиреченской экспедиции, а вопросы социального строя и этнического состава усуней надолго вошли в разряд дискуссионных в научной литературе.

Воеводский, Грязнов 1938 — *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* У-сунські могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3. С. 162–179.

Из жизни Алексея Тереножкина 2006 — Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном. Киев, 2006.

Тереножкин 1935 — *Тереножкин А. И.* Разведки в Чуйской долине // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 138–150.

Тереножкин 1938 — *Тереножкин А. И.* К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. 1938. № 1. С. 204–216.

Тереножкин 1939 — *Тереножкин А. И.* Литература по археологии в Узбекистане // ВДИ. 1939. № 1. С. 187–191.

Тереножкин 1941 — *Тереножкин А. И.* Рец. на: М. В. Воеводский и М. П. Грязнов «У-сунські могильники на территории Киргизской ССР» // Известия Узбекского филиала АН СССР. 1941. № 2. С. 73–75.

НА ІА НАНУ. Ф. 27 (фонд Тереножкіна О. І. — Ільїнської В. А. Матеріали Середньої Азії). № 1, 4.

Список сокращений

АВ	—	Археологические вести. СПб.; М.
АН	—	Академия наук.
АО	—	Археологические открытия. М.
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АС	—	Археологический съезд.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
бм	—	балтийский метр.
БМАК	—	Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
БРЭ	—	Большая Российская энциклопедия. М.
БЧК	—	Большой Чуйский канал.
ВГПУ	—	Волгоградский государственный педагогический университет.
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВИ	—	Вопросы истории. М.
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГБАО	—	Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан.
ГИМ	—	Государственный исторический музей. М.
ГИН	—	Геологический институт. М.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Русского (Российского) археологического общества. СПб.
ЗИИМК	—	Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА	—	Институт археологии. М.
ІА	—	Інститут археології НАНУ. Київ.
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИБ МАИКЦА	—	Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
ИГАИМК	—	Известия ГАИМК. Л.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
ИМКУз.	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет.
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИВАН	—	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
ЛОИИМК	—	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь.
МАР	—	Материалы по археологии России. Пг.
МГУ	—	Московский государственный университет.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИТТ	—	Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л..
МОН	—	Министерство науки и образования.
МЭ	—	Материалы по этнографии. Л.
НА	—	Научный архив.
НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
НАН	—	Национальная Академия наук.
НАНУ	—	Национальная Академия наук Украины.
ОАВЕиС	—	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ГЭ
ОАК	—	Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОИПК	—	Отдел истории первобытной культуры, ГЭ.
ОНУз	—	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ПИМК	—	Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПНН	—	Предмет неизвестного назначения
РА	—	Рукописный архив (отдел).

РАИМК	—	Российская Академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	—	Российская Академия наук.
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.; Л.
СГЭ	—	Сообщения государственного Эрмитажа. Л.
СНК	—	Совет Народных Комиссаров.
СОН	—	Серия общественных наук.
СРДС	—	Селькупско-русский диалектный словарь.
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТД	—	Тезисы докладов.
ТМАЭ	—	Труды Маргианской археологической экспедиции. М.
ТОВЭ	—	Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л.
ТХАЭЭ	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
УЗ ТНИИЯЛИ	—	Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
ФА	—	Фотоархив (отдел).
AMI	—	Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
AMIT	—	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
APAW	—	Abhandlungen der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BAR	—	British Archaeological Reports. Oxford.
BGA	—	Bibliotheca geographorum arabicorum.
DHA	—	Dialogues d’Histoire Ancienne.
JAS	—	Journal of Archaeological Science.
FICEA	—	First International Congress of Eurasian Archaeology.
MMAFAC	—	Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris.